http://rcin.org.pl

http://rcin.org.pl

http://rcin.org.pl

Г. О. Булашевъ.

Дорогому Васъ Мавриніевичу Булашеву

Украинскій народъ въ своихъ легендахъ и религіозныхъ воззрѣніяхъ и вѣрованіяхъ.

ВЫПУСКЪ ПЕРВЫЙ.

отъ любящаго брата-автора

Космогоническія украинскія народныя воззрѣнія и вѣрованія.

Kiev. 19/II/2009

INSTYTUT
BADAŃ LITERACKICH PAN
BIBLIOTEKA
00-330 Warszawa, ul. Nowy Świat 72
Tel. 26-68-63

КІЕВЪ.
Типографія Императорскаго Университета св. Владиміра, Акц. Об-ва
Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская 6.
1909.

http://rcin.org.pl

Biblioteka Ks. I. I. Michalskich
Ze zbiorów

19.158

http://rcin.org.pl

Оглавленіе перваго выпуска.

стр.

Вмѣсто предисловія . . . . . 3—12.

Вступленіе.

Общій очеркъ развитія безыскусственной русской и въ частности украинской литературы . 15—23.

Пріиятіе Русью христіанства и краткій очеркъ возникновенія и развитія апокрифической литературы . . . . . 24—32.

Вліяніе христіанства и апокрифическихъ сочиненій на народное міровоззрѣніе и украинскую народную словесность . . . . . 33—60.

„Странствующія“ повѣсти въ украинской легендарной литературѣ . . . . . 61—66.

Космогоническія украинскія народныя воззрѣнія и вѣрованія.

Украинскія легенды о сотвореніи міра . . 67—91.

Украинскія легенды о сотвореніи Адама и Евы . 92—100.

Украинскія легенды о грѣхопаденіи первыхъ людей и изгнаніи ихъ изъ рая . . . . 101—116.

Украинскія легенды о жизни первыхъ людей послѣ изгнанія ихъ изъ рая и о „рукописаніи“ Адамовомъ . . . . . 117—126.

http://rcin.org.pl

стр.

Украинскія легенды о „треблаженномъ древѣ“, смерти Адама и главѣ его . . . . 127—142.

Дополнительныя космогоническія украинскія легендарныя сказанія и преданія о человѣкѣ . 143—161.

Украинскія легенды о происхожденіи и характеристическихъ особенностяхъ нѣкоторыхъ народностей . . . . . 162—184.

Украинскія легендарныя сказанія и преданія о жилищѣ, хозяйственныхъ постройкахъ, орудіяхъ и нѣкоторыхъ изобрѣтеніяхъ . . . 185—195.

Украинскія народныя сказанія и преданія о легендарныхъ людяхъ и народахъ . . . 196—220.

Украинскія легендарныя сказанія о сверхъестественныхъ существахъ:

I. *Доля* . . . . 221—240.
II. *„Злидні“* . . . 241—251.
III. *Олицетворенія болѣзней* . 252—262.
VI. *Олицетворенія дней недѣли*:
1. „Св. Понедѣлокъ“ . 262—268.
2. „Св. Неділя“ . . 268—274.
3. Св. Пятница . . 274—287.

Украинскія легендарныя сказанія и преданія о небѣ и свѣтилахъ небесныхъ . . . . 288—308.

Украинскія легендарныя сказанія и преданія о различныхъ атмосферныхъ явленіяхъ . . 309—328.

Украинскія легендарныя сказанія и преданія о землѣ . . . . . 329—337.

Украинскія легендарныя сказанія и преданія о водѣ и огнѣ и о началѣ винокуренія . . . 338—348.

Украинскія космогоническія сказанія и преданія о различныхъ травахъ, цвѣтахъ, хлѣбныхъ злакахъ и огородныхъ растеніяхъ . . . 349—392.

Украинскія легендарныя сказанія и преданія о деревьяхъ и кустарникахъ . . . . 393—400.

http://rcin.org.pl

стр.

Украинскія легендарныя сказанія и преданія о домашнихъ животныхъ . . . . . 401—415.

Украинскія легендарныя сказанія и преданія о дикихъ животныхъ . . . . . 416—437.

Украинскія легендарныя сказанія и преданія о домашнихъ птицахъ . . . . . 438—445.

Украинскія легендарныя сказанія и преданія о дикихъ птицахъ . . . . . 446—475.

Украинскія легендарныя сказанія и преданія о рыбахъ и ракахъ . . . . . 476—478.

Украинскія легендарныя сказанія и преданія о гадахъ 479—501.

Украинскія лендарныя сказанія и преданія о насѣкомыхъ . . . . . 502—515.

http://rcin.org.pl

http://rcin.org.pl

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

Давно и, можно сказать, безвозвратно прошли уже тѣ времена, когда произведенія *народной* словесности считались низкими и недостойными вкуса образованныхъ людей, „подлыми“, какъ называлъ Третьяковскій народныя пѣсни. Еще въ царствованіе имп. Екатерины II начали у насъ *знакомиться* съ народной словесностью, при чемъ сама императрица сдѣлала даже небольшой сборникъ пословицъ, подъ заглавіемъ: „Выборныя россійскія пословицы“. Съ конца XVIII в. начинаютъ также появляться сборники народныхъ пѣсенъ, хотя собиратели, какъ, напр., Чулковъ, находятъ нужнымъ, приспособляясь къ вкусамъ и языку современнаго образованнаго общества, *передѣлывать* ихъ и *исправлять* въ нихъ „не только разногласіе и мѣру въ стихахъ, но и переставлять оные съ одного мѣста на другое, дабы связь ихъ теченія и смысла сдѣлать чрезъ то плавнѣйшею и естественнѣйшею, чего въ нѣкоторыхъ изъ нихъ не доставало“ [1]). Особенно усилилось стремленіе къ изученію народныхъ произведеній

---

[1])Сахаровъ, „Сказанія русскаго народа“. т. I, кн. 1, стр. 28.—Богдановичъ, издавшій въ 1785 г., по желанію имп. Екатерины II, „Русскія пословицы“ (въ *трехъ* частяхъ), счелъ нужнымъ „переложить“ въ *свои стихи* даже эти совершеннѣйшіе образцы богатства, силы и красоты народнаго чистаго языка, эти „перлы мысли въ драгоцѣнной оправѣ прекраснаго слова“.

http://rcin.org.pl

въ началѣ XIX вѣка, послѣ выхода въ свѣтъ „Исторіи Государства Россійскаго“ Карамзина и побѣдоносно закончившейся для насъ трудной и тяжелой Отечественной войны, въ большой мѣрѣ способствовавшихъ пробужденію въ русскомъ обществѣ чувства народности. Имена Калайдовича, Сахарова, П. Кирѣевскаго, Снегирева останутся незабвенными для всякаго русскаго образованнаго человѣка.

Серьезное отношеніе къ народнымъ произведеніямъ нѣсколько ослаблено было на короткое время появившеюся въ 30-хъ годахъ прошлаго столѣтія въ нашей литературѣ теоріей такъ называемой „художественной эстетической критики“ признававшей значеніе только за тѣми произведеніями словесности, которыя, выражая общечеловѣческія идеи, заключаютъ въ себѣ общечеловѣческій интересъ. Буслаевъ, которому русская литература наиболѣе обязана распространеніемъ здравыхъ научныхъ воззрѣній на значеніе и методъ разработки народной словесности, такъ характеризуетъ отношеніе къ этой послѣдней художественной эстетической критики: „Самое вредное въ этихъ эстетическихъ руководствахъ было, такъ сказать, *аристократическое* ихъ направленіе. Не только съ точки зрѣнія эстетической, но и *исторической*, изслѣдователь обращался только къ свѣтиламъ литературы и искусства, и именно къ свѣтиламъ первой величины: выставлялъ великія достоинства Данта и Шекспира, Ломоносова или Державина, и, съ высоты своего эстетическаго трибунала,—вооруженный мнимо-безпристрастною квитикою,—величаво раздавалъ мелкія награды прочимъ писателямъ, которыхъ удостоивалъ своей эстетической оцѣнки. Что за дѣло было такому выспрениему критику до нашихъ народныхъ пѣсенъ, оскорблявшихъ его утонченный вкусъ, воспитанный въ аристократической обстановкѣ такъ называемыхъ озбразцовыхъ академическихъ произведеній? Что за дѣло было ему до нашихъ старинныхъ сборниковъ XV, XVI или XVII вв., наполненныхъ поученіями и повѣствованіями на ломаномъ болгаро-русскомъ и польско-русскомъ языкѣ, наполненныхъ

http://rcin.org.pl

сочиненіями, которыя, можетъ быть, вполнѣ удовлетворяли нашихъ грубыхъ предковъ, но къ которымъ нельзя было приложить формулы объ отношеніи художественной идеи къ формѣ, опредѣляемомъ законами его эстетики?—И такіе теоретики-критики не только не хотѣли знать нашей письменной старины и народности, но и на самомъ дѣлѣ не знали ни той, ни другой, и, своими выспренними взглядами становясь будто бы выше нашей старины и народности, только возбуждали къ той и другой презрѣніе, приведшее къ вредному предразсудку, довольно распространенному еще и теперь, будто можно составить себѣ вѣрное понятіе объ исторіи русской литературы на изученіи позднѣйшихъ писателей, начиная отъ Кантемира или Ломоносова, безъ основательнаго знанія нашей древней литературы и безъ живѣйшаго сочувствія къ народной словесности“ [1]). Главный представитель художественной эстетической критики В. Г. Бѣлинскій даже прямо заявлялъ, что „*одно* небольшое стихотвореніе истиннаго художника-поэта неизмѣримо выше *всѣхъ* произведеній народной поэзіи, вмѣстѣ взятыхъ“ [2]).

Господство теоріи художественной эстетической критики было недолговѣчнымъ въ нашей литературѣ. Изъ художниковъ *художникъ-поэтъ* А. С. Пушкинъ еще нѣсколькими годами раньше несправедливо-презрительнаго отзыва о народныхъ произведеніяхъ нашего знаменитаго критика писалъ брату (въ концѣ октября мѣсяца 1824 г.) въ письмѣ изъ с. Михайловскаго: „Знаешь ли мои занятія? до обѣда пишу записки, обѣдаю поздно; послѣ обѣда ѣзжу верхомъ, вечеромъ слушаю сказки—и вознаграждаю тѣмъ недостатки проклятаго своего воспитанія. Что за прелесть эти сказки! каждая есть поэма!“ И въ литературѣ и въ наукѣ нашей, начиная съ 60-хъ годовъ XIX столѣтія, возникло и быстро

[1]) „Историческіе очерки русской народной словесности и искусства“, т. I, стр. 402.

[2]) Собраніе сочиненій, т. V, стр. 32—33.

http://rcin.org.pl

начало крѣпнуть національно-историческое направленіе. Народныя поэтическія произведенія признаны были весьма важными памятниками прошлой народной жизни; ихъ усиленно стали собирать и издавать *въ подлинномъ видѣ*, со словъ народа, и подвергать серьезному изслѣдованію. Къ прежнимъ сборникамъ прибавился длинный рядъ новыхъ—Аѳанасьева, Якушкина, П. В. Кирѣевскаго, П. Н. Рыбникова, Варенцова, В. И. Даля, П. Безсонова, Е. В. Барсова, Л. Н. Майкова, проф. Гильфердинга и мн. др. Появился рядъ капитальныхъ изслѣдованій объ этихъ произведеніяхъ—Аѳанасьева, Буслаева, Пынина, Тихонравова, проф. Ор. Миллера и мн. др. При этомъ первоначально изслѣдователи, увлекшись *лингвистической теоріей миѳологіи*, а затѣмъ *теоріей миѳологіи природы*, чуть не въ каждомъ народномъ произведеніи старались найти и указать если не полный какой-нибудь древній миѳъ, то, по крайней мѣрѣ, хотя обломокъ его.

Въ послѣднюю четверть XIX столѣтія возникла новая историко-литературная школа, основанная на сравнительномъ изученіи народности и подкрѣпленная надежнымъ руководствомъ сравнительной грамматики и сравнительной миѳологіи индо-европейскихъ народовъ. Она пришла къ убѣжденію, что „всѣ существенныя основы языка, быта семейнаго и племенного, миѳологическихъ и поэтическихъ преданій составляютъ нераздѣльную собственность всей группы народовъ индо-европейскихъ, или арійскихъ, и именно *въ ту отдаленную эпоху*, живая память о которой сохранилась до нашихъ временъ въ древнѣйшихъ гимнахъ и обрядахъ священныхъ книгъ древне-индійскаго племени, извѣстныхъ подъ именемъ *Вѣдъ*“ [1]). Эта отдаленная эпоха, когда слагались отдѣльныя народности, выдѣлявшіяся изъ общей арійской,—эпоха, скрывавшая въ себѣ истинныя основы дальнѣйшаго литературнаго развитія народа, получила въ глазахъ изслѣ-

[1]) Ѳ. И. Буслаевъ, „Сравнительное изученіе народнаго быта и поэзіи“.—„Русскій Вѣстникъ“, т. CI, стр. 653–654.

http://rcin.org.pl

дователей народности высокое значеніе, и ея характеристика сдѣлалась существенною частію, необходимымъ введеніемъ въ исторію языка и литературы народа. Основанная на данныхъ сравнительнаго языковѣдѣнія, сравнительной миѳологіи и быта арійской семьи, такая характеристика разъясняетъ древнѣйшія судьбы извѣстной народности, ея первобытную культуру, тѣ основы народности, изъ которыхъ развивалась и которыми опредѣлялась послѣдующая историческая жизнь народа. Исторія народной словесности въ настоящее время немыслима внѣ этой связи съ отдаленной національной стариной, внѣ ея связи съ исторіею языка съ одной стороны, съ миѳологіею—съ другой. По мнѣнію Макса Мюллера, „въ первобытную эпоху между народами и религіями существуетъ такая же тѣсная связь, какая существуетъ между народами и языками: языкъ и религія составляютъ для него истинные элементы, необходимые для образованія народности“ [1]). Начало и характеръ народной словесности опредѣляются этими главными факторами народности. И вотъ появился въ послѣднее время цѣлый рядъ—иногда довольно большихъ—ученыхъ сравнительно-этнографическихъ работъ, во главѣ которыхъ по всей справедливости должны быть поставлены весьма капитальныя изслѣдованія академика проф. Веселовскаго, являющіяся богатымъ вкладомъ въ изученіе фольклора.

Вполнѣ естественно при этомъ, что главное вниманіе собирателей народныхъ произведеній и ученыхъ изслѣдователей было обращено на литературу, болѣе имъ близкую, именно—московскую, такъ называемую великорусскую. Правда, и сборники украинскихъ народныхъ произведеній, не только ни въ чемъ не уступающихъ произведеніямъ великорусскимъ, но, по своему историческому и художественному значенію, несомнѣнно превосходящихъ ихъ, начали появляться почти одновременно съ сборниками народныхъ произведеній

[1]) „Einleitung in die vergleichende Religionswissenschaft“, I Hälfte, S. 130—131.

http://rcin.org.pl

великорусскихъ. Первымъ изъ нихъ былъ сборникъ кн. Н. А. Цертелева, вышедшій въ свѣтъ въ 1819 г., подъ заглавіемъ: „Опытъ собранія малороссійскихъ пѣсней". Затѣмъ слѣдовали сборники: М. Максимовича, П. А. Лукашевича, И. Срезневскаго, П. Кулиша, А. Метлинскаго, П. Чубинскаго, Н. Маркевича, Д. Мордовцева, М. Драгоманова, Номиса (М. Симонова), Я. Головацкаго, П. Иванова, В. Иванова, Б. Гринченко и в. мн. др. Такимъ образомъ, *сырого* этнографическаго матеріала собрано уже весьма значительное количество томовъ, часто, притомъ, довольно увѣсистыхъ [1]); не мало предвидится ихъ и впереди, такъ какъ сокровищница украинской народной поэзіи является едва ли не одною изъ самыхъ богатыхъ, да къ тому же, какъ показали наблюденія послѣдняго времени, украинское народное творчество не только не изсякаетъ, а еще даже пытается пробиваться на новые пути.

Къ сожалѣнію, за собирателями не шли объ руку изслѣдователи съ своими сравнительно-этнографическими работами, и украинская народная литература слишкомъ мало привнесла еще отъ себя въ богатую сокровищницу научной разработки фольклора, который съ конца прошлаго столѣтія, по красивому образному выраженію проф. Н. Сумцова, „струится въ видѣ множества живыхъ ручейковъ по главнымъ національнымъ и научнымъ теченіямъ,—ручейковъ, далеко еще не слившихся въ спокойныя и величавыя рѣки широкаго сравнительно-этнографическаго изученія жизни народовъ" [2]). Это объясняется, съ одной стороны, тѣмъ, что этнографическая наука вообще сравнительно пока еще очень молода, хотя въ послѣднія два 10-лѣтія она растетъ въ высшей степени быстро, при поддержкѣ антропологіи, археологіи и филологіи. Съ другой стороны, украинская литера-

[1]) Указатель „Литературы украинскаго фольклора", составленный Б. Гринченко, занимаетъ 296 стран. и заключаетъ въ себѣ 1763 №№; между тѣмъ, составитель указателя далекъ отъ мысли о полнотѣ его.

[2]) „Кіевская Старина", 1890 г., Октябрь, стр. 67—68.

http://rcin.org.pl

тура все время находилась у насъ, вслѣдствіе чисто политическихъ соображеній правящей администраціи, подъ сильнымъ гнетомъ различныхъ цензурныхъ и другихъ стѣсненій, равно какъ отчасти и все, что касалось раскрытія тѣхъ или другихъ сторонъ жизни украинскаго народа. Вотъ почему украинскіе ученые наши предпочитали спеціализоваться въ области *собственно-русской* литературы, и дѣло дошло до того, что когда Академія Наукъ предприняла составленіе научныхъ программъ по различнымъ нарѣчіямъ русскаго языка и говорамъ языка великорусскаго, то для составленія программы по украинскому языку не нашли ни въ одномъ изъ университетовъ, стоящихъ на украинской территоріи, ученаго „официальнаго“ спеціалиста и обратились... къ бухгалтеру пивоваренаго завода—большому, впрочемъ, знатоку украинскаго языка [1]).

Въ настоящее время обстоятельства совершенно измѣнились. Мы стоимъ на знаменательномъ рубежѣ скораго и быстраго расцвѣта всѣхъ сторонъ жизни 30-ти-милліоннаго украинскаго населенія обширной Россійской Имперіи, которое вотъ-вотъ, какъ говорится, не сегодня-завтра, вполнѣ уравнено будетъ *во всѣхъ отношеніяхъ* съ населеніемъ великорусскимъ. Какимъ сильнымъ ключемъ забьетъ тогда въ немъ жизнь, съ какимъ напряженіемъ заработаетъ научная мысль въ родномъ направленіи, какъ оживится украинскій поэтическій геній,—объ этомъ говорить не приходится, такъ какъ Украина дала Россіи за время совмѣстнаго политическаго существованія не мало выдающихся дѣятелей на всѣхъ поприщахъ.

Но подготовлено ли *русское* общество къ возрожденію отчасти все же сиднемъ-сидѣвшаго украинскаго богатыря? не является ли безспорно даровитый украинскій народъ для него только лишь веселымъ разсказчикомъ смѣхотворныхъ

[1]) Проф. В. Перетцъ, „Къ вопросу объ учрежденіи украинскихъ каѳедръ въ университетѣ“.—„Отголоски жизни“, 1906 г., № 122.

http://rcin.org.pl

сценъ изъ малороссійскаго быта, одѣтымъ въ вышитую „сорочку“ съ длинной яркой „стежкой“, въ широкія шаровары, заткнутыя въ голенища, да въ высокую баранковую шапку? знаетъ ли оно его помимо театральныхъ подмостковъ въ жанровыхъ пьесахъ изъ того же малороссійскаго быта, такъ какъ нѣсколько *сочиненныя* „идейныя“ пьесы послѣдняго времени не дошли еще до большихъ городовъ Великороссіи?.. Боимся, что на поставленные вопросы придется дать отрицательные отвѣты.

Да и самимъ украинцамъ нужно твердо помнить, что всякое поступательное движеніе народа по пути прогресса не только обусловливается, но и всецѣло основывается на его жизни предшествующей; а потому, необходимо, такъ сказать, предварительно „самоопредѣлиться“, выяснить себѣ настоящее status quo, прежде чѣмъ устремляться *безъ оглядки* впередъ, что уже и успѣло довольно рѣзко выразиться въ нѣкоторыхъ крайнихъ заявленіяхъ и дѣйствіяхъ партіи украинофиловъ. Украинская интеллигенція совершенно почти оторвалась отъ своего народа, при чемъ многіе даже *обрусили* самыя свои фамиліи, оканчивавшіяся на *о*, прибавленіемъ, какъ замѣтилъ еще Гоголь,-„слога *въ*“. Б. Д. Гринченко, въ „Предисловіи“ къ III-му тому изданныхъ имъ весьма цѣнныхъ „Этнографическихъ матеріаловъ“, заключающему въ себѣ 1704 пѣсни и 233 варіанта къ нѣкоторымъ изъ нихъ, совершенно справедливо говоритъ: „Собранныя здѣсь, онѣ (пѣсни) являются вызовомъ къ намъ, людямъ, живущимъ интеллектуальной жизнью по преимуществу,—вызовомъ на помощь народу въ дѣлѣ его умственнаго развитія, въ дѣлѣ его духовнаго творчества, которому (?) мы такъ много обязаны. Если среди всего этого матеріала мы здѣсь или тамъ замѣчаемъ тлетворное вліяніе, ложное направленіе, то къ кому же мы должны предъявить по этому поводу претензіи, какъ не къ намъ самимъ прежде всего? Что мы сдѣлали для того, чтобы сохранить въ народной средѣ лучшіе образцы народнаго творчества? Чѣмъ мы помогли народу въ исканіи

http://rcin.org.pl

имъ новыхъ путей въ этой сферѣ? Какія мѣры принимали съ цѣлью устранить уклоненіе отъ истинной дороги? Какой новый матеріалъ внесли въ сознаніе народа для расширенія его кругозора, для могучаго возбужденія работы народной мысли и чувства,—возбужденія, обусловливающаго развитіе оригинальнаго и яркаго творчества? Мы, правда, накопили большіе запасы фольклорнаго матеріала, мы роемся въ этихъ запасахъ, выхватываемъ изъ нихъ ничтожныя крохи—для того, чтобы полюбоваться ихъ художественностью, или чтобы пристегнуть ихъ къ той или иной гипотезѣ о происхожденіи того или иного сюжета,—этого требуетъ наука, и когда-то мы пожнемъ плоды этихъ кропотливыхъ изслѣдованій,—но массѣ-то, которая дала намъ всѣ эти запасы, что̀ сй отъ этого? Бросаетъ ли это въ ея сознаніе какой-либо свѣтлый лучъ? Подвигаетъ ли это ее на созданіе новыхъ твореній, лишенныхъ (чуждыхъ?) уже мистически-суевѣрной основы первобытной мысли и являющихся прогрессивными по содержанію и прекрасными по формѣ?—Этотъ рядъ вопросовъ, отвѣты на которые такъ очевидно-отрицательны, мучительно встаетъ въ сознаніи всякаго, стремящагося дать себѣ отчетъ въ дѣлѣ изученія народной жизни".

Не считаться съ господствующимъ въ народѣ міровоззрѣніемъ, съ установившимся укладомъ жизни и съ ея прямыми и естественными запросами ни въ какомъ случаѣ нельзя. А такъ какъ міровоззрѣніе народа и устои жизни его складываются и твердо покоятся на его религіозныхъ воззрѣніяхъ и вѣрованіяхъ, то мы и рѣшились предложить на страницахъ настоящей книги рядъ очерковъ по этому предмету, которые читателямъ-украинцамъ, надѣемся, хотя нѣсколько помогутъ оріентироваться въ сложномъ дѣлѣ изученія души народной, а читателей-неукраинцевъ ближе познакомятъ съ кровнымъ по духу братомъ, бывшимъ до сихъ поръ для нихъ „таинственнымъ незнакомцемъ". Пускаться въ сравнительныя учено-литературныя изслѣдованія, въ виду указанной прямой цѣли очерковъ, не будемъ. Сказанія украин-

http://rcin.org.pl

скія будемъ приводить, для удобства читателей, въ переводѣ на русскій языкъ. Пользоваться мы будемъ главнымъ образомъ этнографическими матеріалами, собранными Кулишомъ, Драгомановымъ, Чубинскимъ, П. Ивановымъ, В. Ивановымъ и Д. Гринченко. Нѣкоторые изъ этихъ сборниковъ, совсѣмъ не имѣвшихъ и въ свое время доступа въ широкую публику, теперь представляютъ большую библіографическую рѣдкость, и намъ стоило многихъ хлопотъ и труда разыскать ихъ. Мѣстами будемъ приводить особенно любопытные варіанты и новыя данныя изъ „Кіевской Старины“, „Этнографическаго Обозрѣнія“ и нѣкоторыхъ другихъ періодическихъ изданій. Всюду будемъ имѣть въ виду только украинцевъ, входящихъ въ составъ нашего отечества, такъ что совершенно не коснемся богатѣйшихъ *галицко-русскихъ* этнографическихъ матеріаловъ, издаваемыхъ „Науковымъ товариствомъ імени Шевченка“ въ Львовѣ (вышло уже 12 томовъ).

http://rcin.org.pl

Вступленіе.

http://rcin.org.pl

http://rcin.org.pl

Общій очеркъ развитія безыскусственной русской и въ частности украинской литературы [1].

Малороссы, или южноруссы, или *украинцы*,—на какомъ названіи *особенно* настаиваетъ въ настоящее время партія „украинофиловъ“,—представляютъ собою одну изъ *трехъ* русскихъ народностей, которая по численности своей въ 4 раза превышаетъ бѣлоруссовъ, но въ $2^1/_3$ раза уступаетъ великоруссамъ [2]. Первые вѣка государственной жизни успѣли прочно, органически связать названныя *три* народности въ одно

[1] Источниками для вступительныхъ очерковъ служили статьи и изслѣдованія: проф. *Д. Н. Анучина* („Энциклопедическій Словарь“, изд. проф. Брокгауза и Ефрона), д-ра *І. Франко* (гамъ же и „Памятки украінско-русскої мови і літератури“), проф. *Ѳ. Буслаева* („Историческіе очерки русской народной словесности и искусства“, тт. I и II; „Мои досуги“, ч. 1 и 2, „Народная поэзія“), академика *А. Н. Пыпина* („Исторія русской литературы“, т. I; „Обзоръ исторіи славянскихъ литературъ“), академика *А. И. Веселовскаго* („Южно-русскія былины“; „Разысканія въ области духовнаго стиха“; „Сказанія о Соломонѣ и Китоврасѣ... Изъ исторіи литературнаго общенія Востока и запада“), проф. *Н. С. Тихонравова* („Сочиненія“, т I), проф. *И. Я. Порфирьева* („Апокрифическія сказанія о ветхозавѣтныхъ лицахъ и событіяхъ“), проф. *Н. Сумцова* („Очерки исторіи южнор. апокриф. сказаній и пѣсенъ“), проф. *Н. И. Петрова* („Южнорусскія легенды“ и „О народныхъ праздн. въ юго-зап. Россіи“—„Труды Кіевск. Дух. Академіи“ 1877 и 1871 г.) и нѣк. др.

[2] Нѣкоторые видятъ въ малороссахъ потомковъ древнихъ полянъ, угличей, тиверцовъ, древлянъ и другихъ южнорусскихъ племенъ; но, повидимому, большинство этихъ племенъ исчезло еще въ началѣ русской исторіи, подвергшись разоренію и смѣшенію съ тюркскими кочевниками (половцами и др.).

http://rcin.org.pl

національное цѣлое; этнографическія отличія между ними въ древнѣйшую пору, по мнѣнію ученыхъ, были совсѣмъ незначительны. Но послѣдующая исторія поставила эти три *доли* русскаго племени въ слишкомъ различныя условія. Въ XIII вѣкѣ на Русь обрушилось всею своею тяжестію страшное татарское нашествіе. Въ 1240 г. взятъ и разрушенъ былъ первопрестольный Кіевъ, а самая страна подверглась такому безпощадному опустошенію, что почти все оставшееся въ живыхъ населеніе Южной Руси бѣжало на западъ. Здѣсь, въ Галиціи и на Волыни, и сложилась, повидимому, *малорусская народность* (Малая Россія), выступающая уже отчетливо, съ особенностями своего языка, въ XIV вѣкѣ. Отсюда она заселила, мало-по- малу, все Приднѣпровье, давши начало различнымъ украинскимъ говорамъ. Сперва были заселены болѣе безопасные сѣверные предѣлы – отъ Припети и Стыри до Кіева, вся нынѣшняя Черниговская губернія на югъ отъ Десны и сѣверная часть Полтавской. Эта сѣверная полоса украинскаго нарѣчія граничитъ съ областью полѣсскихъ говоровъ, съ Припетскимъ Полѣсьемъ и Задесеньемъ, населеніе которыхъ, по языку, представляетъ переходъ отъ малорусскаго нарѣчія къ бѣлорусскому на западѣ и отъ малорусскаго къ великорусскому на востокѣ. Въ XVII вѣкѣ притѣсненія польскаго правительства и пановъ, а равно и войны имѣли слѣдствіемъ массовое переселеніе малороссовъ за Днѣпръ — въ Полтавскую и даже въ Харьковскую и Воронежскую губерніи, а также заселеніе Подольской губерніи. Въ XVIII вѣкѣ, съ завоеваніемъ Новороссійскаго края, малороссы распространяются и по губерніямъ Херсонской, Екатеринославской и Таврической, переходятъ въ 1792-мъ году, въ лицѣ черноморскихъ казаковъ, на Кубань, проникаютъ затѣмъ въ Ставропольскую губернію, даже за Волгу и въ Сибирь.

Такимъ образомъ, „украинцы“ (какъ и бѣлоруссы) представляютъ собою отрасль того же корня, отъ котораго идетъ и отрасль великорусская, и только по истеченіи довольно продолжительнаго періода отдѣльной другъ отъ друга ихъ жизни

http://rcin.org.pl

сравнительно слабые первоначально племенные оттѣнки выступили довольно рельефно и ярко и дали начало хотя и отдѣльнымъ, но слишкомъ близко-родственнымъ народностямъ. Отсюда—и первоначальная духовная жизнь, и первоначальная, безыскусственная ихъ поэзія, служившая вѣрнымъ отраженіемъ и выраженіемъ ея, были въ древнѣйшую пору и вплоть до нашествія татаръ *общими*.

Какъ же шло развитіе безыскусственной русской, а слѣдовательно—и украинской, народной поэзіи?

Безыскусственная поэзія русскаго, какъ и всякаго вообще, народа, восходя своими началами къ эпохѣ до-исторической, даже первобытной, и до настоящаго времени носитъ на себѣ явственные признаки своего миѳическаго происхожденія. Первыя начала народной поэзіи теряются въ до-историческомъ созиданіи самой миѳологіи, въ такъ называемомъ *миѳологическомъ процессѣ* духовной жизни народа. При такой совокупной нераздѣльности художественнаго творчества съ развитіемъ миѳическихъ народныхъ вѣрованій, надобно видѣть въ древнѣйшемъ миѳическомъ эпосѣ не только внѣшнюю сторону, или поэтическую форму религіозныхъ убѣжденій народа, но одинъ изъ существеннѣйшихъ моментовъ въ самомъ созиданіи народной миѳологіи. Чѣмъ болѣе проникался народъ своими вѣрованіями, чѣмъ обильнѣе накоплялись они въ его творческой фантазіи, претворенныя въ живые образы,—тѣмъ неотразимѣе чувствовалъ онъ потребность уяснить для себя эти вѣрованія и образы и представить ихъ, какъ живыя созданья, въ цѣломъ рядѣ эпическихъ разсказовъ. Такимъ образомъ, поэзія является необходимою, естественною посредницею между темнымъ, еще не развитымъ, вѣрованіемъ и между народнымъ сознаніемъ: она уясняетъ и распредѣляетъ въ осязательныхъ образахъ созрѣвшее вѣрованіе, какъ скоро оно вышло изъ смутной области неопредѣленнаго чаянія и гаданія.

Ни одинъ народъ не помнитъ начала своимъ сказкамъ и пѣснямъ. Ведутся онѣ испоконъ-вѣку и передаются изуст-

http://rcin.org.pl

но изъ рода въ родъ, изъ поколѣнія въ поколѣніе, какъ священный завѣтъ старины. Пѣсня всегда обыкновенно поется не для одного только развлеченія, а вмѣстѣ и для того, чтобы ее, какъ преданіе, молодое поколѣніе переняло и затвердило, а потомъ, въ свою очередь, передало своимъ потомкамъ,—поется „старымъ людямъ на послушанье, а *молодымъ людямъ для памяти*“, какъ заканчивается извѣстный стихъ „О Голубиной книгѣ“. Теряющееся въ незапамятной древности происхожденіе поэзіи въ понятіяхъ народа соединялось съ началомъ знанія, чародѣйства и заклинанія, а также права и языческихъ обрядовъ.

По мѣрѣ того, какъ народъ становился внимательнѣе къ историческимъ судьбамъ своимъ, онъ чувствовалъ потребность замѣчать въ памяти важнѣйшія событія, оставившія слѣды въ его жизни. Тогда къ чистому мифу присовокупляются сказанія о дѣлахъ людей. Но такъ какъ въ создавшихся до этого времени поэтическихъ народныхъ разсказахъ дѣйствующими лицами всегда выводились боги, то всего легче было для нашихъ предковъ-язычниковъ приписать богамъ дѣла людей, а судьбы народа выразить въ различныхъ похожденіяхъ тѣхъ же боговъ. Переходомъ отъ боговъ къ людямъ являются своего рода полубоги—герои, богатыри. Не будучи одарены властью и другими качествами боговъ, они, тѣмъ не менѣе, довольно рѣзко отличаются отъ обыкновенныхъ людей многими преимуществами, сообщаемыми имъ главнымъ образомъ сверхъестественною силою, при чемъ преимущества эти они получаютъ извнѣ, отъ существъ миѳическихъ; самое рожденіе ихъ часто сопровождается необычайными явленіями въ мірѣ физическомъ.

Преданія о древнѣйшихъ столкновеніяхъ народовъ расширили и видоизмѣнили сказанія. Чужеземные враги до-исторической эпохи оставили по себѣ въ памяти народа смутный—и притомъ мрачный—образъ и перешли въ его поэзію въ видѣ великановъ. Такъ какъ великаны были существа не человѣческія, то сказаніе, весьма естественно, могло предста-

http://rcin.org.pl

влять ихъ и въ образѣ животныхъ. Отсюда произошло повѣрье, основанное, безъ сомнѣнія, на представленіи объ *оборотняхъ*, о нѣкоторой таинственной связи между народами и различными животными; отсюда, далѣе, сохранившіеся еще и по настоящую пору народные преданія и разсказы объ „упиряхъ“, или „волкодлакахъ“—украинскихъ „вовкулакахъ“, т. е. оборотняхъ въ волковъ. Древнѣйшими насельниками Русской земли, по изображенію стиха „О Егоріи Храбромъ“, были „волки рыскучіе“, „змѣи лютые“, „звѣри могучіе“, „звѣри рогатые“, т. е. различные враждебные народы, съ которыми народъ русскій велъ упорную и продолжительную борьбу за территорію.

Какъ древнѣйшіе великаны, такъ и богатыри вообще впослѣдствіи превратились въ скалы („окаменѣли“), иногда въ рѣки и озера (Днѣпръ, Донъ, Дунай, Волховъ, Ильмень-озеро и др.), которыя скрыли въ своихъ водахъ слѣды чародѣйства и безчеловѣчія.

Но не въ однѣхъ только поэмахъ и сказкахъ народъ сохраняетъ свои эпическія преданія, а и въ отдѣльныхъ изреченіяхъ, краткихъ заговорахъ, пословицахъ, поговоркахъ, загадкахъ, примѣтахъ и вообще въ такъ называемыхъ суевѣріяхъ. Всѣ эти разрозненные члены одного общаго сказочнаго преданія, взятые въ своей совокупности, составляютъ то цѣлое, которое хотя и не высказалось во всей полнотѣ и нераздѣльности ни въ одной народной поэмѣ, однако всѣми чувствовалось и сознавалось, какъ родное достояніе предковъ. Ни одинъ изъ разрозненныхъ членовъ баснословнаго преданія не живетъ въ народѣ отдѣльно, самъ по себѣ: всѣ они взаимно переходятъ другъ въ друга, связываются крѣпкими узами повѣрья, сцѣпляются и перемѣшиваются, подчиняясь игривой фантазіи народа, изобразительной и художественной. Загадка часто переходитъ въ цѣлую поэму, и поэма сокращается въ загадку; пословица рождается изъ сказанія и становится необходимою частью поэмы, хотя и ходитъ въ устахъ народа отдѣльно; клятва и заговоръ, составляя оторванный

http://rcin.org.pl

членъ преданія, развиваются въ цѣлое сказаніе, или составляютъ обычный пріемъ въ эпическомъ разсказѣ; даже примѣта, обыкновенно подразумѣваемая, а не высказываемая, иногда является обильнымъ источникомъ для эпическаго вымысла.

Древнѣйшія народныя словесныя произведенія имѣютъ самое разнообразное содержаніе, обнимая собою всѣ умственные и нравственные интересы народа. Эпическія сказанія съ повѣствованіемъ о похожденіяхъ героевъ соединяютъ миѳическія преданія о происхожденіи боговъ, объ устройствѣ міра и о переворотахъ, въ немъ происшедшихъ, нравственныя поученія, а также наставленія опытной мудрости, которая, удивляя насъ проблесками замѣчательнаго здраваго смысла, нерѣдко заставляетъ и улыбнуться, когда входитъ въ суевѣрныя, младенческія понятія о природѣ, образчикъ которыхъ можно видѣть въ примѣтахъ, заклятіяхъ, наговорахъ. Изображая жизнь во всѣхъ ея проявленіяхъ, повѣствуя обо всемъ, что̀ народъ знаетъ великаго и важнаго, эпическая народная поэзія имѣетъ своимъ предметомъ весь міръ и все человѣчество—разумѣется, въ томъ тѣсномъ объемѣ, въ какомъ умѣла она понять и міръ и человѣчество.

Важнѣйшимъ двигателемъ древней народной поэзіи является *эпическое чудесное*, воспитанное чарованіями, примѣтами и разными другими суевѣріями и господствовавшее въ народной фантазіи, несмотря на всѣ благочестивыя усилія разсѣять его, даже еще въ XVI и XVII столѣтіяхъ. Это эпическое чудесное удовлетворяло всѣмъ душевнымъ стремленіямъ суевѣрной старины. Въ немъ искала отвѣта пытливая любознательность; къ нему прибѣгали въ немощи и нуждѣ за врачеваніемъ, колдовствомъ и заклинаніями; поэзія же въ немъ черпала свое вдохновеніе. Такимъ образомъ, въ эпическомъ сказаніи чудесное составляло необходимый элементъ потому, что служило основою самой жизни, когда образовалось такое сказаніе. Съ одной стороны, оно было существеннымъ дополненіемъ къ убѣжденію въ справедли-

http://rcin.org.pl

вости эпическаго разсказа; съ другой—являлось поэтическимъ идеаломъ, такъ какъ суевѣрная фантазія своимъ вымысламъ давала колоссальные размѣры и одѣвала ихъ таинственнымъ покровомъ. Народная сказка, какъ затѣйливое сплетеніе разсказовъ о быломъ съ небылицами, дотого сглаживаетъ въ своемъ повѣствованіи всякое различіе между обыкновеннымъ и необычайнымъ, что слушатель незамѣтно переходитъ отъ одного къ другому и даже снисходительно допускаетъ всякую небылицу, не безпокоя своей наивной довѣрчивости ни малѣйшимъ сомнѣніемъ въ искренности и правдивости разсказчика.

Миѳическій эпосъ полагаетъ первыя основы нравственнымъ убѣжденіямъ народа, выражая въ сверхъестественныхъ существахъ, въ богахъ и герояхъ не только религіозные, но и нравственные идеалы добра или зла. Вотъ почему эти идеалы народнаго эпоса—болѣе, нежели художественные образы: это—рядъ ступеней народнаго сознанія на пути къ нравственному совершенствованію. Это—не праздная игра фантазіи, а рядъ подвиговъ религіознаго благочестія, стремившагося въ лучшихъ своихъ мечтаніяхъ сблизиться съ божествомъ, узрѣть, такъ сказать, его непосредственно. Отсюда понятно то громадное значеніе, какое имѣли для народа въ старину—да отчасти имѣютъ и теперь еще—его поэтическія произведенія: они замѣняли собою и школу и науку. Подъ ихъ благотворнымъ вліяніемъ протекала вся жизнь человѣка, отъ колыбели до гроба. Младенецъ у груди своей матери уже прислушивался и привыкалъ къ колыбельной пѣснѣ, которую, въ свою очередь, будетъ онъ потомъ пѣть своимъ дѣтямъ. Провожая въ могилу покойника, близкіе и родственники оплакивали его въ обрядовыхъ причитаніяхъ—и были твердо увѣрены, что въ свое время и ихъ проводятъ съ тѣми же причитаньями. Два крайніе возраста человѣческой жизни—старость и дѣтство—любовно встрѣчались на сказкѣ: поколѣніе отживающее передавало преданіе поколѣнію народившемуся. Старикъ или старуха разсказываютъ сказку и

http://rcin.org.pl

поучаютъ,—дѣти слушаютъ и поучаются. Первые припоминаютъ въ сказкѣ прошедшее,—вторыя гадаютъ по ней о будущемъ; содержаніе же самой сказки—захватывающее: чудесные подвиги богатырей, разные битвы и страхи и въ заключеніе, какъ желанный конецъ тревогамъ, женитьба на красавицѣ-царевнѣ, съ цѣлымъ царствомъ въ приданое; идея сказки—та прекрасная средина человѣческаго вѣка, та бодрая возмужалость, которая для слушающихъ дѣтей еще недоступна, какъ отдаленное будущее, а для стариковъ-разсказчиковъ является уже невозвратнымъ прошедшимъ,—тотъ идеалъ, который во всѣ вѣка уноситъ человѣка изъ дѣйствительности къ чему-то лучшему и совершеннѣйшему, и который въ сказкѣ такъ наивно сулитъ разныя несбыточныя диковинки.

Поэзія служила народу какъ утѣхою въ трудѣ, такъ и забавою праздника; тогда-то особенно разыгрывалась досужая фантазія—и хороводъ и пѣсня сопровождали древній обычай, удержавшійся въ памяти, вмѣстѣ съ преданіями, отъ незапамятной эпохи. Поэтому, какъ выраженіе преданія, пѣсня и обрядъ были не только потѣхою и забавою, но и дѣломъ значительнымъ. Поэзія, которой обыкновенно посвящалось все свободное отъ работъ и занятій время, была надежнымъ хранителемъ чистоты мыслей и чувствъ. Какъ въ языкѣ слово „правда“ служитъ синонимомъ слова „истина“, такъ и эпическая поэзія добро всегда представляетъ разумнымъ, а зло—глупымъ. Въ сказкахъ всѣхъ народовъ и временъ люди добрые и сострадательные обыкновенно „дурачатъ“ и обманываютъ колдуновъ, вѣдьмъ, великановъ и вообще издѣваются надъ нечистою силою. Народная поэзія часто забавляется глупостями нечистой силы, которая такъ легко довѣряется хитростямъ простодушнаго добряка.

Вообще надобно замѣтить, что нравственное чувство весьма значительно воспитывается поэзіею, вслѣдствіе чего слушателя всегда живѣе увлекаютъ вопросы нравственные, чѣмъ художественная идея разсказа; люди простые и дѣти

http://rcin.org.pl

даже теперь еще, не умѣя отдѣлить художественнаго наслажденія отъ нравственнаго довольства, принимаютъ въ сказкѣ или повѣсти такое же участіе, какъ и въ дѣйствительной жизни, съ любовью слѣдятъ за добрымъ и великодушнымъ героемъ и съ отвращеніемъ слушаютъ о дурномъ и злomъ. Желая похвалить эпическій разсказъ, слушатель изъ простонародья никогда не скажетъ: „хорошо“ или „прекрасно“, какъ принято въ образованномъ обществѣ выражать одобреніе ходужественному произведенію, а скажетъ: „правда“.

Если бы народная поэзія ограничивалась одними эстетическими интересами, она бы давно уже изсякла въ своихъ источникахъ и съ теченіемъ вѣковъ даже совсѣмъ бы исчезла. Но, какъ старина и преданье, какъ вѣрованье и обычай, она выше всякаго вымысла, питающаго только праздное эстетическое чувство; она внѣ всякаго подозрѣнія въ неправдѣ и намѣренномъ обманѣ. Хотя пословица и говоритъ объ одномъ видѣ народной, безыскусственной поэзіи, именно о *сказкѣ*, что „сказка—складка“; но такой приговоръ о ней сдѣланъ потому только, что „замышленіе“ большей части сказокъ относится къ слишкомъ ужъ отдаленной эпохѣ, вслѣдствіе чего народъ не успѣлъ удержать ихъ въ формѣ *былины* и передаетъ не въ связной формѣ стиха, а въ болѣе свободной, позднѣйшей формѣ—прозаической.

Высшей степени своего развитія народная, безыскусственная поэзія достигаетъ въ исторической пѣснѣ. Здѣсь уже поэзія сливается съ исторіею, при посредствѣ, къ тому же, искренняго вѣрованія, которымъ освѣщаются правы и обычаи, убѣжденія и привычки и все житье-бытье предковъ.

Такъ возникла и развивалась безыскусственная поэзія у всѣхъ народовъ, такъ возникла и развивалась она и у народа русскаго и составляющаго органическую отрасль его южнорусскаго, или малорусскаго, или украинскаго племени.

http://rcin.org.pl

Принятіе Русью христіанства и краткій очеркъ возникновенія и развитія апокрифической литературы.

Среди полнаго разгара творчества народнаго поэтическаго генія, въ концѣ X столѣтія, при св. равноап. кн. Владимірѣ, Русь приняла христіанство. Принятіе христіанства, строго говоря, было первымъ важнымъ событіемъ въ *культурной* исторіи Руси. Съ него началась у насъ письменность, началось образованіе, открывшее возможность литературнаго развитія.

Съ принятіемъ христіанства Русь вошла въ тѣсныя дружественныя сношенія, прежде всего, съ Византіей. Отсюда, если только не изъ болѣе близкаго Корсуня, или греческаго Херсонеса Таврическаго, она получила произведенія религіознаго искусства, свое первое духовенство и священныя и церковно-богослужебныя книги. Отсюда же она получила массу поучительной и назидательной литературы, а также литературы исторической въ формѣ хроникъ и хронографовъ. Византія, затѣмъ, дала намъ въ разныхъ святоотеческихъ писаніяхъ, „шестодневахъ“ и т. п.—довольно скудныя, впрочемъ—свѣдѣнія изъ области естествознанія. Отъ нея же идутъ образцы изящной словесности какъ въ отрывкахъ религіозной гимнологіи, вошедшихъ въ церковныя пѣснопѣнія, такъ и въ повѣстяхъ и пѣсняхъ мірского содержанія. Эти

http://rcin.org.pl

послѣднія сочиненія, переводившіяся въ самую раннюю эпоху нашей письменности, не только удовлетворяли потребность нашихъ предковъ въ чтеніи поэтическихъ произведеній, но вмѣстѣ съ тѣмъ давали готовые образцы и мотивы для собственныхъ произведеній въ подобномъ же родѣ. Къ сожалѣнію, Византія не дала намъ систематической, приспособленной для образованія широкихъ массъ, школы, которой, впрочемъ, и сама, собственно говоря, не имѣла; не дала также намъ знакомства съ древне-классической литературой и наукой, потому что и въ ней самой эти традиціи были въ загонѣ, да и Русь не была еще способна принять ихъ.

Не менѣе сильнымъ было въ это время вліяніе на Русь восточныхъ славянъ—сербовъ и въ особенности болгаръ, которыхъ соединяло съ нашими предками единство вѣры въ формѣ православнаго исповѣданія и единство церковно-литературнаго языка. Древній періодъ литературы болгаръ, сербовъ и русскихъ, до самаго XIV столѣтія, представляетъ полное единство по своему церковно-византійскому характеру и по основному содержанію своему, чему способствовали: 1) общія церковныя книги, 2) частыя церковныя сношенія, приводившія къ русскимъ болгарское и сербское духовенство, 3) связи съ Аѳономъ, гдѣ каждое изъ этихъ племенъ имѣло свои монастыри и своихъ представителей—подвижниковъ и переписчиковъ книгъ, и 4) единство условнаго старо-славянскаго языка, ставшаго языкомъ ихъ общей литературы.

Между прочимъ, какъ изъ Византіи, такъ и изъ Болгаріи перешли къ намъ во множествѣ апокрифы и апокрифическія сказанія, которые скоро сдѣлались едва ли не самою пріятною духовною пищею для новопросвѣщенныхъ предковъ нашихъ.

Апокрифическія сказанія составляютъ обширную область религіозныхъ сказаній, возникшихъ во времена глубокой древности на почвѣ религіознаго вѣрованія, подъ вліяніемъ священныхъ библейскихъ книгъ. Первоначальною основою апокрифическихъ сказаній были древнія преданія, которыя

http://rcin.org.pl

существовали у іудеевъ не только до начала письменности, но и во время самой письменности, сохранились до сравнительно позднѣйшихъ христіанскихъ временъ и перешли въ христіанскія книги. Возникнувши въ древнія времена, они сначала переходили отъ одного поколѣнія къ другому путемъ устной передачи, а потомъ собраны были въ отдѣльныя книги. Ревностное собираніе древнихъ преданій началось у іудеевъ особенно послѣ плѣна Вавилонскаго; оно сосредоточивалось преимущественно въ школахъ раввиновъ, и имъ занимались особые учителя, которые извѣстны съ начала III в. до Р. Х. подъ именемъ *танаимовъ*, а съ конца II в. до Р. Х.—подъ именемъ *амораимовъ*. Собранныя такимъ образомъ преданія вошли въ Талмудъ, книги каббалистовъ, книгу Яшаръ и во многія другія іудейскія книги.

Къ какому именно времени относится появленіе первыхъ апокрифическихъ книгъ, опредѣлить трудно. Первое указаніе на нихъ обыкновенно видятъ въ 47—48 стихахъ 14-й главы 3-й книги Эздры, гдѣ, кромѣ 24-хъ древнихъ *каноническихъ* книгъ, упоминаются еще *70 книгъ новыхъ и послѣднихъ*, подъ которыми писатели первыхъ вѣковъ христіанства разумѣли древне-іудейскіе апокрифы.

Нѣкоторыя изъ апокрифическихъ сказаній по своему характеру довольно близки къ библейскимъ сказаніямъ; таковы, напр., нѣкоторыя сказанія объ Авраамѣ, Іосифѣ и Моисеѣ, помѣщенныя въ сочиненіяхъ Іосифа Флавія и въ книгѣ Яшаръ. Другія же составляютъ плодъ ухищренныхъ толкованій Свящ. Писанія и преданій іудейскихъ раввиновъ. Во всѣхъ апокрифическихъ сказаніяхъ послѣдняго рода выражается усиленное стремленіе какъ можно болѣе возвысить еврейскую исторію въ полномъ ея объемѣ отъ начала и до конца. Отсюда, въ нихъ на каждомъ шагу замѣчается невѣроятное преувеличеніе, переходящее всякія границы; всѣ лица и событія дотого украшаются, что совершенно теряютъ свой подлинный библейскій типъ и являются вполнѣ баснословными. Тамъ, гдѣ Свящ. Писаніе разсказываетъ о про-

http://rcin.org.pl

стомъ событіи, іудейскіе апокрифы видятъ непремѣнно чудо, въ совершеніи котораго принимаютъ непосредственное участіе ангелы, духи и демоны; гдѣ же Свящ. Писаніе дѣйствительно говоритъ о чудѣ, тамъ въ апокрифахъ является столько преувеличеній и украшеній, что чудо теряетъ свое высокое достоинство и представляется явно недостовѣрнымъ. Источникъ чудеснаго, которымъ такъ переполнены апокрифическія сказанія, заключается часто не во всемогуществѣ Божіемъ, а въ разныхъ волшебныхъ предметахъ, иногда въ силѣ духовъ. Всѣ толкованія Свящ. Писанія, изъ которыхъ выводятся эти сказанія, и которыми они подтверждаются, отличаются или чрезвычайною мелочностью, привязывающеюся къ буквѣ, къ отдѣльному выраженію, къ одному слову, или запутанностію, страннымъ мистицизмомъ и хитрымъ символизмомъ. На нихъ, какъ и на самыхъ сказаніяхъ, ярко отразились тѣ свойства, какія, естественно, должны были развиться въ іудейскомъ народѣ, когда онъ, лишившись водительства Божія чрезъ пророковъ и подпавши вліянію другихъ народовъ, сталъ жить подъ руководствомъ своихъ раввиновъ, которыхъ Спаситель охарактеризовалъ, назвавши „слѣпыми вождями слѣпыхъ“ (Матѳ. 23, 16). Эти слѣпые вожди и привели іудеевъ къ самымъ невѣжественнымъ представленіямъ почти обо всѣхъ ветхозавѣтныхъ лицахъ и событіяхъ, при чемъ нѣкоторыя апокрифическія сказанія явно проникнуты уже духомъ позднѣйшаго іудейства, въ нихъ рѣзко отражаются слѣды персидскаго и особенно греческаго вліянія.

Изъ іудейскихъ книгъ и іудейскихъ преданій апокрифическія сказанія съ самыхъ же первыхъ временъ христіанства начали переходить въ христіанскія книги. Христіанскіе апологеты, защищая новозавѣтное ученіе въ связи съ ветхозавѣтной исторіей, часто обращались къ сочиненіямъ іудейскихъ писателей, особенно къ сочиненіямъ Филона и Іосифа Флавія, и заимствовали изъ нихъ нѣкоторыя сказанія о ветхозавѣтныхъ лицахъ и событіяхъ; христіанскіе экзегеты, при изъясненіи священныхъ книгъ, также не рѣдко ссылались

http://rcin.org.pl

на тѣ сказанія, какія они встрѣчали въ устныхъ преданіяхъ, апокрифахъ и другихъ іудейскихъ книгахъ; лѣтописцы и историки, излагая древнюю исторію по Библіи, въ дополненіе къ библейскому разсказу приводили и апокрифическія сказанія.

При переходѣ въ христіанскія книги многія апокрифическія сказанія, естественно, должны были измѣниться и получить другой—уже христіанскій колоритъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ христіанской Церкви образовались и свои апокрифы. Благочестивое чувство и воображеніе христіанъ первыхъ вѣковъ не удовлетворялось тѣми краткими сказаніями о жизни и дѣяніяхъ Спасителя, Богоматери и св. апостоловъ, какія заключались въ каноническихъ книгахъ Новаго Завѣта, и старались дополнить эти сказанія разными подробностями изъ преданій. Преданій же этихъ въ первыя времена, когда христіанское просвѣщеніе распространялось не столько посредствомъ книгъ, сколько чрезъ изустные наставленія и разсказы, было, конечно, очень много. При отсутствіи образованія, въ разсказахъ не всегда могли отличить истину отъ вымысла, а страсть къ чудесному и стремленіе во всемъ видѣть особенный смыслъ готовы были принять за истину даже самое невѣроятное сказаніе. Отдѣльная мысль Свящ. Писанія, часто краткое выраженіе его или даже одно слово, подъ вліяніемъ возбужденнаго воображенія, превращались въ цѣлое событіе.

Нѣкоторые апокрифы имѣютъ своимъ предметомъ сказанія о мученикахъ, исповѣдникахъ, подвижникахъ и учителяхъ—этихъ герояхъ вѣры и Церкви, поражавшихъ воображеніе современниковъ и послѣдующія поколѣнія своими подвигами и высоко-благотворною дѣятельностью на пользу вѣрующихъ.

Наконецъ, нѣкоторые апокрифы обязаны своимъ происхожденіемъ разнымъ еретикамъ, которые составляли ихъ съ тою цѣлію, чтобы защитить и распространить свое лжеученіе. Такъ произошли: „Евангеліе Никодима“, „Евангеліе

http://rcin.org.pl

Іакова", „Переписка Іисуса Христа съ Авгаремъ", „Путешествія апостоловъ", „Путешествія евангелистовъ", „Плачъ Богородицы", „Дѣянія Апостольскія", „Апокалипсисы" и др.

Наиболѣе благопріятную почву для себя среди славянскихъ племенъ апокрифы нашли въ Болгаріи. Здѣсь, въ X вѣкѣ, при царѣ Петрѣ, появилась ересь *богомиловъ*, распространившаяся затѣмъ и въ другихъ славянскихъ странахъ. Составляя отрасль манихейства, богомилы, подобно манихеямъ, приняли близкое къ древне-персидскому религіозному дуализму ученіе о двухъ началахъ міра—добромъ, Богѣ, и зломъ, Сатанаилѣ. Бога они признавали творцомъ только невидимаго, духовнаго міра; созданіе же видимой природы и самого человѣка по тѣлу, или тѣлесной природы человѣка, приписывали Сатанаилу. Представляя весь древній періодъ, отъ начала міра до явленія Спасителя, временемъ полнаго владычества Сатанаила въ родѣ человѣческомъ, они отвергали Ветхій Завѣтъ, какъ произведеніе злого начала, и порицали законъ Моисея и писанія пророковъ. Но, отвергая писанія Моисея и пророковъ, богомилы пользовались апокрифическими сказаніями и книгами, и сами составляли такія книги. По крайней мѣрѣ, основателю секты—попу Іереміи, по прозванію Богомилу, въ „индексахъ" ложныхъ, *отреченныхъ* книгъ приписываются слѣдующіе апокрифы: „О древѣ крестномъ", „О Св. Троицѣ", „О Христѣ, какъ Его въ попы ставили", „Какъ Христосъ плугомъ оралъ", „Сказаніе о томъ, какъ Провъ Христа другомъ назвалъ", „Вопросы Іереміи къ Богородицѣ", „Вопросы и отвѣты о томъ, отъ сколькихъ частей созданъ былъ Адамъ" и *лживыя молитвы* о *трясавицахъ* и *нежитахъ* [1]). Но содержаніе всѣхъ указанныхъ апокрифовъ, кромѣ молитвъ о *трясавицахъ* и *нежитахъ*, основанныхъ на народныхъ славянскихъ вѣрованіяхъ, показываетъ, что они—не оригинальныя произведенія, а только

[1]) „Нежитъ"—демоническое существо, олицетворявшее собою понятіе болѣзни и вообще всякой напасти.

http://rcin.org.pl

передѣлка или переработка апокрифическихъ сказаній, существовавшихъ въ византійской письменности.

Все значеніе апокрифовъ по отношенію къ Библіи ограничивается только тѣмъ, что въ нихъ усматриваются нѣкоторые слѣды древнихъ истинныхъ преданій; по крайней мѣрѣ, нѣкоторыя изъ заключающихся въ нихъ сказаній подтверждаются свидѣтельствами самихъ новозавѣтныхъ книгъ. Съ другой стороны, апокрифы раскрываютъ предъ нами внутреннюю жизнь своего времени; въ нихъ чрезвычайно ярко отражается общій складъ и идеальное настроеніе тѣхъ давно минувшихъ эпохъ, когда они сложились. Апокрифы показываютъ намъ, въ какомъ свѣтѣ представлялись въ древнія времена священныя лица и событія, какъ они настраивали воображеніе народа, какія воспитывали въ немъ чувства и стремленія; характеризуютъ вообще религіозно-нравственное міросозерцаніе древняго времени.—Особенно же важное значеніе апокрифическія сказанія имѣютъ въ литературномъ и художественномъ отношеніяхъ. Въ общей массѣ своей они представляютъ обширную и богатую область древняго религіознаго эпоса, созданнаго живымъ, теплымъ вѣрованіемъ и благочестивою фантазіею Востока,—религіознаго эпоса, въ которомъ, среди разныхъ заблужденій и анахронизмовъ, встрѣчается много замѣчательныхъ идей, смѣлыхъ и оригинальныхъ мотивовъ, много въ высшей степени трогательныхъ и поэтическихъ картинъ, проникнутыхъ часто назидательными нравственными наставленіями. Вотъ почему апокрифы, несмотря на запрещеніе и преслѣдованіе ихъ, переходили отъ одного народа къ другому, проникали въ искусство и литературу, доставляли, особенно въ древніе и средніе вѣка, сюжеты для духовной поэзіи, живописи и скульптуры и вообще имѣли огромное вліяніе на складъ религіозныхъ народныхъ понятій. Содержаніе апокрифическихъ сказаній было таково, что не могло не увлекать благочестиваго и любознательнаго читателя; въ основѣ многихъ изъ нихъ лежало готовое народное преданіе, а если работала

http://rcin.org.pl

личная фантазія составителя, то работала въ духѣ того же религіозно-поэтическаго творчества. Разъ занесенное въ книгу, сказаніе легко распространялось въ средѣ, такимъ же образомъ настроенной,—особенно въ тѣ времена, когда каноническое и неканоническое еще мало различались. Сильно подкупало въ пользу апокрифовъ и то, что многіе изъ нихъ повторяли авторитетную форму книгъ самого Свящ. Писанія. Въ надписаніи ихъ стояли священныя имена (патріархи, Моисей, Давидъ, Соломонъ, пророки, апостолы и др.). Тонъ былъ библейскій и евангельскій—та же возвышенная простота, то же важное пророческое, иногда загадочное слово. Самые разсказы представлялись какъ бы необходимымъ дополненіемъ къ тому, что̀ не было досказано въ библейскихъ книгахъ, и что̀ было, однако, исполнено величайшаго интереса для вѣрующаго, который естественно стремился ближе узнать тайны Божественнаго міроправленія. Тамъ, гдѣ библейскій или евангельскій разсказъ былъ кратокъ, и гдѣ невольно возникалъ вопросъ, апокрифъ являлся, чтобы досказать то, чего не было въ священной книгѣ, и предлагалъ множество самыхъ завлекательныхъ, часто поразительныхъ и обыкновенно наглядныхъ подробностей. Міротвореніе, судьба первыхъ людей, патріарховъ, царей іудейскихъ разсказаны въ Ветхомъ Завѣтѣ очень кратко, или оставляли неразъясненными много вопросовъ, волновавшихъ религіозное любопытство,—и ветхозавѣтные апокрифы подробно разсказывали объ Адамѣ и Евѣ, ихъ грѣхопаденіи и изгнаніи изъ рая; разсказывали объ Энохѣ, Мельхиседекѣ, Авраамѣ, Моисеѣ, о царяхъ Давидѣ и Соломонѣ. Ветхій Завѣтъ не говорилъ о томъ, какъ древніе люди устраивали свою жизнь, получали первыя знанія, изобрѣтали различныя искусства,—обо всемъ этомъ сообщали „Малое Бытіе“ и „Сказаніе объ Адамѣ и Евѣ“. Не менѣе прошедшаго интересовали вопросы о будущемъ,—и апокрифическія книги увѣренно говорили о пришествіи Мессіи, о будущихъ временахъ, о блаженствѣ праведниковъ и мученіяхъ грѣшниковъ („Сказанія о праведномъ

http://rcin.org.pl

Энохѣ", „Откровенія Авраама", „Восхожденіе Исаіи"). Представленіе о томъ прообразованіи, какое связываетъ Ветхій Завѣтъ съ Новымъ, дало поводъ въ сказаніи „О крестномъ древѣ" провести цѣлую исторію этого древа отъ временъ Адама до построенія Соломономъ храма Іерусалимскаго и затѣмъ до самой Голгоѳы. Новозавѣтные апокрифы тономъ полной достовѣрности и нерѣдко съ неподдѣльной поэзіей сообщаютъ много подробностей о дѣтствѣ Христа Спасителя и разныхъ событіяхъ Его земной жизни („Евангелія" Іакова, Никодима, Ѳомы), о Пресв. Богородицѣ и Ея материнъ заступленіи за грѣшный родъ человѣческій предъ Своимъ Божественнымъ Сыномъ („Слово о рождествѣ Пресв. Богородицы", „Слово Іоанна Богослова" и др.). Исторія апостоловъ также имѣла свои апокрифическіе памятники. Таковы— „Обходы (путешествія) апостольскіе", извѣстные въ рукописяхъ подъ заглавіями: „Слово святыхъ апостоловъ Петра и Андрея, Матѳея и Руѳа и Александра", „Дѣянія и мученія апостоловъ Петра и Павла", „Дѣянія апостола Павла и великомученицы Ѳеклы", „Дѣянія апостола Филиппа", „Дѣянія и мученіе апостола Ѳомы", „Апокалипсисы" разныхъ апостоловъ и мн. др. Длинный рядъ апокрифовъ и апокрифическихъ сказаній посвященъ вопросамъ эсхатологическаго характера („Хожденіе Богородицы по мукамъ", „Слово о видѣніи апостола Павла", „Вопросы Іоанна Богослова Аврааму на Елеонской горѣ" и др.).

Такое захватывающее содержаніе апокрифовъ и апокрифическихъ сказаній невольно увлекало простодушныхъ благочестивыхъ и любознательныхъ читателей на всемъ громадномъ пространствѣ христіанскаго міра — отъ Палестины и Малой Азіи до крайняго запада Европы и отъ Эѳіопіи до скандинавскаго и русскаго сѣвера.

http://rcin.org.pl

Вліяніе христіанства и апокрифическихъ сочиненій на народное міровоззрѣніе и украинскую народную словесность.

Введеніе христіанства на Руси произвело величайшій переворотъ въ міровоззрѣніи и бытѣ нашихъ предковъ. Въ своихъ уже довольно близкихъ послѣдствіяхъ христіанство стало важною и политическою и нравственною силою.

Какъ ни слабо было у народа въ началѣ пониманіе новаго вѣроученія, оно, тѣмъ не менѣе, являлось первымъ цѣльнымъ кодексомъ космогоніи и нравственности, обставлено было правильной и въ большихъ центрахъ торжественной обрядностью, въ храмахъ невиданной дотолѣ красоты, съ постояннымъ вмѣшательствомъ въ личную жизнь каждаго, съ примѣрами личнаго аскетическаго энтузіазма, несомнѣнно производившими сильное дѣйствіе, съ богатымъ запасомъ религіозно-чудеснаго, наконецъ—съ готовыми священными и церковно-богослужебными книгами, которыя послужили началомъ просвѣщенія и письменности. Старина была, разумѣется, дорога массѣ, какъ привычное вѣрованіе, любезна своими веселыми празднествами, вслѣдствіе чего масса удержала надолго многое изъ ея запаса; но, какъ слишкомъ ужъ скудное вѣроученіе, старина ни въ какомъ случаѣ не могла соперничать съ христіанствомъ, особенно послѣ того, когда

http://rcin.org.pl

ореолъ святости и чуда окружилъ самихъ русскихъ подвижниковъ и мучениковъ, какими вскорѣ же явились преп. Антоній и Ееодосій Печерскіе, варяги Ееодоръ и сынъ его Іоаннъ, страстотерпцы Борисъ и Глѣбъ, св. кн. Ольга, св. равноап. кн. Владиміръ и мн. др. Къ ихъ почитанію присоединилось почитаніе особенно славившихся храмовъ, обителей, чудотворныхъ иконъ, св. мощей, которые стали мѣстными святынями и вмѣстѣ символами мѣстнаго патріотизма въ эпоху княжескихъ междоусобій и споровъ земель между собою. Умноженіе святынь сопровождалось развитіемъ легендарныхъ сказаній, которыя почти тотчасъ же переходили въ письменность, а затѣмъ и въ народную духовную поэзію, и вообще христіанско-легендарный матеріалъ занялъ обширное мѣсто въ народномъ преданіи и вмѣстѣ съ воспоминаніями изъ языческой старины составилъ новое сложное, и притомъ крайне спутанное, народное міровоззрѣніе, существующее отчасти въ народѣ и по настоящую пору.

Изъ встрѣчи двухъ міровоззрѣній создалось то среднее состояніе, которое древніе пастыри Русской Церкви назвали „двоевѣріемъ“. Христіанское ученіе съ его кроткою проповѣдью и довольно отвлеченной догматикой *двоилось* съ тѣми первобытными языческими понятіями, которыми отцы и дѣды жили цѣлые вѣка, и которыя вошли въ плоть и кровь дѣтей и пока ничѣмъ еще не были поколеблены. Новопросвѣщенные предки наши раздѣлились на двѣ группы. Въ одной, меньшей, до извѣстной степени пустило корень церковное просвѣщеніе, о водвореніи котораго такъ заботился св. равноап. кн. Владиміръ, и здѣсь, на основѣ первыхъ церковно-славянскихъ произведеній, принесенныхъ изъ Византіи черезъ Болгарію и непосредственно изъ Болгаріи, вскорѣ стала развиваться собственная подражательная литература съ церковнымъ характеромъ. Другую группу, несравненно болѣе многочисленную, составила народная масса. До нея ученіе доходило отрывочно, книгъ она не читала, хотя съ теченіемъ времени привыкла къ внѣшности обряда, усвоила нѣкоторыя

http://rcin.org.pl

основныя истины христіанскаго вѣроученія, съ жадностью воспринимала легенды, но въ цѣломъ порядкѣ быта долго оставалась на прежней своей первобытной ступени. Въ народной массѣ происходило смѣшеніе предметовъ поклоненія, старыхъ боговъ съ христіанскими святыми (Перунъ—и Илья пророкъ, Волосъ—и св. Власій и др.). Не были забыты старые главные боги, тѣмъ больше были памятны всѣ тѣ мелкіе представители миѳологіи, которые переплетали народный бытъ во всѣхъ направленіяхъ. Обличители неизмѣнно вооружаются противъ „поганскихъ“ обычаевъ, „бѣсовскихъ“ пѣсенъ и увеселеній; прямо упоминаютъ о поклоненіи старымъ языческимъ божествамъ и огню—„Сварожичу“, о жертвахъ „Роду и Рожаницамъ“, бѣсамъ, колодамъ и колодезямъ и о разныхъ обрядахъ языческой старины. Обличенія неоднократно свидѣтельствуютъ о томъ, что въ народѣ долго не могъ утвердиться христіанскій бракъ, вмѣсто котораго продолжалъ дѣйствовать старый обычай—„умыканіе“, или покупка невѣсты, или бракъ по уговору, съ приданымъ. Гдѣ по христіанскому ученію требовалась молитва, эти мнимые христіане прибѣгали къ „чародѣянію“, узламъ („наузы“), наговорамъ и т. п. Въ это же время произошла и та замѣна старыхъ языческихъ праздниковъ христіанскими, начало которой положено было, вѣроятно, еще на славянскомъ югѣ. Словомъ, какъ, съ одной стороны, подъ видимой христіанской внѣшностью держались остатки язычества, такъ, съ другой стороны, и новое вѣрованіе перенячивалось и усвоивалось подъ вліяніемъ старой миѳологіи. Народная масса, будучи далека отъ книжности, не въ силахъ была отказаться отъ привычной старины и принимала изъ христіанскаго ученія главнымъ образомъ то, что въ понятіяхъ ея сближалось съ этой стариной. Но въ извѣстной мѣрѣ это смѣшеніе держалось и среди самихъ книжниковъ, которые оказались слишкомъ большими любителями „отреченной“, баснословно-христіанской литературы.

http://rcin.org.pl

Такимъ образомъ, въ древнемъ народномъ бытѣ на первыхъ порахъ послѣ принятія христіанства создалось два міровоззрѣнія—церковное и народно-двоевѣрное. Первое настойчиво повторяло христіанскія наставленія; второе видоизмѣнялось съ теченіемъ времени, воспринимало все бо̀льшую и бо̀льшую долю христіанскихъ мотивовъ, все больше забывало старину, естественно вымиравшую постепенно, но, тѣмъ не менѣе, сохранило ее настолько, что она въ устномъ преданіи, хотя и отрывочно, дожила до нашего времени.

Въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи народное міросозерцаніе подверглось особенно сильному вліянію такъ называемой „ложной“, „отреченной“, или апокрифической литературы.

Въ южную Русь апокрифы начали переходить тотчасъ же по принятіи нашими предками христіанства, одновременно почти съ священными и церковно-богослужебными книгами. Въ XI—XV вв. проникали они сюда изъ Византіи, Сербіи и главнымъ образомъ изъ Болгаріи, а въ XVI и въ XVII вв.—изъ Польши.

Легендарный, почти всегда фантастическій характеръ апокрифическихъ сказаній, рѣшеніе ими самыхъ, такъ сказать, животрепещущихъ пунктовъ христіанскихъ вѣрованій сообщали апокрифамъ неотразимое обаяніе и надолго сдѣлали ихъ излюбленнымъ чтеніемъ нашихъ грамотеевъ и даже кодексомъ вѣры. Особеннымъ успѣхомъ пользовались тѣ апокрифы, которые наболѣе были доступны массѣ по своей формѣ и увлекали ее содержаніемъ, любопытнымъ для младенчествующей фантазіи. Изъ Ветхаго Завѣта вниманіе новообращенныхъ предковъ нашихъ поражалось всего больше сказаніями космогоническаго характера. Не менѣе поражалъ ихъ также своими чисто фантастическими чертами царь Соломонъ, на имени котораго построено было и на древнемъ востокѣ и на средневѣковомъ западѣ множество миѳовъ, дошедшихъ у насъ и у южныхъ славянъ до степени народныхъ

http://rcin.org.pl

сказокъ.—Несравненно болѣе, конечно, интереса возбуждали апокрифы христіанскіе. Они примыкали къ тому же извѣстному содержанію христіанской исторіи, въ нихъ встрѣчались тѣ же извѣстныя лица, съ которыми связывалось христіанское ученіе о вѣрѣ, при чемъ все дополнено было сказочными и поэтическими подробностями, весьма соблазнительными для малоразвитаго и легковѣрнаго грамотника. Древнее запрещеніе ложныхъ книгъ уже предостерегаетъ вѣрующаго, что эти книги разсказываютъ множество исторій, о которыхъ не говорится у *истинныхъ* писателей Церкви. Успѣху этихъ памятниковъ въ народной массѣ главнымъ образомъ способствовало то обстоятельство, что они чаще всего обращались къ пунктамъ вѣры, для которыхъ масса стремилась найти положительное объясненіе: вопросы о твореніи, о Страшномъ судѣ и адскихъ мукахъ и т. п. Обо всемъ этомъ апокрифическія сказанія говорили съ такими подробностями и въ доказательство называли такіе авторитеты, что неискушенный читатель отъ всей души вѣрилъ имъ на слово. Простота формы, состоявшей въ прямомъ положительномъ разсказѣ, въ короткихъ вопросахъ и отвѣтахъ и т. п., дѣлала эти памятники еще болѣе доступными, и они прочно закрѣплялись въ народной памяти. Стремясь дать всему полное объясненіе, апокрифы въ своихъ толкованіяхъ разныхъ предметовъ Свящ. Писанія впадали въ произвольный символизмъ, которымъ такъ легко удовлетворяется патріархальное глубокомысліе; наивное стремленіе открывать глубокій смыслъ Писанія видѣло символику даже въ такихъ разсказахъ, которые само Писаніе изображаетъ положительнымъ фактомъ, а отнюдь не притчей и иносказаніемъ.

Въ южной Руси апокрифы нашли весьма благопріятныя условія для своего распространенія и даже отчасти для развитія. Въ до-монгольскій періодъ народная жизнь здѣсь текла по широкому руслу свободы и просвѣщенія. Въ исторической жизни это была пора смѣлыхъ подвиговъ, территоріальнаго распространенія молодого, полнаго силъ государ-

http://rcin.org.pl

ства; въ дѣлѣ образованія—пора живой воспріимчивости, усиленнаго стремленія къ возможному и доступному въ то время на Руси просвѣщенію,—пора оригинальныхъ начатковъ литературы и интенсивнаго поэтическаго народнаго творчества. Культурное развитіе шло довольно быстро. Живое чувство народности сквозитъ во всѣхъ проявленіяхъ древне-кіевскаго быта. Суровая аскетическая регламентація, выходившая изъ стѣнъ Кіево-Печерскаго монастыря, не могла подавить движенія народной жизни, исполненной свѣжихъ поэтическихъ началъ. Движеніе это было настолько сильно, что проникло въ притворы и на хоры храмовъ въ фресковую живопись и водило перомъ монаховъ-лѣтописцевъ.

Апокрифическія сочиненія проникали въ южную Русь прежде всего изъ Византіи, Болгаріи и Сербіи въ формѣ апокрифическихъ книгъ или вставочныхъ въ разные сборники сказаній. Проф. Е. Голубинскій, по сохранившимся до настоящаго времени рукописямъ до-монгольскаго періода и по упоминаніямъ въ тогдашнихъ памятникахъ, перечисляетъ слѣдующіе апокрифы до-монгольскаго періода русской исторіи: 1) „Сказаніе Агапія, чего ради оставляютъ роды и домы своя“—въ майской Четьѣ-Минеѣ XII в. Московскаго Успенскаго собора. 2) „Сказаніе Аѳродитіана о бывшемъ въ Перстѣй земли чудеси“—въ Толстовской рукописи XIII в., 3) „Хожденіе Богородицы по мукамъ“—въ Троицкомъ лаврскомъ сборникѣ XII в., 4) „Глубинныя книги“, упоминаемыя въ „Житіи Авраамія Смоленскаго“ [1]), 5) „Видѣніе пророка Исаіи“—въ майской Четьѣ-Минеѣ Московскаго Успенскаго собора, 6) „Лѣствица патріарха Іакова“, переведенная изъ „Палеи“, 7) „Паралипоменонъ пророка Іереміи“—въ майской Четьѣ-Минеѣ Московскаго Успенскаго собора, 8) „Слово Меѳодія Патарскаго“, упоминаемое древнимъ лѣтописцемъ, 9)

[1]) Проф. Сумцовъ склоненъ видѣть въ этихъ „Глубинныхъ книгахъ“ извѣстный апокрифъ—„Вопросы Іоанна Богослова“ („Кіевская Стар.“, 1887 г., іюнь—іюль, стр. 223).

http://rcin.org.pl

„Житіе Нифонта и Панкратія“—въ Четьѣ-Минеѣ XII в., 10) „Завѣты 12 патріарховъ“, переведенные изъ „Палеи“ [1]).

Безъ сомнѣнія, апокрифовъ и апокрифическихъ сказаній въ до-монгольскій періодъ было несравненно больше въ обращеніи на Руси, но только древніе списки ихъ потеряны, или еще пока не разысканы. По крайней мѣрѣ, въ древнѣйшемъ (XI в.) юго-славянскомъ „индексѣ“ апокрифическихъ и „отреченныхъ“ книгъ, который представляетъ собою расширенный *третій* отдѣлъ „индекса“, приписываемаго обыкновенно Антіохійскому патріарху Анастасію Синаиту († 599 г.), и помѣщенъ въ нашемъ рукописномъ Номоканонѣ XIV в. подъ заглавіемъ: „Правило Лаодикійскаго собора“, перечисленъ довольно длинный рядъ „неисправленныхъ“, или (какъ толкуетъ другой списокъ того же „индекса“) „сокровенныхъ“ (ἀπόκρυφα), помимо упомянутыхъ въ статьѣ Анастасія, книгъ. Изъ такихъ „неисправленныхъ“, „сокровенныхъ“ книгъ, которыхъ нѣтъ въ статьѣ Анастасія Синаита, но которыя обращались въ юго-славянстой литературѣ въ переводахъ и успѣли уже обратить на себя вниманіе Церкви, какъ произведенія, лживо прикрывавшіяся авторитетомъ ветхозавѣтныхъ и новозавѣтныхъ лицъ, Номоканонъ XIV в. указываетъ слѣдующія, не упоминаемыя ни въ одномъ изъ доселѣ извѣстныхъ греческихъ „индексовъ“: 1) „Въпроси Іоанна Ѳеолога, еже въпраша Аврама праотца на горѣ Елеонстѣй“, 2) „Въпроси Варфоломеовы къ Богородици—ложная писанія“, 3) „Дванадесять Іаковлича“ (если только это не „Завѣтъ 12 патріарховъ“, что всего вѣроятнѣе), 4) „Епистолья о недѣли“, 6) „Имена ангеламъ“, 6) „Прѣніе діаволе со Христомъ“, 7) „О Соломони цари и о Китоврасѣ басни и кощуны“, 8) „О службѣ Тайнъ Христовыхъ, что опоздятъ обѣдню, рекше врата затворятся и о семъ попа кленоуть—еретикъ писалъ“.—Очевидно, такимъ образомъ, что составитель указаннаго „индекса“ руководствовался при его со-

[1]) Голубинскій, „Исторія Русской Церкви“, т. I, стр. 757.

http://rcin.org.pl

ставленіи не только статьею Анастасія Синаита, но — и это особенно важно — наличнымъ составомъ апокрифическихъ писаній въ современной ему славянской литературѣ: онъ первый внесъ въ свой указатель незамѣченные греческими индексами апокрифы, подлинники которыхъ были греческіе; онъ же положилъ начало „индексу“ *ложныхъ писаній*, имѣвшихъ чисто славянское мѣстное происхожденіе. Составителю, при этомъ, нельзя отказать въ обширномъ знакомствѣ съ произведеніями современной ему славянской литературы. Названія греческихъ апокрифовъ онъ цитуетъ самостоятельно въ томъ видѣ, какъ находитъ ихъ въ славянскихъ рукописяхъ, или же съ своими глоссами, свидѣтельствующими, что содержаніе указываемыхъ статей извѣстно ему изъ непосредственнаго знакомства. Называя въ числѣ „ложныхъ“ такія произведенія, которыя уже отнесены были къ апокрифическимъ греческими запрещеніями, составитель и здѣсь остается самостоятельнымъ, то дополняя, то ограничивая указанія своихъ византійскихъ источниковъ. Наконецъ, въ „индексъ“ его внесены и книги болгарскія, какъ, напр., писанія *попа Іереміи*, прикрывавшіяся именами новозавѣтныхъ святыхъ.

Особенной полнотой отличается въ „индексѣ“ отдѣлъ еретическихъ произведеній, появившихся въ литературѣ славянской. Въ первый разъ почувствовалась на славянской почвѣ потребность отстранить „грубыхъ людей“ отъ „соблазна ложныхъ словесъ“. И эти „ложныя словеса“, соблазнявшія *грубыхъ* невѣждъ, почти исключительно обязаны своимъ происхожденіемъ попу Іереміи; удивительная живучесть ихъ какъ у южныхъ славянъ, такъ и насъ на Руси объясняется тѣмъ, что попъ Іеремія въ своей литературно-пропагаторской дѣятельности былъ собственно только собирателемъ народныхъ суевѣрій; чужой, занесенной ереси и чужимъ легендамъ онъ сообщилъ народный характеръ и сдѣлалъ ихъ популярными преданьями.

Занесены были апокрифы и апокрифическія сказанія въ южную Русь частію греческимъ и юго-славянскимъ духовен-

http://rcin.org.pl

ствомъ, безъ котораго, за неимѣніемъ достаточнаго количества собственныхъ болѣе или менѣе подготовленныхъ кандидатовъ священства, предки наши долгое время не могли обходиться. Внесли, такъ сказать, въ это дѣло свою лепту любознательные торговые люди, при торговыхъ сношеніяхъ съ Византіей и Болгаріей. Что же касается собственно „мѣстныхъ“ апокрифическихъ сказаній, т. е. связанныхъ съ священными мѣстами Палестины, отчасти Константинополя и Аѳона, то они были усвоены русскими прямо и непосредственно, во время паломничества въ Св. Землю, и разнесены въ устныхъ, а также литературныхъ пересказахъ „калікъ перехожихъ“— паломниковъ по всему лицу земли Русской. Возвратившись изъ свв. мѣстъ, паломники считали себя даже не въ правѣ молчать о тѣхъ дорогихъ для вѣрующаго христіанина предметахъ, которые они видѣли своими глазами, о которыхъ слышали на самомъ мѣстѣ изустныя преданія, пережившія много вѣковъ. Передать видѣнное и слышанное во время пути „вѣрнымъ людямъ“ дѣлалось для простодушныхъ паломниковъ религіозной обязанностью, и, подавляя въ себѣ сознаніе своей „грубости и неразумія“, они иногда описывали свое путешествіе, чтобы „не прегрѣшить милости Божія на себѣ“. Въ мѣстахъ земной жизни Спасителя паломниковъ охватывала длинная цѣпь мѣстныхъ народныхъ христіанскихъ преданій, и это великое цѣлое восточно-христіанскаго эпоса, выразившееся въ апокрифическихъ евангеліяхъ и дѣяніяхъ апостольскихъ, служило для нихъ лучшимъ комментаріемъ къ тому, что они видѣли въ Палестинѣ. Монументальные памятники прошедшаго являются безмолвными, если ихъ не объяснитъ живое слово. „Невозможно *безъ вожа*,—говоритъ игуменъ Даніилъ въ своемъ *Хожденіи во св. Землю*,—добрѣ ходити и *безъ языка* добрѣ испытати и видѣти всѣхъ святыхъ мѣстъ“. И вотъ русскій игуменъ нашелъ въ одной лаврѣ „мужа *свята* и стара деньми и *книжна* вельми“, который указалъ ему всѣ святыя мѣста въ Іерусалимѣ и поводилъ его по всей святой Землѣ. Онъ разсказалъ ему все, „отъ *святыхъ книгъ* добрѣ

http://rcin.org.pl

испытавъ". Такъ, недалеко отъ Виѳлеема Даніилу показали мѣсто, „идѣже святая Богородица видѣ двои люди—одни плачущася, а другая смѣющись":—легенда изъ „Первоевангелія Іакова", которымъ постоянно пользовался „книжный вельми" проводникъ игумена при своихъ объяснительныхъ разсказахъ. Въ верстѣ отъ гроба Рахили Даніилъ видѣлъ мѣсто, „идѣже святая Богородица сѣла на осляти, егда подъ Оною Суще во чревѣ Ея, хотяще бо изыти, и тутъ есть камень великъ, на немъ же оночивала святая Богородица. А отъ того камени шла пѣша до вертепа, идѣже роди Господа нашего Іисуса Христа":—легенда оттуда же. Въ полуверстѣ отъ дома Захаріина Даніилъ видѣлъ гору, въ нюжъ гору прибѣжа Елизаветъ и рече: *Горо! пріими матерь съ чадомъ.* И абіе гора раступися и пріятъ ихъ гора та. Слуги жъ Продовы, иже гнаху въ слѣдъ ея, прошедши до мѣста того и не обрѣтоша ничтоже и паки возвратишась посрамлены":—легенда изъ того же „Первоевангелія", равно какъ и разсказъ Даніила о „кладязѣ", при которомъ было Пресв. Богородицѣ первое благовѣщеніе. Описывая церковь Воскресенія Христова и мѣсто распятія Спасителя, Даніилъ говоритъ о находившейся подъ крестомъ головѣ Адама, на которую „сошла вода изъ ребръ Іисуса и омыла грѣхи рода человѣческаго". Упоминая о столбѣ Давида въ Іерусалимѣ, Даніилъ замѣчаетъ, что на этомъ столбѣ Давидъ писалъ Псалтирь. Упоминая о Капернаумѣ, говоритъ, что здѣсь надлежитъ родиться антихристу. Сообщаетъ о пещерѣ, гдѣ Спаситель научилъ учениковъ Своихъ пѣть „Отче нашъ!"—и о другой пещерѣ, гдѣ жилъ Мельхидексъ, который „первый началъ служить литургію хлѣбомъ и виномъ, а не опрѣснокомъ" и т. п. Апокрифическія легенды слышалъ Даніилъ и на пути къ Іерусалиму. Въ Ефесѣ, напр., онъ видѣлъ баню, „идѣже работалъ Иванъ Богословъ съ Прохоромъ, ученикомъ своимъ, у Романы"; видѣлъ онъ и пристанище, „идеже Ивана Богослова море изверже":—оба эти сказанія помѣщены въ „Хожденіи Іоанна Богослова", ложно приписываемомъ ученику его Прохору и

http://rcin.org.pl

относящемся къ апокрифическимъ. Архіепископъ Новгородскій Антоній въ своемъ путешествіи (въ концѣ XII в.) говоритъ, что въ церкви св. Софіи, въ Константинополѣ, хранились скрижали Моисея, а въ церкви св. Михаила—крестъ изъ лозы Ноя и палица Моисея и т. п.

Подобнаго рода религіозно-церковныя преданія какъ въ до-монгольскій періодъ, такъ и въ послѣдующее затѣмъ время заходили въ южную Русь вмѣстѣ съ другими паломническими разсказами въ очень большомъ количествѣ, такъ какъ паломничество здѣсь въ Палестину, Царьградъ и на Аѳонъ было сильно развито, при чемъ нѣкоторые паломники какъ, напр., Іоаннъ Вишенскій, проживали на Аѳонѣ въ теченіе многихъ лѣтъ.

Кромѣ апокрифовъ и апокрифическихъ сказаній, въ южную Русь проникло изъ Византіи же и особенно изъ Болгаріи много „ложныхъ молитвъ“, „худыхъ немоканунцевъ“ и разнаго рода волшебныхъ и гадательныхъ книгъ, напр.: „Мартолой“, или „Острологъ“, „Чаровникъ“, „Громникъ“, „Молніянникъ“, „Колядникъ“, „Царевы Сновидцы“, „Мысленникъ“, „Волховникъ“, „Путникъ“, „Звѣздочетецъ“ и др., которыя хотя собственно и не принадлежали къ религіознымъ книгамъ, но суевѣріемъ своимъ заслоняли въ народномъ сознаніи самую религію, низводя ее до совершеннаго фетишизма.

Апокрифы были распространены у насъ болѣе въ передѣлкахъ, чѣмъ въ подлинномъ своемъ видѣ, болѣе въ извлеченіяхъ и отрывкахъ, чѣмъ въ полныхъ сочиненіяхъ,— однимъ словомъ, болѣе распространены были *апокрифическія сказанія*, возникшія изъ апокрифовъ, чѣмъ собственно *апокрифы*. Самыя апокрифическія сказанія и легендарныя подробности, такъ часто встрѣчающіяся въ разныхъ памятникахъ древней русской письменности, далеко не всегда заимствовались изъ первыхъ — подлинныхъ источниковъ, а большею частію изъ вторыхъ и третьихъ рукъ, изъ разныхъ переводныхъ греческихъ, болгарскихъ, сербскихъ и даже польскихъ книгъ, въ которыхъ они помѣщались. Главными источни-

http://rcin.org.pl

ками и хранилищами ихъ въ Украинѣ и вообще въ Россіи были слѣдующія, въ общей своей основѣ переводныя, византійскія апокрифическія сочиненія: 1) Палеи, 2) Хроники, 3) „Слово о царствіи языкъ послѣднихъ временъ, сказаніе отъ перваго человѣка до послѣдняго вѣка“ Меѳодія Патарскаго и 4) „Бесѣда трехъ святителей“ Василія Великаго, Григорія Богослова и Іоанна Златоустаго.

До 1499 г. въ Россіи не было *полнаго* списка Библіи, и книги Св. Писанія распространены были или въ *отдѣльномъ* видѣ, или даже въ извлеченіяхъ, *по частямъ*—какъ для богослужебнаго, такъ и для внѣцерковнаго, домашняго употребленія. Ветхозавѣтныя книги Библіи для грамотныхъ нашихъ предковъ замѣнялись *Палеею*, которая заключала въ себѣ, на ряду съ священнымъ ветхозавѣтнымъ текстомъ, очень много всевозможныхъ апокрифическихъ сказаній и естественно-историческихъ разсказовъ изъ старыхъ греческихъ источниковъ съ нравоучительными толкованіями. Она пользовалась высокимъ авторитетомъ, наравнѣ съ книгами Свящ. Писанія, нисколько не отличалась нашими предками отъ Библіи, и самое названіе ея служило синонимомъ названія Библіи. Въ самодѣльномъ „Индексѣ книгъ истинныхъ и ложныхъ“, она, какъ книга авторитетная и назидательная, при отсутствіи имени своего составителя, приписывалась или Іоанну Златоусту, или Іоанну Дамаскину и безъ всякихъ колебаній относилась къ числу книгъ „истинныхъ“.

Имя Палеи въ древней русской письменности носили сборники, далеко не сходные между собою по цѣли и содержанію и распадающіеся на *двѣ* семьи—1) „Палею Толковую“, или „Бытія на Іудея“ и 2) „Палею“ *малую*, „Историческую“, или такъ называемыя „Очи палейныя“.

Толковая Палея представляетъ собою полемическое сочиненіе, направленное противъ *жидовъ* [1])—и отчасти противъ

[1]) Въ старину слово: „жидъ“ и въ особенности—„жидовскій“, какъ говоритъ проф. Н. С. Тихонравовъ, не имѣло у насъ того опредѣленнаго и тѣснаго значенія, какое имѣютъ эти слова теперь. Все еретическое,

http://rcin.org.pl

магометанъ—для оправданія Новаго Завѣта и для доказательства его превосходства надъ Ветхимъ. Вслѣдствіе этого, содержаніе ея въ древнѣйшей редакціи обыкновенно обнимаетъ собою первыя *восемь* библейскихъ книгъ (ὀκτάτευχον: 1) пятокнижіе Моисея, книги—2) Іисуса Навина, 3) Судей, 4) Руѳь, 5—8) 1, 2, 3 и 4 Царствъ) и не идетъ далѣе начала царствованія Соломона, завершаясь предсказаніями Давида, Соломона и Филона о Спасителѣ и нѣкоторыхъ новозавѣтныхъ

нечистое, несогласное съ православною вѣрою, называлось „жидовствомъ“. Въ „жидахъ“ видѣли наши предки зародышъ всей „погани“, какая существовала и существуетъ на землѣ.—„Отъ коего колѣна пошло *поганое* колѣно“?—спрашиваетъ „Бесѣда трехъ святителей“—и отвѣчаетъ: „Отъ жидовскаго“. Все еретическое, неправославное, запрещенное сливалось въ понятіи русскихъ людей съ „жидовствомъ“. Составленныя въ Россіи „Правила святыхъ отецъ“, заключающія въ себѣ изложеніе епитимій, содержатъ, между прочимъ, такое запрещеніе: „Грѣхъ есть други: еретичє или *жидовинє* (повѣдати?); постъ три дни и поклонъ 30 день“.—Ненавистное латинство также часто называлось „жидовствомъ“; тѣмъ же именемъ клеймилась и литургія, совершавшаяся на опрѣснокахъ. Первыя проявленія полемики въ русской церковной литературѣ направлены противъ „жидовъ“: съ ними ночью ходилъ состязаться преп. Ѳеодосій Печерскій, потому что зловѣріе ихъ проникало въ Печерскій монастырь; писанія перваго митрополита изъ русскихъ Иларіона точно также противополагаютъ ветхій, „жидовскій“ законъ новому, христіанскому. Ненависть къ „жидамъ“ проходитъ черезъ весь древній періодъ нашей исторіи. Въ XVII вѣкѣ полемику съ „жидами“ считали еще нужнымъ вводить въ кругъ *первоначальнаго* обученія грамотѣ, въ „азбуки“ и прописи, связывая его съ *первыми* же уроками. Духовный стихъ оставляетъ свой важный церковно-религіозный тонъ и вдается въ юморъ, когда ему приходится говорить о „жидахъ“. Происхожденіе нѣкоторыхъ обычаевъ христіанскихъ въ народныхъ пѣсняхъ и сказаніяхъ объясняется *враждою* „жидовъ“ къ христіанамъ. Такъ, въ полууставномъ сборникѣ XVIII в. Новгородской библіотеки (№ 1428, л. 511) помѣщена слѣдующая *Повѣсть о жидовинѣ отъ древнихъ*. „Чудо древле волное показася благодатію Господа нашего Іисуса Христа на святое воскресеніе Свое—Во святомъ градѣ Іерусалимѣ воскресе Господь, и мироносицы жены идоша отъ гроба Его же. Ангелъ имъ сказа Христово воскресеніе; они же веселящеся радостно грядуще. И се жидовинъ нѣкій въ то время куря заколаетъ. Жены же, зѣло радующеся воскресенію Христову, друга къ друзѣй вопіяху: „Христосъ воскресе!“ И жидовинъ возопи рече: „Аще Христосъ воскресе, то и куря се воскреснетъ“. И абіе куря оживе и яйце снесе,

http://rcin.org.pl

лицахъ и событіяхъ. Отъ Толковой Палеи вѣетъ любимыми пріемами свв. отцовъ Церкви. Въ ней историческій разсказъ постоянно переплетается съ богословско-символическимъ толкованіемъ, часто даже совершенно уступая мѣсто этому послѣднему, какъ имѣющій только служебное, второстепенное значеніе. Съ особенной подробностью древнѣйшая Толковая Палея останавливается на первыхъ *шести* дняхъ творенія:— это „Шестодневъ“, представлявшій слишкомъ обильный матеріалъ для богословско-символическихъ толкованій, съ прибавленіемъ догматическихъ толкованій о *Трисобственномъ Божествѣ* [1]). За этою довольно обширною *первою* главою слѣдуетъ повѣствованіе о „бытіи человѣческомъ“—до потопа въ видѣ простыхъ хронологическихъ и генеалогическихъ указаній, а затѣмъ уже въ формѣ послѣдовательнаго историческаго разсказа. Довольно большое мѣсто занимаютъ при этомъ „Завѣты двѣнадцати патріарховъ“, которые звачительно дополнены составителемъ символическими толкованіями предсказаній „патріарховъ“. Ветхозавѣтная исторія отъ Моисея до Соломона изложена соотвѣтствующими выдержками изъ Библіи.

Толковая Палея, постоянно указывая таинственный смыслъ ветхозавѣтныхъ событій по отношенію ихъ къ Новому Завѣту, захватываетъ, такимъ образомъ, въ свою сферу важнѣйшую часть христіанской символики, излагаетъ тѣ символическія идеи, которыя выражало и выражаетъ христіанское искусство въ живописныхъ и скульптурныхъ изо-

---

и мироносицы плодъ ея похватиша, скоро принесоша ко апостоломъ, глаголюще: „Христосъ воскресе воистину!“ И оттолѣ имяше обычай на великъ день Воскресенія Христова въ церкви на цѣлованіе креста Господня и ко священникомъ и во все православное христіанство другъ ко другу обычай имяше таковъ на всей вселенней со яйцемъ цѣловатися, Христово воскресеніе проповѣдующе сице лепо“.

[1]) Составитель Толковой Палеи придавалъ наиболѣе важное значеніе именно этой части своего сборника, вслѣдствіе чего и самая Толковая Палея называлась „библейскою книгою“, повѣстью о „бытіи неба и земли“.

http://rcin.org.pl

браженіяхъ, украшавшихъ и украшающихъ храмы. Она собрала для обличенія „окаяннаго жидовина“ символическія толкованія Ветхаго Завѣта точно такъ же, какъ на Западѣ Biblia pauperum („Библія бѣдныхъ“) сгруппировала ихъ около новозавѣтныхъ изображеній. Символическія объясненія Толковой Палеи, которыя такъ любила византійская церковная литература, сближаютъ ее съ древне-русскими проповѣдями и вообще съ отдѣломъ нашей древне-церковной литературы, державшимися подражаніемъ литературѣ византійской, почему произведенія этого отдѣла далеко не всегда были доступны пониманію большинства читателей.

Вошедшіе въ составъ древнѣйшей редакціи Толковой Палеи *апокрифы* („Откровеніе Авраама“, „Слово Аѳанасія Александрійскаго о Мелхиседекѣ“, „Лѣствица Іакова“, „Завѣты двѣнадцати патріарховъ“, „Житіе святаго великаго пророка Моисея“, позднѣе—„Повѣсть о Китоврасѣ“, „Суды Соломона“, „Сказаніе о царицѣ Савской“) отличаются главнымъ образомъ символическимъ и пророческимъ характеромъ, совершенно чужды характера сказочнаго, относятся въ *большинствѣ своемъ* къ уважавшимся самою Церковію произведеніямъ древне-христіанской литературы, извѣстнымъ подъ названіемъ ψευδεπιγράφων—*ложно надписанныхъ*. Составитель Толковой Палеи, внося ту или другую отреченную книгу въ свою обширную компиляцію, передаетъ разсказъ ея отъ своего собственнаго лица, многое отбрасываетъ, многое прибавляетъ, руководствуясь основною мыслію Толковой Палеи—представить въ ветхозавѣтныхъ событіяхъ обличеніе „окаянному жидовину“. Въ собственно *русскихъ* редакціяхъ ея преобладаютъ *апокрифическія сказанія* (о паденіи Сатанаила и десятаго чина ангеловъ, о раѣ и о древахъ жизни и познанія добра и зла, о хожденіи Сиѳа въ рай предъ смертію Адама и о погребеніи Адама въ Іерусалимѣ и др.), многія изъ которыхъ въ томъ или иномъ видѣ сдѣлались потомъ достояніемъ народной легенды.

http://rcin.org.pl

Историческая, Малая Палея, или „Очи палейныя“ въ древнѣйшихъ юго-славянскихъ и русскихъ спискахъ заключаетъ въ себѣ изложеніе ветхозавѣтной исторіи („Шестоднева“ совсѣмъ нѣтъ) до Давида включительно. Она была извѣстна уже преп. Нестору Лѣтописцу и Даніилу Паломнику. Родина ея—Византія, при чемъ въ нѣкоторыхъ славянскихъ спискахъ составленіе этой Палеи усвояется какому-то киръ-Ѳеодору. Источниками для составителя служили: книга Бытія, Псалтирь, пророчества „Іеремен“, творенія Григорія Богослова, Іоанна Златоуста, Ѳеодора Студита, Епифанія Кипрскаго, сочиненія Іосифа Флавія, апокрифическое „Житіе святаго великаго пророка Моисея“, особенно же великій канонъ Андрея Критскаго и апокрифическія преданія ветхозавѣтнаго содержанія, которыя были обильно разсѣяны по византійскимъ хроникамъ и хронографамъ. Историческая Палея совершенно чужда полемической цѣли и историческое изложеніе покидаетъ только въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ, съ цѣлію представить—обыкновенно совершенно произвольное и наивно-невѣжественное—объясненіе какого-нибудь церковнаго обряда, пѣснопѣнія, псалма; повѣствованіе историческихъ книгъ Библіи въ ней часто замѣняется народно-апокрифическимъ, съ извращеніемъ библейскихъ событій и искаженіемъ библейскихъ именъ. Такой характеръ Исторической Палеи дѣлалъ ее вполнѣ доступною для пониманія громаднаго большинства древне-русскихъ читателей, а потому она получила широкій доступъ въ народную массу, вошла въ самую тѣсную связь съ народной устной словесностью, въ произведеніяхъ которой и по сію пору слишкомъ явственно чувствуются ея мотивы. Она многимъ напоминаетъ собою нѣмецкія такъ называемыя „Историческія библіи“—Historienbibel, имѣвшія цѣлію своею популяризацію среди простого народа содержанія Библіи и очень широко пользовавшіяся для этого различными апокрифическими сказаніями.

http://rcin.org.pl

Къ числу византійскихъ хроникъ, служившихъ также довольно богатымъ источникомъ апокрифическихъ сказаній у насъ въ древнія времена, относятся Хроники Іоанна Малалы и Георгія Амартола. Въ Хроникѣ Іоанна Малалы, излагающей событія отъ начала міра до 566 года по Р. Х., помѣщены апокрифическія сказанія объ Авраамѣ, Мелхиседекѣ, „Завѣты двѣнадцати патріарховъ“, сказаніе о кровоточивой женѣ Вероникѣ, воздвигшей Спасителю, въ благодарность за свое чудесное исцѣленіе, мѣдную статую, и *двѣ* повѣсти, пользовавшіяся большою популярностью среди нашихъ древнихъ грамотеевъ: „Сказаніе о войнѣ Троянской“ и „Александрія“. Общій характеръ Хроники Георгія Амартола—церковный. При изложеніи всѣхъ событій (отъ сотворенія міра до 867 года по Р. Х.) Амартолъ слѣдитъ главнымъ образомъ судьбы истинной вѣры и Церкви и торжество православія надъ еретиками. Но при этомъ онъ не ограничивается разсказомъ объ однихъ только церковно-религіозныхъ событіяхъ, а говоритъ и о нравахъ и обычаяхъ въ разныхъ странахъ, упоминаетъ о состояніи въ нихъ наукъ и искусствъ и т. п. Кромѣ множества мелкихъ апокрифическихъ подробностей о разныхъ лицахъ и событіяхъ, въ Хроникѣ помѣщены, между прочимъ, сказанія о еврейской письменности при Сиѳѣ и астрономіи при Немвродѣ, о погребеніи Адама въ Іерусалимѣ, о состязаніи Авраама съ египетскими астрологами о судьбѣ, о Мелхиседекѣ, о смерти Моисея, о сивиллахъ, о врачебныхъ книгахъ, о Соломонѣ и царицѣ Савской и др... Какъ Хроникою Іоанна Малалы, такъ и Хроникою Георгія Амартола пользовался нашъ первый лѣтописецъ; отдѣльные разсказы изъ нихъ часто встрѣчаются въ различныхъ древне-русскихъ сборникахъ.

„Слово о царствіи языкъ послѣднихъ временъ, отъ перваго человѣка до послѣдняго вѣка“, совершенно неосновательно приписываемое св. Меѳодію Патарскому († въ 310 г.), скорѣе можетъ принадлежать св. Меѳодію, патр. Константинопольскому († въ 846 г.). Въ повѣствованіе о первыхъ людяхъ

http://rcin.org.pl

и о первыхъ временахъ міра внесено много апокрифическихъ сказаній изъ разныхъ источниковъ. Далѣе говорится о томъ, какъ возникли разныя царства отъ начала міра, или отъ Адама, и сообщаются откровенія, или предсказанія о будущихъ событіяхъ до послѣднихъ временъ міра, которыми считаются времена послѣ *седьмой* тысячи лѣтъ отъ сотворенія міра. При разсказѣ о Македонскомъ царствѣ и объ Александрѣ Великомъ помѣщено сказаніе о томъ, какъ Александръ заключилъ нечистые народы Гога и Магога и др. въ сѣверныхъ горахъ. Знаменіемъ наступленія послѣднихъ временъ считаются завоеванія измаильтянъ по всей землѣ и страшныя опустошенія и бѣдствія, которыя они произведутъ при этомъ. Затѣмъ описывается явленіе антихриста, сошествіе на землю Эноха и Иліи, которые обличатъ антихриста, но сами будутъ умерщвлены имъ. Наконецъ, явится знаменіе Сына человѣческаго, который придетъ на облакахъ небесныхъ, со многою славою,— и тогда настанетъ послѣдній—Страшный судъ.—„Слово“ было извѣстно у насъ съ первыхъ же временъ письменности (уже въ лѣтописи преп. Нестора приводится изъ него разсказъ о нечистыхъ народахъ, заключенныхъ въ горахъ Александромъ Македонскимъ) и существовало во множествѣ списковъ, при чемъ часто распространялось разными апокрифическими вставками.

„Бесѣда трехъ святителей,“ приписанная Василію Великому, Григорію Богослову и Іоанну Златоусту,—конечно, только для приданія ей большаго авторитета и въ виду существовавшаго обычая отъ имени *этихъ* святителей производить пренія по разнымъ богословскимъ вопросамъ,—по своему происхожденію, относится ко временамъ отдаленной христіанской древности и первоначально занесена къ намъ, вѣроятно, изъ Болгаріи, вмѣстѣ съ „кощунами“, „худыми номаканунцами“, „ложными молитвами“, „Зелейниками“, Волховниками“, „Чаровниками“ и другими отреченными книгами, потому что она встрѣчается въ такихъ болгарскихъ рукописяхъ, въ которыхъ не видно рѣшительно никакихъ слѣдовъ

http://rcin.org.pl

русскаго вліянія. „Бесѣда“ имѣетъ видъ сборника, составленнаго изъ разныхъ, преимущественно апокрифическихъ и легендарныхъ, сочиненій. Она состоитъ изъ вопросовъ и отвѣтовъ, касающихся священной исторіи и вообще знанія, обыкновенно въ замысловатой формѣ; богословскій вопросъ сближается съ трудной загадкой, зазрѣшеніе которой въ глазахъ старинаго простодушнаго русскаго читателя представлялось дѣломъ великой мудрости. „Бесѣда“ знаетъ множество подробностей, совсѣмъ не упоминаемыхъ въ книгахъ Свящ. Писанія. Такъ, она знаетъ, „отъ коликихъ частей Адамъ сотворенъ“, сколько пробылъ онъ въ раю и т. п. Знаетъ имя рабы Пилатовой, обличившей ап. Петра; имя воина, поразившаго Господа на крестѣ копьемъ и т. д. Нѣкоторые вопросы и отвѣты имѣютъ характеръ шуточныхъ загадокъ напр.: *В.* Кто родился прежде Адама съ бородой? *О.* Козелъ.—*В.* Что значитъ: волъ родилъ корову? *О.* Адамъ родилъ Еву.—*В.* Какое было на землѣ *первое* художество? *О.* Швечество: Адамъ и Ева сшили себѣ одѣянія изъ листвія смоковнаго.—*В.* Что такое: стоялъ городъ на пути, а пути къ нему нѣтъ, пришелъ къ нему нѣмой посолъ, принесъ грамоту неписанную? *О.* Городъ былъ ковчегъ, а посолъ—голубь, принесъ масличный сучокъ.—*В.* Живой мертваго билъ, а мертвый вопіялъ? *О.* Живой—звонарь, а мертвый—колоколъ и т. п. „Бесѣда“ знала, наконецъ, что земля основана „на трехъ китахъ великихъ“ и т. д.—Усвоенная русскимъ народомъ, „Бесѣда“ получила у насъ мѣстный колоритъ и пустила глубокіе корни въ древне-русской поэзіи. Состоя въ тѣснѣйшей связи съ народными суевѣріями, загадками, примѣтами и съ различными миѳическими воззрѣніями и отзываясь на всѣ литературные и художественные интересы эпохи, она дала содержаніе многимъ народнымъ пѣснямъ, сказкамъ, изреченіямъ, и, надо думать, въ свою очередь, сама многое заимствовала изъ этихъ народныхъ источниковъ. Люди съ строгими православными убѣжденіями могли смотрѣть по меньшей мѣрѣ недоброжелательно, а то даже и съ презрѣніемъ на это наивное собраніе

http://rcin.org.pl

притчей и загадокъ, могли его преслѣдовать съ точки зрѣнія богословской; но поэзія „Бесѣды“ была такъ обаятельна, что, несмотря на строгія запрещенія, она расходилась во множествѣ списковъ, съ самыми странными, противными духу православія, послѣдующими, новыми прибавленіями. По занимательности энциклопедическаго содержанія своего и по игривости поэтическаго изложенія, примѣненнаго къ народнымъ загадкамъ, она дотого была распространена между грамотными нашими предками, что отрывки изъ нея были внесены въ *Азбуку*—и, по всей вѣроятности, не ради одной поэтической формы изложенія, а скорѣе по причинѣ назидательности свѣдѣній, которыя грамотные люди думали почерпать изъ нея. Еще и теперь, по словамъ проф. О. Буслаева, коегдѣ въ захолустьяхъ Руси можно встрѣтить грамотнаго мужичка, который, пробавляясь этою занимательною „Бесѣдою“, поучается изъ нея по-своему понимать міръ и исторію человѣчества, символически объяснять себѣ явленія природы и всемірныя событія, толковать изображенія на иконахъ, вмѣстѣ съ тѣмъ все болѣе и болѣе свыкается съ поэтическимъ міромъ духовныхъ стиховъ, которые распѣваетъ ему странствующій пѣвецъ, слѣпой старецъ, смутно блуждающій своимъ воображеніемъ въ томъ же наивномъ, уже совершенно чуждомъ для насъ, мірѣ апокрифической „Бесѣды“.

Апокрифическія и вообще „отреченныя“ сочиненія, наполненныя вымышленными, подчасъ даже фантастическими, разсказами, въ которыхъ священныя истины смѣшаны съ разными грубыми заблужденіями и суевѣріями, подвергались, естественно, строгому осужденію со стороны древне-русской церковной власти. Статья „О книгахъ истинныхъ и ложныхъ“ все болѣе и болѣе разрасталась, дополняемая южно-славянскими и *русскими* прибавленіями и неопустительно помѣщалась въ Кормчихъ и нѣкоторыхъ другихъ книгахъ, грозя *прещеніемъ* тѣмъ, кто читаетъ „отреченныя“ книги. [1]) При

[1]) *Строго-систематическаго* преслѣдованія „отреченныхъ“ книгъ въ древней Россіи, впрочемъ, не было, да, собственно говоря, какъ увидимъ

http://rcin.org.pl

всемъ томъ, книги эти, какъ мы раньше сказали уже, широко распространялись „по всему лицу земли Русской“, оказали громадное вліяніе на наше образованіе, на нашу письменность, вошли въ существо народнаго преданія, его религіозныхъ вѣрованій и космогоническихъ представленій. Въ рѣдкомъ памятникѣ древне-русской письменности мы не встрѣтимъ какого-нибудь апокрифическаго сказанія или какой-нибудь апокрифической подробности. На многія „отреченныя“ книги предки наши смотрѣли, какъ на Свящ. Писаніе. Ссылки на апокрифическія статьи и запрещенныя сочиненія часто попадаются въ церковныхъ словахъ и поученіяхъ. И самыя поученія эти любятъ облекаться въ форму „ложныхъ“ книгъ и принимать подложныя заглавія. Такъ, напр., одно изъ древнихъ русскихъ поученій озаглавлено: „Слово Святыя Троицы всему миру на спасеніе души и тѣлу“. Апокрифъ упорно проникаетъ въ церковныя изображенія, въ обрядность, въ церковныя пѣснопѣнія и т. д. Въ старинныхъ требникахъ рядомъ съ церковными молитвами помѣщались заговоры и заклинанія языческаго происхожденія. Въ церковныхъ правилахъ много положеній и запрещеній заимствовано было изъ „ложныхъ“ книгъ—„худыхъ намоконунцовъ“, по выраженію *индексовъ*, и, подъ опасеніемъ проклятія за неисполненіе ихъ, пускалось въ невѣжественный и суевѣрный народъ. Бумажки съ надписями Господнихъ именъ или съ *Посланіемъ* Авгаря къ Іисусу Христу навѣшивались, при разныхъ причитаньяхъ и молитвахъ, на шею больныхъ, и такимъ образомъ старое языческое вѣрованіе въ „наузы“ сливалось съ христіанскимъ обрядомъ. Слѣдованныя Псалтири сопрово-

---

это нѣсколько ниже, и не могло быть. Самъ составитель Великихъ Четій-Миней Макарій, митр. Московскій, жившій *уже въ XVI в.*, внесъ въ свой громадный сборникъ цѣлый рядъ „отреченныхъ“ книгъ („Слово Іноха праведнаго“, „Сказаніе Афродитіана о рождествѣ Спасителя“, „Разсказъ о Вавилонскомъ плѣненіи“ и нѣк. др.), считая ихъ, *по простотѣ своей*, конечно, „истинными“, хотя онѣ и указаны въ *индексахъ* въ числѣ „ложныхъ“.

http://rcin.org.pl

ждались „отреченными“ *гадательными* книгами „о лунныхъ дняхъ“, предсказаніями о томъ, когда удобно садить, сѣять, вступать въ бракъ и т. д. Нѣкоторыя отдѣльныя выраженія, образныя картины въ акаѳистахъ „Іисусу Сладчайшему“, „Честному Кресту“ и „Страстямъ Христовымъ“ носятъ на себѣ явные слѣды вліянія апокрифовъ.—Чѣмъ же можно объяснить такое странное—на первый взглядъ—явленіе?

Въ объясненіе этого, прежде всего, нужно сказать, что еще съ первыхъ вѣковъ христіанства нѣкоторые *основные* апокрифы пользовались довѣріемъ и уваженіемъ даже въ средѣ славнѣйшихъ отцовъ и учителей вселенской Церкви, потому что апокрифы эти являлись если и не вполнѣ каноническимъ представленіемъ, то все же благочестивымъ и вѣроподобнымъ преданіемъ: въ апокрифѣ, какъ говоритъ академикъ А. Н. Пыпинъ, дѣйствовали увѣренная положительность легенды и нерѣдко ея несомнѣнная и глубокая христіанская поэзія, и дѣйствовалъ также элементъ символа и прообразованія, очень сильный въ самомъ христіанскомъ вѣрученіи. Такъ, этимъ довѣріемъ пользовались сказанія о міротвореніи, о небесныхъ силахъ, о сотвореніи Адама, о крестномъ древѣ, о житіи и успеніи Богоматери и т. п. нѣкоторые апокрифы, какъ, напр., „Первоевангеліе Іакова“, „Евангеліе Никодима“, апокрифическія „Откровенія“ (не всѣ, впрочемъ), имѣли какъ бы полуканоническое значеніе. На русской почвѣ апокрифы встрѣтились съ одной изъ самыхъ темныхъ сторонъ нашего старинnаго грамотника, оставившихъ довольно тяжелый слѣдъ въ исторіи религіознаго развитія русскаго народа, именно съ *буквализмомъ*, съ суевѣрнымъ страхомъ предъ всѣмъ, что выдаетъ себя за святое писаніе, съ безпрекословнымъ довѣріемъ ко всему написанному, съ полнымъ нежеланіемъ, вопреки апостольскому завѣту, *испытать духъ писанія*. Къ тому же, „отреченныя“ книги слишкомъ ужъ щедры были на угрозы тѣмъ, которые дерзнули бы усомниться въ ихъ божественномъ происхожденіи, и, съ другой стороны, на награды-индульгенціи заботив-

http://rcin.org.pl

шимся объ ихъ распространеніи. Буквализмъ нашего стараго грамотника, говоритъ проф. Н. С. Тихонравовъ, придавалъ одинаковую вѣру и канонической книгѣ и какой-нибудь „Епистоліи“ Іисуса Христа, упавшей съ неба. Многіе же такъ небрежно обходились съ книгами, „якоже імянъ не вѣдати чтомыхъ книгъ“. Простодушный монахъ переписывалъ „отреченную“ книгу съ убѣжденіемъ, что совершаетъ подвигъ христіанскаго благочестія, и въ заключеніе просилъ: „а гдѣ будетъ описаяся, и вы *духовны* Бога ради исправляете собою духомъ кротости, а не клените мя грѣшнаго“; а „образованные“ и умные игумены, которымъ попадалъ въ руки подобный сборникъ, представлявшій смѣсь каноническихъ статей съ „отреченными“, помѣчали иногда книгу словами: „прочтохъ много добрыхъ вещей и простоты много“.

Съ другой стороны, древне-русская жизнь и древне-русское образованіе твердо покоились на религіозной основѣ; на такой же основѣ возникли и развились и апокрифическія сказанія; слѣдовательно, они какъ нельзя болѣе приходились по вкусу древне-русскимъ читателямъ. Скудость церковно-богословскаго развитія не давала имъ возможности болѣе или менѣе ясно сознавать тѣ ошибки и невѣроятности, то странное смѣшеніе вымысла съ истиной, какія поражаютъ насъ въ апокрифахъ; даже самые „образованные“ изъ нихъ, не исключая и архипастырей, едва ли обладали такимъ знаніемъ Свящ. Писанія и исторіи, чтобы могли критически относиться къ апокрифическимъ сочиненіямъ. Достаточно припомнить хотя бы относящееся къ началу XIV в. извѣстное *Посланіе* Новгородскаго архіепископа Василія къ Тверскому епископу Ѳеодору о земномъ раѣ, которое, по существу своему, по всей справедливости должно быть отнесено къ „ложнымъ“ книгамъ. А между тѣмъ, въ апокрифическихъ сочиненіяхъ была своя слишкомъ ужъ привлекательная сторона. Они авторитетно, хотя часто очень уже своеобразно, рѣшали всевозможные религіозные вопросы—главный предметъ тогдашней любознательности; распространяли вымыш-

http://rcin.org.pl

ленными подробностями сухой и краткій историческій разсказъ; олицетворяли явленія и силы природы, которая, поэтому, становилась какъ бы живымъ существомъ, исполненнымъ удивительныхъ чудесъ. Сочиненія эти сообщали свѣдѣнія, какихъ не могла дать помимо нихъ ни одна книга. То, что составляетъ непроницаемую тайну для исторіи,—скажемъ словами проф. И. Порфирьева,—апокрифы знаютъ самымъ обстоятельнымъ образомъ: они знаютъ, когда сотворены и пали ангелы, указываютъ день и даже часъ, когда произошло паденіе Адама и Евы, разсказываютъ подробности о первой ихъ жизни по изгнаніи изъ рая и, наконецъ, еще бо́льшія подробности о смерти Адама („Сказаніе объ Адамѣ“ и „Исповѣданіе Евы“); они знаютъ, что чувствовали и говорили, находясь въ аду, Адамъ и другіе патріархи и пророки предъ пришествіемъ къ нимъ Спасителя („Слово Адама къ Лазарю“); они рисуютъ подробныя картины кончины міра, Страшнаго суда и будущей жизни, разсказывая о томъ, въ какомъ возрастѣ и видѣ востанутъ на судъ умершіе, узнаютъ ли на томъ свѣтѣ другъ друга, и будутъ ли имѣть общеніе между собою родственники, чѣмъ насыщаются праведники въ раю. Другіе апокрифы, какъ, напр., „Завѣты двѣнадцати патріарховъ“, правились своимъ назидательнымъ характеромъ, своими поучительными размышленіями. Иные привлекали читателя своею *сказочною* или *загадочною формой*, какъ, напр., „Сказаніе о Соломонѣ и Китоврасѣ“ и „Бесѣда трехъ святителей“. Наконецъ, въ нѣкоторыхъ апокрифахъ встрѣчаются глубоко-трогательныя и въ высшей степени поэтическія картины; таковы, напр., въ „Хожденіи Богородицы по мукамъ“ изображенія, какъ Богоматерь, осмотрѣвъ многоразличныя муки ада, призываетъ всѣхъ святыхъ пророковъ, апостоловъ и всѣ небесныя силы молиться за грѣшниковъ, и какъ всѣ призванные Ею падаютъ ницъ предъ престоломъ Божіимъ и молятся. Таковы же изображенія въ „Видѣніи апостола Павла“, какъ вся природа жалуется Богу на беззаконія людей, а Богъ проситъ ее потерпѣть, пока люди по-

http://rcin.org.pl

каются; какъ ангелы Божіи, приставленые къ людямъ, по окончаніи каждаго дняи каждой ночи приходятъ къ Богу и приносятъ Ему всѣ дѣла людскія—добрыя и злыя. Удовлетворяя религіозному чувству, апокрифическія сочиненія, въ то же время, удовлетворяли и чувству поэтическому—и тѣмъ лучше, что удовлетворяли изъ одного и того же религіознаго источника, который признавался единственно законнымъ въ силу изначала установившагося склада русской жизни.

Надежно сохранившіяся первоначально въ „толстыхъ сборникахъ поповъ“, апокрифическія сочиненія спустились затѣмъ, съ развитіемъ образованности, въ массы необразованнаго большинства, въ народъ, и въ безднѣ народныхъ книгъ, тетрадокъ, лубочныхъ картинъ „отреченнымъ“ книгамъ и по сію пору принадлежитъ самое видное мѣсто,—у нихъ только другіе читатели стали [1]). Вся сила симпатіи, которая влекла и влечетъ народъ къ этимъ сочиненіямъ, объясняется *главнымъ образомъ* тѣмъ, что многія „отреченныя“ книги держались тѣми же стародавними преданіями индо-европейской семьи народовъ, выраженіемъ которыхъ была изустная словесность народа, такъ что, строго говоря, не „отреченная“ литература *поселила и развивала* „двоевѣріе“ въ русскомъ народѣ, напротивъ—*сама она питалась и поддерживалась* этимъ „двоевѣріемъ“. Новыя *христіанскія* понятія прививались въ русскомъ народѣ слишкомъ туго, медленно, вѣками исподоволь перерабатывались въ народномъ міросозерцаніи, тѣсно переплетаясь со всею массою *прежнихъ*, языческихъ воззрѣній. Новое зданіе строилось на развалинахъ стараго—и притомъ на половину изъ стараго же мате-

---

[1]) О роли священно-и въ особенности *церковнослужителей* (дьячковъ и пономарей) въ дѣлѣ передачи, такъ сказать, апокрифическихъ сказаній народу лучше всего говоритъ извѣстная „Евангелистая Пѣснь“, которая вся состоитъ изъ вопросовъ:

Ой ты, дяче, дяче ученый, надъ школами вибраний,
Скажи міні, що то есть *единъ*?.. и т. д.

„Кіевская Старина“ 1887 г., декабрь, стр. 776—777.

http://rcin.org.pl

ріала. Историческій ходъ народнаго міросозерцанія, исторія духа, убѣжденій, обычаевъ народа именно *тѣмъ* отличается, что здѣсь прошедшее находится въ самой тѣсной связи съ настоящимъ, въ самомъ полномъ взаимодѣйствіи. Отличительная черта исторіи народныхъ воззрѣній и вѣрованій—глубокая консервативность. Старыя воззрѣнія и вѣрованія, старые повѣрья и обряды, старые обычаи, какъ показываетъ повсюдный опытъ, народъ сохраняетъ очень и очень долго. Онъ хранитъ ихъ даже и тогда, когда уже совершенно не понимаетъ. Старыя вѣрованія долго не умираютъ; они сливаются съ новыми вѣрованіями, сначала уподобляя ихъ себѣ, а затѣмъ видоизмѣняются сами. Если посмотримъ, какъ христіанство привилось къ тому или другому народу, то найдемъ, что у различныхъ народовъ оно носитъ различный характеръ. Причина такого явленія заключается въ различіи прежнихъ воззрѣній, обусловливаемомъ историческою жизнію народа и его національными особенностями. Народъ—это тотъ же организмъ, имѣющій свои органическіе законы, свои отличительныя черты,—однимъ словомъ, то, что называется народностію. Въ его жизни бываютъ заимствованія отъ другихъ народовъ, усвоеніе чужого. Но это чужое заимствуется не цѣликомъ, не безусловно. Народный организмъ впитываетъ въ себя только то, что ему сродно, и, по мѣрѣ усвоенія чужого, обращаетъ послѣднее въ свою собственную плоть и кровь. Заимствованное *перерабатывается* на народный ладъ, дѣлается *своимъ*, теряя многія прежнія свойства и получая новыя—народныя черты. Съ принятіемъ христіанства народу приходилось порвать со всѣмъ прежнимъ, какъ „діавольскимъ“, какъ „служеніемъ сатанѣ“. Такой рѣзкій переворотъ, такая коренная ломка духовная не могли, конечно, совершиться сразу или, по крайней мѣрѣ, болѣе или менѣе скоро. Отсюда—„двоевѣріе“ и горячія симпатіи народныя къ апокрифическимъ сочиненіямъ, какъ связующему звену между *новымъ*, христіанскимъ и *старымъ*, языческимъ, коренившимся въ стародавнихъ преданіяхъ индо-европейской семьи народовъ.

http://rcin.org.pl

Масса народная для того, чтобы сродниться съ новымъ міромъ христіанскихъ идей и преданій, должна была низвести ихъ до уровня своего младенчески-наивнаго пониманія и привычнаго способа представленія. И вотъ, на почвѣ частію старо-языческихъ, частію христіанскихъ преданій и апокрифическихъ сказаній, возникаетъ въ средѣ щедро одареннаго непосредственнымъ поэтическимъ творчествомъ украинскаго народа обширный циклъ легендъ, обнимающихъ содержаніемъ своимъ всѣ стороны незамысловатой жизни его, всѣ ея насущнѣйшіе вопросы и разнообразные запросы.

Въ своей совокупности украинскія легенды представляютъ изъ себя довольно стройную систему міросозерцанія; всѣ онѣ проникнуты однимъ духомъ, всѣ ихъ стягиваетъ и сливаетъ одна общая нить. Главная задача большинства украинскихъ легендъ—показать людямъ все ничтожество человѣческаго ума предъ Высшею Премудростію, всю тщету человѣческихъ стремленій и усилій измѣнить предопредѣленное свыше, всю скоротечность земныхъ радостей и печалей сравнительно съ вѣчностью неизреченнаго райскаго блаженства и страшныхъ адскихъ мукъ. Основныя положенія свои легенда раскрываетъ въ разсказахъ якобы изъ жизни извѣстныхъ ветхозавѣтныхъ лицъ, патріарховъ, пророковъ, Спасителя, Божіей Матери, апостоловъ и свв. угодниковъ. Само собою понятно, что въ устной передачѣ въ теченіе многихъ вѣковъ книжные сюжеты неизбѣжно должны были подчиниться—и дѣйствительно подчинились—*мѣстнымъ* вліяніямъ; въ нѣкоторыхъ легендахъ, очень можетъ быть, отражается отчасти вліяніе и личности самого пересказчика. При всемъ томъ, нравственный элементъ всегда сохраняетъ въ нихъ первенствующее значеніе и составляетъ самую жизненную ихъ часть. Тонъ легендъ—спокойный, серьезный, авторитетный, но мѣстами, благодаря употребленію въ теченіе вѣковъ отлившихся въ опредѣленную и въ такомъ видѣ навсегда уже застывшую форму эпическихъ оборотовъ и выраженій, нѣкоторыя легенды сбиваются на тонъ сказочный и, вслѣдствіе чрезмѣрнаго—иногда

http://rcin.org.pl

безъ всякой нужды—нагроможденія чудеснаго элемента, переходятъ въ „побреченьки“. Во всѣхъ же вообще легендахъ ярко отражаются черты, характеризующія украинца такимъ, какимъ онъ выступаетъ передъ нами въ своемъ прошломъ и какимъ остается отчасти и теперь, несмотря на измѣнившіяся кореннымъ образомъ условія гражданственности. Важнѣйшія изъ этихъ чертъ слѣдующія: сильно развитое чувство личности, протестующее противъ фатализма; стремленіе къ общественной справедливости, вызывающее неустанное исканіе правды на землѣ, не взирая на всякаго рода тревоги и разочарованія, всегда обыкновенно сопряженныя съ такими поисками; личная инициатива въ возбужденіи и рѣшеніи вопросовъ какъ нравственныхъ, такъ равно и общественныхъ; братская любовь къ людямъ, исключающая, однако, мистическую темноту, смотрящая прямо на людскіе недостатки; неизсякаемый добродушный, безобидный юморъ, временами сохраняющій подчасъ свою естественную грубость въ языкѣ и въ формѣ выраженія и нѣк. др.

Въ своемъ изложеніи украинскихъ легендъ мы начнемъ съ легендъ, относящихся къ свящ. исторіи Ветхаго Завѣта, а затѣмъ перейдемъ къ легендамъ, относящимся къ свящ. исторіи Новаго Завѣта и къ церковной исторіи. Но при этомъ считаемъ настоятельно необходимымъ сказать предварительно нѣсколько словъ еще объ одномъ, не упомянутомъ пока нами, *существенѣйшемъ и въ высшей степени важномъ* источникѣ украинскихъ легендъ, какъ легендъ и всѣхъ вообще народовъ.

http://rcin.org.pl

„Странствующія“ повѣсти въ украинской легендарной литературѣ.

„Ничто не ново подъ луною“, говоритъ многовѣковая мудрость. И, какъ ни страннымъ можетъ показаться это, приведенный афоризмъ имѣетъ самое широкое приложеніе къ литературнымъ богатствамъ народовъ. Самоотверженные, безкорыстные труженики науки, тщательно изучая мельчайшія подробности въ поэмахъ и сказкахъ, въ легендахъ и повѣстяхъ, въ устныхъ народныхъ преданіяхъ и письменныхъ литературныхъ памятникахъ,—классическія ли то произведенія міровыхъ геніевъ, или же старинныя полуграмотныя „издѣлія“ безвѣстныхъ переписчиковъ,—во всемъ этомъ необъятномъ матеріалѣ, накопившемся въ теченіе многихъ вѣковъ у разныхъ народовъ, усмотрѣли въ послѣднее время цѣлый рядъ одинаковыхъ сюжетовъ и мотивовъ, разсыпавшихся, такъ сказать, по всему міру въ неисчислимомъ множествѣ самыхъ разнообразныхъ варіацій на общія темы. *Преемственное литературное преданіе*, оказывается, является главнѣйшею двигательною силою, которая, какъ говоритъ проф. Ѳ. Буслаевъ, въ теченіе вѣковъ и чуть не до нашихъ дней внушала вдохновеніе даже такимъ великимъ геніямъ, какъ Дантъ и Шекспиръ, подсказывало Гёте сказки о чернокнижникѣ Фаустѣ, тревожило безпокойный духъ Байрона старыми розсказнями о похожденіяхъ Донъ-Жуана, питало

http://rcin.org.pl

въ Вальтеръ-Скоттѣ патріотическія воспоминанія о родной Шотландіи и, наконецъ, даже въ наше вовсе непоэтическое время подъ музыкальные звуки оперы рисуетъ лѣнивому воображенію толпы фантастическіе очерки восточной притчи о *Сорокѣ-воровкѣ*, народной сказки о *Чепереитолѣ* (въ русскихъ сказкахъ—*Попелюга*, или *Попелуха*) или средневѣковой легенды о *Робертѣ-Дьяволѣ*. Соотвѣтственно быту и развитію нравовъ и понятій, точка зрѣнія на преданіе мѣнялась, но само преданіе въ теченіе тысячелѣтій держится твердо и остается одно и то же, и вся работа вѣковъ и поколѣній состоитъ только въ томъ, чтобы нанизывать новыя впечатлѣнія и новые взгляды и идеи на одну и ту же общую нить, посредствомъ которой каждый новый шагъ по пути развитія тормазится притяженіемъ къ старинѣ и преданію. Само христіанство, наложивши неизгладимую печать духовнаго сродства на всѣ цивилизованные народы, открыло новое широкое поприще для взаимнаго общенія между ними—и культурнаго вообще и тѣмъ болѣе литературнаго, письменнаго, такъ какъ христіанство основывается именно *на писаніи*. Изучать украинскія *народныя* произведенія, болѣе или менѣе связанныя съ книжными источниками среднихъ вѣковъ, возможно не иначе, какъ только при пособіи *общаго* литературнаго, письменнаго преданія, внесеннаго вмѣстѣ съ христіанствомъ ко всѣмъ народамъ, принявшимъ его. Преданіе это своими началами,—продолжаетъ проф. Ѳ. Буслаевъ,—уходитъ далеко за предѣлы христіанской эры, глубоко пустивъ свои корни на воздѣланной почвѣ древней исторической культуры Востока и Запада, еврейства съ отголосками другихъ восточныхъ народностей и міра классическаго съ его твердыми основами для европейской цивилизаціи. Потому, вмѣстѣ съ чистымъ ученіемъ Евангелія и съ догматами Церкви народы должны были внести въ свою національность массу элементовъ свѣтскихъ, мірскихъ и языческихъ, которые они вмѣстѣ съ *писаніемъ* унаслѣдовали отъ цивилизаціи народовъ до-христіанскихъ. Эта ветхая

http://rcin.org.pl

закваска давала новое броженіе мірской, народной словесности, устной и письменной, народнымъ суевѣріямъ и преданіямъ; она же, вслѣдствіе господства религіознаго настроенія въ средніе вѣка, нечувствительно пробиралась и въ область церковныхъ интересовъ, расположала „отреченныя“ писанія, или апокрифы, давала повѣствовательный матеріалъ для притчи или назидательнаго примѣра проповѣднику и вообще украшала фантастическими образами религіозную поэзію и иконографію. Изъ сплошной массы общаго въ средніе вѣка всѣмъ европейскимъ народностямъ *двоевѣрія*, изъ этой чудовищной смѣси языческаго съ христіанскимъ, варварскаго съ отголосками цивилизаціи античной и восточной, устныхъ преданій съ авторитетомъ Писанія,—вообще, изъ этого мутнаго броженія въ сліяніи своего, народнаго, съ чужимъ, привитымъ извнѣ, очень рано стали выдѣляться замѣтныя струи литературнаго движенія, которыя шли изъ одной страны въ другую, захватывая въ своемъ теченіи цѣлыя груды общаго всѣмъ народностямъ литературнаго матеріала—была ли то назидательная легенда о тлѣнности міра сего, или шутливая повѣсть о женскихъ хитростяхъ и увертkахъ, или суровая картина адскихъ мученій, или пошлый анекдотъ скандалезнаго содержанія, или фантастическое сказаніе о героической битвѣ съ чудовищнымъ зміемъ, или замысловатый вопросъ съ остроумнымъ на него отвѣтомъ. Никто не хотѣлъ знать тогда, изъ какихъ источниковъ вытекалъ этотъ литературный потокъ легендъ, повѣстей, басенъ и анекдотовъ, и какими путями вторгался онъ въ Италію, Испанію, Германію или Францію и Англію; но то, что онъ приносилъ въ своемъ мутномъ теченіи, повсюду признавалось за свое, родное, нечувствительно сливалось съ туземнымъ и съ нимъ ассимилировалось, потому что повсюду принималось только то, что было доступно и пригодно, что прилаживалось къ понятіямъ и убѣжденіямъ и, какъ здоровая пища, входило въ обращеніе всего національнаго организма. Внесенное извнѣ переставало быть чужимъ, пріурочиваясь къ мѣсту и времени, и держалось затѣмъ уже

http://rcin.org.pl

прочно. И когда многое изъ тѣхъ же общихъ всему историческому міру сюжетовъ брали въ свои произведенія знаменитые поэты, какъ, напр., Боккачіо для „Декамерона“, Сервантесъ для „Донъ-Кихота“, Шекспиръ для драмъ, Лафонтенъ для повѣстей и басенъ, то этимъ заимствованіемъ они нисколько не вносили въ оборотъ понятій своего народа какую-нибудь чужеземную новизну, а только силою своего генія освѣщали то, что и до нихъ было всѣмъ извѣстно, давали уже знакомому только новый видъ; въ томъ, къ чему издавна всѣ привыкли и приглядѣлись, открывали они новые источники поэтическаго наслажденія, озаряя свѣтомъ новыхъ идей давнишніе вымыслы, вводя ихъ, какъ старыхъ знакомцевъ, въ привѣтливую обстановку жизненныхъ, современныхъ имъ интересовъ.

Въ теченіе многихъ вѣковъ блуждалъ—и до сихъ поръ не перестаетъ еще блуждать—изъ страны въ страну по всему міру длинный рядъ повѣстей, анекдотовъ и разныхъ разсказовъ, которые, вслѣдствіе этого, принято въ наукѣ называть „перехожими“, или „странствующими“. Они въ своемъ „странствованіи“ такъ перекрещивались перепутывались и передѣлывались, пропадая часто на родинѣ и живя въ полномъ цвѣтѣ на чужбинѣ, что трудно бываетъ иногда даже указать мѣсто первоначальнаго ихъ возникновенія и тотъ путь, который прошли они.

Главный источникъ „странствующихъ повѣстей“ ученые указываютъ въ санскритскомъ сборникѣ повѣстей, басенъ и назидательныхъ сентенцій, извѣстномъ подъ названіемъ „Панчатантра“, или *пятикнижіе*. Панчатантра представляетъ собою уложеніе, или наставленіе о томъ, какъ благоразумно и нравственно вести себя и управлять государствомъ, изложенное въ занимательной формѣ притчей, повѣстей и басенъ. Она составлена между II в. до Р. Х. и VI в. по Р. Х. изъ бесѣдъ мудреца Вишну-Сармы, взятаго въ наставники къ сыновьямъ одного древняго Индійскаго царя [1]).

[1]) Кромѣ „Панчатантры“, безъ сомнѣнія, было много неизвѣстныхъ намъ подобныхъ сборниковъ; да и сама она представляетъ собою только

http://rcin.org.pl

Индійскія сказанія въ самой Азіи потерпѣли значительную переработку, когда были пересказаны въ народностяхъ, принявшихъ буддизмъ, который и положилъ на старинныя преданія новый слой своей религіозно-философской доктрины. Вмѣстѣ съ буддизмомъ повѣствовательно-дидактическая литература распространялась къ востоку и сѣверу отъ Индіи, перешла въ Китай и Тибетъ, а оттуда къ монголамъ. Сначала передавалась она изустно въ сношеніяхъ между купцами и разными перехожими странниками, потомъ стала исподоволь закрѣпляться на письмѣ и, наконецъ, открыла себѣ болѣе правильные пути культурнаго общенія между Востокомъ и Западомъ черезъ Персію и Сирію, при посредствѣ аравитянъ, византійцевъ и евреевъ.

Вслѣдъ за восточною повѣствовательною литературою тѣмъ же путемъ—чрезъ Сирію и Византію, при посредствѣ аравитянъ и евреевъ—распространялись въ средніе вѣка и вообще назидательныя поученія практической морали, въ которыхъ къ благоразумію индійскихъ мудрецовъ, основанному на житейской опытности, были присовокуплены изреченія здраваго смысла классическихъ философовъ, преимущественно греческихъ. Одинъ сирійскій христіанинъ въ IX в. перевелъ съ греческаго языка на арабскій, или по византійскимъ источникамъ обработалъ собраніе такихъ назидательныхъ изреченій—*апофѳегмъ* греческихъ философовъ, которое стало потомъ главнымъ источникомъ для арабской и еврейской практической философіи и послужило образцомъ для массы подобныхъ же сборниковъ философскихъ изреченій здраваго смысла и житейской мудрости у всѣхъ европейскихъ народовъ въ средніе вѣка. Это было самое популярное чтеніе, оставившее по себѣ слѣды до позднѣйшихъ временъ въ лубочныхъ изда-

---

сокращеніе или извлеченіе изъ другого, значительно обширнѣйшаго, сборника и потомъ, въ свою очередь, послужила въ Индіи же источникомъ нѣсколькихъ передѣлокъ, изъ которыхъ особенно извѣстна „Гитопадеса“, или „Спасительное Наставленіе“. Въ VI в. „Панчатантра“ сократилась всего до *пяти* книгъ.

http://rcin.org.pl

піяхъ и народныхъ книгахъ, въ родѣ нашего „Письмовника" Курганова.

Что касается собственно украинской литературы „странствующихъ повѣстей", то она прежде всего получала свое содержаніе изъ Византіи, особенно черезъ дуалистическія секты южныхъ славянъ. Къ этому главному источнику ихъ присовокупились и нѣкоторые другіе—не менѣе важные. На востокѣ и югѣ Южная Русь входила въ непосредственныя столкновенія съ азіатскими народами, особенно съ мусульманами, и прямо отъ нихъ заимствовала нѣкоторыя повѣсти. Съ другой стороны, она не чуждалась и западно-европейской литературы и отсюда также заимствовала нѣкоторые пересказы и передѣлки „странствующихъ повѣстей" восточнаго происхожденія главнымъ образомъ черезъ Польшу. Но болѣе важное участіе въ образованіи украинскихъ легендъ нужно приписать переводнымъ западнымъ сборникамъ легендарнаго характера. Къ такимъ сборникамъ относятся: „Римскія Дѣянія" (Gesta Romanorum) „Великое Зерцало примѣровъ" (Magna Speculum exemplarum), „Звѣзды пресвѣтлыя" и нѣк. др. Извѣстному Іоанникію Галятовскому принадлежитъ сборникъ о чудесахъ Пресв. Богородицы, подъ заглавіемъ: „Небо новое съ новыми звѣздами", почти на-половину составленный на основаніи западныхъ легендарныхъ источниковъ.

„Странствующая повѣсть", разъ пущенная въ ходъ, продолжаетъ итти не останавливаясь, и чѣмъ далѣе идетъ впередъ черезъ горы и моря, тѣмъ больше и больше развѣтвляется по разнымъ странамъ на разные варіанты, съ дополненіями и урѣзками своего первоначальнаго вида, и чѣмъ чаще повторяется устно или письменно, тѣмъ болѣе и болѣе осложняется вставками и разнорѣчіями, которыя вызываютъ изслѣдователя на новые выводы и соображенія. Нѣкоторыя изъ украинскихъ легендъ имѣютъ, напр., сходство съ литературными памятниками даже такихъ народовъ, которые на исторической памяти не имѣли, повидимому, никакихъ сношеній съ украинцами и вообще съ русскимъ народомъ, какъ, напр., египтяне.

http://rcin.org.pl

I.

Космогоническія украинскія народныя воззрѣнія и вѣрованія.

http://rcin.org.pl

http://rcin.org.pl

Украинскія легенды о сотвореніи міра.

Вопросъ о сотвореніи міра относится къ числу такихъ вопросовъ, которыми интересовался человѣкъ во всѣ времена и на всѣхъ ступеняхъ культуры. Вотъ почему и циклъ украинскихъ легендъ открывается именно сказаніями о мірозданіи. Въ основу ихъ, безъ сомнѣнія, легъ обще-арійскій миѳъ, нашедшій себѣ ясный отзвукъ даже въ космогоническихъ преданіяхъ американскихъ индѣйцевъ Чипеваи; но на украинской почвѣ онъ переплелся и съ буддійскими, и съ магометанскими, и съ талмудистскими повѣствованіями, и съ иранскими дуалистическими воззрѣніями и въ особенности съ апокрифическими сказаніями, перешедшими къ намъ изъ Византіи и черезъ Византію [1]). Главнымъ источникомъ всѣхъ

[1]) Во *второмъ* томѣ „Записокъ о Южной Руси“ П. Кулиша (стр. 31—32) помѣщенъ, между прочимъ, слѣдующій „Миѳъ о первомъ вѣкѣ *творенія*“. Когда-то, еще „за перваго вика, за старихъ людей“, мышь и воробей засѣяли вмѣстѣ просо. Когда они сжали просо, то начали дѣлиться, да и „не помирились“. Стали они биться, стала собираться всякая птица и всякіе звѣри. Какъ стали тогда биться птицы съ звѣрями, какъ стали биться, то птицы и одолѣли и перебили звѣрей. Но хотя и одолѣли, зато и сами „побились“. Только одна птица „випялась“, которая и добила всѣхъ звѣрей. Сильно утомилась она и сѣла на высокомъ-высокомъ деревѣ. Когда идетъ мужикъ „бовкуномъ“. Она и проситъ того мужика: „Дай мнѣ быка,—говоритъ,—я его съѣмъ. Я у тебя даромъ брать не хочу,—я заплачу за него“. Мужикъ отдалъ. Птица съѣла быка и проситъ снова мужика: „Донеси меня, будь

http://rcin.org.pl

украинскихъ легендъ о сотвореніи міра является „отреченный“ Апокалипсисъ Іоанна Богослова, а еще ближе—„Бесѣда трехъ святителей“ и „Свитокъ божественныхъ книгъ“, въ которыхъ излагаются космогоническія свѣдѣнія въ дуалистическомъ духѣ Ирана, точнѣе—космогоническое ученіе гно-

---

ласковъ, до моего дома“. Несетъ ее мужикъ, несетъ, и занесъ въ страшную чащу лѣса. А она и говоритъ: „Обожди здѣсь немного—я тебѣ вынесу плату“. И вынесла ему „царствечко“ въ золотомъ яичкѣ, при чемъ сказала: „Ты не раскрывай этого яичка, когда войдешь въ село, а раскрой гдѣ-нибудь въ полѣ, что-ли“. Мужикъ не послушался птицы и раскрылъ яичко „посередъ шляху: ажъ тутъ вiдтиль ярмарокъ такий, що Боже храни!“. Ходитъ мужикъ промежду людей да плачетъ. На его счастье, случился здѣсь одинъ человѣкъ, котораго мужикъ и сталъ просить: „Сдѣлай милость, не поможешь ли ты мнѣ собрать все это да закрыть яичко!“ Собрали они вдвоемъ, закрыли яичко, и пошелъ мужикъ съ тѣмъ „царствечкомъ“ домой: „покаялся уже“.—Когда слушатель предложилъ разсказчику „миѳа“ вопросъ: „Откуда же снова понабрались звѣри, послѣ того какъ ихъ истребили птицы?“—„—Это уже на *второй* вѣкъ повернуло: тогда Богъ и людей и всякой твари размножилъ“.—„Проф. Сумцовъ видитъ въ приведенномъ *миѳѣ* „обломки древне-славянскаго миѳа, именно два обломка: *объ участіи въ созданіи міра мыши и воробья и о происхожденіи міра изъ яйца*“ (курсивъ нашъ)—и по этому поводу приводитъ цѣлый рядъ справокъ о роли *мыши* и *яйца* въ космогоніи разныхъ европейскихъ народовъ и американскихъ индѣйцевъ („Кіевская Старина“ 1887 г., іюнь-іюль, стр. 240). Этотъ взглядъ почтеннаго профессора мы лично считаемъ *по меньшей мѣрѣ* какимъ-то страннымъ *недоразумѣніемъ*. И прежде всего, въ приведенномъ „миѳѣ“ совсѣмъ не говорится *о созданіи міра* (у Кулиша слово *твореніе* въ заголовкѣ взято въ кавычки, т. е. означаетъ не актъ міросданія, а *сотворенное* уже), а тѣмъ болѣе *объ участіи въ его созданіи мыши и воробья*. Міръ является уже давно сотвореннымъ, существуетъ земледѣліе, есть „мужики“, домашнія животныя, села, дороги и т. д. Ничего ровно не говорится въ приводимомъ Кулишемъ „миѳѣ“ и „о происхожденіи міра изъ яйца“: 1) въ яйцѣ, данномъ птицею мужику въ видѣ платы за быка, заключалось „царствечко“—не міръ, а яйцо это—чудесная живая игрушка, въ родѣ „городка въ табакеркѣ“; 2) о той части, гдѣ говорится о *яйцѣ*, самъ Кулишъ дѣлаетъ подъ строкою прямое и очень ясное замѣчаніе: „Далѣе начинается, *очевидно, вставка изъ сказки*“. „Миѳъ“, приведенный Кулишемъ, представляетъ собою спутанный, неясный *обломокъ* народной легенды о *первомъ вѣкѣ существованія міра*.

http://rcin.org.pl

стико-богомильской ереси, мѣстами нѣсколько сглаженное библейскимъ взглядомъ [1]).

Приведемъ здѣсь наиболѣе характерныя изъ легендъ, сопровождая ихъ соотвѣтствующими справками изъ фольклора въ его современномъ состояніи. При этомъ считаемъ нужнымъ сдѣлать одну маленькую оговорку, что въ то время, какъ Іисуса Христа и Бога Духа Святого украинскій народъ представляетъ себѣ въ общемъ совершенно согласно съ православнымъ ученіемъ, Бога Отца онъ представляетъ—подъ вліяніемъ, очевидно, иконографіи—не иначе, какъ въ образѣ святого человѣка (но именно все же *Бога*), старика, съ огромною сѣдою бородою, живущаго въ *первомъ* раю, сотворенномъ Имъ собственно для Себя.

Во главѣ легендъ о сотвореніи міра должна быть поставлена легенда, записанная въ хуторѣ Маліевѣ, Харьковской губ., Купянскаго уѣзда. Въ ней слишкомъ явно сказывается вліяніе гностико-богомильскаго ученія о мірозданіи, по которому Богъ есть творецъ только высшаго, духовнаго міра, а видимый міръ, включая сюда и тѣло человѣка, сотворенъ Сатанаиломъ, существовавшимъ отъ вѣчности и представлявшимъ собою воплощеніе зла. Такъ какъ душа человѣка сотворена *всеблагимъ* Богомъ, а тѣло—Сатанаиломъ, то въ человѣкѣ происходитъ постоянная борьба между стремленіями души къ добру и влеченіями тѣла ко злу.—Легенда только—по всей вѣроятности, подъ вліяніемъ позднѣйшихъ теченій религіозной мысли—умаляетъ творческую силу Сатанаила, творящаго не само-

---

[1]) Проф. Сумцовъ („Кіевская Старина“ 1887 г., іюнь—іюль, стр. 238) говоритъ, что къ числу источниковъ можетъ быть отнесена еще и „Исторія о сотвореніи міра и первыхъ людей“, помѣщенная въ южнорусской Пчелѣ конца XVII в., „описанной отчасти Бѣлозерскимъ“; содержаніе ея, по *предположенію* профессора, сходно съ содержаніемъ „Бесѣды трехъ святителей“ въ извлеченіи проф. Порфирьева изъ одного сборника XVII в. Но... самъ проф. Сумцовъ не видалъ „этой любопытной рукописи“, Бѣлозерскій же даже „*не указалъ*“—по словамъ самого Сумцова,—*на содержаніе Исторіи*“.

http://rcin.org.pl

стоятельно, а по повелѣнію Божію; попытка же его къ самостоятельному творчеству оказывается совершенно неудачной.

Богъ сотворилъ міръ не Самъ,—говоритъ легенда,—а вмѣстѣ въ Лукавымъ. Богъ что приказывалъ Лукавому сдѣлать, то онъ и сдѣлалъ,—и выходило все прекрасно. Такъ Лукавый весь міръ сотворилъ, но только Бо́гъ заставлялъ его творить все. Лукавый дивился самъ себѣ, какъ онъ все хорошо сотворилъ, хотя и Бо́гъ его заставлялъ. Вотъ и надумался онъ безъ Бога сотворить себѣ другой міръ, чтобы самому царствовать надъ нимъ. Но Богъ помѣшалъ Лукавому въ этомъ дѣлѣ и не далъ ему никакой власти.

Однажды далъ Богъ Лукавому щепотку земли и велѣлъ, чтобы онъ бросилъ эту щепотку на пустое мѣсто. Бросилъ Лукавый,—и изъ нея образовалась та земля, на которой мы теперь живемъ. Изъ той щепотки, которую далъ ему Богъ, Лукавый не позабылъ и для себя припрятать немножко земли за ногти. Какъ только отошелъ онъ отъ Бога, тотчасъ же выковырялъ изъ-подъ ногтей порошинки земли и бросилъ ихъ „на пространство“. Но изъ того праха не получилось земли, а стали изъ него пресмыкающіяся, лягушки и всѣ нечистыя животныя, которыя и „разлізлись“ по всей землѣ. Лукавый тогда какъ заплачетъ,—а изъ его слезъ стали болота, трясины, гдѣ теперь черти собираются для совѣщаній. Тогда Лукавый посмотрѣлъ-посмотрѣлъ на свою работу, плюнулъ да и говоритъ:

— Брошу я творить міръ, а то какъ начну самъ что-нибудь творить, то выйдетъ еще похуже, чѣмъ теперь вышло!

Съ тѣхъ поръ Лукавый только на готовое смотритъ, а самъ ничего новаго уже не творитъ [1]).

Къ этой легендѣ близко примыкаетъ легенда, записанная въ Могилевѣ Подольскомъ.

Однажды заспорилъ Идолъ съ Богомъ. Идолъ говоритъ: „И я сотворю такую же точно землю, какую Ты сотворилъ...

[1]) Этнографическое Обозрѣніе“ 1892 г., XIII—XIV, стр. 68.

http://rcin.org.pl

Такую же точно сотворю,—захочу только, и сотворю". И принялся Идолъ творить землю. Вотъ нырнулъ онъ въ море, на самое дно нырнулъ, набралъ земли за щеки, и съ тою землею наверхъ. А море глубокое; пока-то онъ вынырнетъ наверхъ, а вода и вымоетъ всю землю изо рта. Никакъ не можетъ вынесть земли съ собою. Чего только ни дѣлалъ Идолъ, ничто не помогаетъ: какъ только вынырнетъ изъ моря, а вода уже, оказывается, и вымыла всю землю изо рта... Идолъ тогда къ Богу и говоритъ:

— Такъ-то и такъ со мною случается,—не могу никакъ вынесть земли изъ моря.

— То-то,—сказалъ Господь:—вынесешь землю изъ моря, только скажи при этомъ: „Господи, благослови!"

Идолъ проговорилъ: „Господи, благослови!"—нырнулъ на дно моря, набралъ земли и вынесъ ее наверхъ. Изъ той земли пошли горы и камни. Что Богъ сотворилъ, то вышло ровное, чистое; а что Идолъ, тамъ все камни, горы и разныя неровности—„викрутаси". Все это Идолъ понатворилъ.

Такъ и все у Идола выходило, что онъ ни дѣлалъ. Заспорилъ, напр., Идолъ и въ другой разъ съ Богомъ: Богъ посѣялъ овесъ,—овесъ и уродилъ; а у Идола—какъ посѣетъ овесъ, то уродитъ осотъ. Богъ творитъ корову,—такъ корова и выходитъ; а Идолъ—хочетъ сотворить корову, а выходитъ коза.—Вотъ такое-то было съ Идоломъ [1]).

Въ другихъ легендахъ, на ряду съ разсказомъ о сотвореніи міра, приводится разсказъ и о сотвореніи ангеловъ, злыхъ духовъ и низверженіи Сатанаила съ неба. Въ этихъ легендахъ дуалистическая идея о совмѣстномъ участіи въ актѣ творенія добраго и злого началъ сказывается нѣколько слабѣе, и онѣ слишкомъ приближаются къ апокрифамъ, а мѣстами даже буквально повторяютъ ихъ. Сатанаилъ является то изначальнымъ существомъ, то твореніемъ Божіимъ;

[1]) „Малорусскія народныя преданія и разсказы". Сводъ М. Драгоманова, стр. 15—16.

http://rcin.org.pl

онъ еще является соучастникомъ въ твореніи Богомъ міра и отчасти представителемъ матеріальнаго начала, но могущество его слишкомъ ограничено. Особенно близко стоятъ названныя легенды къ „Свитку Божественныхъ книгъ“, списку „Весѣды трехъ святителей“ проф. Казанскаго университета Григоровича, подъ заглавіемъ: „Сказаніе трудолюбивыхъ мужей—списано отъ божественныхъ книгъ Василія Великаго, Григорія Богослова, Іоанна Дамаскина о преславныхъ прежнихъ невѣдомыхъ вещехъ, о безначальномъ Господѣ Богѣ нашемъ, какъ бысть Господь Савао̀ѳ прежде всея видимыя и невидимыя твари“ [1]) и къ списку того же апокрифа, изданнаго проф. И. Я. Порфирьевымъ по рукописи Соловецкой библіотеки [2]). Наиболѣе характерными изъ этихъ легендъ являются слѣдующія четыре: 1) записанная въ с. Рыхтѣ, Каменецкаго уѣзда, Подольской губ., 2) записанная въ Радомысльскомъ уѣздѣ, Кіевской губ., 3) записанная въ с. Хомутинцахъ, Винницкаго уѣзда, Подольской губ. и 4) записанная въ слободѣ Кабаньей, Харьковской губ., Купянскаго у. Вотъ онѣ.

1. Однажды, когда не было еще на свѣтѣ ни земли, ничего, а была одна только вода, ходилъ Богъ по той водѣ, и видитъ на ней пузырь изъ пѣны, который шевелится. Богъ расковырялъ жезломъ пузырь,—и вылѣзъ оттуда маленькій черненькій человѣкъ съ хвостомъ и рожками. Богъ далъ имя этому созданію *Сатанаилъ* и сказалъ ему:

— Слѣдуй за Мной, будемъ вмѣстѣ ходить.

Долго ходили они по водѣ; наконецъ, утомились и захотѣли отдохнуть. Богъ и говоритъ Сатанаилу:

---

[1]) Православный Собесѣдникъ“ 1851 г., стр. 262—265; см. Историческіе очерки русской народной словесности и искусства“ проф. Ѳ. Буслаева, т. I, стр. 616—618.

[2]) „Апокрифическія сказанія по рукописямъ Соловецкой библіотеки“, стр. 87.

http://rcin.org.pl

— Нырни подъ воду, возьми горсть земли, скажи при этомъ: „Во имя Господне, иди, земля, со мной“—и неси наверхъ ко Мнѣ.

Сатанаилъ нырнулъ на дно, взялъ оттуда горсть земли да и думаетъ себѣ: „Зачѣмъ я буду говорить: *Во имя Господне*; развѣ я чѣмъ-нибудь хуже Бога?“ Вотъ онъ и говоритъ: „Во имя мое земля идетъ со мною“. Вынырнулъ наверхъ, смотритъ—а земли въ горсти ни порошинки. Богъ и говоритъ ему:

— Вотъ видишь—хотѣлъ обмануть Меня, ослушаться и сдѣлать по-своему, да не удалось; ныряй снова.

Сатанаилъ снова нырнулъ на дно, набралъ въ горсть земли, зажалъ ее въ кулакъ, однако все не сказалъ такъ, какъ велѣлъ ему Богъ; упорный, какъ всякій чертъ, онъ и на этотъ разъ сказалъ по-своему: „Во имя мое идетъ земля со мною“. Вынырнулъ наверхъ, разнялъ кулакъ, смотритъ—а земли опять нѣтъ ни порошинки. Богъ говоритъ ему:

— Ты таки снова хотѣлъ сдѣлать по-своему и не слушаешься Меня; однако, твоя затѣя совершенно напрасна: ничего изъ того не будетъ. Ныряй въ третій разъ и говори такъ, какъ тебѣ приказано.

Сатанаилъ нырнулъ въ третій разъ, набралъ въ горсть земли и говоритъ: „Во имя Господне“; потомъ вдругъ спохватился да и думаетъ себѣ: „Прежде земля выскальзывала у меня изъ кулака потому, что я ее легко держалъ; теперь я ее затисну такъ, что уже не выскользнетъ“. Да и опять сказалъ по-своему: „Во имя мое идетъ земля со мною“. Вынырнулъ наверхъ, смотритъ—а земли опять нѣтъ, хотя онъ зажалъ ее обѣими руками. Однакоже, такъ какъ онъ, бравши землю, все же помянулъ имя Божіе, то у него по-за ногтями осталось немножко земли. Богъ видитъ, что и въ третій разъ Сатанаилъ не исполнилъ его повелѣнія, и говоритъ ему:

— Нѣтъ, видно, изъ тебя ничего добраго не будетъ, если ты не могъ выполнить даже такого пустяка. Нечего дѣ-

http://rcin.org.pl

лать, выковыряй ту землю, которая осталась у тебя подъ ногтями, и давай ее сюда,—достаточно будетъ и этой.

Сатанаилъ выковырялъ. Богъ взялъ ту землю, посыпалъ ее по водѣ,—и вдругъ появился на водѣ красивый холмикъ, а на немъ—зелень и деревья. Богъ присѣлъ съ Сатанаиломъ на этомъ холмикѣ отдохнуть. Такъ какъ Богъ чувствовалъ Себя слишкомъ ужъ утомленнымъ, то прилегъ на травѣ и заснулъ. Тогда Сатанаила взяла зависть, отчего онъ не такой сильный и могущественный, какъ Богъ. И порѣшилъ онъ утопить Бога. Взялъ Сатанаилъ Бога на руки и хотѣлъ бросить въ воду,—и вдругъ видитъ чудо: передъ тѣмъ вода была отъ него не больше, какъ на шагъ, а теперь отошла шаговъ на десять, а на ея мѣстѣ стала земля. Однако Сатанаилъ не смутился этимъ и пустился бѣжать къ водѣ, чтобы бросить въ нее Бога. Но вотъ бы уже совсѣмъ бросить, а вода отъ него уходитъ все дальше и дальше, и Сатанаилъ никакъ не можетъ добѣжать до нея. Бѣжалъ онъ, бѣжалъ—и вдругъ очутился какимъ-то чудомъ на томъ же самомъ мѣстѣ, откуда взялъ Бога на руки. Глянулъ онъ ненарокомъ въ сторону, и видитъ, что вода отъ него здѣсь не больше, какъ шагахъ въ двухъ. Онъ давай туда бѣжать, чтобы утопить-таки Бога. И вдругъ снова произошло то же самое, что и въ первый разъ: онъ бѣжитъ къ водѣ, а она отъ него уходитъ. Бѣжалъ онъ, бѣжалъ—и вдругъ опять очутился на прежнемъ мѣстѣ. Положилъ онъ тогда Бога на землю и думаетъ: „Земля эта тоненькая, какъ скорлупа; выкопаю-ка я яму, прокопаюсь до самой воды, да и брошу туда Бога“. Копалъ онъ, копалъ до полнаго почти изнеможенія,—вспотѣлъ весь и выкопалъ очень глубокую яму, однако до воды такъ и не докопался (вотъ почему на свѣтѣ Божіемъ такъ много земли, и вотъ почему она такъ толста: то ее чортъ *набылалъ*, желая сгубить со свѣта Бога). Тѣмъ временемъ Богъ проснулся да и говоритъ:

— Вотъ видишь теперь, какой ты безсильный по сравненію со Мной,—ничего не можешь сдѣлать со Мною, какъ

http://rcin.org.pl

ни хочется тебѣ этого: земля и вода повинуются Мнѣ—Тому, Кто ихъ сотворилъ, а не тебѣ. А въ томъ, что черезъ тебя земля сдѣлалась такою большою, нѣтъ еще бѣды. Я населю ее разными людьми и тварями; яма же, которую ты только-что выкопалъ, пригодится для тебя самого на преисподнюю.

Затѣмъ Богъ сталъ населять землю разными тварями: *тотчасъ же* вылѣпилъ изъ земли человѣка, подулъ на него,—и онъ сталъ ходить и говорить [1]); потомъ сотворилъ всѣ другія живыя твари и звѣрей—всѣхъ по парѣ, чтобы они могли плодиться. Послѣ того Богъ пошелъ на небо, сказавши Сатанаилу:

— Иди и ты со Мною.

Но такъ какъ у Сатанаила не было крыльевъ, то онъ и не могъ летѣть за Богомъ на небо. Тогда Богъ придѣлалъ ему шесть крыльевъ, и онъ полетѣлъ на небо.

Долго ли, коротко ли жили они на небѣ, только Сатанаилъ такъ выслужился передъ Богомъ, что Богъ подарилъ ему золотую корону на голову. Однажды Богу понадобилось куда-то пойти на нѣкоторое время, и Онъ оставилъ на небѣ управлять всѣмъ Сатанаила, наказавши ему, когда послать на землю дождь, когда вѣтеръ, когда градъ, когда тепло; а затѣмъ прибавилъ:

— Если тебѣ самому скучно будетъ, то вотъ „макітра“ съ водою: обмакнешь въ нее палецъ, капнешь,—и изъ той капли сдѣлается такой же самый, какъ ты, и тогда тебѣ уже не будетъ скучно, потому что будетъ съ кѣмъ развлекаться.

Сказавши это, Богъ пошелъ съ неба. Какъ только Онъ вышелъ за ворота, Сатанаилъ тотчасъ же къ „макітрѣ“, обмакнулъ палецъ, капнулъ каплю воды, и видитъ—дѣйствительно появился точь-въ-точь такой самый, какъ онъ. Тогда

[1]) О сотвореніи человѣка приведены будутъ въ своемъ мѣстѣ *особыя*, довольно обстоятельно разсказывающія объ этомъ, легенды.

http://rcin.org.pl

онъ сталъ обмакивать въ воду разомъ всѣ десять пальцевъ и надѣлалъ много тысячъ подобныхъ себѣ человѣчковъ. Дѣлалъ онъ ихъ, дѣлалъ до тѣхъ поръ, пока хватило воды; когда же выкапалъ всю воду, смотритъ—а человѣчковъ столько, что свѣта Божьяго не видно. Тогда Сатанаилъ думаетъ себѣ: „Вотъ теперь я царь, такъ царь; есть у меня свое войско, есть у меня свои слуги, есть у меня свое царство. Теперь я уже никого не боюсь и Бога на небо не пущу, а буду здѣсь управлять самъ“. И вотъ Сатанаилъ приказалъ своимъ слугамъ, чтобы они ставили ему царскій престолъ. Спустя нѣкоторое время, престолъ былъ готовъ. Сатанаилъ вскарабкался на престолъ, разсѣлся, натопорщился и говоритъ своему войску, чтобы оно внимательно наблюдало, когда Богъ будетъ летѣть обратно на небо, и не пустило бы Его. А Богъ тѣмъ временемъ побывалъ тамъ, гдѣ Ему нужно было, и летитъ обратно на небо. Вдругъ видитъ—на небѣ тьмы-темъ маленькихъ человѣчковъ, и всякій въ Него кидаетъ—тотъ камнемъ, тотъ полѣномъ, тотъ грязью—кто чѣмъ попало. А Сатанаилъ напялилъ на голову подаренную ему Богомъ корону, сидитъ на престолѣ и командуетъ ими, чтобы заслоняли Богу дорогу и не пускали Его на небо. Однако Богъ все же взлетѣлъ на небо и, сильно разгнѣвавшись на Сатанаила, проклялъ его, взялъ жезлъ, толкнулъ имъ поставленный Сатанаиловыми слугами престолъ,—и тотъ престолъ вмѣстѣ съ Сатанаиломъ и всѣми его слугами низринулся на землю. Богъ сказалъ: „Аминь!“—и кого этотъ „аминь“ гдѣ захватилъ въ воздухѣ, когда онъ падалъ на землю и не успѣлъ еще долетѣть до нея, такъ и остался онъ тамъ висѣть до Страшнаго суда. И теперь, если кто изъ людей идетъ или ѣдетъ и задѣнетъ головою или чѣмъ-либо другимъ висящаго въ воздухѣ слугу Сатанаила, тотчасъ же въ этого человѣка непремѣнно и вцѣпится „блудъ“, и онъ собьется съ дороги,—вотъ отъ чего прохожіе и проѣзжіе сбиваются съ дороги („блу́дять“).

http://rcin.org.pl

Проклятый и низвергнутый съ неба Сатанаилъ сталъ съ тѣхъ поръ ходить со своими слугами и дѣлать добрымъ людямъ зло; а Богъ на небѣ на мѣсто Сатанаила сотворилъ Себѣ неисчислимое множество красивенькихъ мальчиковъ и назвалъ ихъ „ангелами“. Изъ числа всѣхъ ангеловъ Онъ особенно полюбилъ одного и далъ ему имя *Миха*; этому Михѣ Онъ велѣлъ зорко слѣдить за Сатанаиломъ и всячески стараться не давать ему дѣлать людямъ зло. Вотъ и сталъ Миха слѣдить за Сатанаиломъ. Слѣдилъ, слѣдилъ, но успѣха не имѣлъ особеннаго, потому что у Сатанаила было *шесть* крыльевъ, а у Михи только *два*, вслѣдствіе чего Сатанаилъ постоянно убѣгалъ отъ Михи. Тогда Миха заявилъ Богу, что онъ ничего не можетъ подѣлать съ Сатанаиломъ, потому что Сатанаилъ, имѣя *шесть* крыльевъ,—тогда какъ у него—Михи—только *два*,—гораздо быстрѣе летаетъ, и Миха, поэтому, не можетъ услѣдить за нимъ. При этомъ Миха сталъ также просить Бога, чтобы Богъ отобралъ подаренную Сатанаилу золотую корону и далъ бы ему. Богъ сказалъ на это Михѣ:

— Въ такомъ случаѣ, отправляйся на землю, разыщи Сатанаила, подружись съ нимъ и пригласи его въ глубокое море купаться. Когда будете купаться, ударь пари, кто дольше будетъ сидѣть подъ водой, и когда за *третьимъ* уже разомъ Сатанаилъ нырнетъ, ты поскорѣе выходи на берегъ, возьми Сатанаилову корону и убѣгай на небо; а Я тѣмъ временемъ заморожу море, такъ что, пока Сатанаилъ пробьется изъ-подъ льда, ты успѣешь убѣжать съ короною. Миха сдѣлалъ такъ, какъ повелѣлъ ему Богъ: отправился на землю, разыскалъ Сатанаила, подружился съ нимъ, и стали жить оба вмѣстѣ. Однажды Миха приглашаетъ Сатанаила купаться и выбралъ для этого самое глубокое море. Миха раздѣлся; раздѣлся также и Сатанаилъ, снялъ и корону и оставилъ ее на берегу. Купаются. Миха и говоритъ Сатанаилу;

— А ну, кто дольше сможетъ пробыть подъ водою—я или ты?

http://rcin.org.pl

Сатанаилъ говоритъ: „Я“; а Миха говоритъ: „Я“. И начали оба спорить. Сатанаилъ и говоритъ:

— Да что тутъ спорить? Попробуемъ сейчасъ же: нырнемъ оба разомъ и увидимъ, кто дольше будетъ сидѣть въ водѣ.

Нырнули. А Миха, только-что спряталъ голову, какъ тотчасъ же и вынырнулъ и смотритъ, гдѣ Сатанаилъ. Вода въ морѣ прозрачная, какъ стекло. И видитъ онъ — сидитъ Сатанаилъ на самомъ днѣ. Сидѣлъ онъ, сидѣлъ да и сталъ подыматься наверхъ. Тогда Миха скорехонько опустился на дно, сѣлъ и сидитъ. Сатанаилъ вынырнулъ, смотритъ,—а Миха еще сидитъ въ водѣ.

— Плохо дѣло,—онъ меня пересидѣлъ! подумалъ Сатанаилъ.

Миха же, посидѣвши немного, вынырнулъ и говоритъ:

— А что? кто дольше сидѣлъ въ водѣ—а?

— Ну, давай еще разъ!—сказалъ Сатанаилъ.

Нырнули снова. Сатанаилъ опустился на дно, а Миха тотчасъ же вынырнулъ и сталъ выжидать, когда Сатанаилъ станетъ вынырять, чтобы тогда самому спрятаться въ воду и такимъ образомъ доказать, что онъ дольше сидитъ, чѣмъ Сатанаилъ. И снова сдѣлалъ такъ же, какъ и въ первый разъ: только Сатанаилъ сталъ подыматься вверхъ, Миха нырнулъ, и вынырнулъ потомъ нѣсколькими минутами позже Сатанаила. Сатанаилъ опять говоритъ:

— Давай еще разъ попробуемъ. Если и за этимъ разомъ ты меня пересидишь, то, такъ и быть, тогда уже сдамся—будь ты тогда въ этомъ дѣлѣ первымъ.

Нырнули. Сатанаилъ опять опустился на дно, а Миха тотчасъ же вынырнулъ, вышелъ на берегъ, схватилъ свое платье и Сатанаилову корону и пустился убѣгать на небо. А Богъ приказалъ тогда морозу, чтобы онъ заморозилъ то море на цѣлыхъ три сажени. Сатанаилъ сидѣлъ подъ водою, пока только былъ въ состояніи. Но вотъ уже ему не въ моготу стало дольше сидѣть. Онъ наверхъ... Анъ что-то не ладно: ледъ не пускаетъ вынырнуть. Тогда онъ снова опустился на

http://rcin.org.pl

дно,—какъ уперся ногами, какъ подскочилъ, да какъ ударилъ въ ледъ головою, то ледъ на всемъ морѣ затрещалъ. Онъ въ другой разъ сдѣлалъ то же самое,—ледъ трещитъ на томъ мѣстѣ, гдѣ Сатанаилъ ударилъ въ него головою, трещитъ; потрескался, однако не ломается. Тогда Сатанаилъ третій разъ ударилъ съ такою силою,что выскочилъ изъ-подъ льда прямо наверхъ. Смотритъ—Миха уже на серединѣ дороги между небомъ и землею, мчится съ его короною. Сатанаилъ за нимъ въ погоню, и такъ какъ у него было *шесть* крыльевъ, а у Михи всего только *два*, то онъ летѣлъ быстрѣе, чѣмъ Миха, и сталъ его догонять. Вотъ Сатанаилъ уже совсѣмъ недалеко, вотъ-вотъ догонитъ Миху; но тутъ какъ разъ на небѣ показался Богъ и бросилъ Михѣ громаднѣйшій огненный мечь сказавши:

— Возьми, защищайся!

Миха поймалъ на-лету мечь, а Сатанаилъ уже около него, хочетъ отнять корону. Тогда Миха махнулъ мечемъ и сразу отрубилъ у Сатанаила съ одного боку *три* крыла, а самъ пустился дальше убѣгать. Сатанаилъ, какъ подстрѣленный, съ отрубленными крыльями, такъ камнемъ и полетѣлъ внизъ и „шлепнулся“ на землю. Тогда Богъ отнялъ отъ имени Сатанаила слогъ *илъ* и придалъ его къ имени ангела Своего Миха, вслѣдствіе чего Сатанаила стали называть прямо *Сатана*, а Миха—*Михаилъ*.

Съ этого времени Сатана сдѣлался самымъ лютымъ врагомъ Михаила и сталъ придумывать, какъ бы захватить его и что́ бы ему сдѣлать, какой бы карѣ подвергнуть за то, что онъ его обездолилъ: отнялъ корону и отрубилъ крылья. Вотъ Сатана выкопалъ очень глубокую яму въ землѣ и закопалъ въ ту яму нарочно вылитый для этой цѣли громадный и толстый чугунный столбъ, попридѣлывалъ къ этому столбу разныя цѣпи: для шеи, для рукъ, для ногъ—и такъ прочно все это сдѣлалъ, что если бы кого приковать къ тому столбу тѣми цѣпями, то онъ до конца свѣта не вырвался бы изъ нихъ. Когда Сатана кончилъ всѣ эти приготовленія, то одѣлъ на

http://rcin.org.pl

себя тѣ цѣпи, приковалъ себя ими къ столбу и попробовалъ, крѣпко ли стоитъ столбъ. Какъ задергалъ Сатана, то земля вздрогнула, а столбъ и не пошатнулся. Тогда Сатана снялъ съ себя цѣпи и говоритъ.

— Попадись ты мнѣ теперь, ненавистный Михаилъ, не вырвался бы уже больше отъ меня изъ этой тюрьмы! Какъ бы тамъ ни было, а я все-таки тебя захвачу и засажу сюда!

Когда смотритъ, проходитъ около него какой-то старенькій Дѣдокъ.

— „Здоро́ви були́, па́ночку!“

— Здравствуй, Дѣдъ!

— А что это вы соорудили, „па́ночку“?

— Тюрьму такую, Дѣдъ.

— Какая же это тюрьма? Я что-то не могу этого понять.

— Какой же Ты недогадливый! Вотъ иди, становись сюда,—я Тебя закую, такъ и будешь видѣть.

Дѣдокъ сталъ. Сатана одѣлъ на Него всѣ тѣ цѣпи и позапиралъ. Но такъ какъ Дѣдокъ былъ стареньки́й и худеньки́й, то Онъ легко высвободилъ изъ цѣпей постепенно то руку, то ногу, такъ что ничего не выходило. Тогда Сатана сказалъ:

— Вылѣзай-ка оттуда, Дѣдъ; Ты старый и очень худой для этой тюрьмы, а я ее соорудилъ для такого добраго молодца, какъ самъ. Смотри, какъ я влѣзу въ цѣпи, такъ на мнѣ будетъ хорошо.

Сатана одѣлъ на себя цѣпи, самъ ихъ приладилъ, позапиралъ и спрашиваетъ:

— А что, Дѣдъ, хорошо? а?

— Аминь!—изрекъ Дѣдъ.

Тотчасъ же все желѣзо слилось, сковалось „доку́пи“ само собою, и Сатана очутился тамъ въ немъ вѣковать до суда Божьяго. Дѣдъ же тотъ былъ не кто иной, какъ Самъ Богъ.

Послѣ этого видитъ Сатана, что дѣло плохо,—въ ту бѣду, которую готовилъ для другого, попался самъ,—созвалъ всѣхъ своихъ слугъ и приказалъ имъ грызть желѣзо, чтобы

http://rcin.org.pl

освободить его изъ неволи. И грызутъ черти то желѣзо цѣлый годъ до Святой Пасхи, и уже остается имъ совсѣмъ мало грызть, чтобы освободить своего Люцифера, иной годъ не больше дюйма; но какъ только священникъ провозгласитъ въ церкви на Пасху: „Христосъ воскресъ!“—тотчасъ же желѣзо, которое они грызли, становится такимъ же точно толстымъ, какъ и было, какъ будто наростаетъ. Они вновь начинаютъ его грызть; грызутъ, грызутъ,—остается только перекусить; но придетъ Пасха, и оно опять вдвое наростетъ. Такъ дѣло шло изъ году въ годъ,—такъ идетъ оно и теперь [1]).

2.—Съ самаго начала не было ни неба, ни земли, а была только тьма и вода, смѣшанная съ землею такъ, какъ будто „кваша“, а Богъ леталъ Святымъ Духомъ по-надъ водою, которая шумѣла пѣною. Вотъ однажды Богъ ходитъ по водѣ да и дохнулъ на ту пѣну, сказавши при этомъ: „Да будетъ ангелъ!“ И сталъ ангелъ, да только безъ крыльевъ. Богъ далъ ему *два* крыла и говоритъ: „Летай, какъ и Я“. Ангелъ говоритъ: „Нельзя, Господи“. Богъ далъ ему еще *два* крыла и сказалъ: „Летай“.—„Нельзя, Господи“, отвѣчаетъ ангелъ. Богъ далъ ему еще *два* крыла. Вотъ, онъ и летаетъ. Тогда сотворилъ Богъ свѣтъ и далъ ангелу мечъ. Во *второй* день Богъ сотворилъ небо. Въ *третій* день Богъ говоритъ шестокрылому серафиму: „Опустись глубоко въ воду и достань оттуда Мнѣ маленькую частичку земли на *Мое имя*: посѣмъ ее, чтобы росла“. Сатанаилъ (такъ назывался тотъ серафимъ) нырнулъ въ воду, отдѣлилъ частицу земли—однако не на Божіе имя, а на свое. Та земля, которую онъ отдѣлилъ, разсыпалась у него въ рукѣ, и нельзя было принесть ее къ Богу. Приходитъ Сатанаилъ къ Богу да и говоритъ: „Нельзя отдѣлить земли“.

Богъ, конечно, знаетъ, что Сатанаилъ отдѣлялъ на свое имя; однако молчитъ про то и говоритъ ему: „Пойди снова и отдѣляй“. Тогда Сатанаилъ отдѣлилъ маленькую

[1]) „Кіевская Старина“ 1897 г., іюль—августъ, стр. 74—79.

http://rcin.org.pl

частицу да взялъ да и спряталъ себѣ немножко за губу. Когда онъ принесъ къ Богу землю, то Богъ тотчасъ же благословилъ ее и повелѣлъ, посѣявши, чтобы она росла. Какъ стала земля расти, то начала расти и та, которая была у Сатанаила за губою. —„Господи, выручай меня изъ бѣды!—закричалъ онъ:—я укралъ немножко земли за губу, и она тоже ростетъ за губою!“—„Выплюй“, говоритъ ему Богъ.

Какъ началъ Сатанаилъ плевать, да какъ начали изо рта такіе, какъ онъ, вылетать, то летѣли до тѣхъ поръ, пока Сатанаилъ не выплевалъ всей земли. Когда выплевалъ уже всю землю, то плюнулъ и еще нѣсколько разъ чистою слюною. И начали вылетать одинъ за другимъ ангелы еще прекраснѣе, чѣмъ онъ. Послѣ этого Богъ и говоритъ: „Теперь немного отдохнемъ, да пойдемъ на небо“. Богъ легъ и какъ будто спитъ, а всевидящимъ окомъ Своимъ все хорошо видитъ. Снятъ и свѣтлые ангелы, только не спитъ Сатанаилъ съ первыми ангелами—темными и держитъ совѣтъ, чтобы Бога и свѣтлыхъ ангеловъ бросить въ воду—утопить. Порѣшили на совѣтѣ: „Какъ вбросимъ Бога и свѣтлыхъ ангеловъ въ воду, то тогда сами на небѣ будемъ богами“.

Взялъ Сатанаилъ Бога на руки, а темные ангелы свѣтлыхъ ангеловъ, и понесли ихъ бросать въ воду. Вода сдается имъ и недалеко, но никакъ не могутъ до нея дойти. Носились они, носились, на всѣ четыре стороны, а все-таки не донесли до воды и положили ихъ опять на томъ же мѣстѣ, откуда взяли, и сами заснули. А земля разрослась большая. Богъ всталъ съ вѣрными ангелами, забралъ всѣхъ тѣхъ, которые спали, да и побросалъ ихъ въ воду, а Самъ пошелъ на небо вмѣстѣ съ свѣтлыми ангелами. Однимъ далъ по *шести* крыльевъ и назвалъ ихъ *серафимами;* другимъ далъ только по *два*, однако назвалъ ихъ *архистратигами* и *начальниками* надъ ангелами. Одного назвалъ Гавріиломъ, другого Михаиломъ,—всѣмъ далъ имена. На небѣ сотворилъ солнце, луну и звѣзды. Это было уже въ *четвертый* день.

http://rcin.org.pl

Въ *пятый* день сотворилъ *двѣ* рыбы большихъ и *двѣ* малыхъ. Большихъ подложилъ подъ землю и повелѣлъ, чтобы онѣ поддерживали ее; а малыхъ пустилъ въ воду, чтобы онѣ разводились. Потомъ сотворилъ птицъ и пустилъ ихъ, чтобы онѣ летали и плодились [1]).

3. Когда задумалъ Господь сотворить міръ, то сказалъ Своему старшему ангелу Сатанаилу: „А что,—говоритъ,—архангелъ Мой,пойдемъ творить міръ“.—„Пойдемъ, Господи“, отвѣчаетъ Сатанаилъ. Вотъ они и пошли по-надъ моремъ. А море такое темное, сказано—бездонное! Богъ и говоритъ: „Видишь,—говоритъ,—эту бездну?“„—Вижу, Господи“.—„Иди же,—говоритъ,—въ эту бездну на самое дно и достань Мнѣ горсть песку. Да смотри,—говоритъ,—какъ будешь брать, то скажи про себя: „Беру тебя, земли, на имя Господне“.—„Хорошо, Господи“. И нырнулъ Сатанаилъ въ бездну до самаго песку; но при этомъ ему зазорно стало:—„Нѣтъ,—говоритъ себѣ,—Господи, прибавлю я и свое имя: пусть будетъ вмѣстѣ и Твое и мое“. Вотъ беретъ онъ песокъ и говоритъ: „Беру тебя, земля, на имя Господне и свое!“ Пришлось выносить, а вода такъ и вымываетъ тотъ песокъ. Онъ изо всей силы затискиваетъ горсть,—да гдѣ ужъ птти противъ Бога! Пока онъ вынырнулъ на поверхность моря, такъ того песку какъ и не было: весь вода вымыла вонъ.—„Не хитри, Сатанаилъ,—говоритъ Господь:—иди снова, да не прибавляй своего имени!“ Снова нырнулъ въ море Сатанаилъ; но ужъ чортъ—чортомъ,—опять приговариваетъ: „Беру тебя, земля, на имя Господне и свое!“—И снова песку не стало. Только уже за третьимъ разомъ сказалъ Сатанаилъ: „Беру тебя, земля, на имя Господне“! И вотъ несетъ онъ песокъ да и горсти уже не зажимаетъ, такъ нарочно на раскрытой ладони и несетъ, чтобы вода смыла его; да не тутъ-то было: какъ набралъ полную горсть, такъ полную горсть и вынесъ къ Богу.

---

[1]) „Труды Этнографическо-статистической Экспедиціи въ западно-русскій край“. Юго-западный отдѣлъ. Матеріалы и изслѣдованія, собранные д. чл. П. П. Чубинскимъ. Т. I, стр. 140—144.

http://rcin.org.pl

Взялъ Господь тотъ песокъ, ходитъ по морю и разсѣваетъ; а Сатанаилъ давай облизывать руку: „хоть немного,—думаетъ—спрячу для себя, а потомъ,—думаетъ себѣ,— и сотворю землю“. А Господь разсѣялъ.—„А что,—спрашиваетъ,—Сатанаилъ, нѣтъ больше песку“?—„Нѣтъ, Господи“.—„Въ такомъ случаѣ нужно благословить!“—говоритъ Господь. Да и благословилъ землю на всѣ четыре стороны. И какъ только Онъ благословилъ, такъ земля и начала расти.

Вотъ, ростетъ земля; а та, что во рту у Сатанаила, и себѣ ростетъ и, наконецъ, такъ разрослась, что и губу распираетъ. Богъ и говоритъ: „Плюй, Сатанаилъ!“

Онъ и началъ плевать и харькать. И гдѣ онъ плевалъ, тамъ выростали горы, а гдѣ харькалъ, тамъ скалы. Вотъ почему у насъ и земля неровная!.. Еще говорятъ, что будто бы-то тѣ скалы да горы Богъ знаетъ, до какихъ бы поръ росли, да уже Петръ и Павелъ какъ закляли ихъ, такъ онѣ больше и не ростутъ.—Потомъ Господь говоритъ Сатанаилу: „Теперь,—говоритъ,—Сатанаилъ, только бы посвятить землю; впрочемъ, пусть она себѣ ростетъ, а мы отдохнемъ“.—„Хорошо, Господи“, говоритъ Сатанаилъ. Прилегли они отдохнуть. Господь спитъ, а Сатанаилъ задумалъ утопить Бога, чтобы завладѣть землею. Поднялъ онъ Его на руки и бѣжитъ къ морю. Сперва бѣжитъ да и бѣжитъ на югъ,—а моря нѣтъ; ударился онъ на сѣверъ,—и тамъ не видать. Бросался онъ на всѣ *четыре* стороны свѣта,—нигдѣ нѣтъ моря: извѣстное дѣло, земля уже такъ разрослась, что въ самое небо уперлась краями,—гдѣ ужъ тамъ-то море стало!.. Видитъ Сатанаилъ, что ничего не подѣлаетъ, несетъ Бога на то мѣсто, откуда взялъ, да и самъ около него ложится. Полежалъ немного, а затѣмъ и будитъ Бога: „Вставай,—говоритъ,—Боже, землю святить“! А Богъ ему говоритъ: „Не безпокойся, Сатанаилъ! земля Моя уже освящена: освятилъ Я ее этою ночью на всѣ четыре стороны“ [1]).

[1]) „Малорусскія нар. преданія и разсказы“ Драгоманова, стр. 89—91. ср. ст. Сухомлинова въ журналѣ „Основа“ за 1861 г., VI, стр. 53—60.

http://rcin.org.pl

4. Ѣхалъ однажды Господь Саваоѳъ „на ковчегѣ“, а Лукавый вылѣзъ изъ воды да и смотритъ. Вотъ Господь и спрашиваетъ его: „Что ты такое“? А Лукавый отвѣчаетъ: „Я —Лукавый“.—„Будь Мнѣ товарищемъ“, говоритъ Господь. —„Хорошо, буду“.—„Ну, такъ скажи Мнѣ, что находится подъ водою?“—спрашиваетъ Господь.—„Земля“, отвѣчалъ Лукавый. —„Достань Мнѣ земли“, говоритъ Господь. Дьяволъ полѣзъ въ воду, досталъ Богу земли и себѣ набилъ ею ротъ,—думка такая: „Посмотрю, что будетъ Богъ дѣлать, то и я сдѣлаю“. Богъ взялъ землю и началъ сѣять ее по водѣ,—и стала земля. Лукавый никакъ не можетъ удержать земли, которая была у него во рту, и говоритъ Богу: „Не въ моготу мнѣ: земля лѣзетъ изо рта!“—„Рви,—говоритъ ему Богъ:—и будутъ горы, долины и курганы“. Лукавый сталъ рвать,—и появились горы, долины и курганы“. Тогда говоритъ Богъ Дьяволу: „Иди на небо; а какъ взойдешь, то умой руки и *„тріпни“* ими,—и у тебя явятся товарищи“. Лукавый такъ и сдѣлалъ: умылъ рули, „тріпнувъ“ ими,—и къ нему явилось много лукавыхъ.

Однажды Лукавый заспорилъ съ Богомъ, что выпьетъ всю воду и вмѣстѣ съ нею весь песокъ. Вотъ онъ и сталъ пить воду и жрать песокъ. Когда онъ напился воды и нажрался песку, его и раздуло. Сталъ онъ блевать,—и наблевалъ горы и болота [1]).

Въ дополненіе къ этимъ легендамъ считаемъ не лишнимъ привести еще легенду собственно о происхожденіи „горъ крутыхъ да высокихъ, яровъ длинныхъ да глубокихъ“, разсказанную „старенькой, сгорбленной, *тихомовной*“, весьма религіозной „бабуней Марцей Оверчихой“ [2]).

Однажды сотворилъ Господь землю—ровненькую, гладенькую, всю въ садахъ да въ цвѣтахъ. А діаволу и себѣ захотѣлось сотворить такую же землю. Однако, сколько онъ ни возился, ничего не могъ сдѣлать. Вотъ онъ приходитъ къ Господу да и про-

[1]) „Этнограф. Обозрѣніе“ 1892 г., XIII—XIV, стр. 69—70.
[2]) „Кіевская Старина“ 1895 г., Январь, стр. 121—122.

http://rcin.org.pl

спть: „*Господоньку!* помогите мнѣ сотворить землю“. А Господь и говоритъ ему: „Лети ты, Сатана, на край свѣта, нырни ты глубоко на дно морское, захвати въ горсть земли со дна, а когда выйдешь изъ воды, то разсѣй ту землю по вѣтру да и говори при этомъ: „Рости, земля, на Божію славу“. Полетѣлъ діаволъ на край свѣта, нырнулъ на дно моря, захватилъ земли въ горсть, и еще не вышелъ изъ воды, какъ уже проговорилъ: „Рости, земля, въ мою славу, а не въ Божію“. А земля и выскользнула вся изъ рукъ. Досталъ діаволъ земли въ другой разъ—выскользнула и та изъ рукъ; досталъ онъ въ третій разъ, при чемъ и въ третій разъ сказалъ то же: „Рости, земля, въ мою славу“,—и земля въ третій разъ выскользнула у него изъ рукъ. Сообразилъ тогда діаволъ, какъ взять землю, чтобы не выскальзывала. Нырнулъ еще разъ въ море, „достáвъ самóго дна“ и захватилъ земли и песку въ ротъ. Теперь уже не выскользнетъ земля изо рта. Вынырнулъ на поверхность да только-что проговорилъ: „Рости, земля, на славу діаволу“, а земля и начала рости: набила ему полную пасть и полное брюхо. Какъ стошнило его, раскрылъ онъ пасть и началъ блевать. Летитъ да блюетъ, летитъ да блюетъ; понаблевалъ онъ эти высокія горы, а гдѣ уже прямо коломъ подпирало грудь, и онъ падалъ на землю, качался брюхомъ, бился руками и ногами, то тамъ повыбивалъ долины и глубокіе овраги.—Такъ діаволъ всю прекрасную Божію землю испортилъ („спаскудивъ“) горами да оврагами.

По одной легендѣ, участникомъ въ сотвореніи міра, кромѣ Бога и Сатанаила, является еще и св. ап. Петръ—впрочемъ, больше въ роли *совѣтника*. Очевидно, въ космогоническую легенду эту [1]) онъ перенесенъ изъ „Обходовъ апостольскихъ“, гдѣ св. ап. Петръ является странствующимъ то самостоятельно, то—по большей части—вмѣстѣ съ Спасителемъ. А что дѣйствительно на нее оказали вліяніе въ

[1]) Легенда записана въ Ольгопольскомъ уѣздѣ, Подольской губ.

http://rcin.org.pl

данномъ случаѣ „Обходы апостольскіе“, это видно изъ того, что творцомъ міра въ указанной легендѣ является *Іисусъ Христосъ*, а не Богъ Отецъ. Легенда отличается большою наивностью и простодушіемъ.

Однажды Іисусъ Христосъ и св. Петръ,—говоритъ легенда,—не имѣя, что дѣлать, сидѣли себѣ и томились. Вотъ св. Петръ и говоритъ: „Боже, такъ какъ Тебѣ нечего дѣлать, то хоть сотвори теперь свѣтъ“.—„Хорошо,—говоритъ Іисусъ Христосъ:—только надо, въ такомъ случаѣ, позвать чорта, чтобы досталъ изъ моря песку и синяго камня; а то—какъ же Я Самъ буду доставать?“ Позвали чорта. Іисусъ Христосъ говоритъ: „Полѣзай въ воду да говори: *Не я беру, а Богъ беретъ*,—и доставай, что̀ попадется въ руку“. Чортъ полѣзъ въ воду; однако не сказалъ такъ, какъ велѣлъ Іисусъ Христосъ, а говоритъ: „Не Богъ беретъ, а я беру“. И онъ ничего не досталъ. Лѣзетъ бѣдный чортъ въ другой разъ; но и опять онъ точно такъ же сказалъ—и не досталъ ничего. А какъ полѣзъ въ третій разъ, то уже послушался Іисуса Христа, сказалъ: „Не я беру, а Богъ беретъ“, да и зацѣпилъ обѣими лапами. Вылѣзши на верхъ, увидѣлъ чортъ, что у него въ одной рукѣ песокъ, а въ другой — синій камень. Іисусъ Христосъ взялъ отъ него и то и другое, сотворилъ свѣтъ совсѣмъ, какъ надо, только осталось его еще перекрестить. — „Какъ бы намъ перекрестить свѣтъ?“—говоритъ Іисусъ Христосъ.—„Я знаю какъ“, отозвался св. Петръ.—„Ну, дѣлай, какъ себѣ знаешь“. Св. Петръ подозвалъ чорта и говоритъ ему: „Вези меня къ той водѣ, которую видишь передъ собою, а я тебѣ за это сдѣлаю все, чего только ты захочешь“.—„Хорошо,—говоритъ чортъ:—надѣлай мнѣ помощниковъ, потому что я самъ не могу управиться на свѣтѣ“. Св. Петръ обѣщалъ ему надѣлать помощниковъ, и чортъ взялъ его на плечи и потащилъ. Однако, вотъ они уже доѣхали до самаго конца свѣта, а воды нѣтъ. Вдругъ вода показалась въ той сторонѣ, откуда они выѣхали. Чортъ повернулъ назадъ. Но, проѣхавши снова весь свѣтъ

http://rcin.org.pl

поперекъ, они опять-таки воды не нашли, а увидѣли ее вдругъ на правой сторонѣ свѣта. Чортъ не знаетъ уже, что́ ему дѣлать,—такъ измучился; однако долженъ ѣхать. Пріѣхавши на правый край свѣта, опять не нашли воды; только что-то бѣлѣетъ *передъ ними*, будто вода. Чортъ снова идетъ. Когда они доѣхали до конца свѣта, св. Петръ и говоритъ: „Довольно, мы уже перекрестили свѣтъ. Теперь я скажу тебѣ, какъ ты можешь надѣлать себѣ помощниковъ. Встань рано въ субботу, возьми воды да и брызгай позади себя: сколько будетъ по-за тобою брызгъ, столько будетъ чертей". Чортъ такъ и поступилъ. И съ той поры на свѣтѣ дѣлается все хуже и хуже, потому что чертей на свѣтѣ становится все больше и больше.

А лучше всего сдѣлалъ бы св. Петръ, если бы обманулъ чорта, потому что обмануть такую „по́гань"—совсѣмъ нѣтъ грѣха [1]).

Всѣ приведенныя до сихъ поръ легенды, съ одной стороны, развиваютъ первоосновной мотивъ обще-арійскаго миѳа о мірозданіи, съ другой—развиваютъ, подъ вліяніемъ мѣстныхъ условій и національныхъ особенностей, указанные выше апокрифы и апокрифическія сказанія. Такъ какъ тѣ же источники легли и въ основу великорусскихъ легендъ о сотвореніи міра, то нѣтъ ничего удивительнаго, что и украинскія и великорусскія легенды въ нѣкоторыхъ пунктахъ и отдѣльныхъ выраженіяхъ сходны отъ слова до слова [2]); существенная разница только въ томъ, что въ украинскихъ легендахъ шире полетъ фантазіи, и онѣ мѣстами ярко блещутъ (въ *подлинникѣ*, конечно) неподдѣльнымъ, простодушнымъ, захватывающимъ народнымъ юморомъ. Гораздо любопытнѣе тотъ фактъ, что украинскія легенды о мірозданіи имѣютъ въ

[1]) П. П. Чубинскій, „Труды Этнографическо-статистической Экспедиціи въ зап.-русскій край", т. I, стр. 142—144.

[2]) См., напр., „Бытъ русскаго народа" Терещенко, ч. V, стр. 44–45; „Этнографич. Обозрѣніе" 1892 г., XV, Смѣсь, стр. 190—191.

http://rcin.org.pl

общемъ, въ основныхъ чертахъ довольно близкое сходство съ религіозно-миѳическими представленіями американскихъ индѣйцевъ чипеваи и легендами корелъ Олонецкаго края. По религіозно-миѳическимъ представленіямъ чипеваи, первоначально была только вода. Великій духъ Виска приказалъ бобру опуститься въ воду и принести со дна моря немного земли на поверхность. Бобръ опустился, но земли не досталъ. Мускусная мышь (rat musqué) обнаружила бо́льшую ловкость и принесла немного тины. Тогда Виска дохнулъ на эту тину, или илъ, и послѣдній разросся до громадныхъ размѣровъ. Такимъ образомъ отъ дыханія Виски произошла земля [1]).— Въ этомъ космическомъ миѳѣ чипеваи, какъ видятъ читатели, мѣсто Бога и Сатанаила украинскихъ космогоническихъ легендъ занимаютъ Виска, бобръ и мышь; общая же основа ихъ одна и та же.

По корельской легендѣ, до созданія міра на ряду съ Богомъ существовалъ и представитель злого начала — Кэнчо, или Кару. Онъ былъ весьма могущественъ, и зло было глубоко вкоренено въ его природѣ. Пытаясь стать наравнѣ съ Богомъ или даже выше Его, онъ хотѣлъ принять участіе въ твореніи міра. Но попытка эта не удалась ему. Господь послалъ Кару достать со дна моря земли, чтобы сотворить міръ. Кару захватилъ ея полную горсть, только не сумѣлъ удержать: земля вся высыпалась сквозь пальцы, и Богъ сотворилъ міръ безъ его помощи. Однако Кару не успокоился и сталъ просить у Бога часть творенія подъ свою власть. Богъ далъ ему такой маленькій клочокъ земли, на которомъ можно было воткнуть только небольшой колышекъ. По и этого клочка было достаточно для Кару. Онъ воткнулъ колышекъ, сдѣлалъ, такимъ образомъ, отверстіе,—и изъ этого отверстія поползли

[1]) *Reville*, Les religions des peuples non civilisés, т. I, стр. 282—цит. по ст. проф. Н. Сумцова: „Очерки исторіи южно-русскихъ апокрифическихъ сказаній и пѣсенъ“ („Кіевская Старина“ 1887 г., іюнь — іюль, стр. 235.

http://rcin.org.pl

всевозможные гады. Вотъ почему гады находятся подъ особымъ покровительствомъ Кару и, по его приказанію, бросаются даже на людей (корелы никогда не называютъ твореній Каро по имени—*мадо*, а зовутъ просто „пагаччу“, что значитъ—худой, дѣлающій зло).—Много гадовъ выползло изъ отверстія, сдѣланнаго Кару колышкомъ, пока, наконецъ, Богъ не запретилъ имъ [1]).

Возможно, конечно, что космогоническіе мотивы апокрифическихъ сказаній проникли къ чиневан чрезъ миссіонеровъ, а къ кореламъ чрезъ ближайшихъ русскихъ поселенцевъ; но возможно также и то, что мы здѣсь имѣемъ дѣло съ однимъ изъ „странствующихъ“ сказаній, которое въ извѣстной мѣстности получило меньше наслоеній, въ другой больше, осложнившись сказаніями апокрифическими и народной творческой фантазіей.—Отъ другихъ сближеній воздержимся, такъ какъ они сдѣланы уже въ изслѣдованіяхъ по фольклору.

Слишкомъ уже человѣкообразное представленіе Бога въ украинскихъ космогоническихъ легендахъ и дѣтски-наивное изображеніе Его всемогущества въ актѣ мірозданія, способное часто вызвать въ насъ улыбку, нисколько не говоритъ о томъ, чтобы народъ составилъ себѣ совершенно превратное представленіе о существѣ Божіемъ и Божескихъ свойствахъ. Здѣсь мы имѣемъ дѣло только съ религіозною малоразвитостію народною, живымъ воображеніемъ украинца, общимъ народнымъ невѣжествомъ и неизбѣжною на этой ступени вульгарностью изображенія и представленія библейскихъ понятій и событій, съ чѣмъ придется намъ встрѣчаться и считаться и во всѣхъ послѣдующихъ украинскихъ легендахъ. Космогоническая, напр.. легенда, записанная въ слободѣ Кабаньей, Харьковской губ., Купянскаго уѣзда, при всей грубости и невѣжественности представленія акта мірозданія, заключаетъ въ себѣ рѣзкій протестъ противъ своеобразно поня-

[1]) „Этнографическое Обозрѣніе“ 1892 г., XV, Смѣсь, стр. 189—190.

http://rcin.org.pl

тыхъ словъ Библіи: *и почи* (Богъ) *въ день седмый отъ дѣлъ Своихъ* („почити", „опочити" по-малорусски значитъ: отдыхать послѣ работы, вызвавшей усталость, — что́, конечно, совершенно несовмѣстимо съ понятіемъ о всемогуществѣ Божіемъ).—Сперва, „изначала" ничего не было,—говоритъ легенда:—ни Бога (*единственный* случай отрицанія въ украинскихъ легендахъ *предвѣчности* Божіей), ни людей, ни ангеловъ; не было ни земли, ни неба, а было темно-темно. Въ это-то самое время явился Богъ, и живетъ на воздухѣ. Вотъ Богъ и задумалъ сотворить небо и землю. Сперва сотворилъ небо, а послѣ того слѣзъ съ неба внизъ и сотворилъ землю. Тогда сталъ *изъ тѣла* творить людей, птицъ и звѣрей; потомъ началъ садить деревья и траву. Наконецъ, полѣзъ на небо и сотворилъ ангеловъ. Сѣлъ на престолѣ и сталъ царствовать. Богъ творилъ людей каждый день понемногу; творилъ онъ ихъ *четыре* дня,—и наполнилась людьми вся земля. Землю по краямъ привязалъ веревками.—Богъ сотворилъ небо, землю, людей, весь міръ—и *не утомился*. Хотя въ книгѣ и сказано, что Онъ *отдыхалъ*, но это говорятъ неправду: *Господь не утомится, хоть что будетъ дѣлать,—на то Онъ и Богъ* [1]).

---

[1]) „Этнографическое Обозрѣніе" 1892 г., XIII—XIV, стр. 82—83.

http://rcin.org.pl

Украинскія легенды о сотвореніи Адама и Евы.

Украинскія легенды о сотвореніи перваго человѣка, являясь отголоскомъ арійскихъ сказаній, носятъ на себѣ слишкомъ—какъ въ общемъ, такъ и въ нѣкоторыхъ подробностяхъ—явные слѣды апокрифическаго сказанія съ довольно густой дуалистнческой окраской. Наибольшее вліяніе на нихъ оказали—Палея и апокрифическое сказаніе: „Како сотвори Богъ Адама".

Въ Палеѣ говорится, что Богъ создалъ человѣка въ землѣ Мадіамской, взявши отъ *восьми* частей: 1) отъ земли—тѣло, 2) отъ камня—кости, 3) отъ моря—кровь, 4) отъ солнца—очи, 5) отъ облака—мысли, 6) отъ свѣта—свѣтъ, 7) отъ вѣтра—дыханіе, 8) отъ огня—тепло. Когда Богъ пошелъ взять отъ солнца очи, и Адамъ лежалъ на землѣ, то пришелъ къ Адаму окаянный сатана и вымазалъ всего его грязью. Богъ, возвратившись, хотѣлъ было вложить Адаму очи, и когда увидѣлъ его въ грязи, то сильно разгнѣвался на діавола и проклялъ его. Діаволъ исчезъ, какъ молнія, сквозь землю. Господь, снявши съ Адама „пакости сатанины", сотворилъ изъ нихъ собаку, которой и повелѣлъ стеречь Адама, а Самъ отошелъ въ горній Іерусалимъ за Адамовымъ дыханіемъ. Сатана во второй разъ пришелъ, чтобы навести на Адама „злую скверну". Увидѣвши въ ногахъ Адама собаку, которая начала на него лаять, онъ испугался и, взяв-

http://rcin.org.pl

ши „дерево“, истыкалъ имъ всего Адама и сотворилъ въ немъ *семьдесятъ* недуговъ. Господь, возратившись, снова отогналъ діавола; но недуги вошли внутрь человѣка.—Затѣмъ Господь позаботился о томъ, чтобы дать соотвѣтствующее имя первозданному человѣку. Для этого Онъ послалъ ангела Своего и повелѣлъ ему на востокѣ взять *азъ* (А), а на западѣ—*добро* (Д), на сѣверѣ и на югѣ—мыслете (М),—и человѣку, такимъ образомъ, дано было имя *Адамъ*. Богъ поставилъ его царемъ надъ всею землею, и надъ птицами небесными, и надъ звѣрями земными, и надъ рыбами морскими, при чемъ Богъ далъ ему „самовласть“. Послѣ того Господь насадилъ на востокѣ рай и поселилъ въ немъ Адама.—Еву Господь сотворилъ изъ ребра Адама, для чего навелъ на него сонъ.

Преслѣдуя основную свою задачу—показать превосходство Новаго Завѣта предъ Ветхимъ, который былъ только сѣнію перваго, Палея дальше сбивается на символизацію и часто натянутое прообразовательное значеніе сплошь и рядомъ измышленныхъ событій.—Въ томъ снѣ, который наведенъ былъ на Адама для сотворенія Евы, Господь показалъ ему Свое распятіе, смерть, воскресеніе и вознесеніе на небо за *полъ-шесты* тысячи лѣтъ: увидѣлъ Адамъ Господа распятаго, ходящаго въ Римѣ Петра, учащаго народъ въ Дамаскѣ Павла и т. д. Проснувшись въ великомъ трепетѣ, Адамъ сообщилъ Господу о своемъ видѣніи. Господь сказалъ ему: „Ради тебя подобаетъ Мнѣ сойти на землю, быть распятому и воскреснуть на третій день; а ты никому не повѣдай этого видѣнія, пока не увидишь Меня въ раю сидящимъ одесную Отца. И ты объ этомъ поскорби“.—Адамъ пробылъ въ раю *семь* дней, и этимъ Господь прообразовалъ жизнь человѣческую: „10 лѣтъ исполнится *рожденіе*, 20 лѣтъ—*юноша*, 30 лѣтъ—*свершеніе*, 40 лѣтъ—*средовѣчіе*, 50 лѣтъ—*сѣдина*, 60 лѣтъ—*старость*, 70 лѣтъ—*скончаніе*“. Эти же *семь* дней прообразовали и *семь* тысячъ лѣтъ существованія міра; „а *восьмой* тысячѣ нѣтъ конца“—это будетъ вѣкъ безконечный.

http://rcin.org.pl

Въ апокрифическомъ сказаніи—„Како сотвори Богъ Адама“—говорится: „...и поиде Господь Богъ очи имати отъ солнца, и остави Адама единаго лежаща на земли, пріиде же окаянный Сотона къ Адаму и измаза его каломъ, и тиною, и возгрями. И пріиде Господь къ Адаму..... снемъ съ него пакости Сотонины, и въ томъ сотвори Господь собаку и, смѣсивъ со Адамовыми слезами и теслою (оставшеюся послѣ сотворенія Адама и соскобленною съ него глиною), очисти его, яко зерцало, отъ всѣхъ скверъ, и постави собаку, и повелѣ стрещи Адама, и Самъ Господь отыде въ горній Іерусалимъ по дыханіе Адамово. И пріиде вторые Сотона и восхотѣ на Адама напустити злую скверну.... Собака начала зло лаяти на дьявола. Окаянный же Сотона вземъ древо и истыка всего человѣка Адама, и сотвори ему въ немъ 70 недуговъ. И пріиде Іисусъ изъ горнего Іерусалима и видѣ Адама древомъ исколота и милосердова о немъ.... И отгна Господь дьявола..... и обороти вся недуги въ него“ (внутрь). [1])

Украинскія легенды варіируютъ на разные лады главнымъ образомъ эти *два* апокрифическія сказанія, щедро разбавляя ихъ различными подробностями въ чисто народномъ духѣ, съ цѣлію осмыслить тѣ или иныя особенности человѣческаго организма, человѣческой природы вообще, а также отчасти особенности мужского и женскаго интеллектовъ. Дуалистическій элементъ временами выступаетъ въ нихъ рѣзче, чѣмъ въ апокрифическихъ сказаніяхъ; элементъ библейскій проявляется очень слабо.

Въ легендѣ, записанной въ Купянскомъ уѣздѣ, разсказывается, что Богъ взялъ глины и сталъ лѣпить человѣка по образу Своему и по подобію. Видя это, діаволъ и себѣ взялъ глины и также сталъ лѣпить фигуру по образу своему.

---

[1]) „Памятники старинной русской литературы“, изд. подъ ред. Пыпина, т. III, стр. 13.

http://rcin.org.pl

Богъ слѣпилъ человѣка, а діаволъ—козла. [1]) Богъ вдунулъ въ Свое твореніе душу, и человѣкъ ожилъ. Діаволъ ну и себѣ дуть на свою тварь: дулъ спереди, дулъ сзади,—не оживаетъ, а только смердитъ.

— Господи, подуй и на мою тварь,—проситъ діаволъ.

Богъ дунулъ,—и козелъ сталъ живой. Діаволъ обрадовался и ну плясать вокругъ козла и хвастаться передъ Богомъ, что его тварь лучше Божіей. Господь и говоритъ діаволу:

— Почему же ты называешь козла своею тварью? вѣдь Я оживилъ его: твоя глина, а козелъ Мой.

И заспорили.

— Хорошо,—сказалъ Богъ:—если ты удержишь козла, пусть тогда онъ будетъ твой; а не удержишь—Мой.

Діаволъ согласился. Но какъ ни подойдетъ къ козлу, тотъ все на него рогами, все рогами. Разсердился діаволъ, схватилъ козла за хвостъ, думаетъ: „Теперь ты не уйдешь отъ меня!“ Не тутъ-то было: козелъ рванулся,—часть хвоста осталась у діавола, а самъ козелъ все-таки убѣжалъ [2]).—Вотъ почему козлы и куцые.

Легенда, записанная въ дер. Хорощанкѣ, Луцкаго уѣзда, повѣствуетъ, что когда Богъ сотворилъ человѣка, дьяволъ пожелалъ сдѣлать и себѣ такого же. Принялся за работу, но у него вышелъ *волкъ* (одинъ варіантъ разсказываетъ, что діаволъ слѣпилъ *своего* человѣка изъ глины, но такого большого, что его пришлось острогать: изъ этихъ стружекъ по-

---

[1]) Въ Ушицкомъ уѣздѣ о первозданномъ человѣкѣ существуетъ слѣдующее повѣрье: „Сатана все можетъ сдѣлать, только съ условіемъ, если Богъ позволитъ и благословитъ. Такъ, напр., человѣка Сатана слѣпилъ изъ глины—и сдѣлалъ его такъ удачно, что Господу Богу оставалось только благословить и дать ему живую душу. Когда Сатана слѣпилъ человѣка, то поставилъ его стоймя, а потомъ оплевалъ его вездѣ—вездѣ. Отъ этого и теперь человѣкъ плюетъ и кашляетъ“ („Труды Этногр.—статист. Экспедиціи въ Юго-зап. край“, собр. П. Чубинскимъ, т. I, стр. 145).

[2]) Этнографическое Обозрѣніе“ 1892 г., XIII—XIV, стр. 89.

http://rcin.org.pl

шли *шершни*, *оводы*, *мухи*, *комары*). Чтобы оживить его, бѣсъ сказалъ: „Гужя („куси“, возьми) Бога!“ Но волкъ не двигался. Затѣмъ Богъ сказалъ волку: „Гужя його!“ Волкъ тотчасъ сорвался и побѣжалъ за дьяволомъ, который бросился уходить и хотѣлъ взлѣзть на дерево; но волкъ догналъ его и схватилъ за ногу. Изъ раны потекла кровь и заструилась по стволу дерева,—а то дерево была ольха. Потому и теперь это дерево красно, а черти съ тѣхъ поръ стали безъ пять, при чемъ волки гоняются за чертями и поѣдаютъ ихъ. Кабы не они и не громъ, чертей расплодилось бы видимо-невидимо [1]).—Такая же легенда встрѣчается въ Греціи и Албаніи; эстонское преданіе сотвореніе волка тоже приписываетъ діаволу.

Въ легендѣ, записанной въ самомъ г. Купянскѣ, разсказывается, что Богъ слѣпилъ человѣка изъ глины, поставилъ его около тына сушиться и приказалъ собакѣ стеречь, а Самъ полетѣлъ на небо за душою. Діаволъ видѣлъ, что Богъ что-то дѣлалъ, и взяло его любопытство, что тамъ такое стоитъ около тына. Крадется мимо собаки, а она ну рычать на него—не подпускаетъ. Діаволъ подулъ на собаку. Отъ его дуновенія собака почувствовала страшный холодъ, стала дрожать; а діаволъ и говоритъ:

— Пусти меня посмотрѣть на дѣло Божьихъ рукъ,—я дамъ тебѣ за это шубу; а не пропустишь—совсѣмъ заморожу.

Собака прельстилась обѣщанною шубою, такъ какъ была безъ шерсти и смерзла, и пропустила діавола. Діаволъ покрылъ собаку шерстью, а человѣка всего оплевалъ, охарькалъ. Видитъ Богъ Свое твореніе покрытымъ нечистотою, и выворотилъ его такъ, что всѣ нечистоты оказались внутри, а затѣмъ вдунулъ въ него душу. И сталъ человѣкъ снаружи чистъ, а внутри полонъ всякой скверны [2]).

---

[1]) П. Чубинскій, „Труды Этнографическо-статист. Экспедиціи въ зап.-русскій край“, т. I, стр. 145; ср. академ. А. Н. Веселовскій, „Разысканія въ области русскаго духовнаго стиха“, VI—X, стр. 329—330.

[2]) „Этнографическое Обозрѣніе“ 1892 г., XIII—XIV, стр. 89—90.

http://rcin.org.pl

Еще болѣе оригинальнаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ и народно-вульгарнаго заключается въ украинскихъ легендахъ о сотвореніи Евы. Особенно характерными изъ нихъ являются слѣдующія: 1) записанная въ г. Купянскѣ, 2) записанная въ Каневскомъ уѣздѣ и 3) записанная въ Радомысльскомъ уѣздѣ.

1. Сотворивши Адама, Богъ поселилъ его въ раю. Пожилъ тамъ Адамъ нѣкоторое время, и стало ему скучно. Привелъ къ нему Богъ всѣхъ птицъ небесныхъ и всѣхъ звѣрей земныхъ и сказалъ, чтобы онъ далъ всѣмъ имъ имена; затѣмъ приказалъ имъ слушаться Адама. Видитъ Богъ, что Адамъ все же скучаетъ, и говоритъ Самъ Себѣ: „Не добро быти человѣку единому, сотворю ему жену по образу его. Изъ чего только ее сотворить? Изъ глины: не будутъ любить другъ друга. Нѣтъ, возьму часть у Адама и создамъ изъ нея жену, чтобы они прилѣпились другъ къ другу, были одно тѣло. Изъ чего же взять? изъ головы?—будетъ очень умна, станетъ главою мужа. Изъ руки?—возьметъ мужа въ руки. Изъ ноги?—будетъ бѣгать отъ мужа. Возьму ребро съ лѣвой стороны отъ самаго сердца, изъ-подъ руки, чтобы сердечно любила мужа и была у него подъ рукою. Навелъ Богъ на Адама сонъ, взялъ у него съ лѣвой стороны, отъ сердца, ребро и поставилъ его къ дереву на солнце сушиться. Бѣжитъ собака, увидѣла ребро, схватила его и ну грызть. Ангелъ отнялъ у собаки уже надгрызенное ребро, подалъ его Богу, и Богъ изъ *недогрызка* сотворилъ жену Адаму.—Вотъ почему женъ на Украйнѣ бранятъ: „собачій недогрызокъ“, или „чортовъ хвостъ“ [1]).

По другому варіанту, записанному въ Купянскомъ уѣздѣ, дѣло было такъ. Когда сотворилъ Богъ Адама, т. е. слѣпилъ его и поставилъ сушить, собака тутъ и крадется къ нему. Подкралась и вытащила у человѣка одно ребро. Хватился Богъ—нѣтъ ребра. Пошелъ Онъ искать, и нашелъ въ кустахъ собаку, а у нея въ зубахъ ребро. Богъ отнялъ его и

[1]) „Этнографическое Обозрѣніе“ 1892 г., XIII—XIV, стр. 90—91.

http://rcin.org.pl

принесъ къ Адаму,—такъ звали перваго человѣка. Прилаживалъ Онъ его, прилаживалъ—ничего не выходитъ, такъ какъ ребро было уже надгрызено. Тогда Богъ съ досады взялъ да и сотворилъ изъ того ребра жену Адаму и назвалъ ее Евою [1]).

По нѣкоторымъ легендамъ, ребро Адамово похищаетъ не собака, а чортъ. Схваченный ангеломъ въ тотъ моментъ, когда въ райской оградѣ оставался уже одинъ только его хвостъ, чортъ уноситъ ребро, но взамѣнъ того оставляетъ въ рукахъ ангела свой хвостъ, изъ котораго Богъ и творитъ Еву. Вотъ почему „всѣ женщины хитры и лукавы, какъ черти“; а черти съ того времени стали куцыми, тогда какъ сначала у нихъ были длинные хвосты [2]).

2. Человѣка (мужчину) Богъ сотворилъ изъ земли, а жену изъ тѣста да и поставилъ ихъ противъ солнышка, чтобы они высохли, а Михаилу повелѣлъ стеречь. Вотъ Михаилъ стерегъ, стерегъ, да ненарокомъ и заглядѣлся на что-то, а собака прибѣжала да и съѣла жену. *Вложилъ Богъ душу* въ человѣка [3]), затѣмъ взялъ у него „одну кость изъ ребра“ (очевидно—*одно ребро изъ всѣхъ реберъ)* и сотворилъ

---

[1]) Тамъ же, стр. 91.

[2]) Тамъ же.

[3]) *Душу* въ разныхъ мѣстностяхъ Украйны представляютъ различно: а) въ видѣ духа, могущаго принимать разные образы, оставлять, по своему произволу, человѣка во время сна, принимая при этомъ на себя видъ *сивой мыши* (Винницкій и Грубешовскій уѣзды); б) въ видѣ *мухи* (Ушицкій уѣздъ); в) въ видѣ *маленькаго ребенка* (Холмъ и Каневскій уѣздъ), имѣющато крылышки (Каневскій уѣздъ); г) въ видѣ *маленькаго человѣка* съ чистымъ и прозрачнымъ тѣломъ (Харьковскій уѣздъ). Душа умершаго пребываетъ въ *домѣ Давида.* Домъ тотъ стоитъ на сухой землѣ, но окруженъ со всѣхъ сторонъ моремъ. Построенъ онъ царемъ Давидомъ для того, чтобы уберечься въ немъ отъ смерти (Кіевская губернія).—Душа одной умершей молодой женщины прожила у ея матери болѣе двухъ недѣль. Въ теченіе всего этого времени душа ничего не ѣла, а только постоянно сидѣла надъ горячимъ хлѣбомъ и вдыхала въ себя выходящій изъ него горячій паръ (Грубешовскій уѣздъ).—Одна старуха разсказывала, что, когда она была еще дѣвочкой, умерла ея тетка. Всѣ

http://rcin.org.pl

ему уже *второй разъ* жену. Человѣка *Богъ* назвалъ Адамомъ, а жену самъ человѣкъ назвалъ Евою [1]).

3. Богъ сотворилъ Адама изъ пшеничнаго тѣста и поставилъ его на солнцѣ, чтобы онъ высохъ; а собака и съ ѣла его. Тогда Богъ вылѣпилъ Адама изъ глины, вдохнулъ въ него ангельскую душу и далъ ему роговое тѣло, чтобы оно никогда не сгнило и не боялось холоду. Послѣ того Богъ наслалъ на Адама сонъ, и когда Адамъ заснулъ, Богъ сотворилъ ему изъ *рбжи* (Althaea rosea L., одинакая, немахровая

старшіе родственники вышли изъ хаты, гдѣ лежала покойница; осталась одна разсказчица и услышала, что „подъ припечкомъ“ кто-то стонетъ. Она испугалась и, выбѣжавши изъ хаты, объявила объ этомъ старшимъ домашнимъ. Тѣ вошли въ хату; стоны прекратились. Домашніе опять вышли изъ хаты,—и стоны тотчасъ же стали повторяться. Разсказчица снова побѣжала объявить домашнимъ. Тогда послѣдніе догадались, что тутъ что-нибудь да есть. Думали, что это открывается кладъ, и потому, ставши за дверьми, чтобы дѣвочка не боялась, когда опять услышитъ стоны, велѣли ей, въ случаѣ ихъ повторенія, сказать такъ: „Всякая душа да хвалитъ Господа“. Дѣвочка сдѣлала это, и стонавшее отвѣтило: „И я хвалю Бога предвѣчнаго“.—„Душа *покутующа* (кающаяся, несущая эпитимію, находящаяся подъ церковнымъ запрещеніемъ), чего ты хочешь, и кто ты такая?“—„Я бабка твоей бабки. Болѣе ста лѣтъ уже я тутъ *покутую*. Бросаютъ на меня дрова, сметаютъ соръ. Я требую твоей помощи; окажи мнѣ ее отъ рукъ твоихъ, но помни, чтобы никто болѣе для этого не трудился“. Дѣвочка взяла у матери денегъ, купила коленкору и нитокъ, сдѣлала три манишки, вынесла ихъ на ярмарку и продала. Отдавши взятыя у матери на покупку деньги, она на оставшійся барышъ снова купила коленкору и нитокъ для той же цѣли. Когда она увидѣла, что денегъ уже достаточно для уплаты за богослуженіе, то обратилась къ ксендзу (разсказчица Винницкаго уѣзда), который отслужилъ панихиду за упокой усопшей. Возвратившись домой и прочитавши молитву за упокой души („Anioł Pański“), всѣ стали обѣдать. Только-что начали ѣсть, вдругъ видятъ—стоитъ у порога женщина, довольно пожилая, и ни на кого больше не смотритъ, какъ только на дѣвочку, и при этомъ сказала ей: „Bog zapłać“ (Богъ заплати — воздай). Повторивши это три раза, она стала невидима (П. Чубинскій, „Труды Этногр.-статист. Экс. въ з.—русск. край“, т. I, стр. 148—149).—Съ легендами о состояніи душъ умершихъ мы еще встрѣтимся впереди.

[1]) П. Чубинскій. „Труды Этногр.-статист. Экспедиціи въ зап.-русскій край“, т. I, стр. 145.

http://rcin.org.pl

шток роза—любимый на Украйнѣ цвѣтокъ) жену да и положилъ ее около Адама; Адамъ проснулся, увидѣлъ, что жена не такая, какъ онъ, да и говоритъ Богу: „Не хочу я жены изъ цвѣтка; если бы мнѣ такая жена, какъ и я“. Тогда Богъ снова навелъ на Адама еще болѣе глубокій сонъ. Когда Адамъ заснулъ, Богъ вынулъ изъ него одно ребро, сотворилъ изъ того ребра Еву и положилъ подлѣ Адама. Адамъ проснулся, увидалъ, что жена его такая же, какъ и онъ, и взялъ ее себѣ. Богъ и спрашиваетъ Адама: „Ну, что же, какая жена тебѣ больше нравится—та ли, которая изъ цвѣтка, или та, которая изъ твоего ребра?“ —„Ужъ, конечно, мнѣ больше нравится та, которая изъ моего ребра“, отвѣчалъ Адамъ. — „А на Мой взглядъ,—сказалъ Богъ,—та лучше, которая изъ цвѣтка: Я ее дамъ Сыну Своему *за мáтіръ*“. Взялъ Богъ ту жену, которая создана была изъ цвѣтка, и отослалъ на небо; а Адаму и Евѣ сказалъ: „Ѣшьте всѣ яблоки, какія есть въ раю, не ѣшьте только съ одного дерева; если же вкусите отъ него, то тотчасъ же умрете“ [1]).

Хотя въ сотвореніи Божіей Матери Самимъ Богомъ изъ цвѣтка—и притомъ прежде сотворенія Евы—несомнѣнно желаніе легенды возвеличить Пресв. Дѣву предъ всѣми земнородными, но должно замѣтить, что мотивъ о сотвореніи женщины изъ цвѣтка извѣстенъ космогоническимъ сказаніямъ и другихъ арійскихъ народовъ.

Съ нѣкоторыми дополнительными подробностями, касающимися сотворенія Адама, мы встрѣтимся еще въ легендахъ о грѣхопаденіи первыхъ людей, къ которымъ и перейдемъ теперь.

---

[1]) П. Чубинскій. „Труды Этногр.—статистич. Экспедиціи въ западно-русскій край“, т. I, стр. 145—146.

http://rcin.org.pl

Украинскія легенды о грѣхопаденіи первыхъ людей и изгнаніи ихъ изъ рая.

Легенды о грѣхопаденіи первыхъ людей и изгнаніи ихъ изъ рая, вопреки завѣреніямъ проф. Сумцова [1]), заключаютъ въ себѣ весьма существенныя отклоненія отъ библейскаго сказанія о томъ же предметѣ—частію подъ вліяніемъ апокрифовъ, главнымъ же образомъ потому, что въ этихъ легендахъ данъ довольно значительный просторъ фантазіи, подчасъ слишкмъ ужъ фривольной. Нужно замѣтить, что вообще украинскія легенды, при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ, любятъ отклоняться отъ Библіи и впадать въ игриво-вульгарный тонъ. Первое объясняется отчасти особымъ взглядомъ украинскаго народа на Библію, въ которой „весь свѣтъ *завьязаный и звьязаный*; ея никакъ нельзя прочитать, и если кто и *понатужится*, захочетъ узнать все, что́ въ ней есть, тотъ непремѣнно съ ума сойдетъ. Грамотнымъ людямъ особенно нужно остерегаться Библіи, потому что въ ней есть такія слова, которыя, дѣйствительно, можно читать; но промежду нихъ есть и такія, которыхъ никакъ не годится говорить“ [2]). Отклонившись же отъ Библіи и почувствовавши

---

[1]) „Кіевская Старина“ 1887 г., іюнь—іюль, „Очерки исторіи южнорусскихъ апокриф. сказаній и пѣсенъ“, стр. 247.

[2]) „Жизнь и творчество крестьянъ Харьковской губерніи“. Очерки по этнографіи края. Подъ редакціей В. В. Иванова. Т. I., стр. 389.

http://rcin.org.pl

себя въ сферѣ болѣе или менѣе свободнаго апокрифа, легенда не прочь порою довольно легко и съ народнымъ юморомъ отнестись къ тому или иному космогоническому или другому подобному серьезному вопросу и разрѣшить его даже въ анекдотическомъ смыслѣ. Изъ апокрифовъ наиболѣе сильное вліяніе на украинскія легенды о грѣхопаденіи первыхъ людей и изгнаніи ихъ изъ рая оказали „Слово о Адамѣ“ и „Слово о исповѣданіи Евиной“, представляющіе собою, собственно говоря, только *двѣ* разныя редакціи одного и того же апокрифа [1]).

Содержаніе „Слова о исповѣданіи Евиной“ въ той части, которая имѣетъ непосредственное отношеніе къ грѣхопаденію первыхъ людей и изгнанію ихъ изъ рая, можетъ быть передано въ слѣдующихъ *общихъ* чертахъ (разсказъ-*исповѣданіе* ведется отъ лица Евы, которую попросили о томъ ея дѣти и внуки). Соблазняя первыхъ людей, Діаволъ пришелъ къ нимъ въ видѣ свѣтлаго ангела и на слова Адама и Евы, что Богъ не велѣлъ вкушать отъ древа познанія добра и зла, сталъ жалѣть ихъ: они,—говорилъ Діаволъ,—этого не разумѣютъ, потому что, если бы съѣли отъ того древа, то были бы, какъ боги. Когда затѣмъ соблазненная діаволомъ Ева вкусила отъ плода, то „сердце въ ней возмутилось“. Она позвала Адама и сказала: „Приди ко мнѣ и посмотри великое чудо: я отверзла уста, и языкъ мой самъ во мнѣ заговорилъ“. Адамъ, взявши отъ Евы, также съѣлъ плода. Тогда отверзлись очи ихъ; Адамъ и Ева увидѣли свою наготу, и въ сердцѣ ихъ явилась похоть. Листья со всѣхъ деревьевъ мгновенно осыпались, кромѣ одной смоковницы. Адамъ и Ева подошли подъ нее и сшили себѣ изъ ея листьевъ одѣяніе. Адамъ тотчасъ же почувствовалъ свой тяжкій грѣхъ и сталъ горячо молиться Богу; тѣмъ не менѣе, Господь изгналъ и его и Еву изъ рая.

---

[1]) Текстъ ихъ изданъ въ славянской редакціи проф. Тихонравовымъ („Памятники отреченной литературы“, т. I, стр. 1—15, 298—304) и академ. Пыпинымъ („Памятники старинной русской литературы“, т. 3, л. 1—7).

http://rcin.org.pl

Канва апокрифа весьма проста; разсказъ ведется во всемъ согласно съ Библіей, исключая только возбужденія „въ сердцѣ“ Адама и Евы „похоти“, послѣ того какъ они увидѣли наготу другъ друга. Не то въ легендахъ, обставленныхъ, ко всему прочему, еще и многими дополнительными подробностями, касающимися событій, предшествовавшихъ грѣхопаденію первыхъ людей. Такъ, легенда, записанная въ Купянскомъ уѣздѣ, въ м. Ново-Бѣленькой, начинается довольно подробнымъ разсказомъ о низверженіи Сатанаила съ неба.

Господь предвѣчный Духъ,—говоритъ легенда,—безъ времени виталъ и непостижимой тончности Своей ни въ чемъ еще не проявлялъ. Онъ зналъ, что все будетъ такъ, какъ Имъ назначено давно: и Сынъ Его, и Мать, и сонмы ангеловъ святыхъ, и часть отпадшая отъ нихъ, и пространный міръ, и малая земля, и смертный человѣкъ на ней. И вотъ явились духи-ангелы предъ Нимъ. Первый ангелъ приступилъ къ Нему, чтобы узнать волю Его. И слышитъ Данилъ-Умнилъ (такъ звать перваго ангела) отъ Бога такое приказаніе: „Пойди и собери всѣ свои полки, все воинство свое представь на смотръ ты Сыну Моему“. Отошелъ Данилъ-Умнилъ съ нахмуреннымъ челомъ и думаетъ: „Откуда взялся Сынъ? Былъ Богъ да я одинъ—глава всѣхъ ангеловъ Его, а теперь вотъ еще явился новый Повелитель“.—Раздѣлилъ Данилъ-Умнилъ всѣ ангельскіе полки на *двѣ* части: одну составилъ онъ изъ однокрылатыхъ ангеловъ и отдалъ Богу, другую—изъ шестикрылыхъ—увлекъ на свою сторону и вступилъ съ первыми въ битву. Поставилъ Данилъ-Умнилъ престолъ свой выше Божьяго, чтобы придать храбрости своей сторонѣ. Три дня и три ночи шла на небѣ страшная битва; Господь дожидался ихъ покаянія. Архангелъ Михаилъ былъ тогда еще *Михою*, а гордый Данилъ-Умнилъ носилъ великое имя *Сатанаила*. Изъ Михи Господь сдѣлалъ Михаила-архистратига, далъ ему копье и *жезло́* и велѣлъ прогнать съ неба Данила-Умнила съ его шестикрылымъ воинствомъ на

http://rcin.org.pl

тысячу лѣтъ въ преисподнюю.—„Пойди,—сказалъ Богъ, вручая архистратигу Михаилу копье и *желѣ́зо*,—пойди прогони его этимъ оружіемъ съ неба, почерни его, когти ему насади, хвостъ прицѣпи, рога наставь“. Архистратигъ Михаилъ исполнилъ приказаніе Божіе: свергнулъ Данила-Умнила съ престола, когти ему на пальцы насадилъ, хвостъ къ заду прицѣпилъ, рога на голову наставилъ и всего почернилъ да и загналъ его въ преисподнюю на тысячу лѣтъ,—а тысяча лѣтъ, какъ одинъ день. Потомъ сотворилъ Богъ солнце, луну и звѣзды, воду и землю, насадилъ рай; сотворилъ изъ земли Адама и Еву изъ ребра Адама, назначилъ *семь* ангеловъ—начальниковъ (очевидно—въ соотвѣтствіе *семи* чинамъ ангельскимъ) и распредѣлилъ ихъ по чину ихъ. Вылетѣлъ Данилъ-Умнилъ на свѣтъ изъ преисподней, бросился къ солнцу, чтобы сорвать его съ неба; но солнце обожгло его. Тогда онъ побѣжалъ въ рай. При видѣ блаженства первыхъ людей, зависть стала терзать Данила-Умнила, и онъ влѣзъ въ *жабу* и подползъ подъ Еву, которая спала въ тѣни райскаго дерева, помрачилъ ей умъ, возбудилъ похоть. Потомъ вылѣзъ изъ жабы, вошелъ въ змѣю, поползалъ по Адаму и Евѣ и, прельстивши ихъ, увлекъ къ грѣху. Видитъ, далѣе, Данилъ-Умнилъ запрещенное древо, срываетъ съ него красное яблочко, подаетъ Евѣ и говоритъ: „Если хочешь быть богиней, съѣшь этого плода: отверзутся твои очи, познаешь ты добро и зло“. Ева вкусила яблока и подала Адаму. Отверзлись у нихъ очи: увидали они свою наготу; увидавши, застыдились и поспѣшили прикрыться листьями. Приходитъ Господь въ рай и, не видя Адама, зоветъ:

— Адамъ, гдѣ ты?

— Я здѣсь, въ раю.

— За то, что послушался своей жены и вкусилъ запрещеннаго плода, будешь работать до поту ты самъ и весь твой родъ. А ты, Ева, будешь слушаться мужа и будешь въ болѣзни рождать чадъ.

http://rcin.org.pl

Затѣмъ Богъ приказалъ архангелу Михаилу выгнать Адама и Еву *кнутами* изъ рая [1]).

Скажемъ предварительно нѣсколько словъ объ эпизодѣ о низверженіи Сатанаила, чтобы болѣе къ нему уже не возвращаться [2]). Въ приведенной легендѣ Сатанаилъ становится

[1]) „Этнографическое Обозрѣніе“ 1892 г., XIII—XIV, стр. 76—77.

[2]) Конецъ эпизода о низверженіи Сатанаила въ легендѣ, записанной въ слоб. Ново-Николаевкѣ, того же Купянскаго уѣзда, передается нѣсколько иначе. Ангелъ Миха, предводитель Божьей рати, два раза являлся къ Богу съ докладомъ о томъ, что никакъ не можетъ одолѣть своего противника; но Богъ посылаетъ его продолжать битву съ врагомъ. Когда же Миха предсталъ предъ Богомъ въ третій разъ и сказалъ, что чувствуетъ себя безсильнымъ противъ врага, Богъ отнялъ отъ Сатанаила *три* послѣднія буквы (*илъ*), прибавилъ ихъ къ имени Миха и назначилъ послѣдняго Своимъ архистратигомъ. Тогда архистратигъ Михаилъ тотчасъ же побѣдилъ *Сатану* и все воинство его („Этнографич. Обозрѣніе“ 1892 г., XIII—XIV, стр. 77—78).—Въ Кіевѣ г. Юріемъ Олтаржевскимъ записанъ еще одинъ весьма любопытный варіантъ о низверженіи Сатанаила съ неба.—Давно это было. Тогда не было ни людей, ни земли, ни деревьевъ, ни птицъ—и вообще никакой живой твари не было еще на свѣтѣ, ее уже послѣ Господь Богъ премудростію Своею сотворилъ, благословилъ и повелѣлъ каждой дѣлать свое дѣло. Одна только кукушка между птицами, какъ цыганъ между людьми, никакъ не можетъ осѣсть на одномъ мѣстѣ, въ своей хатѣ: нѣтъ у нея своего гнѣзда, а въ чужія гнѣзда яйца кладетъ. Такъ ей ужъ отъ Господа, говорятъ, завѣтъ такой данъ, чтобы она не смѣла своимъ собственнымъ хозяйствомъ жить, а чтобы толкалась по чужимъ угламъ и не знала утѣхи отъ своихъ дѣтей. Каждая тварь, какая бы она ни была „проклятуща“,—вотъ хотя бы, напр., волкъ—на что ужъ, кажется, большаго разбойника, а и тотъ утѣшается своими дѣтками—да! а кукушка—это, вѣдь, собственно даже и не птица, а такъ—„перевертень“, тьфу!—вотъ она что.—Такъ вотъ тогда была вездѣ вода, а надъ нею *первое небо*, на которомъ жилъ Богъ и *два* Его прислужника: *Мишка* и *Гришка*,—вотъ какъ при монастыряхъ, можетъ быть, доводилось вамъ видѣть послушниковъ, или служекъ, такъ при такомъ точно дѣлѣ и они состояли. А на *самомъ небѣ*, тамъ, гдѣ теперь живетъ Божія Матерь, жилъ Сатанаилъ и во всемъ шелъ наперекоръ Господу. Что ни захочетъ Господь сдѣлать, то онъ, лукавый этотъ Сатанаилъ, возьметъ да и помѣшаетъ, не дастъ-таки, проклятый, сдѣлать. Вотъ и задумалъ Господь Богъ, какъ бы это Ему истребить Сатанаила, и не столько окончательно истребить, сколько отнять *ризу* его, въ которой заключалась вся его сила. Однажды Сатанаилъ раздѣлся, положилъ ризу свою на камнѣ и сталъ плавать на морѣ, такъ какъ онъ очень лю-

http://rcin.org.pl

падшимъ ангеломъ вслѣдствіе своей непомѣрной гордыни. Относительно мотива возмущенія Сатанаила противъ Бога нужно замѣтить, что онъ является не произведеніемъ народной фантазіи или домысломъ народа, а составляетъ, безъ сомнѣнія, книжное заимствованіе, книжный отголосокъ. Такъ, въ „Лѣтописи иже во святыхъ отца нашего Димитрія, митрополита Ростовскаго“ [1]) о причинѣ паденія части ангеловъ говорится слѣдующее: „Вину тоя ангельскія гордыни нѣціи

билъ, „проклятущій“, купаться. А Господь сидитъ на *Своемъ небѣ* да смотритъ. Вотъ и заспорилъ Господь Богъ съ Сатанаиломъ: „Не достанешь,—говоритъ Господь,—дна морского“. А Сатанаилъ говоритъ: „Нѣтъ, достану“. Вотъ Сатанаилъ и началъ пробовать да нырять, а Господь позвалъ Мишку и велѣлъ ему, чтобы летѣлъ на море, и когда нырнетъ Сатанаилъ, то чтобы началъ дуть изо всей мочи на море. Такъ и сдѣлали. Сатанаилъ нырнулъ первый разъ, а Мишка и сталъ дуть изо всей мочи на воду,—море такъ и взялось корой, замерзло. Сатанаилъ вынырнулъ да и пробилъ головою ледъ. Вотъ Господь и говоритъ: „А ну, ныряй,—говоритъ,—второй разъ!“ У нихъ, видите ли, такое ужъ условіе было, чтобы до *трехъ* разъ нырять. Нырнулъ Сатанаилъ второй разъ, а Мишка дуетъ на воду, даже присѣлъ,—хочется такимъ ему выслужиться передъ Господомъ. Море снова взялось льдомъ, еще болѣе толстымъ. Сатанаилъ вынырнулъ и опять пробилъ головою ледъ. Господь говоритъ: „А ну,—говоритъ,—ныряй третій разъ!“ Сатанаилъ нырнулъ, а Мишка—чуть не треснетъ, такъ дуетъ на море; и Господь сталъ тоже ему помогать—началъ и Себѣ дуть, что было мочи, на море. Море покрылось такимъ толстымъ льдомъ, что Сатанаилъ, когда вынырнулъ, то не смогъ уже пробить его головою, а Гришка тѣмъ часомъ схватилъ ризу Сатанаила и ну удирать съ нею на небо. Увидѣвши, что съ нимъ не шутятъ, Сатанаилъ тотчасъ же началъ „прохукувать“ (согрѣвать дыханіемъ) ледъ; „прохукавъ“ дыру, да и погнался за Гришкою и уже сталъ было догонять его, такъ какъ у Гришки было *два* крыла, а у Сатанаила цѣлыхъ *шестеро*. Когда тутъ гдѣ ни взялся Мишка, да мечомъ и отхватилъ Сатанаилу крылья. Сатанаилъ упалъ въ море, а ризу его Мишка съ Гришкою принесли къ Богу. Въ этой самой ризѣ Іисусъ Христосъ впослѣдствіи на крестѣ мучился; а изъ Мишки да Гришки Господь сдѣлалъ архангеловъ *Михаила* да *Гавріила* („Кіевская Старина“ 1887 г., Май, стр. 196—197).—Очевидно, здѣсь мы имѣемъ дѣло съ легкимъ измѣненіемъ въ сторону еще болѣе ярко выраженнаго дуализма легенды, приведенной уже нами выше.

[1]) Москва, 1784, стр. 4.

http://rcin.org.pl

отъ богословцовъ сказуютъ быти сицевую: аки бы Господь Богъ открылъ бы ангеламъ тайну воплощенія Слова, имъ же имѣ соединитеся божество съ человѣчествомъ въ лицѣ Христовомъ, Ему же все естество ангельское долженствуетъ кланятися. Единъ убо отъ бо́льшихъ ангелъ, глаголемый Свѣтоносный разсмотряя высоту и славу естества своего ангельскаго, разсуждая же худость имѣвшаго быти бреннаго естества человѣческаго, разгордѣлся и умысли не поклонитеся хотящему воплотитеся Богу Слову, и рече въ себѣ: на небо взыду, и буду подобенъ Вышнему".—По другимъ легендамъ, гордость *Люцифера* обнаружилась въ томъ, что онъ отказался исполнить приказаніе Бога поклониться *первому человѣку*.—„Я созданъ изъ свѣта и пламени,—сказалъ Люциферъ,—а онъ изъ земной грязи, и я долженъ ему поклониться? Нѣтъ, не унижусь я передъ земнымъ прахомъ, который своими дѣлами осквернитъ мать свою—землю!"—Этотъ мотивъ отказа Люцифера поклониться Адаму могъ быть внесенъ въ украинскія легенды изъ талмудическихъ сказаній, перенесенныхъ и въ Алъ-Коранъ. Въ послѣднемъ сказано: „Когда Мы рекли ангеламъ: „поклонитесь Адаму",—они всѣ ему поклонилися, выключая *Евлиса*, который рекъ: „Поклонюся ли тому, котораго Ты создалъ изъ глины?" И онъ рекъ: „Что Ты мыслиши о человѣкѣ, котораго Ты предпочелъ мнѣ? Воистину, если Ты потерпишь мнѣ до дня воскресенья, я искореню все потомство его, выключая нѣкіихъ" [1]).

Что касается грѣхопаденія первыхъ людей, то *началомъ* его легенда признаетъ *помраченіе ума вслѣдствіе возбужденія похоти* сперва въ Евѣ, для чего Сатанаилъ „влѣзъ въ жабу и подползъ подъ Еву, которая спала въ тѣни райскаго дерева", а затѣмъ въ Адамѣ и Евѣ вмѣстѣ, для чего Сатанаилъ „вошелъ въ змѣю, поползалъ по Адаму и Евѣ *и, прельстивши ихъ, увлекъ къ грѣху*". Этотъ мотивъ могъ

[1]) „Алкоранъ Магомедовъ". Переведъ съ англійскаго А. Колмаковъ. Спб. 1792 г., ч. 2, стр. 22.

http://rcin.org.pl

войти въ легенду—1) изъ Апокалипсиса, гдѣ въ гл. 16-й, ст. 13-мъ говорится: *И видѣхъ изъ устъ змія, и изъ устъ звѣря, и изъ устъ лжива пророка духи три нечистые, яко жабы исходящіе*; 2) изъ народнаго міровоззрѣнія и непосредственнаго наблюденія. Лягушки (жабы) водятся въ болотахъ,—и черти также водятся въ болотахъ; стало быть, черти живутъ вмѣстѣ съ лягушками, близки къ нимъ. Утопленницы (утонившіяся намѣренно) превращаются, по народному повѣрью, въ лягушекъ, въ жабъ и становятся подругами, сожительницами чертей. Кромѣ того, народомъ не могло быть не подмѣчено, что жабы въ теченіе брачнаго періода, находясь въ возбужденномъ состояніи, прыгаютъ, какъ *помраченныя*, на всякій брошенный имъ предметъ и являются, такимъ образомъ, *олицетвореннымъ сладострастіемъ*. Отсюда уже понятно, почему въ легендѣ Данилъ-Умнилъ вошелъ именно въ жабу, чтобы *помрачить умъ* Евы *и возбудить* въ ней *похоть*.

Вопроса о низверженіи Сатанаила, а также о сотвореніи Адама, Евы и нечистыхъ духовъ касается и легенда, записанная въ с. Хомутинцахъ, хотя главный предметъ ея—грѣхопаденіе первыхъ людей. Въ легендѣ этой есть черты, сходныя съ другими легендами, но есть и такія характерныя подробности въ чисто народномъ духѣ, которыя встрѣчаются только въ ней одной. Приводимъ текстъ легенды по возможности въ дословномъ переводѣ.

Человѣка, говорятъ, вылѣпилъ Господь изъ глины, при чемъ далъ ему совсѣмъ „Свою святую „пóстать“. Только, на бѣду, осталась еще послѣ этого горсть глины. Гдѣ ее подѣть? Господь и прилѣпилъ эту глину между ногами человѣка,—и изъ нея сдѣлалось „грѣшное тѣло“, которое и сгубило человѣка. Если бы не оно, жилъ бы себѣ Адамъ въ раю припѣваючи; а то—нѣтъ! Прожилъ день, да и затосковалъ: сказано—подошла „грѣшная думка“. Однако, Господь все же не хочетъ дать ему жену.—„Лучше, —думаетъ Себѣ,—дамъ Я ему товарища; товарищъ все же лучше, чѣмъ жена“.

http://rcin.org.pl

Вотъ Богъ и говоритъ Адаму: „Не тоскуй, Адамъ: будетъ то, чего ты желаешь! Обмокни въ росу мизинный палецъ да и стряхни передъ собою,—и будетъ у тебя товарищъ. Гляди же только,—прибавилъ Господь,—не стряхни позади себя!“ А Адамъ—позабылъ ли, или что: обмокнулъ въ росу всю руку, да какъ стряхнетъ назадъ, такъ и появилось *пять* чертей. Глянулъ Адамъ, да въ ноги. А черти ну обмакивать въ росу лапы да встряхивать позади себя. И столько ихъ размножилось, что даже небо трещало.

Вотъ такъ и теперь „жиды“ дѣлаютъ. ,,Жидъ, пся віра“ (собачья вѣра), ни за что не оботретъ послѣ мытья рукъ по-христіански, а непремѣнно тряхнетъ сначала позади себя мокрыми руками [1]).

Посмотрѣлъ Господь, какой бѣды натворилъ Адамъ, да и велѣлъ Своимъ ангеламъ всѣхъ чертей посгонять съ неба. Какъ посыпались съ неба черти, то гдѣ который помянулъ Бога, тамъ и остался: который на небѣ—на небѣ остался, который на землѣ—на землѣ остался, а который въ воздухѣ—въ воздухѣ остался. Однако, черти всегда остаются чертями. Тѣ, которые на землѣ, ,,подводятъ“ человѣка; тѣ, которые подъ небомъ, ,,дразнятся“ съ Богомъ, за что Господь и побиваетъ ихъ Своимъ громомъ. Бываетъ такъ, что чортъ прячется иногда за христіанина; тогда Господь убиваетъ громомъ и христіанина, но зато отпускаетъ ему грѣхи [2]). А

[1]) Повѣрье о происхожденіи чертей изъ капель воды, стряхнутыхъ съ рукъ, послѣ мытья ихъ, назадъ, широко распространено среди нашихъ малороссовъ. И въ настоящее время можно еще часто услышать въ крестьянской семьѣ приказаніе дѣтямъ, чтобы они, когда идутъ, умывшись, къ ручнику, не отряхивали мокрыхъ рукъ, не „тріпали“ назадъ, потому что изъ капель, падающихъ при этомъ движеніи, рождаются черти („Этногр. Обозрѣніе“ 1892 г., XIII—XIV, стр. 74).

[2]) См. Б. Гринченко, „Этнографическіе матеріалы“, в. I, стр. 282.—Вѣроятно, вслѣдствіе того, что „жиды,“ съ одной стороны, способствуютъ размноженію чертей на бѣломъ свѣтѣ, а съ другой—потому, что „жидъ“, какъ „пся віра“, не можетъ служить надежной защитой, и черти за нихъ не прячутся, такъ что, „ще якъ світь стоіть, то не чути, щобъ грімъ жида вбивъ,—ажъ оце якось і жида въ насъ вбито“ („Малорусскія нар. преданія и разсказы“. Сборникъ Драгоманова, стр. 16).

http://rcin.org.pl

иногда чортъ прячется въ землю; но громовая стрѣла убиваетъ его и въ землѣ, а черезъ *семь* лѣтъ выходитъ изъ земли, и говорятъ, что она помогаетъ отъ коликъ. Тѣ же черти, которые остались на самомъ небѣ, каждый вечеръ зажигаютъ тамъ свои смоляныя свѣчки; однако, ангелы ходятъ спиною впередъ („пличами“) да и сгоняютъ ихъ съ неба. И летитъ чортъ съ неба, какъ свѣтящаяся полоска (падающія звѣзды), и сколько разъ христіанинъ скажетъ: *аминь*, на столько сажень чортъ залѣзаетъ въ землю; а если иной разъ никто не скажетъ, то онъ по землѣ такъ и разольется смолою.

Вотъ снова приходитъ Господь къ Адаму да и говоритъ: „А что, Адамъ, по всему видно, тебѣ жену бы надо!“ Глянулъ Адамъ на Бога и только *облизáвся*.—„Ну, ужъ нечего съ тобою дѣлать!—говоритъ Господь:—нужно тебѣ и жену дать“. И наслалъ Господь на Адама сонъ, *выломалъ* у него лѣвое ребро,—и изъ того ребра *сдѣлалась* жена.

Радости Адама не было границъ, когда увидалъ онъ жену; но онъ скоро убѣдился, что гдѣ чортъ самъ не сможетъ, тамъ пошлетъ жену.—Въ раю были въ одномъ мѣстѣ такія яблочки, которыя Богъ запретилъ ѣсть. Жена, какъ взглянула на нихъ, такъ и привязалась къ мужу: дай да и дай. Адамъ говоритъ, что нельзя; а она говоритъ: „Такъ-то ты,—говоритъ,—меня любишь, что жалѣешь и яблочка для меня“.—„Да ѣшь уже,—говоритъ Адамъ,—коли хочешь! только хоть меня не доведи до грѣха“. Ева, какъ только съѣла сама, тотчасъ же начала упрашивать и мужа. Какъ ни отговаривался Адамъ, не тутъ-то было. Вотъ уже ѣстъ и онъ; только-что сталъ глотать, когда приходитъ Господь,—такъ то яблоко въ горлѣ и осталось, и теперь оно „на горлѣ“ у всякаго мужчины (кадыкъ). Посмотрѣлъ Господь, даетъ Адаму заступъ, лопату и горсть сѣмянъ и говоритъ ему: „Такъ-то, Адамъ: не хотѣлъ ты хранить Моей заповѣди, теперь иди кровавымъ потомъ добывай себѣ хлѣбъ!“ Да и выгналъ его изъ рая на землю [1]).

[1]) М. Драгомановъ, „Малорусскія народныя преданія и разсказы“, стр. 91—92.

http://rcin.org.pl

Новое побужденіе къ соблазну Евы Сатанаиломъ указываетъ легенда, записанная въ Радомысльскомъ уѣздѣ. Когда Богъ,—говоритъ легенда,—сотворивши Адама и Еву и поселивши ихъ въ раю, пошелъ на небо, Ева тотчасъ же пошла въ садъ прогуляться. А она была такая красавица, что тотъ ангелъ, котораго Богъ низвергнулъ съ неба, сразу же *влюбился въ нее*. Оборотился онъ въ змѣю да и взлѣзъ на яблоню, на которой росли запрещенныя Богомъ яблоки. Подходитъ туда Ева. Падшій ангелъ и говоритъ ей: ,,Почему вы съ этого дерева не рвете яблокъ? Они уже созрѣли''. Ева отвѣчаетъ: ,,Намъ Богъ сказалъ, чтобы мы не ѣли съ этого дерева яблокъ, иначе умремъ''.—,,Богъ для того такъ сказалъ,—замѣтила на это змѣя,—чтобы вы сами не сдѣлались богами, потому что, если вы съѣдите хоть одно яблочко съ этого дерева, то будете тоже богами''. Ева повѣрила и хотѣла было уже съѣсть яблоко съ того дерева, когда идетъ Адамъ.—,,А ты и забыла, что этихъ яблокъ нельзя ѣсть''? Ева говоритъ: ,,Мы сдѣлаемся богами, если съѣдимъ хоть одно яблоко''. И съѣли Адамъ и Ева запрещенное яблоко. Какъ только они проглотили, тотчасъ же имъ стало стыдно и холодно. Они сшили листья изъ липы, закрылись да и спрятались, чтобы ихъ не нашелъ Богъ. Однако, Богъ дознался про все и изгналъ ихъ изъ рая, а около воротъ поставилъ ангела, чтобы стерегъ его. *Роговое тѣло* Адама и Евы Богъ тотчасъ же перемѣнилъ на такое, какое у насъ теперь, оставивши часть его только *на концѣ пальцевъ* [1]).

Въ этой легендѣ обращаетъ на себя также вниманіе замѣчаніе о потерѣ нашими прародителями послѣ грѣхопаденія рогового тѣла и замѣнѣ его настоящимъ человѣческимъ тѣломъ, при чемъ народъ добавляетъ, что остриженные ног-

[1]) П. Чубинскій. „Труды Этногр.—статист. Экспедиціи въ зап.—русскій край", т. I, стр. 146; ср. „Этногр. Обозрѣніе" 1892 г., XIII—XIV, стр. 83.

http://rcin.org.pl

ти—остатки рогового тѣла—не слѣдуетъ бросать на землю, а нужно прятать ихъ за пазуху, потому что а) изъ нихъ дьяволъ шьетъ себѣ шапку-невидимку, и когда надѣваетъ эту шапку, то Богъ не можетъ попасть въ него молніей; в) остриженные ногти нужно сохранять для того, чтобы послѣ смерти можно было при ихъ помощи вскарабкаться на высокую стеклянную гору рая [1]). Послѣднія повѣрья встрѣчаются у всѣхъ вообще славянъ и литовцевъ, вошли въ Талмудъ и Эдду и отличаются явно миѳическимъ характеромъ.

Совершенно особнякомъ стоитъ легенда о сотвореніи Адама и Евы, ихъ грѣхопаденіи и изгнаніи изъ рая, разсказанная упомянутой уже нами раньше ,,бабуней' Марцей Оверчихой. Къ сожалѣнію, легенда эта, помѣщенная въ *воспоминаніяхъ* ,,изъ дѣтскаго міра деревенскаго мальчика'', осталась какъ-то незамѣченной и не обратила на себя должнаго вниманія серьезныхъ фольклористовъ. Интересны въ ней нѣкоторыя подробности сотворенія первыхъ людей, но интереснѣе всего взглядъ на то, *въ чемъ именно состояло грѣхопаденіе* ихъ. Вотъ эта легенда.

Когда сотворили Господь небо и землю и освѣтили ее солнцемъ, то взяли въ руки глины, стали мѣсить ее, лѣпить—и вылѣпили мужа и жену да и положили ихъ противъ солнца, чтобы они обсохли, а Сами пошли въ рай немножко отдохнуть. А дьяволъ бродилъ себѣ въ это время по свѣту да и наткнулся на людей. Глядитъ на нихъ,—а они такіе красивые, такіе красивые съ лица, какъ ангелы, хоть воды съ нихъ напейся. Страшная зависть взяла дьявола, что они такіе красивые, а онъ такой черный, безобразный; даже слезы выступили у него изъ глазъ. Обошелъ онъ вокругъ людей, посмотрѣлъ еще, скривился, да взялъ и облевалъ ихъ. Какъ разъ на ту пору Господь подошли къ людямъ.

---

[1]) Б. Гринченко, „Этнографическіе матеріалы", вып. I, стр. 23; В. Ивановъ, „Жизнь и творчество крестьянъ Харьковской губерніи", т. I, стр. 851; П. Чубинскій, „Труды Этн.-стат. Эксп.", т. I, стр. 87;

http://rcin.org.pl

Какъ глянули на людей, такъ даже руками всплеснули. —„Ай! что же это ты надѣлалъ, Сатана“?—„А зачѣмъ Ты ихъ сотворилъ такими слишкомъ ужъ красивыми?..“ Тогда Господь взяли да и вывернули людей „нутромъ на верхъ, а лицемъ у середину“.—Такъ какъ люди теперь „вывернуты“, то они и не красивы, а безобразны; а такъ какъ ихъ облевалъ дьяволъ, то внутри въ нихъ заключается смрадъ.

Нечего дѣлать. Взяли Господь людей да и намочили ихъ на *семь* недѣль въ помояхъ, чтобы „вйкисли“ изъ нихъ грѣхи. Когда грѣхи „вйкисли,“ Господь просушили людей противъ солнца, а потомъ дунули на нихъ,—и стали люди живыми. И „прозвали“ Господь мужа Адамомъ, а жену—Евою; и дали Адаму заступъ и цѣпъ, а Евѣ—кудель и веретено, чтобы они жили себѣ въ раю и работали.

Однажды вышли Господь съ Адамомъ пахать; Сами стали за „плугатора“, а Адама поставили „погоничемъ“. Въ полдень Господь остановили плугъ и сказали: „Адамъ, выпряги воловъ изъ плуга „на полудень“: пусть пока попасутся, а Я тѣмъ временемъ немножко отдохну подъ деревомъ. Ты же смотри—не спи; пообѣдай самъ, попаси, напой „худобу“ (скотину) и, когда солнце свернетъ съ полудня, разбуди Меня“. Адамъ плотно пообѣдалъ, походилъ немного „за худобою“, потомъ присѣлъ подъ кустомъ, склонился на руки, да и заснулъ. Господь проснулись, взглянули на небо,—а солнце уже „геть-геть надъ вечіръ спустйлося“; между тѣмъ, ни Адама, ни воловъ нѣтъ.—„Адамъ, ау!“—зовутъ Господь. Да гдѣ ужъ тамъ! И слуху нѣтъ!—Кинулись Господь къ кустамъ,—а Адамъ улегся подъ кустомъ да и спитъ себѣ, „ажъ храпе“. Тогда Господь его „гйстикомъ“ (лопаточка, которой очищаютъ землю съ плуга), „гйстикомъ“—разъ, другой разъ ударили да и говорятъ: „Проклятое ты созданіе, опаскуженное дьяволомъ, такое же непослушное, какъ и онъ! не достойно ты жить со Мною въ раю! Иди же себѣ къ бѣсу“!.. Такъ и выгнали Господь изъ рая людей.—„Вотъ за что изгнали Господь людей изъ рая,—

http://rcin.org.pl

добавляетъ отъ себя разсказчица,—*за непослушаніе*; а что говорятъ, будто за яблочко,—такъ то—неправда“ [1]).

Безъ сомнѣнія, въ этой легендѣ мы имѣемъ дѣло съ естественнымъ стремленіемъ пробудившагося народнаго сознанія *вполнѣ осмыслить*—на основахъ все того же легендарнаго преданія—какъ нѣкоторые *недочеты* въ богосозданномъ человѣкѣ, такъ и образъ жизни первыхъ людей въ раю, который они должны были, по заповѣди Божіей, *воздѣлывать и хранить*. Равнымъ образомъ, въ легендѣ видно стремленіе осмыслить и самое *грѣхопаденіе*, сущность котораго состоитъ не въ томъ собственно, что Адамъ и Ева съѣли яблоко, которое само въ себѣ и по себѣ не заключало рѣшительно ничего особеннаго, а въ томъ, что они преступили заповѣдь Божію, *ослушались* Господа. Грѣхопаденіе приписывается *Адаму*, по всей вѣроятности, какъ *главѣ*; по крайней мѣрѣ, мы нисколько не склонны видѣть перенесенія *первой* вины съ Евы на Адама потому только, что легенда идетъ изъ устъ *женщины*.

Но нашъ настоящій очеркъ былъ бы не полнымъ, если бы мы не привели еще здѣсь въ высшей степени характерной „Вйрші на Різдво“ (Рождество Христово), записанной въ г. Купянскѣ и необыкновенно колоритно, съ неподражаемымъ украинскимъ народнымъ юморомъ, пародирующей грѣхопаденіе первыхъ людей. Приводимъ „Вйршу“ въ подлинникѣ, такъ какъ 1) языкъ ея, надѣемся, будетъ вполнѣ понятенъ для всякаго вообще русскаго человѣка, а 2) отъ перевода она слишкомъ много потеряла бы [2]):

---

[1]) „Кіевская Старина“ 1895 г., Январь, стр. 122—123: „Дѣтскій эдемъ до вкушенія плода отъ древа познанія добра и зла“. М. Щ.

[2]) Придерживаемся правописанія П. Кулиша, которое, между прочимъ, принято и въ недавно вышедшемъ въ свѣтъ переводѣ Евангелій Матѳея и Марка на украинскій языкъ.

http://rcin.org.pl

Чи чу́ли ви. пано́ве, зъ ро́ду.
Що Богъ яви́всь до насъ ажъ Самъ?
Та ще *чого?!* Щобъ побити пи́ку, мо́рду
І о́чі виколоть бісамъ.
Бо ста́рший бісъ хотівъ спізна́ться зъ Бо́гомъ:
Наду́вся, якъ сичъ, ажъ о́чі лізуть ро́гомъ.
А Богъ йому́ і ка́же: „А зась, пога́ный!
„Нема́ тобі тутъ міста зъ на́ми".
Зайшо́въ чортъ зъ и́ншого туть кра́ю:
Ада́ма въ го́сті пригласи́въ.
А самъ мирщій удра́въ до ра́ю,
Та Еву я́блукомъ скуси́въ,
Тай Ада́ма угости́въ.
Очну́вся Адамъ, ажъ ба́че—ли́хо:
Чортъ соро́чку зъ йо́го знявъ.
Ада́мъ пита́є Еву ти́хо:
—„А зъ кимъ це вчо́ра я гуля́въ.
„Що вінъ зъ ме́не соро́чку знявъ?..
„А що, стара́, і у те́бе ii нема́!
„Не ви́купимось ми ві́дъ сорома́!"
Заду́мався Ада́мъ, сівъ у куто́чку, тай засну́въ;
А Богъ його́ збуди́въ тай ка́же:
—„А де ти дівъ свою́ соро́чку?"
—„Мене́, та́то, чортъ обману́въ".
—„Пішо́въ же геть, пога́ний, зъ ра́ю!
„Це ти такъ ра́ю доглядівъ,
„Що чортъ зъ Евою всі я́блуки поівъ!..
„Іди́ і ти, пога́нко, зъ ра́ю пря́сти!
„Тебе́ Ада́мъ щобъ доглядавъ,
„Щобъ бі́льшъ не сміла я́блукъ кра́сти,
„Такъ я Ада́мові нага́йку давъ...
„А йди і ти, проклятий чо́рте!
„Ти що зъ Ада́момъ це зробивъ?
„Старо́го въ го́сті пригласи́въ,
„А зъ Евою всі я́блуки поівъ:

http://rcin.org.pl

„Хазяіна рая на віки погубивъ!“
Чортъ гласу Божого злякався,
Утікъ тай у пекло ажъ забрався.
А щобъ Адама й Еву одягти,
Христосъ родився. Адамъ гуляє:
Є нова свита і кожухъ,
І Ева въ плахті щеголяє,
І зновъ у всіхъ радіе духъ.
Гуляйте же і ви, панове, хоть що дня,
Бо й ви Адамова рідня.
Такъ будьте зъ праздникомъ здорові!

http://rcin.org.pl

Украинскія легенды о жизни первыхъ людей послѣ изгнанія ихъ изъ рая и о „рукописаніи“ Адамовомъ.

На украинскія легенды и вирши о жизни первыхъ людей послѣ изгнанія ихъ изъ рая и о „рукописаніи“ Адамовомъ наиболѣе сильное вліяніе оказалъ тотъ же апокрифъ—„Слово о исповѣданіи Евинѣ“, подъ вліяніемъ котораго составились и легенды о грѣхопаденіи первыхъ людей и изгнаніи ихъ изъ рая. По изгнаніи изъ рая,—говорится въ апокрифѣ,—Адамъ и Ева сѣли противъ него и, приникнувши къ землѣ, стали плакать—и плакали 7 дней (по другой редакціи—15 дней).—„Изнемогла душа моя отъ голода,—сказала Ева:—пойдемъ, поищемъ *снѣднаго*“. Встали они, обошли всю землю—и не нашли ничего *снѣднаго;* возвратились къ Эдему и опять начали плакать: „Раю мой, раю, пресвѣтлый раю,—взывалъ Адамъ,—красота неизреченная! меня ради сотворенъ есть, а Евы ради затворенъ есть; Милостиве, помилуй мя падшаго!“ Тогда Господь умилосердился и послалъ ангела *Іоиля*, который отдѣлилъ имъ *седьмую часть рая*. Адамъ и Ева поѣли сначала *плода терновнаго*. Явился архангелъ Михаилъ, принесъ пшеницы и меду и сталъ наставлять Адама *на дѣла ручная*. Потомъ изгналъ изъ рая всѣхъ животныхъ, звѣрей, гадовъ и птицъ и предалъ ихъ Адаму, который нарекъ имъ всѣмъ имена. Адамъ

http://rcin.org.pl

началъ обрабатывать землю. Пришелъ діаволъ и сказалъ: „Земля моя, а Божьи небеса и рай. Если хочешь быть моимъ, то обрабатывай землю; если же хочешь быть Божіимъ, то иди въ рай". Адамъ возразилъ: „Божьи небеса и земля и *конецъ ея вселенныя*" (вся вселенная).—„*Запиши ми рукописаніе*,--сказалъ діаволъ,—тогда позволю тебѣ обрабатывать землю (и не далъ ему отойти), и тогда будешь моимъ". Адамъ сказалъ: „Чья земля, того и я и дѣти мои". Обрадовался діаволъ и сказалъ: „Запиши мнѣ все то, что ты сейчасъ сказалъ". Адамъ взялъ „плечя", написалъ „рукописаніе" и сказалъ: „А инде писано во святомъ писаньи". Адамъ жилъ въ раю, славя Бога съ архангелами и ангелами во свѣтѣ немерцающемъ; когда же онъ былъ изгнанъ изъ рая за преступленіе, то не зналъ еще того, что ночь и день прежде него сотворены Богомъ. Сѣлъ онъ „прямо раю" и началъ плакать „по райскому житіи". Наступила ночь, спустилась на землю тьма. И возопилъ Адамъ говоря: „Горе мнѣ, преступившему Божію заповѣдь, изгнану изъ свѣтлаго райскаго житія пресвѣтлаго немерчающаго свѣта. Свѣтъ мой пресвѣтлый,—продолжалъ онъ плача и рыдая:—уже не узрю сіянія твоего и немерчающаго свѣта, ни красоты райскія ни вижю. Господи, помилуй мя падшаго". Пришелъ къ нему діаволъ и спрашиваетъ: „Чего ты стонешь и рыдаешь?" Адамъ отвѣчалъ: „Свѣта ради пресвѣтлаго, скрывшагося мене ради". Діаволъ сказалъ ему: „Азъ ти дамъ свѣтъ, запишися ми рукописаніемъ и родъ свой и чяда". Адамъ „свѣта ради" далъ діаволу рукописаніе, въ которомъ написалъ такъ: „Чій есть свѣтъ, того азъ и чяда мои". И пришелъ день, и возсіялъ свѣтъ по всей вселенной. Діаволъ же взялъ рукописаніе Адамово и скрылъ его въ Іорданѣ подъ камнемъ на томъ мѣстѣ, гдѣ впослѣдствіи крестился Христосъ [1]).

---

[1]) Проф. Н. Тихонравовъ, „Памятники отреченной литературы", т. 1, стр. 300—301.—Сказаніе о рукописаніи, данномъ Адамомъ діаволу о вѣчной работѣ и рабствѣ, составилось на основаніи ложно понятыхъ словъ ап. Павла: „и васъ мертвыхъ сущихъ въ прегрѣшеніихъ и въ не-

http://rcin.org.pl

Сѣтованія Адама о потерянномъ раѣ породили цѣлую семью украинскихъ виршей и русскихъ духовныхъ стиховъ, извѣстныхъ подъ заглавіемъ: „Плачъ Адама“. Ничего особенно оригинальнаго какъ эти вирши, такъ и духовные стихи не представляютъ изъ себя и мѣстами буквально повторяютъ другъ друга и отдѣльныя выраженія апокрифа—„Слово о исповѣданіи Евинѣ“. Въ общемъ же они являются простымъ распространеніемъ слѣдующихъ стиховъ изъ церковныхъ пѣснопѣній Сыропустной недѣли: „Изгнанъ бысть Адамъ изъ рая снѣдію, тѣмъ же и сѣдя прямо сего рыдаше, стеня умилительнымъ гласомъ, и глаголаше: увы мнѣ, что пострадалъ окаянный азъ! едину заповѣдь преступихъ Владычню, и благихъ всяческихъ лишихся. Раю свѣтлѣйшій, мене ради насажденный бывъ и Евы ради затворенный!..“ Поэтическія картины церковныхъ пѣснопѣній въ виршахъ дополнены соотвѣтствующими благочестивыми размышленіями о суетности человѣческихъ стремленій къ земной славѣ и земному богатству и завершаются въ нѣкоторыхъ изъ нихъ возвращеніемъ Іисусомъ Христомъ падшаго Адама въ рай. Строй виршей—церковный [1]). Послѣднее обстоятельство—надо полагать—объясняется тѣмъ, что многіе изъ распѣваемыхъ въ настоящее время слѣпцами псальмъ и духовныхъ стиховъ составлены южно-русскими писателями конца XVII и начала XVIII в.: Лазаремъ Барановичемъ, св. Димитріемъ Ростовскимъ, Іоанномъ Максимовичемъ и др. Такъ, напр., отно-

---

обрѣзаніи плоти вашея, сооживилъ есть съ Нимъ, даровавъ намъ вся прегрѣшенія: истребивъ еже на насъ *рукописаніе* ученми, еже бѣ сопротивно намъ, и то взятъ отъ среды, пригвоздивъ е на крестѣ“ (Колос. 2, 13—14), а также и словъ церковной молитвы: „честнымъ Его крестомъ *рукописаніе* грѣхъ нашихъ растерзалъ еси“. Откуда вошло это сказаніе въ славянскій апокрифъ, не дознано еще.

[1]) См., напр., *двѣ* вирши въ „Этнографическомъ Обозрѣніи“ 1892 г., XIII—XIV, стр. 86—88; ср. Калитовскій, „Русск. литер. апокриф.“, стр. 25—27; „Кіевская Старина“ 1887 г., іюнь—іюль, ст. проф. Сумцова: „Очерки исторіи южно-русскихъ апокрифическихъ сказаній и пѣсенъ“, стр. 249—250.

http://rcin.org.pl

сительно Лазаря Барановича, архіеп. Черниговскаго, въ изслѣдованіи о его трудахъ прямо говорится, что онъ, „отвращая народъ отъ мірскихъ пѣсенъ и поучая, дабы пѣсни міра оставляли, вмѣсто же ихъ хвалу Богу и Богоматери воздавали, многія пѣсни обратилъ на божественныя и, безъ сомнѣнія, въ народъ передавалъ. Хотя согласіе было мірскихъ пѣсенъ, но текстъ сочинялъ божественный, дабы при случаяхъ, вмѣсто пустошныхъ, божественныя словеса были пѣты, и добромысліе въ сердцахъ вкоренялось“ [1]).

Другія украинскія вирши отличаются совсѣмъ уже народнымъ характеромъ и, на ряду съ плачемъ Адама, отводятъ также мѣсто изображенію самой жизни первыхъ людей вскорѣ послѣ изгнанія ихъ изъ рая. Такова „Пісьня объ Адамі і Еві“, помѣщенная П. П. Чубинскимъ въ „Трудахъ Этнографическо-статистической Экспедиціи въ западно-русскій край“ (т. I, стр. 147—148):

Сидíть Адáмъ прóсто рáя
І наготý покривáе.
„— А ти, Ево, не смутúся,
„І до мéне оберніся,
„Прошý я тебé!“

Госпóдь Адáму говорúше:

„Де-жъ ти, Адáме, живéшь?“
„— Осьде—въ кýтку,
„Охъ, мій смýтку,
„І зъ Евою молодóю
„Тíшу бідý свóю“.
Зáповіді не хранúвъ,
.... сотворúвъ.
„— О, бачъ, Ево,

[1]) „Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія“ 1849 г., февраль, стр. 171.

http://rcin.org.pl

„Смутна́ же́но.
„Було́ жить, не грішить;
„Вибача́й же тепе́ръ.
„Лу́чче було́ въ раю́ жить,
„Соло́дкі я́блуки во рту иміть.
„Тепе́ръ тре́ба працюва́ти,
„Щобъ кова́локъ хліба ма́ти
„До са́моі сме́рти“.

Зача́въ Ада́мъ розмышля́ть:

„Якъ бы намъ хліба доста́ть:
„Укопа́ть я не вмію
„І не зна́ю, що посію.
„Бо не ма́ю чого́“.

Янголъ къ йому́ яви́вся:

„— Іди́, Ада́ме, поучи́ся,
„Візьми́ за́ступъ та нагни́ся,
„Копа́й зе́млю, потруди́ся,
„Та поба́чишъ, що тобі вро́дить“.
Про́клята Ева і змія́,
Шо веліли ви́йти ізъ рая́,
І по пу́щі блуди́ти,
І въ сирій землі жи́ти
По коне́ць віку́ [1]).

Легенды на „Плачѣ Адама“ почти не останавливаются, зато гораздо подробнѣе говорятъ о жизни первыхъ дюдей послѣ ихъ изгнанія изъ рая и о „рукописаніи“, данномъ Адамомъ діаволу. По легендѣ, записанной въ г. Купянскѣ, изгнанные изъ рая прародители сѣли противъ райскихъ дверей и горько оплакивали свое прегрѣшеніе и минувшее блаженство. Къ сознанію о горестной утратѣ примѣшивалось опа-

[1]) Ср. варіантъ, помѣщенный въ „Кіевской Старинѣ“ за 1888 г., ноябрь, стр. 290—291.

http://rcin.org.pl

сеніе за самую жизнь свою, боязнь смерти. Поставленный на стражѣ у дверей рая ангелъ слышалъ рыданія Адама и Евы, видѣлъ ихъ страхъ; сжалился онъ надъ плачевною участью первыхъ людей и сказалъ Богу объ ихъ печальномъ состояніи. Богъ, не желая допустить Адама и Еву до полнаго отчаянія, велѣлъ ангелу сказать имъ, чтобы они взяли у райскаго порога земли, омоченной ихъ слезами, и эту землю посѣяли. Тамъ, гдѣ посѣялъ Адамъ, выросла изъ слезъ его, смѣшанныхъ съ землею, пшеница, а гдѣ посѣяла Ева, тамъ выросла конопля. Такимъ образомъ первые люди получили хлѣбъ и платье [1]).

Въ легендѣ, записанной въ с. Хомутинцахъ, разсказывается слѣдующее о началѣ земледѣлія и вмѣстѣ о сотвореніи коня.—Разсердился Адамъ, что Господь изгналъ его изъ рая. Копаетъ землю да и не говоритъ: „Господи, помоги!“ А чортъ и радъ тому. И вотъ, что Адамъ вскопаетъ за день, чортъ ночью и опереворачиваетъ снова вверхъ травою. Адамъ копаетъ на другомъ полѣ, думая, что поле въ томъ виновато; копаетъ да и копаетъ, а утромъ глянетъ—поле опять зеленѣетъ травою, какъ будто оно и не было вскопано. Бился онъ, бѣдный, побивался, а затѣмъ вздохнулъ къ Господу Богу да и говоритъ: „Господи Боже, *допомоги* мнѣ!“ И какъ онъ сказалъ это, такъ та земля, которую онъ копалъ, и зачернѣла полосою. Помолился Адамъ Богу и началъ засѣвать. Когда засѣялъ, то запрегся самъ въ борону и волочитъ. И такъ-то ему тяжело ту борону тянуть, а чортъ сидитъ сзади на боронѣ да и смѣется. Посмотрѣлъ на все это Господь и говоритъ Своему ангелу: „Видишь,—говоритъ,—того чорта, что́ на Адамовой боронѣ?“—„Вижу“, отвѣчаетъ ангелъ.—„Поди же,—говоритъ,—да сдѣлай изъ того чорта лошадь для Адама“. Ангелъ и пошелъ, да какъ закинетъ на чорта оброть, такъ изъ него и стала лошадь. Тогда

[1]) „Этнографическое Обозрѣніе“ 1892 г., XIII—XIV, стр. 92—93.

http://rcin.org.pl

ангелъ говоритъ Адаму: „Распрягайся, человѣче, да запрягай коня: Господь даетъ тебѣ скотину“ [1]).

Легенда, записанная въ Купянскомъ уѣздѣ, говоритъ, что когда діаволъ изъ зависти соблазнилъ первыхъ людей на грѣхъ, то, изгоняя ихъ изъ рая, Богъ далъ Адаму деревянную лопатку и велѣлъ ему копать землю и сѣять хлѣбъ, а Евѣ далъ гребень и веретено, чтобы пряла. Адамъ началъ копать землю. Является діаволъ и говоритъ: „Не смѣй копать земли! она—не Богова, а моя: я досталъ ее съ морского дна. Развѣ дашь мнѣ что-нибудь, тогда позволю копать“.—„Что же я тебѣ дамъ,—говоритъ Адамъ,—когда у меня самого нѣтъ ничего?“ Діаволъ сказалъ: „Пусть будетъ такъ: пока живетъ человѣкъ, онъ—Божій, а когда умретъ—мой“. Адамъ согласился. Тогда діаволъ отрѣзалъ у Адама кончикъ мизинца и бросилъ его на камень,—кончикъ увязъ глубоко въ камень. Діаволъ бросилъ тотъ камень въ рѣку Іорданъ и произнесъ заклятіе: „Пока не вынырнетъ этотъ камень изъ воды, до тѣхъ поръ умершіе люди будутъ мои. А вынырнетъ онъ только тогда, когда на землѣ явится такой человѣкъ, который трижды родится и трижды будетъ креститься!“ И вотъ, когда Іисусъ Христосъ крестился въ Іорданѣ, камень всплылъ наверхъ, вынырнулъ, потому что Іисусъ Христосъ и былъ Тотъ Человѣкъ, Который трижды родился—отъ Бога Отца предвѣчно, отъ Дѣвы Маріи во плоти и изъ гроба и трижды крестился—по закону Моисееву, въ рѣкѣ Іорданѣ и на крестѣ. Съ этихъ поръ умершіе люди стали Божіими [2]).

Въ сл. Ново-Николаевкѣ, Купянскаго у., записанъ слѣдующій варіантъ этой легенды. Послѣ спора Адама съ діаволомъ за землю, они стали дѣлить *народъ*. Адамъ еще не видѣлъ, какъ люди умираютъ, и не зналъ, что всѣ потомки

---

[1]) М. Драгомановъ, „Малорусскія народныя преданія и разсказы“, стр. 92—93.

[2]) Этнографическое Обозрѣніе“ 1892 г., XIII—XIV, стр. 74—75

http://rcin.org.pl

его должны умереть; поэтому, діаволъ обманулъ его легко, сказавши, что уступаетъ Адаму живыхъ людей, а себѣ беретъ мертвыхъ. Вотъ и заключили они между собою такое условіе и написали о томъ *рукописаніе*. Адамъ, вмѣсто подписи, приложилъ къ камню свою руку; она отпечаталась на камнѣ, и діаволъ бросилъ этотъ камень въ рѣку Іорданъ. Съ того времени, какъ было сдѣлано *рукописаніе*, сталъ народъ умирать, и всѣ умершіе стали попадать къ діаволу въ адъ: и грѣшные, и праведные, и преподобные.—Разъ идетъ Господь по землѣ и съ Нимъ св. ап. Петръ, а навстрѣчу ѣдетъ, сидя важно въ колесницѣ, діаволъ. Господь и говоритъ ап. Петру: „Пойди, спроси діавола, кто выведетъ умершихъ людей изъ ада“. На вопросъ Петра діаволъ отвѣтилъ: „Тотъ исхититъ ихъ изъ рукъ моихъ и выведетъ изъ ада, кто *три* раза родится и во Іорданѣ крестится“. Тогда Спаситель пошелъ на рѣку Іорданъ къ Іоанну, крестился отъ него, стоя на камнѣ, и стеръ съ камня Адамову печать [1]).

Легенда, записанная въ Радомысльскомъ уѣздѣ, повѣствуетъ о жизни первыхъ людей послѣ ихъ изгнанія изъ рая и въ особенности о рожденіи у Адама и Евы первыхъ дѣтей и объ убіеніи Каиномъ Авеля въ высшей степени наивно и своеобразно. Когда Богъ изгналъ Адама и Еву изъ рая, они сѣли въ лѣсу да и плачутъ—не знаютъ, что дѣлать. Господь послалъ къ нимъ ангела, который далъ Адаму горсть ржи и заступъ и говоритъ: „Возьми, вскопай клочокъ земли да посѣй эту рожь,—такъ и будетъ у тебя хлѣбъ“. А Евѣ далъ горсть конопляного сѣмени и говоритъ: „Вотъ тебѣ—посѣй,—изъ этого будетъ вамъ платье; а когда Богъ дастъ, что отъ той Жены, Которая сотворена Богомъ изъ цвѣтка, родится Сынъ Божій, то Онъ васъ снова введетъ въ рай“. Вотъ посѣяли они и сѣли отдохнуть. А тотъ ангелъ, который ихъ соблазнилъ въ раю, оборотился въ самаго старшаго ангела да и говоритъ: „Вы уже посѣяли себѣ

[1]) „Этнографическое Обозрѣніе“ 1892 г., XIII—XIV, стр. 75—76.

http://rcin.org.pl

такое, чтобы были у васъ и хлѣбъ и платье; однако, нѣтъ у васъ такого, чтобы вы не умерли. Вы возьмите да *сойдитесь вмѣстѣ „ідно́ зъ другимъ“*, и тогда отъ Евы родится сынъ; этотъ сынъ выпроситъ у Сына Божія (Который родится отъ Жены, сотворенной изъ цвѣтка), чтобы снова ввелъ васъ въ рай“. А Ева говоритъ: „Да мы не знаемъ, какъ это *сойтись вмѣстѣ?* Вѣдь мы же и теперь *вмѣстѣ*“. Вотъ тотъ ангелъ какъ *показалъ Евѣ,* такъ у нея и родился сынъ Каинъ. Каинъ сильно не любилъ Адама: онъ зналъ, что его отецъ—тотъ ангелъ, котораго Богъ низвергнулъ съ неба.

Послалъ однажды Адамъ Каина сѣять рожь, а Ева и говоритъ Адаму: „Совокупимся,—можетъ быть, я *приведу* дочку, чтобы сѣяла конопли“. И родила Ева Авеля. Когда Авель выросъ, его послали пасти овецъ, а Каинъ понесъ ему обѣдать, да взялъ и съѣлъ тотъ обѣдъ. Когда Авель вернулся домой, то сказалъ Адаму, что онъ еще не обѣдалъ. Адамъ взялъ да и побилъ Каина. Каинъ разсердился на Авеля и убилъ его, а Богъ за это убилъ громомъ Каина [1]).

Наконецъ, есть въ нашемъ распоряженіи и еще одна довольно оригинальная легенда о жизни первыхъ людей послѣ ихъ грѣхопаденія. Легенда эта записана въ сл. Кабаньей, Купянскаго у., при чемъ въ ней Адамъ представляется *первымъ монахомъ* и не только *изобрѣтателемъ письменности,* но даже и *первымъ писателемъ.*

По изгнаніи изъ рая Адамъ прожилъ много лѣтъ въ уединеніи, не имѣя никакихъ сношеній съ Евою: „Ада́мъ при дре́ві живя́ше, мона́хомъ хвалу́ воздава́ше, припівы а́нгеламъ склада́ше во сла́ву Ду́ху Свято́му“. Онъ писалъ божественныя пѣсни, писалъ псальмы и разные *листки изъ исторіи.* Сидѣлъ онъ подъ деревомъ за маленькимъ столи-

[1]) П. Чубинскій. „Труды Этнограф.-статист. Экспедиціи въ зап.-русскій край“, т. I, стр. 146—147.—О братоубійствѣ Каина скажемъ еще нѣсколько словъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ у насъ будетъ рѣчь о *лукѣ.*

http://rcin.org.pl

комъ и писалъ также монашескія пѣсни; написалъ онъ 43 „*áспідьскихъ* (господскихъ?) *псáльми*“. — Говорятъ также, будто Адамомъ написаны *три* книги: 1) „Книга къ добру“, 2) „Книга наставленія на путь“ и 3) „Книга обращенія ко Господу“. За сочиненіе этихъ *трехъ* книгъ Господь даровалъ Адаму вѣчную жизнь [1]).

Ни сказанія о монашествѣ Адама, ни сказанія объ изобрѣтеніи имъ письменности и его „писательствѣ“ нѣтъ въ славянскихъ апокрифахъ. *Первое* могло явиться плодомъ домысла народнаго: Адамъ искренно каялся въ своемъ грѣхѣ; отсюда не далеко уже до мысли о монашествѣ его хотя бы на склонѣ жизни. Что же касается *второго* сказанія, то оно могло легко проникнуть въ украинскія легенды путемъ устной передачи отъ талмудистовъ, у которыхъ существуетъ сказаніе, будто Адамъ написалъ 91-й псаломъ.

---

[1]) „Этнографическое Обозрѣніе“ 1892 г., XIII—XIV, стр. 93.

http://rcin.org.pl

Украинскія легенды о „треблаженномъ древѣ“, смерти Адама и главѣ его.

Циклъ украинскихъ легендъ объ Адамѣ и Евѣ заканчивается легендами о „треблаженномъ древѣ“, смерти Адама и главѣ его. Вообще очень скудныя библейскія свѣдѣнія о жизни нашихъ прародителей отличаются еще большею скудостью, когда рѣчь идетъ о смерти ихъ. Благочестивая пытливость древнихъ христіанъ, желавшихъ тѣснѣйшимъ образомъ связать ветхозавѣтныя событія съ новозавѣтными, въ особенности въ вопросѣ о величайшей и высочайшей тайнѣ христіанской религіи—искупленіи рода человѣческаго крестною смертію Богочеловѣка, окружила послѣдніе дни жизни Адама цѣлымъ рядомъ апокрифическихъ сказаній; а народная пытливость, на основаніи проникшихъ въ среду народную апокрифовъ, создала цѣлый рядъ легендъ о томъ же. Въ частности, что касается украинскихъ легендъ о „треблаженномъ древѣ“, смерти Адама и главѣ его, то онѣ сложились подъ вліяніемъ все того же „Слова о видѣніи Евинѣ“, „Слова о Адамѣ“ и „Сказанія о древѣ крестномъ“, хотя въ *индексѣ* и приписываемаго попу Іереміи, но не заключающаго въ себѣ *почти* ничего богомильскаго.

Въ „Словѣ о Адамѣ“ говорится, что Адамъ, родивши 30 сыновей, впалъ въ болѣзнь („чревную“). Предъ смертію онъ захотѣлъ собрать къ себѣ всѣхъ сыновей. Сыновья со-

http://rcin.org.pl

шлись къ нему съ *трехъ* сторонъ земли и стали при дверяхъ дома, гдѣ Адамъ обыкновенно приносилъ молитвы Богу. Сиѳъ спросилъ его: „Отче Адаме! какая болѣзнь постигла тебя?“ Адамъ отвѣчалъ: „Дѣти мои, великая скорбь объяла меня“. Они спросили: что это-за скорбь и болѣзнь? При этомъ Сиѳъ спросилъ еще и отъ себя, не скорбитъ ли Адамъ о плодахъ райскихъ, которые вкушалъ прежде, и если это такъ, то онъ готовъ сходить и принести ихъ: „Я посыплю,—сказалъ онъ,—голову мою прахомъ, буду взывать и молиться, чтобы прекратилась скорбь твоя“.—„Нѣтъ, сынъ мой Сиѳъ,—отвѣчалъ Адамъ,—но я испытываю скорбь и болѣзнь“. На вопросъ Сиѳа, отъ чего онъ страдаетъ, Адамъ разсказываетъ, какъ Богъ сотворилъ его и Еву, изъ-за которой онъ умираетъ, и запретилъ вкушать имъ отъ *древа жизни (?);* но въ тотъ часъ, когда ангелы, стражи Евы, находились предъ Богомъ на славословіи, врагъ, узнавшій, что съ Евою нѣтъ ни Адама, ни ангеловъ, далъ ей вкусить отъ этого древа. Послѣ этого явился Богъ и потребовалъ Адама къ отвѣту. За преступленіе *завѣта* Господь послалъ Адаму 70 болѣзней, изъ которыхъ *первая*—болѣзнь очей, а *вторая*—болѣзнь слуха.—Окончивъ разсказъ, Адамъ началъ вздыхать съ глубокою скорбію; Ева хочетъ раздѣлить съ мужемъ его страданіе, которому подвергся онъ по ея винѣ. Адамъ выражаетъ желаніе, чтобы Ева сходила вмѣстѣ съ Сиѳомъ въ рай и попросила Господа послать ангела, который далъ бы ему изъ рая елея для помазанія и утоленія болѣзни. Сиѳъ и Ева немедленно отправились. На пути на Сиѳа напалъ лютый звѣрь, „рекомый Горгоній“, и сталъ гнать его. Ева вступилась за сына и сказала звѣрю: „Уже-ли ты не страшишься образа Божія, которому ты долженъ покоряться?“ Звѣрь на это отвѣчалъ, что Ева сама виновата въ потерѣ власти надъ звѣрями, природа которыхъ, вслѣдствіе грѣхопаденія первыхъ людей, совершенно измѣнилась. Наконецъ, Сиѳъ, хотя уже раненный, заставилъ замолчать звѣря и укротилъ его (заклялъ), указавъ ему на день суда.

http://rcin.org.pl

Пришедши къ раю, Сиоъ и Ева начали плакать, посыпая голову перстью, и просить елея. Явился архангелъ Михаилъ и сказалъ Сиоу, что отъ болѣзни Адамовой нѣтъ лѣкарства, и далъ ему вѣтвь отъ дерева, изъ-за котораго Адамъ и Ева были изгнаны изъ рая (по другому сказанію, архангелъ далъ Сиоу *три* вѣтви отъ *трехъ* деревьевъ: кедра, певга и кипариса). Послѣ того Сиоъ съ матерью возвратился къ Адаму, въ его палатку. Адамъ встрѣтилъ Еву упрекомъ, что по ея винѣ смерть пришла на весь родъ человѣческій, свилъ изъ вѣтви вѣнецъ и возложилъ его на свою голову... Между тѣмъ, Адаму оставалось жить всего только одинъ день. Ева сказала мужу: „Зачѣмъ я буду жить, когда ты умрешь?“ Адамъ успокаиваетъ ее тѣмъ, что и сама она скоро умретъ. Когда онъ умретъ,—продолжалъ Адамъ,—то должно покрыть его, но не прикасаться къ нему до появленія и особаго распоряженія ангела, котораго Богъ, конечно, пошлетъ, сжалившись надъ Своимъ твореніемъ; Ева съ своей стороны должна только молиться о немъ. Ева оставила Адама и стала молиться. Является ангелъ и объявляетъ ей о смерти Адама; онъ зоветъ Еву посмотрѣть, какъ будетъ восходить душа Адама. Ева увидѣла свѣтлую колесницу на четырехъ орлахъ, управляемую ангелами, которая остановилась тамъ, гдѣ лежалъ Адамъ. Серафимы стояли между колесницей и тѣломъ Адама. При жертвенномъ куреніи ангелы возвышали свои голоса въ молитвѣ: „Святой *Іаиль*, помилуй его, потому что онъ—Твой образъ и созданіе рукъ Твоихъ!“ Потомъ Ева увидѣла *два* великія и страшныя *таинства* предъ Богомъ. Она позвала Сиоа посмотрѣть *семь* разверзшихся твердей и ангеловъ, молящихся около тѣла Адама. Ева сказала сыну: „Посмотри, дитя мое Сиоъ, кто эти *два* эѳіопа, стоящіе на молитвѣ за отца твоего?“ Сиоъ отвѣчалъ, что это—солнце и луна, которыя вмѣстѣ съ ангелами сошли помолиться за Адама; только ихъ свѣтъ помрачился передъ свѣтомъ всего [1]).

[1]) И. Порфирьевъ, „Апокрифическія сказанія о ветхозав. лицахъ и событіяхъ“, стр. 172—176; ср. А. Пыпинъ, „Исторія русской литературы“, т. I, стр. 428—429.

http://rcin.org.pl

Таково содержаніе собственно апокрифа, извѣстнаго по греческимъ рукописямъ и лишь нѣсколько только видоизмѣненнаго въ славянскихъ редакціяхъ. При этомъ, въ разсказѣ о погребеніи Адама въ славянскомъ апокрифѣ—„Слово о исповѣданіи Евиной“—прибавлено нѣсколько совершенно новыхъ, сравнительно съ греческою редакціей, подробностей. Когда умеръ Адамъ,—говорится здѣсь,—съ неба явились кадильница съ ладаномъ и *три* ангела со свѣчами. Господь повелѣлъ архангелу Михаилу отнести тѣло Адама въ рай, а духъ его,—сказалъ Господь,—пусть пребываетъ на *третьемъ* небѣ.—По другой редакціи, принявъ душу Адама, Господь послалъ архангела *„спрятать тѣло“* его: „И научи Сиоа. и взяша тѣло его и внесоша на мѣсто рекомое *герусии блато*. егда искона гробъ архангелъ знамена гробъ. и бысть гласъ съ небеси глаголя: Адаме. Адамъ рече: се азъ Господи, сицѣ рѣкохъ ти: *земля еси и въ землю пойдеши паки*. и земли рече: *твоа отъ твоихъ тобе приносящи отъ всѣхъ*. и тако и погребоша Адама съ вѣнцомъ иже бѣ извитъ на главѣ его положенъ“. Послѣ погребенія Адама Ева начала молиться, чтобы Богъ присоединилъ ее къ мужу, такъ какъ она создана изъ его ребра. Архангелъ Михаилъ научилъ Сиоа похоронить Еву, которая умерла черезъ *шесть* дней послѣ Адама: „и пріидоша *три* ангелы и взяша тѣло Евино и погребоша ея идеже лежитъ тѣло Адамово и Авелево сына ихъ“ [1]).—Изъ вѣнца, бывшаго на головѣ Адама, выросло чудное дерево, исторія котораго продолжается уже въ другихъ апокрифахъ и главнымъ образомъ въ апокрифѣ—„Сказаніе о древѣ крестномъ“.

Въ „Сказаніи о древѣ крестномъ“ содержится исторія происхожденія древа, послужившаго для креста, на которомъ былъ распятъ Спаситель. Въ рукописяхъ „Сказаніе“ встрѣ-

[1]) Проф. И. Тихонравовъ, „Памятники отреченной литературы“ т. I, стр. 303—304; А. Пыпинъ, „Памятники старинной русской литературы“, ч. 3, л. 1—7.

http://rcin.org.pl

чается въ *двухъ* редакціяхъ. Въ одной оно приписывается Григорію Богослову, а иногда Григорію Двоеслову, хотя ни у того, ни у другого св. отца нѣтъ подобнаго сказанія [1]). Въ другой редакціи „Сказаніе о древѣ крестномъ“ приписывается Севериану, еписк. Гавальскому, въ сочиненіяхъ котораго также нѣтъ подобнаго сказанія [2]). Въ *первой* редакціи „Сказаніе“ начинается съ того, какъ передъ смертію Адама Сиѳъ принесъ изъ рая вѣтвь отъ древа познанія добра и зла, и какъ изъ этой вѣтви Адамъ сдѣлалъ себѣ вѣнецъ, въ коромъ его и похоронили. Изъ вѣнца, бывшаго на главѣ Адама, выросло громадное дерево, которое раздѣлилось на *три* части и было выше всѣхъ деревьевъ. Райское дерево, отъ вѣтви котораго оно произошло, выросло въ раю изъ сѣмянъ, брошенныхъ по срединѣ рая Сатанаиломъ въ то время, когда Богъ насаждалъ рай (въ этомъ только одномъ и сказалось на апокрифѣ вліяніе дуалистическихъ воззрѣній богомильства). Замѣтивши потомъ это дерево, Богъ сказалъ Сатанаилу: „Ту буду Азъ и тѣло Мое, и будетъ Тебѣ на прогнаніе“, такъ какъ изъ него вырастетъ древо креста. Древо познанія добра и зла выросло на *три* части: *одна* часть означала Адама, *другая* — Еву, *третья* — Самого Господа. Когда прародители согрѣшили, то Адамова часть дерева упала въ рѣку Тигръ, которая и вынесла ее изъ рая; Евина часть осталась въ раю до потопа, во время котораго она принесена была „къ Мѣрстѣй рѣцѣ“, т. е. къ водамъ Мерры; вѣтвь же отъ древа Господа была вручена ангеломъ

[1]) Н. Тихонравовъ, „Памятники отреченной литературы“, т. I, стр 305—313; А. Пыпинъ, „Памятники старинной русской литературы“, ч. 3, л. 14; ч. 1, л. 1—15; ч. 2, стр. 298—304; ср. Порфирьевъ, „Апокрифическія сказанія о ветхозав. лицахъ и событіяхъ“, стр. 109—114; Буслаевъ, „Историческіе очерки“, т. I, стр. 489—491.

[2]) А. Пыпинъ, „Памятники старинной русской литературы“, ч. 3, л. 82—83: „Севиріана епископа Аваскльскаго о древѣ спасенаго креста, гдѣ обрѣтеся и како бысть“. Въ началѣ „Сказанія“ замѣчено, что оно списано *съ Виритъ* съ посланія „нѣкоего Жидовина“.

http://rcin.org.pl

Сиоу для Адама, который и сдѣлалъ себѣ изъ нея вѣнецъ. Изъ этихъ *трехъ* частей древа познанія добра и зла сдѣланы были потомъ *три* креста: крестъ Спасителя изъ дерева, выросшаго изъ вѣнца на главѣ Адама; крестъ вѣрнаго разбойника—изъ Адамовой части райскаго дерева; крестъ невѣрнаго разбойника — изъ Евиной части того же райскаго дерева.

Всѣ эти *три* дерева очутились въ Іерусалимѣ слѣдующимъ образомъ.—Адамова часть райскаго древа, вынесенная изъ рая Тигромъ, остановилась на пескѣ. Однажды Сиоъ захотѣлъ „помянуть“ отца своего Адама. Ангелъ указалъ ему на это дерево и велѣлъ разложить огонь *на рѣкѣ Нилѣ (?)*. Огонь остался неугасимымъ, и его стерегли лютые звѣри. Когда впослѣдствіи пришелъ къ Аврааму Лотъ и разсказалъ о своемъ грѣхѣ съ дочерьми, Авраамъ велѣлъ ему принести огня изъ той рѣки—въ полной увѣренности, что Лотъ тамъ непремѣнно погибнетъ. Лотъ искусно воспользовался сномъ хранившихъ огонь лютыхъ звѣрей и благополучно вернулся къ Аврааму съ *тремя* головнями. Авраамъ былъ изумленъ и велѣлъ Лоту посадить эти головни на одной горѣ и поливать ихъ до тѣхъ поръ, пока изъ нихъ вырастетъ дерево, что̀ и будетъ знакомъ Божія прощенія Лоту. Головни, дѣйствительно, принялись и разрослись въ прекрасное дерево.—Унесенная потопомъ изъ рая Евина часть райскаго древа остановилась при водахъ Мерры, и ею Моисей, по указанію ангела, усладилъ, во время странствованія евреевъ по пустынѣ Аравійской, воду въ источникѣ, посадивши его въ послѣднемъ крестообразно, при чемъ оно разрослось въ прекрасное дерево. Когда для постройки храма Соломонова собирали деревья по всей землѣ, то привезли въ Іерусалимъ и эти *три* дерева. Дерево, выросшее изъ вѣнца на головѣ Адамовой, было привезено съ корнемъ, въ которомъ находилась и голова Адамова. Сначала ея не замѣтили въ корнѣ, который отрубили отъ дерева и оставили безъ всякаго вниманія. Но вотъ разъ, во время охоты Соломона,

http://rcin.org.pl

одинъ отрокъ, отставши отъ свиты, случайно попалъ въ пещеру и, замѣтивши, что она состоитъ изъ кости, а не изъ камня, доложилъ объ этомъ странномъ явленіи царю. Соломонъ тотчасъ же приказалъ очистить кость отъ земли и кореньевъ и узналъ, что это была глава Адамова. Ее перенесли въ Іерусалимъ. Соломонъ велѣлъ засыпать главу Адама камнями, изъ которыхъ и образовалась Голгоѳа. Ствола же никакъ не могли употребить на постройку храма, и онъ пошелъ только на подмостки. Когда Южская царица, осматривая строившійся храмъ, ступила на это дерево, оно сильно покачнулось; но царица, вмѣсто проклятія, произнесла: „О треблаженное древо, на немъ же распятся Христосъ!“ По окончаніи постройки храма дерево попало въ Силоамскую купель, почему ангелъ *всякое лѣто* сходилъ въ нее и *возмущалъ* въ ней воду. Когда іуден предали Іисуса Христа вмѣстѣ съ *двумя* разбойниками на распятіе, то Пилатъ приказалъ сдѣлать изъ тѣхъ деревьевъ *три* креста. Крестъ Спасителя былъ водруженъ на Голгоѳѣ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ находилась глава Адамова; кровію изъ ранъ распятаго Спасителя и водою изъ прободеннаго ребра Его *крестился* Адамъ (т. е. омочена была глава его, находившаяся подъ крестомъ Спасителя) и освободился отъ клятвы.—По „Сказанію“, приписываемому Севериану, „древо крестное“ произошло отъ дерева, которое выросло изъ головней, посаженныхъ Лотомъ. Оно принесено было въ Іерусалимъ въ то время, когда Соломонъ строилъ храмъ. Строители нѣсколько разъ примѣривали его на балки въ храмѣ; но внизу, на землѣ, оно казалось длиннымъ, а когда поднимали его вверхъ, на постройку, оказывалось короткимъ. Такъ дерево и не было употреблено на постройку, и его оставили въ храмѣ, гдѣ оно лежало до того времени, когда сдѣланъ былъ изъ него крестъ для распятія Спасителя; оно было обложено *тридцатью* серебряными вѣнцами, изъ которыхъ одинъ, какъ плата за преданіе Спасителя, былъ отданъ Іудѣ-предателю.

http://rcin.org.pl

Подъ вліяніемъ приведенныхъ апокрифовъ въ средѣ украинскаго народа сложился цѣлый циклъ легендъ о „треблаженномъ древѣ“, смерти Адама и главѣ его. Иное въ нихъ, сравнительно съ апокрифами, народная фантазія видоизмѣнила, иное перепутала, исказила, иное присочинила; но основная мысль всѣхъ этихъ легендъ та, что *то самое* древо, которое послужило причиною изгнанія прародителей изъ рая и введенія въ міръ смерти, *попрало* на Голгоѳѣ смерть и *отверзло* людямъ *райскія двери*.

Въ легендахъ, записанныхъ въ г. Купянскѣ, разсказывается, что умирающій Адамъ послалъ сына своего Сиѳа къ вратамъ земного рая, чтобы онъ попросилъ тамъ у ангела *елея милосердія* (по другимъ легендамъ—обѣщаннаго Богомъ *спасенія* въ буквальномъ значеніи этого слова). Адамъ далъ Сиѳу *три зерна* отъ райскаго древа познанія добра и зла (по другимъ легендамъ—*вѣтвь* отъ этого древа). Изъ этихъ *трехъ* зеренъ, посаженныхъ на могилѣ Адама, выросло *три* дерева. Они были срублены потомъ царемъ Давидомъ для храма, но при построеніи храма Соломономъ не пошли въ дѣло, а остались лежать на горѣ, откуда однажды, во время сильнаго дождя, были снесены водою внизъ и попали въ купель (Силоамскую). Сюда ежегодно сходилъ съ неба ангелъ, чтобы очищать эти *три* сросшіяся въ *одно* дерева отъ ила, накоплявшагося на нихъ въ теченіе года, при чемъ всѣ больные, искупавшіеся въ это время въ купели, тотчасъ же выздоравливали. Евреи, отыскивая подходящія для креста Спасителю деревья, вспомнили объ этихъ именно и, по своей злобѣ, *нарочито* сдѣлали изъ нихъ (сильно намокшихъ) крестъ, чтобы Спасителю *тяжелье было нести* его на Голгоѳу [1]).

По легендѣ, записанной въ сл. Кабаньей, Купянскаго у., у Адама было *два* сына—*Петръ* и *Макрадомецъ*. Адамъ заболѣлъ и послалъ обоихъ своихъ сыновей найти ему цѣ-

[1]) „Этнографическое Обозрѣніе“ 1892 г., XIII—XIV, стр. 95.

http://rcin.org.pl

лебную траву. Петръ и Макрадомецъ пошли и на пути повстрѣчали ангела, который спросилъ у нихъ: „Куда вы идете?“—„Отецъ нашъ заболѣлъ,—отвѣчали братья,—и послалъ насъ за цѣлебной травой“. Ангелъ далъ имъ *три* какихъ-то зерна и велѣлъ вернуться домой. Когда братья вернулись домой, то оказалось, что Адамъ во время ихъ отсутствія умеръ и даже былъ уже похороненъ. Братья долго не знали, что́ имъ дѣлать съ зернами, данными ангеломъ; наконецъ, одинъ изъ нихъ сказалъ: „Давай посадимъ эти зерна на могилѣ отца“. Посадили. Прошло много времени, и изъ зеренъ выросло *три* дерева: „дерево спасенія“, „дерево доброе“ и „дерево злое“ (худое). Когда деревья стали большими, то глава Адамова вышла изъ гроба и легла подъ „деревомъ спасенія“. Деревья эти росли на своемъ мѣстѣ до времени распятія Христа. Евреи, осудивъ Христа на распятіе, пошли искать подходящихъ деревьевъ, и нашли эти *три* дерева. Изъ „дерева спасенія“ былъ сдѣланъ крестъ для Спасителя; на крестѣ изъ „добраго дерева“ былъ распятъ вошедшій въ рай благоразумный разбойникъ, а на крестѣ изъ „злого дерева“—злой разбойникъ. Когда Христосъ и разбойники были распяты, то подъ крестомъ Спасителя появилась голова Адамова. Съ тѣхъ поръ и стали рисовать у ногъ распятаго Христа главу Адама [1]).

По одной легендѣ, записанной въ г. Купянскѣ, когда выгналъ Богъ Адама изъ рая, онъ началъ сѣять себѣ хлѣбъ. Но что только онъ вспашетъ, лукавый возьметъ и вытопчетъ. Если бы лукавый сдѣлалъ это одинъ разъ или два, такъ еще бы ничего; но такъ какъ лукавый дѣлалъ это постоянно, то совершенно „опротивівъ“ Адаму. Вотъ Адамъ и спросилъ его: „Зачѣмъ ты мнѣ дѣлаешь зло?“ А лукавый ему въ отвѣтъ: „Я дѣлаю это для того, чтобы ты отдалъ мнѣ мертвыхъ; и знай, что не перестану, пока ты мнѣ не отдашь мертвыхъ!“ Долго Адамъ не соглашался, но такъ какъ лукавый не пере-

[1]) „Этнографическое Обозрѣніе“ 1892 г., XIII—XIV, стр. 94—95.

http://rcin.org.pl

ставалъ вредить, то Адамъ и отдалъ ему всѣхъ мертвыхъ. А чтобы Адамъ не нарушилъ своей клятвы, лукавый сказалъ ему: „Обрѣжь свой мизинецъ и кровью сдѣлай знакъ себѣ на головѣ, что ты не будешь измѣнять своей клятвѣ; а я, какъ только встрѣчусь съ тобою и увижу у тебя на головѣ красное, уже и буду знать, что ты еще не измѣнникъ своей клятвы". Такимъ образомъ грѣхъ Адама былъ начерченъ на его челѣ. Передъ смертью Адамъ ушелъ на то мѣсто, гдѣ теперь Іерусалимъ; здѣсь онъ умеръ и былъ погребенъ на Голгоѳѣ. Мѣсто, гдѣ лежала глава Адама, назвали *Краніевымъ*, или *Лобнымъ*; надъ этимъ самымъ мѣстомъ былъ потомъ поставленъ крестъ Христу. Кровь, истекшая изъ прободеннаго ребра Спасителя, омыла на главѣ Адама знакъ договора, заключеннаго имъ съ діаволомъ, и тѣмъ освободила всѣхъ умершихъ отъ власти діавола.—Къ этому прибавляютъ еще, что то мѣсто на Голгоѳѣ, на которое излилась кровь Спасителя, обложено теперь золотомъ въ видѣ кольца, въ центрѣ котораго находится дыра, углубляющаяся въ землю до чела Адамова:—здѣсь и есть *путъ земли* [1]). Очевидно, подробность эта вошла въ легенду изъ „Хожденія" игумена Даніила въ Іерусалимъ, гдѣ въ главѣ о церкви Воскресенія Христова говорится: „ту есть возлѣ стѣны за олтаремъ: путь земный... Есть бо Распятіе Господне отъ Воскресенія къ востоку лицъ на камени высоко было, яко стрія возвыше, кругъ же сего камени яко горка мала, посреди же камени того на верху высѣчена есть скважина яко локтя въ глубину, а ширѣ пяди, кругло. И ту былъ водруженъ Крестъ Христовъ. Исподи же подъ тѣмъ камнемъ лежитъ глава Адама перваго. Въ распятіе Господнѣ, егда на крестѣ Господь нашъ Іисусъ Христосъ предастъ Духъ Свой, тогда раздрася церковная катапетазма, и каменія распадеся, тогда же той камень пресѣдеся надъ главою Адамовою, и тою разсѣлиною сниде и вода изъ ребръ Іисусъ Христовыхъ на главу Адамлю, и

[1]) „Этнографическое Обозрѣніе" 1892 г., XIII—XIV, стр. 94.

http://rcin.org.pl

омый грѣхи рода человѣча Есть бо разсѣлина та на камени томъ знать и до сего дня; и есть Распятіе Господне камень той святыня одѣланъ стѣною все каменною, и горѣ надъ Распятіемъ Господнимъ создана камора, исписана бысть мусіею дивно“ [1]).

Легенда, записанная въ с. Хомутинцахъ, отличается чисто народнымъ духомъ и складомъ.—Жилъ себѣ Адамъ,— говоритъ легенда. Вотъ уже его Господь и дѣтками поблагословилъ. Такая-то ему утѣха и радость, что, кажется, хотѣлъ бы жить вѣчно; а ко всему этому и здоровье „йому служйло“. Вотъ и говоритъ Адамъ Богу:

— Боже, Боже! не умру я, потому что я очень крѣпкій человѣкъ.

— Крѣпкій-то ты, крѣпкій, — говоритъ ему Богъ,—а все же долженъ будешь умереть. Разболится у тебя голова, защемятъ руки, начнетъ ломить ноги—и ты-таки умрешь!

Не вѣрилъ Адамъ, пока былъ помоложе, а пришла пора—долженъ былъ повѣрить. Разболѣлась голова, стало ломить кости, — извѣстно, какъ вообще у стараго человѣка. Видитъ Адамъ, что не далеко уже до смерти, и говоритъ своему сыну:

— Сынъ мой,—говоритъ,—сынъ! пойди,—говоритъ,— къ раю и принеси мнѣ изъ рая золотое яблочко, потому что приходятъ уже мои послѣдніе дни.

Пошелъ сынъ къ раю, но вмѣсто яблочка принесъ тотъ прутъ, которымъ Богъ выгналъ Адама изъ рая. Адамъ велѣлъ сдѣлать изъ прута *три* обруча (вѣнца) и одѣть ихъ себѣ на голову. Ну, да развѣ же отъ смерти что-нибудь поможетъ! Оно-то голова какъ будто и перестала болѣть, а умереть—все же умеръ. И какъ онъ съ тѣми обручами на головѣ умеръ, такъ его съ ними и похоронили. И вотъ изъ тѣхъ обручей выросло *три* дерева: кипарисъ, кедръ и треблаженное древо.

[1]) И. Сахаровъ, „Сказанія русскаго народа“, т. II, стр. 14.

http://rcin.org.pl

Еще про треблаженное древо,—продолжаетъ легенда,—разсказываютъ, что Матерь Божія съ Спасителемъ однажды споткнулась на него и сказала въ испугѣ: „О треблаженное древо! на тебѣ будетъ распятъ Сынъ Мой!“ А Сынъ на это промолвилъ: „Правда, Мать Моя!“—И дѣйствительно, сколько потомъ ни подбирали крестовъ, ни на одномъ не могли распять Его, а только на треблаженномъ древѣ, которое еще тогда, какъ росло, имѣло видъ креста [1]).

Во *второй* легендѣ, записанной въ сл. Кабаньей, разсказывается, что когда Адамъ согрѣшилъ, то Господь сказалъ ему: „Пойди, Адамъ, по раю и найди *плодъ крѣпости человѣка*“. Долго ходилъ Адамъ по раю въ поискахъ за *плодомъ крѣпости человѣка*, горько оплакивая свою слабость; наконецъ, нашелъ этотъ плодъ и подалъ его Господу. Господь, взявши плодъ, сказалъ Адаму: „Хотя ты и согрѣшилъ, но за то, что усердно искалъ и нашелъ *плодъ крѣпости человѣка*, Я представлю тебя предъ Собою“. Адамъ *записалъ слова Господни въ книгу*, а самую книгу передалъ сыну своему Сиѳу и заповѣдалъ хранить ее въ потомствѣ. Когда Христа распяли, то еврейскіе ученые, на основаніи словъ, сказанныхъ Адаму: „Я тебя представлю предъ Собою“, приказали нарисовать на крестѣ у ногъ Спасителя главу Адама.—По другимъ варіантамъ, когда начали ставить кресты для Спасителя и *двухъ* разбойниковъ, то крестъ Спасителя, какъ и гдѣ его ни ставили, все проваливался въ землю. Уже рабочіе совсѣмъ измучились, а креста все же не могли поставить. Тогда Спаситель сжалился надъ ними и сказалъ: „Найдите *первую* человѣка, возьмите главу его и положите подъ крестъ“. Евреи отыскали черепъ Адама, положили подъ крестъ, утвердили послѣдній на немъ и потомъ распяли Спасителя [2]).

---

[1]) М. Драгомановъ, „Малорусскія народныя преданія и разсказы“, стр. 93—94.

[2]) „Этнографическое Обозрѣніе“ 1892 г., XIII—XIV, стр. 96.

http://rcin.org.pl

Легенда, записанная въ сл. Тарасовкѣ, Купянскаго у., сообщаетъ совершенно новыя данныя о томъ же. Рыли на Голгоѳѣ яму для креста Спасителя и вырыли при этомъ черепъ человѣка. Выбросили его изъ ямы; черепъ покатился и упалъ къ ногамъ Спасителя. Кто-то изъ стоявшихъ здѣсь сказалъ: „Чей бы это былъ черепъ?“—„Адамовъ“, отвѣтилъ самъ черепъ. „—Ого!—засмѣялись воины:—не хочешь ли, Адамъ, пожить съ нами? Вотъ Чудотворецъ: попроси Его,—Онъ воскреситъ тебя!“ Черепъ сказалъ имъ на это: минута смерти такъ страшна, что онъ и жить не желаетъ, лишь бы только не переживать этой минуты вновь.—По другимъ разсказамъ, записаннымъ тамъ же, вырыли не *одинъ*, а *два* черепа и выбросили ихъ изъ ямы, при чемъ воины отталкивали ихъ отъ себя ногами, а стоявшіе здѣсь евреи разсуждали, что, быть можетъ, это были также храбрые воины, а то, пожалуй, даже и цари, теперь же ихъ топчутъ ногами. Тогда одинъ изъ череповъ, катясь съ горы, проговорилъ: „Я—царь Салима“; а другой, остановившійся около креста Спасителя, сказалъ: „Я—Адамова голова“ [1]).

Въ заключеніе сказаній объ Адамѣ и Евѣ приведемъ разсказъ неграмотной старухи, записанный въ слободѣ Ново-Николаевкѣ, Купянскаго у. Разсказъ этотъ заключаетъ въ себѣ простодушно-наивное рѣшеніе нѣкоторыхъ антропогоническихъ вопросовъ, охватываетъ затѣмъ всю послѣдующую жизнь рода человѣческаго и заканчивается выраженіемъ эсхатологическихъ идей, проникнутыхъ, конечно, грубымъ матеріализмомъ, но зато очень наглядно выясняющихъ характеръ религіозныхъ воззрѣній простого деревенскаго люда.

Когда зачинался свѣтъ, жили себѣ двое людей: Ева (мужчина) и Марія; у нихъ тѣло было такое, какъ у насъ теперь ногти. Увидали они разъ на одной яблонѣ *два* яблока; долго любовались ими, а потомъ одно вмѣстѣ съѣли,—и тотчасъ же у мужчины Евы образовалась на горлѣ кость (ка-

[1]) Тамъ же.

http://rcin.org.pl

дыкъ—„Адамово яблоко"), а тѣло у нихъ сдѣлалось такое, какое и у насъ теперь. Тутъ же они и *согрѣшили*. Марія съ этого же разу „затяготіла" и родила сына. Вотъ они созвали ангеловъ и стали думать и гадать, какое ему имя дать. Дали ему имя—*Петръ*,—Марія это имя „не злюбила, всіхъ янголівъ засмутила". Стали опять думать и гадать, какое же ему имя дать. Дали ему имя—*Николай*,—Марія это имя „злюбила, всіхъ янголівъ звеселила" [1]). Отъ этой пары—Евы и Маріи—стали размножаться люди, пока не *выжили* (перваго) *звѣка*. Когда сталъ приходить къ концу вѣкъ, святые люди начали строить ковчегъ и пускать туда людей по парѣ—мужчину и женщину, и всякой птицы летающей по парѣ, и всякихъ животныхъ по парѣ. Овражковъ и жабъ—тѣхъ не брали,—они вывелись потомъ изъ земли; волковъ и зайцевъ тоже не брали, да только не знаю, откуда они по-

[1]) Эпизодъ нареченія имени первому сыну Евы и Маріи близко напоминаетъ собою эпизодъ нареченія имени Богомладенцу въ колядкѣ, напечатанной Хр. Ящуржинскимъ на страницахъ „Кіевской Старины" (1895 г., февраль, стр. 209—211):

Ой въ Русалимі, у Віолеемі—
Грай, море, грай!
Радуйся, земле,
Сынъ Божій народився! (этотъ припѣвъ повторяется послѣ каждаго стиха).

Пресвята Діва тамъ Христа мала,
Въ ризи Его вповивала.
Тамъ всі святі по-за стілъ сіли.
Взяли писати, взяли читати,—
Дали вони (п)мя святого Петра.
Пресвятая Діва того мя не хотіла.
Взяли читати, взяли писати,
Яке Ему мя дати,—
Дали вони мя святого Павла.
Пресвята Діва того мя не хотіла.
Взяли писати, взяли читати,
Яке Ему мя дати,—
Дали вони мя Исуса Христа.
Пресвята Діва то мя злюбила...

http://rcin.org.pl

томъ взялись. Когда всего набрали, тогда пошелъ дождь. И шелъ онъ *сорокъ* дней и *сорокъ* ночей. Всѣ люди потонули, и всѣ хаты, и все, что было; а тѣ люди остались, которые были въ ковчегѣ. Когда дождь пересталъ итти, пара людей вышла изъ ковчега, и стали они жить на землѣ; стали жить—стали *грѣшить*, а въ нихъ стали вселяться и отъ нихъ стали рождаться утонувшія души, только имъ давали уже другія имена. Послѣ того, какъ *измѣнился свѣтъ*, и люди измѣнились: прежде были большіе да сильные, а чѣмъ дальше, тѣмъ становились все меньше, а еще дальше, послѣ насъ, будутъ такіе, что въ одной печкѣ будутъ молотить по *семь* человѣкъ въ одно время. Вотъ, и мы уже тотъ вѣкъ *выжили*, что Богъ назначилъ, потому что прежде дѣти слушались отцовъ и матерей и боялись ихъ, а теперь не слушаются и не почитаютъ,—сами-де больше знаютъ, чѣмъ отцы и матери. Это мы ту послѣднюю сотню лѣтъ доживаемъ, которую прибавили святые отцы. Господь разгнѣвался на отцовъ, что они прибавили вѣку людямъ, сказалъ, что все будетъ терпѣть, что бы ни творилось на бѣломъ свѣтѣ: хоть кто человѣка убьетъ или что-нибудь иное сдѣлаетъ, то Онъ и не наказываетъ. Когда доживемъ эту послѣднюю сотню лѣтъ, то будетъ Страшный судъ,—будетъ насъ Господь судить, опредѣлять, кого куда. Гдѣ солнце всходитъ, тамъ будетъ *рай*; гдѣ солнце бываетъ въ полдень, тамъ—*„пекло“*; а гдѣ солнце никогда не бываетъ, тамъ—*адъ*. За великіе грѣхи посадятъ въ адъ, за меньшіе—въ „пекло“, а безгрѣшныхъ опредѣлятъ въ рай. Въ раю жить хорошо — тамъ хорошо пьютъ и ѣдятъ; а въ аду „комашкаютьця“ (непрерывно суетятся, какъ муравьи): тотъ подпираетъ тынъ; тотъ всетъ лозу; тотъ кричитъ—„пить!“—а у него черезъ горло вода льется; тотъ въ смолѣ кипитъ. Тынъ подпираютъ—это за то, что когда жилъ на этомъ свѣтѣ, то если что-нибудь дѣлалъ дурное, и ему говорили: „не дѣлай—грѣхъ, а когда умрешь, то на томъ свѣтѣ будутъ тобою тынъ подпирать“,—онъ отвѣчалъ: *„гріхъ у міхъ* (мѣшокъ), *та ще й звéрху сівъ!*—тамъ,

http://rcin.org.pl

на томъ свѣтѣ, пускай хоть тынъ подпираютъ моею душою"; а также за то, что когда у кого-нибудь повалится тынъ, и тотъ проситъ помочь, онъ не пойдетъ на помощь, и вотъ на томъ свѣтѣ и будетъ тынъ подпирать. Кто кричитъ: „пить!"— такъ это за то, что на этомъ свѣтѣ не даешь другимъ напиться воды, въ особенности „жнивами". Лозу возитъ за то, что на этомъ свѣтѣ кралъ ее. Отъ грѣховъ освобождается тотъ, кто на этомъ свѣтѣ даетъ милостыню. Жила себѣ одна скупая женщина. Вотъ пришелъ къ ней нищій и попросилъ маленькую луковицу. Она этого не пожалѣла—дала; а когда умерла и мучилась въ смолѣ, то тотъ самый нищій пришелъ, спустилъ къ ней луковицу,—она ухватилась за луковицу и вылѣзла изъ смолы.—Тѣ женщины, которыя умерли беременными, теперь мучатся, и бабы пупорѣзныя за ними ходятъ, дожидаются Страшнаго суда. А послѣ Страшнаго суда ихъ опредѣлятъ прямо въ рай вмѣстѣ съ маленькими дѣтками и съ бабами: онѣ за столько лѣтъ до суда оттерпѣли уже мученія.—Люди всѣ перемѣнятся, а земля только обернется, солнце зайдетъ за тучку, свѣтъ же не перемѣнится; намъ будетъ казаться, что будетъ горѣть земля и все,—но ничего этого не будетъ. А вотъ что будетъ. Передъ Страшнымъ судомъ будутъ ходить ворожеи и изъ той золы, изъ которой бабы дѣлаютъ щелокъ для стирки бѣлья въ пятницу, и выбрасываютъ комъ мокрой золы на дворъ, сдѣлаютъ изъ этой послѣдней булку и будутъ предлагать ее людямъ: кто возьметъ, того душу и переманятъ къ себѣ" [1]).

Слишкомъ ужъ грубыми, бызыскусственными мазками набросана въ этомъ разсказѣ великая эпопея человѣчества; но ее отъ перваго и до послѣдняго штриха ярко пронизываетъ животворный лучъ вѣры въ безсмертіе и будущее праведное воздаяніе, которая неизмѣнно служитъ нашему простолюдину отрадной путеводной звѣздой въ его многотрудной и многопечальной жизни.

---

[1]) „Этнографическое Обозрѣніе" 1892 г., XIII—XIV, стр. 83—85.

http://rcin.org.pl

Дополнительныя космогоническія украинскія легендарныя сказанія и преданія о человѣкѣ.

Кромѣ основныхъ космогоническихъ легендарныхъ сказаній и преданій о человѣкѣ, на Украйнѣ и по сію пору живетъ еще не мало, такъ сказать, *дополнительныхъ* сказаній, имѣющихъ главною цѣлью своею—удовлетворить народную пытливость. Таковы, напр., легенды о происхожденіи міроѣдовъ, о людскомъ вѣкѣ, о человѣкѣ и дятлѣ, отчего женщины больше работаютъ, чѣмъ мужчины, о главенствѣ мужчины въ семьѣ и др.

Народъ столько видѣлъ и видитъ горя отъ *міроѣдовъ*, что отказалъ даже имъ въ происхожденіи отъ людей. Когда Богъ замѣтилъ,—говоритъ легенда, записанная въ Стародубскомъ уѣздѣ,—что самый старшій ангелъ Его задумалъ Его смѣстить, чтобы взять въ свои руки управленіе всѣмъ міромъ („шобъ у свої руки віжки взяти"), то прежде всего повыдергалъ ему перья изъ крыльевъ, забралъ у него всю Свою одежду, заростилъ всего его шерстью, увѣнчалъ голову рогами, прицѣпилъ сзади хвостъ да и столкнулъ съ неба „въ пе́кло". Когда низверженный ангелъ катился туда (а дорогато, знать, была не ровная), хвостъ у него отвалился, упалъ на землю и породилъ изъ себя міроѣдовъ; а чортъ сталъ, такимъ образомъ, *куцымъ* [1]).

---

[1]) В. Ивановъ, „Жизнь и творчество крестьянъ Харьк. губ., т. I стр. 385.

http://rcin.org.pl

Сотворилъ Господь человѣка,—разсказываетъ легенда, записанная въ Купянскомъ уѣздѣ,—и назначилъ ему жить на землѣ всего только *тридцать* лѣтъ; сотворилъ и звѣрей, и назначилъ и имъ вѣкъ: ослу, верблюду и собакѣ—также по *тридцати* лѣтъ. Человѣкъ жилъ себѣ на землѣ, блаженствовалъ и ничего не дѣлалъ, только все горевалъ, что короткій вѣкъ Богъ ему назначилъ. Пожилъ, пожилъ оселъ да и говоритъ: „Чѣмъ мнѣ мучиться тридцать лѣтъ все въ работѣ да въ горѣ,—не хочу жить столько; пойду къ Богу и попрошу, чтобъ уменьшилъ мнѣ вѣку". Богъ снялъ съ осла *десять* лѣтъ и думаетъ: кому ихъ отдать? Вдругъ является человѣкъ и проситъ прибавить вѣку. Богъ снялъ съ осла *десять* лѣтъ и отдалъ ихъ человѣку, такъ что, стало быть, послѣ *тридцати* лѣтъ человѣкъ живетъ уже *ослиный вѣкъ*.—Пожилъ себѣ, пожилъ и верблюдъ да и говоритъ: „Худо жить! все таскаешь да таскаешь на себѣ,—нѣтъ тебѣ и покою никогда! Не хочу жить столько; пойду къ Богу и попрошу уменьшить мнѣ вѣку". Богъ снялъ и съ верблюда *десять* лѣтъ и думаетъ: куда ихъ дѣть? Когда приходитъ человѣкъ и говоритъ: „Я на землѣ не живу, а красуюсь, какъ цвѣточекъ; ничего не дѣлаю, всѣ звѣри послушны мнѣ, птицы утѣшаютъ меня пѣснями; одно только горе: осталось мало жить!" Богъ и *десять* верблюдовыхъ лѣтъ отдалъ человѣку. Стало быть, послѣ *сорока* лѣтъ человѣкъ живетъ уже *верблюжій вѣкъ*.—Пожила, пожила собака и говоритъ: „Худо на свѣтѣ жить! Чѣмъ мнѣ все на холодѣ да съ голоду пропадать, да горло драть, да побои принимать,—не хочу больше жить; пойду къ Богу и попрошу убавить вѣку". Богъ и съ собаки снялъ *десять* лѣтъ и думаетъ: куда ихъ дѣть? Когда тутъ опять приходитъ человѣкъ и голоситъ-причитываетъ: „И жить мнѣ есть гдѣ, и ходить есть въ чемъ, и ѣсть могу, что́ только захочу, и звѣрями и птицами повелѣваю,—вѣкъ только мой коротокъ!" Богъ и собачьи *десять* лѣтъ отдалъ ему. Такимъ образомъ, послѣ *пятидесяти* лѣтъ человѣкъ живетъ уже *вѣкъ собачій* [1]).

[1]) „Этнографическое обозрѣніе" 1892 г., XIII—XIV, стр. 91—92.

http://rcin.org.pl

Дѣти не ходятъ до году еще со временъ Адама и Евы—и вотъ по какой причинѣ. Когда у Евы родился сынъ, Богъ явился къ ней въ образѣ Старичка и велѣлъ перекинуть дитя черезъ ворота. Евѣ жаль стало родного дитяти, и она ослушалась Божьяго повелѣнія.—„Ну, такъ *носись* же съ нимъ!“—сказалъ ей тогда Старичокъ. И вотъ, съ тѣхъ поръ дѣти до году не ходятъ (Черниг. губ.) [1]).

По внѣшнему своему обличью первые люди были похожи на нынѣшнихъ цыганъ, которые и теперь живутъ такъ, какъ жили люди „съ начала свѣта“ (Старобѣльск. у.) [2]). Очертанія нѣкоторыхъ частей человѣческаго тѣла получили нынѣшній свой видъ уже впослѣдствіи, какъ свидѣтельствуетъ о томъ записанная въ Острожскомъ уѣздѣ легенда: „Человѣкъ и дятелъ“. Во времена оны, когда начали дятлы на свѣтѣ плодиться, вывелъ дятелъ дѣтей и захотѣлъ окрестить ихъ. Леталъ онъ, леталъ—нигдѣ не могъ найти кумовьевъ. Между тѣмъ, дѣти уже стали большими, а все некрещеныя. Скачетъ онъ разъ по дереву, смотритъ—бѣжитъ старый лисъ, который сильно проголодался. Дятелъ и говоритъ ему: „Можетъ быть, ты бы *покрестилъ* у меня дѣтей?“—„Хорошо, *похрустáю*“, говоритъ обрадованный лисъ, такъ какъ ему очень хотѣлось ѣсть. Дятелъ-то водится въ дуплѣ, а не на вѣтвяхъ. Вотъ онъ привелъ лиса къ тому дереву, гдѣ были его дѣти. Полѣзъ дятелъ въ дупло и ну выбрасывать оттуда дѣтей своихъ; а лисъ себѣ *хрустáе* ихъ. Повыбросилъ дятелъ всѣхъ дѣтей и спрашиваетъ: „А что—*покрестилъ?*“—„*Похрустáвъ*“, отвѣчаетъ лисъ.—„Ну, такъ подавай ихъ сюда!“—„Да вѣдь я ихъ *похрустáвъ*: ты же просилъ, чтобы я *похрустáвъ*,—я и *похрустáвъ*“. Дятелъ видитъ, что пѣтъ дѣтей, полетѣлъ и вылетѣлъ на дорогу. Вдругъ везетъ человѣкъ глину. Дятелъ не знаетъ, что̀ съ собою дѣлать,—и

[1]) Б. Гринченко, „Этнографическіе матеріалы“, в. I, стр. 83.

[2]) В. Ивановъ, „Жизнь и творчество крестьянъ Харьк. губ.“, т. I, стр. 465.

http://rcin.org.pl

вотъ съ горя сѣлъ волу на голову и ну долбить ему лобъ. Человѣкъ хвать топоромъ, чтобы убить дятла,—да такъ и разрубилъ голову волу. Дятелъ нолетѣлъ и влетѣлъ въ хату къ тому человѣку. Смотритъ—въ люлькѣ лежитъ ребенокъ. Сѣлъ онъ на ребенка и ну долбить ему лобъ. Увидѣла это мать, схватила „мняло“ и хотѣла было ударить дятла,—но убила своего ребенка. Давай тогда она гоняться за дятломъ, поймала его и хотѣла было зарѣзать.—„Нѣтъ, подожду мужа“, раздумала она. Посадила дятла подъ горшокъ, а сама сѣла и залилась слезами. Приходитъ мужъ. Она указала мужу на убитаго ребенка и разсказала, какъ было дѣло.—„Давай,—сказала она,—убьемъ дятла!“—„Э, нѣтъ!—возразилъ мужъ:—я черезъ него вола убилъ! Давай-ка масла: намаслимъ его хорошенько, и я его проглочу живого!“Проглотилъ. Какъ началъ у него внутри дятелъ порхать, какъ началъ тамъ возиться! Наконецъ, нашелъ извѣстную дырочку и высматриваетъ оттуда. А мужикъ кричитъ—мѣста себѣ не можетъ найти! Жена и говоритъ: „Становись на-четвереньки, а я посмотрю, далеко ли онъ?“ Сталъ мужикъ на-четвереньки, а она какъ завидѣла голову дятла, тотчасъ же за топоръ и хотѣла зарубить его. Хвать топоромъ! Разрубила мужу задъ; дятелъ благополучно выпорхнулъ и улетѣлъ себѣ черезъ окно, а у человѣка съ того времени сталъ задъ раздвоенный [1]).

Положеніе женщины въ украинской семьѣ—крайне незавидное. *Дѣвушка* и *сестра* въ народныхъ пѣсняхъ дѣйствительно окружены высокимъ поэтическимъ ореоломъ. Но картина слишкомъ рѣзко мѣняется съ выходомъ дѣвушки замужъ. Безъ согласія мужа, часто очень деспотичнаго и грубаго, жена ничѣмъ рѣшительно не можетъ распорядиться самостоятельно въ домѣ, не можетъ даже продать для своихъ надобностей десятка яицъ или курицу. Въ обществѣ тѣмъ болѣе не имѣетъ она никакой силы и никакого значенія. Она считается существомъ низшей породы, чѣмъ муж-

[1]) Б. Гринченко, „Этнографическіе матеріалы“, вып. II, стр. 4—6

http://rcin.org.pl

чина: „жінка—не чоловікъ, а баба, и бабьскій у неі розумъ“, говорятъ въ Старобѣльскомъ уѣздѣ. Нѣсколько лучше положеніе пожилой женщины: ей являются, по крайней мѣрѣ, подвластными младшіе члены семьи—дѣти, невѣстки и внуки; но мать очень часто въ этомъ случаѣ злоупотребляетъ своею властью, что̀ служитъ одной изъ главныхъ причинъ семейныхъ раздоровъ [1]). Женщины трудятся, не покладая рукъ, отъ зари до зари—и въ этомъ, впрочемъ, сами же виноваты, какъ говоритъ о томъ слѣдующая легенда, записанная въ Новоградволынскомъ уѣздѣ.

Когда-то *людямъ* (разумѣются *крестьяне*) было очень худо жить на свѣтѣ, хуже, чѣмъ теперь, въ особенности вслѣдствіе непрерывной работы: только и дѣлали, что все работали, не переставая ни на одну минуту. Вотъ и стали *мужики* думать, что̀ бы такое сдѣлать, чтобы хотя немного сбавилось съ нихъ работы, и чтобы хотя когда-не-когда имѣть свободный часокъ для отдыха. Думали это они—думали, совѣтовались—совѣтовались, да и пришли къ такому рѣшенію: „Обратимся,—говорятъ,—съ просьбою къ Богу, пусть явитъ Онъ Свое милосердіе надъ нами—повернетъ какъ-нибудь на иной строй наше житье, чтобы съ насъ хотя немного сбавилось безконечной работы“. Порѣшили обратиться съ просьбою къ Богу и стали совѣтоваться, черезъ кого бы пересказать все это Богу? — „Извѣстно, — говорятъ, — нужно поискать между птицами, между ними выбрать надежнаго посланца,—однако—кого же именно?“ Одинъ *мужикъ* и совѣтуетъ: „Пошлемъ, люди добрые, *сокола-винозора*! Онъ—самая подходящая для насъ птица: очи у него зоркія, крылья быстрыя,—полетитъ на самое небо къ Богу и повѣдаетъ Ему все про наше горе-горькое житье-бытье!“...—„Прекрасный совѣтъ! прекрасный!—послышалось со всѣхъ сторонъ:—выберемъ сокола,—самое подходящееe дѣло!“ Все, такимъ об-

[1]) В. Ивановъ, „Жизнь и творчество крестьянъ Харьк. губ.“, т. 1, стр. 205, 825.

http://rcin.org.pl

разомъ, наладилось, какъ слѣдуетъ; но вдругъ бабы что-то пошептались промежду собой, да какъ загалдятъ: „Нѣтъ! нѣтъ! не согласны! мы не желаемъ посылать сокола! Посылайте его, если хотите, отъ себя, отъ *мужской громады*, а мы, бабы, подыщемъ кого-нибудь другого!“—„Почему же такъ?“—спрашиваютъ *мужики*.—„А потому,—отвѣчаютъ бабы,—что мы уже знаемъ, какъ въ такихъ случаяхъ дѣла обдѣлываются,—тутъ безъ предварительнаго сговора не обойдется. Одно то, что соколъ къ вамъ, *мужикамъ*, больше льнетъ, до нашего же бабьяго горя ему и нужды мало. А второе—вы ему про себя больше наскажете, такъ онъ вашу руку и будетъ больше тянуть и передъ Богомъ неодинаково будетъ правду говорить про бабъ и про *мужиковъ*. Сюда вернется—и здѣсь будетъ крутить: вамъ перескажетъ всю Божью ласку, а отъ насъ многое и утаитъ. А почемъ знать—можетъ быть, Богъ къ намъ, бабамъ, былъ и милосерднѣе, чѣмъ къ вамъ, *мужикамъ*?... Однимъ словомъ, мы не желаемъ посылать сокола!“—„Ну, тогда, можетъ быть, пусть будетъ такъ,—говорятъ *мужики*:—мы пошлемъ сокола, а вы—соколиху: она, вѣдь, тоже баба,—стало быть, ужъ васъ не оплететъ?“—„Не желаемъ посылать и соколиху,—запротестовали бабы:—она будетъ бояться сокола и не осмѣлится перечить ему передъ Богомъ. Онъ ей такъ нароки забьетъ, что дѣло выйдетъ, пивѣсть по-каковски. Насъ, все равно, и въ такомъ разѣ оплетутъ. А наилучше пускай будетъ такъ: не цѣпляйтесь вы къ намъ, а мы къ вамъ не будемъ цѣпляться; посылайте вы себѣ сокола или кого тамъ другого, а мы отъ себя кого-нибудь отрядимъ къ Богу, кто намъ самимъ больше понравится“.—„Ладно!—говорятъ *мужики*:—коли такъ—то и пусть будетъ такъ! Только глядите же: если, часомъ, слишкомъ ужъ перемудрите, и вамъ съ вашими затѣями придется проиграть дѣло, чтобы потомъ не пеняли на насъ!“ Условившись на этомъ, разошлись.—Чѣмъ же только все это кончилось?—*Мужичья* „громада“ послала-таки сокола, крѣпко-на-крѣпко наказавши ему при этомъ,

http://rcin.org.pl

чтобы онъ про однихъ только *мужиковъ* зналъ, а про бабъ чтобы и не поминалъ даже,—про нихъ, молъ, другой ужъ кто-то доложитъ Богу.—Соколъ себѣ скорехонько справился—слеталъ на небо и принесъ такой отвѣтъ отъ Бога, что Богъ-де, снисходя къ просьбѣ *мужиковъ*, уменьшаетъ имъ нѣсколько работу и хлопоты. Такъ и выгадала себѣ облегченія *мужичья* „громада“.—А бабы вотъ какой корысти добыли себѣ своими хитростями да мудростями. Посовѣтовавшись промежду собою, надумались онѣ послать къ Богу сову. Онѣ-то, разумѣется, хотѣли какъ лучше, а случилось такъ, что изъ того совинаго *посланьства* ровно ничего не вышло, потому что, хотя сова, можетъ быть, и очень была расположена къ бабамъ и, можетъ быть, очень рада была оказать имъ съ своей стороны добрую услугу, да вся бѣда въ томъ, что она никакъ не могла долетѣть до Бога. Съ вечера, вотъ, снимется и полетитъ. Летитъ, летитъ вверхъ—всю ночь летитъ безъ передышки; а только станетъ разсвѣтать—и конецъ ея летанью: ее начинаетъ мало-по-малу одолѣвать сонъ, наконецъ, она—„пуць на зе́млю“, да и спитъ себѣ. Такая ужъ у нея природа, что какъ только настаетъ день, она непремѣнно должна спать. Надъ вечеръ снова подхватится, снова летитъ на небо всю ночь,—да только что́ же изъ того?—Сколько бы она ни пролетѣла за ночь, все такъ и пропадаетъ ни за что-ни про что: утромъ опять и упадетъ на то же самое мѣсто, съ котораго вечеромъ поднялась. Такъ сова никогда и не могла донести до Бога вѣсти про горькое бабье житье, и онѣ и по сію пору не дождались къ себѣ милосердія Божія. Вотъ почему *мужики* хотя и сильно заняты, и много работаютъ, а все же—нѣтъ-нѣтъ, да и выпадетъ имъ такой часъ, что они бываютъ безъ работы и отдохнутъ, какъ слѣдуетъ; а бабы никогда не знаютъ спокойной минуты—все, знай, толкутся да толкутся: сдѣлаютъ одно, гляди—другое поспѣло; справятся съ этимъ, а тамъ уже за что нибудь новое нужно браться,—и нѣтъ конца ихъ хлопотамъ.—То ужъ кто его знаетъ—сами ли бабы такъ

http://rcin.org.pl

пріучили себя, или что, но только дѣйствительно никогда не увидите, чтобы баба была безъ дѣла. Вотъ ужъ, кажись, все подѣлаетъ, нѣтъ, повидимому, больше рѣшительно никакой работы,—а она все ковыряется около чего-нибудь: тамъ, смотри, загнетокъ подмазываетъ, или перья деретъ, а все не гуляетъ; если же нѣтъ настоящаго дѣла, то хоть по хатѣ *плутается*, какъ будто что̀ дѣлаетъ: подойдетъ къ „миснику“ (открытый посудный шкапъ съ полками), переставитъ съ мѣста на мѣсто горшки, или что-нибудь пересыпетъ изъ одной миски въ другую; а тамъ подойдетъ къ столу да хлѣбъ съ одного мѣста на другое передвинетъ. И такъ вотъ никогда не переводятся у бабъ работы да хлопоты. А кто въ томъ повиненъ [1])?..

Подчиненное и совершенно безправное положеніе женщины въ семьѣ и обществѣ украинцы считаютъ незыблемымъ, свыше установленнымъ порядкомъ, нарушеніе котораго влечетъ собою неизбѣжное наказаніе для нарушителя, хотя бы онъ руководился въ этомъ случаѣ самыми добрыми побужденіями. Наглядным доказательствомъ тому служитъ общераспространенная на Украйнѣ легенда, записанная въ нѣсколькихъ варіантахъ (въ уѣздахъ Купянскомъ, Старобѣльскомъ, Нѣжинскомъ, Переяславскомъ и въ г. Кіевѣ) изъ серіи легендъ, извѣстныхъ въ литературѣ подъ именемъ „Обходовъ апостольскихъ“. При переводѣ ея мы сдѣлаемъ сводку наиболѣе характерныхъ мѣстъ изъ разныхъ варіантовъ.

Когда ходилъ еще по землѣ Господь съ св. Петромъ, Петръ увидалъ однажды „погану“ собаку и говоритъ:

— Господи! это—бѣшеная собака!

— Ничего, св. Петръ,—отвѣчалъ на это Господь:—сотвори „воскре́сну молитву“ („Да воскреснетъ Богъ“),—и собака насъ не тронетъ.

---

[1]) М. Драгомановъ, „Малорусскія народныя преданія и разсказы“, стр 170—172.

http://rcin.org.pl

Идутъ они дальше. Увидѣлъ затѣмъ Петръ пьянаго человѣка и говоритъ: „Господи! пьяный человѣкъ идетъ!“

— Эге, св. Петръ,—сказалъ Господь:—давай обойдемъ его, потому что пьяный человѣкъ хуже бѣшеной собаки.

Петръ удивился этимъ словамъ Господа. Попросились они ночевать въ одну хату. Хозяинъ былъ пьянъ и сталъ ни за что-ни про что бить свою жену. Св. Петръ и говоритъ:

— Господи! какъ же глупъ пьяный человѣкъ, что позволяетъ себѣ такъ жестоко драться!.. И зачѣмъ это такъ на свѣтѣ устроено, что мужъ безнаказанно, „згнущаетьця“ надъ своею женою?

— Мужъ старше жены,—отвѣчалъ Господь,—а потому и дѣлаетъ съ нею все, что́ хочетъ.

— Господи!—сталъ просить тогда Петръ:—а нельзя ли сдѣлать такъ, чтобы жена стала старше мужа?... она бы такъ не дралась.

— Оно-то и можно,—сказалъ Господь,—да только будетъ хуже: жена будетъ тогда еще глупѣе этого мужа: когда жена сдѣлается старшею, она и тебя побьетъ.

— Нѣтъ, не будетъ хуже,—настаивалъ Петръ.

— Ну, да пусть ужъ на время жена будетъ старшею,—согласился Господь.

Вотъ, черезъ недѣлю тамъ, что ли, послѣ того какъ жены сдѣлались старше мужей, зашелъ Господь съ св. Петромъ въ село, въ хату къ одному мужику, и просятся они переночевать. Мужикъ и говоритъ имъ:

— Знаете ли что, люди добрые: я бы и радъ пустить васъ перепочевать, да, видите ли, теперь Богъ такъ далъ, что жена уже стала старше мужа. Такъ вотъ моя жена теперь въ кабакѣ, а какъ только вернется домой, тотчасъ же примется меня колотить,—не миновать тогда и вамъ бѣды [1]).

---

[1]) Въ одномъ изъ варіантовъ говорится, что когда Господь съ св. ап. Петромъ зашелъ во дворъ къ мужику, онъ какъ разъ въ это время готовилъ сани. На вопросъ ихъ: куда онъ собирается?—мужикъ отвѣ-

http://rcin.org.pl

Господь сказалъ на это:

— Да ужъ что̀ будетъ, то̀ будетъ! Можетъ, она и не станетъ колотить насъ: мы, вѣдь, люди сторонніе.

Вотъ они и остались ночевать; поужинали и легли спать. Приходитъ пьяная хозяйка и начинаетъ сильно стучать въ дверь. Хозяинъ тотчасъ же всталъ и пошелъ отворять, а Господу и св. Петру велѣлъ спрятаться „пiдъ пiлъ“ (нары, родъ неподвижной кровати). Вошла пьяная хозяйка и начала колотить мужа: зачѣмъ не скоро отперъ дверь. Колотила его, колотила, пока, наконецъ, устала, и сѣла „на лáвкѣ“ (скамья) отдохнуть. Въ это время „пiдъ пóломъ“ что-то стукнуло. Услышавши стукъ, пьяная жена набросилась на мужа:

— А кто это у тебя „пiдъ пóломъ“?

— Странники зашли переночевать,—отвѣчалъ мужъ.

— А, такъ ты посмѣлъ распорядиться безъ меня! Подожди же, я задамъ твоимъ постояльцамъ!

Съ этими словами накинулась она на св. Петра и давай колотить его изо всей мочи. Послѣ того Петръ говоритъ Господу:

— Ложись теперь ты, Господи, отъ краю, а то я боюсь, чтобы она не поколотила меня и еще разъ.

Господь легъ отъ краю, а Петръ подъ стѣнку. Между тѣмъ, хозяйка отдохнула и говоритъ:

— Нужно еще и другого „одметóлити“, того, что лежитъ подъ стѣнкою, а то одному будетъ обидно.—И давай снова колотить изо всей мочи Петра.

— Вишь,—сказала она послѣ того уже, какъ отвела свою душу,—оба, какъ одинъ—сѣдые да плѣшивые!...

Наконецъ, хозяйка улеглась спать, а Господь съ св. Петромъ поспѣшили поскорѣе уйти.

чаетъ: „за женой, въ кабакъ“—и потомъ *идетъ* за женой, которая тяготится даже *итти пѣшкомъ* домой изъ кабака („Кіевская Старина“. 1894 г., Февраль, стр. 335—336).

http://rcin.org.pl

— Нѣтъ, Господи,—сказалъ дорогою св. Петръ,—пускай будетъ по-старому: самъ теперь вижу, что лучше, когда мужъ старше жены.

— А я же напередъ говорилъ тебѣ,—отвѣчалъ Господь,—что если жена будетъ старше мужа, такъ и тебя поколотитъ [1]).

Легенда эта представляетъ собою въ общемъ пересказъ извѣстнаго апокрифа о св. ап. Петрѣ, но начало и конецъ ея, безъ сомнѣнія, отзываются смутными воспоминаніями народа о временахъ *гинекократіи*, бывшаго нѣкогда главенства женщинъ. Поставивши св. ап. Петра, защитника такого порядка вещей, въ смѣшное положеніе, легенда тѣмъ самымъ сильнѣе всякихъ теоретическихъ доводовъ подвергла этотъ порядокъ самому безпощадному осужденію. А что дѣйствительно въ народѣ сохранились смутныя воспоминанія о гине-

---

[1]) „Этнографическое Обозрѣніе“ 1890 г., V, стр. 146—147; „Кіевская Старина“ 1894 г., Февраль, стр. 335—336; В. Ивановъ, „Жизнь и творчество крестьянъ Харьк. губ.“, т. I, стр. 200—201; М. Драгомановъ, „Малорусскія народныя преданія и разсказы“, стр. 129; П. Чубинскій, „Труды Этнограф.-Статист. Экспедиціи въ Зап.-русск. край“, т. II, стр. 329—330.—Въ варіантѣ, записанномъ въ Старобѣльскомъ уѣздѣ, сцена возвращенія пьяной хозяйки изъ кабака представлена въ такомъ видѣ. Упросившись ночевать, Господь и св. Петръ легли спать, „на полу: Господь легъ подъ стѣнку, а Петръ отъ краю. Ночью возвращается хозяйка изъ кабака, стучитъ, гремитъ, кричитъ: „Отворяй! давай ужинать!“ Хозяинъ отворилъ, „засвѣтивъ свѣтло“; а жена стала на „лавѣ“ да и кричитъ: „Подавай мнѣ ужинъ! Наливай борщъ, положи каши, подай воды, иди сюда, стой тутъ!“ Замотался бѣдный мужъ, не знаетъ, что ему и дѣлать раньше. Подскочила жена да въ високъ его, потомъ въ другой, да за волоса, да по хатѣ—и ну волочить его. Колотила, колотила, наконецъ, утомилась и пустила. Смотритъ—а „на полу“ чужіе люди. Какъ закричитъ она: „Кто это у тебя такой?“—„Да то,—говоритъ мужъ,—чужіе люди упросились ночевать“.—„А ты у кого спросилъ позволенья?“—„Да я было не пускалъ ихъ, такъ ничего не могъ съ ними подѣлать“.—„А, такъ они силкомъ ввалились! Вотъ я же до нихъ доберусь!“ Какъ схватитъ затѣмъ св. Петра за волосы да по хатѣ! Колотила его, колотила, наконецъ, отпустила, а сама присѣла отдохнуть. Св. Петръ полѣзъ „на полъ“ и попросилъ Господа лечь отъ краю, а самъ легъ подъ стѣнку и

http://rcin.org.pl

кократіи, доказательствомъ можетъ служить варіантъ той же легенды, записанный въ г. Купянскѣ.—Описанный выше случай съ ап. Петромъ произошелъ, по этому варіанту, въ то далекое отъ насъ время, когда жены были и старшинами, и головами, и судьями; когда онѣ ходили на сходки и рѣшали сами всѣ общественныя дѣла, а мужья ихъ дѣлали женскую работу: носили воду, топили печи, варили обѣдъ, пряли, ткали, шили рубахи, копали огороды, поливали капусту, нянчили дѣтей. Вотъ въ такое-то благодатное для женщинъ время и пришлось Спасителю съ св. ап. Петромъ зайти на ночлегъ въ хату, хозяйка которой исполняла, по выбору, обязанности головы и въ тотъ именно часъ была въ расправѣ. Возвратившись домой подъ хмелькомъ и увидѣвши въ хатѣ сторонних людей, она сперва бранитъ мужа за то, что мужъ, безъ ея позволенія, принялъ въ хату неизвѣстныхъ лицъ, а потомъ требуетъ отъ нихъ паспорты. Паспортовъ у странниковъ не оказалось, и хозяйка бьетъ Петра, какъ старѣйшаго. На другой день Петръ, испытавшій лично на себѣ всѣ невзгоды женскаго самоуправленія, упрашиваетъ Спасителя установить снова на землѣ главенство мужчинъ [1]).

Невысокій, пренебрежительный и даже презрительный взглядъ народа на женъ объясняется главнымъ образомъ библейскимъ сказаніемъ о томъ, что *первая же* жена была соблазнительницею своего мужа, какъ бы его врагомъ, виновницею грѣхопаденія и всѣхъ неисчислимыхъ тяжкихъ его послѣдствій. Съ другой стороны, оказала въ данномъ случаѣ

лежитъ. Хозяйка отдохнула и говоритъ: „Этого, что отъ краю, я уже отколотила, а ну-ка теперь еще того, что подъ стѣнкою!“ Схватила опять св. Петра и давай опять колотить его. Натѣшившись вдоволь, легла она спать. Утромъ Господь и св. Петръ встали и ушли. Дорогою Петръ сталъ просить Бога: „Господи! пускай мужъ опять будетъ старше, какъ и раньше было; а *жена пусть уже тогда будетъ старшею, когда сорока побьетъ*“ (В. Ивановъ, „Жизнь и творч. кр. Харьк. губ.“, т. I, стр. 200—201).

[1]) „Этногр. Обозрѣніе“ 1890 г., V, стр. 148.

http://rcin.org.pl

не малую долю вліянія и древняя письменность, представлявшая женщину гнѣздилищемъ всякихъ пороковъ, всякихъ золъ. Сослужили, разумѣется, здѣсь свою службу и разныя дѣйствительныя „женскія слабости“, вслѣдствіе которыхъ на Украйнѣ сложился такой взглядъ на женъ, что имъ никогда не должно говорить правды, и что жена—не другъ мужу, а вѣрнымъ другомъ его является собака, которая, какъ мы видѣли, приставлена была *сторожемъ* къ Адаму Самимъ Господомъ, когда Господь слѣпилъ его изъ глины и поставилъ для просушки. Изъ безчисленнаго множества народныхъ украинскихъ разсказовъ на эту тему приведемъ пока, для иллюстраціи, слѣдующіе *два*, имѣющіе, впрочемъ, какъ и всѣ подобные разсказы о женскомъ вѣроломствѣ, основу свою въ восточныхъ сказаніяхъ и вообще въ „странствующихъ“ повѣстяхъ [1]).

Одинъ отецъ, умирая, завѣщалъ сыну: „Если хочешь жить въ счастьѣ и въ покоѣ, такъ *Богу не вѣрь* (показаніямъ неба относительно погоды), съ полицейскимъ не води дружбы, женѣ правды не говори, у „скоробога́тька“ денегъ не одолжай. Призадумался сынъ надъ такимъ страннымъ завѣщаніемъ отца.—Эть! сказано—умиралъ старикъ!“—порѣшилъ онъ и скоро забылъ про завѣщаніе. Прошло порядочно послѣ того времени, и собрался какъ-то онъ въ поле или сосѣднее село. День былъ ясный, солнце на припекѣ, въ небѣ ни тучки.—„Зачѣмъ,—думаетъ онъ,—*свíту* (короткій армякъ) брать!“—и поѣхалъ. Но не успѣлъ выѣхать и за „ца́рину“ (общественныя поля подъ посѣвомъ)—вдругъ полилъ дождь, какъ изъ ведра. Почесалъ онъ тогда затылокъ и говоритъ: „Правду отецъ говорилъ, что и Богу не нужно вѣрить: если бы взялъ я *свíту*, такъ теперь дождь мнѣ былъ бы нипочемъ“.—Вскорѣ ему понадобились деньги, и онъ одолжилъ ихъ у „скоробога́тька“. И вотъ, „скоробога́тько“—что ни день Бо-

[1]) См. объ этомъ „Труды Кіевской Дух. Академіи“ 1877 г., т. I, стр. 590—593; сн. А. Веселовскій, „Изъ исторіи литературнаго общенія Востока и Запада“, стр. 86-90 и др.

http://rcin.org.pl

жій, все пристаетъ къ нему: давай деньги да и давай, хоть душу вынь; или же идетъ къ сосѣдямъ и спрашиваетъ, не банкротится ли должникъ. И такъ надоѣлъ тому бѣдному человѣку, что онъ, наконецъ, одинъ разъ сказалъ: „На тебѣ, *братіку*, и деньги твои и процентики, да только развяжи мнѣ голову, разъ ты такъ дрожишь надъ ними.“ И при этомъ подумалъ: „Правду говорилъ отецъ“... Все больше и больше разбираетъ теперь его любопытство, почему это отецъ, умирая, говорилъ еще: „съ полицейскими не води дружбы, женѣ правды не говори?“ А онъ и съ полицейскими былъ въ дружбѣ, и женѣ довѣрялъ во всемъ. Вотъ и думаетъ себѣ: „Дай же, я ихъ испытаю“. Закололъ поросенка, зажарилъ его, втиснулъ ему въ зубы хрѣнъ, уложилъ въ маленькій гробикъ, поставилъ также туда водки и закуски и закопалъ въ погребѣ, а вечеромъ и говоритъ женѣ: „*Жінко-голубонько*! не скажешь никому, если я тебѣ признаюсь?“—„Нѣтъ!—сказала жена:—пусть меня Богъ побьетъ, пусть мнѣ се и то,—никому съ роду-вѣку не скажу!“—„Ну, хорошо, говоритъ мужъ:—такъ и такъ,—говоритъ,—у меня грѣхъ большой на душѣ—я загубилъ человѣка“.—„Гдѣ-жъ ты его дѣлъ?“—спросила жена.—„Вонъ тамъ, въ погребѣ закопалъ“, отвѣчалъ онъ съ тяжкимъ вздохомъ. Не прошло послѣ того и недѣли, какъ мужъ за что-то повздорилъ съ женой. Послѣдняя и говоритъ ему: „А, ты такъ, *сякій-такій сину*! Такъ ты съ жены *знущáесся!* Постой же, я тебѣ отблагодарю!“ Выбѣжала на улицу и давай голосить: „*Охъ, моé горенько!* спасите, защитите меня! Охъ, пропала моя головушка! зарѣжетъ онъ меня, какъ того бѣднаго человѣка!“ Тутъ случился полицейскій и сейчасъ же: что? да какъ? А жена и разсказала все, что̀ подъ строжайшимъ секретомъ недѣлю тому назадъ открылъ ей мужъ. Началось слѣдствіе, допросъ. Сынъ давай проситься. Куда тебѣ!—и слушать не хотятъ! Взяли его подъ арестъ, ведутъ въ погребъ. Тутъ понятые, протоколъ... Жена показала мѣсто, гдѣ былъ, будто бы, зарытъ убитый. Откопали, вскрыли гробикъ и... увидѣли зажареннаго поросенка.—„Ну,—

http://rcin.org.pl

говоритъ тогда сынъ,—вотъ вашъ и мертвецъ, только *печёный—не холодёцъ*. Пожалуйте,—говоритъ,—выпить, закусить, да прошу—больше ко мнѣ въ домъ не ходить". Тѣ сюда-туда; мы, говорятъ, и то и сё для васъ. А жена: „Прости меня, голубчикъ милый!"... Тутъ-то и понялъ сынъ, что недаромъ отецъ завѣщалъ ему предъ смертью: „съ полицейскимъ не води дружбы, женѣ правды не говори [1])".

Сидитъ себѣ разъ чортъ надъ берегомъ около рѣчки, призадумался „небора́къ" о чемъ-то и не слышитъ, какъ сзади крадется къ нему волкъ (черти—стало быть—волка да *собаки-ярчука* [2]) только и боятся, и волкъ можетъ подкрасться къ чорту такъ, что онъ и не замѣтитъ). Какъ на то, проходилъ мимо по дорогѣ *ра́шавецъ* [3]). Жаль ему стало чорта: дай—думаетъ—спасу его отъ смерти. Взялъ и крикнулъ ему: „Эй, землякъ, берегись!" Чортъ обернулся; глядь—невдалекѣ волкъ. Онъ тогда „шубо́вств" въ воду!—только и видѣли его. Волкъ „потопавъ" въ лѣсъ. Когда волкъ скрылся уже изъ виду, чортъ вылѣзъ изъ воды и говоритъ *ра́шавцю*: „Ну, спасъ ты меня отъ смерти; приходи же завтра ко мнѣ и приведи съ собою того, кто у тебя самый вѣрный: я тебя отблагодарю." Вотъ вернулся *ра́шавецъ* домой и впалъ въ раздумье: „Кого бы завтра взять съ собою?—Возьму собаку: она—самая вѣрная". Такъ онъ порѣшилъ самъ съ собою, а потомъ и думаетъ: „Похвалюсь-ка я еще женѣ—что́

---

[1]) „Кіевская Старина" 1883 г., Декабрь, стр. 701—702; ср. разсказъ на сродную тему у М. Драгоманова, „Малорусскія народныя преданія и разсказы", стр. 173—174; П. Чубинскій, „Труды этограф.—статист. Экспедиціи въ зап.-русскій край", т. II, стр. 530 и дал. и мн. др.

[2]) Если *первый* щенокъ-сука приведетъ *перваго* же щенка-суку, а эта послѣдняя приведетъ *перваго* щенка-самца, то такая собака называется *ярчукомъ* (см. о ней ниже. въ очеркѣ: „Украинскія легендарныя сказанія и преданія о домашнихъ животныхъ).—Разсказъ записанъ въ г. Ромнахъ

[3]) Мѣстечко *Рашевка*, Гадячскаго уѣзда, Полт. губ., славилась своими торговцами-ходебщиками, которые на Украйнѣ извѣстны были подъ именемъ „рашавцівъ"; они скупали по селамъ и обмѣнивали на различные мелочные товары щетину, воскъ и пр.

http://rcin.org.pl

она мнѣ посовѣтуетъ?“ Похвалился. Какъ набросится на него жена: „Такъ ты, сякой-такой, меня промѣнялъ на собаку! Развѣ я у тебя не вѣрная?“ Бѣда! Пришлось несчастному *рáшавцю*—хоть изъ дому удирай. Нечего дѣлать, на другой день отправились они вдвоемъ. Приходятъ—чорта нѣтъ. Ждать-пождать—нѣтъ! *Рáшавець* и говоритъ женѣ: „Ну, жена, я, пока-что, вздремну, а ты мнѣ поищи въ головѣ“. Легъ это онъ себѣ и заснулъ. Когда ѣдетъ коляска: кони сѣрые, жирные, какъ печи, да красивые такіе; коляска новая, такъ и сіяетъ на солнцѣ, а въ коляскѣ—паничъ, красавецъ такой изъ себя, молоденькій; на немъ дорогое платье, цѣпочка и самъ—какъ картинка. Поровнявшись, онъ велѣлъ остановить лошадей.—„Здравствуй, красавица!“—„Здравствуйте!“—„ Что ты тутъ дѣлаешь?“—„Да такъ, ничего“—„А это кто такой?“—„Это мой мужъ“.—„Такой *поúний*! ты—такая красавица, а онъ—такой противный! Брось его, садись лучше ко мнѣ: будешь моею женою!“ И началъ ее расхваливать, а самъ въ это время незамѣтно будитъ мужа. Жена сначала какъ будто не хотѣла, а потомъ согласилась-таки уѣхать съ паничомъ. Идетъ она къ коляскѣ, а паничъ и говоритъ ей: „Какъ же ты будешь моею женою, когда у тебя мужъ живой? Ужъ коли на то пошло, такъ зарѣжь мужа“. И уговорилъ ее, чтобы зарѣзала. Она взяла ножъ, подошла къ мужу и только-только-что хотѣла было зарѣзать, а чортъ (то былъ чортъ въ образѣ панича) какъ крикнетъ: „Берегись!“—мужъ и проснулся. Жена такъ и окаменѣла съ перепугу.—„Ну, ты меня спасъ вчера,—сказалъ мужу чортъ,—а я тебя сегодня“—и исчезъ. Такъ *рáшавець* и остался ни съ чѣмъ; а если бы не былъ дуракомъ—взялъ съ собою собаку, то собаки бы чортъ не переманилъ: иная есть такая, что и хлѣба не возьметъ; а иная и хлѣбъ съѣстъ, когда ей бросятъ, да тотчасъ же опять и начнетъ лаять [1]).

[1]) М. Драгомановъ, „Малороссійскія народныя преданія и разсказы“, стр. 59—60; ср. Б. Гринченко, „Этнографическіе матеріалы“, вып. II, стр. 62—63 и др.

http://rcin.org.pl

По другому варіанту этого разсказа, пропали у мужика волы, и мужикъ пошелъ разыскивать ихъ. Забѣгаетъ напередъ чортъ и говоритъ: ,,Знаешь что—приходи съ своимъ *другомъ*, такъ твои волы найдутся". Вернулся онъ домой и думаетъ себѣ: ,,Кто же у меня самый лучшій и вѣрный другъ? —Жена!" Беретъ жену, и идутъ они. Пришли въ лѣсъ на то самое мѣсто, сѣли себѣ и сидятъ въ ожиданіи. Скоро мужъ заснулъ. Пришелъ чортъ, разряженный по-панскі, и говоритъ женѣ: ,,На тебѣ денегъ, заруби за это своего мужа, и будешь жить со мною". Затѣмъ далъ ей саблю и прибавилъ: ,,Заруби его!". Жена хотѣла было уже зарубить мужа, да чортъ не далъ и сказалъ проснувшемуся мужу: такъ вотъ какой твой вѣрный другъ, что хотѣлъ тебя зарубить!... Иди же домой и приходи сюда снова съ своимъ *настоящимъ* другомъ, потому что жена—твой злѣйшій врагъ". Мужикъ вернулся домой и говоритъ: ,,Пойду-ка я въ лѣсъ—не найду ли тамъ себѣ друга?" Идетъ, а за нимъ бѣжитъ собака. Пришелъ опять на то же самое мѣсто, сѣлъ да и заснулъ снова. Идетъ чортъ, а собака къ нему,—и мужикъ проснулся.—,,Вотъ твой вѣрный другъ—собака,—сказалъ тогда чортъ:—а вонъ твои волы стоятъ, привязанные въ лѣсу". Такъ мужикъ нашелъ воловъ, и собака оказалась самымъ вѣрнымъ его другомъ [1]).

Подобныхъ разсказовъ—повторяемъ—сохранилось и ходитъ на Украйнѣ очень много (съ нѣкоторыми мы еще встрѣтимся впереди), и они, къ сожалѣнію, дѣлаютъ свое дѣло. Жену на Украйнѣ не считаютъ даже нужнымъ лѣчить, когда она заболѣетъ: „ще въ череді (стадѣ коровъ) дві" (т. е. еще два раза можно жениться), равнодушно говорятъ обыкновенно въ такихъ случаяхъ [2]). Художественная литература почему-то

[1]) Разсказъ записанъ въ Зѣньковскомъ уѣздѣ.—М. Драгомановъ, „Малороссійскія народныя преданія и разсказы", стр. 60—61; ср. Рудченко, „Народныя южнорусскія сказки", т. I, стр. 12: „Стрілець і чортъ".

[2]) В. Ивановъ, „Жизнь и творчество крестьянъ Харьк губ.", т. I, стр. 825.

http://rcin.org.pl

мало обратила вниманія на эту мрачную сторону украинской народной жизни и занималась почти исключительно типомъ бой-бабы, разыгрывающей передъ своимъ простаковатымъ увальнемъ-мужемъ роль скромной овечки, угнетенной невинности, на самомъ же дѣлѣ являющейся полнымъ „командиромъ“ въ семейной жизни. Нельзя, конечно, отрицать существованія этого типа, но онъ является лишь исключеніемъ, и имъ занялась художественная литература, очевидно, какъ болѣе благодарнымъ и посильнымъ даже для самаго посредственнаго дарованія, и совершенно почти упустила изъ виду слишкомъ рѣзко бьющую въ глаза обыденную дѣйствительность. Когда-не-когда, впрочемъ,—хотя и *крайне рѣдко*,—можно услышать изъ устъ народа и такіе разсказы, которые служатъ какъ бы продолженіемъ мотивовъ пѣсеннаго творчества. Въ разсказахъ этого рода изображается обыкновенно *покорная*, меланхолическая любовь жены, нѣжная и ласкающая; но и тутъ самодуръ-мужъ является вѣрнымъ себѣ: для него оказывается даже непонятной любовь жены, какъ это можно видѣть, напр., изъ разсказа, записаннаго въ г. Ромнахъ.

Женился какой-то „парубокъ“ (парень) на очень пригожей дѣвушкѣ. Любилъ онъ ее крѣпко, но о любви съ нею никогда не говорилъ. Жили они себѣ, какъ Богъ повелѣлъ, уже не мало времени. Только разъ какъ-то нашла на мужа блажь, и онъ присталъ къ женѣ: „Скажи,—говоритъ,—мнѣ, какъ ты меня любишь?“ А жена и говоритъ ему: „Люблю тебя, *чоловіче*, какъ вѣтеръ въ полѣ“.—„Э, коли такъ,—отвѣчалъ онъ разсердившись,—то оставайся себѣ *здорóва*... не хочу жить съ тобою, пойду свѣтъ-за-очи“. И пошелъ. Гдѣ-то далеко нанялся онъ въ работники къ какому-то хозяину и совсѣмъ забылъ про жену. Только разъ лѣтомъ возили снопы и докладывали, тамъ же въ полѣ, высокую-превысокую скирду. Стояла нестерпимая жара; даже въ полѣ жгло, какъ отъ печки на какомъ-нибудь заводѣ. Усталъ тотъ человѣкъ и легъ тутъ же на возу, съ котораго подавалъ

http://rcin.org.pl

сноны. Лежитъ, а хозяинъ ничего уже не говоритъ ему, потому что работникъ онъ былъ не лукавый. Лежитъ; голова горитъ, во рту пересохло, руки повисли, самъ весь, какъ разваренный. Вдругъ,—у Бога все готово,—подулъ свѣжій вѣтерокъ... Будто вновь на свѣтъ народился работникъ, вздохнулъ, приподнялся да и съ воза!—„Куда ты?“—спрашиваетъ хозяинъ.—„Прощайте, *панъ-отче!*—отвѣчаетъ работникъ:—довольно уже служить,—вернусь домой. Спасибо вамъ за хлѣбъ, за соль!“—„Что? какъ? чего?“—„Да такъ и такъ“, говоритъ. И разсказалъ хозяину, что и какъ заставило его итти въ работники.—„Теперь же,—прибавилъ онъ въ заключеніе,—я вижу, что она (жена) меня, моя голубка, любитъ“.—„Не могу тебя удерживать,—сказалъ хозяинъ,—потому что дѣло твое законное“. Когда вернулись съ поля, хозяинъ расчиталъ его, какъ слѣдуетъ, наградилъ и отпустилъ съ Богомъ въ путь. И пошелъ тотъ человѣкъ къ своей женѣ, и стали они снова жить вмѣстѣ и любить другъ друга, какъ Богъ повелѣлъ. Больше уже тотъ человѣкъ не спрашивалъ свою жену, какъ она любитъ его, и не покидалъ ея до самой смерти [1]).

---

[1]) „Кіевская Старина“ 1883 г., Декабрь, стр. 702—703.

http://rcin.org.pl

Украинскія легенды о происхожденіи и характеристическихъ особенностяхъ нѣкоторыхъ народностей.

Украинскія легенды и „побрехеньки“ не забыли, между прочимъ, и тѣхъ народностей, съ которыми украинцамъ приходилось и приходится сталкиваться на своемъ историческомъ жизненномъ пути. Характеристики различныхъ національностей свидѣтельствуютъ о глубокой народной наблюдательности и, при всей своей сжатости, блещутъ художественною яркостью красокъ и самымъ заразительнымъ юморомъ. Въ этихъ легендахъ и „побрехенькахъ“ чаще всего говорится о „хохлахъ“ и „кацапахъ“, или „москаляхъ“, затѣмъ о полякахъ, ляхахъ, татарахъ, жидахъ, нѣмцахъ[1]) и цыганахъ. Характеристики различныхъ народностей чужды какого-либо пристрастія. Не щадитъ украинскій народъ и себя въ легендахъ, а иногда даже сгущаетъ краски, указывая на различные свои недостатки. Во главѣ этихъ легендъ должна быть поставлена легенда, записанная И. Ф. Бѣньковскимъ и не датированная мѣстностью. Кратко говоря о происхожденіи всѣхъ указанныхъ выше народностей, легенда указываетъ, такъ сказать, и сравнительное достоинство ихъ, при чемъ въ этомъ только *единственномъ* случаѣ

---

[1]) Подъ „нѣмцемъ“ на Украйнѣ разумѣютъ всякаго вообще иностранца—англичанина, француза и т. д.

http://rcin.org.pl

она не удержалась отъ того, чтобы—какъ-ни-какъ—не отвести *первое* мѣста родному типу.

Разъ,—говоритъ легенда,—захотѣлъ чортъ сотворить подобнаго себѣ. Набросалъ онъ въ котелъ, въ смолу, разнаго зелья и сталъ варить. Варилъ, варилъ, попробовалъ сотворить подобнаго себѣ,—вышелъ *мужикъ* (т. е. „хохолъ“).

— „Не доварилъ!“—сказалъ самъ себѣ чортъ и сталъ снова варить. Варилъ, варилъ, попробовалъ,—вышелъ *ляхъ*.—„Еще не доварилъ!“—сказалъ чортъ и сталъ снова варить. Варилъ, варилъ, еще попробовалъ.—вышелъ *нѣмецъ*.—„Еще чуточку не доварилъ!“И сталъ опять варить. Снова попробовалъ,—вышелъ *татаринъ*.—„Вотъ-вотъ еще немножечко—и будетъ какъ-разъ подобный мнѣ“. И давай дальше варить. Наконецъ, попробовалъ еще разъ, послѣдній,—вышелъ *жидъ*.

— „Переварилъ!—вскрикнулъ чортъ:—этотъ уже вышелъ хитрѣе и умнѣе самого меня! Передалъ на этотъ разъ!“—А развѣ-жъ неправда,—заканчиваетъ легенда,—что жидъ хитрѣе и умнѣе чорта? Онъ самого чорта проведетъ, обманетъ [1]).

Чаще всего въ легендахъ выводятся рядомъ и сопоставляются съ тѣми или иными ярко бросающимися въ глаза типическими особенностями своими „хохолъ“ и „кацапъ“. Чтобы надлежащимъ образомъ понять эти легенды, необходимо сказать предварительно нѣсколько словъ о взаимныхъ отношеніяхъ между названными двумя братски-родственными племенами. На характеръ отношеній между „хохлами“ и „кацапами“ оказали сильное вліяніе, прежде всего, конечно, далеко неодинаково сложившіяся для тѣхъ и другихъ историческія условія, а затѣмъ—и ихъ племенныя особенности.

[1]) „Кіевская Старина“ 1890 г., Августъ, стр. 325—326.—По другому варіанту, переваренымъ оказался „нѣмецъ“, а жидъ—чуточку недоваренымъ. Ненормальныя общественно-историческія условія были, между прочимъ, причиною того, что украинцы въ своемъ представленіи лишили „жидовъ“ даже души, этого высшаго и главнаго признака, отличающаго человѣка отъ животныхъ: „жидъ не вмирае, а здихае, бо въ його не душа, а пара; у жида і собаки не душа, а пара“ („Кіевская Старина“ 1889 г., Май—Іюнь, стр. 635).

http://rcin.org.pl

Украинцы называютъ обыкновенно великороссовъ „москалями“ „лапотниками“ и относятся къ нимъ недовѣрчиво и даже съ нѣкоторою боязнію, считая ихъ жадными, грубыми, хитрыми, лукавыми, лѣнивыми и мстительными. Народъ избѣгаетъ имѣть какое-либо дѣло съ „москалемъ“, а тѣмъ болѣе нанимать его въ услуженіе: „*москáль*,—говоритъ онъ,—непремѣнно обманетъ, или же придется съ нимъ поссориться изъ-за его лѣни и лукавства, и тогда онъ натворитъ тебѣ такого, что потомъ весь вѣкъ будешь раскаиваться“. *Москалей* вообще считаютъ знахарями и говорятъ о нихъ: „у *москаля* что-то въ носу есть. Онъ и ходитъ не такъ, какъ мы ходимъ—кучею, а одинъ за другимъ, чтобы легче было: переднему тяжелѣе всѣхъ итти, и вотъ, когда онъ утомится, тогда другой выходитъ напередъ“ и т. д.

Называютъ также великороссовъ „кацапами“: „у нихъ длинная борода клиномъ, какъ у *цáпа*“ (козла). „Москалями“ называютъ отъ слова *Москва*. Называютъ еще „кислопузими, вонючими москалями“: „они все квасъ да *сирівéць* (незаварной хлѣбный квасъ) ѣдятъ, такъ что и самое брюхо у нихъ прокисло“. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, расположенныхъ по полотну желѣзной дороги, называютъ, наконецъ, „хамскою и деревянною душою“—за то, что они во время постройки дороги обижали окрестныхъ постуховъ и отнимали у нихъ хлѣбъ. Они считаются хитрыми и крайне осторожными: „*москáль* хотя и знаетъ дорогу, а все же разспрашиваетъ“. „У *москаля* душа—какъ *повстянка* (войлокъ): онъ и Бога не боится“. Сложилась даже особая поговорка: „Бóже мій, Бóже мій! а мы—Твої,—а чіі-жъ-то москалі?“ [1]).

Нѣкоторыя изъ указанныхъ чертъ перенесены на *солдатъ*, какъ представителей *Москвы*, которые тоже называются „москалями“ (на Украинѣ до присоединенія ея къ Московскому государству не было *солдатъ*, а были *козаки*).

---

[1]) В. Ивановъ, „Жизнь и творчество крестьянъ Харьк. губ.“, т. I, стр. 338—339.

http://rcin.org.pl

Идутъ какъ-то по землѣ Господь и св. ап. Петръ,—разсказываетъ одна легенда. Дорогою догоняетъ ихъ солдатъ съ сумкой за плечами и спрашиваетъ: „Куда идете, добрые люди?“—„Идемъ на заработки“, отвѣчаетъ Господь.—„Такъ возьмите и меня съ собою,—говоритъ солдатъ:—хочу и я заработать денегъ, чтобы было чѣмъ помочь роднымъ“. Господь согласился принять солдата въ товарищи, и вотъ пошли они втроемъ дальше. Дорогой солдатъ говоритъ Господу: „Вотъ вы приняли меня къ себѣ въ товарищи, а я такъ и не знаю, кто вы такіе“. Господь сказалъ ему на это: „Я—Мудрецъ, а товарищъ мой—Хитрецъ“. Цѣлый день затѣмъ шли они, нигдѣ не останавливались, а когда насталъ вечеръ, расположились на ночлегъ въ полѣ. Недалеко отъ того мѣста, гдѣ они рѣшили ночевать, паслось стадо овецъ. Мудрецъ велѣлъ Хитрецу пойти къ пастухамъ и взять у нихъ изъ стада барана. Когда Хитрецъ принесъ барана, Мудрецъ сказалъ солдату: „Ну, служивый, мы съ Хитрецомъ пойдемъ пройдемся по полямъ, посмотримъ хлѣба, а ты тѣмъ временемъ приготовь ужинъ. Если насъ долго не будетъ, то можешь поужинать и безъ насъ, только сердца не ѣшь, а оставь намъ“. Мудрецъ съ Хитрецомъ ушли, а солдатъ остался, набралъ сѣна изъ стоявшаго вблизи стога, развелъ огонь и началъ готовить ужинъ. Но вотъ уже и ужинъ готовъ, а товарищей нѣтъ, и не видно. Солдатъ расположился ужинать одинъ. Ужинаетъ да и думаетъ: „Зачѣмъ это товарищи велѣли оставить для нихъ сердце,—развѣ оно вкуснѣе всего?—Съѣмъ-ка я его самъ, а имъ скажу, что у этого барана сердца не было“. Такъ онъ и сдѣлалъ. Возвратились Мудрецъ съ Хитрецомъ, и Мудрецъ говоритъ солдату: „А давай-ка намъ, служивый, сердце: мы будемъ ужинать“. Солдатъ отвѣчаетъ: „Ну, братцы, 25 лѣтъ прослужилъ въ полку, много перерѣзалъ тамъ за это время и быковъ и овецъ, и всѣ они были съ сердцемъ; а вотъ тутъ—такъ штука!—у сегодняшняго барана не оказалось сердца: баранъ—и безъ сердца!“ Мудрецъ ничего не сказалъ на это солдату,

http://rcin.org.pl

а Хитрецъ произнесъ только: „Эге!“ —и затѣмъ легли они спать. На другой день всѣ трое встали рано утромъ и пошли вмѣстѣ дальше. Пришлось имъ переходить черезъ рѣку. Мудрецъ и Хитрецъ идутъ себѣ по водѣ, какъ по сушѣ. Солдатъ—туда же было за ними,—анъ, дѣло не выгораетъ: пришлось брести по водѣ; а рѣка—чѣмъ дальше отъ берега, тѣмъ все глубже и глубже. Мудрецъ обернулся къ солдату и спрашиваетъ его: „Ты сердце съѣлъ?“—„Нѣтъ,—отвѣчаетъ солдатъ:—у барана не было сердца“. Идутъ, а вода хватаетъ солдату уже до горла.—„Ты съѣлъ сердце?“—снова спрашиваетъ Мудрецъ.—„Ей-Богу, нѣтъ!“—говоритъ солдатъ, почти захлебываясь. Такъ солдатъ и утонулъ бы не сознавшись, если бы Мудрецъ не взялъ его за руку и не вывелъ на берегъ. Вышедши на берегъ, нашли они мѣшокъ съ деньгами. Мудрецъ взялъ всѣ деньги и началъ дѣлить на *четыре* части. Солдатъ, видя это, говоритъ: „Зачѣмъ же Ты дѣлишь на *четыре* части,—вѣдь насъ *трое*?“—„Я потому дѣлю на *четыре* части,—отвѣчалъ ему Мудрецъ,—что *двѣ* части долженъ получить тотъ, кто съѣлъ сердце“.—„Я съѣлъ сердце,—сознался тогда солдатъ,—значитъ, я долженъ получить *двѣ* части“. Мудрецъ отдалъ солдату *двѣ* части. Послѣ этого пошли они къ одному помѣщику и нанялись молотить хлѣбъ. Мудрецъ велѣлъ Хитрецу взлѣзть на скирду и сбрасывать снопы. Хитрецъ посбрасывалъ снопы со всѣхъ скирдъ, а Мудрецъ взялъ огня и зажегъ эти снопы. Но огонь не уничтожилъ сноповъ, а начисто вымолотилъ изъ нихъ зерна, солома же снова была сложена въ скирды. Мудрецъ получилъ за молотьбу деньги по договору, отдалъ ихъ всѣ солдату и сказалъ ему: „Теперь ты съ деньгами; иди домой, да только смотри: не берись молотить хлѣба такъ, какъ мы здѣсь молотили“. Пришелъ солдатъ домой съ деньгами, зажилъ на славу, да только не надолго. Захотѣлось ему еще увеличить свой капиталъ легкой молотьбой. Нашелъ товарища и, пренебрегая предостереженіемъ Мудреца, нанялся къ одному помѣщику перемолотить у него весь хлѣбъ. Онъ тоже велѣлъ

http://rcin.org.pl

своему товарищу посбрасывать со скирдъ всѣ снопы, а самъ затѣмъ поджегъ ихъ. Такъ какъ все до тла сгорѣло, то солдату пришлось уплатить убытки отъ произведеннаго имъ пожара [1]).—По другой легендѣ на ту же тему, ап. Петръ съ солдатомъ заходятъ на ночлегъ къ старухѣ. Старуха даритъ имъ козу. Ап. Петръ предлагаетъ солдату зарѣзать козу на ужинъ и ужинать затѣмъ самому, а для него оставить только сердце. Солдатъ съѣдаетъ сердце и увѣряетъ ап. Петра, что у козы не было сердца. На другой день, при переходѣ черезъ рѣку, Петръ спасаетъ тонущаго солдата, но все же не можетъ заставить его сознаться въ томъ, что сердце съѣлъ онъ. Далѣе слѣдуетъ исцѣленіе ап. Петромъ больной дѣвицы, дочери одного очень богатаго человѣка, полученіе за это большихъ денегъ въ благодарность и дѣлежъ ихъ ап. Петромъ на *три* части. Чтобы получить изъ этихъ *трехъ* частей *двѣ*, солдатъ сознается. Оканчивается легенда неудачнымъ лѣченіемъ больной самимъ солдатомъ (Купянск. у.) [2]).

Слѣдующая легенда представляетъ тѣхъ же „москалей“ (солдатъ) грубыми, какъ говорятъ въ народѣ—„безпардонными.“—Очень давно было это—еще тогда, когда Господь ходилъ по землѣ съ святыми Петромъ и Павломъ. Какъ-то однажды Господь послалъ св. Павла „въ свѣтъ“, а Самъ остался съ св. Петромъ. И вотъ, идучи разъ большой дорогой, зашли они въ трактовую корчму. Была зима, и уже совсѣмъ смерклось. Господь и Петръ озябли сильно и стали проситься у корчмаря, чтобы позволилъ имъ обогрѣться да подночевать, потому что на дворѣ къ ночи сталъ забирать страшнѣйшій морозъ. Корчмарь не только что позволилъ, но даже вынулъ имъ подушку

[1]) „Этнографическое Обозрѣніе“ 1890 г., VII, стр. 88—90.

[2]) „Этнографическое Обозрѣніе“ 1890 г., VII, стр. 90.—Этотъ же мотивъ повторяется и въ другихъ украинскихъ (а также и великорусскихъ) легендахъ, гдѣ вмѣстѣ съ Господомъ и св. ап. Петромъ выводятся то жадный священникъ („Этногр. Обозр.“ 1890 г., VII, стр. 90—92; П. Чубинскій, „Труды Эти.-стат. Эксп. въ зап.-русск. край“, т I, стр. 156—159), то цыганъ (М. Драгомановъ, „Малор. народн. преданія и разсказы“, стр. 125—126 и др.).

http://rcin.org.pl

и старенькій зипунишко. Въ трактовыхъ корчмахъ, какъ извѣстно, каждый можетъ найти себѣ уголокъ—крещеный и некрещеный. Вотъ заснули Господь и св. Петръ, улегшись „на полу“, подлѣ теплой печки. Приблизительно около полуночи, послѣ того уже, какъ пропѣли четвертые пѣтухи, въ корчму вваливаются „москали“. Перемерзли, дрожатъ; сразу такъ и кинулись къ печкѣ, гдѣ спали Господь съ Петромъ,—Господь отъ краю, а Петръ подлѣ самой печки,—да и начали сгонять ихъ съ „полу“. Господь тотчасъ же послушался—всталъ и освободилъ мѣсто „на полу“; Петру же очень не хотѣлось оставлять тепленькое мѣстечко и зипунишко, и онъ не послушался и вступилъ было въ споръ. Какъ разсердятся „москали“, какъ начали „штовхать“ Петра кулаками, а затѣмъ—какъ стащили его на землю, какъ начали „лущить по-своему“, то Петръ едва-едва поднялся на ноги—такъ его сильно исколотили „москали“. Послѣ такой „оказіи“ нечего уже было оставаться въ корчмѣ; а тутъ какъ-разъ и на день стало благословляться. Собрались они да и пошли изъ корчмы. Вотъ св. Петръ, отошедши „гонъ“ (гона—разстояніе въ 120 саж. въ длину) на двѣсти отъ корчмы, оглянулся назадъ, не идутъ ли за ними „москали“, и говоритъ Господу: „Боже милосердый! Неужели же Ты не покараешь этихъ „москалей“ за то, что они, совершенно безъ всякой вины съ моей стороны, такъ изувѣчили меня?“

— „Хорошо, Петръ,—сказалъ Господь:—надругательство надъ тобою будетъ помнятно *москалямъ* до самаго Моего Страшнаго суда. Я ихъ тяжко покараю: всякій разъ, какъ *москалямъ* нужно будетъ выступать въ походъ, будетъ на дворѣ слякоть, холодъ, морозъ, *хуртовина*“.—Съ тѣхъ поръ, какъ только „москалямъ“ прикажутъ выступать въ походъ, сейчасъ же на дворѣ такое творится, что и сказать нельзя: лѣтомъ—дождь, градъ, буря, слякоть; а зимою—„заметь та хуртовина“.—Такъ-то Господь покаралъ „москалей“ за св. Петра (Гайсинск. у.) [1]).

[1]) „Этнографическое Обозрѣніе“ 1891 г., IX. Смѣсь, стр. 213.

http://rcin.org.pl

Нѣкоторыя несимпатичныя черты великороссовъ заставили украинскія легенды назвать дѣтей отъ смѣшанныхъ браковъ (украинца на великороссѣ или великоросса на украинкѣ) не людьми, а „перевертиями“ и лишить ихъ блаженства въ загробной жизни. Когда мы предстанемъ на тотъ свѣтъ,—говоритъ легенда, записанная въ г. Купянскѣ,—то за „москалей“ будетъ святитель Николай, а за *насъ* (украинцевъ)—Юрій. И вотъ, когда будетъ итти „москáль“, Николай скажетъ... скажетъ: „Мой!“—и возьметъ себѣ; а когда будетъ итти *нашъ*, то его возьметъ Юрій. Когда же будетъ итти „перéвертень“, Николай скажетъ: „Это - мой!“—а Юрій себѣ скажетъ: „Нѣтъ, мой“—И начнутъ они препираться. А затѣмъ порѣшатъ: „Чѣмъ намъ изъ-за него препираться, отдадимъ его лучше чертямъ!“—да и прогонятъ „перéвертня“ въ „пéкло“ [1])—Въ этомъ отношеніи „перéвертни“ приравнены къ скороумирающимъ „жидáмъ-*вихрестамъ*“ (ихъ народъ называетъ „шишимйтами“), о загробной участи которыхъ легенда, записанная въ с. Мартыновкѣ, разсказываетъ слѣдующее. Выкрестился гдѣ-то одинъ жидъ; выкрестился онъ, да недолго послѣ того и пожилъ—очень скоро умеръ. Вотъ и пошелъ онъ къ св. Петру, чтобы тотъ отперъ ему рай. Глянулъ на выкреста Петръ да и говоритъ: „Не отопру я тебѣ раю, потому что еще не пришли ко мнѣ списки про тебя, что ты перешелъ въ христіанскую вѣру; иди себѣ къ Моисею“. Пошелъ выкрестъ къ Моисею.—„Прійми меня, Моисей,—говоритъ,—къ себѣ: я—твой“. А Моисей отвѣчаетъ: „Нѣтъ, не прійму я тебя къ себѣ, потому что ты уже вычеркнутъ изъ нашихъ списковъ“. Сошлись тогда Петръ съ Моисеемъ и начали держать совѣтъ. Судили они между собою, рядили, и порѣшили отдать выкреста чорту.—„То какъ же это оно будетъ?“—спросилъ выкрестъ.—„Было бы раньше выкрещиваться!“—сказалъ

[1]) М. Драгомановъ, „Малорусскія народныя преданія и разсказы“, стр. 194—195.

http://rcin.org.pl

Петръ.—„Было бы не выкрещиваться,—сказалъ Моисей,—такъ и былъ бы у меня!“ И такъ бѣдолака-выкрестъ не попалъ ни къ Петру, ни къ Моисею, а и по сію пору у чорта воду да дрова „до пекла“ возитъ [1]).

Великороссы вообще называютъ украинцевъ „хохлами“, такъ какъ они прежде носили „чубы“ на головѣ, „индюками“—за ихъ кажущуюся несообразительность, „мазницами“, такъ какъ они раньше „чумаковали“ и, имѣя постоянно дѣло съ дегтярками, вѣчно были въ дегтѣ. „Москали“ считаютъ „хохловъ“ грубыми, упрямыми и глуповатыми. Они всячески стараются обмануть „хохла“, выпросить у него что-нибудь и вообще поживиться на его счетъ, за что послѣ сами же надъ нимъ смѣются и называютъ „хохлацкой харей“ и „хохломъ-мазницей“. Сошедшись съ „хохлами“, „москали“ обыкновенно говорятъ: „Хохолъ-мазница! давай дразниться!“ Тѣ отвѣчаютъ на это: „Давай, москва-кругла—на чотирі вугла!“ [2]). Называютъ еще великороссы украинцевъ „чортовой головой“, при чемъ украинская легенда, записанная въ Купянскомъ уѣздѣ, предобродушно даетъ и ключъ къ объясненію происхожденія этого прозвища. Господь съ св. Петромъ ходили по землѣ. Разъ идутъ они мимо „очерéту“ (камышъ, тростникъ—Fragmites vulgaris Frim), а въ „очерéті“—крикъ. Господь и послалъ Петра узнать, чего тамъ кричатъ. Св. Петръ вернулся и говоритъ: „Тамъ чортъ съ *хохломъ* дрались, такъ я и помирилъ ихъ: головы имъ снялъ“. Господь сказалъ: „А, чтобъ тебя, какой ты сердитый! Сейчасъ же пойди и понадѣвай имъ вновь головы!“ Сказалъ это, и Самъ пошелъ дальше. Св. Петръ вернулся да второпяхъ схватилъ чортову голову и надѣлъ на „хохла“, а „хохлову“ голову надѣлъ на чорта. Съ тѣхъ поръ и стала на „хохлѣ“ чортова голова [3]).

---

[1]) Б. Гринченко, „Этнографическіе матеріалы“, вып. II, стр. 149—150.

[2]) В. Ивановъ, „Жизнь и творчество крестьянъ Харьковской губерніи“, т. I, стр. 339.

[3]) „Этнографическое Обозрѣніе“ 1890 г., VII, стр. 92; ср. В. Ивановъ, „Жизнь и творчество Харьк. губ.“, т. I, стр. 339.—Въ небольшой

http://rcin.org.pl

Наконецъ, великороссы называютъ еще „хохловъ“ въ насмѣшку „мазепой“ говоря, въ объясненіе этого прозвища, что когда „начальникъ“ ихъ Мазепа измѣнилъ „своему царю“ и затѣмъ былъ словленъ, такъ его будто бы казнили „галушками“, которыя онъ, какъ истый „хохолъ“, сильно любилъ. Для казни приготовили 12 „галушóкъ“: 11 по *пяти* пудовъ и 12-ю—въ *семь* пудовъ. Поставили Мазепу на площади, на возвышеніи, и начали подавать ему эти „галушки“ на большихъ желѣзныхъ вилахъ прямо въ ротъ. Съѣлъ онъ 11 галушекъ благополучно; когда же подали послѣднюю, самую бóльшую, то Мазепа не въ состояніи уже былъ проглотить ее и, сказавши: „Не треба!“—испустилъ духъ [1]).

Основная, такъ сказать, легенда о происхожденіи „хохловъ“ и „москалей“, записанныя въ Купянскомъ уѣздѣ, разсказываетъ слѣдующее. Когда еще не было на свѣтѣ „хохловъ“ и „москалей“, Богъ послалъ однажды Петра и Павла на то мѣсто, гдѣ теперь Москва. Пришли они сюда и стали дѣлать—Петръ „хохловъ“, а Павелъ „москалей“. Петръ

книжечкѣ, изданной Пражскимъ Обществомъ „Slavia“, подъ заглавіемъ: „Národní pohádky i povĕsti“, на стр. 139, подъ № 41-мъ, помѣщенъ слѣдующій аналогичный разсказъ—„Ruĕovaná bába“. Когда Іисусъ съ св. Петромъ ходили по свѣту, увидѣли они однажды близъ дороги бабу въ дракѣ съ чортомъ. Такъ какъ Іисусъ Христосъ не могъ потерпѣть такого безпорядка на землѣ, то сказалъ св. Петру: „Смотри, какъ тамъ дерутся эти двое безбожниковъ. Иди и разними ихъ“. Св. Петръ выслушалъ и исполнилъ приказаніе; но не успѣлъ вернуться ко Христу, какъ они опять схватились. Петръ, по приказанію Христа, снова разнялъ ихъ спокойно. Но они сцѣпились и въ третій разъ. Тогда Петръ, вернувшись, чтобы ихъ разогнать, до такой степени разсердился, что выхватилъ мечъ и отрубилъ обоимъ головы. Эта горячность Петра не понравилась Христу, и Онъ упрекнулъ апостола за то, что тотъ не послушался Его приказанія.—„Теперь иди и приставь каждому трупу его голову: онѣ снова приростутъ“. Св. Петръ пошелъ, но второпяхъ перепуталъ головы и приставилъ чорту бабью голову, а бабѣ—чортову. Съ тѣхъ поръ баба въ дружбѣ съ чортомъ, такъ что—гдѣ онъ самъ ничего не можетъ подѣлать, туда уже посылаетъ бабу (тамъ же, стр. 92–93).

[1]) В. Ивановъ, „Жизнь и творчество крестьянъ Харьк. губ.“, т. I, стр. 339–340.

http://rcin.org.pl

дѣлалъ „хохловъ“ изъ пшеничнаго тѣста, а Павелъ „москалей“ изъ рудой глины,—потому они и рыжіе. Надѣлали и поставили сушиться на солнцѣ. Петръ и говоритъ: „Пойдемъ, братъ Павелъ, къ рѣкѣ руки мыть“. А Павелъ отвѣчаетъ: „Иди, Петръ, самъ, а я свои руки и такъ оботру“.

—„Ну, коли ты не пойдешь, такъ поглядывай же, чтобы не случилось чего съ нашимъ народомъ“.—Павелъ прекрасно зналъ, что его людей никто не тронетъ, а потому пошелъ себѣ подъ тѣнь да и легъ соснуть. Гдѣ ни взялась собака, и давай нюхать просушившихся людей. Понюхала „хохловъ“, тотчасъ же разобрала, что они изъ тѣста, и ну ихъ ѣсть. Приходитъ отъ рѣки Петръ, глядь—„москали“ стоятъ, а „хохловъ“ нѣтъ! Когда смотритъ—собака подняла лапу на грудь „москаля“, а „зъ грудéй“ его и стала глина стекать: оттого „москалі пузаті“. Тогда Петръ какъ разгонится сразу, какъ схватитъ собаку за хвостъ, а собака какъ попретъ по полямъ на Украину! Петръ какъ потянетъ ее палкою по ребрамъ, а она какъ прыгнетъ „черезъ ярóкъ“,—и... сталъ тамъ „хохлацкій“ хуторокъ. Тутъ Петръ и остался, а собака спряталась „въ лóбоду“ (Chenopódium album L.), и... образовала тамъ цѣлую „слóбоду“. Съ тѣхъ поръ и стали „хохлы“ жить по хуторамъ да по слободамъ [1]).

---

[1]) „Этнографическое Обозрѣніе“ 1890, VII, стр. 93—94.—Литовцы также знаютъ мотивъ творенія людей изъ пшеничнаго тѣста. Записанная въ Шавельскомъ уѣздѣ легенда о происхожденіи *мужиковъ* и *бояръ* разсказываетъ слѣдующее. Когда Господь Богъ сотворилъ человѣка изъ глины, тогда чортъ (velnes), желая показать себя болѣе смышленнымъ (iszmintingesniu), чѣмъ Богъ, слѣпилъ человѣка изъ пшеничнаго тѣста (nulipe žmogu ist teszlos kvientiniu miltu) и поставилъ свое твореніе, чтобы вполнѣ привести его въ жизнь. Пробѣгавшая мимо собака съѣла его человѣка. Чортъ страшно разсердился и схватилъ собаку за хвостъ. Собака съ перепугу моментально заболѣла поносомъ и выпустила изъ себя твореніе чорта въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ оно вышло изъ его рукъ (pratrido ir iszsziko tan velno darbą, toki patkaip jis buwo nulipęs). Отъ этого человѣка, слѣпленнаго чортомъ изъ пшеничнаго тѣста, происходятъ всѣ нынѣшніе *бояре*; отъ человѣка же, сотвореннаго Богомъ

http://rcin.org.pl

Другая легенда, записанная въ томъ же Купянскомъ уѣздѣ, разсказываетъ, будто „хохлы“ и „москали“ произошли отъ обыкновенныхъ людей. Шелъ однажды по полю Христосъ и св. Петръ, а навстрѣчу имъ ѣдетъ свадебный поѣздъ. Пьяные поѣзжане начали насмѣхаться надъ ними. Одинъ пьяный сталъ кривляться и говорить Христу и Петру: „Чего вы, бродяги, шляетесь тутъ? Вы должны заниматься хлѣбопашествомъ, а не шататься по свѣту безъ дѣла!“ Св. Петръ говоритъ Христу потихоньку: „Этому человѣку быть *хохломъ*—хлѣборобомъ: онъ вѣкъ будетъ обрабатывать землю“.—„Дѣлай съ нимъ, что тебѣ угодно“, отвѣчалъ Христосъ. Другой пьяный кричитъ въ насмѣшку: „Чего вы бродите тутъ? вишь—даже *черевиківъ* (родъ башмаковъ) у васъ нѣтъ: вамъ бы только лапти ковырять, а не шататься по чужимъ свадьбамъ!“ Св. Петръ и говоритъ: „А этому человѣку быть *москалёмъ*, и онъ будетъ ковырять лапти и ходить въ лаптяхъ“. Третій пьяный не можетъ уже и слова вымолвить, а только какъ зареветъ: „Ве-э-э!“ Св. Петръ и говоритъ: „Этому быть *медвѣдемъ*“. Съ тѣхъ поръ отъ перваго пьянаго, который кричалъ на Христа да на св. Петра, пошли „хохлы“, отъ второго—„москали“, а отъ третьяго—медвѣди [1]).

Хотя легенды и говорятъ о сотвореніи „хохла“ изъ *благороднаго* пшеничнаго тѣста, тѣмъ не менѣе онѣ нисколько не скрываютъ главнѣйшихъ недостатковъ украинскаго племени. Вотъ что, напр., разсказываетъ записанная въ Старобѣльскомъ уѣздѣ легенда о вошедшихъ въ пословицу *хохлацкомъ упрямствѣ и грубости*. Много лѣтъ тому назадъ у одного барина было двое крѣпостныхъ слугъ—„москаль“

изъ глины, происходятъ *мужики* (Dabar nog szito žmogaus, padarito isz teszlos, paeina visi bajorai: o nog žmogaus nulipito isz molo, kurin Dievas sutvėre, paeina visi mužikai). Нужно замѣтить, что въ настоящее время литовцы сами себя называютъ žmogus, žmones—*людишками*, *мужиками*, въ отличіе отъ *жидовъ* (židas), *бояръ* (bajoras), *нѣмцевъ* (voketys), *латышей* (latvis) и др. („Этнографическое Обозрѣніе“ 1890 г., VI, стр. 139—140).

[1]) „Этнографическое Обозрѣніе“ 1890 г., VII, стр. 94.

http://rcin.org.pl

и „хохолъ“. „Москаль“ былъ человѣкъ лѣнивый и хитрый, а „хохолъ“—трудолюбивый и простой, но слишкомъ ужъ грубый и упрямый. Вотъ барину и вздумалось выварить эти недостатки изъ своихъ слугъ. Сдѣлалъ онъ большой котелъ, положилъ туда „москаля“ и „хохла“ и велѣлъ повару варить ихъ цѣлый годъ. По прошествіи года пришелъ баринъ и спрашиваетъ повара:

— Ну, что—готовы мои крестьяне?

— А вотъ сейчасъ помѣшаю и спрошу,—отвѣчалъ поваръ. Взялъ веселъ, помѣшалъ въ котлѣ и говоритъ:

— Москаль!

— Ась?—отозвался тотъ.

— Вылазь!—Готовъ!—сказалъ поваръ.

Затѣмъ еще помѣшалъ въ котлѣ и спросилъ:

— Хохолъ!

— „Що“?

— Варись еще!—Не готовъ [1])!

О вороватости „хохловъ“ записанная въ Ровненскомъ уѣздѣ легенда разсказываетъ. Когда „жиды“ взяли Іисуса Христа въ Геѳсиманскомъ саду, то прежде всего повели Его туда, гдѣ стояли ляхи. А одинъ изъ ляховъ и говоритъ: „Отобьемъ нашего Спасителя!“ Тогда Іисусъ Христосъ *рече* имъ: „За такое ваше доброе сердце дамъ вамъ, дѣтки, такую *мищь* (награду): вы будете всегда воевать“. И дѣйствительно — что ляхъ, то и „воѣка“.—Потомъ „жиды“ повели Іисуса Христа туда, гдѣ стояли „нѣмці“ (иностранцы). Одинъ изъ нихъ и предлагаетъ: „Выкупимъ нашего Спасителя!“ А Спаситель на это говоритъ имъ: „За такую вашу *щирість* (доброту) дамъ вамъ такую *мищь:* вы будете всегда заниматься торговлей“. И дѣйствительно—что „нѣмець“, то купецъ.—Наконецъ, „жиды“ повели Спасителя туда, гдѣ „наші мужикі-сірякі“ подъ корчмою стояли, „медъ—горілку“ попивали.

[1]) В. Ивановъ, „Жизнь и творчество крестьянъ Харьк. губ.“, т. I, стр. 340.

http://rcin.org.pl

Одинъ изъ „мужиковъ“ и говоритъ: „Выкрадемъ нашего Спасителя!“ А Спаситель имъ *рече:* „За эту вашу *щирість*, дамъ вамъ, дѣтки, такую *мищь*, что вы будете всегда красть“. И правда—что „мужикъ“, то и воръ [1]).

Изъ народовъ, съ которыми украинцамъ приходилось чаще всего сталкиваться, легенды ихъ говорятъ еще только о происхожденіи *ляховъ* („литвиновъ“) и *поляковъ*.

Когда-то давно ходилъ Господь съ св. Петромъ по землѣ. Вотъ св. Петръ и спрашиваетъ Господа: „Какъ это такъ, Господи, что всякихъ людей на землѣ вдосталь, а вотъ литвиновъ и нѣтъ совсѣмъ?“ Господь и говоритъ: „Возьми да и сотвори“. Взялъ Петръ пшеничной муки, слѣпилъ изъ нея *галушку*, а изъ этой *галушки* сдѣлалъ человѣка да и наткнулъ его на тынъ, на колъ, для просушки. Гдѣ ни взялась собака—и съѣла того человѣка! Оглянулся св. Петръ,—нѣтъ его человѣка! Какъ схватитъ онъ ту собаку, какъ начнетъ ее бить объ землю! Что ни ударитъ, то и выскочитъ изъ собаки литвинъ. Понавыбивалъ онъ ихъ столько, что Богъ, наконецъ, сказалъ: „Довольно, будетъ уже! Гдѣ ты станешь дѣвать ихъ?“ А Петръ и говоритъ: „И, Господи! найдется имъ мѣсто и по-надъ Десною и по-за Десною“ (Черниг. у.) [2]).

Легенда о происхожденіи поляковъ имѣетъ въ виду, въ юмористическомъ тонѣ, осмыслить и нѣкоторыя изъ наиболѣе распространенныхъ фамилій польскихъ.—Когда Господь творилъ разные народы, то сдѣлалъ Онъ изъ глины „москалей“, французовъ, татаръ, ногайцевъ. Нужно было сдѣлать еще поляка; хватился,—анъ глины-то и нѣтъ. Вотъ Онъ взялъ и слѣпилъ поляка изъ тѣста и затѣмъ поставилъ всѣхъ рядкомъ сохнуть, а Самъ ушелъ. Вдругъ, бѣжитъ собака. Нюхъ одного—глина, нюхъ другого—глина, нюхнула поляка—коли хлѣбъ,—она его и съѣла. Возвращается Господь.

[1]) „Кіевская Старина“ 1890 г., Августъ, стр. 325.

[2]) Б. Гринченко, „Этнографическіе матеріалы“, вып. I, стр. 122.

http://rcin.org.pl

Дунулъ—пошелъ „москаль“, дунулъ—пошелъ французъ .. такъ всѣ народы пошли, а поляка—нѣтъ! Гдѣ полякъ?—Собака съѣла! Пошелъ Господь да на мосту и догналъ ее. Какъ схватитъ ее за уши, какъ ударитъ объ мость,—выскочилъ панъ *Мостовицкій*; какъ ударитъ объ землю,—панъ *Земанскій*; какъ „вчеше“ татарина по брюху,—выскочилъ панъ *Брюховецкій*—и пошли всѣ (Купянскъ) [1]).

Не обошли молчаніемъ украинскія легенды и цыганъ, которые стали наводнять Украину еще въ началѣ XVI в. (въ сѣверную часть они приходили изъ Польши, а въ южную—прямымъ путемъ изъ Валахіи) [2]) и присосались къ украинскому народу не менѣе „жидовъ“. Въ то время, какъ „жиды“ эксплоатировали украинское поспольство главнымъ образомъ черезъ посредство, такъ сказать, пановъ въ операціяхъ болѣе или менѣе крупныхъ и доходныхъ (гуртовыя скупки, всевозможныя аренды), цыгане промышляли въ народѣ непосредственно, исключительно по мелочамъ. Постоянныя житейскія сношенія съ цыганами дали возможность народу изучить ихъ, какъ говорится, до тончайшихъ изгибовъ души. Цыгана народъ считаетъ несравненно ниже по уму и хитрости, нежели „жида“, и убѣжденъ, что его всегда можно обмануть и провести, если только быть съ нимъ осторожнымъ, тогда какъ „жида и самъ чортъ не проведетъ“ [3]). Цыганъ на Украинѣ не чуждаются такъ, какъ „москалей“, но все же ведутъ съ ними дѣла неохотно, потому что всѣ цыгане—„дурисвіти“, т. е. воры и обманщики: „зъ циганомъ якъ не говорй, а за пазухою камінь держй“. Легенды

[1]) М. Драгомановъ, „Малорусскія народныя предавія и разсказы“, стр. 194.

[2]) Franz Miklosich, „Ueber die Mundarten und die Wanderungen der Zigeuner Europa's. Wien. 1873. III, 30; Харьковскій Историч. Архивъ Малор. Коллегіи, №№ 422, 2412, 20262, 22920.

[3]) См., напр., сказки о цыганахъ у П. Чубинскаго, „Труды Этнограф.-статист. Экспедиціи въ зап.-русскій край“, т. II, стр. 582 и дал.; у Б. Гринченко, „Этнографическіе матеріалы“, вып. II, стр. 354 и мн. др.

http://rcin.org.pl

ничего не говорятъ объ ихъ происхожденіи, но зато не скупятся на пластическую обрисовку тѣхъ или иныхъ наиболѣе характерныхъ чертъ цыганъ. Такъ, напр., легенда, записанная въ Старобѣльскомъ уѣздѣ, говоритъ, что цыганамъ не грѣхъ лгать и божиться потому, что это разрѣшилъ имъ Самъ Богъ, всѣмъ же остальнымъ людямъ грѣхъ. Когда „жиды“ распинали Іисуса Христа и заказали цыгану-кузнецу сдѣлать для этого *пять* гвоздей, чтобы забить ихъ въ руки, ноги и сердце Спасителя, то цыганъ, приготовивши заказъ, принесъ гвозди на Голгоѳу и забилъ только *четыре*—въ руки и въ ноги, а *пятый* гвоздь спряталъ въ свои „кучері“ (вьющіеся волосы). Такъ онъ сдѣлалъ для того, чтобы Іисусъ Христосъ воскресъ, чему цыганъ вѣрилъ. „Жиды“ замѣтили обманъ цыгана и стали его допрашивать; но цыганъ началъ клясться и божиться, что забилъ и *пятый* гвоздь. Въ это время на грудь Спасителя сѣла пчела. Цыганъ указалъ на нее „жидамъ“ и сказалъ: „Вонъ тотъ гвоздь, который я забилъ, а вы не вѣрите мнѣ! Ей-Богу же, забилъ! Чтобъ я почернѣлъ, какъ земля, если только говорю неправду!“— Вслѣдствіе-то этого, Господь и запретилъ убивать пчелу (грѣхъ), а цыганамъ разрѣшилъ божиться и обманывать людей; за ложную же клятву Господь наказалъ цыгана тѣмъ, что съ того времени всѣ цыгане почернѣли, какъ земля [1]).— Варіантъ, записанный въ Славяносербскомъ уѣздѣ, передаетъ этотъ случай нѣсколько иначе. Когда „жиды“ мучили Христа, такъ пошли они къ цыгану-кузнецу и говорятъ: „Скуй намъ *пять* большихъ гвоздей—на ноги, на руки и на голову“. Вотъ цыганъ куетъ и думаетъ: „Господи! какъ это тяжело будетъ человѣку, когда ему и голову пробьютъ! Не сдѣлаю я гвоздя на голову!“ И сдѣлалъ только *четыре* гвоздя. Когда затѣмъ распинали Іисуса Христа, пришелъ цыганъ прибивать Его. Прибилъ руки и ноги, а головы не прибилъ. Прихо-

[1]) В. Ивановъ, „Жизнь и творчество крестьянъ Харьковской губ.“, т. I. стр. 341.

http://rcin.org.pl

дять „жиды". — „Прибилъ?" — „Прибилъ". — „А голову прибилъ?" — „И голову прибилъ". — „Да ты врешь!" — „Ей-Богу,—говоритъ,—прибилъ!" — „А ну, пойдемъ—посмотримъ!" Пошли. А цыганъ и молитъ Бога: „Господи! хоть бы муха на лобъ сѣла, чтобы подумали, что то гвоздь!" Когда приходятъ, а на лбу Іисуса Христа дѣйствительно сидитъ муха.—„Гдѣ же твой гвоздь?" — „А вонъ чернѣетъ!" — Съ тѣхъ поръ всѣмъ людямъ грѣхъ лгать, а цыганамъ не грѣхъ, потому что цыганъ своею ложью защитилъ Іисуса Христа [1]).

Легенда на тотъ же мотивъ, записанная въ Купянскомъ уѣздѣ, указываетъ совершенно иной поводъ и разсказываетъ совершенно иной случай. Одинъ разъ св. Петръ ѣхалъ къ Богу за приказомъ. Встрѣтилъ его цыганъ и спрашиваетъ: „Куда ты, св. Петръ, ѣдешь?" — „Къ Богу". — „Чего?" — „Спрошу, кому чѣмъ жить". — „Такъ ты тамъ, *батьку*, и про меня замолви словечко". Св. Петръ пообѣщалъ, да и забылъ совсѣмъ. То же повторилось и въ другой разъ. Въ третій разъ цыганъ уже взялъ у Петра стремя — на тотъ случай, если онъ и теперь забудетъ, такъ вспомнитъ, когда будетъ садиться потомъ на коня. Такъ и случилось: св. Петръ сталъ на коня садиться, чтобы ѣхать въ обратный путь, да и вспомнилъ про цыгана и спрашиваетъ Бога, какъ жить цыганамъ. Богъ сказалъ: „Что̀ знаетъ, пусть говоритъ: не знаю; что̀ слышалъ, пусть говоритъ: не слышалъ; что̀ видѣлъ, пусть говоритъ: не видѣлъ; что̀ бралъ, пусть говоритъ: не бралъ". Св. Петръ встрѣтилъ цыгана и говоритъ ему: „Что̀ знаешь, говори: не знаю... и т. д. Отдай же теперь мое стремя". — „Какое?" — „Серебряное". — „Не знаю". — „Да ты же у меня его взялъ!" — „Нѣтъ, ей-Богу, не бралъ!" — Съ тѣхъ поръ цыганамъ и стало не грѣхъ божиться [2]).

Самымъ распространеннымъ ремесломъ среди бродячихъ цыганъ является кузнечное. При этомъ, въ стародавнія вре-

[1]) Б. Гринченко, „Этнографическіе матеріалы", вып. I, стр. 74—75.
[2]) „Этнографическое Обозрѣніе" 1890 г., VII, стр. 87.

http://rcin.org.pl

мена цыгане за свой трудъ платы деньгами никакой не брали, а брали старымъ желѣзомъ, утаивая его отъ заказчика столько, что такая сдѣлка была для цыгана выгоднѣе всякой денежной платы, какую могъ онъ взять съ крестьянина. Но вотъ однажды,—говоритъ легенда, записанная въ м. Сорочинцахъ, Полтавской губ.,—приходитъ Богъ къ цыгану серпъ зубить.—„Назуби-ка, — говоритъ, — цыганъ. Мнѣ серпъ!“ —„Хорошо,—говоритъ,—назублю; только какая же Твоя плата будетъ?“ Такой уже человѣкъ выдался,—жадность его взяла,—а платы тогда за работу и въ заводѣ не было... А про то цыгану и невдомекъ, что то пришелъ Самъ Богъ: совсѣмъ какъ будто человѣкъ—кто же Его зналъ?—„Какъ,—говоритъ Богъ,—плата! какая плата?“—„А вотъ такая,—говоритъ,—какъ видишь; не заплатишь,—говоритъ,—такъ и зубить не буду“. Тогда Богъ разсердился и говоритъ: „Ну,—говоритъ,—если вы, цыгане, такіе стали, такъ не золото будетъ вамъ оставаться въ горнѣ, а *жужелица!*“—„*Жужелица?*—спрашиваетъ цыганъ:—какая *жужелица?*“—„Увидишь,—говоритъ,—какая“. Такъ съ того времени и пошла въ горнахъ вездѣ *жужелица*, и слово такое пошло—*жужелица*, а раньше и слова такого никто не слыхалъ, а въ горнѣ оставалось золото—настоящее-таки золото, которое и служило цыгану платою за трудъ [3]).

Въ печати намъ извѣстна еще одна легенда, записанная въ Александровскомъ уѣздѣ и касающаяся цыганъ. Представленная здѣсь характеристика цыганъ во многомъ повторяетъ характеристику „москалей“, и при изображеніи нѣкоторыхъ частностей приключеній цыгана легенда эта слишкомъ близко напоминаетъ собою приведенную нами въ настоящемъ очеркѣ легенду о приключеніяхъ „москаля“; въ другихъ частностяхъ своихъ она напоминаетъ легенду объ избіеніи женщиною св. ап. Петра. Когда ходили по землѣ Господь и св. Петръ, то пришли они однажды къ цыгану.—„Здравствуй,

[3]) „Кіевская Старина“ 1886 г., Январь, стр. 200.

http://rcin.org.pl

цыганъ!“ — „Здравствуйте, добрые люди! А что — можетъ быть, вы какіе-нибудь мастера, что ли?“ — „Такіе мастера, — говоритъ Господь, — что можемъ передѣлывать людей: стараго и безобразнаго можемъ передѣлать въ молодого, красиваго“. — „Передѣлайте, спасибо вамъ, мою жену; она у меня такая безобразная, что просто противно глянуть на нее“. — „Что-жъ, можно“. Вотъ Господь заперся съ св. Петромъ въ кузницѣ, и черезъ нѣкоторое время вывели они оттуда молодую и красивую женщину, отдали ее цыгану и пошли себѣ дальше. „Э, постой же! — думаетъ себѣ цыганъ: — знаю теперь я, что́ нужно дѣлать!“ Подходитъ къ своей матери. — „Идите, — говоритъ, — *мамо*, я васъ передѣлаю въ молодую“. — „Что ты, — говоритъ, — сыночекъ! Я уже такая, что пора помирать, — мнѣ всего вѣку — день“. — „Да идите же, пожалуйста!“ Стащилъ ее съ печки, повелъ въ кузницу и воткнулъ прямо въ пылающій горнъ. Мать кричитъ благимъ матомъ, а онъ ее все пихаетъ дальше. Пихалъ, пихалъ, пока она совсѣмъ не „одубіла“; затѣмъ какъ потащитъ ее клещами и давай грѣть молотомъ! Грѣлъ, грѣлъ, — не встаетъ. — „Тьфу, ты! — говоритъ: — изъ чорта чортъ и будетъ!“ Побѣжалъ тогда цыганъ, нагналъ Господа и св. Петра и говоритъ имъ: „Эй, люди добрые! а вернитесь-ка часомъ назадъ!“ — „Чего?“ — спрашиваютъ: — „Да я забылъ вамъ хлѣба дать“. Вернулись они. Повелъ ихъ цыганъ въ кузницу и говоритъ: „Оживите, пожалуйста, мою мать!“ Господь дунулъ на нее, — она и встала. — „А что? — говоритъ цыганъ: — примите и меня, люди добрые, къ себѣ въ товарищи“. — „Ладно, пойдемъ“. Вотъ и пошли они втроемъ. Дорогою захотѣлось имъ ѣсть. Господь и говоритъ цыгану: „Пойди вонъ въ ту хату да попроси, — авось, что-нибудь дадутъ“. Дали тамъ цыгану три „варе́ника“, а онъ, пока вернулся назадъ, и съѣлъ два. — „Что, цыганъ, неужто только одинъ и дали?“ — „Ей-Богу, только одинъ!“ Взялъ Господь тотъ „варе́никъ“ и раздѣлилъ его на три части: одну часть далъ св. Петру, другую — цыгану, а третью взялъ Себѣ. Переку-

http://rcin.org.pl

сили они и пошли дальше. Пришли къ корчмѣ. Господь и говоритъ: „А что, цыганъ, можетъ быть, тутъ и ночевать будемъ?“ — „Про меня,—я такой, что хоть и ночевать“. — „Ну, такъ бей того кабана, что вонъ тамъ ходитъ“. — „Вишь, дурака-то нашелъ! Бей его Самъ, коли Ты уменъ!“ Господь, можетъ быть, только дунулъ,—и кабанъ лишь встрепенулся. — „Ну, ты-жъ, цыганъ, вари кабана, а мы съ Петромъ пойдемъ водки принесемъ“. Вотъ цыганъ варилъ, варилъ, да и съѣлъ печенку. Возвращается Господь, и стали они ѣсть того кабана. Господь видитъ, что нѣтъ печенки, и спрашиваетъ: „Ты, цыганъ, съѣлъ?“ — „Нѣтъ! ей-Богу, я не ѣлъ!“ — „Да нѣтъ, ты съѣлъ“. — „Да ей-Богу же, не ѣлъ! онъ былъ совсѣмъ безъ печенки!“ — „Ну, былъ—такъ и былъ“. Выпили, поужинали. — „Пойдемъ же теперь, цыганъ, попросимся въ хату, а то, пожалуй, дождь будетъ“. — „А пойдемъ—такъ и пойдемъ“. Вошли они въ хату, попросились,—ихъ пустили. Постлали имъ соломы. Господь легъ въ серединѣ, св. Петръ отъ стѣнки, а цыганъ отъ краю. А въ корчмѣ въ это время три разбойника играли въ карты. Играли они, играли,—вотъ одинъ и проигрался. — „Дай,—говоритъ, — выйду на дворъ,—авось, Богъ счастья пошлетъ“. Походилъ немного по двору, и является въ корчму съ обломкомъ оси въ рукахъ. — „А ну-ка, я, на счастье, ударю этого крайняго!“ — да какъ хватитъ обломкомъ оси цыгана! — „Э, Братъ,—говоритъ цыганъ Господу,—посунься-ка Ты сюда, а то мнѣ что-то здѣсь холодно“... Играли, играли разбойники,—проигрался другой изъ нихъ. — „Дай,—говоритъ, — выйду на дворъ,—авось, Богъ счастья пошлетъ“. Походилъ немного по двору и тоже вернулся съ обломкомъ оси въ рукахъ. — „Ну,—говоритъ,—ты, братъ, билъ крайняго, а я ужъ хвачу средняго!“—да какъ ошпаритъ снова цыгана!.. — „Эй, слышишь? слышишь? Ложись-ка ты сюда,—говоритъ цыганъ св. Петру,—а то мнѣ тутъ что-то ужъ душно“. Перемѣстились опять. Вотъ проигрался и третій разбойникъ. — „Дай, — говоритъ, — и я выйду на дворъ,—авось, Богъ счастья пошлетъ“.

http://rcin.org.pl

Вышелъ, а потомъ и этотъ несетъ обломокъ оси.—„Ну,—говоритъ,—ты отвалялъ средняго, а я отдую еще самаго крайняго, что подъ стѣнкою!“—да какъ бубухнетъ и этотъ цыгана!—„Тьфу, ты, *скажёноі* (бѣшеной) *собáки люди!* точно я одинъ только и есть на свѣтѣ“!... Утромъ, вставши, пошли они дальше своею дорогою. Приходятъ къ одному человѣку; а у того человѣка громаднѣйшія скирды всякаго хлѣба. Господь и говоритъ: „Станемъ, цыганъ, съ мѣры молотить, да и заработаемъ себѣ хлѣба; а то деньгами возьмемъ“.—„Если Ты хорошій молотьбитъ, такъ и нанимайся“. Вотъ Господь подрядился на тотъ хлѣбъ: смолотитъ и зерно перевѣять, чтобы чисто было на току. Настала ночь. Господь и говоритъ: „Ложись ты, цыганъ, съ Петромъ въ хатѣ, а Я пойду на токъ“.—„Нѣтъ, постой, Братъ, я безъ Тебя боюсь“. Пошли они вдвоемъ на токъ. Господь поджегъ хлѣбъ,—какъ хватило пламя! Хлѣбъ горитъ, а цыганъ пугается да все бранитъ Господа: „Что это Ты надѣлалъ!“ Когда все перегорѣло до тла, глядитъ цыганъ—солома сложена на своемъ мѣстѣ, зерно лежитъ себѣ отдѣльно, мякина—тоже особо.—„Вотъ это,—думаетъ,—такъ дѣйствительно Работникъ!“—Получилъ Господь плату, за которую подрядился, и пошли они дальше. Пришлось имъ итти черезъ море. Господь и св. Петръ идутъ себѣ прямо по водѣ, какъ по землѣ, а цыганъ не можетъ. Когда вода дошла ему до колѣнъ, Господь и спрашиваетъ: „Признайся—ты печенку съѣлъ?“—„Нѣтъ, Братъ, ей-Богу, не ѣлъ,—кабанъ безъ печенки и былъ!“ Стала цыгану вода доходить до шеи, уже онъ захлебывается.—„Признайся, цыганъ: ты печенку съѣлъ?“—„Нѣтъ, Братъ, ей-же-Богу, не ѣлъ!“ Спасъ его Господь, перешли они черезъ море и поднялись на пригорокъ.—„Ну,—говоритъ Господь,—давайте-ка теперь подѣлимъ деньги“.—„Да и давайте“. Вотъ Господь разсыпалъ деньги на *четыре* кучки и говоритъ: „Это тебѣ, Петръ; это тебѣ, цыганъ; а это Мнѣ“.—„А *четвертая* же кучка кому?“—спрашиваетъ цыганъ.—„А тому,—говоритъ Господь,—кто

http://rcin.org.pl

поѣлъ вареники".—„Да вѣдь это я же ихъ поѣлъ!"—„Ну, бери, коли ты",—и снова разсыпалъ остальныя деньги на *четыре* кучки: „Это тебѣ, Петръ; это тебѣ, цыганъ; а это Мнѣ"...—„А *четвертая* же кому?"—спрашиваетъ цыганъ.—„А тому, кто печенку съѣлъ".—„Да вѣдь это я, ей-Богу-же, я съѣлъ!"—„Коли ты, такъ и бери". Сказавши послѣднія слова, Господь съ св. Петромъ сдѣлались невидимыми. Глядитъ цыганъ, что никого нѣтъ,—за деньги да скорѣе домой [1]).

По другому пересказу, записанному въ томъ же Александровскомъ уѣздѣ, вторая половина легенды передается такъ. Когда вышли утромъ изъ корчмы, гдѣ ночевали, Господь, св. Петръ и цыганъ, то пришли они подъ вечеръ къ одному пану. А тотъ панъ былъ боленъ. Господь взялся его исцѣлить.—„Ну,—говоритъ,—ты, Петръ, и ты, цыганъ, ложитесь тутъ, а Я пойду къ пану".—„Э, нѣтъ, Братъ! я безъ Тебя боюсь!"—сказалъ цыганъ. Пошли они вдвоемъ. Господь порѣзалъ пана на части, перемылъ, затѣмъ сложилъ опять, какъ онъ былъ, полилъ водою,—тѣло вмигъ срослось; дунулъ на него,—и панъ всталъ совершенно здоровый. А цыганъ все то видитъ и замѣчаетъ.—„Э, это уже не въ кузницѣ,—теперь я уже научился!" Когда пришло имъ время уходить, панъ выноситъ сундучокъ денегъ: „Берите,—говоритъ,—сколько хотите!" Господь далъ горсть св. Петру, себѣ взялъ горсть, далъ горсть и цыгану.—„Да бери, Братъ, больше!"—говоритъ цыганъ. Господь далъ ему еще горсть.—„Да бери еще!"—настаиваетъ цыганъ. Господь и еще далъ одну.—„Ну, полно ужъ съ вами ходить,—пойду-ка я еще одинъ!"—сказалъ затѣмъ цыганъ.—Вотъ пошелъ онъ и взялся исцѣлить одну барыню. Порѣзалъ ее, перечистилъ, сложилъ попрежнему, полилъ водою — не срастается; дунулъ — не встаетъ, другой разъ—нѣтъ, ничего не выходитъ!—„Тьфу! изъ чорта чортъ и будетъ!" Ведутъ цыгана вѣшать, а въ

[1]) М. Драгомановъ, „Малорусскія народныя преданія и разсказы", стр. 125—128.

http://rcin.org.pl

это время идутъ мимо Господь и св. Петръ.—„Эй, постойте, люди добрые! вотъ идутъ такіе, которые исцѣлятъ!“ А Господь и спрашиваетъ: „А ты *варенки* поѣлъ?“—„Нѣтъ, Братъ, не я!“—„Ну, ведите, вѣшайте“.—„Постойте, постойте! ей-Богу, я съѣлъ!“—„А печенку ты съѣлъ?“—„Нѣтъ, ей-Богу, не я!“—„Ну, такъ ведите“, говоритъ Господь.—„Постойте, постойте! ей-Богу, я, Братъ, съѣлъ!“—„Ну, теперь,—говоритъ,—пустите его“. Пошелъ Господь, исцѣлилъ больную, и разошлись—Господь и св. Петръ своею дорогой, а цыганъ вернулся домой [1]).

---

[1]) Тамъ же, стр. 128.

http://rcin.org.pl

Украинскія легендарныя сказанія и преданія о жилищѣ, хозяйственныхъ постройкахъ орудіяхъ и нѣкоторыхъ изобрѣтеніяхъ.

Дуализмъ, такъ рѣзко проявившійся, подъ вліяніемъ апокрифовъ, въ украинскихъ легендахъ о сотвореніи міра и первыхъ людей, въ значительной степени даетъ себя чувствовать также и въ легендарныхъ сказаніяхъ и преданіяхъ о жилищѣ, хозяйственныхъ постройкахъ и орудіяхъ. Постройка первой избы приписывается нѣкоторыми легендарными сказаніями Сатанѣ и относится еще къ изначальнымъ временамъ существованія міра. Построивши избу, Сатана не сообразилъ продѣлать окна, вслѣдствіе чего въ ней было темно. Не зная, какъ быть, Сатана взялъ мѣшокъ и давай носить мѣшкомъ солнечный свѣтъ въ избу. Принесетъ, выпуститъ его,—а свѣта все нѣтъ въ избѣ. На ту пору приходитъ Богъ и спрашиваетъ Сатану, что онъ дѣлаетъ? Сатана отвѣчаетъ, что вотъ онъ построилъ избу, да только въ ней темно, какъ ночью, тогда какъ ему хотѣлось бы, чтобы въ избѣ было свѣтло, какъ днемъ на дворѣ: „Сколько ни тружусь, сколько ни ношу свѣта, а въ хатѣ все темно и темно".—„Подари ее мнѣ,—сказалъ Господь,—Я ужъ это дѣло устрою".—„Бери, а то мнѣ надоѣло носить свѣтъ". Тогда Господь сдѣлалъ *три* окна, и въ хатѣ стало свѣтло. Съ тѣхъ поръ люди строятъ хаты (Ушицк. у.)[1].

[1]) П. Чубинскій. „Труды Этнограф.-статист. Экспедиціи въ зап.-русскій край", т. I, стр. 100.

http://rcin.org.pl

По другимъ легендамъ, люди не умѣли строить хать до потопа и жили подъ открытымъ небомъ. Послѣ же потопа, когда наступила суровая зима, Ной выстроилъ для своего семейства деревянный шалашъ, въ родѣ конурки, и въ этомъ шалашѣ провелъ нѣсколько зимъ. Когда семья Ноя увеличилась, онъ построилъ большій шалашъ, а съ теченіемъ времени, усовершенствовавшись въ плотничьемъ искусствѣ, построилъ уже и небольшую избу. Первыя избы, которыя люди строили послѣ Ноя, были совсѣмъ безъ оконъ. Одна женщина, чтобы освѣтить внутри свою избу, схватила какъ-то рѣшето и начала бѣгать по двору, желая уловить лучъ солнца. Вдругъ явился ангелъ въ образѣ обыкновеннаго человѣка и, посмѣявшись надъ этою женщиною, сказалъ: „Глупая ты, баба!“ Затѣмъ взялъ топоръ, прорубилъ въ избѣ дыру,—и изба освѣтилась. Увидѣвши это, женщина обрадовалась, но при этомъ замѣтила: „Все это хорошо, но какъ же я теперь стану защищать свою избу отъ холода?“ Тогда ангелъ, чтобы помочь ея горю, пошелъ на берегъ моря, нашелъ тамъ большую рыбу, вынулъ изъ нея пузырь и этимъ пузыремъ закрылъ прорубленное отверстіе, такъ что въ избѣ было и свѣтло, и тепло. Съ тѣхъ поръ и всѣ остальные люди начали строить себѣ избы съ окнами (Литинск. у.) [1]). Въ этомъ послѣднемъ преданіи нельзя не видѣть вѣрнаго воспроизведенія древнѣйшаго устройства хаты съ *однимъ* лишь отверстіемъ для свѣта и дыма; подъ вліяніемъ его же, безъ сомнѣнія, укоренилось среди украинскаго народа вѣрованіе, что на окнахъ всегда невидимо сидятъ ангелы, а потому не годится плевать въ окно (Переясл., Литинск. уу.).

Самое святое мѣсто въ хатѣ—„покутія“ (красный уголъ); поставить „на покутті“ вѣникъ—смертный грѣхъ (Литинск. у.). Большой также грѣхъ класть шапку на столѣ, потому

[1]) П. Чубинскій, „Труды Этногр.-статист. Экспед. въ зап.-русскій край“, т. I, стр. 100.

http://rcin.org.pl

что столъ—„мѣсто Самого Вога", „престолъ Бога" (Переясл. и Литинск. уу.)[1]).

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, наконецъ, говорятъ, что хаты не было, будто бы, вплоть до Соломона, и что люди до временъ этого царя вообще не отличались изобрѣтательностью[2]).

Въ виду такого высокаго значенія хаты, выборъ мѣста для ея постройки и самая закладка сопровождаются извѣстными обрядами. Прежде всего, тамъ, гдѣ предполагаютъ построить хату, намѣчается самое мѣсто ея расположенія; на всѣхъ четырехъ углахъ будущей хаты выкапываются небольшія ямки, и въ нихъ насыпается рожь или пшеница (или же они насыпаются кучками, безъ ямокъ): если въ теченіе ночи (или трехъ сутокъ) никто не тронетъ этой ржи или пшеницы, то на избранномъ мѣстѣ можно строить хату, въ противномъ же случаѣ—нельзя, такъ какъ здѣсь „чорти будуть товктись". Въ Ушицкомъ и Проскуровскомъ уѣздахъ, размѣривши мѣсто для избы, вяжутъ дерево, копаютъ ямы для столбовъ, насыпаютъ въ нихъ ржи, чтобы Богъ послалъ долгій вѣкъ; потомъ на ночь кладутъ въ каждый изъ четырехъ узловъ по „цѣлушкѣ" хлѣба и ставятъ по стаканчику воды: если на другой день вода и хлѣбъ окажутся нетронутыми, или если вода даже еще прибудетъ такъ, что переливается черезъ край, то это служитъ хорошимъ признакомъ; если же вода и хлѣбъ окажутся тронутыми, то это предвѣщаетъ несчастіе, и, чтобы предупредить его, многіе сейчасъ же обращаются къ знахаркамъ или къ „ворожбитамъ". При самой закладкѣ не долженъ присутствовать никто изъ постороннихъ, иначе ему грозитъ неминуемая большая бѣда; бываетъ, что „главный мастеръ" заложитъ хату „на свою голову", и тогда онъ непремѣнно умретъ (Переясл. у.). Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Проскуровскаго уѣзда за-

[1]) Тамъ же, стр. 101–102.

[2]) Тамъ же, стр. 100.

http://rcin.org.pl

кладка хаты обставляется слѣдующими обрядами. Послѣ того, какъ назначено мѣсто для постройки, хозяйка печетъ нѣсколько хлѣбовъ и на одномъ изъ нихъ дѣлаетъ какую-либо помѣтку: если потомъ помѣченный хлѣбъ окажется гладкимъ, то хозяину хорошо будетъ жить въ новой хатѣ; если же негладкимъ, то плохо, и тогда обращаются къ „ворожбітамъ“. Вечеромъ, въ день печенія хлѣба, берутъ пучокъ овечьей шерсти, разстилаютъ ее на мѣстѣ, предназначенномъ для постройки хаты, а на разостланную шерсть ставятъ пустой горшокъ. На другой день, утромъ, выжимаютъ шерсть: если въ ней окажется хоть одна капля влаги, это—хорошій признакъ, и наоборотъ [1]). Во вновь построенную хату прежде всего вносятъ иконы и вѣшаютъ ихъ въ красномъ углу; подъ ними, „на по́кутті„, ставятъ дѣжу; на столъ кладутъ хлѣбъ съ солью. Въ Подольской губерніи въ новую хату на одну ночь впускаютъ чернаго пѣтуха и курицу, на другую—черную кошку и кота, и только уже послѣ того переходятъ сами въ нее на жилье, передъ восходомъ солнца, съ хлѣбомъ въ рукахъ [2]). Благочестивые люди стараются запастись „страстною“ свѣчкою, которая зажигалась во время „Страстей“ въ теченіе 12 лѣтъ. У кого есть такая свѣчка, тотъ можетъ совершенно спокойно и безнаказанно поставить себѣ новую хату, на какомъ только захочетъ мѣстѣ; хозяйство его будетъ спориться, и никакая „не́чість“ не повредитъ ему, нужно только эту „страстную“ свѣчку растапливать въ „ка-ганчикѣ“ [3]) и обкуривать всѣ пожитки (Старобѣльск. у.) [4]).

---

[1]) П. Чубинскій, „Труды Этнограф.-статист. Экспедиціи въ зап.-русскій край“, т. I, стр. 101.

[2]) „Кіевская Старина“ 1889 г., Май и Іюнь, стр. 492.

[3]) „Каганецъ“, каганчикъ“—небольшой глиняный сосудъ или даже и просто черепокъ съ дномъ; его наполняютъ какимъ-нибудь жиромъ, въ жиръ кладутъ—по большей части изъ тряпки—фитиль, однимъ концомъ выходящій на край „каганца“, и употребляютъ для освѣщенія вмѣсто свѣчи или лампы.

[4]) В. Ивановъ, „Жизнь и творчество крестьянъ Харьк. губ.“, т. I, стр. 468.

http://rcin.org.pl

При постройкѣ сараевъ, прежде всего стараются узнать, не занято ли предназначенное для нихъ мѣсто чортомъ. Для этого, передъ тѣмъ какъ приступить къ постройкѣ, кладутъ на ночь во всѣхъ четырехъ углахъ избраннаго мѣста по краюшкѣ хлѣба и по горсти ржи: если хлѣбъ и рожь наутро останутся нетронутыми, то мѣсто годится для постройки. Вообще же, въ сараяхъ, особенно предназначенныхъ для лошадей, всегда обыкновенно поселяется чортъ; а потому, ихъ никогда не нужно освѣщать, а также не слѣдуетъ въ нихъ свистать, чтобы тѣмъ не раздражить дьявола, который, въ отместку, можетъ замучить лошадей [1]).

Но самымъ излюбленнымъ мѣстопребываніемъ чорта, его постояннымъ жилищемъ служитъ мельница. Здѣсь онъ по ночамъ мелетъ табакъ и обыкновенно передразниваетъ людей, ночующихъ на мельницѣ. Въ мельничной печкѣ никогда не слѣдуетъ жарить сала: это очень раздражаетъ чорта, который боится свиней. Одинъ человѣкъ какъ-то зажарилъ было на мельницѣ сало и сталъ его ѣсть. Разгнѣванный чортъ втиснулъ ему въ руку лягушку вмѣсто сала, и человѣкъ этотъ чуть было не проглотилъ ее (Ушицк. у.) [2]).

Вѣтряную мельницу изобрѣлъ и построилъ чортъ; но при этомъ онъ никакъ не могъ нацѣпить на нее крылья, такъ какъ они устраиваются *крестомъ*, и насадить камень, въ отверстіи котораго также есть *крестъ*. Крылья и камень благословилъ, нацѣпилъ и насадилъ уже Самъ Богъ (Маріупольск. у.) [3]). Равнымъ образомъ, чортъ изобрѣлъ и построилъ и водяную мельницу. Все сдѣлалъ онъ, какъ слѣдуетъ, не могъ только сдѣлать снасти, что́ трясетъ корытце,

[1]) П. Чубинскій. „Труды Этногр.-статист. Экспедиціи въ зап.-русскій край", т. I, стр. 104.

[2]) П. Чубинскій, "Труды Этногр.-статист. Этногр. въ зап. русскій край", т. I, стр. 104.

[3]) М. Драгомановъ, „Малорусскія народныя предавія и разсказы", стр. 17.

http://rcin.org.pl

которое виситъ надъ камнемъ, и изъ котораго сыплется на камень зерно,—никакъ не могъ онъ сдѣлать этой снасти. И вотъ, когда мельница, бывало, начинаетъ работать, чортъ становится около ковша да и трясетъ его непрерывно рукою. Наконецъ, это ему надоѣло, и онъ бросилъ совсѣмъ молоть. Тогда Господь послалъ св. Михаила, который и устроилъ нужную снасть; а безъ нея всегда пришлось бы стоять подлѣ ковша особому человѣку и трясти его (Ушицк. у.) [1]).

Такъ какъ мельница служитъ постояннымъ жилищемъ чорта, то изъ нея ничего не слѣдуетъ брать въ домъ, иначе оттуда перейдутъ въ послѣдній и крысы. Дерево изъ мельничной постройки можно употреблять только на помѣщенія для свиней: свиньи въ такихъ помѣщеніяхъ бываютъ плодовиты, какъ крысы, а чортъ въ эти помѣщенія не переходитъ, такъ какъ онъ боится свиней (свинья—миѳическій образъ солнца, чортъ—мрака).

О различныхъ хозяйственныхъ принадлежностяхъ и земледѣльческихъ орудіяхъ въ однихъ мѣстностяхъ (Литинск. у.) говорятъ, будто всѣ онѣ изобрѣтены только уже Соломономъ, въ другихъ же мѣстностяхъ—что ихъ *выдумалъ* Самъ Богъ для пользы человѣка. Изгоняя первыхъ людей, послѣ грѣхопаденія ихъ, изъ рая, Господь далъ Адаму заступъ и грабли и сказалъ: „Иди, Адамъ, землю загребай“. А Евѣ далъ прялку въ руки со словами: „Иди, Ева, пряди“ (Винницк. у.). По другому варіанту, кагда Адамъ былъ изгнанъ изъ рая, то Господь вручилъ ему при этомъ всѣ хозяйственныя орудія и сказалъ: „Такъ какъ ты не хотѣлъ исполнить Мою заповѣдь, то вотъ тебѣ орудія: ступай, живи и обрабатывай землю“ (Ушицк. у.).

Въ частности, о происхожденіи косы разсказываютъ, будто однажды Соломонъ увидѣлъ, что на кузницѣ, покрытой

[1]). П. Чубинскій, „Труды Этногр.-статист. Экспед. въ зап.-русскій край“, т. I, стр. 104.

http://rcin.org.pl

землею, выросла большая трава, и люди силятся встащить на крышу вола, чтобы онъ тамъ поѣлъ траву. Тогда Соломонъ зашелъ въ кузницу, показалъ кузнецу, какъ сдѣлать косу, и, набивши ее на рукоять, заставилъ людей скосить траву и сбросить ее съ крыши на землю волу (Винницк. у.)[1]).

Самому искусству ковать человѣкъ научился у чорта, для чего пришлось употребить нѣкоторую—довольно наивную, впрочемъ—хитрость. Когда человѣку понадобилось въ первый разъ что-то ковать,—разсказываетъ легенда, записанная въ Харьковскомъ уѣздѣ,—онъ не зналъ еще, что нужно при этомъ употреблять песокъ. Приходитъ къ нему во время работы нечистый.—„Что ты дѣлаешь?“—„А вотъ видишь—кую“. Чортъ и думаетъ себѣ: „Ладно! безъ песку онъ, все равно, ничего не подѣлаетъ!“ И пошелъ себѣ прочь. Вотъ человѣкъ коваль, коваль,—а песку не кладетъ: не знаетъ. Ничего у него не выходитъ! Черезъ нѣкоторое время снова является нечистый.—„Ну, что—сдѣлалъ что-нибудь?“—„А то—нѣтъ?“—„Э! да ты, должно быть, песку бросалъ?“—говоритъ чортъ. А тотъ человѣкъ и думаетъ тогда себѣ: „Эге! погоди же!..“ Какъ только ушелъ затѣмъ нечистый, онъ тотчасъ же снова принялся ковать, подбрасывая при этомъ песку,—и пошло у него дѣло на ладъ.—Такъ вотъ и научились люди „ковалювáть“, а то раньше совсѣмъ не умѣли [2]).

Относительно изобрѣтенія воза въ печати намъ извѣстны *двѣ* легенды; обѣ онѣ записаны въ Подольской губерніи. *Первая* легенда разсказываетъ, что „зъ сáмого почáтку свíта“ люди не знали воза, а ѣздили и лѣтомъ и зимою на саняхъ. Не было такого мастера, который могъ бы сдѣлать возъ. Одинъ разъ Богъ и говоритъ св. Петру и Павлу:

[1]) П. Чубинскій, „Труды Этногр.-статистич. Экспедиціи въ зап.-русскій край“, т. I, стр. 107.—Легенда эта очень близко напоминаетъ собою эпизодъ изъ великорусской сказки „Лугонюшка“ (А. Н. Афанасьевъ, „Народныя русскія сказки“, Москва, 1897, т. II, № 227-а, стр. 367.

[2]) Б. Гринченко, „Этнографическіе матеріалы“, вып. I, стр. 9.

http://rcin.org.pl

„Чѣмъ вамъ тутъ слоняться изъ угла въ уголъ, ступайте-ка лучше да поищите такого мастера, который бы сдѣлалъ возъ для людей“. Одѣли на себя Петръ и Павелъ сермяги, взяли по куску хлѣба въ руки и пошли. Идутъ они день, идутъ другой, идутъ и третій. Всюду спрашиваютъ людей: не видали ли они гдѣ такого мастера, который могъ бы сдѣлать возъ?—„Нѣтъ,—говорятъ,—не видали“. Идутъ дальше. Надъ вечеръ приходятъ къ болоту. Видятъ—стоитъ избушка на курьей ножкѣ. Слушаютъ—а въ той избушкѣ „стрелъ, пукъ, тріскъ, крикъ, гамъ, гвалтъ“, точно въ аду. Испугались Петръ и Павелъ и уже хотѣли было дать тягу. Но вотъ страхъ нѣсколько прошелъ, и говорятъ они одинъ другому: „Чего намъ бояться? подойдемъ къ избушкѣ да поглядимъ, что тамъ такое творится?“ Собрались съ духомъ и направились прямо къ избушкѣ. Вошли. Смотрятъ—а тамъ стоитъ чисто и хорошо сдѣланный возъ, на колесахъ, а около него что-то копается еще чортъ. Возъ уже совершенно готовъ, а чортъ все суетится: то потянетъ его сюда, то туда, то въ дверь, то въ окно; а возъ зацѣпится то колесомъ, то дышломъ,—никакъ не можетъ бѣдолака-чортъ выкатить его изъ избушки. Увидѣли святые Петръ и Павелъ, что чортъ никакъ не можетъ выкатить воза изъ избушки, и говорятъ себѣ: „Ну, теперь возъ будетъ нашъ!“—„А что ты, чортъ дѣлаешь тутъ!“—крикнулъ св. Петръ. Чортъ сначала было страшно испугался, услышавши посторонній голосъ; но потомъ, когда увидѣлъ, что это святые Петръ и Павелъ—люди знакомые, оправился и сказалъ: „Да вотъ—сдѣлалъ возъ, а теперь никакъ не могу его выкатить изъ избушки“.—„Эхъ, дуракъ ты, дуракъ! Отдай намъ этотъ возъ, такъ мы его тотчасъ же выкатимъ!“—„А что́ вы мнѣ дадите за него?“—„А что́ тебѣ дадимъ? дадимъ овесъ, ячмень“.—„Ладно, будь по-вашему!“ Петръ и Павелъ разобрали возъ и вынесли его на дворъ. Чортъ увидѣлъ, что возъ уже на дворѣ, и говоритъ: „Теперь, когда возъ на дворѣ, я уже не отдамъ его вамъ“.—„А коли не отдашь, такъ мы тебя перекрестимъ, и

http://rcin.org.pl

тогда не будетъ у тебя ни воза, ни овса".—„Ну,—говоритъ,—берите уже возъ, да только скажите же окончательно, что̀ именно вы даете мнѣ за него?"—„Скажемъ, но только прежде ты сложи его намъ такъ, какъ онъ долженъ быть". Сложилъ чортъ возъ и снова проситъ платы за него.—„Мы сказали тебѣ, что даемъ за твой возъ *очере́тъ*". Пошелъ тогда чортъ въ *очеретъ*, а свв. Петръ и Павелъ завезли возъ людямъ и отдали имъ.—Вотъ откуда пошелъ возъ. Теперь на немъ ѣздятъ всѣ добрые люди; а „ля́хи", паны и богатые мужики въ послѣднее время заводятъ уже себѣ „бричкѝ, нетечáнки, кочабри́ки, каріти",—вишь чего понавыдумали—похитрѣе самого чорта. А чортъ сидитъ себѣ въ *очеретъ* да пугаетъ лягушекъ и тѣхъ людей, которые не боятся Бога [1]).

По *второй* легендѣ, возъ и колеса къ нему чортъ дѣлалъ такъ, чтобы Богъ ничего не видѣлъ, гдѣ-то въ закоулкѣ. Когда возъ былъ уже совсѣмъ готовъ, чортъ никакъ не могъ вывезть его изъ закоулка. Приходитъ къ нему Богъ и спрашиваетъ: „Что ты тутъ, Иродъ, дѣлаешь?"—„Да вотъ сдѣлалъ возъ, чтобы людямъ было на чемъ ѣздить".—„А ну, вывези-ка свой возъ на улицу". „Иродъ" мучился, мучился,—не можетъ вывезть того воза, потому что закоулокъ, въ которомъ онъ его сдѣлалъ, былъ слишкомъ тѣсный—возъ никакъ не выходилъ изъ него. Богъ и говоритъ тогда ему: „Дуракъ же ты, Иродъ, какъ погляжу Я на тебя: разбери возъ по частямъ, такъ и вынесешь; а потомъ сложишь снова". „Продъ" такъ и сдѣлалъ; однако, послѣ никакъ уже не могъ сложить его. Что̀ ужъ ни дѣлалъ, какъ ни мучился, а все не могъ сложить такъ, какъ сдѣланъ былъ возъ сперва-начала. А Богъ глядитъ все на чорта да только посмѣивается. Наконецъ, „Продъ" страшно разсердился, покинулъ возъ и удралъ. Тогда Богъ послалъ св. Михаила сложить

[1]) П. Чубинскій, „Труды Этногр.-статист. Экспедиціи въ зап.-русскій край", т. I, стр. 105—106.

http://rcin.org.pl

возъ; св. Михаилъ и сложилъ его въ такомъ видѣ, какъ вотъ мы теперь ѣздимъ [1]).

Въ Литинскомъ уѣздѣ изобрѣтеніе воза приписываютъ Соломону и при этомъ разсказываютъ, что когда потомъ Соломонъ ѣхалъ на изобрѣтенномъ имъ возѣ, то самъ удивлялся, что переднія колеса, сколько ни катятся во время ѣзды, никакъ не могутъ уйти отъ заднихъ, а заднія никакъ не могутъ догнать переднихъ [2]).

Честь изобрѣтенія стекла украинскія легенды оспариваютъ у финикійцевъ и приписываютъ *чумакамъ*. Взяли однажды чумаки селитру въ кускахъ, и пришлось имъ ночевать на такомъ мѣстѣ, гдѣ былъ сплошной песокъ. Стали они варить ужинъ. Одинъ чумакъ снялъ съ своего воза два куска селитры, положилъ ихъ на пескѣ, развелъ между ними огонь, а сверху поставилъ „казанóкъ“ (котелокъ). Поужинавши, легли всѣ спать. Рано утромъ чумакъ тотъ хотѣлъ было положить свою селитру на возъ, когда видитъ—а тамъ, гдѣ былъ разложенъ огонь, лежитъ что-то совсѣмъ не такое, какъ селитра. Онъ тогда давай звать: „Ребята, ребята! гляньте-ка, чтó оно такое *стеклó*?“ Подошли другіе чумаки и стали разсматривать. А потомъ и догадались, что такъ какъ селитра и песокъ сильно раскалились отъ жару, то изъ нихъ и сдѣлалось то, что́ ихъ такъ удивило.—„Такъ пусть же оно и зовется *стеклó*!“—сказалъ тотъ чумакъ, который увидѣлъ. Съ тѣхъ поръ люди и научились дѣлать стекло, а раньше не умѣли (Харьк. у.) [3]).

Ко всѣмъ позднѣйшимъ открытіямъ и изобрѣтеніямъ на Украйнѣ и теперь еще во многихъ мѣстахъ относятся съ замѣтнымъ недовѣріемъ и при оцѣнкѣ ихъ употребляютъ, такъ сказать, религіозный масштабъ. Такъ, напр., въ керо-

---

[1]) П. Чубинскій, „Труды Этнограф.-статист. Экспедиціи въ зап.-русскій край“, т. I, стр. 106.

[2]) Тамъ же.

[3]) Б. Гринченко, „Этнографическіе матеріалы“, вып. I, стр. 9—10.

http://rcin.org.pl

сиѣ видятъ чортову огненную воду, которая начинаетъ выступать изъ ада; прежде, когда люди были благочестивѣе. эта вода не смѣла выступать на поверхность земли, теперь же, вслѣдствіе все увеличивающейся грѣховности ихъ, она распространяется болѣе и болѣе, и настанетъ, наконецъ, время, когда эта чортова огненная вода покроетъ собою всю землю, и тогда будетъ Страшный судъ.—Относительно жежѣзной дороги и телеграфа говорятъ, что это сбываются слова Свящ. Писанія: „оснуѣться свѣтъ дротами („дротъ“—проволока), і будуть бігать огненні колесниці“ (Харьк. губ.) и т. п. [1]). Въ частности, относительно желѣзной дороги въ Старобѣльскомъ уѣздѣ существуетъ легенда, что ее *выдумалъ*, при помощи злого духа, какой-то безнравственный человѣкъ, острожникъ. Онъ, будто бы, провалился на какой-то горѣ въ землю, увидѣлъ тамъ *машину* (паровозъ), разсмотрѣлъ ее хорошенько, и потомъ, когда вылѣзъ на свѣтъ Божій, сдѣлалъ и себѣ такую же. На первыхъ порахъ при постройкѣ желѣзной дороги люди, по условію съ нечистою силою, клали подъ шпалы живыхъ дѣтей, „шобъ машина лучче и скорішъ ходила“. Многіе въ то время говорили, будто они сами видѣли „на машині“ чорта, чернаго, какъ уголь, только глаза да зубы у него блестятъ (очевидно, рѣчь идетъ о кочегарѣ) [2]).—Во всемъ этомъ нельзя не видѣть того глубокаго консерватизма, той чисто инстинктивной боязни всякаго новшества, которыми до извѣстной степени отличается вообще простой народъ, въ особенности же народъ русскій.

---

[1]) М. Драгомановъ, „Малорусскія народныя преданія и разсказы“, стр. 19.

[2]) В. Ивановъ, „Жизнь и творчество крестьянъ Харьковской губерніи“, т. I, стр. 398.

http://rcin.org.pl

Украинскія народныя сказанія и преданія о легендарныхъ людяхъ и народахъ.

Среди всѣхъ другихъ украинскихъ космогоническихъ сказаній и преданій довольно видное мѣсто занимаютъ сказанія о легендарныхъ людяхъ и народахъ.

Источниками свѣдѣній о различныхъ чудовищныхъ легендарныхъ людяхъ и народахъ,—какъ, напр., кинокефалахъ (песиголовцахъ), циклопахъ, одноглазыхъ, одноногихъ, безбородыхъ, зонтиконогихъ, великанахъ, пигмеяхъ и т. п.,—служили въ древнемъ греко-римскомъ мірѣ сочиненія писателей Плинія, Ацила Геллія, Солина Полцгистера, Филострата и нѣк. др., которые сами заимствовали значительную часть своихъ разсказовъ у египтянъ и индійцевъ. Въ христіанской литературѣ первыхъ вѣковъ всѣ эти разсказы свелъ во-едино блаж. Августинъ, присовокупивши отъ себя лично разсужденія о томъ, какъ произошли эти чудовища отъ Адама и Ноя [1]). Многіе изъ такихъ разсказовъ нашли себѣ мѣсто въ „Александреидѣ“, въ которой разсказывалось объ Александрѣ Македонскомъ, что онъ искалъ средства увидать „морскія глубины и небесныя высоты“ [2]) и во время своихъ походовъ встрѣчалъ различныхъ необыкновенныхъ людей, между прочимъ—циклоповъ и людей съ собачьими голо-

[1]) De civitate Dei, VI, I.

[2]) Ягичъ, „Исторія сербо-хорватской литературы“. стр. 118.

http://rcin.org.pl

вами [1]). При самомъ началѣ письменности на Украйнѣ здѣсь уже были въ ходу образы изъ круга сказаній объ Александрѣ Македонскомъ, сведенныхъ въ книгѣ такъ называемаго Псевдо-Каллисоена. Распространялась „Александреида“ и въ позднѣйшихъ украинскихъ переводахъ, образецъ которыхъ хранится и теперь въ Императорской Публичной Библіотекѣ, въ С.-Петербургѣ. Кромѣ „Александреиды“, въ средніе вѣка греко-латинскіе образы о кинокефалахъ, людоѣдахъ и т. п. разносились по Европѣ спеціальными космографіями, снабженными картами. Такія космографіи издавна заходили и въ русскія области [2]). Въ извѣстномъ изслѣдованіи г. Ровинскаго—„Русскія народныя картинки“, на 267—268 стр. II-го тома приведены слѣдующія извлеченія изъ „Книги глаголемой Козмографіи“, которая „переведена съ римскаго языка“: „(30). Островъ живутъ на немъ люди главы у нихъ видомъ песьи человецы велицы и страшливые... (31). Островъ на немъ живутъ людие власы у нихъ имеютъ видомъ львовы велицы і страшны зело воудивленне (32). Островъ пустъ живутъ на немъ змиі лице девичье до пупа человѣкъ а отъ пупа у нихъ и хоботъ змиевъ крылати и зовемы василиски. (33). Островъ и живутъ на немъ люди человѣкоятцы былъ въ немъ святы апостолъ андреи первозванныи и вера у нихъ кумирская“... Всѣ эти острова „Козмографія“ помѣщаетъ какъ-разъ тамъ, гдѣ классическія басни помѣщали кинокефаловъ и другихъ подобныхъ фантастическихъ народовъ, именно—на Южномъ океанѣ, между Индіей и Египтомъ.

Изъ фантастическихъ, легендарныхъ людей и народовъ украинскія преданія знаютъ песиголовцевъ-людоѣдовъ, великановъ и пигмеевъ, морскихъ и лѣсныхъ людей. Нѣкоторые разсказы о нихъ, какъ увидимъ ниже, слились съ разсказами о Соломонѣ, другіе бытуютъ самостоятельно.

---

[1]) Пыпинъ, „Очеркъ литер. исторіи старинн. повѣстей и сказокъ русскихъ“, стр. 29, 37.

[2]) „Кіевская Старина“ 1883 г., Декабрь, стр. 556—557.

http://rcin.org.pl

Сказанія о песиголовцахъ въ Греціи пріурочены были къ древнимъ миѳическимъ гигантамъ. Средневѣковые писатели разумѣли подъ ними то гунновъ, то татаръ, большею же частію—народъ совершено особый, кровожадный. Лангобарды во время войны съ усипетами обманули послѣднихъ извѣстіемъ, будто имъ обѣщали свою помощь Песьи Головы: такъ сильно было въ то время въ Европѣ вѣрованіе въ дѣйствительное существованіе песиголовцевъ. О нихъ разсказывали, какъ о чудовищахъ, отличавшихся невѣроятною жестокостью: подобно вампирамъ, они пили кровь враговъ своихъ, если же не удавалось настигнуть враговъ, въ такомъ случаѣ пили свою собственную кровь.

На Украйну сказанія о великанахъ, пигмеяхъ и песиголовцахъ проникли, безъ сомнѣнія, *троякимъ* путемъ. И прежде всего, нѣкоторыя черты песиголовцевъ позаимствованы, вмѣстѣ съ представленіями вообще о „вéлитяхъ“ (великанахъ), изъ апокрифовъ. Въ первые вѣка христіанства пользовалась большимъ вниманіемъ церковныхъ писателей апокрифическая „Книга Эноха“. Апокрифъ этотъ въ полномъ своемъ видѣ сохранился только въ Абиссиніи, на эѳіопскомъ языкѣ, но небольшіе, и притомъ въ нѣсколько измѣненномъ видѣ, отрывки изъ него встрѣчаются и въ славянскихъ рукописяхъ и черезъ старинныхъ грамотеевъ легко и свободно могли проникнуть въ народную среду. Въ *седьмой* же *восьмой*, *девятой и десятой* главѣ „Книги Эноха“ заключается слѣдующій разсказъ о древнихъ исполинахъ, породившій собою цѣлую семью украинскихъ народныхъ разсказовъ объ Адамовыхъ людяхъ исполинскаго роста и о песиголовцахъ-людоѣдахъ [1]). „Послѣ того какъ размножились сыны человѣческіе, у нихъ родились красивыя дочери. И когда сыны неба, ангелы, увидѣли ихъ, то плѣнились ими и сказали

[1]) Пересказъ названныхъ главъ изъ „Книги Эноха“ заимствуемъ изъ изслѣдованія проф. И. Порфирьева: „Апокрифическія сказанія о ветхозавѣтныхъ лицахъ и событіяхъ“ (стр. 201—202).

http://rcin.org.pl

другъ другу: выберемъ себѣ женъ изъ племени людей и родимъ дѣтей". Главнымъ начальникомъ и вождемъ этихъ ангеловъ представляется Samyaza; въ числѣ 200 они сошли на гору Ardes (Aradis), которая составляетъ вершину горы Armon (Hermon) [1]; эта гора называется такъ потому, что они поклялись на ней и связали себя взаимными клятвами. Всѣхъ вождей ангеловъ было 18: Samyaza, который былъ главнымъ начальникомъ, Urakabarameel, Akibeel, Tamiel, Ramuel, Danel, Azkeel (Ezekeel), Sarakuyal, Asael, Armers, Batraal, Ananе, Zarebe, Samsareel, Ertael (Sartael), Turel, Iomiael, Arazeal... Отъ совокупленія этихъ ангеловъ со дщерями человѣческими родились *исполины*. Величина ихъ была 30 локтей. Они пожирали все, что производили труды людей, такъ что скоро нечѣмъ было кормить ихъ; они бросались на птицъ, звѣрей, пресмыкающихся и рыбъ, питались ихъ мясомъ и пили ихъ кровь. Тогда земля возстала противъ беззаконныхъ. Отъ падшихъ ангеловъ развращеніе распространилось по всей землѣ. Затѣмъ въ „Книгѣ" указывается, какой ангелъ чему научилъ людей. Azaziel научилъ людей дѣлать мечи, шпаги, ножи, щиты, брони, зеркала, браслеты и разныя украшенія; научилъ расписывать брови, употреблять драгоцѣнные камни и всякаго рода украшенія, такъ что земля развратилась. Amazarak научилъ волшебству и очарованіямъ и открылъ силу и свойства корней. Armers научилъ искусству разрушать волшебство. Barkayal научилъ наблюдать звѣзды, Akibeel—употреблять магическіе знаки, Tamiel научилъ астрономіи, Asaradel научилъ узнавать обращенія луны. Угнетаемые исполинами, люди возвысили свой голосъ,—и голосъ ихъ дошелъ до неба. Тогда Михаилъ, Гавріилъ, Рафаилъ, Суріилъ и Урінлъ посмотрѣли на землю и увидѣли потоки крови и всякія злодѣянія. Земля, лишенная чадъ своихъ, возвысила свой голосъ даже до вратъ неба [2]). Ангелы возвѣстили Всевыш-

[1]) *Ермонъ*—южный строгъ Антиливана (Ins. Nav., 11, 3)

[2]) Жалоба земли на беззаконія людей изображается также и въ апокрифѣ—„Слово о видѣніи ап. Павла".

http://rcin.org.pl

нему о томъ, что́ сдѣлали падшіе ангелы. „Вся земля,—сказали они,—наполнилась кровію и нечестіемъ. И вотъ, души умершихъ вопіютъ, и вопль ихъ доходитъ до вратъ неба... Люди не могутъ спастись отъ нечестія, которое покрываетъ лице земли. Ты знаешь всѣ дѣла прежде ихъ начала; Ты все знаешь, что они произвели, и Ты ничего не говоришь намъ: что́ мы должны сдѣлать имъ за такія беззаконія?“ Тогда Всевышній послалъ Arsajalaljur'a къ сыну Ламеха. „Возвѣсти ему,—сказалъ Онъ,—отъ Моего имени объ угрожающемъ великомъ разрушеніи; ибо вся земля погибнетъ; воды потопа разольются по всей землѣ, и все, что на ней, погибнетъ. Но ты укажи ему, какъ онъ можетъ спастись, и скажи ему, что родъ его распространится по всей землѣ“. Потомъ Господь сказалъ Рафаилу: „Свяжи Азазіэля [1]) и брось его во тьму и заключи (прогони) въ пустыню, которая находится въ Dudael; пошли на него дождь изъ тяжелыхъ и острыхъ камней; окружи его тьмою... пусть онъ никогда не видитъ свѣта, и когда настанетъ день суда, прикажи ввергнуть его въ огонь“. Гавріилу Господь сказалъ: „Пойди къ злымъ и развращеннымъ, къ сынамъ прелюбодѣянія, истреби поколѣніе стражей (vigilum) изъ среды людей; вооружи ихъ другъ противъ друга; пусть они погибнутъ отъ своихъ собственныхъ рукъ; дни ихъ скоро прекратятся“. Михаилу Господь сказалъ: „Пойди и возвѣсти Samyaza о наказаніи, которое ожидаетъ его и всѣхъ тѣхъ, которые приняли участіе въ его преступленіи, соединились съ женами и погрязли во всякой нечистотѣ... свяжи ихъ подъ землею на 70 родовъ до дня суда и разрушенія, до послѣдняго всеобщаго суда... Тогда они будутъ брошены въ пропасти огненныя на мученіе и будутъ заключены тамъ на всю вѣчность... Погуби и всѣ души, преданныя нечестивымъ удовольствіямъ, истреби поколѣніе стра-

[1]) Именемъ *Азазель* въ книгѣ Левитъ (16, 8), по еврейскому тексту, называется *козелъ отпущенія*. У магометанъ *Азазель*—имя высшаго ангела, который послѣ паденія названъ сатаною. Въ славянскомъ апокрифѣ объ Авраамѣ именемъ *Азазила* называется также злой духъ, діаволъ.

http://rcin.org.pl

жей, ибо они угнетали сыновъ человѣческихъ; погуби всякаго притѣснителя; уничтожь всякое злодѣяніе". Затѣмъ возвѣщаются обѣтованія и награды людямъ праведнымъ [1]).

Къ приведеннымъ нами главамъ „Книги Эноха" примыкаетъ нѣсколько разсказовъ о „вéлитняхъ" и пигмеяхъ, записанныхъ преимущественно въ Подольской губерніи, при чемъ украинская народная словесность знаетъ великановъ какъ миѳическихъ (исключительно въ сказкахъ: говорить объ этихъ великанахъ совсѣмъ не входитъ въ наши задачи), такъ и археологическихъ и литературныхъ, или апокрифическихъ. „Вéлитні", или *Адамовы люди* жили на Украинѣ. Они насыпали валы и высокіе курганы въ украинскихъ степяхъ. Это племя первобытныхъ великановъ было могущественно. Богъ разгнѣвался на нихъ за то, что они забыли Его законъ и жили въ порокахъ, ссорились между собою, проливали кровь, какъ воду, и рѣшилъ совершенно уничтожить ихъ. Долго думалъ Богъ, какъ ихъ уничтожить: но ничего не могъ придумать. Тогда Онъ спросилъ совѣта у царя „иншої (другой) землі". А царь этотъ былъ великанъ съ двумя головами. Онъ посовѣтовалъ Богу послать такой потопъ, чтобы вода залила всю землю, за исключеніемъ одного высокаго кургана, который царь оставилъ себѣ для спасенія. Богъ послѣдовалъ этому совѣту, и великаны были потоплены. Погибли также двухголовые люди „иншихъ земель", и остался въ живыхъ только ихъ царь, бывшій на курганѣ. Онъ спалъ во время потопа; когда затѣмъ онъ проснулся, то увидѣлъ, что остался всего съ одною только головою: Богъ наказалъ его за то, что онъ далъ столь жестокій совѣтъ для истребленія своихъ братьевъ. Отъ этого царя пошелъ родъ людской, такой же по росту и внѣшнему виду, какъ и нынѣ живущіе люди [2]).

---

[1]) Сп. И. Нарфирьевъ, „Апокрифическія сказанія по Солов. рукописямъ", стр. 51, 107.

[2]) „Кіевская Старина" 1887, Іюнь и Іюль, стр. 252—253 (Novosielski, „Lud ukraiński", т. II, стр. 11—12).

http://rcin.org.pl

По другому разсказу, когда-то (до потопа) были такіе громадные люди, что, бывало, по лѣсу ходили, какъ по травѣ. Когда уже повелись нынѣшніе люди, одинъ изъ великановъ гдѣ-то набрелъ на „нашего плугатаря зъ волами, зъ плугомъ і погоничемъ“. Забралъ онъ ихъ всѣхъ къ себѣ на ладонь и принесъ къ своему отцу.—„А посмотри,—говоритъ,—батюшка, какихъ я нашелъ мышоночковъ (варіантъ-червячковъ)“. Отецъ глянулъ да и говоритъ: „Не мышоночки это, сынокъ, а это такіе люди, которые послѣ насъ будутъ“. Вотъ теперь и настало наше поколѣніе, а про великановъ больше уже и помину нѣтъ, только гдѣ-то въ церкви,—не то въ Кіевѣ, не то въ Львовѣ,—стоитъ тамъ нога одного великана—такая, говорятъ, громадная, что достаетъ до самой „бані“ (купола). Вотъ какіе были когда-то люди!.. А то еще говорятъ, что послѣ насъ (варіантъ—послѣ Страшнаго суда) будутъ такіе маленькіе люди, что въ нашихъ печахъ ихъ будетъ разомъ 12 человѣкъ молотить [1]).

Вторымъ путемъ, которымъ проникали на Украйну сказанія собственно о песиголовцахъ-людоѣдахъ, было распространеніе среди народа черезъ древнихъ грамотеевъ отдѣльныхъ эпизодовъ „Александреиды“ и даже „Одиссеи“ (пребываніе Одиссея на островѣ циклоповъ—Сициліи и убіеніе имъ Полифема). Такъ, „Александреида“ разсказываетъ, между прочимъ, о борьбѣ Александра Македонскаго съ песиголовцами [2]) и съ *дивами*, т. е. великанами, которыхъ онъ заклю-

---

[1]) М. Драгомановъ, „Малорусскія народныя преданія и разсказы“, стр. 383; П. Чубинскій, „Труды Этногр.-статист. Экспед. въ зап. русскій край“, т. I, стр. 212, 216; „Кіевская Старина“ 1885 г., Сентябрь, стр. 186.

[2]) Проф. Н. П. Петровъ высказываетъ весьма вѣроятное предположеніе, что *песиголовцы* „Александреиды“, *можетъ быть*, просто обыкновенные люди изъ восточныхъ народовъ, которые и теперь, по отзывамъ путешественниковъ, идеаломъ тѣлесной красоты считаютъ остроконечную голову, похожую на собачью, и при рожденіи ребенка стараются сплюснуть ему темя и заострить его („Труды Кіевской Дух. Академіи“ 1877 г., т. I, стр. 569).

http://rcin.org.pl

чилъ въ каменныя горы: „и взиде (Александръ) на восточныя страны до моря, наричемое Солнче мѣсто, и видѣ ту человѣкы нечистыя... убояся, еда како умножаться и осквернять землю, и загна ихъ на полунощныя страны въ горы высокія; и Богу повелѣвшію, сступишася о нихъ горы полунощныя, токмо не сступишася о нихъ горы на 12 локтей—и ту створишася врата мѣдяна и помазашася сунклитомъ, и аще хотятъ огнемъ взяти—не возмогуть и женци; въ послѣдняя же дни... изидуть и си скверніи языкы“ [1]). Предки наши указывали на разныя горы, какъ на мѣста заключенія „нечистыхъ языковъ“. Стариный лѣтописецъ записалъ слѣдующій разсказъ новгородца Гюряты Роговича. Послалъ Гюрята отрока своего въ Югорскую землю. „Югра же рекоша отроку: дивьно мы находихомъ чудо... суть горы зайдуче луку моря, имъ же высота ако до небесе, и въ горахъ тѣхъ кличь великъ и говоръ, и сѣкутъ гору, хотяще высѣчися; и въ горѣ той просѣчено оконце мало, и тудѣ молвять, и есть не розумѣти языку ихъ, но кажуть на желѣзо и помавають рукою, просяще желѣза. Есть же путь до горъ непроходимъ пропастьми, снѣгомъ и лѣсомъ, тѣмъ же не доходимъ ихъ всегда; есть же и подаль на полунощіи“ [2]). По поводу этого разсказа лѣтописецъ замѣчаетъ: „си суть людіе, заклепаніи Александромъ Македонскимъ царемъ“. Въ путешествіи Василія Гогары (1634 г.) читаемъ: „Да въ той же грузинской землѣ межъ горами высокими и снѣжными въ непроходимыхъ мѣстѣхъ есть щели земныя, и въ нихъ загнаны дивіе звѣри *Гогъ* и *Магогъ* [3]), а загналъ тѣхъ звѣрей Александръ Маке-

[1]) Пыпинъ. „Очеркъ литерат. исторіи стар. повѣстей и сказокъ“. гл. I.

[2]) Въ „Лѣтописцѣ Переяславскомъ“, 51, говорится: „тамо бо лѣто не бываетъ на самой полунощи“.

[3]) Заимствуетъ у проф. И. Ѳ. Сумцова слѣдующую справку о Гогѣ и Магогѣ. Гогъ упоминается у прор. Іезекіиля (гл. 38 и 39), какъ завоеватель, поселившійся въ землѣ Магога. Тайновидецъ Іоаннъ, говоря о временахъ антихриста, также упоминаетъ Гога и Магога (Апок. 20, 8).

http://rcin.org.pl

донскій". Въ устахъ великорусскаго народа басня о народахъ, заклепанныхъ въ горахъ Александромъ Македонскимъ, получила такой видъ. „Жилъ на свѣтѣ царь: имя его было Александръ Македонскій. Это было въ старину, давно-давно, такъ что ни дѣды, ни прадѣды, ни прапрадѣды, ни пращуры наши не запомнятъ. Царь этотъ былъ изъ богатырей богатырь. Никакой силачъ въ свѣтѣ не могъ побѣдить его. Онъ любилъ воевать, и войско у него было все начисто богатыри. На кого ни пойдетъ войною царь Александръ Македонскій—все побѣдитъ. И покорилъ онъ подъ свою власть всѣ царства земныя. И зашелъ онъ на край свѣта и нашелъ такіе народы, что самъ, какъ ни былъ храбръ, ужаснулся ихъ: свирѣпы пуще лютыхъ звѣрей, и ѣдятъ живыхъ людей; у иного изъ нихъ одинъ глазъ—и тотъ во лбу, а у иного три глаза; у иного одна только нога, а у иного три, и бѣгаютъ они такъ быстро, какъ летитъ изъ лука стрѣла. Имя этихъ народовъ было: гоги и магоги. Однакожъ, царь Александръ Македонскій отъ этихъ дивіихъ народовъ не струсилъ; началъ онъ съ ними воевать. Долго ли, коротко ли онъ съ ними велъ войну—это невѣдомо; только дивіи народы струси-

---

По свидѣтельству Плинія (кн. V, стр. 25), подъ именами Гога и Магога разумѣлись иногда цари Ассиріи и окрестныхъ странъ. Но въ пророчествѣ заключается иносказаніе, и учители Церкви его прилагаютъ то къ туркамъ, ведущимъ брань съ христіанами, то къ скиѳамъ (Плюшаръ, „Энциклопедическій Словарь", т. XIII, стр. 325). Въ „Мессіи Правдивомъ" Галятовскаго Гогъ и Магогъ упоминаются въ изъясненіи 6 и 18 пророчествъ—въ первомъ случаѣ въ значеніи народовъ, заключенныхъ въ горы Александромъ Македонскимъ, во второмъ—Гогъ въ значеніи антихриста, а Магогъ—его воинства. Въ концѣ міра Іисусъ поразитъ Гога и Магога на Елеонской горѣ, при чемъ на полѣ битвы будетъ столько копій и луковъ, что евреи могли бы отопиться ими вмѣсто дровъ въ теченіе семи лѣтъ. Въ „Вѣнцѣ Вѣры" Симеона Полоцкаго излагаются различныя мнѣнія церковныхъ писателей о Гогѣ и Магогѣ. По однимъ, Гогъ и Магогъ—заклятые народы, запертые въ горахъ; другіе подъ именемъ Гога разумѣли подданныхъ антихриста, дѣйствующихъ противъ христіанъ тайно, а подъ именемъ Магога—слугъ антихриста, дѣйствующихъ противъ нихъ же открыто („Кіевская Старина" 1887 г., Ноябрь, стр. 454—455).

http://rcin.org.pl

ли, и пустились отъ него бѣжать. Онъ за ними, гнать-гнать, и загналъ ихъ въ такія трущобы, пропасти и горы, что ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ написать. Тамъ-то они и скрылись отъ царя Александра Македонскаго. Что же сдѣлалъ съ ними царь Александръ?—Онъ свелъ надъ ними одну гору съ другою сводомъ, и поставилъ на сводѣ трубы, и ушелъ назадъ въ свою землю. Подуютъ вѣтры въ трубы, и подымется страшный вой; они, сидя тамъ, кричатъ: „О, видно, еще живъ Александръ Македонскій!“ Эти гоги и магоги до сихъ поръ еще живы и трепещутъ Александра, а выйдутъ оттудова передъ самою кончиною свѣта“ [1]).

Но особенно закрѣпленію вѣры въ народѣ въ существованіе песиголовцевъ-людоѣдовъ способствовала церковная живопись и иконопись. Въ изслѣдованіи г. Ровинскаго помѣщено описаніе Страшнаго суда по Клинцовскому *подлиннику* съ такими словами: „На сторонѣ Моисей показываетъ жидамъ Христа... 1) стоятъ жидове, 2) стоятъ Литва, 3) синіе аравляне, 4) индіяне, 5) измаилтенѣ, *песіи главы*, 6) турцы, 7) срацины, 8) нѣмцы, 9) ляхи, 10) русь“ [2])... Изображеніе *песьихъ головъ* встрѣчается въ старинныхъ русскихъ миніатюряхъ [3]). Равнымъ образомъ, изображеніе человѣка съ собачьей или волчьей головой, и притомъ великана, наши предки видѣли въ церквахъ, въ иконномъ изображеніи муч. Христофора. Святой этотъ, по греческимъ легендамъ, выводится изъ страны кинокефаловъ-песиголовцевъ онъ и началъ говорить почеловѣчески только тогда, когда ангелъ коснулся его губъ. Этотъ геркулесъ христіанскихъ легендъ изображался на православномъ Востокѣ не только великаномъ, но на подобіе египетскаго шакалоголоваго Анубиса, слуги Гороса, сына

[1]) А. Н. Аѳанасьевъ, „Народныя рускія сказки“, т. II, № 183 стр. 276.

[2]) „Русскія народныя картинки“, т. IV, стр. 644.

[3]) Снимокъ съ одной такой миніатюры изъ рукописнаго Апокалипсиса XVI в. можно видѣть во II т. „Историческихъ очерковъ“ Буслаева, стр. 147.

http://rcin.org.pl

Озирисова. Такъ изображался онъ у насъ на старинныхъ иконахъ, согласно съ проложными житіями его [1]).

Въ настоящее время въ печати уже извѣстно свыше пяти украинскихъ сказаній, записанныхъ въ разныхъ мѣстностяхъ. Въ Маріупольскомъ уѣздѣ разсказываютъ, что когда-то было такое время, когда совсѣмъ не было смерти, а вмѣсто смерти жили песиголовцы, съ однимъ глазомъ. Бывало.

[1]) Acta Sanctarum, изд. Балландистовъ, 25 іюля.—Въ цитованномъ нами выше изслѣдованіи г. Ровинскаго помѣщены два изображенія муч. Христофора съ волчьей головой, сдѣланные въ Россіи еще въ XIII в. (III, 634 и IV, 772).—Содержаніе *легенды* о св. Христофорѣ исполнено высокой поэзіи. Въ давнія времена жилъ на свѣтѣ славный великанъ Оферушъ. Оферушъ былъ такого огромнаго роста, что когда умерла его мать, и Оферушъ, желая насыпать надъ нею могильный курганъ, набралъ въ свой сапогъ земли и вытрясъ ее затѣмъ на трупъ усопшей, то вмѣсто кургана возпеслась гора подъ самыя облака, а тамъ, откуда взялъ онъ землю, образовалась пропасть на столько же миль глубиною, на сколько новая гора высилась надъ земною поверхностью. Оферушъ усѣлся надъ пропастью и горько-горько плакалъ; слезы его струились въ бездну и образовали море: оттого-то морская вода горька и солена, какъ слезы. Задумалъ Оферушъ поискать себѣ господина, сильнѣе котораго не было бы никого на свѣтѣ. Прежде всего поступилъ онъ на службу къ одному „могучему“ королю; но король этотъ боялся нечистаго, и Оферушъ перешелъ на службу къ чорту. Оказалось, что и чортъ не безъ страха—что онъ боится крестнаго знаменія. Тогда великанъ покинулъ его и пошелъ искать Христа. Встрѣтившись съ убогимъ пустынникомъ, Оферушъ обратился къ нему съ вопросомъ: „Гдѣ Христосъ?“—„Вездѣ“, отвѣчалъ пустынникъ.—„Какъ же мнѣ служить Ему?“—„Молись и трудись“. Оферушъ не умѣлъ молиться, но зато готовъ былъ на самые тяжкіе труды. Пустынникъ привелъ его къ бурному, стремительному потоку, въ глубинѣ котораго тонулъ всякій, кто только хотѣлъ переправится на другую сторону.—„Тебѣ даны исполинское тѣло и необыкновенная крѣпость силъ,—сказалъ пустынникъ:—переноси на своихъ плечахъ пилигримовъ черезъ воды потока. Твори это во имя Христа, и Онъ приметъ тебя Своимъ слугою“. Съ той поры и днемъ и ночью великанъ переносилъ черезъ потокъ странствующихъ богомольцевъ, опираясь на огромную сосну, которая служила ему посохомъ. Разъ ночью, утомленный дневнымъ трудомъ, Оферушъ крѣпко заснулъ. Вдругъ сквозь сонъ ему послышался голосъ Ребенка, трижды назвавшій его по имени. Великанъ всталъ, посадилъ Ребенка къ себѣ на плечо и пошелъ въ воду. Прежде вода едва доходила ему до колѣнъ, но теперь волны вздымались все выше и выше и съ бѣшенствомъ били о крутые бе-

http://rcin.org.pl

поймаютъ песиголовцы человѣка, забросятъ его въ яму да и откармливаютъ тамъ конфетами и пряниками, пока онъ не разжирѣетъ, какъ откормленная свинья. Тогда полѣзутъ въ яму, пощупаютъ его за бока—много ли наросло сала: если можно прощупать до кости, то, значитъ, еще онъ не упитался, какъ слѣдуетъ; а если прощупать до кости нельзя, въ такомъ случаѣ дѣлаютъ ему надрѣзъ на пальцѣ: покажется кровь—еще прикармливаютъ, а не покажется—значитъ, онъ ужъ совсѣмъ готовъ, и тогда его рѣжутъ. Извѣстно, песиголовцы: возьмутъ да и съѣдятъ человѣка. Стали тогда люди Бога просить, чтобы послалъ на нихъ смерть. Богъ смиловался и послалъ страшную смерть съ косою. Заходилась смерть около песиголовцевъ и давай ихъ перебирать,—совсѣмъ посводила со свѣту. Старые люди говорятъ, что и до сихъ поръ еще есть та земля, гдѣ жили песиголовцы, но только песиголовцевъ осталось уже мало: попереводились [1]).

Въ Ушицкомъ уѣздѣ песиголовцевъ называютъ „сироідами“ и говорятъ, что у нихъ одна только рука, одна нога и одинъ глазъ. „Сироіди“ цѣпляются одинъ за другого и бѣгаютъ такъ быстро, что отъ нихъ очень трудно уйти. Если они поймаютъ обыкновеннаго человѣка, то тотчасъ же рѣжутъ его и съѣдаютъ. Живутъ „сироіди“ въ „Турѣтчині, за Дунаемъ“. Въ с. Капустяномъ указывали одного солдата, который попался было „сироідамъ“. Солдатъ во всемъ былъ послушенъ имъ: усердно работалъ, копалъ землю и коренья,

---

рега. Оферушъ почувствовалъ на себѣ страшную тяжесть, согнулся подъ Ношею и со страхомъ сказалъ: „О Дитя! отчего Ты такъ тяжело, какъ будто бы я поднялъ на свои ремена цѣлый міръ?“—„Ты поднялъ Того, Кто сотворилъ міръ“, отвѣчалъ Младенецъ-Христосъ (то былъ Онъ).—Окрещенный Самимъ Спасителемъ во имя Отца и Сына и Св. Духа, великанъ сталъ называться съ того времени *Христоφоромъ*, т. е. „носителемъ Христа“ (А. Аѳанасьевъ, „Поэтическія воззр. славянъ на природу“, т. I, стр. 722—723).

[1]) М. Драгомановъ, „Малорусскія народныя преданія и разсказы“, стр. 2.

http://rcin.org.pl

и „спроіди“, наконецъ, убѣдились, что онъ отъ нихъ не уйдетъ. Однажды солдатъ пошелъ въ лѣсъ съ маленькимъ ребенкомъ своихъ хозяевъ и убѣжалъ. Такъ какъ тамъ большіе лѣса, то солдатъ вынужденъ былъ нѣсколько ночей провести на деревьяхъ. Шелъ онъ, самъ не зная куда, и вдругъ наткнулся на своихъ товарищей-солдатъ, и такимъ образомъ спасся [1]).

Про подобное же приключеніе „одного́ изъ рускихъ людей“ разсказываютъ и въ Сумскомъ уѣздѣ. Когда-то,—говорятъ,—на свѣтѣ было много людоѣдовъ, или песиголовцевъ. У нихъ не такъ, какъ у насъ—два глаза, а всего только былъ одинъ, громадный-прегромадный, больше, чѣмъ у вола, да и тотъ посреди лба. Они часто захватывали *бѣлыхъ людей*, откармливали ихъ волошскими орѣхами и затѣмъ дѣлали по временамъ надрѣзы на тѣлѣ: если не шла кровь, то та́кого зарѣзывали и съѣдали; а если еще шла, то его продолжали откармливать снова, пока онъ совсѣмъ не заплывалъ жиромъ. Попался къ нимъ одинъ изъ русскихъ, и песиголовцы опредѣлили его къ себѣ лакеемъ. Новый плѣнникъ такъ полюбился имъ, что песиголовцы не рѣзали его, а все только наблюдали, не станетъ ли онъ убѣгать домой. А онъ не зналъ даже, куда и дорога домой, и совсѣмъ не думалъ убѣгать. Ѣсть онъ имъ готовилъ *по́лозовъ* и куски *гадюкъ* [2]), при чемъ песиголовцы строго-на-строго запретили, чтобы самъ онъ ничего этого не ѣлъ: „если же только,—говорили они,—будешь ѣсть, то умрешь“. Долго удерживался онъ, а потомъ рѣшилъ: „Все равно, умру—одна смерть! не буду, по крайней мѣрѣ, мучиться у нихъ!“ И съ этого времени сталъ онъ ѣсть крохотные кусочки полозовъ,—однако, не умеръ. Ѣлъ онъ такъ понемножку, ѣлъ,—и сталъ вдругъ знать, гдѣ какая трава, и отъ чего она пользуетъ; узналъ также, куда

---

[1]) П. Чубинскій, „Труды Этнограф.-статист. Экспедиціи въ зап.-русскій край“, т. I, стр. 212.

[2]) О *полозахъ* и *гадюкахъ* у насъ будетъ еще особая рѣчь впереди.

http://rcin.org.pl

ему дорога домой, и что его родные еще живы. Вотъ онъ и рѣшилъ бѣжать. Собрался, призапасъ всего на дорогу и пустился въ путь. Идетъ онъ, идетъ, вдругъ предъ нимъ открылось такое болото, что „ни перейти его, ни пролѣзть черезъ него“, больше, чѣмъ на поль-версты. Онъ нарвалъ „сітнику“ (Butomus umbellatus L.), обмотался имъ весь и кое-какъ перебрался черезъ болото. Песиголовцы пустились за нимъ въ погоню, а онъ уже по ту сторону болота.—„Вернись!“—кричать ему.—„Нѣтъ,—говоритъ,—не вернусь уже!“—„Ну, ошморгни хоть *будякъ!* (Carduus nutans L.)“.—„Не хочу!“—„Ну, оглянись назадъ!“—Онъ оглянулся назадъ—и забылъ половину того, что зналъ. Пришелъ онъ домой,—родные оказались всѣ живы и были такъ рады ему. Онъ рвалъ потомъ травы, про которыя не забылъ, отъ чего онѣ пользуютъ, и лѣчилъ людей до самой своей смерти; когда онъ умеръ, то всѣ по немъ очень плакали [1]).

Остальные украинскіе разсказы о песиголовцахъ-людоѣдахъ варіируютъ на разные лады основную формулу повѣствованія „Одиссеи“ о Полифемѣ. Разсказъ объ одноглазомъ великанѣ-людоѣдѣ,—говоритъ Вс. Миллеръ [2]),—гдѣ бы ни была его первоначальная родина, нѣкогда ходилъ изъ устъ въ уста среди древняго населенія по берегамъ Чернаго моря и, какъ любопытное морское приключеніе, пользовался популярностью среди мореплавателей. Изъ разсказовъ греческихъ моряковъ встрѣча отважнаго мореплавателя съ циклопомъ перешла въ греческій эпосъ и была включена въ число похожденій національнаго героя Одиссея, подобно тому, какъ къ нему же были пріурочены нѣкоторыя другія похожденія изъ восточныхъ сказокъ. Въ настоящее время вполнѣ установилось уже убѣжденіе, что вся „Одиссея“ составилась изъ отдѣльныхъ эпическихъ сказаній, связанныхъ искусствен-

[1]) Б. Гринченко, „Этнографическіе матеріалы“, вып. I, стр. 1—2.

[2]) См. статью его: „Кавказскія сказанія о циклопахъ“ въ „Этнографическомъ Обозрѣніи“ за 1890 г., IV, 25—43.

http://rcin.org.pl

но въ одно цѣлое. и въ числѣ такихъ сказаній Герландомъ было отмѣчено не мало народныхъ сказокъ, которыя извѣстны и въ индійскихъ сказочныхъ сборникахъ [1]). Въ повѣствованіи же о циклопѣ Полифемѣ уже В. Гриммомъ указаны были слѣды искусственной спайки съ другими похожденіями Одиссея. Этотъ эпизодъ, по Гримму, съ одной стороны, представляетъ собою вполнѣ законченное цѣлое, съ другой—не согласуется съ извѣстнымъ характеромъ героя. Послѣдняя сказка продолжала много столѣтій блуждать по прибрежью Чернаго моря и у прибрежныхъ племенъ и народовъ сохранила характеръ *морского* приключенія, у племенъ же и народовъ, которые жили вдали отъ моря, она передѣлалась въ приключеніе *сухопутное* и, какъ это обыкновенно бываетъ въ народномъ эпосѣ, подверглась вліянію другихъ однородныхъ сказочныхъ сюжетовъ, главнымъ образомъ—сказаній о великанахъ. Жилъ себѣ,—разсказываютъ въ Чигиринскомъ уѣздѣ,—одинъ богатый мужикъ, который съ-роду не зналъ никакого *горя*. Придетъ, бывало, къ нему бѣднякъ и начнетъ жаловаться: „хлѣба, дескать, нѣтъ, и того и этого нѣтъ". А богатый и спрашиваетъ его: „И какое это такое въ свѣтѣ *горе* есть?" Одинъ разъ вернулся богатый мужикъ съ мельницы домой, осѣдлалъ коня и поѣхалъ искать *горя*. Ѣхалъ онъ, можетъ быть, сутокъ пять и заѣхалъ въ такую землю, гдѣ людей совсѣмъ нѣтъ, а одни только песиголовцы (они съ однимъ глазомъ и съ однимъ рогомъ: на правой сторонѣ глазъ, а на лѣвой рогъ). Смотритъ—хата въ степи. Зашелъ онъ въ хату—а тамъ сидитъ человѣкъ пять песиголовцевъ. Песиголовцы спрашиваютъ его: „Чего ты сюда зашелъ?" Онъ отвѣчаетъ: „Пришелъ *горя* искать".—„Не ѣдь,—говорятъ они ему,—дальше горя искать: уже ты и такъ нашелъ большое *горе*". А затѣмъ спрашиваютъ: „Если ты плотникъ, или кузнецъ, или портной, то останешься живъ; а если нѣтъ, то мы тебя сейчасъ же зарѣжемъ и съѣдимъ".—„Я,—

[1]) G. Gerland, „Altgriechische Mürchen in der Odyssee.

http://rcin.org.pl

говоритъ, —такой слесарь, что супротивъ меня никто лучше не отольетъ". —„Если ты, — говоритъ одинъ изъ песиголовцевъ, — такой отмѣнный слесарь, то не сумѣешь ли отлить мнѣ другой глазъ?" — „Купи мнѣ, — говоритъ мужикъ, — *шёвськой* смолы и лаку копеекъ на восемь". Вотъ мужикъ устроилъ печку, замуровалъ туда маленькій котелокъ и давай топить ту смолу. Затѣмъ сдѣлалъ особую форму, вылилъ туда смолу, — она и застыла себѣ въ формѣ; сверху навелъ онъ отлитый глазъ лакомъ. Песиголовецъ приложилъ его къ своему глазу, посмотрѣлъ — и какъ будто новымъ глазомъ лучше даже видитъ, чѣмъ своимъ. — „Молодецъ! — хорошій глазъ сдѣлалъ!" А мужикъ и говоритъ: „Только вамъ такъ прямо нельзя его вставить, а нужно сначала вывертѣть въ головѣ дыру". — „Ладно, — согласился песиголовецъ: — выверти".

„Какъ же бы, — говоритъ мужикъ, — привязать васъ, чтобы вы не дрожали, потому что, когда я буду вертѣть, вы начнете дрожать". — „Пойдемъ, въ такомъ случаѣ, въ овчарню, гдѣ теперь какъ разъ стоятъ овцы, — тамъ ты меня и привяжешь къ столбу". Мужикъ разогрѣлъ зубило, прихватилъ побольше ремней, повелъ песиголовца въ овчарню, поставилъ здѣсь его спиною къ столбу и крѣпко-на-крѣпко прикрутилъ къ нему ремнями. — „Зажмурьте теперь, — говоритъ, — свой глазъ, чтобы не видѣли, какъ я буду продалбливать въ головѣ дыру". Песиголовецъ зажмурилъ. А мужикъ навелъ зубило да какъ хватитъ молоткомъ, такъ у песиголовца и выскочилъ его глазъ, и онъ сталъ совсѣмъ слѣпымъ. Рванулся песиголовецъ изо всѣхъ силъ, — ремни такъ и полопались. Давай онъ тогда гоняться за мужикомъ. — никакъ не можетъ поймать его между овцами. Затѣмъ открылъ дверь овчарни, сталъ въ дверяхъ на четверенькахъ и началъ выпускать овецъ по одной, въ надеждѣ поймать, наконецъ, такъ мужика. Видитъ мужикъ — дѣло плохо... А въ стадѣ да былъ одинъ козелъ, самый большій. Вотъ мужикъ зарѣзалъ того козла, снялъ съ него шкуру, напялилъ на себя, и идетъ на четверенькахъ прямо промежду ногъ у песиголовца. Песи-

http://rcin.org.pl

головецъ ощупалъ его и говоритъ: „А, это ты—тотъ, что водишь за собою все стадо!“ Мужикъ выбѣжалъ потихоньку у него промежду ногъ, затѣмъ поскорѣе побѣжалъ въ его хату, забралъ деньги, осѣдлалъ себѣ хорошую лошадь да тогда и кричитъ: „Вотъ, вотъ гдѣ я!“ *Змѣй* (sic!) бросилъ тогда выпускать овецъ да за нимъ! Гнался, гнался—никакъ не можетъ поймать. Вернулся назадъ, но пока нашелъ здѣсь *змѣй* себѣ „видющихъ“ помощниковъ, мужикъ уже очутился дома [1]).

Въ разсказѣ, записанномъ въ Радомысльскомъ уѣздѣ, песиголовецъ-людоѣдъ замѣненъ бабой-людоѣдкой, и прибавлены нѣкоторыя подробности, которыхъ нѣтъ въ приведенномъ выше разсказѣ. Жилъ-былъ себѣ кузнецъ, который совсѣмъ не зналъ *бѣды*. Принесутъ, бывало, къ нему люди работу и ну разсказывать—тотъ про свою *бѣду*, а тотъ про свою. Кузнецъ и говоритъ имъ: „И какая то *бѣда?* что оно такое *бѣда?* Вотъ ужъ, кажись, доживаю четвертый десятокъ на свѣтѣ, а еще съ-роду не видалъ *бѣды*. Доведется, видно, на старости лѣтъ итти по свѣту да искать *бѣды:* хочу хоть взглянуть на нее“. Придутъ другіе люди къ нему въ кузницу и начнутъ разсказывать про свою *бѣду* и *горе;* а кузнецъ такъ и подмываетъ увидѣть самому *бѣду*.—„Нужно таки поглядѣть, что оно такое-за *бѣда!* Завтра, люди добрые, не являйтесь въ кузницу: уже меня вы здѣсь не застанете—пойду по свѣту *бѣды* искать“. На другой день заперъ онъ свою кузницу и пошелъ. Идетъ да идетъ, идетъ да идетъ: встрѣтитъ кого-нибудь и спрашиваетъ: „Не видали ли, ча-

[1]) Б. Гринченко, „Этнографическіе матеріалы“, вып. II, стр. 2—4.—Въ „Этнографическоомъ Обозрѣніи“ за 1890 г., IV, стр. 94—95 напечатанъ другой разсказъ на ту же совершенно тему, записанный въ томъ же Чигиринскомъ уѣздѣ. Въ этомъ разсказѣ *два* брата отправляются искать по свѣту, гдѣ *бѣда*. Находятъ они *бѣду* въ лицѣ одноглазаго песиголовца-людоѣда, который старшаго брата зажарилъ и съѣлъ, а меньшій братъ спасся, пообѣщавши песиголовцу вставить второй глазъ, но вмѣсто того выколовши и имѣвшійся у него одинъ глазъ.

http://rcin.org.pl

сомъ, гдѣ *бѣды?*“—„Нѣтъ, не видали“. Идетъ онъ дальше. Зашелъ уже въ такую землю, что ни города, ни села, ни куреня нигдѣ не видно, а онъ все идетъ. Уже некуда зайти воды напиться, уже и хлѣба у него не стало, а онъ все идетъ. Вдругъ, видитъ—стоитъ избушка.—„Зайду,—думаетъ себѣ,—въ эту избушку да хоть отдохну немного. Зашелъ онъ въ избушку—нѣтъ никого. Легъ на скамейкѣ и заснулъ. А въ той избушкѣ жила одноглазая баба-людоѣдка. Пришла баба въ избушку, глядитъ—лежитъ человѣкъ.—„Здравствуй, здравствуй, молодецъ! я еще человѣчьяго мяса не пробовала!..“ А онъ лежитъ себѣ. Пришла баба къ нему, пощупала за ребра, когда онъ—худой-прехудой. Она и думаетъ себѣ: „Зарѣжу я барана, пока сынъ пригонитъ стадо съ поля, да накормлю его“. Зарѣзала барана, накормила кузнеца и спрашиваетъ: „Почему это у тебя два глаза?“—„А можетъ быть,—говоритъ кузнецъ,—хочешь, чтобы и у тебя было два?“—„Хочу“.—„Я,—говоритъ,—кузнецъ: могу вставить другой глазъ“.—„Хорошо,—говоритъ баба,—вставь“.—„Ложись же на скамейку: я нагрѣю долото“. Легла баба на скамейку, а кузнецъ нагрѣлъ долото, взялъ въ руки топоръ да какъ стукнетъ,—и тотъ глазъ выскочилъ, который былъ. Людоѣдка вскочила со скамейки да за кузнецомъ. Онъ тогда скорѣе бросился въ стадо барановъ и спрятался между ними. Баба позатворяла все кругомъ, сама стала въ воротахъ и стоитъ—поджидаетъ кузнеца. Ждала она, ждала,—нѣтъ кузнеца.—„Ну,—говоритъ она тогда сыну (очевидно, здѣсь пропускъ),—пора уже барановъ въ поле гнать“. Началъ сынъ барановъ въ поле выгонять, а она давай каждаго ощупывать, чтобы какъ-нибудь кузнецъ не вышелъ съ баранами за ворота. Видитъ кузнецъ, что не выпуститъ проклятая баба,—вывернулъ „кожухъ“ (овчинную шубу) шерстью наверхъ, напялилъ его на себя и поползъ на четверенькахъ. Подползъ къ ней. Она пощупала за спину: „Баранъ“, говоритъ,—и пропустила. Кузнецъ выскочилъ за ворота да и кричитъ ей: „Не щупай больше, не щупай: я уже за воротами!“

http://rcin.org.pl

Услышала баба голосъ кузнеца, схватила серебряный топоръ и бросила въ него; топоръ попалъ въ дерево и вонзился въ него. Кузнецъ подбѣжалъ къ дереву и хотѣлъ было вынуть тотъ топоръ и унести съ собою; схватился за него рукою, а рука такъ и прикипѣла къ рукояткѣ. Бѣжитъ людоѣдка къ кузнецу, зубами скрежещетъ. Видитъ тогда кузнецъ, что приходитъ бѣда, отрѣзалъ себѣ руку и убѣжалъ [1]).

Эти украинскіе разсказы о песиголовцахъ-людоѣдахъ, наиближе подходящіе къ подобнымъ же разсказамъ нѣкоторыхъ кавказскихъ племенъ (особенно осетинъ) [2]) и вотяковъ [3]), сохранили только главную основу разсказа „Одиссеи“ о циклопѣ Полифемѣ и, подобно великорусскому разсказу о „Лихѣ одноглазомъ“ [4]), выродились въ сказки, олицетворяющія *бѣду*, *лихо* (особенно это нужно сказать о записанномъ г. Боровиковскимъ разсказѣ: „Лйхо“ [5]), котораго мы не приводимъ здѣсь въ интересахъ сбереженія мѣста). Въ еще болѣе своеобразную форму отлился разсказъ о песиголовцахъ-людоѣдахъ въ Маріупольскомъ уѣздѣ Здѣсь уже дѣйствіе переносится на Украйну, а не въ незнаемую какую-то страну, на край свѣта. Шла одна дѣвушка въ Кіевъ Богу молиться. Пришлось ей проходить черезъ очень густой и темный „байра́къ“ (буракъ). Идетъ она да идетъ, когда смотритъ— ѣдутъ верхами два человѣка. Подъѣхали ближе. Дѣвушка взглянула на нихъ—оказывается, что то были не люди, а песиголовцы, потому что у нихъ было по одному глазу, какъ разъ посреди лба, выше носа. Она страшно испугалась. Песиголовцы спрашиваютъ дѣвушку: „Куда ты идешь?“—„Иду,—гово-

[1]) П. Чубинскій, „Труды Этногр.-статист. Экспедиціи въ зап.-русскій край“, т. II, стр. 85—86.

[2]) „Этнографическое Обозрѣніе“ 1890 г., VI, стр. 25—43.

[3]) Тамъ же, VI, стр. 236—237.

[4]) А. Аѳанасьевъ, „Народныя русскія сказки“, т. II, № 170. стр. 229—230.

[5]) „Отечественныя Записки“ 1840 г., № 11: „Преданія, записанныя г. Боровиковскимъ“.

http://rcin.org.pl

рить,—Богу молиться".—„Наймись,—говорятъ они,—лучше къ намъ служить". Дѣвушка было не хотѣла, но они повели ее насильно въ лѣсъ, „до землянки" (въ подземелье)? Ведутъ по-подъ землею да и ведутъ. Привели. Когда тамъ всюду „на долівці" (земляной, смазанный глиной, полъ) видны слѣды крови, и валяются кости; а по срединѣ „землянки" (подземелья?)—левъ на цѣпи, который такъ и щелкаетъ зубами. Привели дѣвушку въ комнату. Въ комнатѣ въ одномъ углу устроены клѣтки изъ кольевъ, и люди такъ и толпятся въ этихъ клѣткахъ и высматриваютъ изъ-за кольевъ; въ другомъ углу—печь, подлѣ которой сидитъ старый дѣдъ-песиловецъ и все грѣетъ „окропи"; подлѣ клѣтокъ съ людьми вездѣ валяются конфетныя бумажки да орѣховыя скорлупы, потому что песиголовцы конфетами да орѣхами откармливаютъ людей на сало. Вотъ тѣ два песиголовца оставили дѣвушку дѣду, а сами опять поѣхали. Когда они выѣзжали, то приказали дѣду, чтобы тотъ залилъ ее „окропомъ"; а дѣвушка и услышала все это. Поставилъ дѣдъ дѣвушкѣ заливного, и она принялась съ жадностью его ѣсть. Съѣла до дна, когда смотритъ—а на днѣ лежитъ рука человѣчья; дѣвушка и ложку бросила. Видитъ она затѣмъ, что уже кипятъ „окропи", да и говоритъ дѣду: „Давайте, я выну *казанъ* изъ печки, потому что вы уже стары, и вамъ, можетъ быть, тяжело". Долго дѣдъ не давалъ ей вынимать; наконецъ, говоритъ: „Вынимай". Дѣвушка вынула одинъ *казанъ* да какъ линетъ на дѣда, а затѣмъ поскорѣе другой,—дѣдъ такъ тутъ на мѣстѣ и сварился. Тогда люди, которые сидѣли до тѣхъ поръ молча въ клѣткахъ, обрадовались и говорятъ: „Ну, выпускай же и насъ теперь изъ неволи, да будемъ бѣжать!" Выпустила дѣвушка людей, и стали выходить изъ „землянки". Левъ кинулся было на бѣглецовъ, но они бросили ему по куску мѣса; левъ за мясо—а они поскорѣе вышли и давай бѣжать. На дорогѣ попался имъ пень. Женщины и дѣвушки посбрасывали съ себя—кто юбку, кто *керсетъ* (родъ кофточки), кто мотокъ *намисти*, кто платокъ—и обрядили его, какъ дѣвуш-

http://rcin.org.pl

ку, а сами—дальше оттуда. Выбѣжали изъ лѣсу и направились въ Кіевъ на богомолье. Вотъ, песиголовцы наловили новыхъ людей и возвращаются себѣ домой. Смотрятъ, когда стоитъ разряженная дѣвушка. Они къ ней,—оказывается, что это—пень. Песиголовцы сняли съ нея платье, погнали людей „до землянки“ и говорятъ: „Нужно будетъ еще разъ вернуться да хорошенько поискать—нѣтъ ли кого въ лѣсу, кто оставилъ это платье: тутъ кто-то былъ“. Пріѣхали, вошли въ землянку,—когда лежитъ обваренный кипяткомъ дѣдъ, а людей нѣтъ никого. Они въ погоню. Искали, искали, да ужъ поздно было [1]).

Изъ другихъ легендарныхъ людей украинскія легенды знаютъ еще „фараоновъ“, или „сиренъ“, или „морскихъ людей“ и „лѣсовыхъ людей“.

Преданіе о полулюдяхъ и полурыбахъ принадлежитъ еще языческимъ народамъ Азіи. Въ древнемъ переводѣ Хроники Георгія Амартола говорится о нихъ слѣдующее: „зависта же ся в рѣцѣ Нилъ солнцу вшедшу человѣкообразнѣ двѣ животнѣ мужь и жена, иже и сприны нарицаются, рекше вилы“ [2]). Преданіе о сиренахъ—людяхъ съ рыбьими плесами существуютъ и въ Великороссіи. Въ старомъ Быховѣ о происхожденіи „фараоновъ“ разсказываютъ такъ. Переводилъ Моисей народъ (еврейскій) черезъ воду (Чермное море, во время бѣгства евреевъ изъ Египта). Богъ велѣлъ ему махнуть на воду рукою. Моисей махнулъ,—и сталъ мостъ черезъ воду. А „фараоны“ (египтяне подъ предводительствомъ фараона) гонятся за народомъ. Народъ черезъ мостъ—„фараоны“ и себѣ на мостъ. Тогда Богъ сказалъ Моисею: „Махни рукою на мостъ!“ Моисей махнулъ. „Фараоны“ были въ это время по срединѣ моста, по срединѣ моря. Мостъ мгновенно исчезъ,—и нхъ не стало. Богъ такъ сдѣлалъ, что вода сомкнулась, и

[1]) М. Драгомановъ, „Малорусскія народныя преданія и разсказы“, стр. 384—385.

[2]) „Москвитянинъ“ 1851 г., V, стр. 63—64.

http://rcin.org.pl

отъ „фараоновъ“ не осталось слѣда. Когда ихъ поглотило море, то они сдѣлались до пояса женщиною, а отъ пояса рыбой. До пояса у „фараона“ грудь, голова, волосы—все женское: „женщина по всей формѣ“; отъ пояса же все, какъ у рыбы. Богъ имъ и пищу особую назначилъ. Они съ нетерпѣніемъ ожидаютъ, когда будетъ конецъ всему. Когда въ настоящее время бываетъ буря на морѣ, такъ „фараоны“ выскакиваютъ изъ него, плывутъ около корабля и все спрашиваютъ: „Скоро ли конецъ свѣта настанетъ?“ На этотъ ихъ вопросъ нужно отвѣчать: „*Вчера* свѣтъ кончится, *вчера*!“ Они рады, чтобы свѣтъ кончился [1]).—Почти то же разсказываютъ о происхожденіи „морскихъ людей“ и въ Грубешовскомъ уѣздѣ [2]). Въ Угличскомъ уѣздѣ прибавляютъ къ этому, что „морскіе люди“ ночью выходятъ на берегъ, и кого только встрѣтятъ, непремѣнно съѣдятъ [3]). Въ Литинскомъ уѣздѣ говорятъ, что морскія женщины отличаются необыкновенною красотою и увлекательнымъ голосомъ. Женщины эти подплываютъ къ кораблямъ и начинаютъ пѣть. Если, по неопытности плывущихъ на кораблѣ, ихъ не отгонятъ пушечными выстрѣлами, то онѣ дотого успѣваютъ увлечь своими пѣснями, что всѣ на кораблѣ засыпаютъ, и тогда „морскіе люди“ опрокидываютъ его.—Пѣсенъ (и сказокъ) народъ самъ не складываетъ, а складываютъ ихъ „морскіе люди“ и даже перекладываютъ на ноты (Грубешовск. и Литинск. уу.) [4]). По субботамъ обыкновенно *играетъ* море; на поверхность его выплываютъ „морскіе люди“ и начинаютъ пѣть всевозможныя пѣсни, а „чумаки“ стоятъ въ это время на берегу и научаются отъ нихъ пѣснямъ, которыя потомъ и распѣваются всю-

[1]) М. Драгомановъ, „Малорусскія народныя преданія и разсказы“, стр. 96.

[2]) П. Чубинскій, „Труды Этнограф.-статист. Экспедиціи въ зап.-русскій край“, т. I, стр. 211.

[3]) Тамъ же.

[4]) Тамъ же.—Въ Проскуровскомъ уѣздѣ сиренъ называютъ „мемозинами“ (тамъ же, стр. 209).

http://rcin.org.pl

дг по городамъ и селамъ [1]).—Въ Купянскомъ уѣздѣ этихъ странныхъ существъ называютъ „фалярбнами“ [2])—очевидно, отъ слова *фараонъ*; въ Проскуровскомъ уѣздѣ — „милюзинами“ [3]).

Въ народномъ сказаніи о *мелюзинахъ*,—говоритъ проф. Н. Ѳ. Сумцовъ [4]),—слились *два* элемента—апокрифическій о переходѣ Моисея черезъ Чермное море и западно-европейская повѣсть о Мелюзинѣ. Въ апокрифическомъ сказаніи о переходѣ Моисея черезъ Чермное море говорится: „люди фараоновы обратишася рыбами; у тѣхъ рыбъ головы человѣческія, а тулова нѣтъ; токмо едина глава: а зубы и носъ человѣчь; а гдѣ уши, тутъ перья, а гдѣ потылица, тутъ хвостъ, а не ястъ ихъ никтоже. И кони и оружія обратишася рыбами, а на конскихъ рыбахъ шерсть конская, а кожа на нихъ толстая на перстъ; ловятъ ихъ и кожи съ нихъ снимаютъ, а тѣло мечутъ; а въ кожахъ переды и подошвы шьютъ: воды тѣ кожи не терпятъ и въ сухо носко на годъ станутъ“ [5]). Это апокрифическое сказаніе проникло по Украйну, въ народъ, должно быть, въ давнее время, и къ нему впослѣдствіи въ западной Малороссіи пристало кое-что изъ европейскихъ сказаній и повѣстей о *Мелюзинѣ*. И прежде всего, самое названіе этой феи примкнуло къ апокрифу. Романъ о Мелюзинѣ возникъ изъ французскихъ народныхъ повѣрій о феяхъ. Въ этомъ романѣ говорится, что волшебница Мелюзина вышла замужъ за графа Раймунда, съ условіемъ, чтобы онъ не искалъ ея по субботамъ, когда она совершала омовенія, во время которыхъ обращалась въ полуженщину-полузмѣю. Сначала все шло превосходно, Мелюзина подарила Раймунду *де-*

---

[1]) П. Кулишъ, „Записки о Южной Руси“, т. II, стр. 36: „Москвитянинъ“ 1846 г., XI—XII, стр. 154.

[2]) „Харьковскій Сборникъ“ 1888, стр. 90.

[3]). П. Чубинскій, „Труды Этногр.-стат. Эксп. въ зап.-р. кр.“, т. I, стр. 203.

[4]) „Кіевская Старина“ 1886 г., Мартъ, стр. 668—669.

[5]) Пыпинъ, „Памятники стар. русской литературы“, т. I, стр 50.

http://rcin.org.pl

сять сыновей и содѣйствовала построенію великолѣпныхъ замковъ (Лузиньянъ, Ларошель и др.). Братъ Раймунда поселилъ въ немъ подозрѣніе въ невѣрности жены, и однажды Раймундъ въ субботу вошелъ въ зданіе, гдѣ купалась Мелюзина. Съ крикомъ горести и отчаянія она скрылась съ его глазъ, а вмѣстѣ съ нею прекратились всѣ удачи Раймунда, и прахомъ пошло все его богатство [1]).—Первая редакція романа о Мелюзинѣ появилась во Франціи въ 1389 году; въ нѣмецкой литературѣ романъ этотъ появился впервые въ 1474 году и удержался до сихъ поръ въ числѣ народныхъ книгъ. Отъ нѣмцевъ романъ о Мелюзинѣ перешелъ въ литературы—чешскую, польскую (1569 г.) и русскую (1677 г.) [2]). Въ западную Украйну Мелюзина проникла или изъ польскихъ, или изъ нѣмецкихъ народныхъ пересказовъ романа. У латышей Курляндской губ. записана сказка о морскихъ людяхъ, построенная также на апокрифѣ о переходѣ евреевъ черезъ Чермное море, почти буквально сходная съ украинскимъ сказаніемъ о „фаляронахъ“ [3]).

„Лѣсовые люди“—роста обыкновеннаго, но только косматые, съ большими сѣдыми бородами и постоянно „засморканные“. Зимой изъ носа ихъ вытекаютъ „смáркли“ до самой земли и такъ замерзаютъ. Въ этомъ положеніи „лѣсные люди“ проводятъ всю зиму. Увидѣть „лѣсного человѣка“ признается счастьемъ. Одна дѣвушка, вышедши какъ-то осенью въ лѣсъ, увидѣла подъ деревомъ лѣсного скорчившагося старика. Онъ весь дрожалъ и сильно „засморкался“. Дѣвушка, изъ состраданія, обтерла ему носъ своимъ передникомъ, и старикъ разсыпался передъ ней кучей серебра (Литинск. у.) [4]).—„Лѣсные люди“ всегда ходятъ безъ одежды и безъ обуви и ѣдятъ

[1]) Simrok, „Die d. Volksbuch“, VI, стр. 1—119.

[2]) Пыпинъ. „Очеркъ лит. истор.“, стр. 2-2.

[3]) Вс. Миллеръ, „Сборникъ матеріаловъ по этнографіи“, II, стр. 44.

[4]) П. Чубинскій, „Труды Этногр.-стат. Экспед. въ зап.-русскій край“, т. I, стр. 211.

http://rcin.org.pl

все, даже людей. Гдѣ-то подлѣ Москвы пошелъ разъ въ лѣсъ одинъ охотникъ, взявши съ собою жаренную курицу, чтобы подзакусить, когда проголадается во время охоты. Вдругъ подходятъ къ нему два „лѣсныхъ человѣка“, наподобіе барановъ въ шерсти, отняли курицу, съѣли ее и уже хотѣли было добираться до самого охотника. Но такъ какъ у охотника было въ рукахъ ружье, то они пошли предварительно позвать къ себѣ на помощь товарищей, а охотникъ воспользовался этимъ и поскорѣе ушелъ изъ лѣсу (Ушиц. у.)[1]).

[1]) Тамъ же, стр. 211—212.

http://rcin.org.pl

Украинскія легендарныя сказанія о сверхъестественныхъ существахъ.

I. *Доля.*

Одною изъ характернѣйшихъ особенностей міровоззрѣнія всякаго вообще народа является антропоморфизація не только стихій, силъ природы, но и тѣхъ явленій ея, которыя, вслѣдствіе незнанія законовъ причинъ ихъ и слѣдствій, были для него не понятны. Такъ на первой ступени развитія народнаго явились божества добрыя и злыя, свѣтлыя и темныя, смотря по характеру ихъ воздѣйствія на человѣка. Рядомъ съ антропоморфизаціей силъ и явленій природы шла также антропоморфизація, въ періодъ развитія болѣе или менѣе правильной общественной жизни, нѣкоторыхъ явленій соціальнаго характера, весьма часто возбуждавшихъ недоумѣніе народа своею мнимою загадочностью (богатство, бѣдность и пр.). Аналогія патологическихъ явленій въ различныхъ болѣзняхъ съ тѣми или иными воздѣйствіями одного человѣка на другого, а равно ужасъ эпидемій дали поводъ младенчествующей фантазіи народной къ антропоморфизаціи самыхъ болѣзней. Изъ такихъ антропоморфизацій, получившихъ видъ сверхъестественныхъ, миоическихъ существъ, въ сознаніи украинскаго народа и по настоящую пору живутъ еще въ болѣе или менѣе опредѣленныхъ образахъ слѣдующія: „Дóля“, „Злúдні“, нѣкоторыя болѣзни [1]) и создавшіяся

[1]) *Смерть* также на Украйнѣ олицетворяется въ довольно опредѣленныхъ образахъ; но о смерти у насъ будетъ рѣчь въ другомъ мѣстѣ.

http://rcin.org.pl

уже на христіанской почвѣ олицетворенія нѣкоторыхъ дней недѣли.

Литература о Долѣ довольно богата. Еще въ 60-хъ годахъ прошлаго столѣтія проф. Ал. Ѳ. Потебня напечаталъ весьма цѣнную статью, подъ заглавіемъ: „О Долѣ и сродныхъ съ нею существахъ“ на основаніи народныхъ сказокъ, легендъ, пѣсенъ, пословицъ, а также на основаніи лингвистическихъ выводовъ [1]). Въ 1883-мъ году почтеннымъ профессоромъ напечатаны были добавленія къ этой статьѣ въ „Русскомъ Филологическомъ Вѣстникѣ“ [2]). Проф. Потебня разсматриваетъ различныя названія Доли: „счастье“, „притча“, „лихо“, „бѣда“, „горе“ и т. п., уясняетъ процессъ образованія подобныхъ представленій и ихъ характеръ, говоритъ о связи Доли съ другими миѳическими существами и предметами и т. д. Не менѣе цѣнными являются изслѣдованія академика А. Н. Веселовскаго о Долѣ въ его „Разысканіяхъ въ области русскаго духовнаго стиха“ [3]) съ дополнительною статьею: „Нѣсколько новыхъ данныхъ къ народнымъ представленіямъ о Долѣ“ [4]). Къ этимъ основнымъ изслѣдованіямъ долженъ быть прибавленъ длинный рядъ сравнительно небольшихъ статей: М. К. Васильева—„Антропоморфическія представленія въ вѣрованіяхъ украинскаго народа“ [5]), М. Довнаръ-Запольскаго—„Женская доля въ пѣсняхъ пинчуковъ“ [6]), П. Иванова—„Народные разсказы о Долѣ (Матеріалы для характеристики міросозерцанія крестьян-

[1]) „Древности“—„Труды Императ. Моск. Археолог. Общества“, т. I, вып. 2, стр. 153—196.

[2]) См. отд. изд. „Объясненіе малорусскихъ и сродныхъ народныхъ пѣсенъ“, I (стр. см. въ указателѣ *Доля*). Варшава, 1883.

[3]) Вып. V, стр. 173—260.

[4]) „Этнографическое Обозрѣніе“ 1891 г., IX, стр. 19—28.

[5]) „Этнографическое Обозрѣніе“ 1890 г., IV, стр. 87—100; 1892 г., XV, стр. 157—169 и проф. Н. Ѳ. Сумцова: „Дополненіе къ статьямъ о Долѣ и Недолѣ“, стр. 169—170.

[6]) „Этнографическое Обозрѣніе“ 1891 г., IX, стр. 42—58.

http://rcin.org.pl

скаго населенія Купянскаго уѣзда)“ [1]), Крауса, Боровиковскаго и мн. др. Отсылая интересующихся къ названнымъ выше статьямъ, мы здѣсь скажемъ только лишь въ самыхъ общихъ чертахъ, какъ на Украйнѣ народъ представляетъ себѣ Долю.

Доля есть у каждаго человѣка,—это—его счастье или несчастье. П. Ивановъ, основываясь на 16 записанныхъ имъ въ Купянскомъ уѣздѣ народныхъ разсказахъ о Долѣ, различаетъ—1) *прирожденную Долю*—душу предковъ, 2) *Долю—ангела* и 3) *Долю—душу человѣка*, или *двойникъ его* [2]). Въ свое время г. Вл. Богдановъ указалъ произвольность и несостоятельность такой классификаціи, такъ какъ ее нельзя строго и точно обосновать народными разсказами [3]). Вообще же, Доля есть начало положительное и существо отнюдь не враждебное; она не носитъ характера божественности, а представляетъ собою только воплощенное *сосуществованіе человѣка*. Доля бываетъ активная и пассивная. Активная Доля способствуетъ большему или меньшему матеріальному благосостоянію своего двойника-человѣка. Она заботится о человѣкѣ, помогаетъ ему во всемъ, жалѣетъ его, всегда стоитъ на сторонѣ интересовъ его, даже когда самъ онъ отдыхаетъ или „пье та гуляє“. Если больной услышитъ ночью, что его кто-то подъ окномъ называетъ по имени, то это значитъ, что къ нему пришла его Доля и принесла здоровье (Старобѣльск. у.) [4]). Доля обыкновенно не ищетъ человѣка, а послѣдній долженъ самъ постараться найти ее и завладѣть ею; чаще всего это онъ можетъ сдѣлать не иначе, какъ овладѣвши предварительно чьею-нибудь чужою Долею, которая уже откроетъ, какъ онъ можетъ овладѣть своею Долею. Кто най-

---

[1]) „Сборникъ Харьковскаго Историко-Филологическаго Общества“, т. IV. Харьковъ. 1892.

[2]) „Сборникъ Харьковскаго Историко-Филолог. Общества“, т. IV, статья: „Народные разсказы о Долѣ“.

[3]) „Этнографическое Обозрѣніе“ 1892 г., XV, „Критика и библіографія“, стр. 18—20.

[4]) „Жизнь и творчество крестьянъ Харьк. губ.“, т. I, стр. 295.

http://rcin.org.pl

деть свою Долю, тому во всемъ будетъ удача, и онъ быстро богатѣетъ; а кто не найдетъ, тотъ бьется, какъ рыба объ ледъ, и ровно ничего изъ его предпріятій не выходитъ. Долю человѣка чарами можно отогнать отъ него, загнать въ пустыри и болота; лишенный своего охранителя, такой человѣкъ совершенно опускается.—Пассивное отношеніе Доли къ опекаемому ею человѣку чаще всего зависитъ отъ несовпаденія его занятій съ тѣмъ дѣломъ, которое по душѣ Долѣ; иногда же обусловливается самой ея природой.

По внѣшности своей Доля представляется то въ образѣ женщины въ разныхъ видахъ, то въ образѣ незнакомца, „панича", то во всемъ совершенно похожею на опекаемаго ею человѣка, при чемъ, сообразно ея характеру — активному или пассивному, украинскія сказанія надѣляютъ ее соотвѣтствующими признаками и символами—дѣловитости, бережливости, заботливости—и наоборотъ: положительная, активная Доля—„хорóша, обсмíкана, обтíкана, колоскí стремлять" (подбираетъ оставшіеся колосья на полѣ послѣ уборки хозяиномъ хлѣба), ѣсть умѣренно; пассивная Доля—„заспана, запýхла, обтрóпана, неряшниця", прожорливая, валяется голая подъ колодой и т. п. [1]).

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Долю называютъ еще „Таланóмъ" и при этомъ говорятъ, что у *всякаго* непремѣнно человѣка есть свой „Талáнъ". У иного „Талáнъ невсипýщий", работаетъ не покладая рукъ, не спитъ ни одной минуты. У кого такой „Талáнъ", такому человѣку хорошо: „Талáнъ" его работаетъ, а самъ онъ себѣ проклажается. Но если только „Талáнъ" заснетъ, тогда очень трудно приходится человѣку: какъ ни работаетъ онъ, а все нѣтъ корысти [2]).

---

[1]) „Этнографическое Обозрѣніе" 1890 г., IV, стр 90—93; П. Чубинскій, „Труды Этнограф.-статист. Экспед. въ зап.-русскій край", т. II, стр. 427—428.

[2]) М. Драгомановъ, „Малорусскія народныя преданія и разсказы", стр. 184.

http://rcin.org.pl

Приведемъ нѣкоторые наиболѣе характерные разсказы о Долѣ.

Жили себѣ два брата—одинъ богатый, а другой бѣдный. Одинъ разъ вышелъ бѣдный на поле своего брата, и видитъ, что по полю ходитъ какая-то женщина, собираетъ колосья и втыкаетъ ихъ въ снопы. Вотъ онъ и спрашиваетъ: „Кто ты такая?“—„Я—Доля твоего брата“—„А гдѣ же моя Доля?“—„Она лежитъ тамъ, подъ грушею“.—„Что мнѣ нужно сдѣлать, чтобы и моя Доля была такою же работящею, какъ ты?“—„А вотъ я тебѣ посовѣтую: возьми ты ладную палку, пойди подъ ту грушу и, подкравшись къ своей спящей Долѣ, поймай ее, бей, что есть мочи, и приговаривай при этомъ: вотъ тебѣ, лихая Доля, за то, что не идешь въ поле работать на меня, когда бѣда совсѣмъ ужъ насѣла! Помогай мнѣ, не то—убью!“ Бѣдный такъ и сдѣлалъ, послѣ чего все у него пошло спориться, и онъ скоро сдѣлался богаче своего брата (Винниц. у.)[1]).

Были два брата—богатый и бѣдный. И попросился бѣдный братъ къ богатому пшеницу жать. Жнетъ онъ день, жнетъ другой. Вечеромъ перваго дня хозяйка пошла домой сварить дѣтямъ ужинъ, а онъ всю ночь жнетъ себѣ. Когда слышитъ—кто-то собираетъ колосья, сноситъ снопы, шелеститъ. Думалъ—ужъ не крадетъ ли кто? На утро глядитъ—все цѣло. Вечеромъ второго дня снова хозяйка пошла домой сварить дѣтямъ ужинъ, а онъ жнетъ себѣ ночью да жнетъ. Опять—слышитъ—Доля брата (это была она) собираетъ колосья и подтыкиваетъ ихъ подъ копы. Онъ тогда упалъ на землю и лежитъ. Хозяйкѣ, между тѣмъ, ничего не говоритъ. На третью ночь хозяйка зоветъ его съ собою ужинать: „Хоть *кулѐшику* поѣшь—все же во рту мягче станетъ“. Но онъ не пошелъ: „Потерплю,—думаетъ себѣ,—спрошу, *что́* оно такое ходитъ“... Опять *что́-то* идетъ, собираетъ колосья, сно-

[1]) П. Чубинскій, „Труды Этногр.-статист. Экспед. въ зап.-русскій край“, т. I, стр. 216 - 217.

http://rcin.org.pl

ситъ снопы.—„Ну, скажи правду, *что́* ты такое: худое ли, доброе ли? кто ты?“—спрашиваетъ бѣдный братъ.—„Я—братова Доля; ты хоть *перервись*, а все ничего не будетъ толку; онъ же—пьетъ, гуляетъ, а я за него работаю“.—„Гдѣ же моя Доля?“—„Подъ колодою лежитъ голая“.—„А какъ мнѣ дойти къ ней?“—„Пойди, и какъ увидишь, что лежитъ голая подъ колодою, то́ и есть твоя Доля“. Пошелъ онъ, и нашелъ. —„Доля моя, Доля! чего это ты лежишь, почему ничего не работаешь? лежишь все—ни впереди тебя, ни позади тебя ничего нѣтъ: чѣмъ ты будешь заниматься?“—„Я хочу сидѣть зо прилавкомъ“.—„Какъ же ты будешь сидѣть за прилавкомъ?“—„Попроси у брата 50 коп., либо рубль, накупи ленточекъ и крестиковъ,—такъ я буду торговать“. Пошелъ онъ къ брату; а братъ пьетъ да гуляетъ,—знать его не хочетъ. —„Дай мнѣ, братъ, взаймы одинъ рубль“.—„Когда же ты отдашь? гдѣ ты возьмешь?“ Бѣдный повалился ему въ ноги. —„Да одолжи ужъ“, сказали тѣ, которые гуляли съ богатымъ. Одолжилъ. Накупилъ тогда бѣдный братъ ленточекъ и крестиковъ—и взялъ барыша; накупилъ больше, прибавилъ платочковъ—и снова взялъ барыша. Рѣшилъ онъ послѣ того торговать разнымъ мелкимъ товаромъ, обзавелся лошадкою. Когда онъ выѣзжалъ въ городъ за товарами, мальчишки начали насмѣхаться надъ нимъ и ну кидать камешки въ привязанный сзади повозки сундучокъ. Пріѣхалъ онъ въ городъ, посмотрѣлъ—а въ сундучкѣ драгоцѣнные камни... Представилъ онъ ихъ государю императору, а тотъ велѣлъ отсыпать ему денегъ столько, сколько стоили драгоцѣнные камни. И сталъ онъ съ тѣхъ поръ богатымъ (Бахмутск. у.)[1]).

Мотивъ обогащенія путемъ торговли встрѣчается чаще всѣхъ другихъ мотивовъ въ украинскихъ народныхъ разсказахъ о Долѣ. Рѣзко бросающееся въ глаза каждому явленіе это, непонятное для простого народа по сложности дѣйствующихъ въ немъ причинъ, нашло себѣ, такимъ образомъ, про-

[1]) „Этнографическое Обозрѣніе“ 1890 г, IV, стр. 92—93.

http://rcin.org.pl

стое, незамысловатое и вмѣстѣ конкретное объясненіе въ антропоморфизаціи Доли. Тотъ же мотивъ, напр., повторяется и въ разсказѣ, записанномъ въ Александровскомъ уѣздѣ. Жили два брата—одинъ богатый, а другой бѣдный. Богатый засѣвалъ хлѣбъ большими смѣнами („ла́пами"), а бѣдный засѣетъ, можетъ быть, тамъ какую десятину, и уже досматриваетъ ее пуще глаза своего. Разъ ночью вышелъ бѣдный братъ со двора и думаетъ себѣ: „Пойду-ка погляжу, какъ бы что *не пошко́дило*" (а уже покосили). Смотритъ—а по его полю ходитъ разодѣтая такая барыня, собираетъ колосья и носитъ ихъ къ братовымъ копнамъ.—„*Что́* такое?"—думаетъ. Подкрался онъ сзади да и схватилъ барыню.—„Кто ты такая, что на моей убогой нивѣ собираешь колосья и носишь ихъ къ братовымъ копнамъ?"—„А я,—говоритъ,—братова Доля, ему и служу". — „А моя же Доля гдѣ?" — спрашиваетъ. —„Твоя,—говоритъ,—за прилавкомъ торгуетъ".—„Какъ же мнѣ найти ее?"—„А вотъ какъ,—говоритъ:—поди ты къ брату, выпроси у него лошадку и поѣзжай на ярмарку; не доѣзжая этакъ *за гóни* до ярмарки, пусти ту лошадку и три раза накрестъ перейди ярмарку: Доля сама къ тебѣ и явится". Выпросилъ онъ у брата лошадку и поѣхалъ. Подъѣхалъ къ ярмаркѣ, пустилъ лошадку, перешелъ три раза накрестъ ярмарку и озирается кругомъ. Когда подходитъ къ нему барыня. —„Чего ты,—спрашиваетъ,—*чоловіче*, озираешься?" — „Да ищу,—говоритъ,—своей Доли".—„На что она тебѣ?"—„Какъ на что? Вонъ братова Доля служитъ ему, а моей нѣтъ". —„Вотъ тебѣ три рубля, купи на нихъ рыбы, отойди отъ того мѣста на семь шаговъ, сядь и торгуй. Да гляди—непремѣнно возьми при покупкѣ рыбы сдачи хоть копейку".—То была его Доля.—Купилъ онъ рыбы, получилъ копейку сдачи, отошелъ на семь шаговъ, сѣлъ и торгуетъ. Поторговалъ, сосчиталъ деньги,—а у него уже стало шесть рублей, и еще есть. Онъ еще купилъ рыбы... И какъ началъ разъѣзжать по ярмаркамъ, то такъ разбогатѣлъ, что записался въ самые нервые купцы. И вспомнилъ онъ: „Естъ,—говоритъ,—у ме-

http://rcin.org.pl

ния гдѣ-то жена и дѣти,—поѣду заберу ихъ". Пріѣхалъ въ свою слободу, остановился у брата на квартирѣ, разспрашиваетъ, какъ онъ живетъ,—а самъ не признается.—„Да что,—говоритъ тотъ:—было насъ два брата, только другой-то—*волоцюга*, такой-сякой,—кто его знаетъ, гдѣ и дѣлся; да хотя бы еще самъ пропалъ безъ вѣсти, а то взялъ у меня лошадку—и ту, кто его знаетъ, гдѣ перевелъ".—„Что же—у него и жена была?"—„А какъ же! Покинулъ ее тутъ съ дѣтьми, такъ она стала табакомъ заниматься, да такъ провонялась, что я уже и не пускаю ее къ себѣ?"—„А нельзя ли позвать ее?—Я бы этимъ несчастнымъ пожертвовалъ что-нибудь, для спасенія своей души".—„Если угодно, то можно... Идите-ка, батраки, позовите ту *табашницю*!" Приходитъ она, стала у порога, поклонилась. — „Чего вы, братецъ, звали меня?" —„Кто тамъ тебя звалъ? Это вотъ человѣкъ пожелалъ пожертвовать тебѣ на бѣдность". А тотъ и говоритъ: „Гдѣ твой мужъ?"—„А Богъ его святой знаетъ: пошелъ куда-то на заработки, да что-то и не слышно про него; а я сама съ дѣтьми табакъ сѣю—тѣмъ и кормлюсь".—„А дѣти живы?"—„Благодарить Бога—живы".—„Ну, все это хорошо... Что-жъ ты—такъ и не узнала меня?"—„Нѣтъ,—говоритъ, *паночку*; почемъ же я васъ знаю?"—„А я же,—говоритъ,—твой мужъ!" —„Что вы, Богъ съ вами, смѣетесь надо мной!"—„Да нѣтъ же! Вотъ такъ-то и такъ мы жили, вотъ то-то и то-то у насъ было".—„Вѣрно!"—говоритъ жена и узнала, наконецъ, его. —„Ну,—говоритъ мужъ,—поѣдемъ теперь со мною!.. А ты, братъ, выбирай себѣ какого угодно коня изъ моей тройки"... Братъ тотъ и думаетъ себѣ: „Вотъ, онъ ушелъ тогда изъ дому нищимъ, а теперь сдѣлался такимъ богачомъ; то ли будетъ, когда я уйду, съ своими тысячами!" Тотчасъ же распродалъ все, переѣхалъ въ городъ, понастроилъ домовъ, лавокъ, купилъ тысячъ на двадцать товару, записался въ купцы—торгуетъ. Поторговалъ годъ, подсчиталъ,—осталось только десять тысячъ; на другой годъ—осталось уже только пять

http://rcin.org.pl

тысячъ, а тамъ—тысяча,—да такъ перевелся, что въ концѣ концовъ пошелъ къ брату жить [1]).

Долею не всегда можно завладѣть мирнымъ путемъ,—иной разъ приходится въ подобныхъ случаяхъ дѣйствовать довольно рѣшительно и даже круто, какъ свидѣтельствуетъ о томъ, напр., слѣдующій разсказъ, слышанный сообщившимъ его крестьяниномъ въ Бердянскомъ уѣздѣ. Жили себѣ когда-то два брата—одинъ бѣдный, а другой богатый; у бѣднаго были дѣти, у богатаго же ихъ не было; ко всему этому—бѣдный былъ еще и калѣка. Братья жили вмѣстѣ. Только разъ богатый братъ и говоритъ бѣдному: „Какая корысть мнѣ съ того, что я буду кормить твоихъ дѣтей?“ Взялъ и выдѣлилъ его: далъ ему одного куцаго быка, а больше ничего не далъ. Продалъ бѣдный того быка, построилъ хибарку, и живетъ себѣ *„бідуючи“*. А братъ его насѣялъ пшеницы десятинъ двадцать, а можетъ быть—и тридцать. Приходятъ „жнива“. Бѣдный и говоритъ своему сыну: Пойдемъ, сынокъ, наймемся къ дядѣ: можетъ, скосимъ какую десятину пшеницы“. Нанялись рублей за пять или тамъ за шесть [2]). Цѣлую недѣлю косили они ту десятину, потому что, извѣстно—тотъ калѣка, а тотъ малышъ еще. Ну, и было, стало быть, дѣло такъ: сегодня суббота, а завтра воскресенье, косили они весь день, ничего не ѣвши, а вечеромъ отецъ и говоритъ: „Пойдемъ, сынокъ, къ дядѣ: не дастъ ли онъ намъ поужинать, потому что рабочимъ своимъ варитъ же онъ ѣсть,—авось, и намъ дастъ чего-либо“. Пошли. Богатый братъ спрашиваетъ: „А что—покончилъ уже съ десятиною?“—„Да скосилъ,—отвѣчаетъ,—повязалъ, только не сносилъ“.—„Э,—говоритъ богатый братъ,—это уже у меня не работа! Сейчасъ

[1]) М. Драгомановъ, „Малорусскія народныя преданія и разсказы“, стр. 182—184.

[2]) Въ 70-хъ годахъ, пока еще не получили широкаго распространенія жатвенныя машины, въ Бердянскомъ уѣздѣ цѣны косарей при уборкѣ пшеницы доходили до 5—6 руб. въ день, а женщинъ-вязальщицъ и гребцовъ—до 3 руб.

http://rcin.org.pl

же складывай въ копны!“ И не далъ имъ ѣсть. Заплакалъ бѣдный братъ и пошелъ съ своимъ сыномъ на всю ночь складывать снопы, хотя съ утра не было у нихъ во рту ни маковой росинки. Носили они такъ до тѣхъ поръ, что вотъ-вотъ уже и разсвѣтать начнетъ. Поносили, наконецъ, всѣ; отецъ и говоритъ тогда: „Приляжемъ, сынокъ, да хоть отдохнемъ немного: дядя твой—спасибо ему—накормилъ насъ“. Дитя—обыкновенно—натомилось, упало и тотчасъ же заснуло; а отецъ облокотился на локоть да и ну горевать, что нечего ѣсть ни ему, ни дѣтямъ. Глядитъ—а по нивѣ, гдѣ онъ косилъ, ходитъ простоволосая женщина въ бѣлой сорочкѣ. Бѣдный братъ и думаетъ: „Господи! кто же это такой ходитъ, что какъ будто боится близко ко мнѣ подходить? Дайка спрошу—*что* оно такое?.. Слушай! Кто ты?“—„А я,—говоритъ,—Доля твоего брата“.—„Что же ты тутъ ходишь?“—„А хожу вотъ да собираю колосья и въ снопы ихъ втыкаю, чтобы ни одинъ не пропалъ“.—„Эхъ, Господи!—подумалъ про себя бѣдный братъ:—какъ бы мнѣ поймать ее да дознаться, гдѣ *моя* Доля?“ Подозвалъ онъ къ себѣ братову Долю да и схватилъ ее.—„Доля моего брата! скажи мнѣ, гдѣ *моя* Доля?—„Э! да ты развѣ поймаешь свою Долю? Твоя Доля—быть купцомъ“.—„Скажи же, какъ найти мнѣ свою Долю?“—„А вотъ какъ,—говоритъ:—вставай сейчасъ, иди поскорѣе домой и поспѣшай не мѣшкая въ городъ, чтобы еще до утра ты былъ тамъ. И встрѣтятся тебѣ три „панночки“—двѣ въ совершенно одинаковыхъ платьяхъ, а третья въ иномъ. Когда онѣ будутъ итти, впереди ихъ будетъ играть музыка, а онѣ будутъ танцовать; и вотъ та, третья, и есть твоя Доля. Зайди ты позади этой „панночки“ и ударь ее такъ, чтобы она упала на землю“.—Приходитъ бѣдный калѣка въ городъ. И дѣйствительно—все встрѣчаетъ такъ, какъ говорила ему Доля брата.—„Господи милостивый! Я и теперь несчастный, а что же со мною будетъ, если я ударю такую *пани* по уху? Доведется жить въ *дядьковій хаті* (въ тюрьмѣ)!.. Эхъ, что будетъ, то будетъ!“—сказалъ онъ да и хватилъ ее изо всей

http://rcin.org.pl

мочи *пáпочку* по уху! Она упала, оглянулась и говоритъ: „Э! нашелъ-таки ты меня здѣсь! Ты думалъ, что я буду по нивѣ ходить да колосья собирать? Нѣтъ, я *купцюю*!“ Взяла она тогда его и повела къ себѣ. А у нея было двѣ громадныхъ лавки съ товарами. Нарядила она его, потому что онъ былъ совершенно оборванный,—надѣла на него новые „*чóботи*“ и всю одежду, и затѣмъ давай научать его: „Теперь у насъ въ городѣ продаютъ съ публичнаго торга у одного купца два дома. Позавтракаемъ сейчасъ да и пойдемъ туда, потому что намъ нужно поспѣшать на аукціонъ. Только гляди—выступятъ два купца и начнуть торговать, а ты выступишь третьимъ. Будутъ спрашивать: „Кто что́ даетъ за эти два дома?“ Ты не отзывайся, а молчи,—пусть тѣ купцы свою цѣну даютъ. Одинъ надаетъ двѣ тысячи, другой — четыре, а какъ крикнуть въ третій разъ: „Кто больше?“—то ты тогда уже только набавляй“. Поѣхали на аукціонъ, — и онъ купилъ тѣ два дома.—Прожилъ онъ въ городѣ года три, а можетъ быть—и четыре, и совсѣмъ было уже забылъ про жену и про дѣтей. Но вотъ какъ-то вспомнилъ и велѣлъ кучеру, чтобы тотъ запрегъ лошадей; сѣлъ, поѣхалъ въ свое село и остановился подлѣ своей хибарки.—„Поди,—говоритъ кучеру,—спроси, не пустятъ ли насъ переночевать?“ А нужно сказать, что когда онъ ѣхалъ изъ города, то понабралъ съ собою разныхъ напитковъ и закусокъ, такъ какъ хорошо зналъ, что жена не ѣвши сидитъ дома. Набралъ и одежи дѣтямъ. Кучеръ, когда послалъ его хозяинъ, подбѣжалъ къ хибаркѣ и спрашиваетъ: „А что—хозяинъ дома?“—„Не то, что дома, а кто его знаетъ, живъ ли даже на свѣтѣ: уже четыре года, какъ его убили, или зарѣзали“.—„А не пустишь ли ты насъ, хозяйка, переночевать?“—„Чего не пустить? ночуйте!..“ Купецъ потомъ и спрашиваетъ, нѣтъ ли чего у нея поужинать?—„И-и!—отвѣчала хозяйка:—сама всегда сижу не ѣвши, и дѣти мои голодныя!“ Сколько купецъ ни разговаривалъ съ нею, а она такъ и не узнала его. Послалъ купецъ кучера ставить самоваръ, тотъ ставилъ—не

http://rcin.org.pl

ставилъ, а самоваръ уже и кипитъ. Посадилъ купецъ кучера за столъ, посадилъ и хозяйку и дѣтей,—а ужъ сколько онъ сахару того понакладывалъ въ чашки, такъ—и, Господи!—Выпили они чай. Хозяйка ужъ такъ и благодаритъ купца, такъ благодаритъ: „Хоть въ душѣ,—говоритъ,—послащало, а то дѣти совсѣмъ было попухли не ѣвши“. Посидѣли затѣмъ, побесѣдовали. Купецъ велѣлъ кучеру внесть всѣ напитки и закуски. Поужинали. Хозяйка и дѣти благодарятъ купца, кланяются ему въ ноги за то, что напоилъ и накормилъ ихъ. А онъ и говоритъ: „Нѣтъ,—говоритъ,—хозяйка, этимъ ты еще отъ меня не отдѣлаешься: я еще съ тобою спать лягу“.—„Нѣтъ, нѣтъ, *пане*,—отвѣчаетъ хозяйка:—этого ужъ никакъ нельзя, потому что, если когда-нибудь вернется мой мужъ и дознается объ этомъ, такъ онъ меня исколотитъ“.—„Неужели ты совсѣмъ уже хочешь отказаться отъ своего мужа?—сказалъ купецъ:—коли такъ, то я найду себѣ и покраше тебя“.—„Развѣ мой мужъ такой, какъ вы? Мой мужъ бѣдный и *вбо́гий*, да къ тому же еще и калѣка, а вы—панъ“. Давай тогда купецъ показывать разныя примѣты, пока жена, наконецъ, не узнала его: а когда узнала, тогда онъ нарядилъ дѣтей и говоритъ тому сыну, съ которымъ когда-то косилъ у своего брата: „Сбѣгай-ка, сынокъ, къ тому дядѣ, который не далъ намъ и куска хлѣба, когда мы косили у него. Соскучился я за нимъ,—хочу повидаться“.—Дѣло было ночью. Побѣжалъ мальчуганъ къ дядиной хатѣ и кричитъ: „Дядя!“—„А что?“—„Идите къ намъ!“—„А что тамъ у васъ?“—„Пріѣхалъ отецъ въ бричкѣ, тройкою лошадей!“—„Развѣ что батьковскою?“—смѣется дядя, но все же пошелъ. Приходитъ, поздоровался—не узна́етъ брата въ купцѣ.—„Неужто ты меня не узнаешь?“—спрашиваетъ купецъ.—„Какъ же я могу узнать тебя, когда ты раньше былъ страшнымъ бѣднякомъ, а теперь сдѣлался такимъ богачомъ?“ Признали, наконецъ, другъ друга и давай тогда пить да гулять. Вотъ и сталъ богатый братъ выспрашивать, какъ тотъ разбогатѣлъ. Купецъ разсказалъ ему про свою Долю.—За-

http://rcin.org.pl

тѣмъ братья распрощались; купецъ забралъ дѣтей и жену и переѣхалъ съ ними жить въ городъ. И теперь они живутъ въ Бердянскѣ [1]).

Но особенно характеренъ во многихъ отношеніяхъ разсказъ, записанный въ Бѣлгородскомъ уѣздѣ.—Жилъ себѣ одинъ бѣдный человѣкъ. Дѣтей у него было много, а хлѣбъ все не родитъ. Вотъ онъ и говоритъ: „Боже милостивый, Боже праведный! хотя бы мнѣ увидать какъ-нибудь свою Долю, чтобы знать, чѣмъ заняться?“ Дровъ нѣтъ; запрегъ онъ лошаденку и поѣхалъ въ лѣсъ. Пріѣхалъ, положилъ лошаденкѣ сѣна, а самъ пошелъ дрова рубить. Рубитъ дерево, когда слышитъ—кто-то по близости тужитъ.—„Дай пойду посмотрю, *что* оно такое тужитъ?“ Идетъ, когда глядитъ—за гнилымъ пнемъ лежитъ Доля. Подошелъ ближе и дотронулся до нея; а Доля и говоритъ: „Не трогай меня!“—„*Что* же ты такое?“—„Я—твоя Доля“.—„А коли ты моя Доля, такъ скажи, чѣмъ мнѣ заняться?“—„Займись, добрый человѣкъ, вѣниками: наруби березы, навяжи пучковъ да и вези продавать,—отъ этого разбогатѣешь“. Нарубилъ онъ дровъ, отвезъ домой, подзакусилъ немного да и снова въ лѣсъ. Пріѣхалъ, разыскалъ березки и давай рубить вѣтки; содралъ лыкъ и навязалъ пучковъ. Привезъ ихъ сначала домой, а затѣмъ повезъ на базаръ,—такъ ему не дали даже стать, какъ слѣдуетъ—тотчасъ же разобрали... Дальше и дальше—и далъ ему Богъ такъ, что сталъ онъ купцомъ, сталъ краснымъ товаромъ торговать. А сосѣдъ и думаетъ себѣ: „Съ чего это кумъ разбогатѣлъ?“ Приходитъ къ нему.—„Здравствуй, кумъ!—поздоровался тамъ съ какимъ днемъ:—скажи, кумъ, правду: отъ чего ты разбогатѣлъ?“—„Эхъ, кумъ, я бы и сказалъ, да не велѣно мнѣ говорить“. А потомъ думаетъ: „Нѣтъ, ужъ что Богъ дастъ, скажу“. И разсказалъ все... Поѣхалъ кумъ и себѣ въ лѣсъ. Срубилъ одно дерево—ничего, срубилъ другое—ничего; сталъ

[1]) Б. Гринченко, „Этнографическіе матеріалы“, вып. I. стр. 109—115.

http://rcin.org.pl

рубить третье, а оно и говоритъ: „Зачѣмъ ты рубишь меня? я не твоя Доля,—твоя Доля въ лугу на конѣ верхомъ сидитъ“.—„Что же мнѣ дѣлать?“—„А что тебѣ дѣлать? Пойди уворуй пару лошадей,—будешь богатымъ“.—„Да я,—говоритъ,—не умѣю красть“.—„А ты,—говоритъ,—попроси *Михаила Волчанскаго* (что осенью на чудо Михаила бываетъ ярмарка)“ [1]).—„Гдѣ же мнѣ его найти?“—„У барина подъ хлѣбнымъ магазиномъ лежитъ“. Мужикъ пошелъ и нашелъ его.—„Михайло Михайловичъ,—говоритъ:—я получилъ приказъ лошадей уворовать: какъ мнѣ ихъ уворовать, въ какое время—днемъ или ночью?“—„Ночью не воруй, потому что, если поймаютъ, то побьютъ; а вотъ днемъ, когда люди работаютъ въ полѣ и когда потомъ усядутся за обѣдъ, пообѣдаютъ и прилягутъ соснуть, тогда укради: подумаютъ, что не воръ, а ведешь лошадей поить, если кто увидитъ“. Мужикъ такъ и сдѣлалъ: поѣхалъ въ поле и засѣлъ въ кустарникѣ; смотритъ: побѣжали люди и улеглись соснуть, спять; взялъ онъ тогда пару лошадей, сѣлъ на одну изъ нихъ и по-

[1]) Въ г. Волчанскѣ, Харьк. губ., его престольный праздникъ 8-го сент. Относительно Михаила Волчанскаго существуетъ слѣдующій любопытный народный разсказъ, записанный въ Чигиринскомъ уѣздѣ. То ли осенью (8 сентября), то ли весною есть такой праздникъ, въ который ничего нельзя работать. Разсказываютъ, будто одинъ человѣкъ выѣхалъ въ поле сѣять: „Ничего не буду дѣлать, посѣю только да заборону“. Пріѣхалъ въ поле, посѣялъ, а затѣмъ хотѣлъ было снять борону съ воза, да какъ взялъ ее на плечи, такъ ужъ и не могъ сбросить съ себя. Носитъ онъ борону, носитъ.—изъ силъ выбился совсѣмъ: упадетъ отъ изнуренія, поднимется затѣмъ на ноги, а борона все на немъ,—такъ до самаго вечера и носилъ ее на своихъ плечахъ. Становился уже онъ на колѣни, молился,—ничто не помогаетъ. А люди идутъ и спрашиваютъ: „Зачѣмъ это ты, *чоловіче*, носишь борону на плечахъ?“—„Да вотъ,—говоритъ,—*чудую* и *чудую*: что уже ни дѣлалъ, никакъ не могу сбросить съ себя!“—„А не надо было тебѣ въ праздникъ работать,—самъ виноватъ“. Уже и воскресенье зашло,—а дѣло это было въ субботу. Сталъ тогда тотъ человѣкъ просить „Недѣлю“, чтобы она ему помогла. Только что подошелъ поелѣ того къ возу, а борона—бухъ!“—и упала на возъ („Этнографическое Обозрѣніе“ 1892 г., XV, стр. 166).

http://rcin.org.pl

ѣхалъ: такъ ужъ Богъ далъ, что никто его и не видѣлъ. Привелъ онъ лошадей домой; только что на дворъ—а тутъ, гдѣ ни возмись, и покупатели явились.—„Здравствуй, хозяинъ! продаешь?“—„Продаю—давай деньги“... Пошелъ на базаръ, накупилъ хлѣба и всего прочаго и возвращается домой. Тяжело нести; когда стоитъ на дорогѣ запряженная въ телѣгу лошадь.—„Можетъ, это Богъ такъ далъ, чтобы я свои покупки могъ домой отвезть?“ Сѣлъ въ телѣгу, пріѣхалъ домой. Жена смотритъ: что такое? пошелъ изъ дому пѣшкомъ, а вернулся вдругъ на телѣгѣ!—„Откуда ты лошадь привелъ?“—„Богъ далъ!“ Идетъ въ это время мимо какой-то человѣкъ.—„Здорово, хозяинъ!“—„Здравствуй!“—„Не продашь ли мнѣ часомъ лошадь вмѣстѣ съ телѣгой?“—„Продамъ“. Купилъ тотъ человѣкъ лошадь съ телѣгой и уѣхалъ. Мужикъ вошелъ въ хату и говоритъ: „Ну, жена, привалило, наконецъ, счастье и намъ!..“ Дознался батюшка про счастье *Хомы* (такъ звали мужика).—„Пойду,—говоритъ,—спрошу *Хому*, чѣмъ онъ разбогатѣлъ? Я вотъ служу и доходы получаю, а не знаю, гдѣ тѣ деньги дѣваются“ (батюшка былъ бѣденъ). Пошелъ. А *Хома* накупилъ лѣсу и дѣлаетъ дорогія колѣса.—„Здравствуй, *Хома*!“—„Здравствуйте, батюшка!“ Сѣлъ подлѣ него.—„Знаешь ли, чего я къ тебѣ пришелъ?“—„А чего, батюшка?“—„Скажи мнѣ, чѣмъ ты разбогатѣлъ?“—„Не дай Богъ такого богатства, не хорошее дѣло,—за него нужно отвѣчать—знаю, что грѣхъ“. И давай разсказывать. Батюшка вернулся домой и разсказалъ все матушкѣ... (затѣмъ записывавшій этотъ разсказъ М. К. Васильевъ не могъ записать, „вслѣдствіе живости передачи“ разказчицей-старухой Соточихой; но смыслъ тотъ, что батюшка, посовѣтовавшись съ матушкой, рѣшили, подобно *Хомѣ*, и себѣ пойти красть лошадей)... Навстрѣчу батюшкѣ идетъ человѣкъ.—„Здравствуйте!“—„Здравствуйте!“—„Куда это васъ Богъ несетъ?“—Батюшка и сталъ разсказывать: „У насъ одинъ человѣкъ прежде былъ бѣднымъ, а теперь сталъ богатымъ,—хочу и я сдѣлаться тоже богатымъ“... такъ и такъ...—„Не иди лоша-

http://rcin.org.pl

дей красть, а иди въ сенатъ; тамъ хотя и стерегутъ солдаты, но ты не бойся—полѣзай въ окно къ государю и уворуй денегъ: тогда ты сдѣлаешься богатымъ". Пошелъ батюшка. Приходитъ ко дворцу государя—кругомъ солдаты. Одинъ изъ нихъ и говоритъ: „Абъ чомъ сюда прийшолъ?"—сталъ, значитъ, разспрашивать. Стыдно батюшкѣ сознаться, да грѣхъ и потаить: „Хочу у государя *казни достáть*".—„Ты *не достáнешь*, а вотъ иди подъ тѣ хоромы, такъ я спущу тебѣ на веревкѣ небольшой сундучокъ; возьми сундучокъ подъ руку и иди себѣ". Батюшка подошелъ къ хоромамъ дожидается; а солдатъ какъ пуститъ камень да какъ хватитъ имъ въ затылокъ батюшку, такъ тотъ и *„заклекотівъ"*. Матушка ждетъ-пождетъ своего батюшку... Прошелъ слухъ, что убили священника; не хоронятъ его, лежитъ. Доложили государю. Солдатъ, который пустилъ въ батюшку камнемъ, говоритъ государю: „Хотѣлъ,—говоритъ,—вашъ дворецъ обокрасть, такъ я и хватилъ его камнемъ". Государь велѣлъ дать солдату награду и „посадивъ підпоно́шникомъ" [1]).

Въ приведенномъ разсказѣ прежде всего обращаетъ на себя вниманіе то обстоятельство, что *вельнія*, такъ сказать, Доли являются въ извѣстномъ смыслѣ благодѣтельными для опекаемаго ею человѣка, даже если бы они расходились съ требованіями нравственнаго закона: *вельнія* эти—не что иное, какъ предопредѣленія неизбѣжнаго рока, судьбы. fatum'a, рок'ы. Мужикъ разбогатѣлъ воровствомъ лошадей, потому что такова его *доля*, судьба. Захотѣлъ разбогатѣть тѣмъ же путемъ и батюшка. Алчность къ легкой наживѣ и воровство особенно предосудительны въ служителѣ алтаря, въ духовномъ руководителѣ и учителѣ пасомыхъ; и прочно живущее въ глубинѣ души народной чувство высшей правды подвергаетъ батюшку жестокой карѣ. Алчность къ наживѣ настолько ослѣпила бзтюшку, что онъ, по совѣту встрѣтившаго ему человѣка, рѣшается обокрасть самого государя. Преступленіе

[1]) „Этнографическое Обозрѣніе" 1892 г., XV, стр. 165—167.

http://rcin.org.pl

батюшки отъ этого въ глазахъ народа еще болѣе увеличивается, но зато народное нравственное чувство получаетъ болѣе всестороннее удовлетвореніе: вѣрный своему долгу солдатъ убиваетъ батюшку, осмѣлившагося обокрасть своего государя; а проявившій столько усердія солдатъ получаетъ награду отъ государя и повышеніе по службѣ.

Другая важная особенность разсказа заключается въ томъ, что лицомъ, дающимъ непосредственныя указанія касательно наиболѣе удобнаго и успѣшнаго совершенія кражи; является св. Михаилъ Волчанскій. Здѣсь мы имѣемъ дѣло съ пережиткомъ языческаго вѣрованія, указывающимъ на давно уже исчезнувшія формы быта. Во времена господства родового быта, при постоянной враждѣ родовъ, всякое нападеніе на члена враждебнаго рода, всякое тайное похищеніе или же открытый грабежъ его имущества были подвигомъ, военнымъ опаснымъ предпріятіемъ, для успѣшнаго выполненія котораго испрашивалась высшая, божественная помощь, какъ впослѣдствіи, при измѣнившихся формахъ быта, испрашивалась и испрашивается она вообще при началѣ военныхъ дѣйствій. Такой взглядъ на воровство сохранился и по сію пору у нѣкоторыхъ нашихъ инородцевъ, напр.—у абхазцевъ. У послѣднихъ есть особое божество *Эйрцъ-хацныхъ* (въ переводѣ—„видящій все днемъ и ночью“), покровитель воровства, грабежа и разбоевъ. Въ жертву этому божеству приносятся четыре хлѣбца, надъ которыми читается молитва, испрашивающая благословеніе на предпріятіе, и дается обѣщаніе, въ случаѣ успѣха, пожертвовать что-нибудь Богу [1]). Своеобразное пониманіе житія св. Іоанна Воина, который былъ посланъ Юліаномъ Отступникомъ для избіенія христіанъ, но, прежде чѣмъ схватывать, предупреждалъ ихъ, чтобы они бѣжали, или же отпускалъ схваченныхъ [2]), породило въ Вели-

[1]) „Сборникъ свѣдѣній о кавказскихъ горцахъ“, вып. 5, А—з, „Религіозныя вѣрованія абхазцевъ“, стр. 17.

[2]) Прологъ, изд. 1877 г., ч. II, стр. 68.

http://rcin.org.pl

короссіи вѣрованіе среди воровъ, что святой этотъ покровителььтвуетъ будто бы занимающимся воровствомъ (къ нему же обращаются и потерпѣвшіе съ молитвою объ открытіи вора и о возвращеніи похищеннаго, такъ какъ въ числѣ чудесъ, совершенныхъ св. Іоанномъ Воиномъ, Прологъ говоритъ и *объ открытіи татьбы*). Впрочемъ, молитва, обращенная къ св. Іоанну Воину, можетъ помочь только при простомъ воровствѣ. Если же воръ рѣшается снять ризу или же цѣнныя украшенія съ образа въ церкви, то молитва обращается къ святому, изображенному на иконѣ, при чемъ, испрашивая у него позволенія снять ризу или украшенія, въ то же время воръ обѣщаетъ ему съ своей стороны какой-либо даръ. Въ старинномъ „Словѣ о нѣкоемъ купцѣ“ разсказывается, что обнищавшій купецъ, подошедши въ церкви къ иконѣ Пресв. Богородицы, просилъ Богоматерь дать ему утварь, которая украшала Ея икону. Входитъ онъ однажды снова въ церковь и видитъ—утварь лежитъ предъ иконой; купецъ взялъ ее, разбогатѣлъ и послѣ того украсилъ икону вдвое богаче [1]). По словамъ Е. Якушкина, въ народѣ ходитъ разсказъ о ворѣ, забравшемся ночью въ церковь съ цѣлью уворовать дорогую ризу съ иконы св. Николая чудотворца. Долго никакъ онъ все не могъ снять съ иконы ризу и снялъ ее лишь послѣ того, какъ обратился съ молитвою къ святителю, пообѣщавши поставить полупудовую свѣчу. Нечаяннымъ свидѣтелемъ всей этой сцены былъ мальчикъ, который уснулъ во время всенощной и, не замѣченный сторожами, былъ запертъ на ночь въ церкви. Мальчикъ на другой день разсказалъ о томъ, что́ видѣлъ и слышалъ, народу, и воръ былъ схваченъ и наказанъ, когда пришелъ потомъ въ церковь, исполняя данный св. Николаю обѣтъ, съ полупудовой свѣчей [2]).—У великорусскихъ воровъ есть даже особая заклинательная молитва, которую знаютъ наизусть и списокъ съ

[1]) „Памятники русской старинной литературы“, вып. I, стр. 133.
[2]) „Этнографическое Обозрѣніе“ 1891 г., IX, стр. 10.

http://rcin.org.pl

которой почти всегда носятъ съ собою, особенно же когда отправляются на промыселъ, спеціалисты воровского дѣла. Вотъ эта молитва: „Во имя Отца и Сына и Св. Духа. Аминь. Иду я, рабъ Божій, въ мрачный путь и дорогу мою, навстрѣчу мнѣ Самъ Господь Іисусъ Христосъ грядетъ изъ прекраснаго рая, опирается золотымъ посохомъ, въ золотомъ Своемъ крестѣ, на правой сторонѣ у меня Мать Божія, Пресвятая Богородица, съ ангелами, архангелами, серафимами и со всѣми небесными силами; съ лѣвой стороны моей архангелъ Гавріилъ, надо мною Михаилъ архангелъ; сзади меня, раба Божія, Илья пророкъ на огненной колесницѣ; онъ стрѣляетъ, очищаетъ и дорогу мою закрываетъ Св. Духомъ и животворящимъ крестомъ Господнимъ. Замóкъ Богоматерь, Петра и Павла ключъ. Аминь“ [1]).—Но хотя молитва и можетъ помочь вору въ его преступномъ дѣяніи, при всемъ томъ великорусская же легенда осуждаетъ всякую вообще молитву о злыхъ дѣлахъ. Въ одномъ городѣ,—разсказываетъ легенда,—жилъ вороватый человѣкъ и надѣлалъ много бѣдъ. Однажды случилось ему обокрасть богатаго человѣка; дѣло это отмѣтили; послали за нимъ въ погоню. Долго онъ бѣжалъ лѣсомъ, а впереди того лѣса была чистая степь верстъ, по крайней мѣрѣ, на десять. Какъ пробѣжалъ весь лѣсъ, остановился и не знаетъ, что́ ему дѣлать? если бѣжать по степи, то сейчасъ поймаютъ, потому что версты на двѣ все видно, а погоня—слышитъ—уже близко. Тогда то онъ началъ молиться: „Господи! прости мою душу грѣшную! батюшко отецъ Николай! сокрой меня—я тебѣ гривенную свѣчку поставлю!“ Вдругъ не откуда взялся — предсталъ человѣкъ пожилыхъ лѣтъ и спрашиваетъ вора: „Что́ ты теперь гово-

[1]) Этотъ списокъ текста мотивы снятъ былъ съ одного пойманнаго конокрада въ Моршанскомъ уѣздѣ и напечатанъ первоначально въ „Новомъ Времени“, а затѣмъ перепечатанъ въ № 31-мъ „Тверского Вѣстника“ за 1881 г.—О покровительствѣ святыхъ ворамъ см. также въ замѣткѣ М. К. Васильева и В. Магницкаго: „Къ вопросу о вліяніи вѣрованій на юридическіе обычаи“ („Этнографическое Обозрѣніе“ 1891 г., XI).

http://rcin.org.pl

рилъ?“ Воръ отвѣчаетъ: „Вотъ что я говорилъ: батюшко отецъ Николай! сокрой меня въ этой глуши!—И обѣщался ему свѣчу поставить“. Тутъ онъ покаялся старичку въ своемъ грѣхѣ. Старикъ ему сказалъ: „Если хочешь, полѣзай въ это падалище!“ А тутъ неподалеку лежала падаль. Нечего было дѣлать вору, надо было лѣзть въ падаль, потому что пойману быть не хочется. Залѣзъ онъ туда, а старичокъ въ ту же минуту невидимъ сталъ. Тотъ старичокъ былъ самъ отецъ Николай. Вотъ приближается погоня; выѣхали люди на степь, отъѣхали съ полверсты—никого не видать! и воротились обратно, а воръ лежитъ въ падалищѣ, еле дышитъ—такой гнилой духъ! Когда проѣхала погоня мимо, онъ вылѣзъ оттуда и видитъ опять того же старичка—стоитъ неподалечку да собираетъ воскъ. Воръ подходитъ къ нему, благодаритъ за избавленіе; тогда старичокъ снова спросилъ: „А что́ ты обѣщалъ отцу Николаю, когда искалъ убѣжища?“ Воръ отвѣчаетъ: „Я обѣщалъ смѣнить гривенную свѣчу“. —„То-то и есть! какъ тебѣ было душно лежать въ падалищѣ, такъ и отцу Николаю было бы душно отъ твоей свѣчи“. И далъ ему старичокъ наставленіе: „Никогда не проси Господа Бога и святыхъ Его угодниковъ на злыя дѣла; потому что Господь не благословляетъ злыхъ дѣлъ. Да смотри же, помни мои слова, да и прочимъ скажи, чтобъ никогда не просили Бога въ худыхъ дѣлахъ!“ Сказалъ это, и скрылся изъ глазъ [1]).

---

[1]) А. Н. Аѳанасьевъ, „Народныя русскія сказки“, М. 1897 г., т. II, стр. 406, № 246.—Варьянтъ этой легенды приведенъ Н. А. Иваницкимъ въ его „Матеріалахъ по этнографіи Вологодской губерніи“ („Сборникъ свѣдѣній для изученія быта крестьянскаго населенія Россіи“, вып. II, стр. 126. „Труды Этнографическаго Отдѣла“, кн. XI).

http://rcin.org.pl

II. „*Злúдні*“.

Въ то время, какъ Доля является началомъ положительнымъ, воплощеннымъ *сосуществованіемъ* человѣка (то же, что́ у сербовъ *Среча*), при чемъ между человѣкомъ и его Долей существуетъ родъ предустановленной гармоніи; воплощеніемъ противоположнаго начала являются въ украинскихъ легендарныхъ сказаніяхъ „Злúдні“, которые, въ противоположность Долѣ, дѣйствуютъ совершенно самостоятельно и независимо отъ человѣка. Украинскимъ „Злúднямъ“ *почти вполнѣ* соотвѣтствуютъ—великорусское „Горе-злосчастіе“, или „Нужда“, сербскіе „Несречи“, немѣцкіе „Кобольды“ [1]) и французскій „Бось“ (Bosj), и самые разсказы о „Злúдняхъ“ очень близко напоминаютъ собою разсказы о названныхъ сверхъестественныхъ, миѳическихъ существахъ великороссовъ, сербовъ, нѣмцевъ и французовъ, подобно тому, какъ, напр., сербскіе разсказы о „Сречѣ“ представляютъ собою довольно близкое сходство съ украинскими разсказами о Долѣ [2]).

„Злúдні“ представляются иногда въ образѣ невидимыхъ стариковъ-нищихъ (французскій Бось олицетворяется тоже въ образѣ старика-нищаго, иногда въ образѣ старухи) [3]). Гдѣ только появятся они въ домѣ, тамъ царитъ вѣчная бѣдность (Переясл. у., Полт. губ.): „просúлися Злúдні на три дні, та й вúгнать не мóжна“, говоритъ пословица [4]). Чаще же всего „Злúдні“ олицетворяются въ образѣ очень маленькихъ существъ, которыя, подобно домовымъ, поселяются подъ печ-

---

[1]) Проф. Потебня, „О Долѣ и сродныхъ съ нею существахъ“, стр. 17; см. „Кіевская Старина“ 1889 г., Ноябрь, стр. 298—300.

[2]) А. Н. Аѳанасьевъ, „Народныя русскія сказки“, т. II, стр. 237—238.

[3]) Le Carguet, „Superstitions et croyances du Cap—Sizun“, въ главѣ: „Ar Bosy—I a Malchance“ (журн. „Revue des traditions populaires“ 1891 г., № 9.—„Этнограф. Обозрѣніе“ 1892 г., XV, стр. 170).

[4]) П. Чубинскій, „Труды Этнограф.-статист. Экспедиціи въ зап.-русскій край“, т. I, стр. 211, 254.

http://rcin.org.pl

кой. Въ Лебединскомъ уѣздѣ записанъ слѣдующій разсказъ. „Богáтство—дочáсие, а Злúдні довічні“, говорятъ старые люди. Гдѣ только заведутся „Злúдні“, тамъ бѣдность не переводится до тѣхъ поръ, пока или сами „Злúдні“ не перейдутъ куда-нибудь въ другое мѣсто, или же пока тотъ человѣкъ, у котораго они поселились, не выведетъ ихъ какимъ-нибудь способомъ отъ себя. Вотъ что про нихъ разсказываютъ. —Въ одномъ селѣ жилъ мужикъ—сдается, и работящій, однако все у него какъ-то дѣло не шло на ладъ: бьется, какъ рыба объ ледъ, а никакъ не можетъ выбиться изъ бѣдности. Какъ-то и раздумался онъ: „Что-за притча такая, что я никакъ не разживусь? Неужели на меня Злúдні напали?“ А ему *кто-то* и отвѣчаетъ: „И на самомъ дѣлѣ напали, и сколько бы ты ни бился, не разживешься, пока мы будемъ у тебя“. Мужикъ былъ не промахъ. Пораскинулъ немного мозгами туда и сюда и спрашиваетъ: „Да развѣ васъ много у меня развелось?“—„Много“, отозвалось *то же самое*.—„А почему же васъ не видно?“—снова спрашиваетъ мужикъ.—„Это мы такіе маленькіе, что насъ никто не видитъ“.—„Гдѣ же вы помѣщаетесь?“—„Да мы вездѣ можемъ помѣститься“. Въ это самое время мужику захотѣлось понюхать табаку, и онъ открылъ рожокъ.—„А вотъ здѣсь, въ рожкѣ, помѣститесь?“—спрашиваетъ.—„Помѣстимся“, отозвалось *то*, и тотчасъ послышался голосъ изъ рожка: „Вотъ мы уже всѣ въ рожкѣ!“ Мужикъ быстро заткнулъ рожокъ „закладкою“, пошелъ поскорѣе къ пустой мельницѣ и положилъ рожокъ подъ валъ. Сразу же послѣ этого все у мужика пошло прекрасно: самъ ли сдѣлаетъ, или другимъ прикажетъ что сдѣлать,—все ему удается. Появился у него достатокъ, а потомъ и богатство: быстро разжился. Въ томъ же селѣ жилъ другой мужикъ, большой богачъ, да только такой завистливый, что и Боже ты мой! Онъ страшно завидовалъ и досадовалъ, если, бывало, разживется кто-нибудь другой. Особенно же злобствовалъ онъ по поводу того, что недавній бѣднякъ вдругъ нагоняетъ его въ богатствѣ! Долго ломалъ онъ голову, чтобы отгадать,

http://rcin.org.pl

отчего это бѣднякъ такъ быстро разбогатѣлъ; но ничего не могъ придумать. Вотъ онъ и подошелъ къ прежнему бѣдняку шуткою да и вывѣдалъ, наконецъ, отъ него самаго, отчего онъ богатѣетъ. Вывѣдавши все, завистливый богачъ добрался до той пустой мельницы, гдѣ бѣднякъ спряталъ рожокъ съ „Злидиями“, вынулъ его изъ-подъ валу и выпустилъ „Злидней“ на волю. Богачъ думалъ, что „Злидні“ снова вернутся къ бѣдняку; однако они побоялись вернуться къ своему прежнему хозяину, который могъ опять продѣлать надъ ними какую-либо штуку, а пошли къ завистливому богачу, на новое мѣсто. Съ того времени богачу все какъ ножомъ отрѣзало: во всемъ онъ сталъ терпѣть убытки, и скоро богатство его пошло прахомъ. Рогатый скотъ сталъ дохнуть; лошади были уворованы; овцы начали пропадать; хлѣбъ пересталъ родить; а въ концѣ концовъ ножаръ совершенно уничтожилъ весь дворъ и токъ и клуню, и завистливый богачъ сдѣлался такимъ же бѣднякомъ, какимъ былъ тотъ мужикъ, у котораго раньше поселились „Злидні“. Покаялся онъ тогда, да было уже поздно: „лихо не минулось“. Одно только утѣшеніе и осталось у него—разсказывать людямъ, отчего приключилось съ нимъ такое горе. Часто потомъ говаривалъ онъ другимъ: „Кайтесь на міні й не мислить нікому зла, а найгіршъ ізъ заздрости“ (а особенно изъ зависти) [1]).

Нѣсколько въ иномъ родѣ разсказъ, записанный въ Заславскомъ уѣздѣ.—Жилъ себѣ человѣкъ, да такой бѣдный, такой бѣдный, что подчасъ нечего было ѣсть не только ему, но даже и маленькимъ дѣткамъ; а бѣднымъ онъ былъ оттого, что у него подъ печкою поселились двѣнадцать „Злиднівъ“. Подходитъ „Пущання“ („прощеное воскресенье“) — нужно заговлять на постъ. Раздобылъ какъ-то этотъ человѣкъ скоромнаго; сѣли всѣ, поужинали, чѣмъ Богъ послалъ. А бѣднякъ да былъ музыкантъ. Вотъ послѣ ужина взялъ онъ скрип-

[1]) П. Чубинскій. „Труды Этнограф.-статист. Экспедиціи въ зап.-русскій край“, т. II, стр. 398—399.

http://rcin.org.pl

ку и началъ играть. Дѣти, какъ только услышали, тотчасъ же посхватывались и давай танцовать. Ему стало такъ весело, что дѣти танцуютъ,—заглядѣлся на нихъ, задумался и пересталъ играть. Когда смотритъ, оказывается, что и „Злидні“ разомъ съ дѣтьми танцовали посреди хаты, а когда онъ пересталъ играть, „Злидні“ такъ и „сунули“ скорѣе подъ печь. Когда они попрятались, человѣкъ тотъ и спрашиваетъ: „Можетъ быть, вамъ подъ печкою нехорошо, тѣсно сидѣть?“ —„Нѣтъ, не нехорошо, ладно будетъ“. А одному да было тѣсно, вотъ онъ и говоритъ: „Гдѣ тамъ тебѣ, *чоловіче* хорошо! Тѣснота такая, что и не приведи Матерь Божія!“ — „Если и въ самомъ дѣлѣ тѣсно,—говоритъ человѣкъ,—такъ я найду, гдѣ васъ помѣстить, обождите только немного“. Быстро побѣжалъ онъ затѣмъ на дворъ, взялъ тамъ бочку, внесъ ее въ хату и говоритъ „Злиднямъ“: „Вотъ полѣзайте всѣ сюда!“ „Злидні“ начали лѣзть въ ту бочку—повлазили всѣ и наполнили ее до верху; а онъ схватилъ „прутóкъ“ да моментально заднилъ бочку, вывезъ ее на поле и кинулъ тамъ. Вернулся домой и хвалится женѣ и дѣтямъ, какъ онъ сбылъ „Злиднівъ“.—„Ну, теперь,—говоритъ,—авось, Богъ дастъ, наше хозяйство лучше пойдетъ!“ Прошло тамъ, можетъ быть, съ полгода, а то и больше, хозяйство у него пошло такъ хорошо, что и богатые люди стали ему завидовать. Купитъ онъ, напр., корову за десять или за двѣнадцать рублей, глядишь—черезъ мѣсяцъ корова приведетъ теленочка, и онъ продастъ ее уже за двадцать или да двадцать пять рублей; купитъ овечку—шерсть съ нея острижетъ, а самое овечку продастъ и еще больше возьметъ, чѣмъ сколько самъ заплатитъ; засѣетъ поле рожью или пшеницею, такъ такіе уродятъ колосистыя да зернистыя, что стебли гнутся до самой земли. Всѣ односельчане стали диву даваться, какъ это прежде онъ былъ такой бѣдный, что даже дѣтей своихъ не могъ прокормить, а теперь вдругъ такъ хорошо зажилъ? Приходитъ къ нему однажды старшій братъ и спрашиваетъ: „Какъ это сдѣлалось, что тебѣ начало вдругъ такъ везти въ хозяйствѣ?“ — „Ве-

http://rcin.org.pl

зеть,—говоритъ,—потому, что *Злúднівъ* не стало".—„А гдѣ же они подѣвались?"—„Отвезъ на поле, заднивши бочку, да и кинулъ ихъ тамъ".—„Какіе они изъ себя?"—„Пойди посмотри, если тебѣ хочется знать".—„Какъ же я пойду, когда не знаю, гдѣ ты ихъ кинулъ?" Какъ сталъ просить, какъ сталъ просить старшій братъ, младшій долженъ былъ повести его туда, гдѣ кинулъ „Злúднівъ". Пришли они къ той бочкѣ.—„Вотъ,—говоритъ,—они въ бочкѣ—посмотри!"—„Такъ сними же самъ кружокъ". Младшій братъ только-что поднялъ кружокъ, „Злúдень" изъ бочки и поцѣпился бѣдному на шею. Тотъ ему руки разрывать—не разорветъ никакъ: держится проклятый. Онъ уже и царапалъ его, и кусалъ, и ножомъ рѣзалъ,—ничто не помогаетъ, держится проклятый. Пошелъ съ „Злúднемъ" домой. Какъ только вошелъ въ хату, тотчасъ же и говоритъ женѣ: „А ну-ка, теперь, жена, будемъ выбираться изъ хаты, такъ какъ опять житья не будетъ намъ: снова есть „*Злúдень*". Видитъ жена, что „Злúдень" освободился изъ бочки, уложила пожитки, забрала дѣтей, и идутъ въ лѣсъ. А проклятый „Злúдень" попрежнему виситъ на плечахъ у того человѣка. Приходятъ они въ лѣсъ. Схватилась метель, а морозъ трещитъ такой, „що ажъ óчі рóгомъ лізуть" —„Ну,—говоритъ мужъ,—нужно разложить огонь да хоть погрѣться, не то всѣмъ намъ придется пронасть тутъ на холодѣ". Срубили сосну, давай колоть ее на дрова—да никакъ не расколятъ. Вотъ тотъ человѣкъ и говоритъ: „Беритесь-ка всѣ за сосну, а то какъ не будетъ огня, то мы поколѣемъ; беритесь да *роздирáйте* ее руками!" Всѣ кинулись къ соснѣ; „Злúдень" соскочилъ и себѣ съ плечъ, заложилъ руки въ расщелину сосны и изо всѣхъ силъ старается „раздéрти" ее. Только-что „Злúдень" заложилъ туда обѣ руки чуть не по самые локти, человѣкъ тотъ вынулъ клинья—руки „Злúдню" и защемило тамъ.—„Ну, теперь,—говоритъ онъ,—вернемся, жена, домой: отдѣлались, наконецъ, мы и отъ послѣдняго, уже *Злúдня*, такъ, авось,

http://rcin.org.pl

Богъ снова дастъ, что хозяйство наше пойдетъ на ладъ". Пошли они всѣ домой и зажили себѣ, какъ слѣдуетъ [1]).

Варіантъ этого разсказа, записанный въ г. Каневѣ, въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ эпизодахъ своихъ довольно близко напоминаетъ собою извѣстную великорусскую сказку: „Горе", записанную въ Новгородской губ. [2]). Жили себѣ два брата—одинъ бѣдный, а другой богатый. У богатаго и хлѣба, и скота разнаго, и земли, и денегъ много; а у бѣднаго нечего было даже пообѣдать. И онъ сначала былъ человѣкомъ съ достаткомъ и жилъ хорошо, пока не поселились у него подъ печкою „Злидні". Чего уже только онъ ни дѣлалъ, къ какимъ только знахаркамъ ни обращался—никакъ не можетъ выбиться изъ бѣдности! А старшій братъ не хотѣлъ бѣднаго и братомъ называть. Живетъ богатый годъ, живетъ и другой съ молодою женою, дѣтокъ ожидаетъ,—но Богъ не даетъ ему. У богатаго и денегъ и скота разнаго—всего, всего много есть, а дѣтокъ Богъ не даетъ! Чего уже онъ ни дѣлалъ! И на церковь жертвовалъ, и акаѳисты нанималъ, и самъ усердно молился предъ иконами утромъ и вечеромъ,—не даетъ Богъ дѣтокъ да и только! Видитъ богатый, что Богъ не принимаетъ его молитвы, пошелъ къ бѣдному брату и говоритъ ему: „Молись еще ты, чтобы Богъ послалъ мнѣ дѣтокъ: я тебя возьму тогда въ кумовья".—„Хорошо, буду молиться". Вотъ бѣдный помолится, бывало, Богу за себя, а потомъ молится за брата, чтобы Богъ послалъ ему хоть одно дитя. Прошелъ годъ, и прослышалъ бѣдный отъ людей, что у брата его родилось дитя. Приходитъ онъ къ женѣ да и говоритъ: „А знаешь,—говоритъ,—жена что?"—„А что тамъ,—спрашиваетъ,—*чоловіче*?"—„У моего брата родины".—„Неужто родины?"—„Стало быть, родины."—„Отъ кого же ты,

[1]). П. Чубинскій, „Труды Этнограф.-статист. Экспедиціи въ зап.-русскій край", т. II, стр. 396—398.

[2]) А. Н. Аѳанасьевъ, „Народныя русскія сказки", т. II, стр. 233—235, № 171.

http://rcin.org.pl

чоловіче, слыхалъ?"—„Люди,—говоритъ,—сказали. А знаешь ли что, жена?"—„А что, *чоловіче?*"—„Пойду-ка я на родины къ брату; вѣдь онъ мнѣ говорилъ, что если только Богъ дастъ ему дитя, такъ меня будетъ просить въ кумовья." —„Не иди,—говоритъ,—*чоловіче*: если бы онъ хотѣлъ взять тебя въ кумовья, такъ уже давно бы прислалъ за тобою." —„Пойду я все же, жена, да хоть погляжу на крестины". Пошелъ. Приходитъ къ старшему брату, а тотъ и спрашиваетъ: „А чего тебѣ нужно?"—„Да это я,—говоритъ,—пришелъ къ тебѣ попросить лошадки—нечѣмъ хату топить, такъ поѣду въ лѣсъ да насобираю валежнику".—„Возьми, да только гляди,—говоритъ,—не много накладывай на возъ, чтобы не испортилъ мнѣ лошади". Запрегъ бѣдный братъ коня, пріѣхалъ домой и говоритъ: „А вылазьте-ка, *Злидні*,—поѣдемъ въ лѣсъ!" Вылѣзли „Злидні" изъ-подъ печки (а ихъ тамъ было цѣлыхъ двѣнадцать), усѣлись на возъ и поѣхали. Пріѣхали въ лѣсъ. Бѣдный выпрягъ коня, пустилъ его пастись, а самъ срубилъ толстый-претолстый дубъ, раскололъ его до половины да и говоритъ „Злиднямъ": „Братцы, голубчики! помогите мнѣ расколоть это дерево!"—„Какъ же,—спрашиваютъ,—станемъ мы тебѣ помогать, когда у насъ и топора-то нѣтъ?"—„Вы,—говоритъ,—безъ топора. Заложите всѣ руки въ эту щель да и *раздирайте*: половина васъ пусть тянетъ въ одну сторону, а половина въ другую, такъ оно и расколется". Вотъ „Злидні" кинулись всѣ къ дереву, заложили въ щель руки по самые локти и ну изо всей силы „роздирати дуба". Бѣдный братъ стукнулъ по немъ обухомъ, клинья повылетѣли, а „обаполки такъ і збіглись до купи" и защемили руки всѣмъ „Злиднямъ". А тутъ какъ схватятся буря да вихрь, какъ стали они выворачивать съ корнями деревья,—такое началось, что и Господи! Одно дерево упало на возъ и растрощило его въ мелкія щепы; другое убило коня; бѣдный братъ самъ едва ноги уволокъ изъ лѣсу. —„Ну,—сказалъ онъ,—еще слава Богу, что меня хоть самого не убило! Чтобъ они пропали, проклятые *Злидні*!" Прихо-

http://rcin.org.pl

дитъ онъ къ брату да и стоитъ уже, бѣдный.—„А чего ты стоишь?—спрашиваетъ тотъ:—ужъ не сломалъ ли возъ въ лѣсу?“—„Охъ,—говоритъ,—если бы только возъ!“—„А то что же? Можетъ быть, и коня убилъ?“—„Охъ, если бы только на конѣ *окошйлось*!“—„Такъ ты, можетъ быть, и возъ поломалъ, и коня убилъ?“—„Охъ, такъ, *брáтіку*!... охъ, такъ, родненькій!...“ Стоитъ уже бѣдный да молчитъ только; а тотъ ругаетъ его да проклинаетъ за возъ и за лошадь... Ругалъ-ругалъ, а потомъ и говоритъ: „Поведи меня въ лѣсъ—я хоть погляжу, какъ это ты тамъ мудро управился“. Повелъ его бѣдный въ лѣсъ, на то самое мѣсто, гдѣ онъ кинулъ „Злúднівъ“. Увидѣли „Злúдні“ богатаго брата, и такъ это его просятъ, такъ молятъ, чтобы выручилъ ихъ изъ неволи!—„Выручи насъ, *чоловіче*! выручи насъ, голубчикъ! выпусти насъ, соколикъ!...“ Какъ стали просить, какъ стали просить—да такъ это хорошо, да такъ это жалостно, что богатый братъ смиловался надъ ними: забилъ въ дубъ клинья—„обáполки“ разошлись, „Злúдні“ повытаскивали руки да и говорятъ ему: „Ну,—говорятъ,—*чоловіче*, ты освободилъ насъ, такъ теперь забирай же всѣхъ къ себѣ домой!“—„Что же вы за люди?“—спрашиваетъ.—„Мы,—отвѣчаютъ они,—*Злúдні*“.—„Э,—говоритъ,—коли-ежели вы *Злúдні*, такъ *щуръ вамъ и пекъ вамъ:* на что вы мнѣ сдались?“—„Нѣтъ,—говорятъ,—*чоловіче*, ужъ если освободилъ, такъ забирай теперь всѣхъ насъ къ себѣ домой“.—„Не хочу!“. Какъ сказалъ онъ: „не хочу“, такъ всѣ „Злúдні“ и кинулись къ нему на шею. Разнималъ онъ имъ руки, разнималъ,—ничего не подѣлаетъ! Такъ и пошелъ онъ съ „Злúднями“ домой. Вошелъ въ хату—„Злúдні“ и посыпались на полъ, и съ того времени стали жить у богатаго брата. Бѣдный братъ разжился послѣ того, какъ избавился отъ „Злúдней“, а богатый сдѣлался еще бѣднѣе, чѣмъ прежде былъ его братъ [1]).

---

[1]) П. Чубинскій, „Труды Этногр.-статистич. Экспедиціи въ зап.-русскій край“, т. II, стр. 393—396.

http://rcin.org.pl

Иногда бѣднякъ отъ „Злúднівъ“ освобождается тѣмъ, что кидаетъ ихъ, подобно нѣмецкимъ кобольдамъ, въ рѣку, какъ это видно изъ разсказа о „Веселыхъ *Злúднях*ъ“, приводимаго г. Максимовичемъ въ русскомъ переводѣ въ его изданіи: „Три сказки и одна побасенка“ [1]); иногда, подобно французскаму Босю, прячетъ ихъ въ „бóклагъ“ и закапываетъ въ землю, какъ это видно изъ разсказа, записаннаго въ Маріупольскомъ уѣздѣ и заключающаго въ себѣ довольно пеструю смѣсь разнообразныхъ украинскихъ народныхъ вѣрованій. Въ концѣ одной слободы, какъ разъ отъ стени, жили два брата—богатый и бѣдный. Вотъ бѣдный пришелъ однажды къ богатому и залѣзъ себѣ за столъ. Богатый тотчасъ же прогналъ его говоря: „Ступай вонъ изъ-за стола: лучше пойди на токъ да постоняй грачей!“ Пошелъ бѣдный братъ и давай стонять. Грачи послетали, а одна „шуліка“ (изъ породы коршуновъ)—что слетитъ, то опять и сядетъ. Утомился онъ, гоняясь за „шулікою“, и ну ее ругать. А „шуліка“ и говоритъ: „Не жить тебѣ, *чоловіче*, въ этой слободѣ,—тутъ тебѣ не будетъ ни счастья, ни доли, а иди лучше въ другую“. Пошелъ бѣдный братъ домой, забралъ дѣтей, жену и гдѣ-какую одежонку съ тряпками и поплелся въ другую слободу, повѣсивши черезъ плечи „бóклагъ“. Идутъ они да идутъ дорогою, а „Злúдні“ (точно водяные пузырьки—что ли) прицѣпились къ бѣдному брату и говорятъ: „Куда ты насъ несешь? Мы отъ тебя не отстанемъ, потому что ты нашъ“. Вотъ дѣтямъ захотѣлось пить, и онъ свернулъ съ дороги къ рѣкѣ. Набралъ въ „бóклагъ“ воды, а потомъ позанихалъ туда „Злúднівъ“, заткнулъ колышками да и закопалъ съ водою на берегу. Пошли они дальше. Идутъ да идутъ, когда передъ ними—слободка, а въ концѣ ея стоитъ

[1]) Кіевъ. 1845 г., стр. 35—44. Разсказъ этотъ перепечатанъ въ „Народныхъ русскихъ сказкахъ“ А. Н. Аѳанасьева, т. II, примѣч. къ сказк. №№ 171—172, стр. 236—237.—О нѣмецкой сказкѣ о кобольдахъ см. у Потебни, „О Долѣ и сродныхъ съ нею существахъ“, стр. 17.

http://rcin.org.pl

„пустка“ (пустая хата)—хозяева вымерли съ голоду. Они и поселились тутъ жить. Сидятъ какъ-то разъ въ хатѣ, и вдругъ слышатъ—кто-то кричитъ на чердакѣ: „Ссади! ссади!“ Бѣдный братъ вышелъ въ сѣни, взялъ бечовочку и полѣзъ на чердакъ. Глядь—а тамъ козленочекъ съ рожками (то былъ чортъ). Бѣдный братъ „налигавъ“ козленочка и хотѣлъ было легохонько спустить его съ чердака. Только-что донесъ до лѣстницы, а деньги такъ и посыпались въ сѣни. Слѣзъ онъ съ чердака и давай ихъ собирать; набралъ два сундука. Тогда и переказываетъ черезъ людей брату, чтобы тотъ шелъ къ нему жить. Брату передали, а онъ и думаетъ про себя: „Должно быть, ѣсть нечего, такъ и зоветъ“. Велѣлъ напечь „наляницъ“ и пошелъ. Приходитъ, а братъ ему и показываетъ одинъ сундукъ денегъ, потомъ другой. Такъ и взяла зависть богатаго. Братъ говоритъ ему: „У меня еще есть деньги, закопанныя въ *бóклазі*, подлѣ рѣки: коли хочешь, возьми ихъ себѣ“. Тотъ не захотѣлъ и гостить, да поскорѣе къ рѣкѣ, да за „бóклагъ“. Только-что ототкнулъ его, а „Злúдні“ оттуда выскочили и вцѣпились за него: „Ты теперь нашъ!“—говорятъ. Приходитъ онъ домой, когда все, какое было, богатство его погорѣло, а на томъ мѣстѣ, гдѣ стояла хата, остались одни только угли. Поселился онъ послѣ того въ той землянкѣ, гдѣ раньше жилъ его бѣдный братъ вмѣстѣ съ „Злúднями“ [1]).

Мотивъ заключенія „Злúднівъ“ посредствомъ хитрости въ тѣ или другія мѣста и въ частности въ различные сосуды извѣстенъ весьма многимъ сказаніямъ востока и въ особенности запада—съ тою только разницею, что мѣсто „Злúднівъ“ въ этихъ сказаніяхъ занимаютъ нечистые духи. Общій источникъ сказаній подобнаго рода Н. Н. Дурново [2]) видитъ

---

[1]) М. Драгомановъ, „Малорусскія народныя преданія и разсказы“, стр. 413—414.—О сказкѣ о французскомъ Босѣ см. „Этнографическое Обозрѣніе“ 1892 г., XV, стр. 170.

[2]) „Древности. Труды Слав. Комиссіи Императ. Моск. Археолог.

http://rcin.org.pl

въ еврейскихъ талмудическихъ сказаніяхъ о власти Соломона надъ бѣсами. Отъ евреевъ они перешли къ арабамъ и нашли себѣ отраженіе въ арабскихъ сказкахъ: „Тысяча и одна ночь“ [1]), а также варіируются на различные лады въ индійскихъ сказаніяхъ [2]). Древняя Русь получила легенду о заключенномъ бѣсѣ, съ одной стороны, изъ Византіи, съ другой—съ запада, внесла ее въ нѣкоторыя житія святыхъ (напр., Авраамія Ростовскаго, Іоанна Новгородскаго и др.) и распылила въ весьма обширномъ рядѣ легендарныхъ преданій и сказокъ демонологическаго содержанія [3]). Въ частности, на приведенныя нами украинскія легендарныя сказанія о „Злыдняхъ“ оказали, по всей вѣроятности, довольно сильное вліяніе „Повѣсть о аввѣ Логгинѣ, закрестившемъ бѣса въ чашѣ съ водой“ [4]), „Повѣсть о старцѣ, просившемъ руки царской дочери“ [5]) и главнымъ образомъ—житіе св. муч. Конона Исаврійскаго [6]), тѣмъ болѣе, что это послѣднее сохранилось, между прочимъ, въ малорусскомъ сборникѣ XVIII в., принадлежащемъ проф. М. И. Соколову, и *на украинскомъ языкѣ* [7]).

Общества“, 1907 г., т. IV, вып. 1-й, изслѣдованіе: „Легенда о заключенномъ бѣсѣ въ византійской и старинной русской литературѣ“, стр. 54—152.

[1]) См., напр., т. II, ночи 302—327, стр. 327—341.

[2]) „Древности“.... 1907 г., т. IV, вып. 1, стр. 142—143.

[3]) См. различные сборники какъ великорусскихъ, такъ равно украинскихъ и бѣлорусскихъ сказокъ.

[4]) „Древности“.... 1907 г., т. IV, вып. 1., стр. 59—61.

[5]) Тамъ же, стр. 103 и дал.

[6]) Тамъ же, стр. 68—102.

[7]) Тамъ же, стр. 78—79.

http://rcin.org.pl

III. *Олицетворенія болѣзней.*

У всѣхъ почти безъ исключенія народовъ въ древнѣйшія времена сложился, подъ вліяніемъ общаго поэтическаго воззрѣнія на природу, характеризующаго собою первобытную ступень развитія человѣка, такой взглядъ на болѣзни, главнымъ образомъ—внутреннія, что онѣ происходятъ или прямо отъ нападенія злого духа, или же косвенно—вслѣдствіе ослабленія огня жизни, помраченія, загрязненія его. Врагами жизни и здоровья какъ человѣка, такъ и животныхъ являются духи мрака, которые, подъ разными наименованіями, живутъ въ разныхъ темныхъ и грязныхъ мѣстахъ, въ оврагахъ, въ болотахъ, въ лѣсахъ, подъ землей, подъ печкой и т. п. и отсюда, при тѣхъ или иныхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, проникаютъ въ тѣло человѣка, мучатъ и терзаютъ его и въ конечномъ результатѣ производятъ смерть. Вѣрованіе въ демоническое происхожденіе и значеніе болѣзней среди интеллигентныхъ классовъ населенія, можно сказать, окончательно уже вытѣснено здравымъ научнымъ взглядомъ на нихъ. Но нельзя того же сказать о среднемъ и низшемъ слояхъ населенія даже самыхъ культурныхъ націй. Слишкомъ глубокіе корни пустило оно и среди украинскаго простонародья, и по сію пору очень часто еще гораздо охотнѣе обращающагося въ болѣзняхъ къ своимъ доморощеннымъ знахарямъ и знахаркамъ съ ихъ таинственными обрядовыми нашептываніями и магическими снадобьями, чѣмъ къ ученымъ представителямъ медицины. Живучести этого вѣрованія и прочной устойчивости авторитета знахарей и знахарокъ способствуетъ и мистическая таинственность обстановки, такъ неотразимо дѣйствующая на малоразвитаго человѣка, и чисто органическая связь знахарства съ народнымъ міровоззрѣніемъ, и дѣйствительное знаніе нѣкоторыми знахарями и знахарками такихъ свойствъ травъ, кореньевъ и т. п. снадобій, которыя и по сію пору неизвѣстны патентованной наукѣ. Какъ мы видѣли уже изъ предыдущаго очерка, самое полученіе зна-

http://rcin.org.pl

ній человѣкомъ о цѣлебныхъ свойствахъ различныхъ травъ народная фантазія облекла въ форму трогательнаго поэтическаго сказанія [1]). Къ этому нужно прибавить еще и то, что современная обрядовая обстановка знахарскихъ пріемовъ, а

[1]) Легенда о пребываніи „одного изъ русскихъ людей“ въ неволѣ у песиголовцевъ. Въ дополненіе къ этой легендѣ приводимъ содержаніе варіанта ея, записаннаго также въ Харьковской губ. Одинъ солдатъ томился въ плѣну. Подъ страхомъ смерти ему запрещено было прикасаться къ кушанью, приготовленному, будто бы, изъ гадовъ. Не послушался плѣнникъ, поѣлъ этого кушанья — и тотчасъ же сталъ понимать языкъ животныхъ и растеній. Взялъ онъ тогда на конюшнѣ лошадь и пустился въ бѣгство. Какъ только выѣхалъ въ чистое поле, съ нимъ заговорила каждая травка. Каждое „зело“ повѣствовало ему о горѣ людскомъ, и отъ чего оно можетъ избавить. Умиленный плѣнникъ ѣхалъ себѣ, ѣхалъ и все слушалъ. Видитъ—стоитъ *коровьякъ* (*коровьякомъ* называютъ и Verbascum Thapsus L., и Verbascum phlomoides L., и Datura Stramonium L., и, наконецъ, Onopordon alatum L.). Подъѣзжаетъ къ нему и думаетъ: „Ужъ этотъ бурьянъ ни къ чему негоденъ“—и хотѣлъ было наѣхать на него. Но „коровьякъ“ сказалъ: „Не наступай на меня; я—также полезное зелье: я помогаю отъ *грыжи*“ (грыжи). И всѣ травы, такимъ образомъ, оказались полезными („Ветеринарный Вѣстникъ“ 1886, 2).—Весьма близокъ къ этому варіанту и варіантъ, записанный въ Виницкомъ уѣздѣ. Разъ, во время набѣга крымскихъ татарь, случилось одному козаку быть захваченнымъ въ плѣнъ. Онъ попался къ татарскому знахарю. Поѣхалъ онъ какъ-то съ знахаремъ въ лѣсъ для собиранія травъ. Къ ночи татаринъ поймалъ змѣю, сварилъ ее въ десяти водахъ, порѣзалъ на кусочки и сталъ затѣмъ ею ужинать. Козакъ и себѣ съѣлъ кусочекъ змѣи. На обратномъ пути козакъ вдругъ слышитъ говоръ всѣхъ степныхъ растеній. „Чернобиль“ (Artemisio Vulgaris L.), говоритъ: „Я отъ черной болѣзни“; „горличъ“ (Gentiana Amarella L.) кричитъ: „Я—талисманъ любви“ и т. д. Козакъ засмѣялся. Татаринъ догадался, что козакъ уже все знаетъ, и, желая избавиться отъ соперника въ знахарствѣ, отпустилъ его на волю. Козакъ вернулся на родину и сдѣлался здѣсь знаменитымъ знахаремъ (П. Чубинскій, „Труды Этногр.-статист. Экспед. въ зап.-русскій край, т. I, стр. 210).—Въ разсказахъ подобнаго рода обращаетъ на себя вниманіе то обстоятельство, что вѣдѣніе чудодѣйственныхъ и цѣлебныхъ свойствъ травъ сообщается человѣку то непосредственно самими змѣями, то чрезъ посредство вкушенія ихъ мяса. Безъ сомнѣнія, на подобные разсказы оказало вліяніе библейское повѣствованіе объ искушеніи Евы діаволомъ, вошедшимъ въ змѣя, который называется „мудрѣйшимъ всѣхъ звѣрей“, пресмыкается у самыхъ корней травъ и является символомъ діавола.

http://rcin.org.pl

равно и самые заговоры приняли въ себя очень много христіанскаго элемента и такимъ образомъ получили видъ псевдо-христіанскаго обряда и псевдо-христіанскаго заклинанія. Въ Каневскомъ уѣздѣ записана слѣдующая „знахарская молитва“, которую знахари и знахарки читаютъ непремѣнно послѣ каждаго шептанія: „Ослаби, остави, одпусти, Господи, намъ гріхи наші вільні и невільні, все намъ прости, яко благій Богъ і Чоловіколюбець. Богородице Діво, радуйся, благодатна Мати Маріе, Господь ізъ Тобою, благословенна Ти Жона, якъ Ти породила Христа і Спасителя і Спаса душамъ нашимъ. Христителю Христівъ, тобі поданó булó молити за насъ. Підъ Твою милость прибігаймо, Богородице Діво, ідино чистая і благословенна. Небесный Царю, віру затверди, язикъ ворогові укрути, добре сохрани передъ цею братією, крімъ праведныхъ, яко благій Богъ и Чоловіколюбець. Амінь“ [1]).

Соотвѣтственно взгляду на болѣзни, какъ на нападеніе на человѣка духовъ мрака, первоначально и лѣченіе ихъ состояло въ заговрѣ, обращенномъ къ солнцу, къ горящему костру и вообще къ яркому свѣту и соединенномъ съ молитвою загнать ту или другую болѣзнь въ дебри, болота и пустыни, гдѣ нѣтъ ни людей, ни звѣрей. Въ христіанскую эпоху обращеніе къ солнцу и другимъ источникамъ свѣта замѣнено было обращеніемъ къ различнымъ свв. угодникамъ, которымъ дана была, по житіямъ, свыше благодать исцѣленія извѣстныхъ болѣзней, или же на которыхъ, по тѣмъ или инымъ причинамъ, народная фантазія перенесла соотвѣтствующія свойства бога Солнца и Огня. Въ Каневскомъ же уѣздѣ, между прочимъ, записана „знахарская молитва“, ежедневное чтеніе которой застраховываетъ отъ заболѣванія *всякою* вообще болѣзнію: „Іхавъ святий Юрій на золотому коні съ золотимъ шостомъ, зъ золотимъ хрестомъ. Зустрічае Божу Ма-

[1]) Б. Гринченко, „Этнографическіе матеріалы“, вып. 2, стр. 32.

http://rcin.org.pl

тіръ зъ Сіяньськоі гори́, зъ свято́і землі.—„Куди́ ти, святи́й Юріе?“—„Іду́ до нарожде́ннаго, моли́твяного раба́ Бо́жого (имярекъ) выгоня́ть оци́мъ шосто́мъ і святи́мъ хресто́мъ хоро́бу (такую-то) въ очерета́, вь болота́, де у дзво́ни не дзво́нять, де лю́де не хо́дять, де звірі не бро́дять, де го́лоса не чуть, де півні не поють, де со́нце не світить“...—„Іди́, святи́й Юріе, лю́дямъ хреще́нимъ помага́й та уся́ку хоро́бу виганя́й, і Я тобі бу́ду въ допомо́зі. Аминь“ [1]). Обращеніе именно къ св. Юрію о предупрежденіи всякаго вообще заболѣванія объясняется, очевидно, тѣмъ, что на великомуч. Георгія, какъ извѣстно, перенесены народомъ въ христіанскую эпоху черты языческаго *весенняго бога Солнца*.

Заговорное лѣченіе болѣзней доступно далеко не всякому, такъ какъ для этого требовалось высшее вѣдовство, высшее знаніе таинственныхъ силъ природы и цѣлебныхъ свойствъ травъ, которое обыкновенно передается изъ рода въ родъ. Такъ появились *знахари* и *знахарки*.

Въ Великороссіи болѣе значенія въ жизни простого народа имѣетъ *колдунъ*, *знахарь*, на Украйнѣ же знахарь уступаетъ пальму первенства *знахаркѣ*. Знахаремъ или знахаркою, по народному повѣрью, могутъ быть собственно только тѣ, кто родится и будетъ отнятъ отъ груди въ *понедѣльникъ*, вслѣдствіе чего знахари и знахарки обыкновенно „понеділкують“ (постятся въ понедѣльникъ) [2]). Самое начало знахарства, лѣченія болѣзней посредствомъ *шептанія*, легенда изъ

---

[1]) Б. Гринченко, „Этнографическіе матеріалы“, вып. II. стр. 32.

[2]) Какъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Украйны, такъ и въ литературѣ очень часто смѣшиваютъ знахарей и знахарокъ, занимающихся лѣченіемъ, съ знахарями и знахарками „чаровниками“, „ворожбитами“ и „ворожками“ (о нихъ у насъ рѣчь впереди) и т. п. пройдохами и завѣдомыми обманщиками, пользующимися темнотою народною. Но такое смѣшеніе является, по меньшей мѣрѣ, грубымъ недоразумѣніемъ: собственно „знахари“ и „знахарки“ стараются дѣлать одно только добро людямъ и всячески противодѣйствуютъ „чарівникамъ“ и имъ подобнымъ злымъ геніямъ простого народа.

http://rcin.org.pl

цикла „Обходовъ апостольскихъ“ ведетъ отъ Спасителя, при чемъ благодатный даръ этотъ Спаситель даетъ *именно старухѣ-женщинѣ*, которая затѣмъ научила этому искусству и другихъ *старухъ же*. Жила одна старуха,—разсказываетъ легенда (записана въ Каневскомъ у.),—да такая бѣдная, такая убогая, что не только ей нечего было ѣсть, но негдѣ было ей, несчастной, даже переночевать: бывало, гдѣ застанетъ ее ночь, тамъ и прикорнетъ она себѣ подъ тыномъ да и спитъ. Вотъ заснула она однажды гдѣ-то по близости подъ тыномъ, когда вдругъ идетъ дорогою Самъ Господь и съ Нимъ два апостола—Петръ и Павелъ. Глянулъ Господь подъ тынъ—лежитъ какая-то старуха. Господь и спрашиваетъ ее: „Чего ты, *жінко добра*, лежишь тутъ? Неужели же у тебя нѣтъ совсѣмъ пристанища, гдѣ бы ты могла прилечь и заснуть?“—„Нѣтъ,—говоритъ,—*чоловіче добрий*. Такъ вотъ я и живу и днемъ и ночью, какъ видишь“. Вотъ Господь и посовѣтовалъ ей: „Сейчасъ, *жінко добра*, пріѣдутъ сюда за тобою въ коляскѣ: видѣла тамъ—лежитъ богатый панъ при смерти, больной,—такъ ты пошепчешь, и онъ дастъ тебѣ за это много денегъ“. Можетъ быть, умѣла ли она хорошо и Богу-то помолиться, а тутъ вдругъ ей Господь такъ далъ, что она сразу же узнала, какъ нужно „і шептать, і обмовлять, і примовлять“. Господь съ апостолами приходитъ затѣмъ къ лежащему при смерти пану и говоритъ: „Пошли ты лошадей за тою старухою, которая лежитъ въ такомъ-то селѣ подъ тыномъ, такъ она тебѣ отходитъ твою болѣзнь“. Послалъ онъ коляску, привезли ту старуху къ пану. Только-что она тамъ водою его вспрыснула, пошептала или какъ ее ужъ Господь надоумилъ,—пану сейчасъ же легче стало, сдѣлался онъ такой радый да веселый и все благодаритъ старуху... Прошла, можетъ быть, недѣля или двѣ послѣ того, панъ выздоровѣлъ совсѣмъ и отправилъ старуху домой, щедро наградивши ее при этомъ и деньгами, и хлѣбомъ, и всѣмъ-всѣмъ, чего только она пожелала. Старуха все это взяла, поѣхала домой, да съ тѣхъ поръ только уже шептаньемъ и

http://rcin.org.pl

жила; и другихъ бабъ научила тому, „що ій Самъ Господь Богъ вразумивъ“ [1]).

Демоническое значеніе многихъ болѣзней съ теченіемъ времени забыто было народомъ и осталось только лишь въ знахарскихъ заговорахъ. О такихъ болѣзняхъ мы и не будемъ говорить. Но нѣкоторыя болѣзни и по сію пору народъ

---

[1]) П. Чубинскій, „Труды этнограф.-статист. экспедиціи въ зап.-русскій край“. т. II, стр. 365.—Судьба всѣми покинутой старухи, сдѣлавшейся потомъ благодѣтельницей людей, невольно, по ассоціаціи, напоминаетъ записанную въ Васильковскомъ уѣздѣ легенду: „Отчего теперь старые люди умираютъ своею смертію?“—заключающую въ себѣ ясные слѣды древнѣйшаго быта. Когда-то,—говоритъ эта легенда,—было такъ на свѣтѣ, что старыхъ людей убивали,—состарится человѣкъ, его возьмутъ и убьютъ: „Онъ старъ,—говорятъ,—на что онъ сдался? зачѣмъ его даромъ хлѣбомъ кормить?“ Вотъ одинъ сынъ и пожалѣлъ своего отца: вмѣсто того, чтобы убить старика, сынъ спряталъ его въ погребѣ и тайно отъ всѣхъ носилъ ему туда ѣсть. На то время послалъ Богъ голодъ; поѣли люди весь хлѣбъ, помололи и поѣли даже и тотъ, который оставили было для посѣва. Приходитъ тотъ сынъ къ отцу и говоритъ: „Вотъ теперь уже я васъ *тату*, убью: ѣсть нечего. Теперь уже и мнѣ самому придется съ голоду помирать“.—„Нѣтъ сынокъ,—говоритъ отецъ:—ты меня не убивай, а сдѣлай-ка вотъ что. Пойди вспаши десятину поля, раскрой хату, посѣки ту солому, которая на крышѣ, да и посѣй: авось на тотъ годъ уродитъ хоть на сѣмена“. Послушался сынъ, посѣялъ сѣчку на десятинѣ. Какъ уродитъ хлѣбъ, да такой густой и хорошій, какой рѣдко бываетъ и въ добрый годъ! Увидѣли люди, что на его полѣ уродилъ такой хорошій хлѣбъ, пришли къ нему и спрашиваютъ: „Что ты посѣялъ? гдѣ взялъ сѣмянъ для посѣва, когда ни у кого на селѣ не было уже ни зернышка?—„Что-жъ,—говоритъ,—люди добрые, нечего больше правду таить: я своего старика-отца не убилъ,—жалко мнѣ его стало, такъ я спряталъ его въ погребъ, чтобы люди не знали, да и кормилъ его тамъ. Когда послалъ это Господь на насъ, грѣшныхъ, кару, поѣли весь хлѣбъ, такъ что ни у кого въ засѣкахъ не осталось ни зернышка, а тутъ подоспѣло время посѣва, пошелъ я къ отцу. А онъ мнѣ и говоритъ: „Раскрой, *сынокъ*, хату, посѣки солому съ крыши на сѣчку да и посѣй“. Я такъ и сдѣлалъ: вспахалъ нивку и засѣялъ ее сѣчкою. А теперь вотъ и уродило, слава Богу: хватитъ и мнѣ, будетъ и другимъ“,—„Не будемъ же и мы убивать своихъ отцовъ,—авось, и намъ они когда-нибудь *стануть у пригоді*“. Съ тѣхъ поръ и повелось, что старые люди стали умирать уже своею смертію (тамъ же, стр. 526—527).

http://rcin.org.pl

иначе и не представляетъ себѣ, какъ въ образѣ вполнѣ опредѣленныхъ существъ. Таковы: *лихорадка*, *холера*, *чума* и отчасти „*гостѣць*“.

Всѣ вообще украинскіе лѣчебные заговоры, какъ и великорусскіе, главнымъ источникомъ своимъ имѣютъ такъ называемыя „лживыя“, или апокрифическія „молитвы“, которыя были составлены по образцу церковныхъ молитвъ, но съ значительною примѣсью древне-миѳическихъ воззрѣній и различныхъ послѣдующихъ народныхъ суевѣрій. Въ украинскихъ заговорахъ отъ лихорадки, которая называется еще „пропасницею“ и „поганкою“ [1]), болѣзнь эта олицетворяется то въ образѣ Иродовой дочери *Трясавицы*, то въ образѣ 77 Иродовыхъ или змѣиныхъ дочерей, то въ образѣ 12 красавицъ и т. п., то—какъ, напр., въ Кіевской губ.—считаютъ ее просто нечистою силою, при чемъ „пропасниць“ считаютъ столько, сколько на землѣ *въръ* (есть „пропасниця жидівська“ и т. п.) [2]). Въ Харьковскомъ уѣздѣ лихорадку олицетворяютъ въ образѣ отвратительной, морщинистой, костлявой старухи, которая выбираетъ себѣ между людьми жертву и затѣмъ начинаетъ мять и трясти ее, бросать въ жаръ и холодъ и т. п. Простыми глазами видѣть ее нельзя, но одержимые лихорадкою очень часто видятъ ее во снѣ [3]). Въ Винницкомъ уѣздѣ, наоборотъ, лихорадку олицетворяютъ въ образѣ молодой и красивой дѣвушки, которая обладаетъ способностью превращаться въ воздухъ. Человѣкъ, проглотившій этотъ воз-

[1]) Украинскіе „лживыя молитвы“ и заговоры см. у М. П. Драгоманова—„Малорусскія народныя преданія и разсказы“, стр. 24—37, 389—390; П. С. Ефименко—„Сборникъ малороссійскихъ заклинаній“ (наибольшій); П. В. Иванова—„Знахарство, шептанія и заговоры въ Старобѣльскомъ и Купянскомъ уѣзд. Харьков. губ.“ („Кіевская Старина“ 1885 г., Декабрь); Б. Гринченко—„Этнографическіе матеріалы“, вып. 1, стр. 24—37, 255—282; вып. 2, стр. 31—48; П. Чубинскаго—„Труды этнограф.-статист. экспедиціи въ зап.-русскій край“, т. I и IV; А. Пыпина—„Памятники стар. русск. литературы“, т. III и в. мн. др.

[2]) „Кіевская Старина“ 1887 г., Ноябрь, стр. 307.

[3]) „Харьковскія Губ. Вѣдомости“ 1884 г., № 289.

http://rcin.org.pl

духъ вмѣстѣ съ пищею или какимъ-нибудь напиткомъ, немедленно заболѣваетъ. Однажды мужикъ встрѣтилъ на дорогѣ двухъ дѣвушекъ-лихорадокъ, которыя какъ-то случайно совершенно не замѣтили его. Одна изъ нихъ и говоритъ: „Я пойду къ такому-то богатому пану; онъ очень любитъ пить вино, такъ я постараюсь, чтобы онъ вмѣстѣ съ виномъ выпилъ и меня". — „А я пойду,—сказала ей на это другая,—къ такому-то бѣдному мужику"—тому самому, который незамѣтно шелъ за ними и слушалъ этотъ ихъ разговоръ. — „Какъ же ты это сдѣлаешь?"—спросила первая. — „Не безпокойся,—отвѣтила вторая,—я очень хорошо знаю мысли того мужика: онъ едва переступитъ порогъ своей хаты, какъ тотчасъ же закричитъ своей женѣ: „Жена! вари *галушки*, потому что мнѣ очень ихъ хочется!"—и съ первою галушкою онъ непремѣнно проглотитъ и меня". Мужикъ, когда вернулся домой, дѣйствительно сильно захотѣлъ галушекъ. Когда галушки были потомъ поданы на столъ, онъ первую галушку взялъ и бросилъ въ заранѣе приготовленный мѣшокъ и завязалъ его веревкою. Поймавши, такимъ образомъ, вмѣстѣ съ галушкою и лихорадку, мужикъ подвѣсилъ мѣшокъ къ трубѣ, чтобы проконтить лихорадку. Долго висѣла лихорадка въ мѣшкѣ, и долго, поэтому, не было ея между людьми. Но вотъ мужика стало почему-то все больше и больше разбирать любопытство—поглядѣть, что сдѣлалось съ лихорадкой; развязалъ онъ неосторожно мѣшокъ, и упустилъ лихорадку. Отсюда—повѣрье, что всѣ прихоти больного лихорадкою являются дѣломъ овладѣвшей имъ дѣвушки-лихорадки [1]).

Разсказы о *холерѣ* и *чумѣ* обыкновенно выступаютъ, такъ сказать, когда появляются и свирѣпствуютъ эти эпидеміи, и притомъ выступаютъ повсемѣстно почти въ одной и

[1]) Чубинскій, „Труды Этнограф.-статист. Экспедиціи въ зап.-русскій край", т. I, стр. 221—222.—О лихорадкѣ и заговорахъ отъ нея см. также статьи проф. Н. Сумцова: „Культурныя переживанія" („Кіевская Старина" 1887 г., Ноябрь, стр. 441—445).

http://rcin.org.pl

той же формѣ, въ обыкновенное же время они какъ бы совсѣмъ забываются. Въ Грубешовскомъ и Литинскомъ уѣздахъ холеру представляютъ въ образѣ женщины, расхаживающей по селеньямъ и городамъ, въ одной рубашкѣ, съ распущенными волосами. Она постоянно плачетъ, и тамъ, гдѣ услышать ее завыванье, неизбѣжно начинается смертность [1]). Въ одномъ изъ селъ Новгородсѣверскаго уѣзда и въ настоящее время празднуется особый день, называемый „Холéркою", въ память освобожденія села отъ холеры въ этотъ день. Въ 1893 г. въ пораженныхъ холерою селахъ, еще задолго до появленія ея, на дубовыхъ листьяхъ, на которыхъ обыкновенно сажаютъ въ печь хлѣбы, появились какія-то маленькія и тонко отдѣланныя изображенія змѣекъ и ящерицъ, такъ что листья эти совсѣмъ перестали употреблять въ дѣло. Во время сильнаго развитія холеры вдовы и „дівчáта", нарядившись по-праздничному, ходили по селу „щедрувáть", какъ будто подъ Новый годъ; на „защедрованныя" деньги нанимали молебенъ и ставили общую свѣчу. Одного покойника положили въ гробъ ницъ, „щобъ сюды не вертáвся"; а другому хотѣли сковать руки („заковать холеру"), и только состраданіе къ покойнику и боязнь, чтобы онъ на томъ свѣтѣ не ходилъ въ наручняхъ, удержали народъ отъ этого. Чтобы холера не вошла въ село, дорогу передъ селомъ загораживали „застáвомъ" (доска отъ мельничной шлюзы). Существуетъ также повѣрье, что противъ воды холера идетъ медленнѣе, чѣмъ за водой [2]).

Холера насылается иногда святыми въ наказаніе за непочитаніе ихъ праздниковъ, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ слѣдующій разсказъ, записанный въ Елисаветградскомъ уѣздѣ. Въ праздникъ св. Маріи Магдалины ѣхали два мужика съ поля. Когда идетъ какая-то монашка по дорогѣ. Поровнялась и проситъ подвезти ее. Они говорятъ: „Садись, матушка,

[1]) П. Чубинскій, „Труды Этнограф.-статист. Экспедиціи въ зап.-русскій край", т. I, стр. 228.

[2]) Б. Гринченко, „Этнографическіе матеріалы", вып. 1, стр. 28.

http://rcin.org.pl

подвеземъ". Сѣла монашка, и такъ они доѣхали до села. Подлѣ села она встала съ воза и въ село пошла уже пѣшкомъ. Пришла къ одной хатѣ, а въ той хатѣ какъ разъ справляли крестины. Ну, а какъ справляютъ крестины, то извѣстно—тутъ непремѣнно есть и водка, и нѣкоторые понапились такъ, что уже и языкомъ не могутъ повернуть. Вошла въ хату монашка и говоритъ: „Добрый день, добрые люди! А что́ это,—спрашиваетъ,—вы справляете—должно быть, крестины?"—„Угадали, угадали,—отвѣчаютъ:—крестины! А что́—можетъ быть, и вы выпьете съ нами за крестника?"—спрашиваетъ хозяинъ. И начали надъ нею подшучивать. Долго молчала монашка, а затѣмъ и говоритъ: „Полно вамъ, добрые люди, шутить надо мною,—это не хорошо; а вотъ лучше скажите мнѣ, гдѣ ваши дѣти?"—„Въ сараѣ спятъ",—отвѣчаютъ ей.—„А вы,—спрашиваютъ,—были сегодня въ церкви? а дѣтей своихъ водили въ церковь?! Вы ихъ сегодня и не видали совсѣмъ, они у васъ не причесаны и не умыты, а сами вы пьянствуете; сегодня праздникъ св. Магдалины, а вы ее не чтите: въ церковь не хо́дите, дѣтей молитвамъ не учите да еще насмѣхаетесь и надъ монашкою! За это Богъ васъ покараетъ!" Всѣ слушали ее молча, нѣкоторые же стали смѣяться. Тогда она наслала на всѣхъ холеру,—и, сколько ихъ тамъ ни было, всѣ тотчасъ поумирали; потомъ пошла въ сарай и тамъ подушила (холера?) всѣхъ дѣтей. Послѣ того пошла она всюду по деревнѣ и тѣхъ людей, которые были въ церкви, не трогала, а которые не были въ церкви, или которые пьянствовали, всѣхъ тѣхъ карала—насылала на нихъ холеру. Какъ только придетъ въ хату, тотчасъ же и разспрашиваетъ: что́ дѣлаютъ, ходятъ-ли въ церковь, или нѣтъ. —„Я,—говоритъ,—святая Магдалина; пришла посмотрѣть на васъ, не забыли ли вы еще Бога и Его святыхъ?"—Ходила она такъ по селу долго, и тогда сильная холера была [1]).

[1]) „Этнографическое Обозрѣніе" 1895 г., XXV, стр. 146—147; ср. велико-русскіе разсказы на однородные мотивы—тамъ же, 1893, XVII, стр. 127–129

http://rcin.org.pl

Чуму олицетворяютъ въ образѣ богатой барыни, которая разъѣзжаетъ въ экипажѣ, запряженномъ шестеркою бѣлыхъ лошадей, при чемъ за лошадьми всегда непремѣнно бѣгутъ борзыя собаки. Подъѣзжая къ какому-нибудь дому, чума предварительно спрашиваетъ подъ окошкомъ: „Есть ли чума въ домѣ?“. Если живущіе въ домѣ, по своей неосторожности, отвѣчаютъ, что нѣтъ, то сейчасъ же заболѣваютъ и умираютъ. Чтобы обмануть чуму, вынимаютъ въ домахъ оконныя рамы, какъ будто въ нихъ никто ужо не живетъ, вслѣдствіе чего чумѣ и нѣтъ никакой надобности заглядывать въ нихъ. Чума очень богата и хитра. Она разбрасываетъ по дорогѣ и по улицамъ различныя цѣнныя вещи и даже деньги; но если только кто-нибудь подниметъ такую вещь или деньги, то тотчасъ же заболѣваетъ и умираетъ. (Литинск. у.) [1].

„Гостецъ“ (въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ этимъ именемъ называется *суставный ревматизмъ*, въ другихъ *колтунъ*) представляется въ заговорахъ отъ него въ видѣ особаго злого духа, который, до перехода въ человѣка, живетъ въ разныхъ мѣстахъ и можетъ войти въ него разными путями [2]. Онъ бываетъ мужескаго и женскаго пола. Поселяется въ разныхъ мѣстахъ человѣческаго тѣла: въ глазахъ, шеѣ, въ плечахъ или между плечами, въ мышцахъ, въ груди, въ сердцѣ, въ жилахъ, въ мозгу, въ животѣ, въ костяхъ, въ колѣняхъ, въ рукахъ, въ ногахъ, во всемъ тѣлѣ [3].

IV. Олицетворенія дней недѣли.

1. „Св. Понедѣлокъ“.

Обычай нарочитаго празднованія нѣкоторыхъ дней недѣли, сверхъ церковныхъ праздниковъ и общепринятаго, со

---

[1]) П. Чубинскій „Труды Этнограф.-статист. Экспедиціи въ зап.-русскій край“, т. I, стр. 228

[2]) П. Чубинскій, „Труды Этнограф.-статист. Экспедиціи въ зап.-русскій край“, т. I, стр. 136.

[3]) М. Драгомановъ, „Малорусскія народныя преданія и разсказы“. стр. 40—41.

http://rcin.org.pl

введеніемъ христіанства, празднованія воскресенья, укоренился на Украинѣ съ незапамятныхъ временъ и породилъ даже олицетвореніе самыхъ этихъ дней въ довольно опредѣленныхъ образахъ. Къ числу такихъ дней относятся: 1) *понедѣльникъ*, 2) *„недѣля“* (воскресенье) и 3) *пятница*.

Особенно знаменательнымъ и замѣчательнымъ является, на первый взглядъ—какъ будто безпричинное, празднованіе понедѣльника, или такъ называемое „понеділкуванье“. Обращаетъ, между прочимъ, на себя вниманіе, прежде всего, то обстоятельство, что празднованіе *понедѣльника* и *пятницы* (въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ отчасти еще и *четверга*) практикуется почти исключительно среди замужнихъ женщинъ (чаще—немолодыхъ) и состоитъ не только въ усиленной молитвѣ и постѣ (такъ „понеділкують“ и знахари), но и въ воздержаніи отъ нѣкоторыхъ—преимущественно *затяжныхъ* и тяжелыхъ—*женскихъ* работъ. До самаго послѣдняго времени въ м. Борисполѣ, Полтавской губ., сохранился особенно своеобразный обычай „понеділкування“, который сводился къ одному лишь ничегонедѣланью *всѣхъ замужнихъ женщинъ* въ этотъ день, съ полнымъ устраненіемъ всякихъ религіозныхъ, благочестивыхъ мотивовъ. Этого мало,—право ничего не дѣлать въ понедѣльникъ на всю послѣдующую жизнь выговаривалось невѣстою у жениха еще до вступленія въ бракъ и входило особою статьею въ предбрачный договоръ. Правомъ „понеділкуванья“, если только желали, пользовались и вышедшія замужъ за борисполецъ дѣвушки изъ другихъ мѣстностей, но лишались его тѣ изъ мѣстныхъ невѣстъ, которыя выходили замужъ въ другія села [1]). Въ борисполькомъ обычаѣ невольно бросаются въ глаза слѣдующія его особенности: 1) „понеділкуванье“ не пріурочивается,—подобно, напр., чествованію пятницъ,—къ какимъ-либо праздникамъ или постамъ, а совершается самостоятельно—и притомъ безъ очереди, т.

[1]) „Кіевская Старина“ 1887 г., Январь, стр. 180—182.

http://rcin.org.pl

е. *каждый понедѣльникъ;* 2) оно практикуется только среди женщинъ—и притомъ замужнихъ; 3) что наиболѣе достойно замѣчанія—право „понедѣлкувать“ *входитъ особою статьею въ предбрачный договоръ.* Указанныя особенности дали поводъ г. П. Чернышеву, на основаніи трудовъ Баховена, Моргана, Леббока, а въ новѣйшее время —Поста и Жиро-Телона, прійти въ своемъ „Опытѣ истолкованія обычая *понедѣлкованья*“ [1]) къ тому вполнѣ правдоподобному заключенію, что обычай этотъ въ его, такъ сказать, бориспольской формѣ возникъ въ отдаленнѣйшую эпоху первоначальнаго устроенія опредѣленныхъ брачныхъ отношеній моногамическаго типа. Въ первобытную эпоху жизни человѣчества *всѣ женщины* даннаго племени считались состоящими въ бракѣ одновременно *со всѣми мужчинами* того же племени. Эта форма брачнаго сожитія извѣстна подъ именемъ „общиннаго“, или „коммунистическаго“ брака. Бракъ „коммунистическій“ не сразу перешелъ въ бракъ типа моногамическаго и на промежуточныхъ ступеняхъ постепеннаго перехода породилъ цѣлый рядъ весьма оригинальныхъ обычаевъ, среди которыхъ особенно замѣчателенъ обычай, названный Леббокомъ „бракомъ на три четверти“, довольно ярко выступающій въ настоящее время въ жизни гассанидскихъ арабовъ, племени, живущаго на Бѣломъ Нилѣ. Сущность этой переходной формы брака состоитъ въ томъ, что жена, согласно брачному договору, обязана сохранять цѣломудріе только въ извѣстные дни недѣли, въ остальные же дни недѣли имѣетъ полное право распоряжаться собою по своему собственному усмотрѣнію. Занесенныя въ древнія хроники преданія (напр., преданіе чешскаго народа, записанное Козьмой Пражскимъ, и др.) даютъ основаніе предполагать, что и въ жизни славянскаго племени была эпоха, въ которую брачныя отношенія носили характеръ „общиннаго“ брака. Г. Ковалевскій, сдѣлавши систематическій обзоръ относящихся сюда фактовъ архаической старины славянъ и въ част-

[1]) „Кіевская Старина“ 1887 г., Апрѣль, стр. 763—771.

http://rcin.org.pl

ности украинцевъ, находитъ возможнымъ считать стадообразное состояніе съ полнымъ общеніемъ женъ низшей ступенью ихъ общественнаго развитія [1]). Къ числу слѣдовъ первоначальнаго „коммунизма“ женъ г. Ковалевскій, вслѣдъ за проф. Сумцовымъ [2]), относитъ, между прочимъ, нынѣшнія украинскія „вечерницi“ и великорусскія „посидѣлки“, а также и нѣкоторые народные свадебные обряды [3]). Если же такъ, то въ украинскомъ обычаѣ „понеділкуванья“ въ его бориспольской формѣ (празднованіе понедѣльника *каждой недѣли*, участіе въ этомъ празднованіи только *замужнихъ* женщинъ и, наконецъ, внесеніе права на „понеділкуванье“ *въ брачный договоръ*) нельзя не видѣть остатка своего рода „брака на три четверти“. Обычай этотъ, такимъ сбразомъ, получилъ свое начало въ эпоху устроенія брачныхъ отношеній по типу моногамическому. Когда затѣмъ брачныя отношенія окончательно уже сложились по моногамическому типу, требовавшему со стороны женщины полнаго супружескаго цѣломудрія, „бракъ на три четверти“, являющійся первообразомъ „понеділкуванья“, могъ удержаться лишь при условіи совершеннаго исчезновенія изъ него эротическаго элемента или же при условіи видоизмѣненія этого элемента въ простой обрядъ, нисколько не оскорбляющій чувства мужа, какъ видоизмѣнился, напр., болгарскій обычай принадлежности дѣвства невѣсты друзьямъ жениха въ свадебный обрядъ, предоставляющій во французской свадьбѣ брату жениха право на первый поцѣлуй невѣсты, въ лауенбургской свадьбѣ—право поѣзжанамъ на тотъ же первый поцѣлуй невѣсты, а въ швабской свадьбѣ—право дружка на первый танецъ съ невѣстою [4]). Право на свободу отъ брачныхъ обязанностей, составлявшее

[1]) М. Ковалевскій, „Первобытное право“. Москва, 1866, вып. II, стр. 2.

[2]) См. статью его: „Досвѣтки и посидѣлки“ въ март. кн. „Кіевской Старины“ за 1886 г.

[3]) М. Ковалевскій, „Первобытное право“, вып. II стр. 6.

[4]) Bachofen, „Das Mutterrecht“. Stuth. 1861, p. 12.

http://rcin.org.pl

существенную черту „брака на три четверти“, какъ несовмѣстимое уже съ понятіемъ о строгомъ супружескомъ цѣломудріи, постепенно вытѣсняется усиленнымъ развитіемъ другой стороны того же обычая—*трудовой*, пока наконецъ, не исчезаетъ совершенно, замѣнившись правомъ замужней женщины на свободу въ извѣстные *выговоренные* дни недѣли отъ труда. Древній обычай удержалъ свое жизненное реальное значеніе, но былъ приноровленъ къ новымъ цѣлямъ и, сообразно съ этими послѣдними, измѣнилъ свой первоначальный характеръ: эротическій элементъ совсѣмъ отпалъ, а взамѣнъ его выдвинулся элементъ экономическій. Но такъ какъ право замужнихъ женщинъ на свободу въ извѣстные дни недѣли отъ *всякаго* вообще труда наносило явный ущербъ семейному хозяйству, то, подъ давленіемъ экономической необходимости и по мѣрѣ того, какъ семья получала характеръ равноправнаго союза мужа и жены, одинаково заинтересованныхъ въ преуспѣяніи семейнаго хозяйства, указанное право неизбѣжно должно было потерпѣть ограниченіе какъ во времени, такъ и въ объемѣ: количество дней, въ которые жена освобождалась отъ труда, дошло въ концѣ концовъ до одного въ недѣлю, а *полная* свобода отъ труда, существующая въ бориспольскомъ обычаѣ [1]), свелась къ воздержанію по понедѣльникамъ только лишь отъ *нѣкоторыхъ* видовъ женскихъ работъ.

Въ этомъ своемъ послѣднемъ видѣ обычай „понеділкуванья“ существуетъ въ настоящее время во всей Украинѣ, но только онъ получилъ уже чисто христіанскую окраску, вслѣдствіе сего „понеділкують“ часто по обѣту, и притомъ главнымъ образомъ обыкновенно пожилыя женщины и знахари. Обычай этотъ состоитъ въ томъ, что въ понедѣльникъ никогда не ѣдятъ скоромнаго, а также (женщины) считаютъ грѣхомъ „спускать лугу (Славяносербск. и Старобѣльск.

[1]) Впрочемъ, уже и въ м. Борисполѣ въ послѣднее время „нѣкоторыя рачительныя хозяйки сами добровольно работаютъ по понедѣльникамъ“ („Кіевская Старина“ 1887 г., Январь, стр. 181).

http://rcin.org.pl

уу.) [1]). Кто въ понедѣльникъ поститъ, тому не только хорошо будетъ жить на землѣ, но нестрашно и умирать; а кто не почиталъ „св. Понеділка, то тому скверно йти на той світъ“ такъ, какъ путнику безъ палки итти со двора [2]). Первая встрѣча на томъ свѣтѣ—„святый Понеділокъ“, который „разспрашиваетъ про грѣхи: онъ-то и самъ знаетъ, а допрашиваетъ, была ли (душа) на *дремлйвому по́лі*“, т. е. проводила ли при покойникѣ ночь, въ которую спать нельзя, а нужно все время молиться (Бѣлгород. у.) [3]).

„Св. Понеділокъ“ олицетворяется въ образѣ сѣдого дѣда, въ какомъ видѣ онъ и является людямъ. Онъ исполняетъ не только должность райскаго привратника, какъ мы это видѣли уже, но и обязанности греческаго Харона—переводитъ черезъ огненную рѣку, протекающую въ предѣлахъ загробнаго міра, души умершихъ, а также сопровождаетъ на тотъ свѣтъ души обмершихъ людей, временно оставляющія свою тѣлесную оболочку, чтобы прежде смерти ознакомиться съ адомъ и раемъ. Вотъ что разсказывала одна дѣвушка (Купянск. у.), которая обмерла было, но черезъ два часа снова ожила. „Когда я заснула, ко мнѣ явился старый сѣдой дѣдъ и повелъ меня по крутой горѣ. Оттуда онъ показалъ мнѣ рай и адъ. Послѣ того я перешла съ нимъ огненную рѣку, и не обожглась. Затѣмъ мы стали переходить черезъ узенькую рѣчку. Дѣдъ прыгнулъ, перескочилъ да и говоритъ мнѣ: „Перепрыгивай и ты!“ Прыгнула я, но не удачно: правою ногою ступила въ рѣчку и обожглась. А рѣчка та вся травою заросла. Наконецъ, дѣдъ сказалъ мнѣ: „Ну, *до́чко*, тебѣ осталось на землѣ жить только десять лѣтъ, и пора уже теперь возвращаться домой; замужъ хочешь—выходи, а хочешь—какъ знаешь“. Тогда я проснулась, и вотъ—какъ видите“. Окружав-

[1]) В. Ивановъ, „Жизнь и творчество крестьянъ Харьк. губ.“, стр. 850; Б. Гринченко, „Этнографическіе матеріалы“, вып. I, стр. 17; „Этнографическое Обозрѣніе“ 1890 г., V, стр. 143.

[2]) „Этнографическое Обозрѣніе“ 1892 г., XV, стр. 161.

http://rcin.org.pl

шіе тотчасъ же посмотрѣли на правую ногу дѣвушки и увидѣли, что нога дѣйствительно обожжена, посинѣла да такъ и не отходитъ. Съ тѣхъ поръ дѣвушка та начала все молиться Богу и ходить по монастырямъ; а когда живетъ дома, то выйдетъ съ хлѣбомъ на дорогу и даетъ нищимъ по куску хлѣба и по грошику. Замужъ не идетъ, а все творитъ добрыя дѣла и ожидаетъ смерти [1]).

Представленіе „св. Понеділка“ въ образѣ сѣдого старика, то находящагося при вратахъ рая, то показывающаго душѣ адъ и рай, повидимому, даетъ основаніе предполагать, что на него перенесены черты *вратаря рая* св. ап. Петра, который. къ тому же, по нѣкоторымъ редакціямъ апокрифа: „Хожденіе Богородицы по мукамъ“, является, вмѣсто арх. Михаила, проводникомъ Богоматери по аду [2]).

2. „Св. Неділя“.

Культъ „св. Неділі“, такъ строго соблюдаемый во всей Украйнѣ, легко объясняется, съ одной стороны, высокимъ значеніемъ воскреснаго дня въ христіанскомъ мірѣ, съ другой—самымъ этимологическимъ смысломъ слова *Недѣля* (отъ *не дѣлать*). Отсюда—обычное олицетвореніе народомъ, привыкшимъ все мыслить только образами, праздничнаго досуга. Но особенно сильное вліяніе на возникновеніе культа св. Недѣли, безъ сомнѣнія оказалъ извѣстный апокрифъ: „Эпистолія о Недѣлѣ“, или „Письмо съ неба“, или „Письмо Іисуса Христа“, или „Листъ небесный“.

[1]) „Этнографическое Обозрѣніе“ 1890 г., V, стр. 144.

[2]) Въ разсказѣ, записанномъ М. К. Васильевымъ въ Бѣлгородскомъ уѣздѣ, „св. Понеділокъ“, во время разговѣнья на томъ на свѣтѣ усопшихъ „на Спаса“ (въ день Преображенія Господня), отдѣляетъ яблоками грѣшниковъ за стѣнами рая, тогда какъ праведники получаютъ яблоки въ раю изъ рукъ Самого Господа и т. д. Но разсказъ этотъ представляетъ собою.... простое *сновидѣніе* старухи-разсказчицы, какъ и нѣкоторые другіе подобные же разсказы, записанные и напечатанные М. К. Васильевымъ („Этнограф. Обозрѣніе“ 1892 г., XV, стр. 161).

http://rcin.org.pl

Въ первый разъ объ апокрифѣ этомъ упоминается въ концѣ VI вѣка: карѳагенскій епископъ Лиціанъ упрекаетъ въ письмѣ другого епископа въ излишней довѣрчивости къ названному апокрифу. Въ послѣдующихъ вѣкахъ о немъ упоминается все чаще и чаще. Различныя редакціи „Эпистоліи о Недѣлѣ", преимущественно западно-европейскія, довольно подробно разсмотрѣны академикомъ А. Н. Веселовскимъ, равно какъ имъ же довольно подробно изложена внѣшняя исторія воскреснаго культа [1]). Что касается судьбы „Эпистоліи" на Руси, то апокрифъ этотъ является однимъ изъ самыхъ популярныхъ, такъ какъ за храненіе его въ домѣ и распространеніе среди другихъ обѣщаются всевозможныя блага—земныя и небесныя, недовѣряющіе же небесному происхожденію его и нераспространяющіе подвергаются проклятію въ настоящей жизни и вѣчнымъ адскимъ мукамъ въ жизни будущей: „Я, Іисусъ Христосъ, Сынъ Бога живаго,—говорится въ концѣ варіанта этого апокрифа, ходившаго по рукамъ въ 1884 г. среди народа въ Богодуховскомъ уѣздѣ,—приказываю вамъ, чтобы вы сіе письмо, которое Своею рукою писалъ, уважали и почитали; а который человѣкъ не повѣритъ, тотъ будетъ проклятъ и погибнетъ на вѣки, въ адскомъ огнѣ горѣть будетъ. А кто сіе письмо имѣть будетъ и давать читать и переписывать, тотъ хотя бы имѣлъ у себя столько грѣховъ, сколько въ морѣ песку, на деревѣ листьевъ, на землѣ травы, на небѣ звѣздъ, то всѣ ему отпущены будутъ. А кто будетъ имѣть и не давать читать и переписывать, тотъ будетъ проклятъ и погибнетъ *отъ реченія* (?) царствія Божія. Который человѣкъ сіе письмо имѣть будетъ, имѣть *уваженіе* и *почитаніе* (?), сіе письмо въ такой силѣ: кто его будетъ читать или съ усердіемъ слушать, то получитъ отпущеніе грѣховъ, и ни одинъ непріятель вредить не будетъ; и которая невѣста беременна будетъ, то отроча породитъ легко, и сохранитъ ее

[1]) См. „Журналъ Министерства Нар. Просвѣщенія" за 1876 г.; сп. „Кіевская Старина" 1887 г., Ноябрь, стр. 410–415.

http://rcin.org.pl

Господь, и дитя будетъ имѣть отъ Бога высшую милость, какъ душа иная, такъ и тѣлесная. А кто сіе письмо имѣть будетъ, то такое священное письмо получитъ (?). Аминь—Аминь.—Конецъ". [1]).

Великорусскія редакціи „Эпистоліи о Недѣлѣ" изданы проф. Тихонравовымъ—по рукописи XVI в. и академикомъ А. Н. Пыпинымъ—по новымъ спискамъ [2]); южно-русскія редакціи изданы [3]) г. Франко—изъ Дорогобицкаго рукописнаго сборника половины XVIII в. [4]) и редакціей журнала „Этнографическое Обозрѣніе" [5]). Южно-русскіе изводы—западно-европейскаго происхожденія, а не византійскаго, какъ изводы великорусскіе, и проникли въ Украйну черезъ Польшу, а также—есть нѣкоторыя основанія думать—черезъ посредство галицкихъ и волынскихъ нѣмцевъ-колонистовъ. Въ южно-русскихъ изводахъ, сравнительно съ великорусскими, значительно сокращены и упрощены угрозы, и совсѣмъ выпущено перечисленіе событій ветхозавѣтной исторіи, которыя, будто-бы, произошли въ воскресенье. Но что особенно характерно—великорусскіе изводы, кромѣ почитанія Недѣли, обязательно требуютъ еще также почитанія среды и пятницы: „чтите святую недѣлю, среду и пятокъ: тѣми бо тремя деньми земля стоитъ" [6]); южно-русскіе же изводы, какъ сложившіеся подъ

[1]) „Этнографическое Обозрѣніе" 1890 г., IV, стр. 98.

[2]) „Памятники русской отреченной литературы", т. II.

[3]) „Памятники стар. русской литературы", т. II.

[4]) „Заря" 1886 г., №3. Дорогобицкая редакція представляетъ собою почти дословный переводъ польскаго текста „Листа небеснаго", находящагося въ „Лѣтописцѣ" Іоахима Ерлича, половины XVII в. (перепечат. въ „Журн. Мин. Нар. Просв." 1876 г., т. 184, стр. 102—103).

[5]) 1890 г., IV, стр. 98. Первоначально текстъ этого извода въ орѳографически-неисправленномъ видѣ напечатанъ былъ въ „Южномъ Краѣ" за 1884 г., № 1068, въ корреспонденціи изъ Богодуховскаго уѣзда; редакція „Этнограф. Обозрѣнія" напечатала его, исправивши только орѳографію.

[6]) Проф. Тихонравовъ, „Памятники отреченной русской литературы", т. II, стр. 316.

http://rcin.org.pl

вліяніемъ западно-европейскихъ редакцій, ничего не говорятъ о почитаніи пятницы, а тѣмъ болѣе *среды*, почитаніе которой отмѣнено было для западной Церкви около 300 года, на Элиберійскомъ соборѣ, и замѣнено почитаніемъ субботы [1]).

„Эпистолія о Недѣлѣ“ оказала вліяніе даже на мѣстное украинское творчество и породила нѣсколько легендъ о св. Недѣлѣ, олицетворяющейся въ образѣ молодой, красивой женщины. О началѣ празднованія воскреснаго дня въ честь Недѣли легенда, записанная въ Новоградволынскомъ уѣздѣ, разсказываютъ слѣдующее. Мы потому не работаемъ въ воскресенье, что Богъ подарилъ его Недѣлѣ и при этомъ сказалъ: „На тебѣ этотъ день, только гляди же сама, чтобы люди въ него не работали“. Недѣля поблагодарила Бога. А сначала, говорятъ, люди работали и въ воскресенье, только это было очень давно, а теперь перестаютъ работать уже въ субботу вечеромъ, послѣ того какъ зайдетъ солнце, потому, что *свята Неділенька* накажетъ такъ, что и Господи! Однажды ѣхали дорогою два человѣка, и заѣхали они въ какое-то село. Хотѣли было разспросить, куда имъ дальше дорога, но нигдѣ не было видно ни души. Только смотрятъ они—въ одной хатѣ свѣтится. Вотъ одинъ говоритъ другому: „Ты останься около воза, а я пойду разспрошу про дорогу и закурю трубку“. Подходитъ онъ подъ окно, когда смотритъ—стоитъ „верста́ть“ (ткацкій станокъ), за нимъ сидитъ „молодиця“ (молодая замужняя женщина) и ткетъ, а всѣ прочіе спятъ въ хатѣ—кто „на лаві“, кто на печкѣ, кто „на полу“. Стоитъ онъ подъ окномъ и ждетъ, что́ изъ всего этого выйдетъ? Когда входитъ въ хату „хоро́ша-прехоро́ша па́нна, та така́-жъ хоро́ша, якъ со́печко святе́е: черво́на та ясна́“, и спрашиваетъ

[1]) Во II-мъ томѣ „Трудовъ Этнограф.-статист. Экспедиціи въ запад.-русскій край“ (стр. 285 - 290), изданныхъ подъ редакціею П. Чубинскаго, напечатана записанная въ Лебединскомъ уѣздѣ сказка: „Зла мати та сестра середа“. Но „середа“ здѣсь—не олицетвореніе дня недѣли, а добрая фея, напоминающая собою добрую Бабу-Ягу нѣкоторыхъ великорусскихъ сказокъ.

http://rcin.org.pl

„молодицю“: „Что ты,—говоритъ,—*жінко добра*, дѣлаешь? —„Да вотъ,—говоритъ,—осталось немножко доткать полотна, такъ я хочу окончить, чтобы оно не валялось“.—„А развѣ тебѣ не будетъ для этого понедѣльника?“—„Да будетъ и понедѣльникъ, только я ужъ спѣшу окончить, чтобы оно не валялось“.—„Ну, оканчивай же ты, а я подожду“. А человѣкъ все стоитъ подъ окномъ, смотритъ, что будетъ. Вотъ „молодица“ окончила ткать, взчла ножъ и хотѣла отрѣзать.—„Дай“,—говоритъ *панна*,—я тебѣ отрѣжу, а ты подержи.“—„Хорошо“—говоритъ „молодица“. Взяла полотно и держитъ. А Недѣля взяла ножъ, ообрѣзывала ей кожу на рукахъ,—а той и не больно совсѣмъ—кажется, будто „панна“ рѣжетъ полотно. Тогда Недѣля бросила ножъ, содрала съ „молодиці“ кожу, повѣсила ее „на верстаті“ и говоритъ: „Вотъ тебѣ за то, чтобы ты не работала, когда зайдетъ воскресенье“. Человѣкъ тотъ страшно испугался, побѣжалъ поскорѣе къ возу, и они тотчасъ же поѣхали съ товарищемъ дальше. Подъѣхали къ корчмѣ и остановилиеь ночевать. Проснулся онъ на другой день и разсказываетъ: „Снилось ли мнѣ, или же видѣлъ это я въ дѣйствительности, самъ не знаю“... и затѣмъ разсказалъ по порядку все, что онъ видѣлъ вчера. Собрались люди, отправились къ той хатѣ, смотрятъ—когда на „верстаті“ дѣйствительно виситъ кожа, а ободранное тѣло лежитъ „на полу“. Тогда тотъ человѣкъ сказалъ, что это Недѣля покарала „молодицю“ за то, что она работала. Съ того времени люди перестали работать въ воскресенье [1]).

Слишкомъ строгая кара, постигающая непочитающихъ Недѣлю, объясняется тѣмъ, что они работами этими причиняютъ Недѣлѣ страшныя, соотвѣтствующія той или другой работѣ, страданія. Ѣдетъ себѣ какъ-то одинъ человѣкъ, погоняетъ потихоньку, когда идетъ—„молодица“ ли, дѣвушка

[1]). П. Чубинскій, „Труды Этнограф.-статист. Экспедиціи въ зап.-русскій край“, т. II, стр. 432—433—Въ Каневскомъ уѣздѣ все это приписываютъ св. Пятницѣ (тамъ же, т. I, стр. 217).

http://rcin.org.pl

ли, кто ее ужъ тамъ знаетъ.—„Здравствуйте, дядюшка!“—„Здравствуйте!“—„Подвезите меня!“—„Садитесь, *панімáтко*“, или какъ ужъ онъ тамъ ее назвалъ.—„Кто вы такіе, откуда, куда идете?“—разспрашиваетъ человѣкъ тотъ.—„Я—Недѣля, *чоловічку*!“—„Какъ же это такъ, что вы идете пѣшкомъ?“—„Потому что люди теперь закона Божьяго не знаютъ, ни на что не смотрятъ: они меня испекли, сварили, сжарили, *ізшкварили*, посѣкли, съѣли!“ Поговорила, поговорила, когда глянулъ потомъ человѣкъ, а она—кто ее знаетъ, гдѣ и дѣлась; искалъ, искалъ, да такъ и не нашелъ (Чигиринск. у.) [1]).

Если кто работаетъ поздно подъ воскресенье вслѣдствіе необходимости, Недѣля въ такихъ случаяхъ даже сама поможетъ; но безъ строгаго наказанія все же не оставитъ непочитающаго ея. Дѣло было еще во времена „панщины“ (крѣпостного права). У одной женщины, по имени Марѳы, только и было времени попрясть, что въ субботу: это уже былъ *ея* день. Прядетъ это она себѣ одинъ разъ подъ воскресенье. Зазвонили къ вечернѣ. Ей бы оставить работу, а она говоритъ: „Дай еще *надіну переділочку*, спряду, хоть и воскресенье уже—прости меня, Господи—зашло; а то какъ пойду на панщину, не скоро потомъ снова удастся попрясть: хоть грѣхъ, хоть два—а нужно!“ Надѣла „переділку“, пряла, пряла—не допряла, да такъ и легла, оставила; подлѣ порога былъ маленькій „привалочокъ“, она и поставила туда гребень съ „мичкою“, а веретено оторвала и положила въ уголокъ. Поужинали всѣ, легли спать. Спятъ. Вдругъ входитъ въ хату такая „хорóша жінка, у плáхті хорóшій, у очіпку убрана“ да и говоритъ: „Марѳа!“—„Га!“—отзывается Марѳа.—„Ты допряла *переділку*?“—„Охъ, нѣтъ, бабусю, не допряла!“—„Я—не бабуся, я—*тітка* (нестарая женщина). Вставай же,—говоритъ,—да допряди!“ А Марѳа лежитъ, какъ камень.—„Вишь, поставила, — кто же ее допрядетъ? видно, мнѣ придется допрядать!“ Марѳа лежитъ, не шевельнется, а *она* достала

[1]) „Этнографическое Обозрѣніе“ 1890 г., IV, стр. 95—96.

http://rcin.org.pl

„днище“ изъ подъ „лавки“, сѣла подлѣ окна и давай прясть ту „переділку“. Марѳа лежитъ да только посматриваетъ. Допряла *она*, а послѣ того какъ встанетъ съ тѣмъ гребнемъ да какъ хватитъ имъ Марѳу три раза вдоль: „Не лежи, а вставай Богу молись, коли я сама допрядаю! Знаешь ли ты, кто я? Ты подъ воскресенье надѣла *переділку*,—вотъ тебѣ Недѣля теперь и допряла!“—Послѣ того Марѳа такъ и не вставала уже больше: пролежала недѣлю, и умерла (Бѣлгородск. у.) [1]).

Очень часто св. Недѣля и странствуетъ по свѣту и дѣйствуетъ совмѣстно съ св. Пятницей.

3. Св. Пятница.

Культъ *Пятницы* достигъ гораздо большаго развитія, чѣмъ культъ Недѣли, у всѣхъ почти безъ исключенія христіанскихъ народовъ. Въ языческій періодъ жизни славянъ пятница посвящена была богинѣ весны и плодородія Фреѣ, или Сивѣ. Съ принятіемъ христіанства нашими предками память объ этой языческой богинѣ не могла, конечно, сразу исчезнуть, но, въ то же время, не могла мириться съ ней и новая религія. И вотъ, Фрея смѣнилась св. великомучен. Параскевою, обезглавленною при Діоклетіанѣ, и Пресв. Богородицей. На ряду съ этимъ, уваженіе всего вообще христіанскаго міра къ пятницѣ обусловливалось еще потрясающими воспоминаніями изъ земной жизни Спасителя, соединенными съ этимъ днемъ. Строгое соблюденіе пятницы внушается уже въ сочиненіи кесарійскаго епископа Памфила († 340): „Жизнь Константина“ [2]). У насъ на Руси въ XI в. преп. Ѳеодосій Печерскій писалъ къ великому князю Изяславу: „аще кто отречеся въ среду или въ пятницу мясъ не ясти, добро, вельми полезно не ясти. Не я сего завѣщаю, но святіи апостоли; тако бо законъ положиша, да всякъ

[1]) „Этнографическое Обозрѣніе“ 1892 г., XV, стр. 161—162.

[2]) „Журналъ Министерства Народ. Просвѣщ.“ 1876 г., т. 185, стр. 326.

http://rcin.org.pl

крестьянинъ постится въ середу и въ пятницу.... въ середу бо жидове совѣтъ сотвориша на Іисуса и въ пятокъ распяша Господа".

Развитію культа св. Пятницы среди русскаго народа особенно много способствовало широкое распространеніе извѣстнаго апокрифическаго „Сказанія о 12 пятницахъ", подъ вліяніемъ котораго почитаніе пятницы у насъ не ограничилось только общимъ характеромъ воздержанія отъ работы въ этотъ день, но развилось въ почитаніе *временныхъ*, или *именныхъ* пятницъ, приходящихся передъ большими годовыми праздниками, а въ Великороссіи, по бытовому развитію обычая, сверхъ того выразилось еще и въ формѣ *обѣтныхъ* пятницъ, когда даютъ обѣтъ праздновать извѣстныя пятницы и постить въ нихъ по случаю какихъ-нибудь несчастій.

Апокрифическое „Сказаніе о 12 пятницахъ" составилось на Востокѣ еще въ первые вѣка христіанства; древнѣйшіе списки его—французскій и сербскій—относятся къ XIV в. Академикъ А. Н. Веселовскій [1]) различаетъ *двѣ* редакціи „Сказанія": 1) *Элевѳерьевскую*, извѣстную только по славянскимъ рукописямъ, и 2) *Климентовскую*, извѣстную по западно-европейскимъ и русскимъ рукописямъ и по русскимъ духовнымъ стихамъ. „Русскія редакціи Климентовскаго *Сказанія*,—говоритъ онъ,—представляютъ ту особенность, что соблюденіе пятницъ, распредѣленныхъ по главнымъ годовымъ праздникамъ, связано для каждой изъ нихъ съ обѣщаніемъ вѣрующему особыхъ преимуществъ. Эти преимущества либо обобщены изъ содержанія праздника, которому предшествуетъ та или другая пятница, либо заимствованы изъ области народныхъ примѣтъ и суевѣрій, привязавшихся къ тому или другому дню или времени года".

---

[1]) „Опыты по исторіи развитія христіанской легенды", ч. IV — „Журн. Министерства Нар. Просв." 1876 г., т. 185.

http://rcin.org.pl

Украинскихъ „Сказаній о 12 пятницахъ“ извѣстно всего *три*: 1) изданное г. *Петрушевичемъ* [1]), 2) записанное *С. Руданскимъ* въ Подольской г. [2]) и 3) записанное въ Черниговской г. отъ кобзаря Павла *Братыци* [3]). *Оригинальныхъ* духовныхъ стиховъ на Украйнѣ „Сказаніе“ не породило, а украинскіе стихи о пятницахъ представляютъ собою почти дословное повтореніе тѣхъ *восьми* великорусскихъ варіантовъ, которые изданы *П. Безсоновымъ* [4]). Вотъ сдѣланная проф. Н. О. Сумцевымъ общая сводка всѣхъ этихъ „Сказаній“ и великорусскихъ духовныхъ стиховъ [5]).

Первая пятница—на первой недѣлѣ Великаго поста. Награда: человѣкъ не будетъ убогимъ (Руданскій); будетъ сохраненъ отъ „скверности і болізности“ (Братыця). То же и въ великорусскихъ стихахъ.

Вторая пятница—передъ Благовѣщеніемъ (Братыця и Петрушевичъ); передъ Свѣтлымъ Воскресеніемъ (Руданскій). Награда: огражденіе отъ скоропостижной смерти.—То же и въ великорусскихъ стихахъ.

Третья—Страстная (Петрушевичъ и Братыця); Вознесенская (Руданскій). Награда: „не буде смутку мати“ (Руданскій); избѣгнетъ неправаго суда (Братыця).—Въ великорусскихъ стихахъ: сохраненъ будетъ отъ непріятеля и кровопролитія.

Четвертая—Георгіевская, Святодуховская или Вознесенская (Петрушевичъ); Вознесенская (Братыця); Троицкая (Руданскій). Награда: не утонетъ (Руданскій); сохраненъ будетъ отъ „сумертвлѣнія“ (Братыця).—Въ великорусскихъ стихахъ: отъ потопленія.

---

[1]) „Общерусскій дневникъ“, Львовъ, 1865 г.

[2]) „Малорусскія народныя преданія и разсказы“, стр. 144—145.

[3]) „Записки Юго-Западнаго Отдѣла Императ. Русскаго Географ Общества“, т. II.

[4]) „Калѣки перехожіе“, вып. VI, стр. 120—152. Здѣсь же (стр 153—157) помѣщены 4 народныхъ сказанія о 12 пятницахъ.

[5]) „Кіевская Старина“ 1887 г., Ноябрь, стр. 422—423.

http://rcin.org.pl

Пятая — Святодуховская (Петрушевичъ и Братыця); Петро-павловская (Руданскій). Награда: избавленіе отъ напасти (Руданскій); отъ потопа (Братыця).—Въ великорусскихъ стихахъ: отъ меча, „лѣсного заблужденія“, „скорпійнаго змія,“ зубной боли, лихорадки, смерти непокаянной, потопа, илѣна.

Шестая—передъ Петровымъ днемъ или передъ Рождествомъ Іоанна Предтечи (Петрушевичъ); Ильинская (Братыця); Спасовская (Руданскій). Награда: сохраненіе отъ грома (Братыця); „въ гріхáхъ смертéльныхъ не умрé“ (Руданскій).—Въ великорусскихъ стихахъ: отъ огня, пожара и грома.

Седьмая — Успенская или Ильинская (Петрушевичъ); Успенская (Братыця и Руданскій). Награда: охраненіе отъ лихорадки (Братыця); увидитъ передъ смертію Пресв. Богородицу (Руданскій).—Въ великорусскихъ стихахъ: отъ бѣдности, разбойниковъ, потопа, лихорадки, всѣхъ грѣховъ.

Восьмая—передъ Усѣкновеніемъ главы Іоанна Крестителя (Петрушевичъ и Братыця); Успенская (Петрушевичъ); передъ Рождествомъ Пресв. Богородицы (Руданскій). Награда: охрана отъ враговъ и меча.—Въ великорусскихъ стихахъ: отъ лихорадки, нужды, печали, бѣдности.

Девятая—Воздвиженская или Козьмо-демьяновская. Награда:: „не буде мýки мáти“ (Руданскій); охрана въ дорогѣ (Братыця).—Въ великорусскихъ стихахъ: отъ головной и зубной боли.

Десятая—по Воздвиженіи или передъ арханг. Михаиломъ. Награда: охрана отъ звѣря (Братыця); „відъ усякого гріха захóваеться“ (Руданскій).—Въ великорусскихъ стихахъ: передъ смертью узритъ Богородицу; „избѣгнетъ отъ скоропостижной смерти звѣря“.

Одиннадцатая—передъ Андреевымъ днемъ или передъ Рождествомъ Христовымъ (Петрушевичъ) и (Братыця); Покровская (Руданскій). Награда: въ книгу небесную запишутъ (Руданскій); избавленіе отъ напасти (Братыця).—Въ великорусскихъ стихахъ: охраненъ будетъ отъ „зноблёной смерти отъ морозу“, узритъ Богородицу.

http://rcin.org.pl

Двѣнадцатая—по Рождествѣ Христовѣ или передъ Богоявленіемъ Господнимъ. Награда: охрана отъ вѣтра и лютыхъ морозовъ (Братыця); Господь возьметъ душу на небо.— То же и въ великорусскихъ стихахъ.

Мы не будемъ говорить здѣсь, насколько развито почитаніе Пятницы въ Великороссіи [1]), на Украйнѣ же оно сопровождалось въ XVIII в. даже особымъ религіознымъ обрядомъ, перешедшимъ, безъ сомнѣнія, изъ языческой старины: „Слышится,—говорится въ *Духовномъ Регламентѣ*,— что въ Малой Россіи, въ полку стародубовскомъ, въ день уреченный праздничный водятъ жонку простовласую подъ именемъ пятницы, а водятъ въ ходѣ церковномъ (если то по истинѣ сказуютъ) и при церкви честь оной отдаетъ народъ съ дары и со упованіемъ нѣкія ползы". [2]) Обычай этотъ до нашего времони не дошелъ, но вѣра въ то, что Пятница непремѣнно покараетъ непочитающихъ ея, настолько глубоко пустила корни въ сознаніи украинскаго народа, что еще въ 1831 году въ г. Золотоношѣ возникло цѣлое *дѣло* о явленіи св. Пятницы на полѣ во ржи въ образѣ женщины въ бѣлой намиткѣ, съ распущенными волосами, которая запрещала, будто бы, людямъ по пятницамъ работать [3]).

Разсказовъ о Пятницѣ ходитъ въ народѣ и записано этнографами очень много. Въ этихъ разсказахъ она смѣшивается то съ св. великомуч. Параскевой, то даже принимаетъ видъ какого-то фантастическаго существа чаще всего она ходитъ сама, иногда со св. Недѣлею, а въ одномъ разсказѣ—

---

[1]) См. объ этомъ, напр., у Аѳанасьева—„Поэтическія воззрѣнія славянъ на природу", т. I, стр. 231 и у во мн. др.

[2]) Обычай торжественно водить женщину или дѣвушку подъ тѣмъ или другимъ названіемъ существовалъ, по свидѣтельству Стоглава, и въ Великороссіи въ XVI в.; у сербовъ и болгаръ водятъ „Додолу", или „Дюдюлъ".

[3]) „Кіевская Старина", 1885 г., Декабрь, стр. 744—747. Офиціальное дѣло это извлечено изъ архива Полтавскаго губернскаго правленія, гдѣ оно хранится, по Общей Описи, за № 1026-мъ.

http://rcin.org.pl

съ св. Анной (нарушеніе празднованія пятницы произошло подъ праздникъ Зачатія св. Анны, 9-го декабря [1]); иногда вмѣсто св. Пятницы является только „нривиденція“ (привидѣніе) [2]). Цѣль явленій св. Пятницы людямъ состоитъ въ наблюденіи за тѣмъ, чтобы они не нарушали почитанія ея дня.

Самая главная работа, которая строго запрещается въ пятницу и вечеромъ подъ пятницу, это — пряжа [3]). Женщинѣ, которая прядетъ въ пятницу, на томъ свѣтѣ „пробиваютъ го́рло кло́ччамъ“ (хопкомъ), а на этомъ свѣтѣ у нея не будетъ родить конопля, которую, къ тому же, будутъ выпивать воробьи [4]). Сидѣла какъ-то одна дѣвушка подъ пятницу и пряла. Когда слышитъ—„что то“ подходитъ подъ окно.—„А ты, *дівко*, прядешь?“— „Пряду“, отвѣчаетъ. *Она* (пятница) вдругъ какъ кинетъ въ окно пучокъ веретенъ (въ варіантахъ—12, 40 и даже 50 веретенъ) да и говоритъ: „На же тебѣ эти веретена: чтобы ты ихъ до свѣту всѣ запряла; а если не запрядешь,—говоритъ,—то не будешь больше на свѣтѣ жить!“ И пошла себѣ. Дѣвушка испугалась: „Что́ же мнѣ *въ світі Бо́жому* дѣлать теперь?“—думаетъ себѣ, потому что—какъ быстро ни пряди, а больше двухъ или трехъ веретенъ не напрядешь. Между тѣмъ, Пятница швырнула ей штукъ 20 веретенъ. Что тутъ дѣлать? Взяла она да—на одно веретено нитку напряла, на другое нитку, на третье... лишь бы поскорѣе, затѣмъ выбросила всѣ ихъ за окно да и заперлась.

---

[1]) „Кіевская Старина“, 1902 г., Май, стр. 276, разсказъ 10-й (записанъ въ Лубенск. у.).

[2]) Тамъ же, стр. 274, разсказъ 4-й (записанъ въ Лубенскомъ у.).

[3]) „Сѣверный Вѣстникъ“ 1887 г., Августъ, „Областн. Отд.“, стр. 75; В. Ивановъ, „Жизнь и творчество крестьянъ Харьк. губ.“, т. I, стр. 850; Б. Гринченко, „Этнографическіе матеріалы“, вып. II, стр. 303; вып. III, стр. 325; „Кіевская Старина“ 1902 г., Май, стр. 974, разсказы 3, 5, 6, 7; П. Чубинскій, „Труды Этнограф.-статист. Экспедиціи въ зап.-русскій край“, т. I, стр. 217 и мн. др.

[4]) „Кіевская Старина“ 1902 г., Май, стр. 276.

http://rcin.org.pl

Немного перегодя, Пятница снова подходитъ подъ окно. —„А,—говоритъ,—догадалась, *зрозуміла*, что́ сдѣлать; счастье твое! Гдѣ-то ладно научилась, а то иначе—не жить бы тебѣ больше на свѣтѣ; знала бы ты, какъ прясть подъ пятницу!“ Дѣвушка въ страхѣ такъ и упала ничкомъ (разсказъ записанъ въ г. Лебединѣ) [1]). — Въ Остерскомъ уѣздѣ говорятъ, что св. Пятница („це така́ молоди́ця“) ходитъ въ пятницу по хатамъ и смотритъ, кто изъ женщинъ прядетъ, при чемъ, въ наказаніе корчитъ пряхамъ на обѣихъ рукахъ пальцы [2]).— По западно-европейскимъ вѣрованіямъ, за пряхами наблюдаютъ особыя олицетворенныя существа: у нѣмцевъ—Берта, у итальянцевъ—Бефана, которыя тоже запоздавшей пряхѣ накидываютъ пустыя веретена и вообще наказываютъ лѣнивыхъ изъ нихъ, прилежныхъ же, наоборотъ, поощряютъ [3]). Въ параллель къ дѣятельности св. Пятницы въ этомъ послѣднемъ направленіи, можемъ сослаться и мы, съ своей стороны, на разсказъ „бабу́ні Марці Ове́рчихи“ о томъ, какъ св. Пятница помогла прясть калѣкѣ и горбатой дѣвушкѣ-сиротѣ „Явдо́хѣ Божихѣ“, а затѣмъ научила и ее самое прясть такъ, что лучше Божихи никто не умѣлъ и не могъ. [4]).

Нельзя также, по украинскимъ легендамъ, въ пятницу и въ вечеръ подъ пятницу производить и всѣ тѣ работы надъ коноплей, которыя предшествуютъ пряжѣ, какъ-то: „тіпать“ (трепать) ее, „тертн, мняти, мичо́къ ми́кать“. У одного человѣка было три невѣстки. Одна изъ нихъ цѣлый годъ болѣла и дала обѣтъ ничего не работать въ пятницу—все равно,

---

[1]) „Кіевская Старина“ 1885 г., Сентябрь, стр. 186—187 (этотъ разсказъ перепечатанъ потомъ въ „Этнографическомъ Обозрѣніи“ за 1890 г., IV, стр. 96—97); ср. тамъ же, 1902 г., Май, стр. 274—276, разсказы 5, 6 и 7.

[2]) П. Чубинскій, „Труды Этногр.-статистич. Экспедиціи въ зап.-русскій край“, т. I, стр. 217.

[3]) А. Н. Веселовскій, „Опыты по исторіи развитія христ. легенды“, ч. IV—„Журн. Минист. Нар. Просв.“ 1876 г., т. 185, стр. 263, 280, 281.

[4]) „Кіевская Старина“ 1895 г., Январь: „Дѣтскій эдемъ до вкушенія плода отъ древа познанія добра и зла“ *М. Ш.* стр. 123—128.

http://rcin.org.pl

какъ въ воскресенье. Остальныя двѣ невѣстки стали смѣятся надъ нею, что она ничего не работаетъ по пятницамъ. Разъ, въ пятницу, одна изъ нихъ пошла воду носить, а другая стала мычки мыкать, третья же, которая дала обѣтъ, сѣла себѣ на печкѣ и сидитъ. Вотъ первая измыкала цѣлое „повісьмо“, при чемъ—ни съ того ни съ сего—у нея заболѣла голова, и она заснула; вторая пять разъ принесла воды. Вдругъ въ хату входитъ дѣвушка, сама Пятница, заглянула на печку и говоритъ той, которая ничего не работала: „Ты никому ничего не скажешь?“ — „Нѣтъ“. —„Гляди же, что я буду дѣлать, и наказывай всѣмъ, чтобы по пятницамъ не работали“. Затѣмъ взяла голову той невѣстки, которая измыкала „повісьмо“ канопли, расколола ее, сняла черепъ, всю рѣшительно кострику всыпала въ голову, послѣ чего сшила послѣднюю шелкомъ, какъ она раньше была. Дѣвушка пошла изъ хаты, а невѣстка та проснулась и все хватается за голову: слишкомъ ужъ она разболѣлася у нея. Невѣстка, которая ничего не работала, усмѣхнулась при этомъ.—„Чего ты смѣешься? Это ты мнѣ *наврóчила* за то, что я много мычекъ намыкала! Сама, небось—*Свята́ Явдóха* (Евдокія), сидишь себѣ на печкѣ, ничего на дѣлаешь!“ Она съ той поры заболѣла, а третья невѣстка все только посмѣивается, однако тайны не открываетъ. Возили больную и къ докторамъ уже—никто не помогаетъ, и она такъ промучилась цѣлый годъ, что пришлось хоть помирать. Вдругъ третьей невѣсткѣ, которая не работала по пятницамъ, является однажды во снѣ св. Пятница и говоритъ: „Скажи больной, чтобы она дала такой обѣтъ: пусть постится 15 пятницъ и наймет 5 молебновъ въ 5 церквахъ,—тогда она выздоровѣетъ“. Она разсказала все больной, но та не обратила на это никакого вниманія. Тогда Пятница явилась ей самой во снѣ и говоритъ: „А знаешь ли, что́ есть въ твоей головѣ?“—„Не знаю“.—„А хочешь узнать?“—„Хочу“—„Если не хочешь *діла сполня́ть*, то умрешь, оставишь сиротами дѣтей“ —„Исполню *діло*“, пообѣщала тогда больная. Пятница сказала: „Сморкни на зе-

http://rcin.org.pl

млю!“ Сморкнула она,—и изъ носу стала выпадать кострика. —„Гляди, что въ твоей головѣ!“ Больная бросилась на колѣни; затѣмъ начала поститься и молиться. Снова явилась Пятница, наслала на нее глубокій сонъ, *роспорола* голову, вымыла, вычистила, исцѣлила, а кострику всю сложила въ кучку. Больная проснулась, открыла глаза, глянула—а передъ нею лежитъ вся кострика, которую она намыкала изъ мычекъ. —„Больше не будешь дѣлать такъ?“—спросила Пятница. Больная дала строгій зарокъ (Лубенск. у.) [1]).

Нельзя также въ пятницу „прать“ и золить бѣлье [2]), трусить сажу [3]), печь хлѣбъ [4]), дѣлать „квашу“ [5]), чесаться (если женщина чешется въ пятницу, то волоса, которыя падаютъ при этомъ, разлетаются по двѣнадцати дворамъ, и отъ нихъ происходитъ болѣзнь „во́лосъ“) [6]), мыть голову [7]), мазать печь и припечокъ [8]), пѣть пѣсни [9]). Женщины, производящія всѣ указанныя работы въ пятницу, не только оскорбляютъ Пятницу этимъ, но и причиняютъ ей всевозможныя страданія, вслѣдствіе чего она и является людямъ то „бѣлявою хорбшою дівкою“ во всѣмъ бѣломъ [10]), то дѣвушкою „въ

---

[1]) „Кіевская Старина“ 1902 г., Май, стр. 277—278, разск. 11.

[2]) „Этнографическое Обозрѣніе“ 1892 г., XV, стр. 163—164; 1895 г., XXV, стр. 147; „Кіевская Старина“ 1902 г., Май, стр. 278, разск. 12 и 13 и др.

[3]) Б. Гринченко, „Этнографическіе матеріалы“, вып. 1, стр. 17; „Этнографическое Обозрѣніе“ 1895 г., XXV, стр. 147—148; „Кіевская Старина“ 1902 г., Май, стр. 278—279, разск. 15, 16, 17 и др.

[4]) В Ивановъ, „Жизнь и творчество крестьянъ Харьк. губ.“, т. I, стр. 850—851 и др.

[5]) „Кіевская Старина“ 1902 г., Май, стр. 270—271, 279—280, разск. 18 и 19.

[6]) Б. Гринченко, „Этнографическіе матеріалы“, вып. I, стр. 19; „Кіевская Старина“ 1902 г., Май, стр. 280—281, разск. 20 и 21; „Этнографическое Обозрѣніе“ 1895 г., XXV, стр. 147—148 и др.

[7]) „Этнографическое Обозрѣніе“ 1892 г., XV, стр. 163,

[8]) „Кіевская Старина“ 1902 г., Май, стр. 270, 279, разск. 17.

[9]) П. Чубинскій „Труды Этнограф.-статист. Экспедиціи въ зап.-русскій край“, т. V, №№ 202, 602.

[10]) „Кіевская Старина“ 1902 г., Май, стр. 272—273, разск. 1.

http://rcin.org.pl

бйндахъ (лентахъ) та въ квіткахъ (цвѣтахъ) [1]), то „го́лою дівкою“, у которой „на грудяхъ нагрузилось костри́ці та кло́ччя, мовъ притулено“ [2]), то старухою, одѣтою въ „свитку“ прямо поверхъ голаго тѣла, которое все у пея „попе́чене, подряпане, поко́ляне, і по усёму тілу пухирі такі здоро́ві, якъ хлібъ“ [3]) и т. п. Ѣхалъ одинъ человѣкъ на ярмарку. Глядитъ, когда бѣжитъ за нимъ голая дѣвушка. Онъ ѣхалъ волами. Оглянулся—испугался, погоняетъ скорѣе воловъ; а она „гука́э“: „Подожди, *чоловіче*, подожди!“ А онъ удираетъ. Нагоняетъ его; вотъ уже совсѣмъ близко.—„Богъ съ тобою, *чоловіче*!—говоритъ:—я не кто нибудь, а Пятинка!“ Видитъ онъ, что не удеретъ, остановился. Нагнала. Мужикъ набросилъ на дѣвушку „рядно́“. Сѣла она на возъ. А у пея вся грудь усѣяна кострикой да хлопками, точно они приклеены. Человѣкъ и спрашиваетъ: „Что это такое у васъ на груди?“ —„А вотъ что это,—отвѣчаетъ она:—кто мнетъ коноплю да прядетъ въ пятницу, такъ все это садится мнѣ ва сердце. Я не помогаю тѣмъ людямъ, которые не чтутъ св. Пятницы, ни въ полѣ, ни дома, ни въ пути-дорогѣ. Не спасаю того человѣка, который меня не спасаетъ, а кто меня спасаетъ, спасаю и я того, не даю ому погибнуть, *милую* его и охраняю. Когда вернешься домой, вели женѣ и дочерямъ, чтобы онѣ до девятаго поколѣнія почитали Пятницу,—тогда и я буду помогать имъ во всемъ“ (Лубенск. у.) [4]).

Въ Елисаветградскомъ уѣздѣ записанъ слѣдующій разсказъ со словъ одной пожилой женщины. Вотъ наварила я обѣдать, спекла хлѣбъ и сѣла причесаться. Когда пріѣхали съ поля сынъ и невѣстка. Пообѣдали мы. Невѣстка позолила сорочки, и сѣли мы съ нею прясть. Пряли мы до самаго вечера. Вечеромъ входитъ къ намъ какая-то женщина—ста-

[1]) „Кіевская Старина“ 1895 г., Январь, стр. 127.
[2]) „Кіевская Старина“ 1902 г., Май, стр. 273—274, разск. 2.
[3]) „Этнографическое Обозрѣніе“ 1895 г., XXV, стр. 147.
[4]) „Кіевская Старина“ 1902 г., Май, стр. 273—274, разск. 2.

http://rcin.org.pl

рая-престарая, одѣтая въ „свитку“ (верхнее платье наподобіе армяка), при чемъ „свитка“ на локтяхъ прорвана, и сквозь дыры виднѣлось голое тѣло. Вошла и говоритъ: „Добраго вечера! А что вы сегодня дѣлали?“ А я и говорю: „Испекла ржаной хлѣбъ, умылась, причесалась, а невѣстка позолила сорочки, да и сѣли обѣ прясть.“—„А вы,—говоритъ,—забыли, что сегодня св. Пятница?“ —„И въ самомъ дѣлѣ,—говорю,—забыла!“—„Да вы,—говоритъ,—хоть и помните, а все же въ св. пятницу и хлѣбъ печете, и сорочки золите, и чешетесь, и прядете, а про то и забываете, что въ пятницу ничего этого нельзя дѣлать, потому что Пятница—такая же святая, какъ и другія, и что она терпитъ за васъ муки, когда вы ея не почитаете!“—Сказала это, и скинула съ себя „свитку“; а подъ „свиткою“, оказывается, нѣтъ ни рубахи, ни „спідниці“ (верхней юбки), а прямо—голое тѣло, да такое попеченное, поцарапанное, поколотое, и по всему тѣлу волдыри такіе громадные, какъ хлѣбъ!—„Вотъ, видите,—сказала она, *яка́ я попе́чена, позо́ляна, поко́ляна*, какіе у меня волдыри? Когда вы печете хлѣбъ, у меня тотчасъ же выскакиваютъ волдыри; когда вы золите сорочки, я тотчасъ же покрываюсь золою; когда вы чешетесь, на моемъ тѣлѣ тотчасъ же появляются царапины; когда прядете, это все равно, что меня колете,—оттого я поколота“. Когда она сказала намъ это, мы тотчасъ же съ невѣсткою давай креститься, давай молиться. Вотъ св. Пятница и говоритъ: „Ну, теперь прощайте! Сегодня я вамъ ничего не сдѣлаю, только глядите же—на будущее время не пеките ржаного хлѣба, не золите сорочекъ, не прядите и не чешитесь въ св. пятницу; если же будете все это дѣлать, то на этомъ свѣтѣ васъ ожидаетъ горе, а на томъ свѣтѣ будете кипѣть въ смолѣ, и будутъ васъ печь, золить и колоть веретенами, и будете вы терпѣть то же, что я теперь терплю“.—Сказала, и съ тѣмъ ушла“ [1]).

---

[1]) „Этнографическое Обозрѣніе“ 1895 г., XXV, стр. 147.

http://rcin.org.pl

Если роженица, не почитавшая св. Пятницы, обращается во время родовыхъ мукъ къ ней за помощью, то Пятница скажетъ ей: „Обожди: помажу, посмываю, расчешусь столько разъ, сколько разъ ты чесалась въ пятницу,—а тогда уже и приду къ тебѣ на помощь“ [1]). Совсѣмъ иное ожидаетъ роженицу, которая почитала пятницу, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ легенда изъ цикла „Обходовъ апостольскихъ“, записанная въ Бѣлгородскомъ уѣздѣ. Разъ ходилъ Господь со св. Петромъ по селу, и стали они проситься къ одному человѣку ночевать. Человѣкъ этотъ жилъ въ полномъ довольствѣ, всего у него было много; а у странниковъ были всего только котомочки за плечами, какъ у нищихъ.—„А что́—пустимъ мы нищихъ переночевать?“—спрашиваетъ мужъ.—„Оно-то пустить переночевать еще и можно бы, да вѣдь имъ, пожалуй, придется дать и поужинать?“—отвѣчаетъ жена.—„Да мы у васъ хлѣба не просимъ,—сказали странники:—дайте только намъ уголокъ переночевать“. Пустили ихъ, отвели уголъ. Вынулъ Господь просфорку, перерѣзалъ ее пополамъ—одну половинку взялъ Себѣ, а другую далъ Петру.—„Набери, раба Господня, кваску,“ попросилъ Онъ затѣмъ хозяйку. Та набрала. Ѣдятъ они просфорку, квасомъ „прихлѣщуютъ“ (прихлебываютъ). Поужинали просфоркой, помолились Богу,—а просфорка—опять цѣлая! Хозяинъ и говоритъ тихо хозяйкѣ: „Что они за люди такіе? перерѣзали просфорку, поужинали ею,—и она снова цѣлая!“ А хозяйка отвѣчаетъ: „Да развѣ это нищіе? Это—дуросвѣты *обманаторі* (*на-родъ цыганівъ*, т. е. наподобіе цыганъ)! и развѣ то у нихъ просфора?“—А Господь все это знаетъ!—Переночевали, помолились Богу и пошли себѣ. Идутъ, а св. Петръ и говоритъ: „Господи! что́ будетъ тому дому, въ которомъ мы только-что ночевали?“—„Оглянись!“—отвѣтилъ Господь. Оглянулся св. Петръ,—а тотъ домъ такъ

---

[2]) „Кіевская Старина“ 1902 г., Май, стр. 271.

http://rcin.org.pl

пожаромъ и охватило; но сгорѣлъ при этомъ только одинъ домъ—и больше ничего. Вошли они въ другую слободу, пришли на самый конецъ ея.—„Давай попросимся къ этому человѣку, къ бѣдному переночевать“. Попросились; пустили ихъ. Хозяинъ и говоритъ женѣ: „А знаешь ли что?“—„А что?—„Затопи-ка въ грубкѣ да свари хоть гречневыхъ *галушечóкъ* странникамъ на ужинъ: какъ же таки голоднымъ людямъ ложиться спать! Поужинаемъ, чѣмъ Господь послалъ: что́ ина́мъ Богъ далъ, то́ и добрымъ людямъ, чѣмъ мы сыты и довольны, тѣмъ и людей покормимъ: мы оттого не обѣднѣемъ“. Сварила хозяйка „галушечóкъ“, сѣли, поужинали: достала также огурчиковъ. Встали утромъ—а оно все цѣлое на столѣ!—„Господи милосердый!—сказалъ пораженный хозяинъ:—что это у насъ за люди?—Наварили *галушокъ*, и сами мы поѣли, и они поужинали, хлѣбъ порѣзали—и все вдругъ оказалось цѣлымъ!“ А жена и говоритъ: „Это—Самъ Богъ, Который теперь ходитъ по землѣ!“ Пошла она затѣмъ въ амбаръ взять муки: муки было всего только на днѣ, а теперь вдругъ—полная бочка!—„Видишь, я говорила!... Слава Тебѣ, Господи, что намъ Богъ такихъ людей послалъ!..“ Господь съ св. Петромъ пошли дальше. Идутъ они полемъ, подошли къ панскому сараю,—а тамъ дѣвушка прячется въ ожиданіи близкихъ родовъ. Господь глянулъ на нее и сказалъ: *„Поможи́ тобі Бо́же, и Ты, Св. Богоро́дице, и ты, св. Пя́тінко-Параске́во!“* Затворилъ двери и пошелъ дальше. Прошли слободку, вышли на мостъ. Какая-то женщина „пере́ сорочки“ на льду. Господь прошелъ мимо, надвинувши шапку на глаза, и не глянулъ въ ея сторону, точно и не видѣлъ, что она „пере́“ въ пятницу. Перешли черезъ мостъ. Петръ и говоритъ: „Господи! ка́къ же это такъ?“—„А что́ такое?“—„Да вѣдь то была какая-то блудница, а Ты перекрестилъ сарай и сказалъ: *поможи́ тобі Боже, и Ты, Св. Богоро́дице, и св. Пя́тінко-Параске́во*; а этой Ты и шапки не снялъ!“—„Эге, св. Петръ! а знаешь ли ты, какой теперь день? развѣ можно сегодня прать?—Я не дозволяю сегодня прать!“ Св. Петръ

http://rcin.org.pl

оглянулся, и увидѣлъ, что та женщина такъ прямо и пошла подъ ледъ... [1]).

Старыя хозяйки, бывало, въ ночь съ четверга на пятницу застилали столъ, клали на него хлѣбъ-соль, ложку, ставили немного ухи или каши въ горшкѣ, накрытомъ сверху мискою, —все это для св. Пятницы. Остатки этого обычая сохранились и по настоящее время въ нѣкоторыхъ глухихъ селахъ и хуторахъ Лубенскаго уѣзда [2]). Любопытно, что подобные же обычаи существуютъ въ Богеміи, Перигорѣ, Бретани и Нормандіи [3]).

Пятница очень часто также выводится въ украинскихъ сказкахъ, преимущественно въ образѣ фантастическаго существа [4]); но обслѣдованіе *сказокъ въ собственномъ смыслѣ слова* не входитъ въ наши задачи.

---

[1]) „Этнографическое Обозрѣніе“ 1892 г., XV, стр. 163—164.

[2]) „Кіевская Старина“ 1902 г., Май, стр. 242.

[3]) C. Haberland. „Ueber Gebräuche und Abergl. beim Essen“, 371. 372

[4]) См., напр., П. Чубинскій, „Труды Этнограф.-статист. Экспедиціи въ зап.-русскій край“, т. II, № 130. стр. 428 и др

http://rcin.org.pl

Украинскія легендарныя сказанія и преданія о небѣ и свѣтилахъ небесныхъ.

Приведенныя нами раньше легенды о твореніи міра рисуютъ космогоническія воззрѣнія украинскаго народа только въ самыхъ общихъ чертахъ. Но не ими лишь однѣми питается любознательная мысль народная; въ устахъ народа живетъ еще богатѣйшій запасъ *легендарныхъ сказаній и преданій*, представляющихъ собою пеструю, причудливую смѣсь пережитковъ обще-арійскихъ миѳическихъ вѣрованій съ послѣдующими полу-языческими, полу-христіанскими воззрѣніями. Преданія эти хранятся въ памяти народной то въ видѣ кратко выраженныхъ афоризмовъ, то въ видѣ примѣтъ, то въ видѣ какъ бы осколковъ затерявшагося въ дали вѣковъ когда-то цѣльнаго сказанія и часто иллюстрируются значительно позднѣе уже составленною легендою или своеобразно переработанною народною фантазіею, подъ вліяніемъ различныхъ мѣстныхъ условій, „странствующею“, или „перехожею повѣстью“. При этомъ, преданія захолустныхъ уголковъ отличаются примитивностью, непосредственностью, иногда грубостью и неопредѣленностью; преданія мѣстностей, находящихся вблизи монастырей, нерѣдко носятъ на себѣ довольно замѣтные слѣды „немудрствующихъ лукаво“, а то и прямо невѣжественныхъ старинныхъ грамотеевъ-начетчиковъ; преданія мѣстностей, входившихъ въ соприкосновеніе съ разсадниками юго-западнаго схоластическаго образованія, подчасъ обряжены

http://rcin.org.pl

даже въ замысловатую схоластическую мишуру. Мы остановимся главнымъ образомъ только на тѣхъ легендарныхъ сказаніяхъ и преданіяхъ, которыя имѣютъ ближайшее отношеніе собственно къ космогоническимъ воззрѣніямъ украинскаго народа.

Сообщенныя приведенными нами въ своемъ мѣстѣ легендами свѣдѣнія о *небѣ* слишкомъ скудны; ихъ въ значительной степени восполняютъ глубоко пустившія свой корень въ народномъ сознаніи преданія, изустно переходящія отъ одного поколѣнія къ другому и свято хранящіяся, какъ завѣтъ сѣдой и мудрой старины, вслѣдствіе чего съ ними даже въ настоящее время бороться довольно трудно.

На преданія о небѣ оказали свою долю вліянія еще древнѣйшія обще-арійскія вѣрованія, знавшія много небесъ, которыя,—очевидно, въ зависимости отъ такого или иного солнечнаго освѣщенія одного и того же видимаго неба,—получили названія *стекляннаго*, *хрустальнаго*, *мѣднаго* и т. п., какъ говорится о томъ въ сказкахъ различныхъ народовъ [1]). Многочисленность небесъ извѣстна и первымъ вѣкамъ христіанства, опиравшагося въ данномъ случаѣ на слова св. ап. Павла во 2-мъ стихѣ 12-й главы *второго* посланія къ Коринѳянамъ: „вѣмъ человѣка о Христѣ... восхищена бывша таковаго до *третіяго небесе*“. „Завѣты 12 патріарховъ“ и „Восхожденіе Исаіи на небо“ насчитываютъ *семь* небесъ [2]). Южнорусскіе ученые проповѣдники XVII вѣка, черпавшіе свои научныя свѣдѣнія изъ средневѣковыхъ схоластическихъ источниковъ, говорили также о *семи* небесахъ. Симеонъ Полоцкій признаетъ „*трое* небесъ: *эмпирейское*, неподвижное самое высшее, *кристальное*, движущееся съ непзреченною скоростью, и *твердь*, раздѣляющуюся на *два* пояса—поясъ звѣздъ неподвижныхъ и поясъ планетъ“. Іоанникій же Голя-

[1]) Аѳанасьевъ, „Поэтическія воззрѣнія славянъ на природу“, т. I, стр. ид.—126.

[2]) Мочульскій, „О Голубиной книгѣ“, стр. 10.

http://rcin.org.pl

товскій, въ сочиненіи своемъ—„Души людей умершихъ, насчитываетъ *одиннадцать* небесъ.

Вѣрованіе въ многочисленность небесъ изъ указанныхъ источниковъ перешло въ среду народную и является на Украйнѣ повсемѣстнымъ, закрѣпившись разъ навсегда во всемъ вообще русскомъ народѣ извѣстною поговоркою—„на седьмомъ небѣ", обозначающею высшую степень удовольствія, счастья, граничащую съ райскимъ блаженствомъ.

Небо въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ представляютъ *планетой*, подобною землѣ; оно ярко-свѣтлаго, огненнаго цвѣта. Его сотворилъ Богъ въ *третій* день (Радомысльск. у.), для того чтобы жить тамъ Самому вмѣстѣ съ ангелами, херувимами и др. чистыми духами и св. угодниками. Понимаютъ также подъ небомъ неопредѣленное *пространство массы*, скопившейся изъ воздуха, *шарообразной формы*, ярко-свѣтлой и огненной, отличающейся свойствами огня (Подольск. губ.); или представляютъ въ видѣ *плоскости*, цвѣта ярко-фіолетоваго, прозрачной, но настолько твердой, что оно можетъ удержать на себѣ всѣхъ небожителей (Холмская Русь). Плоскость эта соединяется съ землей на весьма далекомъ разстояніи, куда еще никто не доходилъ, и гдѣ живетъ неодолимый, необычайно сильный одноглазый свирѣпый народъ; тамъ безпредѣльное, вѣчно бушующее море и проч., и достигаютъ этого мѣста только души умершихъ, но—не сами по себѣ, а ихъ несутъ туда на своихъ крыльяхъ ангелы (Углицк. у.). Между небомъ и землею предполагается нѣчто въ родѣ навѣса—„полотно", „облако". Послѣднее сотворено Богомъ для того, чтобы закрывало собою отъ насъ небо, такъ какъ въ противномъ случаѣ оно сожгло бы все существующее и даже самую землю (Подольск. губ.). Представляютъ еще небо *сіяющей обителью*, или *жилищемъ Бога*, гдѣ Онъ пребываетъ вмѣстѣ съ ангелами и свв. угодниками (Новоградъ-Волынск. у.); *поломъ*, или *подножіемъ жилища* Божія (Житомірск. у.). Поверхность неба въ с. Сербиновкѣ считаютъ отвердѣлою *оболочкою*, образовавшеюся *изъ дыма*, а самымъ небомъ—*мол-*

http://rcin.org.pl

нію и утверждаютъ, что люди видятъ небо только во время грозы; оно, какъ сводъ, прикрываетъ собою весь свѣтъ, при чемъ концы его впадаютъ въ море и скрываются на днѣ ихъ. Въ Проскуровскомъ у. небо понимаютъ, какъ *надоблачное*, неизвѣстнаго размѣра, *пространство*, такого цвѣта и яркости, какихъ глаза человѣческіе не могли бы вынести, и потому небо закрыто отъ людей облаками; когда гремитъ громъ, и покажется небо сквозь разорванныя тучи, то на него нельзя смотрѣть отъ слишкомъ сильнаго блеска. Въ Луцкомъ уѣздѣ небо представляютъ *синей крышей* въ заоблачномъ пространствѣ. Оно устроено наподобіе свода изъ невѣдомаго вещества. Такихъ сводовъ *три*: *высшій*, въ которомъ пребываетъ Самъ Господь; *средній*, въ которомъ обитаютъ ангелы, и *нижній*, служащій жилищемъ свв. угодниковъ Божіихъ.—Въ Новоградъ-Волынскомъ уѣздѣ говорятъ, что небо опирается на землю при концѣ свѣта, и тамъ бабы кладутъ вальки на небо, когда „перутъ“ бѣлье на рѣчкѣ. Кромѣ видимаго неба, есть еще другое, которое называется *имперейскимъ*. Оно прикрывается видимымъ небомъ, какъ бы стекломъ. На *имперейскомъ* небѣ пребываетъ Самъ Богъ, а на видимомъ—ангелы и всѣ святые. Есть такіе счастливцы, которые видѣли, какъ ночью раскрывается видимое небо, а за нимъ проглядываетъ небо *имперейское*, такое ясное, какъ солнце. „То, что́ мы видимъ надъ собою синее, такъ это еще не небо, а *облака*; то же, что ходитъ по-подъ *облаками*, такъ это *туча* („хма́ра“). *Туча*—такая густая, какъ *студень*; она иногда падаетъ на землю, и ею хорошо кормить кабановъ, чтобы были жирными; если бы и человѣкъ съѣлъ ее, такъ былъ бы *пуза́тий* [1]). Синихъ *облаковъ семь*, а *восьмое*—это уже *справедли́ве*, (дѣйствительное, точное) *небо*, гдѣ сидитъ Богъ на золотомъ креслѣ, а возлѣ Него летаютъ ангелы. „*справедли́ве*“

[1]) Безъ сомнѣнія, здѣсь рѣчь идетъ о морскихъ *медузахъ*, поднятыхъ въ облака смерчемъ и затѣмъ упавшихъ на землю вмѣстѣ съ дождемъ.

http://rcin.org.pl

небо не синее, а красное; если оно когда и раскрывается, такъ только на какую-нибудь *оказію*: на войну, или на моръ, или на голодъ" (очевидно, за *справедливое небо* народъ принимаетъ сѣверное сіяніе).—Наконецъ, въ Проскуровскомъ уѣздѣ говорятъ, что за видимымъ небомъ есть еще *шесть* небесъ: разстояніе между каждымъ изъ нихъ въ двѣнадцать разъ болѣе разстоянія между нами и видимымъ небомъ. Иногда всѣ небеса отворяются, и тогда видно бываетъ огромное сіяніе, которое, впрочемъ, могутъ видѣть только угодники Божіи. Черезъ отверстія видна также бываетъ фигура мужчины съ мечомъ или съ какимъ-нибудь сосудомъ: фигура съ мечомъ предвѣщаетъ войну, а съ какимъ-нибудь сосудомъ—*большой* урожай [1]).

Главнымъ свѣтиломъ небеснымъ является *солнце*—„царь неба". Оно освѣщаетъ и согрѣваетъ землю днемъ, а ночью скрывается за нее, „обходитъ" ее и на-утро снова появляется на востокѣ (Луцкій у.). Оно представляется народомъ то *отверстіемъ*, сдѣланнымъ *въ облакѣ*, чрезъ которое (отверстіе) мы видимъ часть *неба* (Литинск. у.); то *громадной свѣчой*, которую носятъ ангелы для освѣщенія земли (Винницк. у.); то *огромнѣйшей искрой*, которая неизвѣстно какъ держится въ пространствѣ и неизвѣстно чѣмъ свѣтитъ (Житомірск. у.); то *огненнымъ* несгораемымъ *шаромъ* (Проскуровск. и Винницк уу.); то *огнемъ*, поддерживаемымъ какимъ-то „дѣдомъ", по произволу котораго начинается день, и наступаетъ ночь (Грубешовск. у.); то *отблескомъ лица Божія*, вслѣдствіе чего оно такое яркое (Углицк. у.); то *большимъ колесомъ*, или *кругомъ*, и его можно достать даже рукою, когда оно опускается на

[1]) П. Чубинскій, „Труды Этнограф.-статист. Экспедиціи въ зап.-русскій край", т. I, стр. 1—3.

http://rcin.org.pl

закатѣ (Винницк. у.). Въ Холмской Руси его называютъ *окомъ Божіимъ* и такимъ образомъ объясняютъ всевѣдѣніе Божіе.

Почти повсемѣстно на Украйнѣ думаютъ, что земля стоитъ неподвижно (исключенія сравнительно рѣдки, какъ, напр., въ Литинскомъ, Новоградъ-Волынскомъ, частью въ Сосницкомъ и нѣкот. др. уу.), а солнце движется. Въ полдень оно немного отдыхаетъ, а подъ вечеръ идетъ совсѣмъ на отдыхъ; ночью спитъ, а рано утромъ встаетъ. Прежде на „восходѣ солнца“ (востокѣ) жила необыкновенная красавица „панна“, и какъ только, бывало, солнце всходитъ, „панна“ его вымоетъ, хорошенько вытретъ,—вотъ почему солнце прежде свѣтило гораздо ярче, чѣмъ теперь (Староконстант. у.) [1]. Заходящее солнце опускается въ море, которое окружаетъ землю, какъ яичный бѣлокъ окружаетъ желтокъ (въ Луцкомъ и Житомірскомъ уу. говорятъ, что солнце скрывается за землю, или „на тотъ свѣтъ“, въ Каневскомъ у.—за горы) [2]. Подъ землею же находится другой міръ, въ которомъ теперь и настаетъ день, а у насъ въ то время бываетъ ночь. Когда затѣмъ солнце подходитъ къ востоку, то, по Божьему повелѣнію, его поднимаютъ *тысяча* чертей—„шатáновъ“ (очевидно, искаженіе татарскихъ *шайтáновъ*), такъ какъ само оно, своею силою, выйти съ того свѣта не можетъ, при чемъ солнце совершенно обжигаетъ ихъ, и они, едва живые, тотчасъ же бросаются въ рѣчку и, махая руками, пропадаютъ. Изъ той *тысячи* капель, которыя отряхиваютъ при этомъ съ своихъ рукъ черти, рождается новая *тысяча* чертей; они также поднимаютъ солнце, обжигаются, бросаются въ рѣку и, пропадая сами, разводятъ на свое мѣсто новыхъ и т. д. Вотъ почему, очень неблагоразумно поступаютъ тѣ, которые, умываясь, встряхиваютъ руками, потому что, сколько упадетъ при этомъ капель, столько народится на свѣтъ чертей

[1]) Тамъ же, стр. 3–7.
[2]) Тамъ же, стр. 3, 12.

http://rcin.org.pl

(Винницкій и Угличкій уу.) [1]). Въ одномъ селѣ, разсказываютъ въ Винницкомъ уѣздѣ,—былъ домъ, въ которомъ никто не могъ жить потому, что тамъ поселился дьяволъ. Въ томъ же селѣ жилъ бѣдный человѣкъ, такой бѣдный, что у него не было даже собственнаго пристанища. Пошелъ бѣднякъ къ пану, которому принадлежалъ домъ, и сталъ просить позволенія поселиться въ немъ. Для пана это было совершенно безразлично, и онъ позволилъ. Бѣднякъ съ радостью пошелъ въ тотъ домъ и при входѣ сказалъ:

— „День до́брый, пане-господару!„ —„Здравствуй“,—сказалъ чортъ, вышедши изъ угла.—„Примите меня въ компанію“.—„А что жъ, можно; только скажи своей женѣ, чтобы она никогда не занимала ничѣмъ вотъ этого угла,—тогда тебѣ будетъ хорошо“. И дѣйствительно, прожилъ бѣднякъ въ томъ домѣ не мало времени, и было ему недурно. Не разъ показывалъ ему чортъ свое добро, деньги, на которыхъ всегда сидѣлъ.

Однажды чортъ сказалъ ему:—„Пришла моя очередь выкатывать солнце, и не знаю, вернусь ли назадъ, потому что насъ тамъ много обжигаетъ оно; если погибну, то пришлю своего товарища сказать, что меня уже больше нѣтъ на свѣтѣ“. И пошелъ. Много прошло времени, а чорта все нѣтъ. Какъ-то приходитъ подъ окно другой и говоритъ:—„День до́брый!“—„Дай, Бо́же, здо́ровья, пане!“—отвѣчаетъ бѣднякъ. Тогда чортъ сказалъ: „Если онъ былъ твой *панъ*, такъ *бувáй же здорóвъ:* теперь уже все твое, что́ осталось въ домѣ, такъ какъ твоего *пáна* сожгло солнце [2]).

Въ Луцкомъ уѣздѣ солнце олицетворяютъ въ видѣ жи-

[1]) Чубинскій, „Труды Этнограф.-статист. Экспедиціи въ зап.-русскій край“, т. I, стр. 11, 4.—Въ Холмской Руси смѣну дня и ночи объясняютъ отсутствіемъ солнца, которое, уходя подъ землю, купается тамъ въ морѣ, а потомъ, при помощи *двухъ* какихъ-то невѣдомыхъ существъ, снова появляется на небѣ со стороны, противоположенной закату (тамъ же стр. 11).

[2]) П. Чубинскій, „Труды Этногр.-статистич. Экспедиціи въ зап.-русскій край“, т. I, стр. 4.

http://rcin.org.pl

вого существа, но въ формахъ неизвѣстныхъ; луна и звѣзды составляютъ семью его. Въ Новоградъ-Волынскомъ уѣздѣ солнце олицетворяется въ образѣ женщины, которая неподвижно стоитъ въ воздухѣ надъ облаками, надъ святымъ городомъ Іерусалимомъ; ночью земля оборачивается и закрываетъ собою солнце. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Винницкаго уѣзда солнце представляютъ въ видѣ человѣка съ яснымъ лицомъ, лучи котораго освѣщаютъ весь міръ. Эта форма олицетворенія весьма легко могла произойти подъ вліяніемъ общепринятаго изображенія солнца въ живописи [1]). Но особенно любопытна сказка, записанная въ томъ же уѣздѣ, въ которой солнце представлено человѣкоподобнымъ живымъ существомъ, имѣющимъ мать, похищающимъ себѣ женъ среди людей и ходящимъ по небу въ ризахъ, исполненныхъ свѣта и теплоты.

Жили себѣ мужъ съ женою, и было у нихъ двое дѣтей—сынъ и дочь. Дочь была такая красавица, что краше ея на всемъ свѣтѣ не найти. Солнце, какъ только увидѣло ее, тотчасъ же ночью и уворовало себѣ въ жены. Братъ проснулся, и когда убѣдился, что сестры нѣтъ, не мѣшкая взялъ котомку и пошелъ туда, гдѣ Солнце заходитъ, чтобы отнять у него сестру. Идетъ онъ да идетъ. Когда не стало у него хлѣба, онъ зашелъ къ одному человѣку и говоритъ:—„Дайте подорожному кусокъ хлѣба.“—„Нажни кону ржи, тогда дамъ тебѣ цѣлый хлѣбъ; если же не нажнешь, то и куска не дамъ.“ Вотъ онъ пошелъ на поле; жалъ, жалъ, да не нажалъ еще и трехъ сноповъ, а Солнце взяло и зашло. Хозяинъ и говоритъ: „Ну, если такъ, то не дамъ я тебѣ и куска хлѣба“. Пошелъ братъ голодный. Заходитъ къ мельнику, выпросилъ у него „макітру“ муки и попесъ, чтобы продать; а Вѣтеръ взялъ да и развѣялъ муку. Заплакалъ братъ и пошелъ дальше. Идетъ, идетъ,—прилегъ отдохнуть да и заснулъ; а Морозъ взялъ и отморозилъ ему палецъ. Проснулся братъ, заплакалъ и пошелъ себѣ дальше... Приходитъ туда, гдѣ заходитъ Солнце, а навстрѣчу ему сестра.—„Гдѣ бы мнѣ спрятать

[1]) Тамъ же, стр. 3, 4, 5.

http://rcin.org.pl

тебя,—говоритъ сестра,—потому что, когда придетъ Солнце, оно тебя испечетъ?" Взяла да пустила его въ погребъ. Только-что она вернулась въ хату, когда является домой Солнце. Сбросило свои ризы, повѣсило ихъ на „погребнику" и входитъ тоже въ хату. Сестра спрашиваетъ:—„А ризы ты гдѣ дѣло?" — „Повѣсило *„на погребнику"*, отвѣчаетъ Солнце. —„Тамъ въ погребѣ мой братъ,—онъ до сихъ поръ испекся!" Побѣжала туда, смотритъ—братъ уже чуть-чуть дышитъ. Сестра облила его водою; онъ ожилъ и пошелъ съ сестрою въ хату къ Солнцу. Глядитъ—за столомъ сидитъ Солнце, а на печкѣ—Солнцева мать, такая губастая... Поздоровался братъ съ Солнцемъ, пообѣдалъ тамъ или поужиналъ, а Солнце и говоритъ:—„Пора уже мнѣ всходить, да я утомилось,—развѣ ты иди за меня?".. Одѣлъ братъ Солнцевы ризы, взобрался по лѣстницѣ на небо, и поломалъ послѣ того лѣстницу. Идетъ да идетъ онъ по небу, когда приходитъ на то мѣсто, гдѣ Солнце завтракаетъ. Сѣлъ онъ, наѣлся, напился; затѣмъ поколотилъ „полумиски и шклянки" и пошелъ дальше. Идетъ да идетъ, когда встрѣчаетъ Вѣтра. Какъ схватитъ его за чубъ, да кругомъ себя, да какъ началъ бить приговаривая: „Вотъ тебѣ мука! вотъ тебѣ мука!" Вѣтеръ ну кричать и дуть—и надулъ такую тучу, что и Господи! Схватилась буря и стала крутить. Братъ испугался и пустилъ Вѣтра. Буря тогда утихла, и братъ пошелъ себѣ дальше. Приходитъ на полдень; а тамъ стоитъ золотое кресло, гдѣ Солнце отдыхаетъ, и столъ съ разными яствами и напитками. Онъ сѣлъ, наѣлся, напился, легъ-отдохнулъ и пошелъ себѣ дальше. Идетъ да идетъ, когда встрѣчаетъ Мороза. Какъ схватитъ его за чубъ да какъ началъ бить; Морозъ просился-просился, наконецъ, какъ-то вырвался и удралъ. Братъ выругалъ его и пошелъ дальше. Приходитъ на заходъ солнца, а тамъ стоитъ лѣстница, по которой Солнце спускается на землю. Братъ спустился на землю и поломалъ эту лѣстницу. Послѣ того пришелъ онъ къ Солнцевой хатѣ, сбросилъ съ себя ризы и спрашиваетъ сестру: „Гдѣ Солнце?" — „Спитъ," отвѣчаетъ

http://rcin.org.pl

сестра.—„Ну, такъ бѣжимъ!“—Когда солнце проснулось, увидѣло, что ихъ нѣтъ, разсердилось и скорѣе на небо, чтобы насталъ день. Прибѣгаетъ къ лѣстницѣ,—а лѣстница, оказывается, поломана. Солнце пока стало ее прилаживать, то уже и обѣдать время, а оно все еще не всходитъ; люди въ полномъ изумленіи. Наконецъ, какъ-то наладило лѣстницу, взлѣзло на небо, глядитъ—а ѣсть нечего: все поразлито, поразбито. Пошло оно дальше. Приходитъ на полдень,—когда и тамъ то же. Пошло оно дальше,—встрѣчаетъ Вѣтра. —„Кто это надѣлалъ такъ?“—спрашиваетъ Солнце.—„А это тотъ, который шелъ вмѣсто васъ,—отвѣчалъ Вѣтеръ:—да еще и меня побилъ, и Мороза побилъ“. Солнце давай тогда бранить брата. Приходитъ на заходъ,—когда нельзя слѣзть. Солнце ну кричать изо всѣхъ силъ. Услышала мать его, приладила какъ-то лѣстницу, и оно, наконецъ, слѣзло.—„Ну, и хитрый же, чортовъ сынъ!—говоритъ:—надѣлалъ онъ мнѣ такого, что теперь не буду показываться людямъ цѣлую недѣлю“. Полѣзло на небо и попросило Вѣтра; а онъ какъ нагналъ тучу, какъ началъ лить дождь, а Морозъ какъ придавилъ,—стало такъ холодно, что померзли ягнята... Да ужъ какая-то вѣдьма сдѣлала такъ, что пересталъ итти дождь, потому что ея ягнята померзли [1]).

Благотворныя и животворныя дѣйствія, какія производитъ солнце во всей видимой природѣ, послужили причиною того, что оно на Украйнѣ почти обожествляется и называется „святымъ и *праведнымъ*“ (послѣднее названіе могло быть позаимствовано изъ различныхъ церковныхъ пѣснопѣній, напр.: „*солнце праведное* ста въ чинѣ своемъ...“ и др.), „лицомъ Божіимъ“.

Затменія солнца въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ объясняются въ чисто миѳическомъ еще духѣ: его хотятъ съѣсть крылатые *вовкула́ки*.[2]) (Проскуровск. у.); тѣмъ же отчасти

[1]) П. Чубинскій, „Труды Этнограф.-статист. Экспедиціи въ зап.-русскій край“, т. I, стр. 5—6

[2]) О *вовкулакахъ* у насъ будетъ рѣчь впереди.

http://rcin.org.pl

характеромъ отличается и объясненіе затменія *драконом* между дневнымъ свѣтиломъ—солнцемъ и ночнымъ—луною (Грубешовскій у.). Подъ вліяніемъ христіанства, въ Подольской губ. въ объясненіе затменія солнца и луны внесенъ нравственный элементъ: свѣтила эти закрываются отъ насъ нашими грѣхами; а въ тѣхъ мѣстностяхъ названной губерніи, гдѣ солнце олицетворяется въ образѣ мужчины, а луна—въ образѣ женщины, утверждаютъ, что во время затменія свѣтила эти закрываютъ свое лицо руками, чтобы не видѣть нашихъ грѣховъ,—потому-то затменія луны чаще всего и бываютъ ночью, такъ какъ ночью мы больше всего грѣшимъ.—Въ Винницкомъ уѣздѣ говорятъ, что, прослуживши извѣстное время, солнце и луна „мѣняются“. При этой „смѣнѣ“ онѣ, столкнувшись, могутъ упасть на землю, и тогда наступитъ конецъ міра. Поэтому, затменіе наводитъ на народъ ужасъ: зажигаютъ „страстныя“ свѣчи, и каждый начинаетъ молиться Богу о прощеніи своихъ грѣховъ [1]).

Перемѣна временъ года всюду объясняется приближеніемъ и удаленіемъ солнца. Во многихъ мѣстностяхъ лѣто и зима представляются живыми существами, и взаимная смѣна ихъ объясняется борьбою, въ которой одерживаетъ верхъ то лѣто, то зима. Такъ, въ Ушицкомъ уѣздѣ говорятъ, что около праздника *Зачатія св. Анны* (9-го декабря) зима сходится съ лѣтомъ; при этомъ зима одѣта въ *семь* тулуповъ, а лѣто—въ одной только сорочкѣ. Онѣ вступаютъ между собою въ споръ. Лѣто говоритъ зимѣ: „Я лучше тебя, потому что отъ меня все для жизни человѣка: хлѣбъ, овощи; у меня всѣ люди свободны и веселы, я все кормлю, а ты только сгоняешь людей въ кучу, какъ свиней, и они тѣснятся для того лишь, чтобы согрѣться“. А зима возражаетъ: „Если бы не я, то ты бы испаршивѣло“. Споръ ихъ продолжается до праздника *Срѣтенія Господня* (2-го февр.), послѣ чего онѣ опять ра-

[1]). П. Чубинскій, „Труды Этногр.-статист. Экспедиціи въ зап.-русскій край“, т. I, стр. 13—14.

http://rcin.org.pl

сходятся; Въ Литинскомъ уѣздѣ лѣто олицетворяютъ въ образѣ молодой, богатой и очень щедрой дѣвушки, а зиму—въ образѣ старухи съ огромными зубами и костлявыми пальцами. Въ праздникъ *Срѣтенія Господня* лѣто и зима *встрѣчаются* и ведутъ между собою такой разговоръ: „Зачѣмъ ты уходишь,—спрашиваетъ лѣто,—и что́ ты добраго сдѣлала?“ —„Нечего уже мнѣ быть,—отвѣчаетъ зима:—все, что́ было, я съѣла, истощила амбары, клуни и склады, и теперь, думаю не скоро это пополнится“.—„Жаль мнѣ людей,—говоритъ лѣто:—нужно спѣшить къ нимъ,—я всѣмъ, чѣмъ могу, подарю ихъ“.—Въ Винницкомъ уѣздѣ лѣто олицетворяютъ въ въ образѣ скромной дѣвушки, украшенной разными нѣжными растеніями, а зиму—въ образѣ буйной женщины, голова у которой съ бочку, а губы,—какъ ведра. 2-го февраля онѣ встрѣчаются, и между ними происходитъ борьба; если лѣто остается побѣдителемъ, то тотчасъ же начинается тепло, а если зима, то продолжаются холода. Въ Харьковскомъ уѣздѣ говорятъ: „идетъ *лѣто противъ зимы* и несетъ цвѣточекъ такой красивый-красивый; а зима несетъ *казанокъ* (чугунчикъ) льду; какъ только лѣто показало свой цвѣточекъ, такъ ледъ тотъ и растаялъ. А *на зиму*—уже идетъ зима противъ лѣта, *въ кожусі и черво́нихъ чо́ботяхъ, въ капелюсі і въ рукавицяхъ*; какъ показала свой ледъ, такъ тотъ цвѣточекъ и осыпался“ [1]). Этому представленію нельзя отказать какъ въ плѣнительной граціи образовъ, такъ и въ трогательномъ высоко-поэтическомъ изображеніи, характеризующемъ весьма многія народныя произведенія „сыновъ Украйны“.

---

[1]) П. Чубинскій, „Труды Этнограф.—статист. Экспедиціи въ зап.-русскій край“, т. I, стр. 12—13.

http://rcin.org.pl

Вторымъ по важности свѣтиломъ небеснымъ признается *луна*—младшій *братъ солнца* (Луцк. и Новогдрадъ-Волынск. уу.). Ее представляютъ то круглымъ *отверстіемъ* въ небѣ (Литинск. у.), то *свѣтлой точкой* (Винницк. у.), то свѣтящимся *шаромъ* (Луцк. у.), то небеснымъ *камнемъ* (Житом. у.), то *окомъ Божіимъ* (Холмская Русь). Величина ея такая же, какъ и величина солнца, т. е. никакъ не больше задняго колеса въ телѣгѣ. Назначеніе ея—освѣщать землю ночью, а чтобы она могла лучше выполнять это свое прямое назначеніе, Господь поставилъ луну ближе къ землѣ, чѣмъ солнце. Свѣтъ ея, однако, недостаточенъ для того, чтобы въ одно время освѣщать всю землю, потому она передвигается то въ ту, то въ другую сторону, и такимъ образомъ въ извѣстный періодъ времени освѣщаетъ только назначенное ей пространство земли (Луцк. у.); нѣкоторые думаютъ, что луна стоитъ на небѣ неподвижно, и если намъ кажется, будто она движется по небесному своду, такъ это только потому, что движется земля, и мы съ нею вмѣстѣ (Житом. у.). Въ Новоградъ-Волынскомъ уѣздѣ луну олицетворяютъ въ образѣ мужчины, созданнаго одновременно съ солнцемъ: въ Литинскомъ—въ образѣ молодой женщины; а въ Ушицкомъ—въ образѣ *двънадцати* братьевъ — „*мѣсяцівъ*“, назначенныхъ Богомъ для отправленія возложенныхъ на нихъ обязанностей въ теченіе года. Состояніе погоды и природы въ каждомъ мѣсяцѣ выражаетъ характеръ того или другого изъ *двънадцати* братьевъ: Мартъ-весьма злой и весьма капризный, Май—ласковый и добрый и т. д. Теплоты такой, какъ солнце, луна не можетъ давать, такъ какъ Богъ положилъ на ней знаменіе грѣха Каинова (Грубешовск., Литинск., Староконст., Луцк., Новоградъ-Волынск. и др. уу.). Каинъ и Авель пошли однажды приносить Богу жертвы свои. Во время самаго жертвоприношенія Каинъ замѣтилъ, что его жертва не такъ пріятна Богу, какъ жертва Авеля. Въ душѣ Каина тотчасъ же зажглась зависть къ Авелю, и онъ рѣшилъ при первомъ же удобномъ случаѣ убить брата. Въ слѣдующую затѣмъ ночь

http://rcin.org.pl

Каинъ хитростью завлекъ Авеля на поле за снопами ячменя и тамъ совершилъ гнусное и звѣрское братоубійство: прокололъ Авеля вилами и швырнулъ, какъ снопъ (въ Новоградѣ Волынскомъ у. говорятъ, что Каинъ прокололъ вилами „Габеля“ во время ссоры на гумнѣ отца или на лугу, когда они брали на возъ сѣно). По суду Божіему, братоубійцу не могла пріютить ни земля, ни вода и никакое другое мѣсто; но вотъ „місяць“, безъ воли Божіей, далъ ему у себя пристанище, и съ тѣхъ поръ онъ носитъ на себѣ отпечатокъ страшнаго грѣха Каина (лунныя пятна) [1]). Въ Винницкомъ уѣздѣ въ лунныхъ пятнахъ видятъ изображеніе какихъ-то *двухъ* братьевъ, изъ которыхъ одинъ убилъ другого. Положенъ же Богомъ на лунѣ этотъ знакъ для того, чтобы люди, постоянно видя его, ничего не дѣлали въ большіе праздники, такъ какъ Богъ наказалъ страшнымъ грѣхомъ тѣхъ *двухъ* братьевъ именно за то, что они въ праздникъ Рождества Христова „робили мішанку“ для корма скота [2]). Тѣмъ же охристіанизованнымъ характеромъ въ народномъ духѣ отличается и разсказъ, записанный въ г. Зѣньковѣ: „На Пасху, пока не *выпустятъ* изъ церкви, ѣсть не только человѣку грѣхъ, но даже грѣхъ давать кормъ домашнему скоту. Одинъ человѣкъ,—не зналъ ли онъ того, или же не вѣрилъ,—на Пасху, рано, когда еще не звонили въ церковь, пошелъ давать кормъ скоту. Желая набрать соломы на вилы, человѣкъ этотъ пырнулъ ими въ скирду. Оказалось, что въ соломѣ спалъ меньшій братъ его, и старшій братъ, совершенно ничего не подозрѣвая, накололъ его на вилы и такъ поднялъ вверхъ. Богъ и *начерталъ* этотъ грѣхъ на лунѣ:—если приглядѣться на нее, то и видно, что братъ брата держитъ на вилахъ [3]).—Сход-

[1]) П. Чубинскій, „Труды Этнограф.-статист. Экспедиціи въ зап.-русскій край“, т. I, стр. 7, 8, 9; ср. В. Ивановъ, „Жизнь и творчество крестьянъ Харьк. губ.“, т. I, стр. 461.

[2]) Тамъ же, стр. 8.

[3]) М. Драгомановъ, „Малорусскія народныя преданія и разсказы“, стр. 94.

http://rcin.org.pl

ныя повѣрья о „лунномъ человѣкѣ“ встрѣчаются не только у великоруссовъ, поляковъ, но также у нѣмцевъ, англичанъ, французовъ и др. европейскихъ народовъ и даже у китайцевъ [1]). Очевидно, здѣсь мы имѣемъ дѣло съ обще-арійскимъ сказаніемъ о человѣкѣ, бѣжавшемъ или сосланномъ на луну.

Фазы, или измѣненія *луны* происходятъ отъ того, что на ней есть особая заслонка, которою завѣдываетъ св. Юрій: онъ то поднимаетъ, то опускаетъ эту заслонку (Ушицк. у.). Въ Подольской губ. существуетъ относительно фазъ луны такое вѣрованіе: лунѣ за то, что на ней изображено убійство Каиномъ Авеля, Богъ судилъ каждый мѣсяцъ рождаться, расти и умирать; послѣ своей смерти она нисходитъ во адъ, перетапливается тамъ, очищается и затѣмъ рождается вновь. Еще оригинальнѣе вѣрованіе, бытующее въ Новоградъ-Волынскомъ уѣздѣ. Въ продолженіе *четырехъ* недѣль луна *перерождается*. Съ луною перерождаются и „жиды“, которые распяли Спасителя и стоятъ на стражѣ у Гроба Господня въ Іерусалимѣ. „Жиды“ эти еще и до настоящаго времени стоятъ въ томъ же положеніи и на вопросы проходящихъ: „Когда ты родился на свѣтъ?“—отвѣчаютъ: „Вчера“.—„Когда ты умрешь?“—отвѣчаютъ: „Завтра“. [2]).

Своими фазами луна оказываетъ большое вліяніе на людей и на растенія. Человѣкъ, родившійся „въ новомѣсячье“, всю жизнь сохраняетъ моложавость и свѣжесть лица; родившійся „въ исходѣ“ наслѣдуетъ на всю жизнь угрюмую физіономію и брюзгливость характера, въ противоположность игривости и веселости человѣка, родившагося „въ новомѣсячье“ (Винницкій у.). Порѣзанный въ новолуніе палецъ нескоро заживаетъ и гноится; порѣзанный же въ полнолуніе заживаетъ быстро. Родившемуся „на перекрѣ“ недолго жить

[1]) Проф. Н. Ѳ. Сумцовъ, „Культурныя переживанія“—„Кіевская Старина“ 1890 г., Октябрь, стр. 62—63.

[2]) П. Чубинскій, „Труды Этнограф.-статист. Экспедиціи въ зап.-русскій край“, т. I, стр. 10—11.

http://rcin.org.pl

„въ парі“ (въ супружествѣ): онъ овдовѣетъ на половинѣ супружеской жизни. При появленіи „молодого мѣсяца“ каждый, кто въ первый разъ его увидитъ, обращается къ „молодику“ лицомъ, крестится, читаетъ молитву—„Отче нашъ,“—и вообще молятся, чтобы Господь послалъ *новое* счастье и здоровье; многіе нанимаютъ годовые молебны „на домахъ“ въ новолуніе. Въ новолуніе ничего нельзя начинать дѣлать: посѣянное сгніетъ въ землѣ или же не принесетъ зрѣлыхъ обильныхъ плодовъ; квашенное (капуста и т. п.) сдѣлается негоднымъ къ употребленію; если посѣять въ новолуніе ленъ, то онъ неодновременно созрѣетъ и т. д. Наоборотъ, лѣкарственныя растенія и травы имѣютъ особенную цѣлительную силу, если собраны „на молодику“. *Вторая* четверть безразлична. Во время *третьей* четверти, называемой „гнилушею“, воздерживаются отъ работъ по хозяйству, въ особенности избѣгаютъ рубить строевой лѣсъ, такъ какъ срубленныя въ это время деревья непремѣнно „шашелиця попо́ртить“. Въ концѣ мѣсяца обыкновенно ожидаютъ дождя, и это время считается самымъ благопріятнымъ для производства посѣвовъ [1]).

Показывать пальцемъ на луну грѣшно—усохнетъ палецъ; а если уже покажешь, то нужно прикусить его [2]).

О *звѣздахъ* въ разныхъ мѣстностяхъ существуютъ самыя разнообразныя повѣрья. Звѣзды—это *дѣти солнца* (Луцк. и Житом. уу.), олицетворяемыя въ образѣ маленькихъ мальчиковъ (Житом. у.). Онѣ созданы Богомъ для освѣщенія земли и *устроены* такъ, что свободно могутъ переходить съ одного мѣста на другое. Звѣзды неразрывно связаны съ человѣкомъ. Въ Литинскомъ уѣздѣ ихъ считаютъ

[1]) П. Чубинскій, „Труды Этнограф.-статист. Экспедиціи въ зап.-русскій край“, т. I, стр. 9, 10, 11.

[2]) Б. Гринченко, „Этнографическіе матеріалы“, т. I, стр. 13; ср В. Ивановъ, „Жизнь и творчество крестьянъ Харьк. губ.“, т. I, стр. 40.

http://rcin.org.pl

горящими свѣчами и говорятъ, что какъ только кто рождается, Богъ тотчасъ же зажигаетъ на небѣ „его свѣчу“ въ видѣ новой звѣзды. То же говорятъ и въ Луцкомъ уѣздѣ, отсюда—выраженіе: „така моя планида“. Сколько душъ живетъ на землѣ, столько и „свѣчей“ (звѣздъ) горитъ на небѣ (Харьковск., Житом., Литинск. и Луцкій уу.). Если человѣкъ ведетъ хорошую жизнь, то его „свѣча“-звѣзда горитъ на небѣ яснымъ, чистымъ свѣтомъ; если же онъ ведетъ зазорную жизнь, то, „его свѣча“-звѣзда горитъ тусклымъ, слабымъ свѣтомъ.—Въ Грубешовскомъ и частію въ Житомірскомъ уѣздѣ думаютъ, что звѣзды—это *ангелы*, сидящіе на ступеняхъ неба съ зажженными свѣчами въ рукахъ. Въ Ушицкомъ и нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Житомірскаго уѣзда,—что это *грѣшныя души* поставленныя Богомъ на небѣ „покутувать гріхи свої“; души менѣе грѣшныя свѣтятъ ярче, а болѣе грѣшныя—тусклѣе, въ зависимости отъ количества и тяжести грѣховъ своихъ. Наоборотъ, въ Холмской Руси, въ Винницкомъ уѣздѣ и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Житомірскаго уѣзда, звѣзды считаются душами умершихъ людей, которые отличались на землѣ доброю, непорочною жизнію, а также дѣтей, которыя умерли маленькими, не успѣвши нагрѣшить, и стариковъ, завершившихъ подвигъ земного странствованія своею непостыдною христіанскою кончиною [1]).

Народъ подмѣтилъ и нѣкоторыя главнѣйшія *созвѣздія* и далъ имъ характерныя названія сообразно съ формою, которую образуютъ они расположеніемъ входящихъ въ составъ ихъ звѣздъ. Таковы: „Візъ“, (Большая медвѣдица), „Квочко́“, (Плеяды), „Чепи́га“, (Гіады) „Дівка во́ду несе́“ (Орелъ) „Пасіка“, (Малая медвѣдица) „Хрестъ“ (Лебедь), „Волосожаръ“, (Волосы Вероники), „Світова“ и „Вечірня зорниця“ (Венера) и нѣк. др. [2]).

---

[1]) П. Чубинскій, „Труды Этнограф.-статист. Экспедиціи въ зап.-русскій край“, т. I, стр. 14—15.

[2]) Тамъ же, стр. 14.

http://rcin.org.pl

Млечный путь въ Ушицкомъ и Винницкомъ уѣздахъ и вообще въ Подольской губерніи, а также въ Холмской Руси считаютъ дорогою изъ Москвы въ Іерусалимъ. Кто только идетъ въ Іерусалимъ, долженъ избрать для себя указателемъ млечный путь, и никогда не собьется съ дороги: придетъ прямёшенько въ Москву, а затѣмъ въ Іерусалимъ, гдѣ млечный путь и кончается. По дорогѣ къ Іерусалиму протекаетъ рѣка Дунай, о которой сложилась на Украйнѣ поговорка: „Пішóвъ на Дунáй, та й додóму не думáй“. Чрезъ Дунай-рѣку ведутъ полотняные мосты, которые откликаются, когда кто хочетъ перейти или переѣхать на другую сторону. Мосты эти каждый длиною въ пять верстъ.—Въ другихъ мѣстностяхъ Украйны млечный путь считаютъ „дорогою Божіей Матери въ Іерусалимъ“ (Винницкій у.); „Божіей дорогой“, по которой ходитъ Самъ Богъ, а также ѣздитъ на колесницѣ, которую везутъ огненные кони, св. Илія пророкъ (Луцк. у.): дорогой, проведенною по небу и служащею для указанія птицамъ пути въ *вирій* [1])—мѣсто, куда онѣ улетаютъ на зиму (тамъ же); дорогой, которая ведетъ души умершихъ людей на небо (Холмская Русь); дорогой, по которой праведныя души умершихъ людей шествуютъ въ рай (Ушицк. у.); дорогой, одна половина которой (до пересѣченія по срединѣ) ведетъ въ рай, а другая—въ адъ (Грубеш. у.). Наконецъ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Подольской губерніи млечный путь считаютъ еще дорогой, означающей, что столько должно родиться людей на землѣ, прежде чѣмъ наступитъ конецъ міра, сколько на этой дорогѣ звѣздъ [2]).

Въ вѣрованіяхъ о *падающихъ* звѣздахъ древне-миѳическая основа обильно изукрашена апокрифическими измышленіями и создавшимися на ихъ почвѣ народными суевѣріями. Въ Холмской Руси падающія звѣзды считаютъ *головнями*, которыми діа-

[1]) О *вирію* будетъ рѣчь нѣсколько впереди, въ очеркѣ преданій и вѣрованій народныхъ *о землѣ*.

[2]) П. Чубинскій, „Труды Этнограф.-статист. Экспедиціи въ зап.-русскій край“, т. I, стр. 15.

http://rcin.org.pl

волъ, похищая ихъ съ неба, усиливаетъ страданія подпавшихъ подъ власть его и находящихся въ аду людей; въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ той же Холмской Руси и въ Староконстантиновскомъ у. падающія звѣзды народъ считаетъ *душами грѣшниковъ*, и каждый, при видѣ падающей звѣзды, долженъ перекрестить ее, о чемъ падающая звѣзда сама проситъ увидѣвшаго ее,—и грѣшная душа очищается отъ своихъ грѣховъ. Въ Харьковскомъ уѣздѣ думаютъ, что падающія звѣзды—это *души умирающихъ людей*; вѣдьмы крадутъ ихъ, чтобы ими производить потомъ чары: на чей дворъ упадетъ звѣзда, тамъ непремѣнно будетъ покойникъ—умретъ „дитина“. Въ связи съ вѣрованіемъ, что у каждаго человѣка есть „своя свѣча“-звѣзда, которую Богъ зажигаетъ на небѣ при его рожденіи, въ Луцкомъ уѣздѣ думаютъ, что по смерти человѣка звѣзда его падаетъ навстрѣчу отходящей душѣ; замѣтившій падающую звѣзду крестится и произноситъ *три* раза „аминь“. Говорятъ также, что это ангелы прогоняютъ съ неба злыхъ духовъ; что звѣзды падаютъ во время разрѣшенія женщинъ отъ бремени. Въ Ушицкомъ и Литинскомъ уѣздахъ увидѣвшій падающую звѣзду долженъ произнесть *три* раза „аминь“,—въ такомъ случаѣ упавшая на землю звѣзда-„свѣча“ превращается въ распустившуюся смолу и потомъ твердѣетъ; если же никто не скажетъ *три* раза „аминь“, то „свѣча“-звѣзда, упавши на землю, превращается въ дьявола, и тогда —бѣда отъ него людямъ, живущимъ на землѣ! Въ Грубешовскомъ уѣздѣ падающія звѣзды считаютъ *некрещеными дѣтьми*, которыя во время своего паденія издаютъ звукъ—„кшту“!—т. е. „креста“. Увидѣвши падающую звѣзду, всякій долженъ сотворить надъ нею крестное знаменіе и дать имя—мужское или женское, смотря потому, къ какому полу принадлежитъ увидѣвшее падающую звѣзду лицо.—Въ одиѣхъ мѣстностяхъ Подольской губ. народъ видитъ въ падающихъ звѣздахъ *свѣчи злыхъ духовъ*. Между звѣздами, или свѣчами, зажженными Богомъ по числу людей, сатана ставитъ иногда секретно и свою свѣчу для кого-нибудь изъ подчиненныхъ ему чертей или принадлежащихъ ему людей; но Богъ видитъ

http://rcin.org.pl

всѣ его хитрости и немедленно сбрасываетъ палкою свѣчу дьявола съ „облака“ (или особо приставленный для того ангелъ, осматривая свѣчи, тотчасъ же видитъ, что есть и дьяволова свѣча, которую и сбрасываетъ съ неба на землю). Въ другихъ мѣстностяхъ той же губерніи думаютъ, что падающія звѣзды—это *черти*, которые хотятъ уподобиться добрымъ ангеламъ. Они дѣлаются звѣздами и взбираются на небо, чтобы „свѣтить міру“. Тогда ангелы обиц ми силами сверзаютъ ихъ съ неба, и черти, падая на землю, разливаются по ней смолою. Кто ступитъ на такое мѣсто, заболѣетъ чахоткою, отъ которой уже нѣтъ спасенія. Предупредить бѣду можно лишь тѣмъ, если увидѣвшій падающую звѣзду будетъ непрерывно произносить „аминь“, пока звѣзда совсѣмъ не потухнетъ; сколько разъ будетъ произнесено „аминь“, настолько саженъ войдетъ въ землю падающій съ неба въ видѣ звѣзды чортъ, при чемъ самое мѣсто, гдѣ онъ упадетъ, останется совершенно безвреднымъ. Въ иныхъ мѣстностяхъ вѣрятъ, что умершіе превращаются въ падающую звѣзду или змія и ночью летятъ на тотъ домъ, гдѣ умершій оставилъ жену или дѣтей; вотъ почему говорятъ о вдовѣ, которая „заболѣетъ“ послѣ смерти мужа, что „вона має прелéсника.“—Въ „Трудахъ Этнографическо-статистической Экспедиціи въ западно-русскій край“ приводится еще слѣдующій разсказъ крестьянина Подольской губерніи о падающихъ звѣздахъ: „А то, что надаютъ звѣзды, такъ это нечистая сила хочетъ схватить душу, а душа убѣгаетъ. Когда придется кому увидѣть, что *летитъ* звѣзда, такъ надо *двѣнадцать* разъ сказать: *амінь, розсíпся*,—тогда нечистая сила и разсыплется по землѣ. Очень часто черти падаютъ на землю, потому что, кто знаетъ, такъ говоритъ: *амінь розсíпся*,—такъ они и падаютъ; однако, гдѣ уже упадетъ, *вбий йогó сúла Бóжа*, тамъ нехорошо ставить хату,—тамъ уже живетъ *онъ*“ [1]). Звѣзды падаютъ осенью—передъ голодомъ и моромъ [2]).

[1]) Томъ I, стр. 16, 17.

[2]) В. Ивановъ, „Жизнь и творчество крестьянъ Харьк. губ.“, т. I, стр. 462.

http://rcin.org.pl

Падающіе камни—это тѣ же падающія звѣзды, только отрываются они отъ особыхъ громаднымъ скалъ на небѣ.

Кометы—это звѣзды съ хвостомъ („віха", мітла"). Появляются опѣ на небѣ по повелѣнію Божію для побужденія людей къ покаянію и всегда предвѣщаютъ какое-нибудь общественное бѣдствіе: комета краснаго цвѣта предвѣщаетъ войну, комета блѣднаго цвѣта или бѣлая предвѣщаетъ моръ или голодъ и т. п. То же предвѣщаютъ появляющіеся около солнца и луны красные и синіе столбы, круги и кресты (они же предвѣщаютъ и ту или иную погоду). Въ Ушицкомъ уѣздѣ, кромѣ того, говорятъ, что „метла"—это самая старшая вѣдьма, которая ходитъ по небу съ доёнкою въ рукахъ и управляетъ всѣми вѣдьмами, живущими на землѣ.— Комета, по народнымъ вѣрованіямъ, можетъ зажечь землю, переворотить земной шаръ и, упавши, совсѣмъ покрыть его собою [1]).

---

[1]) П. Чубинскій, „Труды Этнограф.-статист. Экспедиціи въ зап.-русскій край", т. I, стр. 17–19; В. Ивановъ, „Жизнь и творч. крестьянъ Харьк. губ.", т. I, стр. 462.

http://rcin.org.pl

Украинскія легендарныя сказанія и преданія о различныхъ атмосферныхъ явленіяхъ.

Украинскія легендарныя сказанія и преданія о различныхъ атмосферныхъ явленіяхъ, равно какъ и о землѣ, водѣ и огнѣ, представляютъ собою пеструю смѣсь апокрифическихъ измышленій и полу-языческихъ, полу-христіанскихъ суевѣрій съ обще-арійскими миѳическими воззрѣніями и представленіями.

Въ то время какъ въ однихъ мѣстностяхъ подъ *тучею* народъ разумѣетъ поднявшійся съ земли на извѣстную высоту и тамъ сгустившійся *дымъ* (Грубешовск. у. и Холмск. Русь), въ другихъ—*собраніе громаднаго количества рѣчной и морской воды*, падающей на землю въ видѣ дождя; дождь падаетъ въ видѣ мелкихъ капель потому, что вода изъ тучи предварительно пролетаетъ громадное воздушное пространство (Ушицк., Луцк., Каневск., Литинск. и Новоградъ-Волынск. уу.) Въ иныхъ—тучу-„хмару“ (отъ слова „хмуриться“) представляютъ *студенистой*, наподобіе рыбнаго „холодцю“, *массой*, образующейся изъ паровъ и дыма; снизу она поддерживается упругостью земныхъ испареній, а сверху нагнетается „облакомъ“. Когда тучу пригрѣетъ солнце, она распускается, таетъ и падаетъ на землю въ видѣ дождя (Литинск. и Каневск. уу.). Нѣкоторые утверждаютъ, что сами видѣли „хмару“, какъ она кусками падала съ неба, „такая, какъ *драглі*“ (студень.—т. е., очевидно, поднятыя въ облака смерчемъ и

http://rcin.org.pl

затѣмъ упавшія на землю вмѣстѣ съ дождемъ морскія *медузы)*; ее съ успѣхомъ употребляютъ, какъ лѣкарство отъ лихорадки, а также для откармливанья кабановъ (Каневск. у.)[1]). Считаютъ также тучу *пористымъ вмѣстилищемъ воды*, которую она пропускаетъ чрезъ свои поры, и которая падаетъ на землю дождемъ (Литинск. у.). Въ Староконстантиновскомъ уѣздѣ говорятъ, что черти собираютъ тучи по маленькому кусочку и сносятъ ихъ въ одно опредѣленное мѣсто, такъ что потомъ образуется громадная туча. Въ Житомірскомъ уѣздѣ вѣрятъ, что дождевыя тучи производитъ Илія пророкъ. въ тѣ мѣста, гдѣ нуженъ бываетъ дождь, Господь посылаетъ Илію пророка, который скопляетъ своею колесницею тучи и тѣмъ даетъ знать, что сейчасъ будетъ дождь[2]). Въ частности, относительно *дождя* разсказываютъ, что какой-то человѣкъ постоянно разъѣзжаетъ верхомъ на лошади. Когда онъ ѣдетъ черезъ воду, то говоритъ, что это—„будяки“ (Carduus nutans L.); и если лошадь хлебнетъ при этомъ немного воды и прыснетъ, то пойдетъ небольшой дождь, а если больше захватитъ воды и больше начнетъ прыскать, то пойдетъ большой дождь (Холмск. Русь). Говорятъ также, будто дождь производятъ ангелы посредствомъ особо устроенной большой сѣти. На эту сѣть ангелы льютъ воду, чтобы произвесть дождь, и, по своему усмотрѣнію, переносятъ ее съ одного мѣста на другое (Грубешовск. у.). Тихій, частый, теплый дождь называется *манной Божіей* (Ушицк. у.). Когда долго не бываетъ дождя, то думаютъ, что это вѣдьмы „снимаютъ зо́рю“ и прячутъ ее въ погребѣ, въ горшокъ; чтобы вызвать дождь, нужно очистить колодцы (Винницк. у.). Въ одной мѣстности Луцкаго уѣзда долгое время не было дождя. Тогда помѣщикъ (дѣло было во времена крѣпостного права)

---

[1]) См, объ этомъ подстрочное примѣчаніе въ предыдущемъ очеркѣ.

[2]) П. Чубинскій, „Труды Этногр.-статист. Экспедиціи въ зап.-русскій край“, т. I, стр. 24—25.

http://rcin.org.pl

велѣлъ собрать всѣхъ женщинъ въ своемъ селѣ и положить ихъ спиной въ воду, придерживая веревкой; если бы какая начала тонуть, ту велѣно было вытаскивать, а которая плавала бы на поверхности, ту велѣно было бить, потому что это—должна быть вѣдьма. Одна изъ женщинъ дѣйствительно не тонула, и когда ее, вслѣдствіе этого, начали бить, то полилъ вдругъ такой дождь, что участникамъ самосуда едва удалось живыми добраться домой [1]).—Какъ живо все это напоминаетъ собою слѣдующее мѣсто изъ *четвертаго* слова проповѣдника XIII вѣка Серапіона, еписк. Владимірскаго (1274—1275): „Божественныя правила повелѣваютъ осуждать человѣка на смерть по свидѣтельству многихъ. А вы поставляете во свидѣтели воду, и говорите: *если станетъ тонуть, то невинна, а если поплыветъ, то волшебница.* Не можетъ ли діаволъ, видя ваше маловѣріе, поддержать человѣка на водѣ, чтобы онъ не потонулъ, и тѣмъ вовлечь васъ въ душегубство? Потому что вы, оставивъ свидѣтельство богоподобнаго человѣка, обратились къ бездушному веществу—къ водѣ и, принявъ такое свидѣтельство, прогнѣвляете Бога...“ и т. д. [2]). Проф. Н. Ѳ. Сумцовъ сообщаетъ слѣдующіе *два* разсказа о причинахъ сильной засухи 1889-го года, которые онъ слышалъ отъ одной 70-лѣтней старухи, крестьянки слободы Боромли, Ахтырскаго уѣзда. Весь май мѣсяцъ былъ сухой и знойный. Въ немногихъ мѣстахъ пробѣжали легкія тучки съ плодотворнымъ, живительнымъ дождемъ. Отъ продолжительной засухи озимые хлѣба сильно пострадали; мѣстами на пригоркахъ и яровые выгорѣли. Въ объясненіе причины засухи выплыло наружу древнее народное повѣрье о колдовствѣ надъ тучами, при чемъ разсказы о томъ, какъ и кто тутъ наколдовалъ, варіировались на разные лады, съ

[1]) П. Чубинскій, „Труды Этногр.-статист. Экспедиціи въ зап.-русскій край“, т. I, стр. 26.

[2]) Свящ. М. А. Поторжинскій, „Историческая христоматія, для изученія русской церк. проповѣди“, стр. 78.

http://rcin.org.pl

мѣстными пріуроченіями. Содержаніе *перваго* разсказа въ короткихъ словахъ слѣдующее. Три женщины шли въ Кіевъ на богомолье. Подъ Кіевомъ онѣ сѣли отдохнуть. Двѣ потомъ встали, а третья никакъ не могла подняться.—„Не могу итти, и сама не знаю чего“, говорила она. Пошли ея спутницы въ Кіевъ и объявили игумену, что онѣ оставили въ полѣ женщину, которая безъ всякой видимой причины не можетъ подняться съ земли. Игуменъ послалъ къ этой женщинѣ священника (іеромонаха?) съ иконой и крестомъ. Священникъ нашелъ, что женщина до половины вошла въ землю.—„Въ чемъ ты грѣшна?“—спросилъ онъ.—„Въ томъ только и грѣхъ мой, что я заговорила дождь на три мѣсяца“, сказала женщина.—„Будь же ты проклята!“—сказалъ священникъ. И баба съ шумомъ провалилась сквозь землю.—По *другому* разсказу, есть въ какомъ-то лѣсу криница. Долгое время изъ нея никто не бралъ воды, и криница засорилась. Снится разъ, потомъ снится вторично одному крестьянину, что слѣдуетъ эту криницу вычистить. Когда начали ее чистить, то нашли тамъ пять „волшебствъ“: дужку съ ведра, конское копыто, веревку и „другое“ (разсказчица не могла припомнить остальныя два „волшебства“). Вынули эти „волшебства“, освятили криницу,—и вскорѣ пошелъ дождь (10—15-го іюня 1889 г. въ Ахтырскомъ уѣздѣ прошли сильные дожди) [1]).

Въ Кіевской губ. причину слишкомъ продолжительнаго бездождія сваливаютъ исключительно на вѣдьмъ. Умерщвляя четвероногихъ черепахъ, изъ которыхъ будто бы истекаютъ вода и роса, и забивая въ колодцахъ *рунами* ключи, онѣ этими способами отводятъ отъ извѣстныхъ селеній дождевыя тучи. Во время засухъ, по волшебству вѣдьмъ, въ какомъ-то дремучемъ лѣсу грызутся два змѣя, отъ ярости которыхъ сохнутъ небо и земля. Только палка, которой удастся разо-

[1]) „Кіевская Старина“ 1890 г., Январь. „Культурныя переживанія“, стр. 61—62.

http://rcin.org.pl

рвать этихъ гадовъ, можетъ собрать громовыя тучи надъ полями и низвесть на землю благодатный дождь [2]).

Существуетъ также повѣрье, что у Бога есть особые склады дождя „на край світа“. Когда является надобность пускать дождь на землю, Богъ посылаетъ пророка Илію и *глухого ангела*. Они набираютъ дождь въ тучу и разносятъ его по міру. При этомъ бываетъ нерѣдко такъ, что какъ начнуть они пускать дождь, то пускаютъ его непрерывно нѣсколько дней подъ рядъ. Послѣднее происходитъ оттого, что *глухой ангелъ* спрашиваетъ у Бога, куда нужно пускать дождь. Богъ говоритъ ему: „Ідй тамъ, де *чóрно*“; а онъ, не разслышавши, идетъ тамъ, „де *вчóра*“ (вчера). Богъ говоритъ: „Ідй тудй, де *прóсять*“; а онъ, не разслышавши, идетъ тамъ, гдѣ *кóсять*. Богъ говоритъ: „Ідй тудй, де *ждуть*“; а онъ, не разслышавши, идетъ тамъ, гдѣ *жнуть* [2]).

Довольно распространено, накоенцъ, мнѣніе, что дождь— это вода, которая натягивается изъ морей, рѣкъ, озеръ, колодцевъ, прудовъ и другихъ водныхъ вмѣстилищъ и выливается въ тучи *радугой*. Самая радуга представляется въ этомъ случаѣ „цмóкомъ“, т. е. насосомъ. Вмѣстѣ съ водою радуга втягиваетъ и все попадающееся въ водѣ, какъ-то: лягушекъ, червей, рыбъ, камни и т. п., которые потомъ и падаютъ изъ тучи вмѣстѣ съ дождемъ. Но воду всасываетъ только синевато-красная радуга, радуга же ярко-красная бездѣйствуетъ и является лишь „весéлкою“, такъ какъ во время появленія ея проясняется отъ солнечныхъ лучей (дѣлается

---

[1]) Тамъ же, стр. 62—63.—Повѣрье о ворожбѣ надъ тучею, извѣстное среди поляковъ въ старину, существуетъ у нихъ и теперь.

[2]) П. Чубинскій, „Труды Этнограф.-статист. Экспедиціи въ зап.-русскій край“, т. I, стр. 26—27; ср. М. Драгомановъ, „Малорусскія народныя преданія и разсказы“, стр. 16; Б. Гринченко, „Этнографическіе матеріалы“, т. I, стр. 11.—Намъ лично въ дѣтствѣ приходилось слышать въ Бердянскомъ уѣздѣ такое полу-языческое объясненіе безвременныхъ *затяжныхъ* дождей, что это „старий Богъ“ пошелъ въ гости, а малые „боженята“ въ Его отсутствіе „балуютьця“.

http://rcin.org.pl

веселымъ) горизонтъ, который передъ тѣмъ былъ закрытъ тучами и наводилъ уныніе (Литинск., Луцк., Винницк. уу.). Въ Грубешовскомъ уѣздѣ радугу считаютъ путемъ, по которому нисходятъ съ неба ангелы, чтобы набрать воды; воду эту они затѣмъ выливаютъ на особую сѣть и такимъ образомъ производятъ дождь [1]).

Градовыми тучами управляютъ вѣдьмы, которыя по своему личному усмотрѣнію и насылаютъ ихъ на ту или другую мѣстность (въ Новоградъ-Волынскомъ у. говорятъ, что градъ выпускаетъ „відьмаками“ изъ колодцевъ). Чтобы отклонить направленіе градовыхъ тучъ, женщины обыкновенно выбрасываютъ изъ хатъ на дворъ и кладутъ на-крестъ кочергу, лопату, на которой сажаютъ въ печь хлѣбъ, и помело, думая этимъ угодить разъяренной вѣдьмѣ, такъ какъ вѣдьмы разъѣзжаютъ по свѣту на указанныхъ предметахъ. Нѣкоторые, чтобы прекратить начавшееся уже паденіе града, перекусываютъ градовинки (Житом., Литинск. уу.), чѣмъ уничтожаются чары вѣдьмы, и тучи, не нанесши вреда, разойдутся. Въ Ушицкомъ уѣздѣ говорятъ, что въ облакахъ образуется ледъ подобно тому, какъ на рѣкѣ, при чемъ замерзаетъ онъ толщиною въ ростъ человѣка. Чортъ (или особо приставленный какой-то человѣкъ) рубитъ этотъ ледъ и бросаетъ его въ видѣ града на землю. Въ Литинскомъ уѣздѣ думаютъ, что градъ и *снѣгъ* образуются изъ той же самой воды, которую радуга всасываетъ изъ моря въ тучи для дождя; не успѣвши упасть на землю дождемъ и застоявшись въ тучахъ, она замерзаетъ тамъ и послѣ того падаетъ на землю уже въ видѣ града и снѣга. Въ другихъ мѣстностяхъ того же уѣзда утверждаютъ, что гдѣ-то въ неизвѣстной, далекой странѣ находятся очень высокія снѣжныя и ледяныя горы. Когда тучи проходятъ около нихъ, то захватываютъ съ собою частицы

[1]) П. Чубинскій, „Труды Этнограф.-статист. Экспедиціи въ зап.-русскій край“, т. I, стр. 27; ср. Б. Гринченко, „Этнографическіе матеріалы“, т. I, стр. 13;

http://rcin.org.pl

льда и снѣга, которыя потомъ и разсыпаютъ по землѣ. Кромѣ указанныхъ уже выше способовъ отвращенія градовыхъ тучъ, въ Константиноградскомъ уѣздѣ практикуется еще слѣдующій. Какъ только завидятъ надвигающуюся градовую тучу, тотчасъ же „на грянúцю“ (на границу мѣстности) отправляется знахарь, при чемъ беретъ съ собою *волшебный прутикъ* [1]) и освященный *семь* разъ (въ теченіе *семи* лѣтъ, при освященіи пасхи) роговой ножъ. Здѣсь онъ втыкаетъ ножъ въ землю и затѣмъ начинаетъ читать различныя молитвы, произнося ихъ *отъ конца къ началу*: „Аминь Духа Святаго и Сына Отца во имя“, „Отъ лукаваго насъ избави но во искушеніе насъ не введи“... („Отче нашъ“...), „Нашихъ душъ еси родила Спаса яко Твоего“... („Богородице Дѣво, радуйся“...) и т. д. При окончаніи молитвъ знахарь вынимаетъ изъ земли ножъ, беретъ его вмѣстѣ съ прутикомъ въ правую руку, оборачивается въ ту сторону, куда хочетъ прогнать градовую тучу, машетъ въ томъ направленіи руками и произноситъ слѣдующее заклинаніе: „Гráде лукáвий, рáбе лукавый! Нехáй тебé хмáри не нóсять, бо тебé лю́де не прóсять. Бýйні вітри! возьміть ви цю хмáру на свої тонкі крúла, занесіть ії за Окіянъ-море, за тéплі вóди, за круті гóри, за жóвті піски, щобъ вінъ тамъ ростáвъ і пропáвъ нúні, прісно і во вікú вікóвъ, амінь. Амінь, амінь, амінь! Тьфу, тьфу, тьфу! Счéзни, пропадú отъ лиця́ Бóжого і одъ менé грішного!“ Относительно *снѣга* существуютъ еще и другія повѣрья. Говорятъ, напр., что снѣгъ—это *паръ*, выходящій съ дымомъ изъ печныхъ трубъ и замерзающій въ воздухѣ (Луцк. у.); что онъ происходитъ отъ замерзающаго дождя (тамъ же); что онъ приготовляется на небѣ и затѣмъ сыплется на землю

[1]) *Волшебный прутикъ* является большою драгоцѣнностью и передается знахарями въ своемъ потомствѣ изъ рода въ родъ. Онъ получается такъ: когда знахарю случится увидѣть, что змѣя-гадюка ѣстъ лягушку, то онъ отламываетъ годовалый побѣгъ отъ какого-нибудь дерева и этимъ прутикомъ разгоняетъ ихъ, всячески стараясь не задѣть ни той, ни другой.

http://rcin.org.pl

святыми (Ушицк. у.); что на небѣ хранятся особые громадные запасы снѣга, который сбрасываютъ на землю лопатами ангелы то нарочито, то прочищая себѣ дорогу (Грубешовск. у.). Повѣрья нѣкоторыхъ мѣстностей Ушицкаго уѣзда близко подходятъ къ тѣмъ повѣрьямъ великороссовъ, которыя художественно воспроизведены Пушкинымъ въ извѣстной его балладѣ—„Бѣсы“. Снѣгъ собираютъ „шатáны“. т. е. черти. Онъ выходитъ изъ земли и изъ воды въ видѣ пара и въ облакахъ наростаетъ. Собравши много снѣгу, сатана праздиуетъ свою свадьбы и разсыпаетъ всюду по землѣ снѣгъ, отъ чего и бываютъ сильныя метели [1])

Народныя воазрѣнія на *туманъ*, *иней* и *росу* въ общемъ правильны: въ одномъ только Винницкомъ уѣздѣ въ росѣ видятъ *слезы* св. великомуч. Варвары, которая утромъ ходитъ по полямъ и плачетъ [2]).

Основа сказаній и вѣрованій относительно *грома* и *молніи*— древне-миѳическая, языческая; но своеобразно понятое народомъ христіанство наложило на нихъ такіе густые слѣды, что въ результатѣ получился настоящій хаосъ, еще болѣе запутанный наивнымъ народнымъ домысломъ. Въ Каневскомъ, напр., уѣздѣ и по сію пору еще громъ и молнію народъ называетъ *перуномъ*, и если случится, что молнія зажжетъ какую-нибудь постройку, то обыкновенно говорятъ: „перýномъ спалúло“ (въ Грубешовскомъ уѣздѣ только громовую стрѣлу называютъ „Перуновою“).

Общее во всѣхъ украинскихъ народныхъ сказаніяхъ о громѣ и молніи то, что они употребляются Богомъ для пораженія и истребленія чертей. Въ частности, въ Ушицкомъ уѣздѣ существуетъ такое вѣрованіе, что когда Господу Богу

[1]). П. Чубинскій, „Труды Этногр.-статист. Экспедиціи въ зап.-русскій край“, т. I, стр. 30.

[2]) Тамъ же, стр. 25, 26, 32.

http://rcin.org.pl

угодно бываетъ послать на землю дождь съ громомъ, то Онъ повелѣваетъ свв. Юрію, Иліи и Махаилу колебать скалы, отъ чего и происходитъ громъ. Въ Житомірскомъ уѣздѣ громъ объясняютъ тѣмъ, что прор. Илія и архистратигъ Михаилъ ведутъ войну съ чортомъ, который раздражаетъ Бога, вслѣдствіе чего Богъ и старается убить его, собравши предварительно тучи, служащія выраженіемъ и проявленіемъ Его гнѣва. Богъ, Илія и Михаилъ стрѣляютъ въ сатану. Куда бьетъ громъ, тамъ, значитъ, спрятался чортъ; если же громъ поразитъ человѣка, то, значитъ, чортъ спрятался подъ того человѣка [1]). Въ Грубешовскомъ уѣздѣ и въ Южной Руси говорятъ, что громъ происходитъ отъ преслѣдованія архистр. Михаиломъ дьяволовъ. Послѣдніе прячутся отъ преслѣдованія въ дома, церкви и въ живыхъ существъ; но стрѣла Михаила поражаетъ ихъ безъ всякой пощады даже въ церкви подъ престоломъ и внутри человѣка, при чемъ убитому изъза чорта громомъ человѣку прощаются содѣянные имъ грѣхи (Ушицк. у.) [2]). Во время грозы не слѣдуетъ ѣсть и вообще открывать ротъ, чтобы не дать возможности проникнуть туда чорту (Житом. у.) [3]); не слѣдуетъ также пѣть, потому что поющій человѣкъ веселитъ чорта, который все время тогда увивается около него, и вотъ громъ, имѣя въ виду убить чорта, убиваетъ вмѣстѣ съ нимъ и поющаго, подъ котораго чортъ успѣваетъ спрятаться (Каневск. у.) [4]) Если гроза за-

[1]) П. Чубинскій, „Труды Этнограф.-статист. Экспедиціи въ зап.-русскій край“, т. I, стр. 19, 21, 23; ср. Б. Гринченко, „Этнографическіе матеріалы“, т. I, стр. 282; М. Драгомановъ, „Малорусскія народныя преданія и разсказы“, стр. 16.

[2]) М. Драгомановъ, „Малорусскія народныя преданія и разсказы“, стр. 16; П. Чубинскій, „Труды Этногр.-статист. Экспедиціи въ зап.-русскій край“, т. I, стр. 20, 24; Б. Гринченко, „Этнографическіе матеріалы“, т. I, стр. 282.—Впрочемъ, въ г. Таращѣ, Кіевск. губ., говорятъ, что человѣкъ, котораго убьетъ громъ, „не встанетъ на томъ свѣтѣ“ (П. Чубинскій. „Труды Этн.-стат. Эксп. въ зап-русск. край“, т. I, стр. 23).

[3]) П. Чубинскій, „Тр. Этн.-стат. Эксп. въ зап.-русск. край“, т. I, стр. 21; М. Драгомановъ, „Малор. нар. пред. и разск.“, стр. 16.

[4]) П. Чубинскій, „Труды Этнограф.-статист. Экспедиціи въ зап.-русскій. край“, т. I, стр. 23.

http://rcin.org.pl

стигнетъ кого въ пути, то нужно свернуть съ дороги и итти или ѣхать подлѣ нея сбоку, такъ какъ въ это время „врагъ“ крутится по дорогѣ вихремъ, и громъ можетъ убить вмѣсто него идущаго или ѣдущаго по дорогѣ человѣка [1]). Особенно не слѣдуетъ становиться и садиться подъ скалы, гдѣ удобнѣе всего можно спрятаться чорту отъ преслѣдованія, такъ какъ громовыя стрѣлы отскакиваютъ отъ камня (Холмская Русь). Равнымъ образомъ, во время грозы не слѣдуетъ стоять подъ дубомъ или вербою, гдѣ находится обиталище чорта, и куда онъ чаще всего прячется отъ грозы. Когда громъ ударитъ въ дерево и зажжетъ его, то, значитъ, чортъ убитъ, и обыкновенно онъ обращается въ такихъ случаяхъ въ смолу, которую и находятъ на мѣстѣ сожженныхъ деревьевъ (Винницк. у.). Самымъ надежнымъ убѣжищемъ для человѣка во время грозы можетъ служить „ліщи́на“ (лѣсной орѣхъ). Однажды—очень давно—дьяволъ сказалъ Господу Богу: „*Я* спрячусь такъ, что Ты меня не убьешь“.—„Нѣтъ, убью“, отвѣчаетъ Богъ.—„Я спрячусь подъ человѣка!“—говоритъ дьяволъ.—„А Я убью и человѣка и за то дамъ ему царствіе небесное“. Дьяволъ сталъ перечислять послѣ того всѣ предметы, подъ которые можно спрятаться, но при этомъ позабылъ упомянуть про „ліщи́ну“, вслѣдствіе чего подъ нею только и можно спастись отъ громовой стрѣлы [2]).—Одинъ охотникъ проходилъ съ ружьемъ подлѣ громадной скалы. Была сильная гроза. Пошелъ дождь, и охотникъ спрятался подъ навѣсомъ скалы. Въ то время, когда гремѣлъ громъ, и сверкала молнія, дьяволъ преспокойно сидѣлъ подъ навѣсомъ скалы; но какъ только утихало, онъ выходилъ изъ-подъ скалы, становился вверхъ ногами и начиналъ дразнить Бога. Слѣдовалъ ударъ

[1]) В. Ивановъ, „Жизнь и творч. крестьянъ Харьковск. губ.“, т. I, стр. 457; сн. П. Чубинскій, „Труды Этногр.-статистич. Экспед. въ зап.-русскій край“, т. I, стр. 21.

[2]) П. Чубинскій, „Труды Этногр.-статист. Экспедиціи въ зап.-русскій край“, т. I, стр. 21, 22, 19.

http://rcin.org.pl

грома, но дьяволъ моментально прятался подъ скалу и такимъ образомъ спасался. Охотникъ все это видѣлъ, но сначала не рѣшался выстрѣлить „въ панича́ маленькаго, въ курточці, безпья́таго і зъ па́зурами (когтями) на ручніхъ и ніжни́хъ пальцяхъ“. Долго смотрѣлъ охотникъ на продѣлки дьявола, наконецъ, выбравши удобную минуту, выстрѣлилъ въ „панича́“. Пуля такъ и пронизала его; но когда охотникъ подошелъ къ тому мѣсту, гдѣ кувыркался дьяволъ до выстрѣла, то увидѣлъ только какъ бы пролитую смолу. Въ это время подлетѣлъ къ охотнику архистр. Михаилъ съ ружьемъ на плечахъ и сталъ благодарить, предлагая дать ему все, чего только онъ пожелаетъ, за оказанную услугу. Охотникъ попросилъ себѣ въ награду ружье, бывшее у Михаила, которое ужъ очень ему приглянулось. Михаилъ сталъ было отнѣкиваться говоря, что ружье его для охотника совсѣмъ непригодно; но въ концѣ концовъ вынужденъ былъ уступить. Помѣнялись они ружьями съ такимъ условіемъ, что если охотнику почему-либо впослѣдствіи не понравится архистратигово ружье, то онъ имѣетъ право потребовать размѣна. И сталъ съ тѣхъ поръ охотникъ охотиться съ архистратиговымъ ружьемъ; что, бывало, ни увидитъ, все убьетъ безъ промаху, хотя бы то былъ самый маленькій звѣрёкъ. Звука выстрѣла изъ архистратигова ружья совсѣмъ нельзя было отличить отъ звука грома. Въ селѣ, гдѣ жилъ охотникъ, былъ большой прудъ. Вышелъ какъ-то охотникъ на прудъ поохотиться, и видитъ стадо дикихъ утокъ. Прицѣлился, выстрѣлилъ—и убилъ всѣхъ до одной. Собравши утокъ, онъ пошелъ къ помѣщику того села.—„Гдѣ ты набралъ столько дичи?“—спрашиваетъ помѣщикъ.—„Настрѣлялъ на вашемъ прудѣ“, отвѣчалъ охотникъ. Помѣщикъ ни за что не хотѣлъ вѣрить, при видѣ такого громаднаго количества утокъ, и спрашиваетъ: „А въ какое время дня ты стрѣлялъ?“ Охотникъ отвѣтилъ. „Да,—сказалъ тогда помѣщикъ,—я какъ разъ именно въ то время слышалъ ударъ грома“. Съ тѣхъ поръ охотникъ сталъ бояться архистратигова ружья и отправился на условленное мѣсто, чтобы размѣняться. Архистр.

http://rcin.org.pl

Михаилъ согласился. Охотникъ, взявши свое ружье, тотчасъ же пошелъ на охоту и увидѣлъ, что теперь и его ружье сдѣлалось несравненно лучше, чѣмъ было прежде [1]).

Въ Литинскомъ уѣздѣ громъ считаютъ *звукомъ*, который происходитъ отъ движенія по облаку страшнаго смертоноснаго орудія, управляемаго св. Юріемъ и арханг. Гавріиломъ (въ Новоградъ-Волынскомъ у.—арханѓелами Михаиломъ и Гавріиломъ). Орудіе это заряжаетъ св. Юрій стрѣлою изъ какой-то твердой массы, наподобіе камня, а зажигаетъ и направляетъ выстрѣлъ въ чорта арханг. Гавріилъ (въ Луцкомъ у.—громомъ и молніей управляютъ архистр. Михаилъ и св. прор. Илія). Громовыя стрѣлы (*бленицы*, куски расплавленнаго электричествомъ молніи песку или камня) имѣютъ видъ или тонкаго прутика, или конической пули; порою онѣ бываютъ желтыя, какъ свѣча. Послѣ выстрѣла орудія громовая стрѣла входитъ въ землю на *семь* саженъ (въ Старобѣльскомъ у.—проходитъ сквозь землю „на другій свѣтъ“) и черезъ *семь* лѣтъ выходитъ обратно на поверхность земли. Нашедшій громовую стрѣлу хранитъ ее, какъ святыню. Она употребляется въ различныхъ болѣзняхъ и особенно помогаетъ отъ колики; она же предохраняетъ отъ ударовъ грозы, отводитъ всякія бѣдствія, чары и злыя силы и вообще приноситъ счастье и богатство дому, въ которомъ сохраняется; помогаетъ она также и домашнему скоту въ болѣзняхъ. На томъ мѣстѣ, гдѣ *упала* громовая стрѣла, нельзя ставить никакой постройки, такъ какъ черезъ *семь* лѣтъ громъ опять ударитъ въ то же самое мѣсто.—Представленіе о чудесномъ существѣ громовыхъ стрѣлъ широко распространено у всѣхъ вообще славянъ; извѣстно оно и многимъ первобытнымъ народамъ Азіи, Африки, Америки и Полинезіи. Характеристическія черты повѣрья вездѣ болѣе или менѣе однѣ и тѣ же. Отдѣльныя мѣстныя измѣненія его въ общемъ незна-

[1]) П. Чубинскій, „Труды Этнограф.-статист. Экспедиціи въ зап.-русскій край“, т. I, стр. 19—20.

http://rcin.org.pl

чительны и несущественны. Напр., поляки закапываютъ стрѣлу, чтбы сохранить домъ отъ грома, подъ порогъ; южные славяне носятъ ее всегда съ собою, какъ личный амулетъ; въ Норвегіи въ XVIII столѣтіи въ каждый четвергъ вечеромъ стрѣлку мыли, смазывали масломъ и клали на свѣжую солому и т. п.—Очевидно, громовыя стрѣлы обязаны миѳическому понятію о богѣ-громовникѣ какъ своимъ происхожденіемъ и внѣшнимъ видомъ, такъ и своими чудесными свойствами. На нихъ, какъ на отпрыскѣ существа бога плодородія, правды и добра на землѣ, отразился также отблескъ свѣтлыхъ и благотворныхъ чертъ его характера. Очень можетъ быть, впрочемъ, что этотъ послѣдній процессъ произошелъ на почвѣ первобытнаго фетишизма, одухотворявшаго камни и другіе предметы и приписывавшаго имъ послѣ сверхъестественныя силы. Какъ бы то ни было, однако, громовыя стрѣлы представляютъ собою въ миніатюрѣ полное отраженіе сложнаго существа благотворнаго и грознаго, свѣтлаго и темнаго бога-громовника [1]).

Громъ бываетъ чаще всего тогда, когда небо сплошь покрыто тучами, такъ какъ въ это время черти особенно любятъ дразнить Бога: бѣгаютъ по дорогамъ, кружась въ вихрѣ пыли, ломаютъ въ лѣсахъ деревья, срываютъ крыши съ домовъ и т. п. Чтобы арханг. Гавріилу удобно было видѣть, гдѣ прячется чортъ, и слѣдить за направленіемъ полета раскаленной стрѣлы, происходитъ разрывъ облаковъ, черезъ которыя тогда прорѣзывается свѣтъ настоящаго неба(молнія въ видѣ прямой полосы или черты; зигзаги и змѣйки происходятъ оттого, что громовая стрѣла летитъ за убѣгающимъ дьяволомъ по всѣмъ направленіямъ.—Подольск. губ.) [2]).

[1]) „Кіевская Старина“ 1897 г., Іюль—Августъ, стр. 237—238.

[2]) П. Чубинскій, „Труды Этнограф.-статист. Экспедиціи въ зап.-русскій край“, т. I, стр. 21, 23, 24; В. Ивановъ, „Жизнь и творчество крестьянъ Харьк. губ.“, т. I, стр. 461.

http://rcin.org.pl

Въ Харьковскомъ и Луцкомъ уѣздахъ громъ считаютъ *стукомъ отъ колесницы*, на которой ѣдетъ по небу св. прор. Илія (въ Старобѣльскомъ у.—св. прор. Илія *горшки везетъ*, или *разъѣзжаетъ на колесницѣ по небу* вмѣстѣ съ Богомъ), а *молнію—искрами* изъ-подъ копытъ лошадей, которыя везутъ эту колесницу. Во время своихъ разъѣздовъ Илья стрѣляетъ особыми „кулями“ (пулями) въ чертей. Если во время грозы сгоритъ стогъ сѣна или какая-нибудь постройка, то это—знакъ, что чортъ убитъ; если же ничто не сгоритъ, то, значитъ, Илья далъ промахъ, и чортъ благополучно убѣжалъ (Холмская Русь) [1]). Въ Винницкомъ уѣздѣ громъ считаютъ *стукомъ отъ колесницы* арханг. Гавріила, везущаго калачи; громовой ударъ—звукъ стрѣлы, пущенной Богомъ въ чорта; молнія—*дорога стрѣлы* съ неба. Во время молніи мы видимъ „истинное небо“ черезъ разверзшіяся облака, которыя служатъ преградою свѣту и теплу, исходящимъ отъ этого неба, потому что ихъ не могутъ сносить ни глазъ человѣка, ни растенія. Замѣчено, что передъ ударомъ грома съ молніей на небѣ дѣлается какъ бы крестъ:—это архистр. Михаилъ благословляетъ крестомъ, а архангелъ Гавріилъ стрѣляетъ затѣмъ въ чорта [2]). Въ Ушицкомъ и Житомірскомъ уѣздахъ также думаютъ, что молнія—это *настоящее небо*, которое Богъ показываетъ людямъ сквозь разверзшіяся облака во время гнѣва Своего, чтобы они всегда помнили, что есть на небѣ Богъ (въ Новоградъ-Волынскомъ у.—*сіяющее жилище Бога*, которое напоминаетъ всевидящее око Создателя). Если бы на землю упала хотя маленькая часть этого неба, то сожгла

[1]) П. Чубинскій, „Труды Этногр.-статистич. Экспедиціи въ зап.-русскій край“, т. I, стр. 22, 26; В. Ивановъ, „Жизнь и творчество крестьянъ Харьковск. губ.“, т. I, стр. 461—462.

[2]) Чубинскій, „Труды Этнограф.-статист. Экспедиціи въ зап.-русскій край“, т. I, стр. 22. Въ Каневскомъ уѣздѣ говорятъ: „Когда гремитъ громъ, такъ это Илья ѣздитъ по небу; а когда сверкаетъ молнія, такъ это Гавріилъ машетъ цвѣткомъ. Когда дѣлаютъ стекло, такъ распаливаютъ тѣмъ огнемъ, который загорится отъ молніи“ (тамъ же, стр. 23).

http://rcin.org.pl

бы ее. Передъ Страшнымъ судомъ это небо откроется во всей свой красѣ и во всемъ своемъ блескѣ [1]). — Въ Бѣлгородскомъ уѣздѣ молнію („блискавка“) олицетворяютъ въ образѣ *молодой дѣвушки*. Купались одинъ разъ двѣ дѣвушки въ рѣкѣ и ну нырять одна передъ другою. — „Я, — говоритъ одна, — нырну дальше!“ А та себѣ: „Я дальше!“ А *Блискавка* стоитъ на берегу и говоритъ: „Не ныряйте, дѣвушки, — сегодня мой день, праздникъ: я сегодня родилась; нельзя на мои именины купаться. Мнѣ Богъ *ссукáвъ* свѣчу, такъ я буду ходить по небу, свѣтить, буду людей *палúти*, если кто будетъ на моего Ангела работать“ [2]).

Пожаръ, происшедшій отъ грозы, грѣхъ тушить, такъ какъ онъ посылается отъ Бога въ наказаніе, и отъ воды огонь только больше еще разгорается (Старобѣльск. у.). Впрочемъ, утушить его можно козьимъ молокомъ, или сывороткою, или квасомъ (Луцкій, Грубешовскій и Житом. уу.), но предварительно, въ началѣ пожара, кто-нибудь долженъ раздѣться до-нага и обѣжать горящую постройку кругомъ *три* раза [3]).

Нѣсколько особнякомъ стоятъ вѣрованія о громѣ и молніи, бытующія въ Староконстантиновскомъ уѣздѣ. „Черти сносятъ тучи въ одно мѣсто, — говорятъ здѣсь, — и какъ снесутъ ихъ уже много, то скатываютъ *въ вали*, вслѣдствіе чего сильно *гудé* по небу. Тогда *для споко́ю* Богъ посылаетъ св.

[1]) П. Чубинскій, „Труды Этнограф.-статист. Экспедиціи въ зап. русскій край“, т. I, стр. 20, 23; В. Ивановъ, „Жизнь и творчество крестьянъ Харьк. губ., т. I, стр. 462.

[2]) „Этнографическое Обозрѣніе“ 1892 г., XV, стр. 159.

[3]) В. Ивановъ, „Жизнь и творчество крестьянъ Харьк. губ., т. I, стр. 461; П. Чубинскій, „Труды Этнограф.-статист. Экспедиціи въ зап.-русскій край“, т. I, стр. 21, 20. — Повѣрье о томъ, что грѣхъ тушить пожаръ, происшедшій отъ молніи, и что его можно потушить только молокомъ, существуетъ и у поляковъ, и у осетинъ, и отчасти у монголовъ. Въ этомъ повѣрьѣ, съ одной стороны, выражается метафорическое представленіе дождя молокомъ, съ другой — фаталистическое подчиненіе гнетущей силѣ огня, какъ она выражается въ пожарѣ („Кіевск. Старина“ 1890 г. Октябрь, стр. 65—66).

http://rcin.org.pl

Илью съ огненною палицею: махнетъ св. Илья палицею—сверкнетъ молнія; ударитъ по чорту—загремитъ громъ" [1]).

Лучшимъ предохранительнымъ средствомъ отъ удара молніи служитъ воткнутая „за сво́локъ" или за иконы освященная въ Вербное воскресенье верба (Будаевка, Кіевск. у.), которою въ такихъ случаяхъ кадятъ (г. Тараща.—Въ Холмской Руси—зажженныя вѣтви дерева, которыми были украшены иконы на праздникъ „Боже Цѧло"), или звонъ колокольчика, предварительно освященнаго въ костелѣ (Грубешовск. у.), или, наконецъ упоминавшаяся нами раньше *волшебная палочка* (Винницк у.). Если виситъ у кого подъ лампадою пустая писанка, то необходимо наполнить ее пшеницею, иначе въ нее можетъ спрятаться діаволъ, и тогда молнія можетъ ударить въ избу (Будаевка) [2]).

Участіе Бога въ борьбѣ съ діаволомъ во всѣхъ приведенныхъ вѣрованіяхъ и сказаніяхъ украинскаго народа относительно грома и молніи объясняется, безъ сомнѣнія, общеарійскимъ вѣрованіемъ, а затѣмъ—богомильскимъ дуализмомъ—исконною борьбою добраго начала съ злымъ. Въ изначальной борьбѣ Бога съ дьяволомъ принимали самое дѣятельное участіе, по космогоническимъ украинскимъ легендамъ, архистр. Михаилъ и арханг. Гавріилъ. Отсюда понятно, почему они являются главными распоряднтелями грома и молніи (въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Житомірскаго уѣзда говорятъ, что громомъ и молніей завѣдываютъ *всѣ ангелы*, и *всѣ они* стараются избивать чертей.—очевидно, потому, что всѣ они принимали участіе и въ низверженіи Сатанаила и его воинства съ неба). Что касается св. Юрія, т. е. св великомуч. Георгія, и св прор. Иліи, то на нихъ, какъ извѣстно, у всѣхъ славянъ перенесены многія черты бога-громовника (Перуна).

---

[1]) П. Чубинскій, „Труды Этногр.-статист. Экспедиціи въ зап.-русскій край", т. I, стр. 22.

[2]) Тамъ же, стр. 23, 20, 22.

http://rcin.org.pl

Морозъ во многихъ мѣстностяхъ Украйны понимается и объясняется въ общемъ вѣрно. Въ Ушицкомъ уѣздѣ говорятъ, будто морозъ—изъ моря, которое, такъ же какъ и земля, можетъ доставить намъ все, что́ угодно. Чаще всего онъ олицетворяется въ образѣ сѣдого, лысаго, сердитаго старика, одѣтаго въ снѣжную одежу, въ ледяные сапоги и совершенно обмерзшаго „сосу́лями“ (Ушицк., Новоградъ-Волынск. и Переясл. уу. и Подольск. губ.); у него большія красныя губы и такой же носъ. Онъ—родственникъ солнца и вѣтра, но могущественнѣе ихъ (Новоградъ-Волынск. у.). „Если хочешь, чтобы *пересівся* морозъ, то нужно насчитать *двынадцать* лысыхъ такъ: N *лысый*, — *пересядься морозъ*—и такъ послѣ каждаго“ (г. Тараща). Зимніе морозы бываютъ по волѣ Божіей, а морозы въ апрѣлѣ и маѣ мѣсяцахъ, а также раннею осенью насылаются вѣдьмами (Холмск. Русь). Однажды морозъ заспорилъ о чемъ-то съ св. Онуфріемъ (память его 12-го іюня). Св. Онуфрій сильно разсердился и разрубилъ ему топоромъ голову, вслѣдствіе чего морозъ проболѣлъ до Спасова дня (6-го августа):—потому и не бываетъ мороза съ 12-го іюня до 6-го августа [1]).

Въ представленіяхъ о *вѣтрѣ* преобладаетъ миѳическая основа, *слегка* только подкрашенная христіанскимъ колоритомъ въ очень немногихъ мѣстностяхъ. Такъ, въ Житомірскомъ уѣздѣ говорятъ, что вѣтеръ происходитъ отъ *дуновенія ангеловъ*, которые стоятъ въ разныхъ концахъ земли за моремъ. Въ Литинскомъ же уѣздѣ вѣтеръ объясняется такъ: въ четырехъ концахъ міра стоятъ *четыре* огромныхъ *человѣка*, съ непомѣрной величины усами и губами, и непрерывно дуютъ другъ къ другу. Какой изъ этихъ четырехъ

[1]) П. Чубинскій. „Труды Этногр.-статист. Экспедиціи въ зап.-русскій край“. т. I, стр. 30—31.

http://rcin.org.pl

великановъ дуетъ въ извѣстное время сильнѣе, съ той стороны и бываетъ вѣтеръ тогда. Нѣкоторые же считаютъ вѣтеръ *злымъ духомъ* и, чтобы заставить его дуть, свищутъ, т. е. вызываютъ его такъ же, какъ принято въ народѣ вызывать дьявола. Въ представленіяхъ Холмской Руси четырехъ великановъ замѣняютъ какія-то *четыре* же *таинственныя существа*, которыя, по распоряженію главнаго *Вѣтродуя*, дуютъ съ четырехъ концовъ земли. Въ Проскуровскомъ уѣздѣ вѣтеръ представляютъ *очень сердитымъ старикомъ*, живущимъ гдѣ-то далеко за морями. Въ Ушицкомъ уѣздѣ —особеннымъ *человѣкомъ*, бѣгающимъ по бѣлому свѣту и *моргающимъ однимъ усомъ*; если бы онъ моргнулъ разомъ обоими усами, то поднялась бы такая страшная буря, что въ одинъ мигъ перевоpотила бы вверхъ дномъ всю вселенную. Въ Грубешовскомъ уѣздѣ говорятъ, что вѣтеръ производитъ своимъ *дуновеніемъ баринъ, который держитъ землю*. Въ Винницкомъ уѣздѣ вѣтеръ олицетворяется въ образѣ чорта, прикованнаго огромными цѣпями по рукамъ и ногамъ къ каменной стѣнѣ. Порывистый вѣтеръ—это *сильное дыханіе* прикованнаго *чорта* вслѣдствіе попытки его сорваться съ цѣпи и разорвать оковы; слабый же, пріятный вѣтерокъ—*дуновеніе Бога* [1]). У вѣтра *двѣнадцать* сестеръ, но онѣ никакъ не могутъ „надѣть ему одежи“; пока держатъ его на цѣпи, все на немъ, какъ слѣдуетъ; но какъ только сорвался, все изорветъ на себѣ и ничего на немъ не останется. Онъ бы и всѣ хаты попереворачивалъ, если бы не былъ на цѣпи. Завѣдываютъ и управляютъ имъ свв. Антоній, Аѳанасій, Ѳеодосій и Димитрій (Бѣлгор. у.) [2]).

Вихрь производитъ сатана во время своей свадьбы, вслѣдствіе чего народъ, завидѣвши вихрь, крестится приговаривая: „Исчезни, сатана!“ (Ушицкій и Каневскій уу.). Чаще

---

[1]) П. Чубинскій, „Труды Этногр.-статист. Экспедиціи въ зап.-русскій край“, т. I, стр. 32—33.

[2]) „Этнографическое Обозрѣніе“ 1892 г., XV, стр. 159.

http://rcin.org.pl

же всего вихрь олицетворяется въ образѣ *самого дьявола* (Холмская Русь, Грубешовскій, Литинскій, Луцкій, Житомірскій и Харьковскій уу.). Если вихрь подвѣетъ человѣка, то ему грозитъ неизбѣжная болѣзнь, отъ которой можетъ спасти только *іорданская вода* (Литинск. у.). Вихрь передъ грозою—это убѣгающіе отъ громовой стрѣлы *черти* (Житом. у.). Вихря надо всячески остерегаться, убѣгать отъ него подальше, читать молитвы и креститься; если же онъ на кого набѣжитъ, то можетъ совершенно искалѣчить (Винницк. у.). Дѣти и даже взрослые часто дразнятъ его приговаривая: „Куцый, сала! Куцый, сала!“ Чортъ же, какъ и подвластные ему „жиды“, не любитъ сала и отъ этихъ словъ ярится и все болѣе и болѣе усиливается (Литинск. и Винницк. уу.), или, на оборотъ, пристыженный, уносится дальше (Каневск. у.). Вихрь бываетъ также и тогда, когда покончитъ счеты съ жизнью самоубійца; на радостяхъ чортъ въ такихъ случаяхъ разгуливаетъ, завываетъ вихремъ и мететъ, чѣмъ ни попало; вырываетъ деревья съ корнями, ломаетъ ихъ и т. п., стремительно унося съ собою душу самоубійцы. Когда вихрь поднимается очень высоко вверхъ, то это значитъ, что черти посрывались съ цѣпей и, столкнувшись, борятся между собою, стараясь одолѣть другъ друга (Винницк. у.).—Если бросить въ вихрь топоръ или ножъ, то можно не только ранить, но даже и убить чорта (Холмская Русь, Харьк. и Каневск. уу.). Въ Вердянскомъ уѣздѣ намъ говорили, что когда несется вихрь, то надо на дорогѣ ему воткнуть глубоко ножъ въ землю и держать его изо всѣхъ силъ: если вихрь не вырветъ ножа, то покажется на томъ мѣстѣ кровь зарѣзаннаго чорта, въ противномъ же случаѣ чортъ зарѣжетъ тѣмъ же ножомъ самого смѣльчака, вступившаго съ нимъ въ борьбу. Въ Каневскомъ уѣздѣ происхожденіе вихря относятъ къ первымъ днямъ творенія. „Вихрь бываетъ,—говорятъ здѣсь,—подъ сухмень. Онъ произошелъ оттого, что когда Сатанаилъ вынесъ землю изъ воды, то вода сверху замерзла. Сатанаилъ пробился, но сильно при этомъ утомился; а

http://rcin.org.pl

ангелъ тѣмъ временемъ ждалъ его надъ моремъ, вырвалъ у него землю и полетѣлъ къ Богу. Сатанаилъ немного отдохнулъ и пустился въ погоню. Видитъ Богъ, что Сатанаилъ вотъ-вотъ нагонитъ ангела, и говоритъ ему: „Махни мечомъ на правую сторону“. Ангелъ махнулъ, и отсѣкъ Сатанаилу правое крыло. Сатанаилъ завертѣлся и *сталъ, какъ вихрь*. И теперь, когда Сатанаилъ начнетъ летать по землѣ, то снимается вихрь. Въ Ушицкомъ уѣздѣ говорятъ, что дьяволъ, прежде чѣмъ обратиться въ вихрь, предварительно переживаетъ нѣсколько стадій развитія: *семь* лѣтъ онъ бываетъ обыкновенною змѣей, другія *семь* лѣтъ—по́лозомъ, а третьи *семь* лѣтъ—змѣемъ съ крыльями, обитающимъ въ скалахъ. Когда у него совершенно отрастутъ крылья, тогда онъ начинаетъ летать по воздуху, избирая для этого время передъ грозой; движеніемъ своихъ крыльевъ онъ производитъ страшный вѣтеръ, ломающій деревья и разрушающій зданія. [1]).

---

[1]) П. Чубинскій, „Труды Этногр.-статист. Экспедиціи въ зап.-русскій край“, т. I, стр. 33—35; сн. М. Драгомановъ, „Малорусскія народныя преданія и разсказы“, стр. 387—388.

http://rcin.org.pl

Украинскія легендарныя сказанія и преданія о землѣ.

Къ *землѣ* украинскій народъ, какъ народъ по преимуществу земледѣльческій, питаетъ глубокое уваженіе, мѣстами (въ Винницкомъ, напр., уѣздѣ) доходящее до обожествленія. Ее называютъ обыкновенно *святою* и *матерью*, такъ какъ изъ нея сотворенъ первый человѣкъ, и она питаетъ всѣхъ людей и животныхъ. Ею клянутся, при чемъ цѣлуютъ ее или съѣдаютъ щепотку земли (Луцкій у.), — и эта клятва считается самою страшною. Бить безъ нужды по землѣ палкою или чѣмъ бы то ни было считается такимъ же великимъ грѣхомъ, какъ бить родную мать: „наша земля—мати Титяне“ (Татьяна), говорятъ въ Старобѣльскомъ уѣздѣ [1]).

На внѣшній видъ земли взгляды существуютъ различные. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ ее представляютъ себѣ въ видѣ *желтка въ яйцѣ*; землю окружаетъ всюду вода подобно тому, какъ въ яйцѣ бѣлокъ окружаетъ желтокъ (Уманск. и Житом. уу.). Она—круглая, а потому конца земли нѣтъ; а такъ какъ земля окружена водой, то съ небомъ она совсѣмъ не сходится. „На краю земли“ находится „Америка“, т. е. Америка, гдѣ люди настолько богаты, что покрываютъ крыши своихъ домовъ серебромъ и золотомъ. *Жиды-купцы*, которые одни только доходятъ „на край земли“, разсказываютъ, что тамъ есть *четыре* моря: Соленое, Синее, Красное и Черное. Изъ нихъ пить воду нельзя, а потому *жиды-купцы*

[1]) В. Ивановъ. „Жизнь и творчество крестьянъ Харьковск. губ.“, т. I, стр. 462.

http://rcin.org.pl

обыкновенно запасаются при своихъ поѣздкахъ „на край земли“ водою на *семь* лѣтъ. Окружена земля водяными облаками (тамъ же).

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ землю представляютъ въ видѣ *круглой купины*, плавающей на водѣ. Земли, на которой мы живемъ, несравненно меньше, чѣмъ воды, собранной на *другой землѣ*, служащей основаніемъ для всего существующаго; небо же составляетъ верхъ нашей земли. У земли есть какъ начало, такъ и конецъ, но никто до нихъ не достигалъ, потому что мы живемъ на самой срединѣ земли. Гдѣ-то очень далеко—такъ далеко, какъ отъ насъ до неба—небо сходится съ водой, на которой плаваетъ земля (Литинск. у.).

Въ Холмской Руси (не вездѣ, впрочемъ) землю представляютъ *полушаріемъ*. Конецъ ея,—до котораго никто, кромѣ *москалей*, никогда не доходилъ и не дойдетъ,—тамъ, гдѣ солнце, спускаясь все ниже и ниже, жжетъ настолько сильно, что люди, точно обожженные, бываютъ совсѣмъ вялы и безжизненны. Тамъ вѣчное лѣто, но, вслѣдствіе непомѣрной жары, ничто не можетъ расти, и люди питаются одною только рыбою, которую собираютъ на берегу моря послѣ того, какъ оно перестанетъ „грать“, уже въ совершенно сваренномъ видѣ.

Въ Грубешовскомъ уѣздѣ землю представляютъ въ видѣ *плоскаго круга*, который держитъ баринъ, сидящій подъ землею на креслѣ.

Чаще же всего землю представляютъ плоскостью, плавающею на водѣ (въ Луцк., Староконст. уу., въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Холмской Руси и пр.). Конецъ ея очень далеко, за морями, куда никто не доходилъ и дойти не можетъ, и гдѣ она соединяется съ небомъ, которымъ прикрывается, какъ крышкой (въ Каневскомъ уѣздѣ—„земля сходится съ небомъ на *концѣ свѣта*, и тамъ бабы, *перучи*, кладутъ вальки на небо“). Плоскостей, подобныхъ нашей землѣ, очень много подъ нами, и всѣ онѣ также населены людьми (Винницк. у.). Внутри земля наполнена жилами, которыми на ея поверхность

http://rcin.org.pl

выходитъ вода (Холмская Русь, Луцкій у.). Въ иныхъ мѣстностяхъ думаютъ, что внутри земли—адъ, огонь неугасаемый, въ *семь* разъ „лютійшій одъ нашого“; въ немъ мучатся грѣшники до Страшнаго суда (Холмская Русь, Каневск. у.). Въ Грубешовскомъ уѣздѣ говорятъ, что въ нѣдрахъ земли, которыя составляютъ *другой свѣтъ*, обитаютъ люди; они насъ, живущихъ на поверхности, считаютъ богами.—По срединѣ земли находится „пу́пець“, или такая дыра, изъ которой вытекаетъ вода и расходится по землѣ жилами; рѣки и моря, а равно и каждый колодецъ, по истеченіи *семи* лѣтъ, снова возвращаются въ этотъ „пу́пець“.

Согласно древнимъ, религіозно-миѳическимъ воззрѣніямъ, общимъ и другимъ славянскимъ племенамъ, а также персамъ, монголамъ и даже американскимъ индѣйцамъ, на Украйнѣ повсемѣстно распространено повѣрье (исключеніе, какъ мы видѣли, составляетъ только Грубешовскій уѣздъ), что земля держится на одной или двухъ *рыбахъ* (*китахъ*). Каждые *семь* лѣтъ рыба то опускается, то поднимается, вслѣдствіе чего годы бываютъ мокрые и сухіе. Когда рыба, держащая землю, переворачивается на другой бокъ (въ Староконст. у.—„встренется“), тогда происходитъ землетрясеніе. Въ Ушицкомъ и Житомірскомъ уѣздахъ говорятъ, что рыба, которая держитъ на себѣ землю, находится въ кольцеобразномъ положеніи, держится зубами за свой хвостъ и стоитъ неподвижно. Землетрясеніе происходитъ тогда, когда она выпускаетъ изъ зубовъ хвостъ. Въ мѣстностяхъ, гдѣ распространено повѣрье, что земля держится на *двухъ* рыбахъ (китахъ), сухіе и мокрые годы объясняются такъ: когда держитъ землю самецъ, то лѣто бываетъ сухое, потому что онъ поднимаетъ землю выше; а когда держитъ самка, то земля понижается, вслѣдствіе чего рѣки и озера выходятъ изъ береговъ, и лѣто бываетъ мокрое (Луцк. у.) [1].

[1] П. Чубинскій, „Труды Этнограф.-статист. Экспед. въ зап.-русскій край“, т. I, стр. 36—39; „Кіевская Старина“ 1890 г., Октябрь, „Культурныя переживанія“ проф. Н. Ѳ. Сумцова, стр 61—62.

http://rcin.org.pl

Что касается различныхъ неровностей на земной поверхности, то, кромѣ объясненія, приведеннаго нами въ очеркахъ о сотвореніи міра и человѣка, существуетъ еще и нѣсколько другихъ. „Когда Богъ творилъ землю, то сначла варилъ ее, потомъ сразу остудилъ; пузыри, которые вздулись при кипѣніи земли, обратились въ *горы*, а промежутки между ними образовали *долины*“ (Староконстант. у.). Относятъ также происхожденіе различныхъ неровностей на земной поверхности и ко времени обитанія уже рода человѣческаго на землѣ. „Когда чортъ очень ужъ возмечталъ о себѣ и началъ дѣлать слишкомъ много зла людямъ, Богъ послалъ на землю архангела Михаила, чтобы онъ унялъ спесь чорта. Завязался между архангеломъ Михаиломъ и чортомъ споръ, перешедшій затѣмъ въ драку. Они возились по всей землѣ, и тамъ, гдѣ архангелъ Михаилъ сильнѣе ударялъ сатаною объ землю, тамъ земля западала глубже, и образовались *долины* и *овраги*; а гдѣ сатана пытался осилить архангела Михаила, тамъ земля выростала, и образовались *горы*“ (Литинск. у.).—Говорятъ также, что *горы*, *долины*, *лѣса* и *курганы* сотворены Богомъ съ тою цѣлью, чтобы было гдѣ прятаться звѣрямъ (Каневск. у.); или—что они произошли отъ потопа, до потопа же земля представляла изъ себя необозримую равнину (Ушицк. и Литинск. уу., Холмская Русь). Въ Винницкомъ уѣздѣ происхожденіе *горъ*, *курановъ*, *пропастей* и *лѣсовъ* объясняютъ такъ: горы насыпаны жившими когда-то страшными великанами; курганы—могилы этихъ великановъ; пропасти—недобрыя мѣста, провалившіяся для того, чтобы хорошій человѣкъ не ступилъ на нихъ ногою; лѣса сотворены Богомъ для обитанія тѣхъ животныхъ, которыя не могутъ ужиться съ человѣкомъ. Въ частности, происхожденіе *курановъ* приписываютъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ какому-то воинству, подъ названіемъ „Бунякъ“, которое прошло всю вселенную и на мѣстахъ своего отдыха дѣлало курганы, насыпая при этомъ землю своими башмаками (Луцк. у.;—очень можетъ быть, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ блѣдными остатками преданій

http://rcin.org.pl

о нашествіи монголовъ на Русь, или о Великомъ переселеніи народовъ); въ другихъ—курганы считаютъ могилами убитыхъ въ очень давнія времена воиновъ (Житом. у.).

Кромѣ разныхъ неровностей на земной поверхности, есть еще „Безо́дня про́пасть", т. е. бездонная пропасть. Это—оврагъ неизмѣримой глубины, въ которомъ живутъ черти. Все, что только попадетъ туда, пропадаетъ на-вѣки безъ всякаго слѣда [1]).

На западѣ (Ушицк. у.), или на югѣ (Житом. у.), или на самомъ юго-западѣ (Винницк. у.), за морями, гдѣ солнце ходитъ близко отъ земли (Луцк. у.), находится свѣтлая теплая сторона —„тепли́чина", *выріи*. Здѣсь никогда не бываетъ зимы, вслѣдствіе близости солнца (въ Винницкомъ у.— когда у насъ зима, въ *выріи* лѣто и наоборотъ). Въ *выріи* есть теплые колодцы, въ которыхъ купаются больные, и получаютъ исцѣленіе отъ своихъ болѣзней. Вездѣ тамъ воды и овраги; жители устраиваютъ гряды, для посѣва различныхъ огородныхъ овощей, шириною не болѣе полулоктя (Ушицк. у.). Такъ какъ въ *выріи* тепло, то сюда на зиму улетаютъ тѣ изъ птицъ, которыя не могутъ переносить нашихъ зимнихъ холодовъ [2]). Раньше всѣхъ птицъ улетаетъ въ *выріи* кукушка (въ Ушицкомъ у. —она не сама летитъ туда, а ее уноситъ на себѣ удодъ) [3]), у которой находятся и ключи отъ него; весной она послѣдняя оттуда улетаетъ. Соя *три* раза въ году (когда расцвѣтаетъ гречиха, когда созрѣваютъ хлѣба, и когда упадетъ снѣгъ) улетаетъ въ *выріи*, но никогда не долетаетъ: пролетитъ день, и ей тотчасъ же хочется узнать, сколько она пролетѣла, для чего соя возвращается назадъ [4]).

[1]) П. Чубинскій, „Труды Этногр.-статист. Экспедиціи въ зап.-русскій край", т. I. стр. 39—40.

[2]) П. Чубинскій, „Труды Этнограф.-статист. Экспедиціи въ зап.-русскій край", т. I, стр. 38—39.

[3]) Тамъ же, стр. 61.

[4]) М. Драгомановъ, „Малорусскія народныя преданія и разсказы", стр. 67; „Кіевская Старина" 1890 г., Апрѣль, „Культурныя переживанія" проф. Н Ѳ. Сумцова, стр. 97.

http://rcin.org.pl

Змѣи ползутъ въ *вырій* по деревьямъ; ужалившія кого-нибудь, въ наказаніе, остаются у насъ и на зиму (Черниговск. губ.) [1]).— *Вырій*, или *ирій*—иначе *рай*. „По преданіямъ чеховъ и хорутанъ, —говоритъ Котляревскій,—онъ былъ жилищемъ солнца—Хорса; оно (жилище) лежитъ за моремъ (воздушнымъ) или среди моря на островѣ (русск. *Буянъ*); сюда отходитъ солнце, окончивъ свое дневное шествіе; здѣсь царствуетъ вѣчное лѣто, цвѣтетъ вѣчная зелень, сюда скрывается зимою вся жизнь природы, и улетаютъ птицы; здѣсь хранятся сѣмена, приносимыя на землю; здѣсь же обитаютъ души предковъ и души людей, еще не рожденныхъ“ [2]) (повѣрье о теплыхъ колодцахъ и лѣченіи въ нихъ больныхъ—позднѣйшая черта, зашедшая въ древнее народное повѣрье). Повѣрье о *вырію*, или *ирію* извѣстно и древнѣйшимъ русскимъ письменнымъ памятникамъ. Такъ, Владиміръ Мономахъ въ извѣстномъ своемъ „Поученіи“ говоритъ: „и сему ся подивуемы, како птицы небесныя изъ *ирья* идутъ, и первѣе наши руци и не ставятся на одиной земли, но и сильныя и худыя по всѣмъ землямъ, Божіимъ повелѣніемъ да наполнятся лѣси и поля“.

Подъ землею живетъ особый народъ—„рахманы“. Они—христіане, но не имѣютъ собственнаго счисленія времени, вслѣдствіе чего не знаютъ сами, когда нужно праздновать Пасху. Чтобы прійти въ этомъ случаѣ на помощь „рахманамъ“, въ Остерскомъ, Литинскомъ и Луцкомъ уѣздахъ существуетъ обычай выбрасывать въ Великую субботу скорлупы яицъ въ рѣку. Скорлупы эти черезъ три съ половиною недѣли, на „*Преполовеніе*“, приплываютъ къ „рахманамъ“, и они тогда только празднуютъ Пасху. Отсюда, въ указанныхъ уѣздахъ праздникъ Преполовенія называется „рахманьскимъ Великоднемъ“ [3]). Въ другихъ мѣстностяхъ „рахманы“

---

[1]) „Кіевская Старина“ 1890 г., Апрѣль, „Культурныя переживанія“ проф. Н. О. Сумцова, стр. 97.

[2]) „О погребальныхъ обрядахъ“, стр. 198; см. А. Аѳанасьевъ, „Поэтическія воззрѣнія славянъ на природу“, т. II, стр. 137—141.

[3]) П. Чубинскій, „Труды Этнограф.-статист. Экспедиціи въ зап.-русскій край“, т. I, стр. 220.

http://rcin.org.pl

навываются „на́вами“ (души усопшихъ), и самый ихъ „Ве-ли́кдень“, радостную вѣсть о которомъ къ нимъ доносятъ брошенныя въ воду на Святой недѣлѣ скорлупы крашеныхъ яицъ, называется „на́вськимъ“, или „русальнимъ“ [1]); въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ *среда*, въ которую приходится „рахманьский Великдень“, называется „правою (праведною) середо́ю“. На „рахма́ньский Великдень“ ломаютъ березовыя вѣтки, приписывая имъ цѣлебное значеніе („править кость“).

Собственно *рахманы* — это „брахманы“, или брамины (индійскіе мудрецы), о счастливой, безмятежной жизни которыхъ на *Макарійскихъ островахъ*, подъ самымъ „востокомъ солнца“, извѣстно суевѣрное сказаніе, занесенное въ рукописные сборники средневѣковой литературы. [2]) Эти же басни занесены и въ старинныя сказанія о походѣ Александра Македонскаго въ Индію [3]).

Книжная русская словесность знакома съ *рахманами*, можно сказать, съ первыхъ же страницъ своихъ. Въ лѣтописи преп. Нестора читаемъ о нихъ: „Глаголетъ Георгій (Амартолъ) въ лѣтописаньи.... законъ же Вактріянъ, глаголеми Врахмане и островницы, еже отъ прадѣдъ наказаньемъ благочестіемъ, мясъ не ядуще, ни вина пьюще, ни блуда творяще, никакоя же злобы творяще, страха ради многа Божія“ [4]). Въ „Хожденіи Зосимы къ Рахманамъ“, которое издано проф. Тихонравовымъ по рукописи XIV в. и по рукописи XVII в. [5]), жизнь *рахмановъ* изображается довольно подробно. Приводимъ „Хожденіе“ это въ краткомъ пересказѣ проф. Н. О. Сумцова [6]). Преп. Зосима 40 дней не вкушалъ

---

[1]) „Маякъ“. VIII, стр. 24; „Русскій Историческій Сборникъ“, III статья Ходаковскаго, стр. 146—147; VII, стр. 370.

[2]) А. Пыпинъ, „Очеркъ литературн. исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ“, стр. 49.

[3]) „Московскій Телеграфъ“, 1832, XI и XXIV.

[4]) „Лѣтопись по Лаврентьевскому списку“, стр. 14.

[5]) „Памятники отреченной литературы“, т. II, стр. 78—92.

[6]) „Кіевская Старина“ 1887 г., Ноябрь, стр. 431—432.

http://rcin.org.pl

ницы и просилъ Бога показать ему страну *блаженныхъ*. Желаніе его было исполнено. Сначала верблюдъ перенесъ его черезъ пустыню; затѣмъ вѣтеръ принесъ къ рѣкѣ, за которой жили блаженные. Перебравшись черезъ рѣку съ помощью громадныхъ деревьевъ, наклонившихъ съ одного берега на другой свои верхушки, преп. Зосима вступилъ въ землю *рахмановъ* и пробылъ среди нихъ семь дней. *Рахманы* днемъ и ночью пребываютъ въ молитвѣ. Они питаются плодами земли и пьютъ сладкую воду, вытекающую изъ-подъ корня одного дерева. Нѣтъ у нихъ ни винограда, ни желѣзныхъ сосудовъ, ни ножей желѣзныхъ, ни домовъ, ни огня, ни золота и серебра, нѣтъ и одежды. Приживъ съ женой двухъ дѣтей, *рахманы* разводятся и живутъ далѣе цѣломудренно. Они спятъ въ пещерахъ на землѣ, устланной древесными листьями. Ангелы сообщаютъ *рахманамъ* о праведныхъ и грѣшныхъ людяхъ на землѣ, сколько кому назначено лѣтъ жизни, и *рахманы* молятся за людей, потому что, какъ сказали они Зосимѣ, „мы отъ вашего рода есьмы“. Въ посту *рахманы* вмѣсто древесныхъ плодовъ питаются манной, спадающей съ неба, и только по этому судятъ о перемѣнѣ времени. „Егда же приближится день Воскресенія Господня, тогда пустятъ древа плоды добровонны и тако разумѣемъ,—сообщили они Зосимѣ,—яко начало лѣта бываетъ; а въ службы мѣсто воскресенія Господня бдѣнія бываютъ у насъ: пребываемъ бдяща три дни и три нощи“. *Рахманы* живутъ отъ 100 до 360 и даже до 1800 лѣтъ. Они знаютъ время своей кончины и умираютъ безъ болѣзни и безъ страха. Ангелы возносятъ души умершихъ *рахмановъ* къ Господу Богу. Душа кланяется Богу и идетъ „на мѣсто покойно“.—*Рахманы* составили описаніе своего блаженнаго житія, передали его Зосимѣ и дружелюбно проводили преподобнаго до рѣки.

Средневѣковыя баснословныя сказанія о *рахманахъ* перешли и въ такія книги, изъ которыхъ наши предки почерпали свои quasi-научныя свѣдѣнія. Такъ, „Книга, глаголемая Космографія“ самымъ серьезнымъ образомъ сообщаетъ о

http://rcin.org.pl

нихъ слѣдующее: „страна—рахманы нагіе—подъ самымъ востокомъ солнца, и царя имѣютъ у собя.... Житіе ихъ таково: одѣваются листвіемъ древянымъ садовымъ и отъ того овощемъ питаются, и жены имѣютъ, а ризъ и скота не имѣютъ, ни градовъ, ни войны не имѣютъ же.... Да тутъ же подъ востокомъ солнца есть мѣсто, гдѣ исходятъ великія четыре рѣки райскія“ [1]).

Проникши въ народъ черезъ посредство древнихъ книжныхъ памятниковъ, басни о рахманахъ, какъ мы видѣли, нѣсколько преломились въ сознаніи народномъ, а мѣстами переплелись съ національными вѣрованіями въ „навовъ“, при чемъ на украинской почвѣ главнымъ образомъ привилась частность о *рахманскомъ* Свѣтломъ праздникѣ.

---

[1]) „Временникъ“, XIV, стр. 8.

http://rcin.org.pl

Украинскія легендарныя сказанія и преданія о водѣ и огнѣ и о началѣ винокуренія.

Къ *водѣ* украинскій народъ также питаетъ глубокое уваженіе, потому что она необходима для существованія всѣхъ живыхъ тварей и къ тому же является могучимъ цѣлительнымъ средствомъ въ различнаго рода болѣзняхъ. Плевать въ воду, а равно засорять ее гдѣ бы то ни было и чѣмъ и какъ бы то ни было—большой грѣхъ, и несоблюдающіе этого наказываются головною болью. Какъ лѣкарственное средство, вода употребляется въ слѣдующихъ случаяхъ: а) если дитя кѣмъ-нибудь или чѣмъ-нибудь перепугано, то надъ его головою льютъ въ воду растопленный воскъ и потомъ эту воду даютъ ребенку пить *три* раза и ею же обмываютъ ему лобъ и грудь; б) если заболѣетъ корова, то обыкновенно говорятъ, что это—„зъ урóчины“, т. е. „съ глазу“—кто-нибудь взглянулъ на нее и позавидовалъ, и больную корову прыскаютъ черезъ рѣшето водою (Холмская Русь); в) водою же коровы окропляются тотъ часъ послѣ отела, при чемъ имъ дается еще и маленькій кусочекъ артоса (Житомірск. у.); г) одержимые накожными болѣзнями стараются искупаться *первыми*—главнымъ образомъ въ Великій четвергъ—и вѣрятъ, что въ такомъ случаѣ они непремѣнно получатъ исцѣленіе (тамъ же). Вода употребляется и при всякомъ почти нашептываніи.

Особенную цѣлительною силу имѣетъ во всѣхъ болѣзняхъ освященная вода—„Святовечірня“, „Іорданьска“ и Срѣтен-

http://rcin.org.pl

ская. Богоявленская вода обязательно хранится въ каждомъ домѣ, и ею такъ дорожатъ (въ Ушицкомъ, напр., уѣздѣ), что никому постороннему не дадутъ, хотя бы просящій умиралъ; пчеловоды окропляютъ этою водою пчелъ, чтобы тѣмъ дать имъ возможность брать медъ съ разныхъ цвѣтовъ *невредимо*.

Кромѣ освященной, очень большую цѣлительную силу имѣютъ—„непочáта вода“ и вода „Элéна“. „Непочáтою водóю“ называется вода, зачерпнутая каждое утро *первою* изъ рѣки, колодца или криницы (еще лучше—изъ *трехъ* криницъ) до восхода солнца; несущій ее, если повстрѣчается съ кѣмъ-нибудь, не долженъ говорить ни одного слова, иначе вода потеряетъ свою цѣлительную силу и не принесетъ употребляющему никакой пользы. Особенно полезно купать въ „непочáтой водѣ“ больныхъ дѣтей (Ушицк., Литинск., Староконст. и Харьк. уу.).—Вода „Элéна“ называется такъ отъ имени своей *изобрѣтательницы*. Ее также нужно зачерпнуть какъ можно раньше утромъ, *первымъ*: зачерпывающій долженъ быть *на-тощакъ*; со встрѣчными, если они случатся, не долженъ говорить ни одного слова. Употребляющій эту воду *непремѣнно* долженъ произнесть слѣдующій *приговоръ*: „Вода Элéно! очищаешъ лугú і берегú,—очúсть мене вúдъ всéго злóго: бóлісти і слáбости“ (Литинск. у.). „Элена“ помогаетъ главнымъ образомъ „отъ пристріту“ (болѣзнь эта проявляется слѣдующими признаками: зѣвотою, топнотою, дрожью и, наконецъ, горячкою) „отъ пiдвiю вúхра“ (болѣзнь эта происходитъ, по народному вѣрованію, оттого, что человѣка *подвѣетъ* вѣтеръ и въ особенности вихрь). „отъ кýрочки“ (куриной слѣпоты) и др.

Вода выходитъ изъ земли „джéрлами“ (источниками), которыя, слившись вмѣстѣ, образуютъ собою *рѣки*, впадающія въ море. „Джерéла“ беруть свое начало изъ морей (въ Холмской Руси—рѣки преимущественно вытекаютъ изъ морей), но вода, проходя черезъ землю, очищается, вслѣдствіе чего она въ рѣкахъ, озерахъ и колодцахъ не горька, какъ въ морѣ. Въ Луцкомъ уѣздѣ полагаютъ, что всѣ рѣки

http://rcin.org.pl

образуются изъ криницъ. Въ Грубешовскомъ уѣздѣ ихъ считаютъ жилами земли, по которымъ течетъ вода, какъ у человѣка кровь; въ ночь на Богоявленіе вода во всѣхъ вмѣстилищахъ обращается на извѣстное время въ вино. Въ высыханіи рѣкъ народъ видитъ вообще наказаніе Божіе и даже знаменіе скораго пришествія антихриста (Ушицк. и Харьк. уу.). Объясняютъ также высыханіе рѣкъ и бездождіемъ на нашей землѣ, тогда какъ въ подземномъ мірѣ въ это время идутъ обильные дожди (Грубеш., Житом. уу., Холмская Русь). Въ Луцкомъ уѣздѣ думаютъ, что рѣки высыхаютъ тогда, когда земля *въ семилѣтній періодъ* поднимается значительно вверхъ.

Озера и *пруды* образовались, по большей части, тамъ, гдѣ совершены кѣмъ-либо большія преступленія и вопіющія беззаконія (Полтавск. губ., Винницк. у.).

Подъ *моремъ* народъ разумѣетъ огромное скопленіе воды, не имѣющее ни дна, ни предѣловъ (въ Винницкомъ уѣздѣ—въ морѣ только мѣстами встрѣчаются „безóдні прірви“). Дно моря состоитъ изъ отверстій, въ которыя просачивается вода и производитъ дождь въ подземномъ мірѣ [1]).

Происхожденіе *огня* въ различныхъ мѣстностяхъ объясняютъ различно. Въ Житомірскомъ уѣздѣ говорятъ, что огонь произошелъ отъ камней и почитаютъ его ангеломъ. Ангеломъ же почитаютъ огонь и въ Грубешовскомъ уѣздѣ, но о происхожденіи его разсказываютъ слѣдующее. Одинъ купецъ прогналъ за какой-то важный проступокъ своего сына отъ себя. Сынъ отправился на кораблѣ въ море. Буря прибила корабль къ необитаемому острову. Сынъ купца, безъ всякой преднамѣренной цѣли, началъ какъ-то тереть „ліщину объ ліщи-

[1]) П. Чубинскій, „Труды Этнограф.-статист. Экспедиціи въ зап.-русскій край“, т. I, стр. 41—43, 40—41.

http://rcin.org.pl

ну",—и отъ тренія получился первый огонь, который потомъ распространился по всей землѣ и вошелъ во всеобщее употребленіе. Въ Подольской губ. существуетъ повѣрье, что огонь выдумалъ дьяволъ въ то время, когда былъ низвергнутъ съ неба и, въ досадѣ, рѣшилъ закурить трубку; не имѣя огня, онъ сказалъ нѣсколько какихъ-то особенныхъ словъ,—и трубка закурилась.

Къ первымъ же временамъ міра относятъ происхожденіе огня и въ Кіевскомъ уѣздѣ, при чемъ открытіе его приписываютъ чорту. Разложилъ однажды чортъ огонь и стережетъ его. Богъ послалъ къ чорту архангела Гавріила и далъ ему желѣзную палку. Пришелъ архангелъ Гавріилъ и вступилъ въ бесѣду съ чортомъ, да незамѣтно при этомъ и засунулъ въ огонь конецъ своей желѣзной палки. Когда воткнутый въ огонь конецъ палки раскалился, архангелъ бросился убѣгать. Чортъ за нимъ, и вотъ-вотъ уже догонитъ. Богъ тогда говоритъ Гавріилу: „Бросай палку!" Архангелъ бросилъ; палка ударилась объ камень, и искры такъ и посыпались кругомъ. Съ тѣхъ поръ люди знаютъ, какъ добывать огонь.

Въ Холмской Руси первое появленіе огня на землѣ относятъ ко времени истребленія Содома и Гоморры; а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Подольской губерніи утверждаютъ, что огонь *изобрѣтенъ* Соломономъ. Отыскалъ однажды Соломонъ два кремня, ударилъ ихъ одинъ о другой,—и появился огонь.

Такимъ же анахронизмомъ въ чисто народномъ пошибѣ отличаются и другія легендарныя сказанія, относящія происхожденіе огня ко временамъ, гораздо болѣе позднимъ. Такова, напр., легенда, записанная въ Луцкомъ уѣздѣ. Когда Господь Богъ ходилъ съ св. Петромъ, то однажды они сильно озябли и не знали, что дѣлать. Вдругъ увидѣли въ лѣсу огонь; подошли къ нему и погрѣлись. Господь Богъ, чтобы взять Себѣ огня на дорогу, воткнулъ въ него желѣзный жезлъ, который и накалился до-красна. Но тутъ—откуда ни возьмись—выскочилъ чортъ и говоритъ: „А зачѣмъ Ты, Боже,

http://rcin.org.pl

крадешь *мой* огонь?" Господь Богъ разгнѣвался и бросилъ было жезлъ въ воду. Но тотчасъ же вынулъ его изъ воды и хотѣлъ ударить чорта. Чортъ быстро уклонился въ сторону, жезлъ ударился объ камень и сломался. „Оттого і стали такъ гартувати залізо", заканчиваетъ легенда [1]).

Легенда, записанная въ Ушицкомъ уѣздѣ, приписывая *изобрѣтеніе* огня чертямъ, связываетъ его съ винокуреніемъ. Когда еще не было такъ много народа, какъ теперь,—говоритъ легенда,—ходилъ однажды по землѣ съ свв. Петромъ и и Павломъ Господь. Приходятъ они въ одно мѣсто и видятъ, что черти поставили себѣ винокурню и курятъ вино. Господь спросилъ ихъ, что они дѣлаютъ. Черти отвѣчали, что гонятъ „мутящу воду",—„Мы и вамъ дали бы напиться, если бы вы перерубили намъ по колодкѣ", добавили при этомъ черти. Господь зажегъ Себѣ палочку и пошелъ съ св. Павломъ, а св. Петръ остался. Черти, увидѣвши, что Господь взялъ огня, стали говорить другъ другу: „Пойди и отними у Него огонь". Когда одинъ чортъ началъ было отнимать у Господа зажженную палочку, Господь ударилъ ею объ камень, и оттого мы теперь изъ камня добываемъ себѣ огонь. Послѣ того Господь съ св. Павломъ пошелъ дальше, а св. Петръ остался рубить колодку и *три* раза требовалъ, чтобы черти дали ему напиться. Когда онъ выпилъ „мутящої води" одну „чубару", а затѣмъ и другую, то не захотѣлъ рубить больше. Черти сорвали съ него „шату" (верхнюю одежду). Между тѣмъ, Господь осмотрѣлся и, увидѣвши, что съ Нимъ нѣтъ св. Петра, сказалъ Павлу: „Подождемъ его или вернемся обратно, не то онъ непремѣнно натворитъ какихъ-нибудь бѣдъ". Вдругъ идетъ Петръ—и уже безъ верхняго платья. Господь спрашиваетъ его: „Гдѣ же твое платье?" Св. Петръ сознался, что „шату" сняли съ него черти за то, что онъ не захотѣлъ, выпивши „мутящої води", рубить колодку. Господь сказалъ ему

[1]) П. Чубинскій, „Труды Этнограф.-статист. Экспед. въ зап.-русскій край", т. I, стр. 46, 45.

http://rcin.org.pl

на это: „Пойдемъ и отберемъ *шату*, потому что безъ нея ходить неприлично“. Когда они вернулись къ винокурнѣ, и Господь сказалъ, чтобы черти отдали „шату“, они потребовали, чтобы св. Петръ рубилъ колодку.—„Рубить онъ не будетъ,—сказалъ Господь,—а вмѣсто того Я дарю вамъ ту душу, которая умретъ отъ вашей *мутящої води*“. Черти вернули „шату“, но не знали, какъ назвать „мутящую воду“. Былъ среди нихъ бѣсъ, по имени *Кай*, который такъ напился „мутящої води“, что она въ немъ воспламенилась, и онъ сгорѣлъ. Черти въ ужасѣ начали бѣгать и кричать: „Згорівъ Кай! згорівъ Кай!“ Оттого и произошло слово „горівка“, или „горілка“ — украинское названіе водки [1]).

Чтобы не возвращаться болѣе къ затронутому въ только-что приведенной легендѣ вопросу объ изобрѣтеніи водки, приведемъ здѣсь ужъ кстати и еще *двѣ* легенды о томъ же предметѣ. *Первая* изъ нихъ записана въ Черниговской губерніи.

Дѣло было еще не за нашей памяти. Жили себѣ люди тихо да поживали, проклятой водки этой совсѣмъ не знали. Сталъ дьяволъ думать да придумывать, что́ бы такое сдѣлать людямъ; наконецъ-таки, придумалъ.

—Подожди,—говоритъ,—я имъ изъ „нéхворощу“ (различается четыре вида „нéхвороща: а) полúнець“—Artemisia austriaca; б) Artemisia campestris; в) „вінúчки“, „полéва нéхворощь“—Artemisia Scoparia Waldst et Kit; г) „чернóбиль“—Artemisia vulgaris L). такое питье сварю, что кто выпьетъ его—одурѣетъ и натворитъ всевозможныхъ бѣдъ, чѣмъ и будетъ потѣшать меня. И началъ онъ варить то питье. Огонь разложилъ такой громадный, что все небо заволокло дымомъ, который дошелъ даже до Самого Бога.—„Не слышите ли вы дыму?“—спрашиваетъ Богъ.—„Слышимъ,—отвѣчаютъ святые,—да не знаемъ, откуда онъ идетъ“.—„Петръ!—говоритъ Богъ:—пойди, посмотри, что́ тамъ такое творится“.—Набросилъ Петръ на

[1]) П. Чубинскій, „Труды Этнограф.-статист. Экспед. въ зап.-русскій край“, т. I, стр. 43—44.

http://rcin.org.pl

сдбя „хламйду“ и пошелъ. Приходитъ къ нечистому, спрашиваетъ: „Что это ты дѣлаешь?“—„Да варю людямъ питье,—говоритъ:—пусть пьютъ себѣ,—меньше будутъ воду пить“. —„Вишь, какой ты добрый! Что-жъ, оно—хорошее?“.—„А вотъ попробуй“.—„Дай“. Далъ ему дьяволъ, а Петръ какъ выпилъ,—человѣкъ онъ непьющій,—такъ и съ мѣста не сошелъ, тутъ же и упалъ. Дьяволъ, между тѣмъ, продолжаетъ себѣ курить. Отъ людей круглый день отбою нѣтъ: каждый хочетъ наперерывъ достать того питья. А на небѣ дымъ прямо-таки въ носахъ всѣмъ крутитъ, очи выѣдаетъ.—„Что это такое? Пойди ты, Павелъ, да пошли сюда Петра: что онъ тамъ дѣлаетъ!“—сказалъ Богъ. Набросилъ на себя „хламйду“ Павелъ, приходитъ къ нечистому—„Чего это Петръ тутъ лежитъ?“—спрашиваетъ.—„Спитъ: утомился очень“. —„А ты что дѣлаешь?“—„Да людямъ питье варю“.—„Что же это за питье?“—„Попробуйте; вонъ видите—люди чуть не дерутся изъ-за него“.—„А ну, давай попробовать“. Дьяволъ далъ. Павелъ попробовалъ, ступилъ потомъ шага два. упалъ, да тутъ же и растянулся. А на небѣ—смотрѣть нѣтъ возможности отъ дыму! Вотъ Богъ обращается къ Юрію: „Иди-ка ты, *козаче, та задай тимъ обимъ доброго прочухана*. Да какой тамъ чортъ дымитъ? Вели, чтобы тотчасъ же переставъ, а то Я Самъ какъ встану, то такъ за вихры оттаскаю, что долго будетъ затылокъ почесывать!“ Юрій „розлютовався“, схватилъ копье и громадную саблю и вмигъ очутился подлѣ нечистаго.—„Что это ты дѣлаешь?—спрашиваетъ:—давно тебя, видно, за вихры драли да *вйспятками* съ неба гнали! забылъ? такъ я тебѣ напомню! Что, ты насъ на ветчину прокурить хочешь—что ли?“ Нечистый перетрусилъ.—„А это—чего тутъ растянулись?“ И тотчасъ—толкъ Павла подъ бокъ. Павелъ подхватился. Юрій давай тогда расталкивать Петра. Поднялся и Петръ, который лежалъ такъ близко подлѣ огня, что у него *прогорѣла* пола. Поглядѣлъ Петръ на *прогорѣвшую* полу да и говоритъ: „Будь же ты,

http://rcin.org.pl

проклятое питье *горілкою*!“ Тутъ Юрій сталъ разспрашивать, что́ съ ними такое приключилось. Петръ и Павелъ разсказали ему и тотчасъ же принялись втроемъ за нечистаго. Повалили его, какъ сноп, на землю. Юрій то копьемъ его пронзитъ, то саблюкою потяиетъ „вздовжъ“; а Петръ и Павелъ и „вйспятками“ и кулаками ему поддаютъ. Съ нечистаго только щетина сыпалась, и шкура на немъ совсѣмъ потрескалась. Натѣшившись вдоволь надъ нечистымъ, потушили они огонь и отправились „во-своясі“. Долго послѣ того лежалъ нечистый на одномъ мѣстѣ безъ дыханья; а надъ вечеръ поползъ на четверенькахъ къ себѣ „въ запічокъ“ и тамъ все кряхтѣлъ, охалъ и стоналъ.—Такъ-то обошлась нечистому его „вйдумка“! Недешево досталась она и людямъ. Долго они судили-рядили, какъ это можно сварить изъ „нехворощу“ такое славное питье—„горілочку“. Изъ „нехворощу“-то сварить-не сварили, а вотъ изъ хлѣба святого додумались-таки. И нечистаго не нужно: почище его умудрились. А ему только и нужно было—подвести человѣка [1]).

Вторая легенда записана въ Литинскомъ уѣздѣ.

Во время земной жизни Спасителя одинъ чортъ, начальствующій надъ другими чертями, жилъ себѣ въ небольшомъ домикѣ и—отъ нечего дѣлать—вздумалъ курить водку изъ *дивъ-дерева* („дурманъ“, „дурнопьянъ„—Datura Stramonium L). Разъ зашелъ къ нему Спаситель съ свв. Петромъ и Павломъ, и чортъ, желая оказать имъ честь, сталъ угощать странниковъ изобрѣтенною имъ водкою. Спаситель отказался, но свв. Петръ и Павелъ выпили по рюмкѣ. Послѣ первой рюмки св. Павелъ захотѣлъ выпить и еще и, обращаясь къ чорту, сказалъ: *„Га, добра твоя горілка!* давай-ка выпьемъ еще“. Чортъ далъ вторую рюмку, выпивши которую, Павелъ потребовалъ еще и третью. Наконецъ, Спаситель сталъ прощаться съ чортомъ. Послѣдній въ это время схватилъ съ св.

---

[1]) М. Драгомановъ, „Малорусскія народныя преданія и разсказы“, стр 17—18.

http://rcin.org.pl

Павла шапку и сказалъ: „Первая чарка—на пріѣздѣ, вторая—на выѣздѣ, за третью—заплати!“ Случилось, что ни у Спасителя, ни у св. Павла, ни у св. Петра не оказалось денегъ. Тогда Спаситель сказалъ чорту: „Постой, отдай шапку, а тебѣ будетъ такая *заплата*: души тѣхъ людей, которые умрутъ отъ водки, будутъ твоими“. Чортъ согласился на это и отдалъ шапку св. Павлу. Съ тѣхъ поръ чортъ постоянно проживаетъ въ корчмахъ, гдѣ и подстрекаетъ людей опиваться водкой до смерти, такъ какъ въ этомъ—его прямая прибыль [1]).

Олицетворяютъ на Украйнѣ огонь обыкновенно въ образѣ мстительнаго человѣка, вслѣдствіе чего всѣ относятся къ нему съ почтеніемъ. Такъ, плевать на огонь грѣхъ, и если плюнетъ кто на него, такой человѣкъ на томъ свѣтѣ будетъ въ наказаніе лизать раскаленную сковороду. Хозяйки должны заметать его особымъ чистымъ вѣникомъ, крестить и всякій разъ непремѣнно ставить при немъ горшокъ съ водою и класть полѣно—для того, чтобы ему всегда было что ѣсть и пить [2]).

Огонь употребляется въ слѣдующихъ нарочитыхъ случаяхъ: 1) при освященіи воды въ праздникъ Богоявленія, для чего стрѣляютъ въ моментъ погруженія священникомъ креста въ воду изъ ружей и вылетающую послѣ выстрѣла изъ дула дымящуюся паклю хватаютъ и хранятъ, какъ святыню; если же не стрѣляютъ, то отъ горящихъ „на Іордани“ свѣчей зажигаютъ тряпки, которыя затѣмъ приносятъ домой и выжигаютъ ими кресты на всѣхъ четырехъ сторонахъ избы, а также выжигаютъ этими тряпками крестообразно волосы на

[1]) П. Чубинскій, „Труды Этнограф.-статист. Экспедиціи въ зап.-русскій край“, т. I, стр. 109.

[2]) „Этнографическое Обозрѣніе“ 1892 г., XVI, стр. 160; П. Чубинскій, „Труды Этногр.-статист. Экспедиціи въ зап.-русскій край“, т. I, стр. 44—45.

http://rcin.org.pl

головѣ у дѣтей, чтобы послѣднія ничего не боялись. 2) Огнемъ сожигаютъ такъ называемаго „дідуха“—солому, которую подстилаютъ подъ кутью и взваръ наканунѣ Рождества Христова; выносятъ же изъ избъ и сожигаютъ рано утромъ на второй день праздника, чтобы не топтали ногами соломы, „на которой лежалъ Христосъ“ (Ушицк. у.;—соломой этой также перевязываютъ деревья, чтобы они приносили много плодовъ) [1]).

Блуждающіе огоньки на кладбищахъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ считаютъ частью адскаго огня и вѣрятъ, что такіе огоньки горятъ на могилахъ только особенно тяжкихъ грѣшниковъ, которыхъ Богъ наказываетъ адомъ еще до Страшнаго суда (Литинск. у.). Въ другихъ мѣстностяхъ происхожденіе ихъ объясняютъ тѣмъ, что на кладбищахъ всегда обыкновенно водится всякая чертовщина, особенно же *упыри*, о которыхъ рѣчь будетъ ниже, и которые стараются дѣлать людямъ вредъ и пугать ихъ (Ушицк. у.). Считаютъ ихъ также свѣтомъ, который зажигаютъ ангелы на могилахъ праведниковъ (тамъ же); или вышедшими изъ могилъ душами, зажегшими тѣ свѣчи, которыя несли провожавшіе при ихъ погребеніи (Холмск. Русь). Но болѣе распространено повѣрье, что огоньки на кладбищахъ, могилахъ, болотахъ и другихъ мѣстахъ—не что иное, какъ выходящіе изъ земли на верхъ для просушки клады (или—чортъ просушиваетъ зарытые въ землѣ клады). Видѣть огоньки можетъ одинъ только счастливецъ. Чтобы добыть потомъ этотъ кладъ, увидѣвшій огонекъ долженъ бросить въ него что-нибудь изъ своей одежды или обуви. Какъ только онъ это сдѣлаетъ, кладъ тотчасъ же войдетъ въ землю—но лишь на такую глубину, въ какомъ разстояніи отъ земли находилась на человѣкѣ брошенная вещь: если, напр., брошена шапка, то кладъ войдетъ въ землю на глубину роста бросившаго ее и т. д. Затѣмъ,

[1]) П. Чубинскій, „Труды Этнограф.-статист. Экспедиціи въ зап.-русскій. край“, т. I, стр. 44.

http://rcin.org.pl

нужно копать, и кладъ будетъ вырытъ непремѣнно. Но въ настоящее время такихъ счастливцевъ уже нѣтъ на свѣтѣ (Луцк. у., Холмская и Южная Русь).— Впрочемъ, *огоньки на болотахъ* считаютъ также дьяволомъ, заманивающимъ туда неопытныхъ прохожихъ и проѣзжихъ (Литинск. у.); или указаніемъ на мѣсто жительства чертей (Ушицк. у.). *Огоньки*, появляющіеся *на курганѣ*, служатъ несомнѣннымъ доказательствомъ, что тамъ зарытъ колдуинъ (тамъ же) [1].

[1]) П. Чубинскій, „Труды Этнограф.-статист. Экспедиціи въ зап.-русскій край", т. I, стр. 46—47.

http://rcin.org.pl

Украинскія космогоническія сказанія и преданія о различныхъ травахъ, цвѣтахъ, хлѣбныхъ злакахъ и огородныхъ растеніяхъ.

Украинская народная ботаника, окруженная яркимъ поэтическимъ и религіозно-миѳическимъ ореоломъ, долго и, къ сожалѣнію, напрасно ждала своего спеціальнаго и авторитетнаго изслѣдователя. Между тѣмъ, время уходило, этнографическіе матеріалы собирались въ общемъ довольно вяло, легендарныя сказанія о различныхъ растеніяхъ мало-по-малу забывались самимъ народомъ, вытѣсняемыя научными данными естествознанія,—и—думаемъ—допущенный въ свое время спеціалистами-изслѣдователями пробѣлъ такъ и останется уже незаполненнымъ, потому что упущенъ благопріятный моментъ, котораго теперь не вернуть болѣе. Такія названія разныхъ растеній, какъ „Адáмове“, или „Чóртове ребрó“ (Thysellinum palustre L. Valeriana dubia Bung.), „Адáмова голова“ (Eryngium campestre L.) „Богорóдишна коса“ (Astragalus Cicer L.), „Богомáтерина коса“ (Hypericum humifusum L.) „Бóжа рýчка“ (Primula officinalis L.) „Бóжа благодáть“ (Gratiola officinalis L.), „Бородá чóртова“ (Vincetoxicum officinale L.), „Дівóча кровъ“ (Amygdalus nana L.), „Івáспкъ“ (Trifolium mantanum L., Trifolium pratense L.), „Миколáйці“ (Neottia Nidus avis L.), „Миколáйчики“ (Eryngium prlanum L.), „Петрівъ хрестъ“ (Lathraea squamaria L.), „Петрóва закýска“ (Achyrophorus maculatus Scop., Hypochaeris radiata L.), „Рýчка Бóжої Мáтері“ (Anastalica hierochuntica L.), „Черевúчки

http://rcin.org.pl

Бо́жої Ма́тері“ (Impatiens noli tangere L.), „Чоловічий вікъ“ (Hemerocallis fulva L.). „Чо́ртівъ хлібъ“ (Nonnea pulla Dec.). „Чо́ртова весе́лка“ (Phallus caninus L.), „Чо́ртова ви́шня“ (Prunus Chamaecerasus jacq.). „Бісове ребро́“ (Valeriana officinalis L.), „Чо́ртове яйцо́“ (Phallus impudicus) и мн. др.,— слишкомъ много говорившія когда-то народному чувству и воображенію, для насъ въ настоящее время остаются только живыми свидѣтелями того, что съ растеніями этими связанъ былъ цѣлый циклъ возникшихъ главнымъ образомъ на апокрифической основѣ народно-поэтическихъ сказаній, которыя, по всей вѣроятности, для науки погибли уже безвозвратно. Въ настоящемъ очеркѣ мы подберемъ только, такъ сказать, крупицы того, что случайно уцѣлѣло въ записяхъ тѣхъ или иныхъ украинскихъ этнографовъ, или въ журнальныхъ „извѣстіяхъ и замѣткахъ“ этнографическаго характера.

Полезныя травы, хлѣбные злаки, огородныя растенія и цвѣты насадилъ, по народнымъ вѣрованіямъ, Господь, а „колючки, реньяхи́, бурьянъ и усі гіркі и вонючі трави і цвіткі садивъ лукавий, щобъ лю́де коло́лись ни́ми, чхали одъ іхъ, лаялись і грішили“ [1]). При этомъ, происхожденіе нѣкоторыхъ изъ нихъ окружено часто то юмористическими, то глубоко-трогательными, то высоко-поэтическими легендами; другія народъ надѣлилъ необыкновенными свойствами. Особенно много суевѣрій соединяется съ *па́поротью*, или *папоротникомъ* (Aspidium Filixmas L). Одинъ разъ въ году, по народному повѣрью, въ ночь подъ Ивана Купала (23 іюня), папоротникъ цвѣтетъ маленькими, какъ на крапивѣ, цвѣточками, которые горятъ, какъ огонь. Кому удастся раздобыть цвѣтокъ папоротника, для того нѣтъ ничего невозможнаго: онъ будетъ знать, гдѣ находятся клады въ землѣ, и будетъ доставать ихъ безъ труда; ему будутъ отпираться сами всѣ замки безъ ключа, при одномъ только прикосновеніи рукою;

[1]) В. Ивановъ, „Жизнь и творчество крестьянъ Харьк. губ.“, т. I, стр. 19.

http://rcin.org.pl

онъ можетъ влюбить въ себя всякую дѣвушку и т. д. [1]) Раздобыть цвѣтокъ папоротника очень трудно, такъ какъ онъ цвѣтетъ всего только одинъ мигъ и зорко охраняется отъ людей чертями. Къ замѣченному заблаговременно кусту папоротника смѣльчакъ отправляется съ вечера. Разостлавши около растенія освященную 12 разъ скатерть (въ которой или на которой 12 разъ освящалась пасха въ Свѣтлый праздникъ), онъ очерчиваетъ около себя кругъ столько же разъ освященнымъ ножомъ, окропляетъ послѣдній освященною водою и затѣмъ начинаетъ молиться. Послѣ *девяти* часовъ черти пробуютъ всевозможныя средства, чтобы испугать смѣльчака: ползутъ на него ужами, набрасываются звѣрями, оглушаютъ свистомъ и ревомъ, кидаютъ камнями, деревьями, стрѣляютъ и т. д. Стерегущему цвѣтъ папоротника совѣтуютъ не бояться ничего этого и не оглядываться, потому что черти имѣютъ силу только до круга, очерченнаго освященнымъ ножомъ. Въ *двѣнадцать* часовъ папоротникъ расцвѣтаетъ, и въ тотъ же мигъ цвѣтокъ слетаетъ на разостланную скатерть, которую нужно быстро свернуть и спрятать за пазуху, а еще лучше—сдѣлавши разрѣзъ въ кожѣ лѣвой руки, спрятать цвѣтокъ туда и затѣмъ бѣжать не оглядываясь и не останавливаясь, не взирая ни на какіе ужасы [1]). Ужасы, сопровождающіе процедуру добыванія цвѣтка, бываютъ настолько велики, что ихъ обыкновенно никто не выдерживаетъ, и обладателемъ чуднаго талисмана можно сдѣлаться развѣ только какъ-нибудь совершенно случайно, при чемъ черти въ концѣ концовъ все же умудрятся отобрать его себѣ. Изъ болѣе характерныхъ разсказовъ на этотъ счетъ приведемъ здѣсь *три* слѣдующихъ небольшихъ.

Одинъ человѣкъ наканунѣ Ивана Купала пасъ скотъ въ лѣсу, потерялъ его и затѣмъ сталъ искать. Случайно

---

[1]) Тамъ же.

[2]). П. Чубинскій, „Труды Этногр.-статист. Экспедиціи въ зап.-русскій край", т. I, стр. 77—79.

http://rcin.org.pl

упалъ ему въ лапоть цвѣтокъ папоротника. Онъ сейчасъ же узналъ, гдѣ скотъ, разыскалъ его и пригналъ домой. Кромѣ того, ему вдругъ стало извѣстно, гдѣ зарыты въ землѣ разныя сокровища.—„Давай заступъ,—сказалъ онъ женѣ:—пойду откапывать деньги".—„Возьми же другія портянки,—говоритъ жена,—потому что эти мокрыя". Мужъ началъ переодѣваться—и въ ту же минуту забылъ все (а по другому варіанту—сдѣлался еще глупѣе, чѣмъ былъ раньше), такъ какъ во время переобуванья цвѣтокъ выпалъ [1]).

Одному мальчику, отыскивавшему въ лѣсу утерянныхъ воловъ, упалъ самъ собою цвѣтокъ „папороті" въ „черевйкъ" (родъ башмака), послѣ чего онъ сейчасъ же узналъ, гдѣ его волы, и „занявъ" ихъ. Смотритъ—ѣдетъ на тройкѣ панъ. Поровнявшись съ мальчикомъ, панъ остановился и говоритъ: „Промѣняй мнѣ, мальчикъ, свои *черевйки* на моихъ лошадей!" Мальчикъ согласился, снялъ „черевйки", отдалъ ихъ пану, а себѣ взялъ тройку лошадей. Сѣлъ въ тарантасъ, взялъ возжи въ руки и хотѣлъ было ѣхать, когда глядитъ—а у него въ рукахъ лыко, привязанное къ тремъ палочкамъ, и больше никого и ничего нѣтъ [2]).

Другому мальчику-пастуху, при совершенно аналогичной обстановкѣ, явился чортъ въ образѣ купца и предлагалъ большія деньги за „черевйки". Мальчикъ, какъ ни прельщался блескомъ золота, все же, изъ боязни родителей, на согласился на предложенную купцомъ сдѣлку. По пути домой онъ подошелъ къ рѣчкѣ, гдѣ увидѣлъ много своихъ товарищей; одни изъ нихъ купались, а другіе, завидѣвши его издали, сидѣли въ ожиданіи и предложили понлавать вмѣстѣ. Мальчикъ наскоро размоталъ „волоки" (оборы), сбросилъ въ сторону „черевйки" и уже хотѣлъ было лѣзть въ воду, какъ

---

[1]) П. Чубинскій, „Труды Этногр.-статист. Экспедиціи въ зап.-русскій край", т. I, стр. 78.

[2]) В. Ивановъ, „Жизнь и творч крестьянъ Харьковск. губ.", т. I, стр. 239.

http://rcin.org.pl

вдругъ смотритъ—никакихъ товарищей подлѣ рѣки нѣтъ совсѣмъ. Онъ сильно испугался, быстро одѣлся и пошелъ домой, —но при этомъ забылъ все, что ему открылось, пока у него былъ въ „черевйкові“ цвѣтокъ папоротника, который былъ унесенъ его мнимыми товарищами [1]).

Такую же чудесную силу, какъ цвѣтокъ папоротника, имѣетъ цвѣтокъ „бу́льби“, „земляно́і гру́ші“ (Helianthus tuberosus L.), которая также цвѣтетъ въ ночь наканунѣ Ивана Купала [2]), а равно трава „розри́въ“, „черевйчки Бо́жої Ма́тері“ („нетронь-меня“—Impatiens noli tangere L.), заложенная въ разрѣзъ ладони и заросшая тамъ [3]), трава „ти́рличъ“ (Gentiana Amarella L.) и цвѣтокъ „то́я“, „боре́цъ“ (Aconitum Napellus L.). Относительно „ти́рлича“ и „то́і“ существуютъ слѣдующіе разсказы. Въ одну дѣвушку былъ влюбленъ чортъ. Долго ходилъ онъ къ ней въ образѣ парня на-домъ и, наконецъ, порѣшилъ взять ее къ себѣ. Мать, приготовляя дочь къ отъѣзду, убрала голову ея цвѣтами „ти́рлича“ и „то́і“. Когда пришелъ чортъ, то никакъ не могъ приступить къ ней и сталъ просить сбросить съ себя цвѣты. Дѣвушка, не понимая, чего отъ нея требуютъ, начала сбрасывать съ себя одну за другою всѣ бывшія на ней вещи и такимъ образомъ дотянула, пока запѣли пѣтухи. Тогда чортъ сказалъ: „Если бы не *ти́рличъ* да не *то́я*, была бы *дівчина мо́я*“—и въ одинъ мигъ исчезъ.—Другая дѣвушка украсила свою голову цвѣтами „то́і“ и пошла въ лѣсъ прогуляться. Тамъ встрѣтился съ нею чортъ въ образѣ молодого и красиваго парня и завелъ любовный разговоръ, при чемъ все упрашивалъ: „Скинь, дівко, то́ю, бу́дешъ мое́ю“. Въ порывѣ волновавшихъ ее сердечныхъ чувствъ, дѣвушка исполнила домогательство мнимаго парня,—и чортъ тотчасъ же овладѣлъ ею [4]).

[1]) Тамъ же, стр. 422.

[2]) Тамъ же, стр. 318.

[3]) В. Ивановъ, „Жизнь и творч. крестьянъ Харьковск. губ.“, т. I, стр. 319.

[4]) П. Чубинскій, „Труды Этнограф.-статист. Экспедиціи въ зап.-русскій край“, т. I, стр. 80;

http://rcin.org.pl

Сокомъ „тúрлича“ вѣдьмы смазываютъ себя подъ пахами, когда собираются летѣть на шабашъ [1]). Отваромъ его умываются дѣвушки, чтобы скорѣе выйти замужъ. Сколько дѣвушка весной отыщетъ кустовъ „тúрлича“, столько будетъ она имѣть жениховъ [2]).

Такъ какъ „тúрлича“ и „тói“ боится нечистая сила, то растенія эти освящаютъ въ церкви и кладутъ въ колыбели маленькихъ дѣтей [3]).

Нужно, впрочемъ, замѣтить, что Купальская ночь сообщаетъ и всей вообще травѣ особую силу. Въ Старобѣльскомъ уѣздѣ говорятъ, что если въ полночь подъ Ивана Купала накосить травы, держа косу „навпакú“ (обратной стороной), сложить въ кучу въ сохранное мѣсто, гдѣ бы никто ея не трогалъ, и на Крещеніе, когда выстрѣлятъ первый разъ изъ ружья, разрыть эту кучу, то подъ нею окажется масса чертей, которые станутъ просить хозяина не разрывать кучки, за что дадутъ ему денегъ и всего, чего только онъ ни попроситъ [4]).

Относительно „чорнóбиля“, или „чорнобúльника“ (нéхворощь“—Artemisia vulgaris L.) въ Стародубскомъ уѣздѣ разсказываютъ слѣдующее. Подлѣ одного села былъ большой лѣсъ. Въ этотъ лѣсъ разъ „на Здвúги“ (на Воздвиженье) пошла дѣвочка за грибами. Долго ходила она по лѣсу и все не находила грибовъ. Но вотъ дѣвочка замѣтила, что въ одну сторону движется масса свившихся между собою гадюкъ. На обратномъ пути домой дѣвочка вдругъ упала въ глубокую, темную яму. Вскорѣ она увидѣла въ ямѣ свѣтящійся камень и страшную массу всевозможнаго рода змѣй; между

---

[1]) „Записки Юго-зап. Отдѣла Императ. Русск. Географ. Общества“ 1873 г., т. I, стр. 124.

[2]) П. Чубинскій, „Труды Этногр.-статист. Экспедиціи въ зап.-русскій край“, т. I, стр. 80.

[3]) Тамъ же.

[4]) В. Ивановъ, „Жизнь и творчество крестьянъ Харьковск. губ.“, т. I, стр. 299.

http://rcin.org.pl

ними была *змья-царица*—больше другихъ и съ золотыми рожками, которой повиновались всѣ остальныя змѣи [1]). Змѣи эти ничего не ѣли; когда же ихъ начиналъ томить голодъ, онѣ подползали одна за другою къ свѣтящемуся камню и лизали—сначала *царица*, а потомъ и прочія. Захотѣлось ѣсть дѣвочкѣ—она тоже лизнула камень, и голодъ тотчасъ же прошелъ. Такъ дѣвочка просидѣла въ ямѣ до самой весны, когда пришло время змѣямъ расползаться. Змѣи, по приказанію *царицы*, переплелись въ видѣ лѣстницы, по которой и вышли на свѣтъ—сначала дѣвочка, а за нею *царица*. Когда дѣвочка выходила на свѣтъ, то *царица* сказала ей: „Ну, теперь ты будешь понимать разговоръ всѣхъ травъ,—каждая изъ нихъ будетъ говорить одна другой, какія болѣзни онѣ излѣчиваютъ, и вообще какую пользу можетъ каждая изъ нихъ приносить человѣку; только не говори *чорнобиль*, а если скажешь это слово, то все забудешь". Дѣвочка очень обрадовалась, когда, наконецъ, вышла изъ ямы. Возвращаясь домой, она слышала весь разговоръ деревьевъ и травъ. Вдругъ дѣвочка слышитъ, что кто-то бѣжитъ за нею и спрашиваетъ, какая трава на межахъ растетъ съ *черными былья-ми*? Дѣвочка, недолго думая, сказала: „Чорнобиль!" Какъ только сказала она это слово, тотчасъ же забыла все, что́ слышала отъ травъ и деревьевъ, а „чорнобиль", вслѣдствіе этого, называется еще *забудкою* [2]).

Очеретъ (Phragmites vulgaris Frin.) хотя насаженъ Богомъ, но имъ завладѣли черти, и „очеретъ" служитъ ихъ обиталищемъ. Однажды чортъ, встрѣтивши Спасителя,—говоритъ легенда, записанная въ Литинскомъ уѣздѣ,—сталъ просить Господа отдать въ его распоряженіе гречиху и овесъ—на томъ основаніи, что онъ помогалъ Богу творить міръ, а между тѣмъ

[1]) О зимовьѣ змѣй и объ ихъ *царицѣ* съ золотыми рожками будетъ сказано подробнѣе нѣсколько ниже.

[2]) „Записки Юго-зап. Отдѣла Императ. Русск. Географ. Общества" 1873 г., т. I, стр. 112—113.

http://rcin.org.pl

у него нѣтъ ничего собственнаго. Спаситель сказалъ: „Пусть будетъ такъ, пусть отнынѣ овесъ и гречиха принадлежатъ тебѣ“. Чортъ такъ обрадовался, что забылъ даже поблагодарить Спасителя, и побѣжалъ отъ Него подпрыгивая. На дорогѣ попался ему волкъ, который, увидѣвши необыкновенную радость чорта, закричалъ: „А ты чего такъ скачешь?“ Чортъ страшно испугался неожиданнаго появленія волка, совершенно позабылъ, съ перепугу, какъ называются подаренные ему Богомъ злаки, и вмѣсто того, чтобы отвѣтить: „Богъ подарилъ мнѣ гречиху и овесъ“, второпяхъ сказалъ: „Оттого, что Богъ подарилъ мнѣ *очере́тъ* и *осе́тъ*!“ Говорятъ, будто чортъ и по сію пору никакъ ни можетъ вспомнить, что́ именно подарилъ ему тогда Спаситель, вслѣдствіе чего черти только и владѣютъ *очере́томъ* и *осо́томъ* [1]).

Что касается ядовитыхъ и сорныхъ травъ, то существуютъ особыя легенды о происхожденіи слѣдующихъ изъ нихъ: *бе́ха*, *осо́та*, *ку́коля* и *крапивы*.

О происхожденіи *бе́ха* (*віха́*, *вомига*—Cicuta virosa L.) разсказываютъ, что одинъ разъ чортъ чѣмъ-то провинился передъ казакомъ *Са́вкою* (уменьшительное отъ *Александръ*; кто́ былъ этотъ казакъ, неизвѣстно). Са́вка, въ наказаніе, посадилъ его въ камышъ, что́ около *ставка́* (мѣстность, гдѣ записана легенда, къ сожалѣнію, не датирована), привязалъ его къ нію вверхъ ногами и говоритъ: „Вотъ тебѣ, сатана: будешь сидѣть здѣсь въ такомъ положеніи, пока не выслужишься передо мною чѣмъ-нибудь важнымъ!“ Просился, просился лукавый,—*Са́вка* и слушать не хочетъ: „Сиди, сатана,—говоритъ,—да и только!“ Когда стало смеркаться, вдругъ нашла страшная сила ляховъ. Походили они кругомъ, поглядѣли, „да і давай по-сво́ему гуляти“. Вотъ передъ разсвѣтомъ, послѣ того какъ пропѣли вторые пѣтухи, чортъ, который былъ привязанъ въ камышѣ, позвалъ къ себѣ дру-

[1]) П. Чубинскій, „Труды Этногр.-статист. Экспедиціи въ зап.-русскій край“, т. I, стр. 79.

http://rcin.org.pl

гого чорта и посылаетъ его къ Са́вкѣ: „Скажи,—говоритъ,—ему, что я могу сдѣлать *до́бре ді́ло*“. Пошелъ тотъ за Са́вкою. Приходитъ Са́вка, чортъ и говоритъ ему: „Хочешь,—говоритъ,—пусти меня: я скажу тебѣ что-то очень интересное“. —„Ну, говори“.—„Нѣтъ, сначала пусти“.—„Нѣтъ, сначала скажи, что́ ты для меня хорошее сдѣлаешь?“ Чортъ началъ тогда разсказывать: „Вотъ тутъ,—говоритъ,—за *байра́комъ* (буеракомъ) гуляютъ ляхи, а кони ихъ въ яру. Хочешь—мы ихъ всѣхъ до одного переловимъ, да ужъ и *погуляемъ* же тогда!“—„А не врешь?—спрашиваетъ Са́вка:—погоди, пойду погляжу“. Пробрался Са́вка „тишкомъ-ни́шкомъ та по-пі́дъ байра́комъ“ до самыхъ ляховъ, глядитъ—дѣйствительно, играетъ музыка, и веселье у ляховъ въ полномъ разгарѣ.—„Ну,—думаетъ себѣ Са́вка,—справляюсь я и безъ чорта!“ Тотчасъ же велѣлъ онъ собрать своихъ, угнать лошадей, а потомъ стремительно броситься на ляховъ. Анъ, дѣло не выгораетъ: подкрадывается къ лошадямъ, а ихъ, оказывается, крѣпко стерегутъ. Тогда онъ до чорта.—„Ну, сатана, что́ хочешь, дѣлай, а только чтобы ляхи были нашими!“—„Я все съ своей стороны сдѣлаю,—отвѣчаетъ чортъ,—отпусти только на волю“. Са́вка хорошо зналъ чортову натуру: „Соврешь—говоритъ,—и не отпустилъ его:—лучше скажи-ка своимъ чертямъ, пускай они дѣло сдѣлаютъ; а когда сдѣлаютъ, тогда я и отпущу тебя“. Нечего было дѣлать, свистнулъ привязанный Са́вкою чортъ,—и вотъ слетѣлась масса чертей, которыхъ онъ послалъ въ адъ, „до само́ї чорти́хи“, а Са́вкѣ велѣлъ тѣмъ часомъ собрать казаковъ. Черезъ самое короткое время черти принесли изъ ада сѣмянъ и посѣяли ихъ „у ба́льці по-надъ ста́вомъ“, гдѣ паслись кони ляховъ,—и тотчасъ же изъ этихъ сѣмянъ поросло „зі́лле“. Кони идутъ, а оно стонетъ: *бехъ, бе-ехъ, бе-ехъ, бехъ!* И теперь, если конь наступитъ на это „зі́лле“, или станешь его рвать, то оно думаетъ, что это кони ляховъ, и начинаетъ стонать: *бе-ехъ!*—потому его и зовутъ „бехъ“. Кони ляховъ, поѣвши его въ волю, тотчасъ же „поздиха́ли“. Тогда Са́вка съ каза-

http://rcin.org.pl

ками на ляховъ. Тѣ до коней,—глядь—а они лежатъ, животы расперло имъ, какъ колоды. Казаки повязали ляховъ, массу потопили ихъ въ *ставкѣ*, и затѣмъ, „гарно погуливши“, рѣшили отпустить чорта на волю [1]).

О происхожденіи *осо́та* (различается *три* вида *осо́та*: а) Circaea lutitiana L.—„відьмино зілле“, б) Cirsium arvense Scop.—„наголовáтки“, „жéрбій“, в) Sonhus arvensis L.—„молочáкъ“) въ Ушицкомъ и Чигиринскомъ уѣздахъ разсказываютъ слѣдующее. Чортъ однажды просилъ Бога, чтобы Онъ далъ ему какую-нибудь пашню. Богъ отвѣчалъ: „Что́ же Я тебѣ дамъ? Ржи, пшеницы, гречихи, ячменя, проса, гороху Я не могу тебѣ дать; развѣ дамъ тебѣ овесъ“. Дьяволъ съ радостію побѣжалъ отъ Бога, крича все: „Овесъ, овесъ....“ Святые Петръ и Павелъ пожалѣли овса и сказали Богу: „Господи! на что Ты далъ этому *лущіперу* овесъ? вѣдь онъ нуженъ скоту, который работаетъ человѣку“.—„Что-жъ дѣлать,—сказалъ Богъ,—когда Я уже подарилъ ему?“—„Я, Господи, пойду и отберу“, сказалъ Павелъ.—„Какъ же ты отберешь?“—„Я ужъ употреблю такую штуку, что отберу.“—„Ну, такъ иди“. Павелъ перегналъ чорта и сѣлъ подъ мостомъ. Вотъ бѣжитъ чортъ и все кричитъ: „*Овéсъ, овéсъ, овéсъ*....“ Вдругъ Павелъ изъ-подъ моста: „Ага-го!“ Чортъ и сталъ.—„А, чтобъ тебя!—сказалъ чортъ Павлу:—подарилъ мнѣ Богъ какую-то траву или пашню, но изъ-за тебя я теперь и забылъ, какую“.—„Можетъ быть, рожь?“—„Нѣтъ!“—„Пшеницу?“—„Нѣтъ!“ И что ни спрашивалъ Павелъ, чортъ все отвѣчалъ: „нѣтъ“ и „нѣтъ“—„Можетъ быть, *осéтъ*?“—„Эге! эге!“—сказалъ съ радостію чортъ и помчался вихремъ, крича все: „*Осéтъ, осéтъ, осéтъ*!...“ Вотъ такимъ-то образомъ чортъ и сѣетъ теперь промежду хлѣбомъ „осéть“, а овесъ остался въ пользу человѣка и животныхъ [2]).

---

[1]) „Записки Юго-зап. Отдѣла Императ. Русск. Географ. Общества“ 1873 г., т. I, стр. 116—118.

[2]) П. Чубинскій, „Труды Этнограф.-статист. Экспедиціи въ зап.-русскій край“, т. I, стр. 81; Б. Гринченко, „Этнографическіе матеріалы,“ вып. II, стр. 15—16.

http://rcin.org.pl

Почти такая же точно легенда (записана около Чернигова) существуетъ и относительно происхожденія *куколя* (Agrostema Githago L. и Agrostema Lychnis noctiflora L.). Когда Богъ сотворилъ свѣтъ, то позвалъ однажды къ Себѣ всѣхъ тварей и сталъ между ними землю дѣлить. Никого при этомъ не обидѣлъ: и человѣку, и звѣрю, и птицѣ, и всякому даже насѣкомому указалъ Онъ и землю, и воду, и растенія, и ѣду. А чорта на ту пору не было: гдѣ-то тамъ замѣшкался, или Богъ его знаетъ, что́ ужъ онъ дѣлалъ. Когда чортъ потомъ пришелъ, Богъ уже, оказывается, кончилъ дѣлежку и отдыхаетъ.—„А мнѣ,—говоритъ,—Боже, что́?“ —„А гдѣ же ты, *сучій сынъ*, былъ, когда Я землю дѣлилъ? почему не приходилъ? Теперь уже ничего нѣтъ,—ступай себѣ вонъ!“ Пошелъ чортъ съ плачемъ. Жаль стало Богу: хоть и „*лукáвий*“, а все же и его „шкóда“.—„Ну, бери же себѣ овесъ; только гляди—впередъ будь исправнѣе. Да ступай распишись! „А тамъ такъ было заведено: кто что́ получитъ отъ Бога, сейчасъ же идетъ куда-то и расписывается, чтобы потомъ не было никакихъ споровъ. Побѣжалъ чортъ расписываться. Бѣжитъ черезъ поле да, чтобъ не забыть, все говоритъ: „*Овéсъ, овéсъ, овéсъ*“... А человѣкъ и услышалъ это. —„Вотъ,—думаетъ,—какую прекрасную пашню да отдалъ Богъ такой *пóгані*!.. Ну,—думаетъ,—хоть испугаю чорта“. Да и засѣлъ въ бороздѣ. Вотъ чортъ набѣгаетъ на него и все: „*Овéсъ, овéсъ, овéсъ*“... А человѣкъ изъ борозды какъ гаркнетъ: „*А куди*?!“ Чортъ уналъ съ перепугу; потомъ подхватился да дальше, но только забылъ уже про овесъ, а окрикъ: „*а куди*“ послышался ему за „*кукіль*“. Ботъ онъ бѣжитъ да все: „*Кукіль, кукіль, кукіль*“... Такъ и расписался.—Потому-то „кукіль“ и называется чортовой пашней [1]).

[1]) М. Драгомановъ, „Малорусскія народныя преданія и разсказы“, стр. 14—15.—Довольно любопытенъ варіантъ, записанный въ Новгородсѣверскомъ уѣздѣ. Когда Господь Богъ назначалъ пищу каждой твари, то пришелъ къ Нему и дьяволъ просить себѣ пищи. Господь Богъ далъ ему

http://rcin.org.pl

Происхожденіе *крапивы* (Urtica dioica L.) весьма трогательная легенда-сказка, записанная въ Купянскомъ уѣздѣ, связываетъ съ происхожденіемъ одного изъ очень любимыхъ украинцами цвѣтка—*василькова* (Ocymum basilicum L.) и *кукушки*. Въ большомъ лѣсу жилъ старый лѣсникъ съ дочерью—красавицей Машей. Отецъ ежедневно ходилъ на охоту, а дочь занималась домашними работами. Сидитъ ли подъ окномъ за работой, собираетъ ли въ лѣсу валежникъ, идетъ ли къ рѣкѣ по воду,—звонкая пѣсня всюду выдаетъ ея присутствіе. Веселый смѣхъ Маши также нерѣдко нарушалъ тишину темнаго лѣса. И полюбилась красавица Маша водяному ужу, который жилъ за рѣкою, въ озерѣ. Какъ только подходила къ рѣкѣ Маша, тотчасъ же на противоположномъ берегу появлялся молодецъ и слушалъ пѣніе Маши, не сводя съ нея глазъ. Сперва Маша, какъ только завидитъ, бывало, незнакомаго человѣка, тотчасъ же переставала пѣть; но такъ какъ онъ всегда начиналъ умолять ее продолжать пѣніе, то Маша чувствовала себя не въ силахъ отказать ему въ этомъ, и потомъ, незамѣтно для себя самой, стала все чаще и чаще

овесъ и гречиху. Дьяволъ ушелъ. Тогда Іисусъ Христосъ и говоритъ Господу Богу: „Хорошую пашню отдали Мы дьяволу!“—„Ну, что-жъ дѣлать? какъ теперь отобрать?“—говоритъ Господь Богъ. А дьяволъ уже собрался сѣять овесъ и гречиху, летитъ въ поле да, чтобы не забыть, все повторяетъ: „Овесъ да гречиха, овесъ да гречиха“... Вотъ Христосъ спрятался за кустомъ, мимо котораго нужно было пролетать дьяволу. Только-что дьяволъ поровнялся съ кустомъ, Христосъ какъ крикнетъ: „Ату!“—Дьяволъ съ перепугу и позабылъ названіе пашни, данной ему Господомъ Богомъ.—„Ахъ,—говоритъ дьяволъ,—какъ Ты меня напугалъ! я и позабылъ, какую пашню мнѣ Богъ далъ“. А Христосъ и говоритъ: „Да ты же, когда летѣлъ, то все говорилъ: *осотъ да горчица* (по всей вѣроятности—„гірчакъ“—Hierochoa borealis R. et. Srbult., или Polygonum Hidropiper L.—„собачій перецъ“, или Polygonum Persicaria L., или „полева горчица“, „кудрявецъ“—Sisymbrium Sophia L.). Дьяволъ повѣрилъ, полетѣлъ и посѣялъ себѣ сорныхъ травъ—„осота“ и „горчицы“. Съ тѣхъ поръ эти растенія стали служить пищей дьяволу, а овесъ и гречиха остались добрымъ людямъ (Черниговск. Губернск. Вѣд. 1892 г., № 13; ср. „Этнографическое Обозрѣніе“ 1892 г., II—III, Смѣсь, стр. 253—254).

http://rcin.org.pl

приходить къ рѣкѣ не только по воду, но и съ работой и подолгу просиживать на берегу. Маша разсмотрѣла, что незнакомецъ строенъ, молодъ и красивъ; только какую-то непонятную грусть замѣчала она и въ словахъ и во взглядахъ его. Прошла весна, и лѣто было уже на исходѣ. Однажды къ старому лѣснику, въ его скромную хату, явился богато одѣтый молодой человѣкъ съ товарищами, такими же, какъ и онъ, молодыми людьми, и сталъ просить руки красавицы Маши. При этомъ онъ назвался владѣльцемъ озера съ окружающими его лугами. Лѣсникъ благодарилъ за честь, но не хотѣлъ разставаться съ единственной дочерью, а тѣмъ болѣе—выдавать ее замужъ за человѣка, совершенно ему неизвѣстнаго. Но когда Маша объяснила отцу, что она уже давно знакома съ молодымъ человѣкомъ и даже давно любитъ его, лѣсникъ вынужденъ былъ согласиться принять предложеніе незнакомца и отпустить съ нимъ свою дочь, такъ какъ это происходило въ то время, когда бракъ не освящался еще Церковію, а совершался по благословенію однихъ родителей. Получивши благословеніе, женихъ и невѣста сѣли въ прекрасный экипажъ и въ сопровожденіи свиты уѣхали со двора стараго лѣсничаго. Лѣсникъ со слезами на глазахъ провожалъ свою красавицу Машу до самыхъ воротъ и затѣмъ, въ послѣдній разъ поцѣловавши и благословивши ее, громко зарыдалъ, глядя вслѣдъ удалявшагося экипажа, быстро уносившаго его единственное сокровище. Экипажъ скоро подкатилъ къ рѣкѣ. Женихъ щелкнулъ,—и на рѣкѣ появился красивый мостъ съ желѣзными перилами. Переѣхали на другой берегъ. Снова щелкнулъ женихъ,—и моста какъ не бывало. Вотъ и озеро. Экипажъ не останавливаясь въѣхалъ въ озеро и погрузился на дно. Маша очутилась въ великолѣпномъ хрустальномъ дворцѣ, горѣвшемъ всѣми цвѣтами радуги. Маша прожила въ этомъ подводномъ дворцѣ съ мужемъ-ужемъ нѣсколько лѣтъ счастливо и имѣла уже двухъ дѣтей—мальчика Васю и дѣвочку Горпушу. Захотѣлось однажды Машѣ провѣдать своего старика-отца. Долго не соглашался ужъ отпу-

http://rcin.org.pl

стить жену съ дѣтьми къ тестю, но, наконецъ, уступилъ ея просьбамъ и слезамъ, при чемъ предварительно взялъ съ жены клятву свято сохранить его тайну: не открывать отцу, что мужъ ея—ужъ. Опять гдѣ ни взялся прекрасный экипажъ. Ужъ съ женою и дѣтьми сѣлъ въ него, и тотчасъ же они очутились на берегу озера. Поѣхали далѣе по цвѣтущему лугу къ рѣкѣ и остановились на берегу ея. Здѣсь ужъ вышелъ изъ экипажа, наклонился надъ водой—и вдругъ перекинулся черезъ рѣку красивымъ деревяннымъ мостомъ, по которому Маша съ дѣтьми переѣхала на другую сторону. Подъѣзжая къ родной тихой хаткѣ, Маша строго-на-строго наказала Васѣ и Горпушѣ, чтобы они ни за что не открывали дѣду, кто ихъ отецъ, не говорили бы, что ихъ отецъ ужъ, иначе со всѣми ими случится большая бѣда. Старый лѣсникъ сильно обрадовался, увидѣвши послѣ столькихъ лѣтъ разлуки свою любимую дочь, да притомъ еще съ внукомъ и внучкой. Разспрашивалъ о житьѣ-бытьѣ, ласкалъ то ее, то дѣтей и, лаская, выговаривалъ, что не собралась раньше провѣдать его. Маша хвалилась отцу, что они съ мужемъ живутъ въ прекрасномъ дворцѣ, что мужъ ея весьма богатъ, а главное—и до сихъ поръ очень любитъ ее. Но лишь только старый лѣсникъ начиналъ разспрашивать дочь о томъ, далеко ли отъ рѣки ихъ дворецъ, потому что ни о какомъ дворцѣ вблизи рѣки онъ никогда не слыхалъ, какъ веселость тотчасъ же покидала Машу, и вмѣсто точныхъ отвѣтовъ, она отдѣлывалась неопредѣленными: „нѣтъ, недалеко, совсѣмъ недалеко“, и спѣшила перемѣнить предметъ разговора. Такая уклончивость дочери отъ прямого отвѣта показалась лѣснику подозрительной; онъ понялъ, что здѣсь скрывается какая-то тайна, и рѣшилъ вывѣдать ее отъ внучатъ. Послѣ обѣда, когда Маша, по предложенію отца, прилегла отдохнуть, лѣсникъ повелъ Васю и Горпушу въ садъ, началъ угощать ихъ разными фруктами и лаская спросилъ Васю: „Скажи мнѣ, Вася, какъ вы въ экипажѣ переѣхали черезъ рѣку? вѣдь она очень глубока, ни моста, ни парома на ней нѣтъ, какъ же вы черезъ нее переѣхали?“

http://rsl.ru

—„Папа сдѣлалъ мостъ, мы и переѣхали", отвѣчалъ Вася. Но Горпуша возразила: „Нѣтъ, не такъ: папа легъ на воду, и самъ сдѣлался мостомъ, а мы по папѣ и переѣхали: онъ и теперь еще лежитъ мостомъ и ждетъ, пока мы переѣдемъ назадъ, на другую сторону рѣки".—„Кто-жъ такой, Горпушенька, вашъ папа, что самъ сдѣлался мостомъ?" Хотя Вася и останавливалъ сестру и напоминалъ ей о запрещеніи матери, но Горпуша увлеклась своей болтовней и все разсказала дѣду: и гдѣ они живутъ, и кто ихъ отецъ, и что онъ лежитъ теперь черезъ рѣку красивымъ деревяннымъ мостомъ. Дѣдъ расцѣловалъ внучку, одѣлилъ дѣтей румяными яблоками и сладкими грушами и оставилъ ихъ играть въ саду; самъ же пошелъ въ сарай, взялъ острый топоръ, отправился къ рѣкѣ и изрубилъ мостъ въ щепы. Прогостивъ у отца до вечера, Маша сѣла съ дѣтьми въ экипажъ, и они быстро покатили къ мосту. Подъѣзжаютъ къ рѣкѣ—моста нѣтъ, а на берегу, гдѣ былъ мостъ,—о ужасъ!—вездѣ кровь. Сразу поняла Маша все.—„Кто же изъ васъ, дѣти,—ты ли, Вася, или, ты, Горпуша,—сказалъ дѣдушкѣ, что отецъ вашъ сдѣлался мостомъ? кто?—вскричала рыдая Маша:—что же вы молчите! ты, Вася?"—„Нѣтъ, мама, я ничего не говорилъ дѣдушкѣ", отвѣчалъ Вася со слезами—„А, такъ, значитъ, это ты, Горпуша, сдѣлала насъ всѣхъ несчастными? Ну, будь же ты за это *крапивой*! Пусть твою сердцевину постоянно такъ же точатъ черви, какъ теперь мое сердце точитъ злое горе! И будешь ты всегда причинять людямъ жгучую боль, какъ теперь ты причинила ее мнѣ!.. А ты, мой милый Вася, будь ты душистымъ *васильком*ъ. Люди будутъ наслаждаться твоимъ запахомъ и будутъ всегда держать тебя въ своихъ хатахъ и въ своихъ церквахъ!" И еще сильнѣе зарыдала Маша и полетѣла въ лѣсъ *кукушкою*, а дѣти остались на берегу расти: Вася—душистымъ *васильком*ъ, а Горпуша—*жгучей крапивой* [1]).

[1]) „Этнографическое Обозрѣніе" 1891 г., IX, стр. 125—128.

http://rcin.org.pl

Въ Старобѣльскомъ уѣздѣ о *крапивѣ* просто говорятъ, что она посѣяна дьяволомъ и проклята Богомъ [1]). О *васи́лькахъ* же въ сл. Кабаньей записанъ слѣдующій коротенькій разсказъ. Давно это было. Жилъ на свѣтѣ дѣдъ *Васи́лько*; была у него внучка. Разъ пошла внучка на токъ и нашла тамъ какія-то зерна; прибѣжала къ дѣду и говоритъ: „Дѣдушка, какое это зерно?“—„А вотъ что, дѣвочка: посѣй его, пусть вырастетъ,—тогда и увидимъ, что оно за зерно“. Внучка посѣяла и стала полнвать. Изъ зерна выросли цвѣты. Тогда она срѣзала ихъ, связала въ пучокъ и положила за образа́. Долго они тамъ лежали, пока, наконецъ, совсѣмъ засохли. Разъ внучка взяла этотъ пучокъ, понюхала: хорошо пахнетъ. Понесла дѣду; понюхалъ онъ и сказалъ: „Какое хорошее, пахучее!“—„Какъ же цвѣты эти называются?“—спросила внучка. Въ это самое время баба позвала дѣда: „Васи́лько!“ А внучка подумала, что это цвѣты такъ зовутся *васи́льками*, и говоритъ: „Такъ это *васи́льки*? Дѣдушка, давай звать ихъ *васи́льками*!“ Съ тѣхъ поръ и узнали люди про *васи́льки*. *Васи́льки* кладутъ въ гробъ покойника, чтобы перебить трупный запахъ: трупъ, который обложенъ *васи́льками*, не такъ скоро разлагается—*васи́льки* не даютъ [2]).

Кромѣ приведенныхъ, извѣстны еще *три* легенды о *васи́лькахъ*, созданныя отъ начала и до конца на христіанской почвѣ. *Первая* легенда, записанная въ г. Купянскѣ, разсказываетъ, что когда сняли со креста пречистое тѣло Спасителя, то помазали его благовонными мазями, обвили чистыми пеленами и похоронили въ саду, въ пещерѣ. И приказали „жиды“ закопать въ горѣ пречестный крестъ Господень, мѣсто надъ нимъ разровнять, навалить потомъ на него навозу и всякаго мусору и посѣять тамъ сѣмена „дій-дерева“ („дивде́рева“, дурмана—Datura stramonium L.) и „блекоти“

[1]) В. Ивановъ, „Жизнь и творчество крестьянъ Харьк. губ., т. I, стр. 320.

[2]) „Этнографическое Обозрѣніе“ 1892 г., XII, стр. 192.

http://rcin.org.pl

(белены—Hyosciamus niger L.). Видитъ Богъ злобу „жидовскую“, далъ *Василію* (какому — неизвѣстно) сѣмянъ „пахучого зілья“ и велѣлъ посѣять ихъ на томъ мѣстѣ, гдѣ посѣяны были, по приказанію „жидовъ“, „дій-дерево“ и „блекота“. И стало то мѣсто свято, а вокругъ него—мерзость запустѣнія. И вспало царицѣ Еленѣ на мысль отыскать честный крестъ Господень. И пріѣхала она въ Іерусалимъ и приказала копать гору Голгоѳу. Копали гору, копали, искали креста, искали—не найдутъ никакъ. И молилась благовѣрная царица Елена Богу, слезно просила: „Дай, Господи, найти Твой честный крестъ!“ И услышалъ Господь молитву благовѣрной царицы Елены. Явился къ ней нѣкто и говоритъ: „Ищите *пахучого зілья* Василія: гдѣ его найдете, тамъ и крестъ обрящете“. Пошли на гору Голгоѳу, нашли среди мусора мѣсто, поросшее *васильками*, стали тамъ копать—и отрыли *три* креста; *два* изъ нихъ положили, вынувши изъ ямы, на мусоръ, а *третій*, крестъ Господень, межъ *васильки*. Съ тѣхъ поръ и убираютъ крестъ *васильками* [1]).—Легенда эта, безъ сомнѣнія, основывается на древней греческой легендѣ о нахожденіи креста Господня, въ которой разсказывается, что на мѣстѣ, гдѣ евреи сокрыли крестъ Спасителя, выросла пахучая и цѣлебная трава, которую врачи называютъ okimon, а народъ—basilikon, украинскіе *васильки* [2]). У П. Безсонова, въ стихахъ изъ западной Болгаріи и Македоніи, объ обрѣтеніи креста сообщаются нѣкоторыя черты, дополняющія только-что приведенный украинскій разсказъ о *васильках*ъ [3]). Очевидно, что стихи эти представляютъ собою дальнѣйшее развитіе упомянутой древней греческой легенды.

---

[1]) „Этнографическое Обозрѣніе“ 1891 г., IX, стр. 122.

[2]) Мочульскій, „О Голубиной книгѣ“, стр. 169; см. Этнограф. Обозрѣніе“ 1889 г., III, стр. 123.

[3]) „Калѣки перехожіе“, Москва, 1863 г., вып. 5, стр. 61—62.

http://rcin.org.pl

По *второй* легендѣ, записанной также въ г. Купянскѣ, *васильки* получили свое названіе отъ имени св. Василія Великаго, который, будто бы, при жизни очень любилъ цвѣты и зелень и всегда украшалъ ими свою келлію. Когда потомъ открытъ былъ гробъ съ честными мощами св. Василія Великаго, то нашли въ немъ пахучее растеніе съ скромными цвѣточками, которое въ честь святителя и названо *васильком*ъ [1]).

Третья легенда, записанная въ Купянскомъ уѣздѣ, переноситъ происхожденіе *васильковъ* въ Россію. Въ царствованіе Ивана Васильевича Грознаго жилъ въ Москвѣ Василій Блаженный, Христа ради юродивый. Ходилъ онъ по Москвѣ и зиму и лѣто босой, въ одной сорочкѣ, съ веригами на плечахъ. Бывалъ онъ и въ царскихъ палатахъ, и въ боярскихъ хоромахъ, и въ крестьянскихъ избахъ. Ночевалъ всего чаще на кладбищахъ; тамъ же и умеръ. Нашли тѣло его въ травѣ. Вокругъ него такъ хорошо пахло! Сначала думали было, что это благоухаетъ тѣло угодника Божія, но оказалось, что пахла трава, въ которой оно лежало. И назвали ту траву травою Василія, *васильками*. И теперь эта трава пахнетъ ладаномъ и мертвецомъ [2]).

---

[1]) „Этнографическое Обозрѣніе“ 1891 г., IX, стр. 123.

[2]) Тамъ же.—О Василіи Блаженномъ въ Купянскомъ уѣздѣ разсказываютъ еще и слѣдующую легенду. Въ древнія времена жилъ въ Москвѣ одинъ святой, по имени Василій. Однажды въ праздничный день попалъ Василій въ церковь. Въ церкви въ тотъ день было много сановниковъ, а также царь и царица. По выходѣ изъ церкви царь подозвалъ Василія и спрашиваетъ: „А что, Василій блаженный, много ли народу было сегодня въ церкви?“—„Нѣтъ, царь-батюшка, только двое: я да царица; да и царица-матушка была лишь до половины обѣдни, а затѣмъ ушла себѣ домой и была тамъ до конца службы.“—„Какъ же такъ?—сказалъ царь:—развѣ ты не видишь, сколько народу было въ церкви,—посмотри! Да неужели ты не замѣтилъ, что и я былъ въ церкви“?—„Нѣтъ, государь, ты не былъ въ церкви,—отвѣчалъ Василій:—ты строилъ на одномъ островѣ городъ“. —„Правда твоя, Василій блаженный!“—сказалъ царь, вспомнивши, что, стоя въ церкви, онъ дѣйствительно думалъ о томъ, какъ бы построить на

http://rcin.org.pl

О другомъ видѣ *васи́льковъ*—„волошкахъ“ (Centaurea Cyanus L). существуетъ разсказъ, что когда-то это былъ молодой и красивый юноша, котораго въ Троицынъ день заманила русалка въ поле, защекотала и превратила въ цвѣтокъ, вслѣдствіе чего онъ и получилъ названіе *васи́лька* [1]).

Изъ другихъ цвѣтовъ существуютъ еще легенды о „бра́ткахъ“, „забій—кручѣ“ и „Петро́вомъ батозі“ („батігъ“—кнутъ, хлыстъ).

„Бра́тки“ („бра́тики“, „Іванъ-да-Ма́рья“, „удо́дівъ чо́бітъ“, „полуцвітъ“—Viola tricolor L.) получили свое названіе отъ того, что на одномъ стеблѣ этого растенія бываетъ *два* цвѣтка—синій и желтый, какъ братъ съ сестрой. Относительно происхожденія этого цвѣтка разсказываютъ, будто однажды братъ разсердился на сестру, погнался за нею и придушилъ ее: сестра *пожелтѣла*, а онъ, съ перепугу, *посинѣлъ* [2]). Въ Холмской Руси передаютъ болѣе трогательную легенду о „бра́ткахъ“. Были себѣ братъ и сестра, и отправились они въ разныя стороны странствовать. Долго они такъ

одномъ островѣ городъ. Потомъ царь пригласилъ Василія къ себѣ во дворецъ. Когда святой вошелъ въ царскія хоромы, царь поднесъ ему чарку вина. Василій взялъ чарку, подошелъ къ окну и выплеснулъ черезъ открытое окно вино изъ чарки на дворъ. Царь, не говоря ни слова, поднесъ Василію еще двѣ чарки, но и тѣ онъ вылилъ за окно. И только четвертую чарку выпилъ. Тогда царь и спрашиваетъ его: „Скажи же мнѣ, Василій блаженный, для чего ты первыя три чарки вина вылилъ за окно?“ —„А вотъ для чего я это сдѣлалъ,—отвѣчалъ святой:—въ Іерусалимѣ горитъ монастырь, такъ я подалъ туда помощь“. Царь тотчасъ же послалъ въ Іерусалимъ гонца, чтобы убѣдиться въ справедливости словъ святого. Когда гонецъ возвратился изъ Іерусалима, то разсказалъ, что тамъ дѣйствительно загорѣлся было монастырь, и пожаръ сталъ сильно разростаться, но набѣжали изъ Россіи одна за другою *три* дождевыя тучи и залили пожаръ (тамъ же, стр. 124; ср. „Путеводитель къ святынѣ и достопам. Москвы“ архим. Іосифа, стр. 100).

[1]) Маркевичъ, „Обычаи, повѣрья, кухня и напитки малороссіянъ“, стр. 86.

[2]) „Записки Юго-зап. Отдѣла Императ. Русск. Географ. Общества“ 1873 г., т. I, стр. 141.

http://rcin.org.pl

странствовали, и когда потомъ случайно встрѣтились, то совсѣмъ не узнали другъ друга. Между тѣмъ, сестра понравилась брату, и они обвѣнчались и мирно зажили себѣ, какъ мужъ съ женой. Когда же, съ теченіемъ времени, узнали, что они—братъ и сестра, то имъ стало очень стыдно, и братъ сказалъ сестрѣ: „Ну, сестра, пойдемъ въ поле, посѣемся: ты будешь цвѣсть лиловымъ цвѣтомъ, а я—желтымъ [1]).

О „забій-кручѣ“ („синій ломоносъ“, „цыганки“—Clematis integrifolia L.) существуетъ слѣдующій разсказъ изъ временъ борьбы казаковъ съ татарами. Когда-то бились казаки съ татарами, и татары начали ихъ одолѣвать. Видятъ казаки, что ничего не подѣлаютъ, и пустились бѣжать отъ татаръ; а атаманъ казачій, разсердившись, ударилъ себя изо всѣхъ силъ копьемъ въ темя и, какъ снопъ, свалился съ коня на землю. Вдругъ схватился снѣжный вихрь, поднялъ всѣхъ „невірнихъ“ казаковъ вверхъ, разорвалъ ихъ въ клочья, перемѣшалъ съ черною землею и разметалъ кости гдѣ-то тамъ далеко, „по татарві. Отъ этихъ костей ихъ и поросла *забій-круча*. О ту пору была страшно суровая зима, и святой „Панько“ (Пантелеимонъ) уже сжалился надъ нозорно обратившимися въ бѣгство и подхваченными вихремъ казаками и далъ имъ *тулупы* (перистыя прибавки плодниковъ у clematis'a). На чужбинѣ, видно, не особенно-то сладко было, и вотъ казацкія души стали просить Бога, чтобы Онъ засѣялъ ихъ на Украйнѣ, чтобы „дівчата“ *забій-кручу* рвали и въ вѣнки себѣ заплетали. Богъ смилостивился надъ ними и

Посіявъ въ Україні — Въ вінки заплітали,
По-нідъ лісами, — Въ вінки заплітали,
По-підъ скирдами, — Въ кóси затикали,
Щобъ дівчата рвали, — Щобъ всі люде знали,
Яку казакй ганьбу (нозоръ) мали.

[1]) П. Чубинскій, „Труды Этнограф.-статист. Экспедиціи въ зап.-русскій край“, т. I, стр. 82.

http://rcin.org.pl

Вотъ что когда-то творилось на бѣломъ свѣтѣ!... Говорятъ, что если бы всѣ парни разомъ „забій-кручу“ за поясъ заткнули, въ такомъ случаѣ всѣ тѣ казаки снова бы ожили [1]).

„Петрівъ батігъ“ (великор. „солнцева сестра“) представляетъ собою довольно оригинальное растеніе, извѣстное въ ботаникѣ подъ именемъ *дикаго цикорія* (Cichorium intybus L.). Принадлежитъ оно къ семейству сложноцвѣтныхъ и имѣетъ видъ почти совершенно безлистнаго, довольно крѣпкаго и мало вѣтвистаго стебля, „хвѣськое“, т. е. издаетъ при взмахиваніи имъ нѣкоторое подобіе того свиста, какой слышится при взмахиваніи хлыстомъ. Любитъ это растеніе опушки лѣсовъ, межи, открытыя полянки садовъ и тучныя, не совсѣмъ сырыя левады, гдѣ развивается особенно роскошно и, при благопріятныхъ условіяхъ, достигаетъ болѣе двухъ аршинъ высоты. Утромъ, какъ только солнце станетъ „въ півъ-дѣрева“ и уже хорошо *угрѣетъ*, такъ что начнетъ спадать роса, на хлыстообразномъ стеблѣ „Петрóва батогá“ появляются свѣтло-синія, величиною иногда почти въ мѣдный пятакъ, звѣзды цвѣтовъ, рѣзко и красиво выдѣляющіяся на общемъ фонѣ густой зелени самаго растенія. Какъ только солнце начинаетъ новорачивать съ зенита, яркія, до послѣдней минуты свѣжія, цвѣточныя звѣзды свертываются, закрываются, и растеніе до слѣдующаго утра остается оголеннымъ, какъ бы осиротѣлымъ. Разъ закрывшійся цвѣтокъ болѣе уже не открывается—онъ умираетъ; съ новымъ солнцемъ расцвѣтаетъ новый, сосѣдній цвѣтокъ,—и такъ послѣдовательно одна особь можетъ цвѣсти въ теченіе цѣлаго мѣсяца; все же вообще Растеніе цвѣтетъ обыкновенно на Украйнѣ съ первыхъ чиселъ іюня и до сентября. Совпаденіе времени цвѣтенія „Петрова батогá“ съ самою жаркою порою лѣта, когда воздухъ накаляется дотого, что можно видѣть его волнообразное движеніе, такъ называемую „*югу*“, а также совпаденіе раскры-

[1]) „Записки Юго-зап. Отдѣла Императ. Русск. Географ. Общества“ 1873 г., т. I, стр. 118—119.

http://rcin.org.pl

тія его цвѣтка по спадепіи росы съ временемъ, когда „чабáнъ рушá“ (пастухъ начинаетъ гнать съ мѣста) свою „отáру на пáшу“ (стадо овецъ на пастьбу), и закрытія цвѣтка съ порою, когда овцы стоятъ у водоноя „на тúрлі“, невольно обратило на себя вниманіе народной наблюдательности и породило пастушескую легенду, представляющую одинъ изъ эпизодовъ вымирающей народной эпопеи о хожденіи Спасителя (Бога) съ св. Петромъ по землѣ. Какъ только спадетъ роса, и „чабáнъ рушá“ овецъ „на пáшу“ тотчасъ же „рушá на пáшу“ и св. Петръ своихъ овецъ-верблюдовъ („якъ бýдто въ пóлі бігають хвúлі“—вóлны, называемыя на Украйнѣ „Петрóвими сгóнами“), которые раньше были Адамовыми овцами, но когда Адамъ согрѣшилъ, Богъ отдалъ ихъ св. Петру (верблюды боятся росы, какъ и овцы). Поднимется солнце „на обѣдъ“, „чабáнъ стаэ зъ отáрою на тúрло“,—становится въ это время „на тúрло“ съ своими овцами-верблюдами и св. Петръ; только „чабáнъ“ пасетъ иногда „отáру“ до полуночи, святой же Петръ стоитъ съ своими овцами „на тúрлі“ до самаго слѣдующаго дня [1]). Когда однажды св. Петръ гналъ „на пáшу“ своихъ овецъ, у него въ рукахъ не оказалось ни „батогá“, ни палки. Увидѣлъ онъ дорогою несъѣдобную траву съ длинными прутьями, сорвалъ себѣ прутикъ съ этой травы и погналъ имъ своихъ овецъ. Съ тѣхъ поръ это растеніе и зовется „Петрівъ батігъ“ (Екатериносл. губ. и Купянск. у.) [2]).

Въ другой легендѣ о томъ же растеніи, записанной въ Купянскомъ уѣздѣ, св. ап. Петръ выступаетъ съ чертами какого-то языческаго бога полей, покровителя жатвы. Св. Петръ вообще „бувъ дýже до всего любопúтний“: ему извѣстны названіе и жизнь всякой полевой козявки; онъ знаетъ, чѣмъ каждая изъ нихъ питается. Шествіе его по полямъ уподобляется шествію бога полей: жучки, пчелки, мушки, бабочки

[1]) „Кіевская Старина“ 1889 г., Сентябрь, стр. 763—765.

[2]) „Этнографическое Обозрѣніе“ 1891 г., IX, стр. 114.

http://rcin.org.pl

пестрыми роями окружаютъ его, рѣютъ впереди него и сопровождаютъ его сзади. Въ прежнія, давнія времена идетъ, бывало, св. Петръ по межѣ, возьметъ прутикъ дикаго цикорія и „хлёскаетъ“ имъ, какъ кнутикомъ. А жучки и мушки, какія только сидятъ на колосьяхъ, уже и знаютъ: всѣ слетаютъ и не смѣютъ портить хлѣба. Пройдетъ межу, броситъ свой „батіжóкъ“ на землю.—а онъ примется тамъ и растетъ. А всѣ жучки и мушки уже хорошо знаютъ, что ту ниву, гдѣ растетъ „Петрівъ батігъ“, нужно обходить,—вотъ они и не смѣютъ ее трогать. Но это было такъ когдá-то, а теперь и „Петрівъ батігъ“ не спасаетъ хлѣба [1]).

Есть еще одна легенда о „Петровомъ батогѣ“, записанная въ томъ же Купянскомъ уѣздѣ, на которой сказалось, съ одной стороны, вліяніе евангельскаго повѣствованія о недопущеніи апостолами дѣтей къ Спасителю, а съ другой—отчасти и талмудическихъ разсказовъ о томъ, будто еврейскія дѣти всегда сбѣгались къ Спасителю и обыкновенно сопровождали Его цѣлой толпой, такъ какъ Спаситель оживлялъ Своимъ дуновеніемъ слѣпленныхъ ими изъ глины птичекъ и этимъ очень привлекалъ къ Себѣ дѣтей. Шелъ какъ-то Спаситель съ учениками Своими изъ одного селенія въ другое. Нужно было проходить мимо луга, на которомъ мальчики пасли овецъ. Увидѣвши Господа, пастушки бросили свои стада, побѣжали съ кнутиками въ рукахъ на дорогу, по которой шелъ Спаситель, и окружили Его со всѣхъ сторонъ, такъ что мѣшали продолжать путь. Прикрикнулъ на нихъ ап. Петръ, чтобы разступились: но пастушки, не обращая никакого вниманія на его окрикъ, продолжали лѣзть къ Спасителю, цѣловать Ему руки, ноги и края одежды.—„Вотъ я васъ!“—снова прикрикнулъ на нихъ ап. Петръ и выхватилъ было у одного изъ пастушковъ бывшій у него въ рукахъ кнутикъ. Но пастушокъ, не выпуская изъ своихъ рукъ кну-

[1]) „Этнографическое Обозрѣніе“ 1891 г., IX, стр. 114.

http://rcin.org.pl

тика, сталъ плакать и вырывать его изъ рукъ Петра. Петръ уступилъ мальчику, отдалъ его кнутикъ, а самъ, наклонившись, сорвалъ стебелекъ растенія и, размахивая имъ, все повторялъ: „Прочь съ дороги, не то—попробуете моего *батіжка!*“ Пастушки съ веселымъ смѣхомъ разступились и дали, наконецъ, дорогу Спасителю. Петръ бросилъ тогда бывшій у него въ рукахъ стебелекъ и сказалъ шутя: „А что? небось, испугались? Возьмите теперь себѣ и мой *батіжóкъ!*“ Мальчики подняли брошенное ап. Петромъ растеніе и назвали его „Петрóвымъ батогóмъ“. А такъ какъ цвѣты у этого растенія напоминаютъ по своей формѣ кисточку, то и пастушки стали съ тѣхъ поръ украшать свои кнутики „махóрками“ (кисточками) изъ кожи [1]).

Что касается хлѣбныхъ злаковъ, то, по украинскимъ народнымъ вѣрованіямъ, тотчасъ по сотвореніи міра ни *ржи* ни *пшеницы* не было, а пшеница выродилась уже впослѣдствіи изъ „кýколя“, рожь же—изъ „стóколоса“ (различаются *три* вида „стóколоса“: 1) Bromus mollis. L., 2) Bromus secalinus L. и 3) Bromus squarrosus L). Такъ говорятъ въ Литинскомъ уѣздѣ [2]). Въ Купянскомъ уѣздѣ, какъ мы знаемъ уже [3]), разсказываютъ, что *пшеница* выросла изъ слезъ Адама, смѣшанныхъ съ землею, взятою прародителями, по повелѣнію Божію, у райскаго порога, а изъ слезъ Евы, смѣшаныхъ съ тою же землею, выросла *конопля* [4]).

Въ Старобѣльскомъ уѣздѣ разсказываютъ, что, когда не было еще хлѣбныхъ злаковъ, люди питались липовыми листьями и липовой корой да „пóтрохомъ“ изъ деревьевъ, т. е. тѣмъ, что сыплется изъ древесныхъ червоточинъ. За-

---

[1]) „Этнографическое Обозрѣніе“ 1891 г., IX, стр. 43.

[2]) П. Чубинскій, „Труды Этногр.-статистич. Экспедиціи въ зап.-русскій край“, т. I, стр. 84.

[3]) См. очеркъ: „Украинскія легенды о жизни первыхъ людей послѣ изгнанія ихъ изъ рая и о *рукописаніи* Адамовомъ“.

[4]) „Этнографическое Обозрѣніе“ 1892 г., XIII—XIV, стр. 92—93.

http://rcin.org.pl

тѣмъ Господь далъ пшеницу—только не человѣку далъ Онъ ее, а собакѣ: она завыла отъ голоду, Богъ и кинулъ ей съ неба колосъ пшеницы прямо въ ротъ. Человѣкъ выхватилъ у собаки изо рта этотъ колосъ, сталъ сѣять—и развелъ такимъ образомъ пшеницу. Вотъ почему людямъ грѣхъ убивать собаку: мы ѣдимъ ея долю [1]).

По другимъ легендамъ, Самъ Богъ посѣялъ для людей пшеницу, при чемъ первоначально колосъ у нея, какъ и у всѣхъ вообще хлѣбныхъ злаковъ, начинался у самой земли и шелъ до верхушки стебля, такъ что нельзя было ни косить, ни жать, а *подрѣзывали* колосья, чтобы не растерять зерна. *жи́лом*ъ при самой землѣ. Нынѣшняя величина хлѣбнаго колоса составляетъ только *собачью долю*. Уменьшеніе его произошло вслѣдствіе осквернения одной женщиной святости хлѣба. Разъ Спаситель съ ап. Петромъ (и Павломъ—по другимъ варіантамъ),—разсказываютъ въ Купянскомъ уѣздѣ,—зашли въ образѣ странниковъ въ домъ къ одной женщинѣ и попросили у нея милостыни. Хозяйка въ это время пекла блины. Въ отвѣтъ на просьбу странниковъ она бросила имъ блинъ, предварительно отерши этимъ блиномъ слѣды, оставленные ея ребенкомъ на „лавкѣ“ (скамейкѣ). Странники вышли въ поле, и Христосъ, возмущенный поруганіемъ хлѣба, сталъ ошмыгивать колосъ снизу вверхъ. Видя это, хозяйская собака стала выть, и ап. Петръ упросилъ Спасителя сжалиться хотя надъ собакой и оставить на стеблѣ часть колоса съ зерномъ *на долю собаки* [2]). Въ варіантѣ этой легенды, записанномъ въ томъ же Купянскомъ уѣздѣ, разсказывается, что однажды „въ жнива“ Спаситель и ап. Петръ ходили въ образѣ нищихъ по нивамъ. Подошли они къ одной женщинѣ и попросили хлѣба. Женщина какъ прикрикнетъ на нихъ: „Вишь, куда забрались попрошайничать!“

[1]) В. Ивановъ, „Жизнь и творчество крестьянъ Харьковской губерніи“, т. I, стр. 116.

[2]) „Этнографическое обозрѣніе“ 1890 г., VII, стр. 77—78.

http://rcin.org.pl

—выхватила изъ-подъ ребенка кусокъ хлѣба и дала имъ. Спаситель взялъ тотъ кусокъ, опустилъ его въ сумý, затѣмъ нагнулся къ колосу и давай его ошмыгивать. Собака лежитъ подъ возомъ и смотритъ. Увидѣла, что колоса совсѣмъ мало уже осталось, и начала выть. Тогда Спаситель оставилъ колоса всего вершка на *два*. Св. Петръ и спрашиваетъ: „Зачѣмъ Ты, Господи, ошмыгалъ колосъ?“—„Затѣмъ, чтобы люди не спесивились,—отвѣчалъ Спаситель:—Я бы его и весь ошмыгалъ, да оставилъ *только на собачью долю*“. Съ той поры люди и стали съ хлѣбныхъ злаковъ собирать *собачью долю*; раньше же колосья были отъ самаго корня, а не такъ, какъ теперь,—всего только вершка на два [1]).

Хотя при передачѣ легенды о первоначальномъ хлѣбномъ колосѣ нерѣдко можно услышать отъ разсказчика, что все это „було́ колúсь, за царя Панька́, якъ земля бу́ла тонка́: якъ плу́гомъ поорéшъ, то й водú въ черевúкъ наберéшъ, а якъ пальцемъ прокóлешъ, то волúвъ, було́, напóишъ“, однако легенда эта и по настоящую пору бытуетъ не только на Украйнѣ,—она широко распространена и среди великороссовъ, и среди бѣлоруссовъ, и среди поляковъ, и среди болгаръ, и среди киргизовъ, и даже среди китайцевъ,—словомъ, какъ въ Европѣ, такъ и въ Азіи [2]). По однимъ сказаніямъ, „прежде зерна по-

[1]) Тамъ же; ср. П. Чубинскій, „Труды Этнограф.-статист. Экспедиціи въ зап.-русскій край“, т. I, стр. 156; М. Драгомановъ, „Малорусскія народныя преданія и разсказы“, стр. 14.—Г. Шимонъ Матусякъ, со словъ „лѣсовиковъ“ Сандомирской пущи, разсказываетъ нѣсколько иначе это преданіе, относя его къ *ржаному колосу*. Ржаной колосъ прежде былъ вдвое больше нынѣшняго. Богородица, желая убѣдиться въ милосердіи людей, пришла въ деревню подъ видомъ нищей просить милостыни. Женщина пекла лепешки и отказала Ей дать кусочекъ, сказавши при этомъ: „Убирайся, старая корга! я лучше дамъ собакѣ!“ Богородица разгнѣвавшись вышла на поле, взяла колосъ и оборвала его верхушку, сколько захватила рука, остальная же часть осталась на память, и то лишь благодаря заступничеству Христа (Przegąd Akademicki 1881, II, статья „Nasze kwiaty polne“).

[2]) А. Веселовскій, „Разысканія въ области русскаго духовнаго стиха“, VI–X, стр. 315; Н. Сумцóвъ, „Очерки исторіи южно-русскихъ апо-

http://rcin.org.pl

крывали стебель ржи отъ верхушки до земли. Кто-то, принявъ это растеніе за ненужное, сталъ ногой ошмыгивать зерна, и они всѣ осыпались. Прибѣжала собака и стала просить оставить для нея,—и зеренъ осталось лишь столько, сколько ихъ теперь есть на колосѣ".—По другимъ сказаніямъ, „въ старое время *вмѣсто снѣга падала съ неба бѣлая мука*. Одна женщина подтерла своего ребенка тѣстомъ,—и съ той поры вмѣсто муки сталъ падать *снѣгъ*".—Въ Тарбагатайской области, Китайской имперіи, записанъ слѣдующій варіантъ этого сказанія, нѣсколько напоминающій собою приведенную выше старобѣльскую легенду. Мужчина и женщина созданы Богомъ (*Бурхунъ-бакчі*) одновременно. Вмѣстѣ съ людьми Богъ создалъ и лошадей. Пищею для тѣхъ и другихъ служила трава. Но люди уничтожали ее въ такомъ громадномъ количествѣ, что лошадямъ не оставалось ничего. Тогда Богъ, оставивъ траву въ пищу лошадямъ, сталъ посылать съ неба *муку* (*кyір*). Ею питались первые люди до тѣхъ поръ, пока родившійся у нихъ сынъ не достигъ пятилѣтняго возраста. Мальчикъ этотъ однажды, въ отсутствіе отца и матери, сидя на постели, совершилъ нѣчто такое, что въ кибиткѣ (*гір*) совершать ни въ какомъ случаѣ непозволительно. Мальчикъ испугался и, желая скрыть слѣды своего преступленія, спряталъ вещественныя улики въ мѣшокъ, на половину наполненный мукой. Богъ, разгнѣванный такимъ поступкомъ мальчика, всю муку, какая находилась на землѣ, превратилъ въ *снѣгъ*. И съ неба послѣ этого вмѣсто муки сталъ падать также снѣгъ. [1]). Наступилъ на землѣ голодъ, грозившій людямъ смертью. Но тутъ является спасительницей человѣка

крифическихъ сказаній и пѣсенъ" (изъ „Кіевской Старины" за 1887 г.), стр. 80—81; Аѳанасьевъ, „Народныя русскія легенды", стр. VIII; „Поэтическія воззрѣнія славянъ на природу", т. I, стр. 482; „Этнографическое Обозрѣніе" 1890 г., VI, стр. 11—12 и др.

[1]) Нужно замѣтить, что поступокъ, совершенный мальчикомъ, и до сихъ поръ считается у торгоутовъ страшнѣйшимъ грѣхомъ, не находящимъ себѣ, кромѣ старческой слабости, никакого оправданія. Кибитка

http://rcin.org.pl

собака (*похá*). Она также голодала вмѣстѣ съ людьми; наконецъ, видя, что приближается смерть, собака стала жалобнымъ воемъ умолять Бога спасти ее и дать ей хоть какую-нибудь пищу, указывая на свою полнѣйшую невиновность и непричастность въ непристойномъ поступкѣ мальчика. Тронутый мольбою собаки, Богъ послалъ ей съ неба одно зерно. Изъ этого зерна, тотчасъ же посаженнаго въ землю, мало-помалу и разросся хлѣбъ, которымъ питались и теперь питаются люди [1]).—Киргизскій варіантъ этого же сказанія представляетъ собою пестрое соединеніе различныхъ легендарныхъ мотивовъ. Люди и лошади сотворены Богомъ одновременно. Тѣ и другіе питались сначала травою. Но лошади съѣдали ея такъ много, что людямъ не оставалось почти ничего. Тогда Богъ, по просьбѣ людей, сталъ посылать имъ съ неба крупу. Люди мѣшали ее съ водою и ѣли. Огня, чтобы сварить пищу, тогда еще не было на землѣ [2]). Прошло нѣсколько лѣтъ. Родъ людской размножился до *сорока*

въ которой совершится этотъ грѣхъ, должна въ продолженіе дня сдѣлать *семь* перекочевокъ, при чемъ на каждомъ мѣстѣ остановки вбивается въ землю *деревянный колъ* (число *семь* и *деревянный колъ* играютъ здѣсь роль потому, что, по преданію, первые люди, лишившись муки, въ *семи* мѣстахъ искали ея и, замѣчая оставляемое мѣсто, въ каждомъ втыкали по *деревянному колу*). Но и по совершеніи *семи* перекочевокъ въ такой кибиткѣ нельзя жить, прежде чѣмъ она не будетъ освящена ламой.

[1]) „Этнографическое Обозрѣніе“ 1890 г., VII, Смѣсь, стр. 264—265.

[1]) О происхожденіи огня у киргизовъ существуетъ слѣдующая легенда. Было время, когда люди не знали огня *(от)*; но потомъ они увидѣли, что безъ огня имъ плохо, и стали просить Бога послать имъ съ неба огонь. Богъ какъ будто не понялъ ихъ просьбы и сотворилъ для нихъ солнце *(кунь)* и луну *(ай)*. Между людьми былъ тогда самымъ мудрымъ „дуана“ (шаманъ) Фрукъ.—„Безъ огня намъ нельзя жить“, говорилъ онъ Богу.—„Я далъ вамъ огонь,—отвѣчалъ Богъ:—днемъ вамъ свѣтитъ солнце, ночью—луна“. Мудрый Фрукъ объяснилъ Богу, что хотя дѣйствительно людямъ нельзя жить безъ солнца и луны, но нельзя также жить и безъ того огня, который въ холодъ согрѣвалъ бы ихъ, на которомъ они могли бы сварить себѣ пищу и т. п. Тогда Богъ послалъ „дуану“ Фрука въ адъ. Тамъ ему дали маленькую искорку. Отъ этой искорки и распространился огонь между всѣми людьми („Этнографич. Обозр.“ 1890, VII, Смѣсь, стр. 265).

http://rcin.org.pl

человѣкъ: *тридцать* взрослыхъ и *десять* дѣтей, изъ которыхъ—*девять* дѣвочекъ и *одинъ* семилѣтній мальчикъ. Мальчикъ этотъ разъ сидѣлъ одинъ себѣ въ юртѣ и, играя, нечаянно напакостилъ. Чтобы скрыть свой поступокъ отъ родныхъ, онъ собралъ все на лопаточку и спряталъ въ *кап* (мѣшокъ) съ крупой. Разгнѣвался Богъ, что мальчикъ такъ осквернилъ Его небесную пищу, и пересталъ посылать людямъ съ неба крупу, а вмѣсто нея сталъ падать оттуда бѣлый снѣгъ. Всю крупу, какая оставалась еще у людей, они скоро съѣли, и насталъ голодъ. Люди начали тогда ѣсть лошадей; но пришло время, и ихъ не стало—всѣхъ съѣли. Началось тутъ у нихъ людоѣдство. Каждый день съѣдали по человѣку: кто дольше всѣхъ проспитъ утромъ, того и съѣдятъ. Наконецъ, и люди всѣ были съѣдены, остался *одинъ* только человѣкъ. Страшный-престрашный былъ онъ: росту сорокъ аршинъ, весь лохматый, глазъ одинъ, три ноги, уши ниже плечей висятъ. Когда оставалось на землѣ ещъ *пять* человѣкъ, онъ, боясь, что когда-нибудь проспитъ утромъ и будетъ съѣденъ, ночью всѣхъ задушилъ и утащилъ изъ урочища Оп-Чиликъ (въ Тарбагатаѣ) на *Мусъ-тау* („Ледяная гора“—высшая точка Саурскихъ горъ, вѣчно покрытая снѣгомъ). Тамъ онъ сидѣлъ и ѣлъ ихъ. Хватило ему этихъ людей только на недѣлю, а потомъ и для него насталъ голодъ. Ровно *девять* лѣтъ просидѣлъ онъ безъ пищи, не двигаясь съ мѣста. Исхудалъ, истощалъ, тонокъ сталъ, какъ палка. Наконецъ, всталъ онъ и пошелъ опять на старое мѣсто, въ урочище *Оп-Чиликъ*. Приходитъ—и видитъ, что весь *Оп-Чиликъ* засѣянъ хлѣбомъ, и стоитъ одна юрта. Вошелъ онъ въ юрту, а тамъ сидитъ съ собакой молодая дѣвушка. Сталъ онъ разспрашивать дѣвушку, откуда она. Дѣвушка разсказала, что она была еще маленькой дѣвочкой, когда люди стали ѣсть другъ друга. Она на другой же день тогда убѣжала съ этой собакой въ горы и спряталась тамъ въ пещеры. Никто не замѣтилъ ея бѣгства. Питалась она каждый день только *однимъ* хлѣбнымъ зерномъ,

http://rcin.org.pl

которое ей приносила собака. А собакѣ Богъ давалъ въ день по *два* зерна: одно она съѣдала сама, а другое отдавала ей, дѣвушкѣ. Видя, наконецъ, что никого уже не осталось въ *Оп-Чиликѣ*, она вернулась сюда и поселилась здѣсь. Собака все продолжала приносить ей по одному зерну. Тогда она стала ѣсть по зерну черезъ день, а въ тѣ дни, когда не ѣла, садила остающіяся зерна въ землю. Изъ нихъ-то и разросся хлѣбъ.—Одноглазъ женился на этой дѣвушкѣ, и снова родъ людской сталъ размножаться [1]).

Ячмень и *горохъ* также произошли отъ слезъ Адама, когда онъ, по изгнаніи изъ рая, обрабатывалъ въ первый разъ землю и плакалъ (Литинск. у.). [2]). Въ частности, о происхожденіи гороха въ Староконстантиновскомъ уѣздѣ разсказываютъ слѣдующую легенду. Когда Господь изгналъ Адама изъ рая, ему пришлось взяться за дѣло—обрабатывать землю, чтобы прокормить себя съ Евою. Трудно было Адаму привыкать къ тяжелой работѣ, и вотъ, когда онъ въ первый разъ принялся за обработку земли и въ первый же разъ ходилъ за плугомъ, то сильно плакалъ,—и гдѣ падали на землю его слезы, потомъ тамъ выросъ горохъ [3]), который во многихъ мѣстностяхъ Украйны называется—очевидно, подъ вліяніемъ приведенной легенды—„слезами Адама“.

Изъ огородныхъ овощей существуютъ краткія сказанія только о *хрѣнѣ* и *чесночѣ*. *О хрѣнѣ* въ Старобѣльскомъ уѣздѣ говорятъ, что до рождества Спасителя онъ былъ страшно ядовитъ. „Жиды“ вздумали было отравить Христа, для чего приготовили хрѣну и „залили“ Его; но Спаситель благословилъ хрѣнъ, уничтожилъ этимъ всю его ядовитость и повелѣлъ христіанамъ ѣсть хрѣнъ совершенно безбоязненно. Потому-то, люди и употребляютъ хрѣнъ въ пищу, особенно же ѣдятъ его на Украйнѣ (съ бураковымъ квасомъ) въ „жилавий понеді-

---

[1]) „Этнографическое Обозрѣніе“ 1890 г., VII, Смѣсь, стр. 264—265.

[2]) Чубинскій, „Труды Этнограф.-статист. Экспедиціи въ зап.-русскій край“, т. I, стр. 84.

[3]) „Кіевская Старина“ 1903 г., Май, стр. 100.

http://rcin.org.pl

локъ“ (понедѣльникъ *первой* недѣли Великаго поста), чтобы „закрементуватьця“ (закрѣпиться) на весь постъ [1]).

Чеснокъ произошелъ изъ зубовъ бабы-волшебницы. Когда умерла эта баба,—разсказываютъ въ томъ же Старобѣльскомъ уѣздѣ,—и ее похоронили, и когда, затѣмъ, у нея выпали зубы въ могилѣ, то изъ этихъ зубовъ и выросъ чеснокъ, вслѣдствіе чего его грѣхъ ѣсть. Кто наѣстся чесноку, тому въ теченіе 12 дней грѣхъ ходить въ церковь: онъ будетъ молиться не Богу, а лукавому, и отъ этого человѣка отступится ангелъ его на 12 дней (а кто наѣстся *луку*, отъ того ангелъ отступится на 10 дней). Въ особенности „не годитьця“ ѣсть чеснокъ противъ ночи: хату, въ которой кто-нибудь наѣстся чесноку, ангелъ будетъ обходить за 12 дворовъ [2]).

Довольно много сохранилось легендъ на Украйнѣ о происхожденіи табаку. Нужно замѣтить, что куреніе проникло сюда несравненно раньше, чѣмъ въ Великороссію, и привилось здѣсь съ поразительною силою. „Люлька“ (трубка) изстари считалась признакомъ хорошаго тона и молодечества, являясь для казака часто единственнымъ развлеченіемъ въ степномъ одиночествѣ „на вартi“ (на стражѣ), на попасѣ и т. п. Она служитъ какъ бы непремѣнною принадлежностью казацкой „ясної зброї“, за нее, по словамъ одной народной украинской пѣсни, казакъ готовъ безъ всякаго сожалѣнія промѣнять жену, а Гоголевскій Тарасъ Бульба изъ за „люльки“ теряетъ даже голову [3]). При всемъ томъ, специфическое

[1]) В. Ивановъ, „Жизнь и творчество крестьянъ Харьк. губ.“, т. I, стр. 318.

[2]) Тамъ же; П. Чубинскій, „Труды Этнограф.-статист. Экспедиціи въ зап.-русскій край“, т. I, стр. 110.

[3]) До чего сильно укоренилась на Украйнѣ среди народа страсть къ куренію, свидѣтельствуетъ слѣдующій весьма грустный фактъ. 4-го января 1907 г. былъ повѣшенъ, по приговору Кіевскаго военно-окружного суда отъ 16 ноября 1906 г., на Лысой горѣ, около Кіева, казакъ Ефимъ Голобородько, 19 лѣтъ отъ роду, за убійство одного и покушеніе на убій-

http://rcin.org.pl

возбуждающее дѣйствіе табаку, какъ и водки, невольно, очевидно, навело народъ на мысль о сверхъестественномъ происхожденіи табаку, признаніе же доставляемаго имъ удовольствія грѣховнымъ заставило признать и первоначальный источникъ табаку нечистымъ. Легенда, записанная въ Черниговскомъ у., разсказываетъ, что когда Богъ разгнѣвался на чертей и сталъ сбрасывать ихъ съ неба, то одинъ чортъ летѣлъ-летѣлъ да и накололся „въ Рудичёвімъ гаю, що підъ *Вертіевкою*“, [1]) на суховерхомъ дубѣ. Висѣлъ на немъ чортъ до тѣхъ поръ, пока начала съ него „порохня“ (труха) сыпаться. Стала падать труха на землю, а изъ той трухи начала расти табачная разсада. Люди стали брать ее тамъ да курить и нюхать, а потомъ и у себя на огородахъ развели [2]).

Въ Чигиринскомъ уѣздѣ записана слѣдующая легенда (записана или передана въ первой своей половинѣ довольно сбивчиво) о происхожденіи табаку изъ серіи „Обходовъ апостольскихъ“. Когда-то *святыхъ* было всего только *трое*: Богъ, Петръ и Павелъ; а больше святыхъ не было на свѣтѣ. Ходили они себѣ всегда втроемъ,—„товарищували“. Вотъ и задумали они построить церковь: „Построимъ,—говорятъ,—церковь *на показъ людямъ* (тогда вѣра была *жидовская*, „було въ разбродъ“: знаетъ каждый, что Богъ есть, а гдѣ Онъ есть—того не знаетъ); будемъ звонить, будемъ Богу молиться, а люди будутъ къ намъ ходить, будутъ глядѣть на насъ и будутъ *приставать* въ нашу вѣру“. *Дерева* изъ лѣсу для постройки церкви они не возили, а носили его на своихъ плечахъ; но что наносятъ они за день, то за ночь черти и разбросаютъ все. Пошли они тогда и запли на ночь къ одному

ство другого стражника въ с. Хоротькахъ, Лубенскаго у. На предложеніе священника исповѣдаться и причаститься Голобородько отвѣтилъ отказомъ и передъ самой казнью попросилъ только позволенія.... *покурить* („Кіевск. Гол.“ 1907 г., № 5).

[1]) М. *Веркіевка* находится въ 12 верстахъ отъ г. Нѣжина.

[2]) Б. Гринченко. „Этнографическіе матеріалы“, вып. I, стр. 10.

http://rcin.org.pl

монаху; а онъ и не знаетъ, что то́—Богъ и св. Петръ, а думаетъ, что простые люди. Бесѣдуютъ они промежду собой.. —„Вотъ,—говорятъ,—подрядились мы одному человѣку выстроить церковь на горѣ, чтобы было гдѣ Богу молиться, но демоны всякій разъ сбрасываютъ *дре́во* съ горы". Монахъ и говоритъ: „Можетъ быть, я какъ-нибудь выстрою ту церковь". А Богъ на это отвѣчаетъ: „Ну, если только выстроишь, то Я тебѣ втрое больше заплачу".—Сидитъ себѣ монахъ, Богу молится,—и какъ повадились къ нему съ того времени черти! Стали они всячески искушать его: набѣгутъ въ церковь да какъ навоняютъ, чтобъ онъ хоть засмѣялся... А монахъ одно себѣ знаетъ—все Богу молится. Наступилъ въ той странѣ голодъ— ни у кого нѣтъ хлѣба. Монахъ сталъ перемалывать тогда золу на жерновахъ, печетъ изъ нея просфорки и раздаетъ людямъ. А черти все лазятъ къ нему, все не даютъ ему Богу молиться. Зазвонилъ онъ однажды „до це́ркви", накадилъ ладаномъ *въ капли́чкѣ*,—посбѣгались черти, *перебива́ютъ* (мѣшаютъ молиться)... Монахъ давай тогда гоняться за ними—и поймалъ-таки, наконецъ, одного. Чортъ просится: „Пусти,—говоритъ,—больше я уже не пойду, не пойдутъ и другіе!" —„Нѣтъ,—отвѣчаетъ монахъ,———не пущу. Наносишь мнѣ вонъ на ту гору лѣсу на церковь, тогда пущу. Только гляди—если не наносишь, такъ я тебя, все равно, снова поймаю!" Дождался чортъ вечера, собралъ всѣхъ остальныхъ чертей, и наносили они столько лѣсу, что не одну, а двѣ церкви можно было построить. Приходятъ Богъ и св. Петръ. Богъ и говоритъ монаху: „Сколько же дать тебѣ за твой трудъ, что ты навозилъ лѣсу?"—„Я,—отвѣчаетъ монахъ,—ничего не хочу, а только пусть дастъ мнѣ Богъ, чтобы я зналъ все, что́ дѣлается на свѣтѣ".—„Нѣтъ,—говоритъ Богъ,—такъ не нужно, чтобы ты *все* зналъ; а развѣ,—говоритъ,—третью часть". И далъ Богъ монаху тому такъ, что онъ зналъ третью часть того, что́ дѣлается на свѣтѣ.—Построили они церковь, и остался монахъ въ той церкви Богу молиться. Начали туда люди ходить, „приставáть у вíру", а монахъ ихъ наста-

http://rcin.org.pl

вляетъ. Черти видятъ, что уже много стало увѣровавшихъ, пришли къ монаху и ну его искушать: танцовали, играли на различныхъ музыкальныхъ инструментахъ... Монахъ не обращаетъ ни на что ровно никакого вниманія. Тогда одинъ чортъ обернулся такимъ точно конемъ, какой былъ у монаха, пришелъ и сталъ у него подъ окномъ. Глянулъ монахъ въ окно—его конь.—„Кто это,—говоритъ,—коня моего выпустилъ? Онъ эти дни застоялся, нужно будетъ проѣздить". Только-что подумалъ это, а конь уже стоитъ осѣдланный.—„Когда бы ты уже,—думаетъ чортъ,—поскорѣе садился!" Видитъ монахъ—конь осѣданъ, и рѣшилъ, что это, должно быть, послушникъ осѣдлалъ, а въ сарайчикъ, гдѣ стоялъ въ это время его настоящій конь, и не заглянулъ. Сѣлъ на чорта и ѣдетъ. Только-что выѣхалъ на дворъ, а чортъ такъ сразу и загудѣлъ вверхъ. Подлетѣлъ чуть не подъ самыя небеса да и спрашиваетъ тогда монаха: „Ну, что тебѣ лучше теперь сдѣлать: бросить ли тебя отсюда такъ, чтобы самъ ты убился, или же—чтобы убилъ другого?" (а чорту все равно—самъ ли монахъ убьется, или убьетъ кого другого, лишь бы согрѣшилъ).—„Отпусти,—говоритъ монахъ,—меня: я тебѣ не то что одного, а десять человѣкъ убью, только чтобы мнѣ еще пожить на свѣтѣ". Чортъ не кинулъ монаха, такъ какъ повѣрилъ, что онъ убьетъ десять человѣкъ, спустилъ на землю и отпустилъ его. Пришелъ монахъ въ свою келлію, а тамъ сидятъ послушники и горюютъ—гдѣ-то онъ подѣлся? Увидавши его, они очень обрадовались. И сталъ монахъ снова попрежнему себѣ Богу молиться. Чортъ ждалъ-ждалъ, пока онъ убьетъ 10 человѣкъ, да такъ и не дождался. Является къ нему, и не даетъ Богу молиться. Опять начали черти искушать монаха, но ничего не могутъ подѣлать. Вотъ старшій чортъ и говоритъ остальнымъ: „Давайте примемъ на себя образъ боговъ и влетимъ къ нему въ келлію, когда онъ будетъ Богу молиться. Онъ обернется къ намъ, такъ какъ мы ему осіяемъ келлію, заглядится, перестанетъ Богу молиться, начнетъ съ нами пить и *гулять*,—и мы тогда сдѣлаемъ съ нимъ

http://rcin.org.pl

все, что́ только захотимъ". Осіяли они келлію. Монахъ подумалъ, что это—ангелы, и очень обрадовался. Черти ему „забили памороки", онъ бросилъ читать книгу, всталъ, а они и говорятъ: „Полно уже тебѣ читать, садись съ нами—*погуляешь*,—мы къ тебѣ пришли въ гости". Монахъ обрадовался, всталъ, поздоровался съ ними—подалъ одиому руку, другому... когда же сталъ подавать третьему, глядитъ—а у нихъ у всѣхъ когти такіе, какъ у пѣтуховъ! Монахъ упалъ и зубы оскалилъ; а черти такъ и загудѣли изъ келліи: думали, что теперь уже монаху пришелъ конецъ. Слуги монаха услыхали, что въ келліи что-то „загуркотіло". Прибѣжали, смотрятъ—а монахъ лежитъ, совсѣмъ какъ неживой. Они ножомъ раскрыли ему ротъ, впустили въ ротъ воды, а затѣмъ начали отливать водою. Очнулся, наконецъ, монахъ, всталъ и говоритъ: „Ахъ,—говоритъ,—лукавые! чего надѣлали!" Умылся, помолился Богу и сѣлъ читать книгу.—Около келліи росъ дуплистый дубъ. Черти зажгли тотъ дубъ—искушаютъ, чтобы монахъ вышелъ тушить. Увидалъ монахъ, что горитъ дубъ, взялъ да и заклялъ въ немъ одного чорта; дубъ вдругъ началъ срастаться, и чорта раздавило въ немъ такъ, что изъ него потекла кровь. Черти и думаютъ; „Что́ бы такое сдѣлать изъ этой крови, чтобы она не пропала?" Подѣлали они „кочерги" и начали разгребать листья—одну часть въ одну сторону, а другую часть—въ другую сторону. И поросъ на томъ мѣстѣ „бурьянъ" съ громадными листьями. Стали прпходить туда паны и начали рвать тѣ листья,—и они имъ показались такими ароматными! И вотъ стали они рѣзать листья, курить и нюхать. Такъ какъ черти разгребали листья на *двѣ* стороны, то и *табакъ* поросъ неодинаковый: съ одной стороны поросъ „лёхкий" (Nicotiana Tabacum L.), а съ другой—„корінці, мархо́тка, листа́тий" (Nicotiana rustica L.)... Такъ какъ табакъ пошелъ изъ чортовой крови, то его и не годится курить... Теперь уже весь свѣтъ „засмердівся" имъ, и если какая душа и есть, можетъ быть, праведная, такъ и та не пойдетъ въ рай черезъ табакъ [1]).

[1]) Б. Гринченко, „Этнографическіе матеріалы", вып. 2. стр. 11—15.

http://rcin.org.pl

Легенда, записанная въ с. Литвякахъ, производитъ табакъ также изъ самаго, такъ сказать, *естества* чорта. Нечистый обыкновенно искушаетъ каждаго христіанина, и какъ только идетъ въ церкви служеніе, онъ уже тамъ, и выходитъ изъ нея только тогда, когда поютъ „Херувимъ“ (Херувимскую пѣснь). Вотъ „батюшки“ однажды и велѣли „понавѣшувать на всіхъ вікнахъ во имя Господне“, чтобы нечистый не могъ никогда выскочить изъ Божьяго храма. Запѣли „Херувимъ“: чортъ хотѣлъ было выскочить изъ церкви, да ужъ никакъ не могъ. Прибѣжалъ къ дверямъ—нельзя выскочить; онъ тогда прыгнулъ было въ окно, упалъ со всего разгона назадъ, заревѣлъ, и околѣлъ.—„Пускай себѣ лежитъ,—говорятъ *батюшки*,—пока отойдетъ служеніе“. Послѣ служенія подняли убившагося чорта, вынесли его изъ церкви и думаютъ: „Что съ нимъ дѣлать? закопать?—Нѣтъ, лучше сжечь, чтобы не осталось послѣ него и воспоминанія!“ Собрались паны глядѣть. Сожгли чорта—и вдругъ, на томъ мѣстѣ, гдѣ перегорѣлъ чортъ, оказалась не зола, а сѣмена.—„Что-за сѣмена такія?“—совѣтуются промежду себя паны. Вотъ одинъ номѣщикъ забралъ ихъ и посѣялъ у себя дома, чтобы посмотрѣть, что вырастетъ изъ этихъ сѣмянъ? Распахали большую такую гряду и засѣяли ее. Поросла трава. Съѣхались всѣ паны, смотрятъ—поросла какая-то трава, а кто ее знаетъ, для чего она пригодна! Когда подъѣзжаетъ къ нимъ „чужій (неизвѣстный) панъ“.—„Здравствуйте, господа! что вы тутъ ходите?“—„Да вотъ никакъ не можемъ понять, что это-за трава такая?“—„Трава эта—очень хорошая, очень полезная для людей: ее хорошо курить каждому человѣку,—тотчасъ же почувствуетъ въ себѣ особенную бодрость“. И разсказалъ затѣмъ тотъ „чужій панъ“, какъ нужно ухаживать за *табакомъ*, какъ и пасынковать его. Послѣ того попрощался и говоритъ своему кучеру: „Не горюй, братъ: наша *хвамилія* не пропала, не пошла ни во что,—вездѣ будутъ употреблять теперь табакъ“.—А тотъ „чужій панъ“ да былъ самъ чортъ [1]).

[1]) „Кіевская Старина“ 1899 г. Сентябрь, стр. 389—390.

По легендѣ, записанной въ Бѣлгородскомъ уѣздѣ, про табакъ приснилось одному человѣку во снѣ. Ходилъ этотъ человѣкъ по монастырямъ Богу молиться. Пришелъ онъ разъ въ какой-то монастырь, и увидѣлъ въ той слободѣ или въ томъ городѣ табакъ въ цвѣту. И снится ему ночью: цвѣтетъ картофель; на картофелѣ растутъ яблоки, и кто-то говоритъ ему: „Нарви ты тѣхъ яблочекъ, закопай ихъ въ горячій навозъ,—вырастетъ разсада; посади ты тогда разсаду на гряду и все поливай и поливай... и тогда вырастетъ у тебя что-то особенное“.—Тотъ человѣкъ такъ и сдѣлалъ: нарвалъ яблочекъ, закопалъ ихъ въ горячій навозъ и каждый день все ходитъ и смотритъ, когда появится разсада. Приходитъ на двѣнадцатый день, а тамъ сидитъ еврей.—„Чего ты, *чоловіче*, все ходишь?“—спрашиваетъ еврей.—„Я тутъ одну штучку закопалъ“.—„Какую?“ Онъ и давай разсказывать еврею.—„Не ходи же ты теперь шесть дней,—говоритъ еврей,—такъ разсада сама покажется“. Человѣкъ тотъ не ходилъ шесть дней, и разсада дѣйствительно сама показалась. Вскопалъ онъ тогда небольшую грядочку, высадилъ разсаду да все поливаетъ и поливаетъ. Видятъ это люди и спрашиваютъ его, въ чемъ дѣло?—„Вамъ не спрашивать, а мнѣ не отвѣчать“, сказалъ онъ. А одна дѣвушка—должно быть, „Неділя, св. Вскресéніе“—и говоритъ: „Развѣ же это Богъ далъ? Это не Богъ далъ! Какому богу молился, тотъ и далъ, а это не Божье!“—„Что же мнѣ далать?“—„Если хочешь спасенія своей душѣ, такъ откажись отъ этого дѣла; а если хочешь сдѣлаться богачомъ, такъ продолжай: кого просилъ, тотъ тебѣ и дастъ“.—„А, что Богъ дастъ!“—„Это не Богъ: Богъ на небесахъ, а твой богъ въ свинномъ хлѣву стоитъ!“—„Какъ бы то ни было, а я тебя не послушаюсь!“—сказалъ человѣкъ, и пошелъ въ свинной хлѣвъ посмотрѣть, правду ли говорила дѣвушка? Дѣйствительно, въ свинномъ хлѣву стоитъ лукавый, весь въ золотѣ, и говоритъ: „И ты, *чоловіче*, будешь весь въ золотѣ“.—„Чего я хотѣлъ, то мнѣ Богъ и далъ!“—„Тутъ Бога нѣтъ. Будь мнѣ товарищемъ,—продолжалъ лукавый:—

http://rcin.org.pl

никого не слушай, а все поливай и поливай разсаду; а когда вырастетъ, листья обломай, а сѣмена приберегай,—будешь большимъ богачомъ" [1].

По другимъ легендамъ, чортъ даетъ людямъ табакъ уже въ совершенно готовомъ видѣ, и самъ научаетъ ихъ курить и нюхать. Такъ, напр., по одному мѣстному разсказу черти отвлекаютъ шедшаго въ церковь крестьянина въ лѣсъ и здѣсь дарятъ ему трубку и научаютъ курить [2].

Легенда, записанная въ Александровскомъ уѣздѣ, связываетъ начало куренья и нюханья съ началомъ питья водки и ведетъ его отъ пустынника, котораго соблазнилъ на все это лукавый. Когда-то въ „Запорожскихъ пущахъ" жилъ пустынникъ. Долго онъ тамъ жилъ, и стало ему, наконецъ, скучно одному: не ѣстъ, не пьетъ, не молится. Вотъ лукавый принялъ на себя образъ человѣка и является къ пустыннику.—„Чего ты, пустынникъ,—спрашиваетъ,—пригорюнился?"—„Того,—говоритъ,—что одинъ-одинешенекъ *въ пущахъ*: скучно."—„На тебѣ коробочку съ порошкомъ: понюхаешь—сдѣлается тебѣ такъ, какъ будто ты вдвоемъ съ кѣмъ-нибудь". Ушелъ нечистый. Потянулъ пустынникъ носомъ порошку разъ, другой, третій—чихнулъ, и ему сдѣлалось весело. На другой день снова является нечистый.—„А что,—спрашиваетъ,—какъ?"—„Весело,—отвѣчаетъ пустынникъ:—точно вдвоемъ".—„На же вотъ тебѣ зелья и трубку: покуришь—и сдѣлается тебѣ такъ, какъ будто втроемъ". Покурилъ пустынникъ—и стало ему веселѣе прежняго. Является нечистый и на третій день.—„Ну, что,—спрашиваетъ,—какъ?—„Весело,—отвѣчаетъ пустынникъ:—точно втроемъ".—„На же тебѣ посудину съ каплями: какъ выпьешь—почувствуешь себя, точно вдесятеромъ". Исчезъ лукавый. Выпилъ пустынникъ—и стало ему, точно вдесятеромъ: какъ запоетъ, какъ заиграетъ, какъ подниметъ полы да какъ пу-

[1]) „Кіевская Старина" 1893 г., Мартъ, стр. 547.

[2]) „Кіевская Старина" 1899 г., Сентябрь, стр. 390.

http://rcin.org.pl

стится плясать *гопака навприсядки*!... Лукавый приносилъ табакъ и водку,—это его изобрѣтеніе [1]).

Существуетъ на Украйнѣ и еще одинъ взглядъ на на нечистое происхожденіе табаку: онъ выросъ,—говорятъ, —„изъ тѣла той блудницы, которая сняла Предтечѣ голову“. [2])

Приведенныя до сихъ поръ легенды, настаивая на нечистомъ происхожденіи табаку, тѣмъ самымъ выражаютъ горячій протестъ противъ его куренья и нюханья. Но и то и другое (послѣднее главнымъ образомъ среди „хліборобівъ“-земледѣльцевъ), какъ мы сказали уже, вошло чуть ли не въ плоть и кровь украинца, и теперь уже никто почти не вытряхиваетъ, отправляясь въ церковь, начисто изъ „кишéнь“ (кармановъ) всякихъ остатковъ и признаковъ табаку, а тѣмъ болѣе не одѣваетъ новыхъ, не „опоганенныхъ“ табакомъ, штановъ, какъ это дѣлалось „куріями“ въ старину. Вотъ почему, на ряду съ приведенными нами выше легендами, на Украйнѣ существуютъ и такія легенды о происхожденіи табаку, изъ которыхъ слѣдуетъ выводъ, что въ куреніи „нема́ (нѣтъ) а ні гріха́, а ні спасéнія“. Такова, напр., легенда, записанная г. А. Катрухинымъ въ поѣздѣ желѣзной дороги со словъ одного „сідóго діда“. Легенда эта представляетъ собою своеобразную народную переработку извѣстнаго библейскаго эпизода о гнусномъ осквернении старшимъ сыномъ Давида Амноном родной своей сестры Ѳамари и о кровавой мести за сестру Авессалома (2 Цар. 13 гл.). Вотъ эта въ высшей степени оригинальная легенда.—Дѣло было очень давно. Далеко не за памяти не только отцовъ или дѣдовъ, а даже и прадѣдовъ, царствовалъ въ какой-то землѣ царь Давидъ. Былъ у него одинъ-однимъ сынъ, по имени... (имени

[1]) „Кіевская Старина“ 1888 г., Апрѣль, стр. 20.

[2]) М. Драгомановъ, „Малорусскія народныя преданія и разсказы“, стр. 13; ср. великорусскую легенду о томъ же у Костомарова—„Памятники стар. русской литературы“, вып. II, стр. 427.

http://rcin.org.pl

разсказчикъ никакъ не могъ припомнить—„якéсь чужé“). Была у царя Давида, среди прочей челяди, одна дѣвушка, прислуживавшая царицѣ, „такá зъ сéбе гáрна, такá брáва, такá крáля“, что и сказать нельзя; краше ея не было во всемъ царствѣ томъ ни между пáннами, ни между мужúчками Нѣтъ ничего, поэтому, удивительнаго, что въ нее сильно влюбился царевичъ. Влюбился онъ, и выкинулъ очень некрасивую вещь. Вдругъ заболѣлъ, ни съ того-ни съ сего; но болѣзнь была не настоящая, а притворная. Заболѣлъ такъ, что и изъ комнаты своей не выходитъ: „Не могу,—говоритъ,—и порога переступить“. Наступилъ часъ обѣда. Приглашаютъ его, какъ это принято, къ общему столу.—„Ничего,—говоритъ,—не хочу, не могу даже видѣть пищи“. Не идетъ. Услышалъ про то Давидъ и говоритъ своей женѣ, царицѣ: „Ты бы, *стара́*, послала сыну хоть печеное яблочко. Можетъ быть, онъ съѣлъ бы, для подкрѣпленія себя, чего-нибудь сладенькаго, вкусненькаго, такъ какъ нельзя же, хотя бы то и больному человѣку, не ѣсть ничего: здоровый—и тотъ безъ пищи ослабѣетъ совсѣмъ, а больной и подавно. Послушалась царица, исполнила волю мужа: тотчасъ же заходилась, спрягла два яблочка, положила ихъ на серебряную тарелочку и, позвавши красавицу-служанку, велѣла ей отнесть къ сыну. Понесла она. Царевичъ, взявши яблочки, велѣлъ красавицѣ обождать, пока онъ съѣстъ ихъ, чтобы, значитъ, потомъ посуду убрала, а самъ тѣмъ временемъ позвалъ часового, который всегда обыкновенно стоитъ подлѣ царскихъ покоевъ, и отдалъ ему строгій приказъ, чтобы неотлучно стоялъ подлѣ дверей и никого ни подъ какимъ предлогомъ не пускалъ къ нему. Отдавши этотъ приказъ, царевичъ произвелъ затѣмъ гнусное насиліе надъ красавицей. Черезъ нѣкоторое время дѣвушка выбѣжала изъ комнаты царевича съ громкимъ плачемъ и, причитывая на весь дворъ, направилась прямо къ царю жаловаться. Выслушалъ ее Давидъ и, жалѣя своего сына,—потому что въ старину хотя и не такъ было, какъ теперь, а все же за подобное престу-

http://rcin.org.pl

леніе подвергали смертной казни,—велѣлъ ей молчать и никому не говорить о происшедшемъ ни слова, за что́ обѣщалъ щедро наградить ее и деньгами и всѣмъ прочимъ. Дѣло въ томъ, что царь больше огня боялся судей, чтобы они—не дай Богъ—не дознались какъ-нибудь: судьи были такіе, что если только дознаются, то непремѣнно привлекутъ къ законной отвѣтственности—не посмотрятъ, что царскій сынъ, скажутъ: „Законъ“,—а противъ этого и самъ царь ничего не подѣлаетъ. Чего Давидъ боялся, то и случилось: если бы зналъ объ этомъ одинъ человѣкъ или два, то еще, пожалуй, дѣло какъ-нибудь и можно было бы замять, а то вѣдь сколько народу видѣло, какъ дѣвушка бѣжала отъ царевича съ растрепанными волосами и громкимъ плачемъ; всѣ, конечно, тотчасъ же поняли, въ чемъ дѣло, и разблаговѣстили „по усіхъ усо́дахъ“—языкъ-то, вѣдь, безъ костей. Такъ дѣло дошло, наконецъ, и до судей. Дознались они, и обрадовались.—„Подавай его,—говорятъ,—сюда: будемъ судить!“—И привлекли царевича къ суду. Судили это они, судили, и присудили снять съ него голову. Казнили царевича, и похоронили его за городомъ, въ степи, точно разбойника какого. Дѣвушка же послѣ этого сдѣлалась, какъ полоумная. Плачетъ, тужитъ. И весь день плачетъ, и всю ночь плачетъ. Ничего съ нею не могутъ подѣлать. Ничѣмъ не могутъ ее успокоить. Ее страшно потрясло то, что изъ-за нея казнили человѣка—да не какого-либо, а самого царскаго сына. Только-что станетъ разсвѣтать, какъ она уже и идетъ за городъ, на могилку. Упадетъ пластомъ на ней, и тужитъ-разливается, такъ что кругомъ стонъ стоитъ. Плачетъ и все проситъ казненнаго царевича, чтобы простилъ ее; а слезы изъ глазъ, точно вода изъ ключа, такъ и бѣгутъ, такъ и льются на землю. Поливаетъ она ими каждый день ту могилку. И выросло отъ ея слезъ этихъ на могилкѣ царевича растеніе, такое красивое, зеленое, высокое да кудрявое, какъ капуста. Дѣвушка тогда и молитъ Бога: „Господи!—говоритъ:—если Ты и онъ простили меня за мою вину, кото-

http://rcin.org.pl

рая такъ давитъ мени, то сдѣлай, чтобы растеніе, которое выросло изъ моихъ слезъ, полюбили всѣ люди на всемъ свѣтѣ!“ Внялъ Господь этой ея молитвѣ и сдѣлалъ такъ, какъ она просила: полюбили то растеніе всѣ люди, какіе только живутъ на землѣ.... А откуда пошло самое названіе этому растенію, такъ вотъ откуда. Была у той дѣвушки маленькая собачка-„цуцикъ“, изъ породы тѣхъ, что паны держатъ въ комнатахъ. Собачка эта всюду бѣгала за нею. Куда, бывало, ни идетъ она, и собачка за нею слѣдомъ. Ходила собачка и на могилку за нею. Когда выросло то растеніе, собачка забѣжитъ въ него, и начнетъ барахтаться въ немъ и топтать его. А дѣвушка все, бывало, прогоняетъ ее оттуда, чтобы она не портила травы, и кричитъ на нее: *тю, тю, тю, тю, тю, тю!* Вотъ почему растеніе то и стало называться *тютюно́мъ* (*тютю́нъ*—табакъ) [1].—Вотъ теперь и разсудите сами,—закончилъ разсказчикъ,—грѣхъ, или не грѣхъ курить?— Нѣтъ въ куреніи никакого грѣха, нѣтъ и спасенія [2]).

И такъ смотрятъ на куреніе во многихъ мѣстностяхъ Украйны. Въ Старобѣльскомъ, напр., уѣздѣ говорятъ, что кто куритъ, но *не плюетъ* при этомъ, тотъ грѣха не дѣлаетъ; но кто куритъ и *плюетъ*, тому не миновать ада, *потому что земля всѣмъ намъ мать*: мы всѣ изъ земли, землею

---

[1]) О происхожденіи названія табака намъ лично пришлось слышать въ Бердянскомъ уѣздѣ слѣдующій разсказъ. Остановились въ степи чумаки и стали варить ужинъ на могилкѣ, которая поросла какою-то особенною травою. Когда потомъ трава эта отъ огня подсохла и загорѣлась, одинъ изъ чумаковъ, пораженный распространившимся вокругъ невѣдомымъ дотолѣ ароматомъ, въ удивленіи воскликнулъ: „Ти-ба!“ (посмотрика!). Неразслышавшій, какъ слѣдуетъ, другой чумакъ въ недоумѣніи переспросилъ: „*Табакъ?*“—„Тю-тю“—„затюкалъ“ на него первый.—„*Тютюнъ?*“—съ новымъ недоумѣніемъ переспросилъ тотъ, опять не разслышавши. Съ тѣхъ поръ и стали называть новооткрытое зелье *табакомъ* и *тютюномъ*.

[2]) „Кіевская Старина“ 1890 г., Августъ, стр. 326—329.

http://rcin.org.pl

живемъ и въ землю снова пойдемъ, и *того земля не пріиметъ, кто на нее плюетъ* [1])

Такъ же двоится на Украйнѣ взглядъ и на нюханье табаку. Легенда, записанная въ Александровскомъ уѣздѣ, ведетъ начало нюханья все отъ тѣхъ же чертей. Умерла,—говоритъ легенда,—у чорта мать. Положилъ онъ ее и погонялъ всѣхъ чертей плакать. Собрались „курії“ съ трубками, а „нюхарі“ съ *рожка́ми* (на Украйнѣ въ прежнее время нюхательный табакъ носили главнымъ образомъ въ *рожка́хъ*, а потомъ уже—въ тавлинкахъ). Вотъ „курії“ сѣли въ одинъ рядъ подлѣ чортовой матери, а „нюхарі“—въ другой. „Курій“ что потянетъ изъ трубки, да и плюнетъ чортовой матери „міжи́-очі“,—такъ всю ее и оплевали; „нюхарі“ сидятъ себѣ „смирненько“, и когда потянетъ который-либо табаку изъ рожка, то изъ глазъ покатятся слезы, точно онъ плачетъ. Смотритъ чортъ, смотритъ да и говоритъ: „Хорошее это дѣло—нюхать табакъ: и себя повеселишь, и по другомъ поплачешь.“ Дознались люди, что чортъ похвалилъ нюхарей, и давай и себѣ толочь табакъ да потягивать изъ рожка, какъ тѣ черти, которые плакали за чортовою матерью [2]).

Между прочимъ, П. В. Шейнъ [3]), основываясь на этой легендѣ, а Ив. Манджура [4]), основываясь на записанной имъ въ Александровскомъ уѣздѣ „прика́зкѣ“ о „нюхаряхъ“, выводятъ оба довольно носящное заключеніе, будто нюханье табаку считалось на Украйнѣ дѣломъ зазорнымъ и даже презиралось, тогда какъ куренье служило признакомъ молодечества и, такъ сказать, хорошаго тона. Ни о „зазорно-

---

[1]) В. Ивановъ, „Жизнь и творчество крестьянъ Харьковской губ.“, т. I, стр. 457.

[2]) М. Драгомановъ. „Малорусскія народныя преданія и разсказы“, стр. 13.

[3]) „Труды Этнограф. Отдѣла Императ. Общества любителей естествознанія, антропол. и этногр. при Московск. Универс.“ 1886 г., вып. 48, замѣтка: „Приговоры или причеты о табакѣ“.

[4]) „Кіевская Старина“ 1888 г., Май, стр. 54.

http://rcin.org.pl

сти", ни о „презрѣніи" въ данномъ случаѣ не можетъ быть и рѣчи. „Куріи" добродушно насмѣхались и насмѣхаются надъ „нюхарями", „нюхарі", въ свою очередь, не менѣе же добродушно насмѣхались и насмѣхаются надъ „куріями"—и только всего. Главнымъ поводомъ для насмѣшекъ „куріівъ" надъ „нюхарями" являлась нечистоплотность послѣднихъ, которые послѣ нюханья обыкновенно никогда почти не утираются; но въ утѣшеніе ихъ въ Старобѣльскомъ уѣздѣ говорятъ, что кто нюхаетъ и *не утирается*, тотъ не совершаетъ грѣха: надъ нимъ смѣются люди и осуждаютъ его, и тѣмъ самымъ берутъ съ него грѣхъ на себя [1]). Въ Бѣлгородскомъ же уѣздѣ говорятъ, что нюхать табакъ даже благословила Сама Пресв. Богородица. Одинъ разъ начала болѣть голова у Божіей Матери. Понюхала Она табаку,—и голова перестала болѣть. Божія Матерь и говоритъ тогда: „У Меня отъ нюханья перестала голова болѣть, пусть же и весь крещеный міръ пользуется этимъ средствомъ, отъ котораго у Меня перестала голова болѣть" [2]).

---

[1]) В. Ивановъ, „Жизнь и творчество крестьянъ Харьковск. губ.", т. I, стр. 457.

[2]) „Кіевская Старина" 1893 г., Мартъ, стр. 548.

http://rcin.org.pl

Украинскія легендарныя сказанія и преданія о деревьяхъ и кустарникахъ.

Легендарныхъ сказаній и преданій о деревьяхъ и кустарникахъ сохранилось на Украинѣ очень мало, при чемъ источникомъ ихъ являются, въ большинствѣ случаевъ, тѣ или другіе апокрифы. Самое происхожденіе лѣса народъ въ Подольской губ. связываетъ съ проклятіемъ Богомъ змія, послѣ грѣхопаденія прародителей; до тѣхъ же поръ лѣсу совсѣмъ не было, а росла всюду (за исключеніемъ, конечно, рая) одна только трава. Когда Господь проклялъ змія, онъ тотчасъ же пошелъ по-подъ землею, и куда онъ пошелъ, тамъ вездѣ заросла земля лѣсомъ [1]). Такъ какъ и впослѣдствіи для произрастанія лѣса со стороны человѣка не требовалось никакихъ особенныхъ трудовъ, то въ народѣ укоренился взглядъ на лѣсъ, какъ на bonum nullius, вслѣдствіе чего кража лѣса, особенно помѣщичьяго—и притомъ на дрова, не считается даже болѣе или менѣе предосудительною или зазорною; мать-земля родитъ его на общую потребу всѣхъ и каждаго. Такой взглядъ на лѣсъ существуетъ и у весьма многихъ другихъ народовъ. Даже щепетильные въ отношеніи чужой собственности нѣмцы—и тѣ (въ окрестностяхъ, напр., Берлина) считаютъ, что лѣсъ не имѣетъ хозяина, и потому

[1]) М. Драгомановъ, „Малорусскія народныя преданія и разсказы“. стр. 387.

http://rcin.org.pl

воровать его—нисколько непреступно: „лѣсъ растетъ для всѣхъ“, говорятъ прусскіе крестьяне [1]).

Въ Старобѣльскомъ же уѣздѣ говорятъ, что всѣ деревья лѣсныя, парковыя и фруктовыя—сажалъ и сѣялъ Самъ Господь на потребу человѣка [2]).

Отиосительно фруктовыхъ деревьевъ намъ не приходилось въ этнографическихъ сборникахъ и матеріалахъ встрѣчать никакихъ легендарныхъ сказаній и преданій. Что же касается остальныхъ деревьевъ, то, по количеству народныхъ суевѣрій, первое мѣсто должно быть отведено, безспорно, *осинѣ*, или „осйкѣ“ (Populus Tremula L.).

Осина сотворена Богомъ и первоначально ничѣмъ особеннымъ не выдѣлялась изъ среды прочихъ деревьевъ. Новый, такъ сказать, періодъ исторіи ея начинается съ пришествія въ міръ Христа Спасителя. Свойство листьевъ осины дрожать даже въ то время, когда не шелохнетъ въ природѣ ни малѣйшій вѣтерокъ, заставило народъ считать это дерево заклятымъ, проклятымъ. Проклята осина Богомъ за то, что не поклонилась Пресв. Богородицѣ во время бѣгства Св. Семейства во Египетъ [3]). По другому варіанту (Житом. у.), она проклята Богомъ, и у нея постоянно дрожатъ листья потому, что когда Іосифъ и Пресв. Дѣва Марія бѣжали во Египетъ, то, при приближеніи воиновъ, посланныхъ для ихъ преслѣдованія Иродомъ, они скрылись подъ осину. И вотъ, въ то время, какъ всѣ деревья при этомъ совершенно замолкли, одна только осина продолжала шелестѣть листьями [4]). Въ Старобѣльскомъ уѣздѣ говорятъ, что незадолго до Своихъ крестныхъ страданій и смерти Спаситель сирятался однажды подъ

[1]) Krause. „Zeitschr für Ethnol“, 1883, 88.

[2]) В. Ивановъ, „Жизнь и творч. крестьянъ Харьковск. губ.“, т. I, стр. 313.

[3]) „Бесѣда“ 1872 г., т. VIII, стр. 71.

[4]) П. Чубинскій, „Труды Этногр.-статист. Экспедиціи въ зап.-русскій край“, т. I, стр. 76.

http://rcin.org.pl

осиною отъ „жидівъ“ которые хотѣли схватить Его. Осина вдругъ какъ зашелеститъ листьями при полной тишинѣ, царившей всюду въ природѣ! Спаситель испугался и проклялъ ее сказавши: „Чтобъ же ты шелестѣла и съ вѣтромъ и безъ вѣтра!“ [1]) Но наиболѣе распространено на Украйнѣ, какъ и у нѣмцевъ и у сербовъ [2]), повѣрье, будто листья осины дрожатъ вслѣдствіе того, что на ней повѣсился Іуда Искаріотскій [3]). Сначала онъ хотѣлъ было повѣситься на березѣ, но послѣдняя такъ испугалась, что побѣлѣла, отчего у нея и теперь кора бѣлая. [4]) По другому варіанту, Іуда прибѣжалъ сначала къ грушѣ и хотѣлъ было на ней повѣситься; но груша оказалась слишкомъ колючей. Тогда онъ подошелъ къ осинѣ и удавился на послѣдней. Потому-то осина и теперь такъ дрожитъ; груша тоже дрожитъ и трясется, но не такъ сильно, какъ осина [5]). Г. Бѣньковскій записалъ въ Заславскомъ уѣздѣ и еще одинъ варіантъ, распространенный также и въ Литвѣ. Жили когда-то и гдѣ-то двѣ вѣдьмы: мать и дочь. Онѣ были очень большія вѣдьмы и сильно не ладили между собою; одна другую страшно ненавидѣли, и одна другой постоянно „пакостили“. Разъ какъ-то мать заманила къ себѣ дочку и убила ее, при чемъ тѣло порѣзала на куски и развѣсила ихъ по всѣмъ деревьямъ. Не повѣсила только на осинѣ.

[1]) В. Ивановъ, „Жизнь и творчество крестьянъ Харьк. губ.“, т. I, стр. 314.

[2]) „Сборникъ Академіи Наукъ“, т. 32, ст. Веселовскаго, стр. 245 -246, примѣч. и стр. 455—456.

[3]). П. Чубинскій, „Труды Этногр.-статист. Экспедиціи въ зап.-русскій край“, т. I, стр. 76; Ефименко, „Сборникъ малор. заклинаній, стр. 11 и др. О человѣкѣ, который почему-либо дрожитъ и трясется, на Волыни говорятъ: „труситься, якъ осичина“; о злыхъ людяхъ: „його (треба) повісити на сухій осиці“; „бодай (вінъ) повісився на сухій осиці“ („Кіевская Старина“ 1898 г., Іюль-Августъ, отд. II, стр. 7).

[4]) П. Чубинскій, „Труды Этногр.-статистич. Экспед. въ зап.-русскій край“, т. I, стр. 76.

[5]) „Кіевская Старина“ 1898 г., Іюль—Августъ, отд. II, стр. 6.

http://rcin.org.pl

Осина задрожала отъ зависти и злости, и съ тѣхъ поръ дрожитъ и трясется отъ злости и по настоящее время [1]).

Какъ проклятое дерево, осина никогда не употребляется при постройкѣ домовъ, потому что, въ противномъ случаѣ, вся семья будетъ дрожать день и ночь „одъ хворóбы“, какъ дрожитъ осина. Равнымъ образомъ, „грѣхъ“ осиновою палкою бить „скотину“ и людей, которые сейчасъ же „скрýтятьця“ [2]).

Будучи деревомъ проклятымъ и нечистымъ, осина, въ то же самое время, является самымъ лучшимъ и надежнымъ оберегомъ отъ всякой „нéчисти“ и „нóгані“: чертей, вѣдьмъ, колдуновъ покойниковъ, упырей и т. п. Наибольше вреда въ хозяйствѣ вѣдьмы причиняютъ тѣмъ, что забираются по ночамъ въ коровники, выдаиваютъ до крови и тѣмъ совершенно портятъ коровъ. Если сдѣлать весь заборъ, или огорожу вокругъ „обóри“, или „зáгороди“, гдѣ стоятъ ночью коровы, изъ осиновыхъ кольевъ и жердей или вкопать хотя нѣсколько осиновыхъ кольевъ въ нее, то вѣдьма не пройдетъ черезъ такой заборъ, и коровы будутъ застрахованы отъ порчи ею (Заславск. и Староконст. уу.); въ крайнемъ случаѣ можно ограничиться втыканіемъ осиновыхъ вѣточекъ въ плетень „зáгороди“ (Старобѣльск. у.) [3]) или тѣмъ, чтобы былъ осиновымъ хотя колъ, къ которому привязываютъ корову (Староконст. у.) [4]). Въ нѣкоторыхъ селахъ Староконстантиновскаго уѣзда, съ цѣлію предохраненія отъ вѣдьмъ коровъ

[1]) В. Ивановъ. „Жизнь и творчество крестьянъ Харьковск. губ“, т. I, стр. 314.

[2]) П. Чубинскій, „Труды Этнограф.-статист. Экспедиціи въ зап.-русскій край“, т. I, стр. 76.

[3]) В. Ивановъ, „Жизнь и творч. крестьянъ Харьковск. губ.“, т. I, стр. 314.

[4]) „Кіевская Старина“ 1898 г., Іюль—Августъ, отд. II, стр. 7; Zbiór wiadomości, wydawany staraniem komisyi antropologicznéj Akademii umiętności w Krakowie, 1877 -1889„ т. XIII, *Rokassowska*, O swiecie roslinnym w podaniach ludu ruskiego na Wolyniu.

http://rcin.org.pl

и телятъ, одѣваютъ тѣмъ и другимъ на шею обручи изъ молодыхъ осиновыхъ прутьевъ, подкуриваютъ вымя коровъ осиновой корой и листьями [1]). Для предохраненія дома и человѣка отъ вѣдьмъ, держатъ въ избѣ осину (для той же цѣли держатъ въ избѣ еще крапиву, рябину, освященныя въ церкви въ недѣлю Ваій вѣтки вербы) и носятъ при себѣ маленькія осиновыя цурки [2]) Съ осиновой палкой въ рукахъ во всякое время ночи можно итти, куда угодно: къ такому человѣку не подступитъ никакая „нечисть“, или „погань“ (Староконст. у.) [3]).

Если умретъ вѣдьма или упырь, то, чтобы они не наталисъ по ночамъ и не безпокоили людей, нужно, — говорятъ въ Староконстантиновскомъ уѣздѣ, — сдѣлать „на труні“, или „домовині (гробъ) все „віко“ (крышку) или хотя часть его изъ осиновой доски. Такое „віко“ не пуститъ изъ гроба вѣдьмы или упыря, которые не въ состояніи поднять его, и потому не будутъ вставать изъ могилы [4]). Вообще же, чтобы избавиться отъ посѣщеній покойниковъ, по общераспространенному во всей Волынской губерніи вѣрованію, нужно вбить въ могилу неспокойнаго „мреця“ осиновый колъ (Заславскій и Староконст уу.) или пробить самого покойника осиновымъ коломъ въ гробу (Ковельск. и Владимировол-ынск. уу.): это средство самое надежное и дѣйствительное [5]). Послѣднее вѣрованіе тождественно съ вѣрованіемъ, бытующимъ въ Самарской губерніи; разница лишь въ томъ, что, по самарскому вѣрованію, осиновый колъ нужно вбить покойнику или покойницѣ *въ задъ* [6]). Если на окнахъ и у дверей,

---

[1]) „Кіевская Старина“ 1898 г., Іюль—Августъ, отд. II, стр. 8.

[2]) Мандельштамъ, „Опытъ объясн. обыч.“, стр. 307.

[3]) „Кіевская Старина“ 1898 г., Іюль—Августъ, отд. II, стр. 8.

[4]) „Кіевская Старина“ 1898 г., Іюль—Августъ, стр. 8.

[5]) Тамъ же, стр. 7; П. Чубинскій, „Труды Этногр.-статист. Экспедиціи въ зап.-русскій край“, т. I, стр. 76.

[6]) Садовниковъ, „Сказки и преданія Самарскаго края“.

http://rcin.org.pl

когда ходить покойникъ, положить по куску осины, то покойникъ низачто не войдетъ въ хату [1]).

Много также помогаетъ осина для прекращенія продолжительной засухи. Для этого нужно выкопать изъ могилы недавно похороненнаго на кладбищѣ самоубійцу,—особенно, если это былъ *висѣльникъ* или *утопленникъ*,— вынесть его за село и тамъ закопать „на раздорóжжі“ (распутьи), въ могилу же вбить осиновый колъ (Староконст. у.); или же бросить выкопанный на кладбищѣ трупъ самоубійцы въ болото и тамъ пробить осиновымъ коломъ, а если болота нѣтъ по близости, то, закопавши трупъ за селомъ, могилу эту поливать затѣмъ водою (Заславск., Бердич. и Чигиринск. уу.): засуха прекратится, и пойдетъ дождь [2]). Послѣднее повѣрье существуетъ и въ Сербіи [3]).

Наконецъ, осина играетъ весьма важную роль въ народной медицинѣ, въ практикѣ сельскихъ бабокъ, знахарокъ и шептухъ, которыя даютъ больнымъ отъ различныхъ болѣзней осиновую кору (пьютъ отъ лихорадки), осиновые листья, осиновый корень.

Къ числу проклятыхъ Богомъ деревьевъ относится также *верба* (Salix fragilis L.; въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ—*ива*, Salix Caprаea L.). Проклята она Богомъ за то, что изъ нея были сдѣланы гвозди, которыми „жиди“ сколачивали крестъ для пропятія Спасителя (Ушицк. у.). За то ее точатъ черви. Въ сухой вербѣ обыкновенно сидятъ черти (Винницк. у.), какъ говоритъ о томъ и украинская пословица: „влюбився, якъ чортъ въ сухý вербý“ [4]).

---

[1]) „Кіевская Старина“ 1898 г., Іюль—Августъ, стр. 8.

[2]) „Кіевская Старина“ 1898 г., Іюль—Августъ, стр. 8; 1884 г., Январь, стр. 169—171; Подбересскій, „Materyały do Demonologii ludu ukraińskiego“ въ „Zbior wiadom.“, т. IV, стр. 3—83.

[3]) Краузе, „Powrót umarłych na swiat“ („Wista“, 1890 г., т. III, стр. 657—683).

[4]) П. Чубинскій, „Труды Этногр.-статист. Экспедиціи въ зап.-русскій край“, т. I, стр. 76.

http://rcin.org.pl

Наоборотъ, *сосна* (Pinus sylvestris L.) и *липа* (Tilia parviflora Ehrh.; серебристая—Tilia argentea Dc.) считаются на Украйнѣ благословенными деревьями. Сосну Господь благословилъ за то, что древесина ея оказалась негодною на гвозди при крестныхъ страданіяхъ Спасителя (Холмск. Русь). Липѣ Господь сообщилъ особую силу—отвращать произносимыя женами на мужей проклятія. Эти проклятія липа принимаетъ на себя, потому-то на ней и бываетъ такъ много наростовъ, которые представляютъ собою не что иное, какъ проклятія женъ на мужей (Литинск. у.)[1]. Липою не годится бить скотину—издохнетъ (Старобѣльск. у.)[2].

Изъ кустарниковъ особыя народныя украинскія преданія отмѣтили только *бузину*, *шиповникъ*, *боярышникъ* и *чай*.

Бузина (Sambucus nigra L.: красная—Sambucus racemosa L.)—кустарникъ нечистый (Винницк. и Проскур. уу.). Ее насадилъ самъ чортъ и теперь постоянно сидитъ подъ нею (Литинск. у.). На томъ мѣстѣ, гдѣ есть старый корчъ бузины, нельзя ничего строить, такъ какъ мѣсто это—обиталище чорта (Винницк. и Проскур. уу.). Бузины не слѣдуетъ ни рубить, ни выкапывать, чтобы не раздражить чорта и тѣмъ не навлечь на себя несчастія (Литинск. у.). Особенно нельзя уничтожать корней ея: смѣльчаку, который рискнетъ сдѣлать это, сведетъ руки и ноги (Винницк. и Проскур. уу.), или же онъ будетъ постоянно болѣть какою-нибудь болѣзнію (Холмск. Русь). Проклята бузина Богомъ потому, что на ней, будто бы, повѣсился Іуда-предатель.—Въ Каневскомъ уѣздѣ говорятъ, что на бузинѣ первоначально не было ягодъ; стали же родить на бузинѣ ягоды послѣ того, какъ на ней мучители повѣсили св. великомуч. Варвару, при чемъ

---

[1]) Тамъ же.

[2]) В. Ивановъ, „Жизнь и творчество крестьянъ Харьк. губ.“, т. I, стр. 314.—Объ *ольхѣ* см. очеркъ: „Украинскія легенды о сотвореніи Адама и Евы.

http://rcin.org.pl

скребли тѣло ея желѣзными скребками [1]). Очевидно, преданіе это возникло подъ вліяніемъ житія св. великомуч. Варвары и внѣшняго вида ягодныхъ кистей бузины, нѣсколько напоминающихъ собою скребки съ каплями крови.

Шиповникъ („шипшйна"—Rosa canina L.) и *боярышникъ* („глидъ"—Crathaegus monogyna Jacg.) сотворены лукавымъ для того, чтобы люди ругались и грѣшили, когда уколятся ими (Старобѣльск. у.) [2]).

О происхожденіи *чая* въ Александровскомъ уѣздѣ существуетъ слѣдующая легенда. Былъ одинъ пустынникъ. Спасался онъ въ пустынѣ, и началъ его діаволъ соблазнять,—но ничего изъ его козней не выходило. Тогда діаволъ сталъ ему „вії (рѣсницы) напускать"; такъ „напустилъ", что нельзя ему и на свѣтъ Божій глянуть. Пустынникъ взялъ—„подрива̀въ" тѣ „вії" и закопалъ ихъ въ землю: „Если,—говоритъ,—Богу угодно будетъ, то изъ этихъ *вій* что-нибудь хорошее вырастетъ". Пошелъ онъ потомъ черезъ какое тамъ время посмотрѣть; глядитъ—а изъ нихъ выросъ чай.—Вотъ почему чай не грѣхъ пить,—заключаетъ легенда,—а табакъ курить—грѣхъ [3]).

---

[1]) П. Чубинскій, „Труды Этнограф.-статист. Экпедиціи въ зап.-русскій край", т. I, стр. 77.

[2]) В. Ивановъ, „Жизнь и творчество крестьянъ Харьк. губ.", т. I, стр. 316.

[3]) М. Драгомановъ, „Малор. нар. пред. и разск.", стр. 13.

http://rcin.org.pl

Украинскія легендарныя сказанія и преданія о домашнихъ животныхъ.

Происхожденіе домашнихъ животныхъ, ихъ отличительныя особенности, иногда и самый внѣшній видъ окружены довольно обширной семьей украинскихъ легендарныхъ сказаній и преданій. При этомъ, большинство ихъ находится въ самой тѣсной и непосредственной связи съ тѣми или другими апокрифами, нѣкоторыя же основываются на древнихъ религіозно-миѳическихъ воззрѣніяхъ народа на природу.

Лошадь (домашняя — Equus caballus)—это, какъ мы знаемъ уже, превращенный ангеломъ, по повелѣнію Господа, дьяволъ [1]). Въ Ушицкомъ уѣздѣ говорятъ, что дьяволъ вообще можетъ превращаться во всякое животное. И вотъ, когда онъ однажды обернулся въ лошадь, „Господь такъ его благословилъ“, что онъ уже навѣки и остался лошадью. Бросающеюся въ глаза особенностью лошади, между прочимъ, является то, что она непрерывно ѣстъ и никогда не наѣдается. Особенность эта есть слѣдствіе проклятія лошади. Когда Господь родился на землѣ, то положенъ былъ въ ясли. Волъ не только не трогалъ изъ яслей ни одного стебелька сѣна, но еще согрѣвалъ Богомладенца своимъ дыханіемъ. А конь, который стоялъ съ другой стороны, повыдергалъ все сѣно, какое только было въ ясляхъ. Тогда Пресв. Богородица ска-

[1]) См. очеркъ: „Украинскія легенды о жизни первыхъ людей послѣ изгнанія ихъ изъ рая и о *рукописаніи* Адамовомъ“.

http://rcin.org.pl

зала: „Будешь же ты, добрый волъ, всегда сытымъ у Бога; а ты, конь, будешь всегда голоднымъ, хотя будешь ѣсть до отвалу". И дѣйствительно, эти слова Богоматери оправдались: конь, сколько ни ѣстъ, всегда голоденъ; а волъ, если голоденъ, можетъ удовлетвориться жвачкою (Подольск. губ.) [1]). Объ обжорствѣ лошади говорятъ еще и такъ (Луцк. у.). Когда всѣ звѣри пришли поклониться родившемуся Спасителю, лошадь, приступивши къ сѣну, на которомъ положенъ былъ Богомладенецъ, стала разрывать его и ѣсть, за что и обречена Господомъ на вѣчное обжорство [2]). Въ Старобѣльскомъ же уѣздѣ то и другое преданіе нѣсколько искажены, но при этомъ дополнены новою подробностію. Спаситель проклялъ лошадь за то, что, когда Онъ прятался „одъ жидівъ" и залѣзъ въ ясли, конь своею мордою повыбросилъ изъ нихъ все сѣно и такимъ образомъ открылъ преслѣдователямъ Спасителя. Какъ проклятая Богомъ, лошадь не годится въ пищу [3]).—Лошади находятся подъ покровительствомъ св. великомуч. Георгія Побѣдоносца, защищающаго ихъ отъ нападенія волковъ. Въ день 23-го апрѣля подстригаютъ лошатамъ гривы и хвосты и выпускаютъ ихъ на пастбище до восхода солнца, на росу (Житом. у.). Особенно хорошихъ лошадей любитъ домовой, который заплетаетъ имъ гриву въ коски и ѣздитъ на нихъ цѣлую ночь верхомъ въ конюшнѣ, такъ что въ концѣ концовъ можетъ загнать лошадь совсѣмъ, вслѣдствіе чего она портится. Поэтому, въ конюшнѣ вмѣстѣ съ лошадью ставятъ козла или подвѣшиваютъ къ потолку убитую ворону, сову или сороку, на которыхъ домовой и ѣздитъ

---

[1]) М. Драгомановъ, „Малорусскія народныя преданія и разсказы", стр. 109; П. Чубинскій, „Труды Этнограф.-статист. Экспедиціи въ зап.-русскій край", т. I, стр. 49.

[2]) П. Чубинскій, „Труды Этнограф.-статист. Экспедиціи въ зап.-русскій край", т. I, стр. 49.

[3]) В. Ивановъ, „Жизнь и творчество крестьянъ Харьк. губ.", т. I, стр. 300.

http://rcin.org.pl

(Харьк. и Старобѣльск. уу.) [1]). Если домовой заплетаетъ лошади гриву—значитъ, она (или шерсть ея) идетъ ко двору [2]).—Въ конюшнѣ на порогѣ прибиваютъ подкову или гвоздь, чтобы воры не могли украсть лошади. Черезъ то мѣсто, гдѣ качалась лошадь, не слѣдуетъ переходить: „лишáй нападé“; а если случится кому перейти невзначай, то онъ долженъ *три* раза сплюнуть и сказать: „Нехáй тоді менé лишáй нападé, якъ *кінь* (жеребецъ) лошá приведé“ [3]) Конь за *двънадцать* дней впередъ чуетъ свадьбу или весну: „чýє на сéбе лихý годи-ну“, что ему предстоитъ тяжкая работа (Черниг. губ) [4]).

Волы (Bos) и *ослы (домашній*—Equus asinus) сотворены Богомъ и считаются благословенными за то, что, когда новорожденный Богомладенецъ былъ положенъ въ ясли, волы и ослы укрывали Его соломой и согрѣвали своимъ дыханіемъ (Подольск. губ., Литинск. у.) [5]). Волы наканунѣ Новаго года (въ Луцкомъ уѣздѣ—наканунѣ Рождества Христова) получаютъ способность говорить человѣческимъ языкомъ. Одинъ хозяинъ, узнавши отъ людей про то, что волы подъ Новый годъ разговариваютъ промежду собою человѣческимъ голосомъ, рѣшилъ подслушать ихъ рѣчи. Вотъ и залегъ онъ на ночь въ ясляхъ. Лежалъ такъ онъ, можетъ быть, до полуночи,—ничего не слышно. Тихо „въ обóрі“ (въ воловникѣ, въ „зáгороді“), волы легли отдохнуть, жуютъ себѣ жвачку. Лежали волы, лежали, а потомъ одинъ вдругъ встаетъ.

[1]) П. Чубинскій, „Труды Этнограф.-статист. Экспед. въ зап.-русскій край“, т. I, стр. 49; В. Ивановъ, „Жизнь и творч. крестьянъ Харьк. губ.“, т. I, стр. 300.

[2]) В. Ивановъ, „Жизнь и творч. крестьянъ Харьк. губ.“, т. I, стр. 300, 462.

[3]) В. Ивановъ, „Жизнь и творчество крестьянъ Харьк. губ“., т. I, стр. 300.

[4]) Б. Гринченко, „Этнографическіе матеріалы“, вып. II, стр. 6.

[5]) П. Чубинскій, „Труды Этнограф.-статист. Экспедиціи въ зап.-русскій край“, т. I, стр. 48; ср. М. Драгомановъ, „Малорусскія народныя преданія и разсказы“, стр. 109.

http://rcin.org.pl

Встаетъ онъ, а другой и говоритъ ему: „Чего ты не лежишь, зачѣмъ ноги томишь?“ Хозяинъ въ ясляхъ насторожился и слушаетъ. Тотъ волъ, который всталъ, продолжаетъ: „Какъ-то мы дальше будемъ, что у нашего хозяина слишкомъ мало сѣна? До весны, вѣдь, еще далеко,—чѣмъ-то онъ насъ прокормитъ?“ А хозяинъ все слушаетъ да диву дается. Тѣ волы, что лежали, говорятъ: „Ничего, что у нашего хозяина мало сѣна; есть еще у него цѣлая скирда соломы, которая уже три года какъ стоитъ. Этою соломою хозяинъ и будетъ кормить насъ до новаго сѣна. Если бы онъ обмолотилъ эту скирду, то набралъ бы еще „*ко́рцівъ* (*ко́рець* равняется четыремъ мѣрамъ) зо-два“ ржи. Ну, да хозяинъ не будетъ обмолачивать ту солому, потому что, какъ скоро обмолотитъ, то и умретъ; только тѣмъ мы и поживимся, что въ соломѣ осталось гдѣ-не-гдѣ зернышко“. Такъ это разговариваютъ промежду собою волы, а хозяинъ все то слышитъ.—Можетъ быть, въ то время рожь была дорогая,—платили, вотъ какъ и теперь, по 3 руб. за „ко́рець“,—только хозяинъ призадумался—хочется ему обмолотить ту солому. Думаетъ: „обмолочу, да продамъ—вотъ и куплю воламъ сѣна“. Опять же, онъ слышалъ, что́ говорили волы: страшно молотить! „Крутився, крутився“ хозяинъ, а затѣмъ не вытерпѣлъ-таки: „Гдѣ,—думаетъ,—валяются 2 *ко́рця* ржи?“ Тотчасъ приговорилъ молотбитовъ: перебили они солому. Вымолотили они зерно, однако хозяинъ послѣ того недолго жилъ: какъ говорили волы, такъ и сбылось (Кіевск. губ.) [1]).

Въ Литинскомъ уѣздѣ записанъ слѣдующій разсказъ. Одинъ очень скупой человѣкъ, желая убѣдиться въ томъ, дѣйствительно ли волы разговариваютъ промежду собою человѣческимъ языкомъ наканунѣ Новаго года, спрятался вечеромъ въ ясли, въ которыхъ обыкновенно давался кормъ воламъ. Вскорѣ онъ дѣйствительно услышалъ разговоръ ихъ.

---

[1]) М. Драгомановъ, „Малорусскія народныя преданія и разсказы“. стр. 3 – 4.

http://rcin.org.pl

Волы говорили другъ дружкѣ: „Нечего намъ ѣсть: хозяинъ самъ все поѣлъ. Ляжемъ хоть отдохнемъ, такъ какъ завтра повеземъ своего хозяина на погостъ“. Хозяинъ и въ самомъ дѣлѣ на слѣдующій день умеръ [1]).—Подъ вліяніемъ этого и подобныхъ имъ разсказовъ на Украйнѣ особенно заботятся о томъ, чтобы хорошо накормить воловъ наканунѣ Новаго года.

Нельзя бить воловъ коромысломъ, потому что они будутъ ревѣть и бѣгать. Не слѣдуетъ палкою проводить креста на землѣ, а также не годится заступомъ и сапою, или „тяпкою дзебать“ (бить, рубить) земли: если ступитъ на такое мѣсто рогатый скотъ, то будетъ хромать. Если утерянныхъ воловъ, а равно и другого домашняго скота, никто „не нагляне“, т. е. не увидитъ, то они могутъ прожить въ степи или въ лѣсу нѣсколько дней невредимыми, т. е. ихъ не тронетъ ни волкъ, ни какое-либо другое хищное животное [2]).

Особенною заботливостью и уходомъ пользуется на Украйнѣ *корова*—поилица и кормилица крестьянской семьи. Съ коровою нужно обходиться ласково и даже почтительно. На Пасху въ Новгородсѣверскомъ уѣздѣ съ ней христосуются, даютъ „свя́тости“, твердое вымя мажутъ „четверговымъ“ яичкомъ, подкуриваютъ смирной и пр. Оставляя корову доить, даютъ ей хлѣба-соли—„одходно́го“, какъ работнику при расчетѣ. Корова очень чувствительна къ „дурному глазу“, вслѣдствіе чего въ селахъ нельзя обзавестись хорошей коровой, въ городѣ же можно, такъ какъ здѣсь меньше людей съ „дурнымъ глазомъ“ [3]). Когда у коровы испо́ртится молоко, сдѣлается краснымъ, нужно ее выдоить и вылить это молоко на томъ же мѣстѣ, затѣмъ подкурить корову чѣмъ-нибудь

[1]) П. Чубинскій, „Труды Этногр-статист. Экспед. въ зап.-русск. край“, т. I, стр. 48; сн. М. Драгомановъ, „Малорусскія народныя преданія и разсказы“, стр. 4.

[2]) В. Ивановъ, „Жизнь и творчество крестьянъ Харьк. губ.“, т. I, стр. 301.

[3]) Б. Гринченко, „Этнографическіе матеріалы“, вып. I, стр. 8

http://rcin.org.pl

„свячёнимъ“,—и порча обязательно пройдетъ, если только никому о томъ не разсказывать; въ противномъ случаѣ, корова будетъ ходить испорченною до весны. Весною же слѣдуетъ взять палку изъ „клечáльной осúки“ (вѣтка осины, употреблявшаяся на Троицу для украшенія избы зеленью), вырубленной *первою* въ субботу подъ Троицу, и ею выгнать корову первый разъ въ стадо. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ можно узнать и ту вѣдьму, которая испортила корову: она придетъ и будетъ просить „осúкову пáличку“. Порча коровы на этотъ разъ исчезнетъ уже безслѣдно. Когда корова отелится, даютъ ей съѣсть пасхальную шишку, „шобъ смúрна булá“, а также просверливаютъ ей рогъ, насыпаютъ туда освященнаго маку и забиваютъ отверстіе осиновымъ колышкомъ, „шобъ дóбра на молокó булá, і шобъ вíдьма не пóртила“ (Старобѣльск. у.) [1]).

Верблюды (дромадеръ—Camelus dromadarius; двугорбый—Camelus bactrianus)—это *Петровы овцы* [2]). Очевидно, такое вѣрованіе создалось на сходствѣ морды верблюда съ мордой овцы и волнообразнаго колебанія миража съ горбами верблюда.

Овецъ (Ovis) создалъ Господь и благословилъ въ пищу людямъ за то, что онѣ кормомъ и своею шерстью прикрыли Его, когда онъ прятался отъ „жидівъ“ (Старобѣльск. у). [3]).

Домашнюю козу (Сарга) въ однѣхъ мѣстностяхъ (Могилевъ Под.) считаютъ неудачной попыткой чорта сотворить, въ подражаніе Богу, корову [4]). При этомъ чортъ, слѣпивши козу, никакъ не могъ дать ей жизни. Когда же Богъ, по просьбѣ чорта, далъ ей жизнь, и коза побѣжала, чортъ, же-

[1]) В. Ивановъ, „Жизнь и творчество крестьянъ Харьк. губ.“, т. I, стр 300—301, 465.

[2]) М. Драгомановъ, „Малорусскія народныя преданія и разсказы“, стр. 4.

[3]) В. Ивановъ, „Жизнь и творчество крестьянъ Харьк. губ.“, т. I, стр. 301.

[4]) М. Драгомановъ, „Малор. народныя преданія и разсказы“, стр 16.

http://rcin.org.pl

лая поближе разсмотрѣть ее, схватилъ козу за хвостъ и нечаянно оторвалъ его. Такъ коза и осталась навсегда съ оторваннымъ хвостомъ (Старобѣльск. у.) [1]). Въ доказательство сотворенія козы чортомъ приводятъ то, что отъ козы вѣдьма никогда не можетъ отобрать молока, напротивъ, она даже боится козы; въ то же время, если козу окропить освященной водой, она сейчасъ же пропадетъ (Литинск. у.). Чортъ любитъ играться съ козой, какъ съ своимъ созданіемъ, а потому ее считаютъ необходимымъ держать, для забавы чорту, въ конюшняхъ,—въ такомъ случаѣ онъ перестаетъ мучить лошадей (Житом. у.) [2]). *Дикую козу* чортъ прижилъ съ своею женою; существуетъ, поэтому, поговорка: „тебѣ десь (гдѣ-то) чортъ сплодивъ на дикій козі“ [3]).—Въ Купянскомъ уѣздѣ, какъ мы знаемъ уже [4]), сохранилась легенда о сотвореніи козла діаволомъ *по образу своему*. Замѣчательно, что до буквальности сходная легенда записана и въ Литвѣ (Россіенскій у.), съ однимъ только добавленіемъ, что Богъ вдуваетъ жизнь въ козла (въ послѣдняго—по просьбѣ чорта-*кипшаса*) черезъ стержень пера. Эта, повидимому, незначительная подробность пригодилась легендѣ въ повѣствованіи о сотвореніи Евы. Богъ,—разсказываетъ она,—сотворивши всѣ предметы, одушевленные и неодушевленные, сталъ лѣпить изъ глины образъ перваго человѣка. А чортъ, сидя въ то время за кустомъ, говорилъ про себя: „Богъ началъ учиться лѣпить съ малыхъ предметовъ, съ пылинки, камешка,—и Ему легко было учиться; но все-таки я—лучшій противъ Него мастеръ. Кто можетъ сравнить Его первую, малую пылинку съ моимъ твореніемъ—краснымъ, чуднымъ козломъ! Я теперь понимаю,

---

[1]) В. Ивановъ, „Жизнь и творч. крестьянъ Харьк. губ.“, т. I, стр. 301.

[2]) П. Чубинскій, „Труды Этнограф.-статист. Экспед. въ зап.-руск. край“, т. I, стр. 49.

[3]) Тамъ же, стр. 55.

[4]) См. очеркъ: „Украинскія легенды о сотвореніи Адама и Евы“.

http://rcin.org.pl

что Самъ Богъ мнѣ завидуетъ. Вотъ Онъ опять сталъ лѣпить—кто знаетъ что—съ виду чудный предметъ. Но я Его перещеголяю, мое твореніе будетъ красивѣе". Послѣ этого чортъ самъ началъ лѣпить, внимательно всматриваясь въ Божію работу. Сравнялъ, справилъ, — и дѣйствительно, вышелъ красивый предметъ. Богъ, окончивъ Свое твореніе, вдохнулъ ему душу, и оно стало жить. Такъ появился первый человѣкъ —*Адамъ*. Чортъ уже зналъ, что онъ своимъ перышкомъ ничего не подѣлаетъ, а потому выждалъ, пока Богъ окончитъ Свою работу. По вдуновеніи души Адаму Богу не понадобилось больше перышко, и Онъ его куда-то положилъ. А чортъ этого и ждалъ. Какъ только Богъ отошелъ въ сторону, чортъ взялъ Его перышко и вдохнулъ душу своему творенію. Слѣпленное чортомъ твореніе ожило, такъ какъ въ перышкѣ осталось немножко Божьяго духа, а остальное чортъ уже прибавилъ свое. Такъ появилась на свѣтъ *Ева*. Адамъ, увидѣвши Еву, никогда уже больше не отходилъ отъ нея; и Богъ ничего не могъ сдѣлать... Вотъ почему женщина, получившая свою жизненность отъ смѣшаннаго духа Бога и чорта, бываетъ и доброй и *простой*, а иногда и злой [1]).

О происхожденіи *свиней* (*настоящая*—Sus) въ различныхъ мѣстностяхъ Украйны сохранились различныя легендарныя преданія. Въ Ушицкомъ уѣздѣ говорятъ, что свиней сотворилъ Богъ изъ земли на пользу человѣку [2]). Въ Литинскомъ же уѣздѣ свинью считаютъ оборотнемъ „жидівки". Во время земной жизни Спасителя „жиды" однажды, соблазняя Его, накрыли „жидовку ночвами" и спросили: „Если Ты—

[1]) „Этнографическое Обозрѣніе" 1890 г., II, стр. 140—141; ср. легенды о сотвореніи овцы и козы ап. Петромъ и діаволомъ и о томъ, какъ они творятъ ихъ взапуски, у Э. Фекенштедта: „Die Mythen, Sagen und Legenden der Żamaiten" (Heidelberg, 1883), I, 224, § 17.

[2]) П. Чубинскій, „ „Труды Этногр.-статист. Экспедиціи въ зап.-русскій край", т. I, стр. 49.

http://rcin.org.pl

Богъ, то отгадай, что̀ спрятано подъ ночвами?“ Спаситель, какъ Богъ, зналъ, конечно, что подъ ночвами—„жидовка“, но, въ наказаніе испытующимъ Его, отвѣтилъ: „Подъ ночвами—свинья“. И изъ „жидовки“ дѣйствительно сдѣлалась свинья. Теперь свинью называютъ „жидовской теткой“, и „жиды“ не ѣдятъ свиного мяса, какъ своего тѣла [1]). Въ Харьковскомъ уѣздѣ эта легенда передается въ слѣдующемъ слегка измѣненномъ видѣ. Когда ходилъ Спаситель по землѣ, то зашелъ Онъ однажды къ „жиду“. А „жидъ“ спряталъ жену и дѣтей подъ корыто да и говоритъ: „Если Ты—Богъ, то отгадай, что̀ тамъ?“—„А что же тамъ?—отвѣчаетъ Спаситель:—свиньи“. Подняли корыто, когда тамъ—свинья съ поросятами.—Потому-то „жиды“ и не ѣдятъ свинины [2]).—Эти легенды, очевидно, служатъ, отзвукомъ одного изъ эпизодовъ въ апокрифическомъ Evangelium Infantiae—„Дѣтствѣ Іисуса Христа“, гдѣ разсказывается о временномъ обращеніи Господомъ дѣтей въ козлятъ. Въ гасконской же сказкѣ говорится, что разъ Господь зашелъ въ домъ къ одной женщинѣ. Здѣсь онъ услышалъ въ сосѣдней комнатѣ шумъ, который производили дѣти, и спросилъ, кто тамъ шумитъ.—„Тамъ мои поросята“, сказала женщина,—и дѣти ея тотчасъ же обратились въ поросятъ. Мать бросилась въ слѣдъ за ушедшимъ Спасителемъ и начала слезно молить, чтобы Онъ возвратилъ дѣтямъ человѣческій образъ. Спаситель исполнилъ ея просьбу, но при этомъ предупредилъ, чтобы она на будущее время никогда не лгала.

Вопросъ о томъ, почему Господь благословилъ свинину въ пищу человѣку, и почему принято освящать въ день Пасхи свинное сало и поросятъ, рѣшаетъ легенда, записанная въ Маріупольскомъ уѣздѣ. Когда Христа искали „жиды“, Онъ спрятался отъ преслѣдователей въ ясли съ сѣномъ. Ко-

[1]) Тамъ же, стр. 49—50.

[2]) М. Драгомановъ, „Малорусскія народныя преданія и разсказы“, стр. 301.

http://rcin.org.pl

ни сверху съѣли сѣно, тогда Христосъ спрятался глубже. Куры начали разгребать сѣно и выгребли Христа. „Жиды“ схватили Его и тотчасъ же стали было мучить. Христу удалось какъ-то освободиться, и Онъ спрятался въ солому. Свиньи ну рыть ту солому, и зарыли Его еще глубже. Вотъ почему „жиды“ теперь такъ надки на куръ, а свиней совсѣмъ не ѣдятъ. Намъ, крещенымъ, Богъ благословилъ свинину, вслѣдствіе чего мы и освящаемъ сало (и поросять) съ пасхою [1]).

Закармливать свинью слѣдуетъ тому, кто самъ много ѣстъ; ухаживать за нею въ продолженіе кормежки долженъ одинъ человѣкъ. И то и другое дѣлается для того, чтобы свинья скорѣе и сильнѣе жирѣла. Есть такія знахарки, которыя наговариваютъ на хлѣбѣ и даютъ его затѣмъ съѣсть свиньѣ, чтобы она хорошо ѣла, за опредѣленное время ожирѣла и была бы годна для убоя на сало. Въ Старобѣльскомъ уѣздѣ разсказываютъ, что одна женщина наговорила такъ на кускѣ хлѣба, положила его пока на столъ съ цѣлью дать потомъ кабану, чтобы онъ *черезъ два мѣсяца уже былъ готовъ къ убою на сало*. Маленькій сынъ знахарки схватилъ наговоренный кусокъ и съѣлъ. Послѣ этого онъ сталъ такъ много ѣсть и такъ сильно жирѣть, что *черезъ два мѣсяца, когда пришло назначенное для убоя кабана время*, умеръ отъ жира [2]).

Собака (дворовая—Canis familiaris domesticus) сотворена діаволомъ изъ глины (Ушицк. у.) [3]); при всемъ томъ, она является самымъ близкимъ къ человѣку животнымъ и единственнымъ его вѣрнымъ и надежнымъ другомъ. Слѣ-

---

[1]) „Кіевская Старина“ 1888 г., Декабрь, стр. 143; то же относительно Старобѣльскаго уѣзда см. у В. Иванова, „Жизнь и творчество крестьянъ Харьк. губ.“, т. I, стр. 301.

[2]) В. Ивановъ, „Жизнь и творчество крестьянъ Харьковской губерніи“, т. I, стр. 301–302.

[3]) Чубинскій, „Труды Этнограф.-статист. Экспедиціи въ зап.-русскій край“, т. I, стр. 56.

http://rcin.org.pl

пивши перваго человѣка и оставивши его просушиться на солнцѣ, Господь приставляетъ сторожить собаку. Правда, она оказалась на этотъ разъ плохимъ сторожемъ; правда и то, что легенды не преминули отмѣтить жадность „блукáющихъ“ (блуждающихъ, не имѣющихъ хозяина) собакъ, которыя не прочь поживиться всѣмъ, что только плохо, безъ призору лежитъ. Не повторяя того, что нами было уже раньше сказано объ этомъ [1]), приведемъ здѣсь, *въ дополненіе*, одну небольшую легенду, занисанную въ Харьковскомъ уѣздѣ, о томъ, какъ собака, созданная первопачально голою, получила потомъ отъ Бога шерсть. Слѣпилъ Богъ человѣка изъ глины и поставилъ сохнуть, наказавши собакѣ стеречь его, а Самъ пошелъ Себѣ. Вотъ собака стерегла, стерегла, смерзла и заснула (она тогда голая была, безъ шерсти). Шелъ мимо чортъ, увидѣлъ человѣка, разорвалъ на-полы ему грудь, пахарькалъ туда, затѣмъ сложилъ, какъ было, и снова поставилъ. Возвращается Богъ. Вдунулъ въ человѣка безсмертную душу, а человѣкъ вдругъ захарькалъ. Богъ тогда къ собакѣ: „Какъ же ты не устерегла?“—„А я,—говоритъ,—Господи, смерзла да и заснула. Дай мнѣ шерсть, тогда буду вѣрно стеречь“. Богъ далъ ей послѣ того шерсть, а человѣкъ такъ и остался навсегда уже „съ харькотúнями“ [2]).

Въ Литинскомъ уѣздѣ,—вѣроятно, подъ вліяніемъ библейскаго разсказа о наказаніи прор. Елисеемъ издѣвавшихся надъ нимъ дѣтей (4 Цар. 2, 23—24), а также подъ вліяніемъ апокрифическаго Infantiae Evangelium и различныхъ легендарныхъ сказаній о превращеніяхъ провинившихся людей въ тѣхъ или другихъ животныхъ,—считаютъ собаку оборотнемъ дитяти. Когда Спаситель ходилъ по землѣ, то въ одной де-

---

[1]) См. очерки: „Украинскія легенды о сотвореніи Адама и Евы“ и „Дополнительныя космогоническія легенды“.

[2]) М. Драгомановъ, „Малорусскія народныя преданія и разсказы“, стр. 1.

http://rcin.org.pl

ревнѣ мальчикъ особенно преслѣдовалъ Его, бѣгая за Нимъ и лая, подобно собакѣ. Спаситель проклялъ мальчика за это и обратилъ его въ собаку [1]).

Легенды о томъ, что собака была первоначально безъ шерсти, а также умѣнье собакъ нѣкоторыхъ породъ неутомимо плавать и даже нырять, надо полагать, дали начало легендѣ о томъ, что собаки прежде жили въ водѣ, и только потомъ уже стали жить на землѣ. Однажды шелъ человѣкъ на охоту и, повстрѣчавши двухъ звѣрковъ, спросилъ ихъ, откуда они. Звѣрки отвѣчали: „Мы прежде жили въ водѣ, а теперь будемъ жить на землѣ“.—„Какъ вы называетесь?“—спросилъ человѣкъ.—„Собаки“.—„Чѣмъ я могу удостовѣриться?“. Собаки вынули свои документы и показали ему. Тогда человѣкъ тотъ сказалъ имъ: „Смотрите, вамъ дозволено жить на землѣ всего только одинъ годъ, а по истеченіи этого времени вамъ опять нужно итти жить въ воду“. Черезъ годъ встрѣтился онъ опять съ тѣми же звѣрками и сталъ бранить ихъ, зачѣмъ они живутъ еще на землѣ, когда срокъ уже прошелъ. —„Безъ документа намъ нельзя итти въ воду“, отвѣчали звѣрки.—„Гдѣ же вашъ документъ?“—„Мы отдали коту“. —„Пойдите же и возьмите его у кота“. Собаки пошли къ коту и потребовали у него свой документъ; но документа у кота уже не было: его украли мыши и съѣли. Такимъ образомъ собаки должны были остаться на землѣ и по настоящее время. Оттого и теперь человѣкъ преслѣдуетъ собаку, собака—кошку, а кошка—мышей; „и собаки, кошки и мыши всегда будутъ между собою непримиримыми врагами“.

Вопросъ собственно о томъ, почему между собаками и кошками существуетъ непримиримая вражда, легендой, записанной Т. А. Зиньковскимъ, рѣшается нѣсколько иначе. Какъ-то былъ такой неурожай, что гибли отъ голоду и люди

---

[1]) П. Чубинскій, „Труды Этнограф.-статист. Экспедиціи въ зап.-русскій край“, т. I, стр. 52—53;

[2]) Тамъ же, стр. 53.

http://rcin.org.pl

и собаки. Одна собака пошла къ Богу просить хлѣба. Богъ далъ ей понемножку всякой пашни, далъ при этомъ и расписку. А въ той распискѣ было сказано: что̀ будетъ самъ хозяинъ ѣсть, то̀ чтобы давалъ и собакѣ. Вернулась собака домой, отдала хозяину всю ту пашню. Хозяинъ посѣялъ ее,—уродило. Ѣстъ самъ̀ хозяинъ, и собакѣ даетъ то же. Ходитъ собака по надворью и мокнетъ въ непогоду подъ дождемъ. Приходитъ она къ коту и говоритъ: „На, братъ-котъ, тебѣ эту записочку: ты—въ хатѣ, въ сухомъ сидишь, такъ у тебя записочка никогда не смокнетъ“. Сидитъ себѣ котъ въ хатѣ, а когда на дворѣ похолодѣло, онъ залѣзъ въ печь. Хозяйка затопила въ печкѣ, а котъ какъ выскочитъ оттуда, да и забылъ прихватить съ собою изъ печи расписочку.—Варитъ хозяинъ себѣ ѣсть, да уже больше и не даетъ собакѣ того, что̀ самъ ѣстъ, а замѣшиваетъ отруби, даетъ помои... Собака видитъ, что хозяинъ не даетъ ей уже болѣе того, что̀ ѣстъ самъ, пришла къ коту и спрашиваетъ: „А гдѣ та записочка, что я дала тебѣ на сохраненіе?“—„Я,—отвѣчаетъ котъ,—сидѣлъ въ печкѣ, грѣлся, а хозяйка вдругъ затопила печку. Я выскочилъ, да и забылъ въ печкѣ записочку,—такъ она тамъ и сгорѣла“. Съ тѣхъ поръ собаки стали рвать котовъ, и никогда они не могутъ ужиться [1]).

Если собака роетъ ямки, то кто-нибудь умретъ въ домѣ; если воетъ—будетъ пожаръ [2]).

Среди собакъ особыми качествами отличается такъ называемый *ярчу́къ*. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ (Старобѣльск., Литинск. уу.) всякую вообще перворожденную собаку считаютъ „ярчукомъ“; въ Луцкомъ же уѣздѣ говорятъ такъ: если первый щенокъ-сука родитъ перваго щенка-самку, а эта послѣдняя въ свою очередь родитъ перваго щенка-самца, то это и будетъ „ярчукъ“. У „ярчуковъ“ есть волчій зубъ, и они страшно

---

[1]) Б. Гринченко, „Этнографическіе матеріалы“, вып. I, стр. 7- 8.

[2]) В. Ивановъ, „Жизнь и творчество крестьянъ Харьк. губ.“, т. I, стр. 463, 264.

http://rcin.org.pl

злы и необыкновенно сильны. Рана отъ укушенія „ярчука“ очень опасна, и ее трудно заживить. „Ярчукъ“ беретъ волка и обладаетъ способностію видѣть и прогонять злыхъ духовъ, а также видѣть вѣдьмъ, которымъ мѣшаетъ ходить въ чужіе коровники и выдаивать изъ чужихъ коровъ молоко. Вырастить „ярчука“ трудно, потому что вѣдьмы до достиженія „ярчуками“ годового возраста, когда они входятъ въ полную силу, всячески стараются извести ихъ [1]).

Собаку не слѣдуетъ стрѣлять изъ ружья: ружье испортится и не будетъ уже годиться для охоты. Если кого укусить собака, то нужно засыпать рану ея же пережженною шерстью: это—самое лучшее и самое вѣрное средство. Кто обдеретъ съ собаки шкуру, тому цѣлый годъ нельзя ходить въ церковь: „гріхъ“ (Старобѣльск. у.) [2]); и если только онъ будетъ колоть, послѣ того, кабана, сало „смердітиме“ [3]).

Кошка (*домашняя*—Felis maniculata domestica) сотворена Богомъ. Она—животное доброе и другъ человѣка, охраняющій его отъ всего злого (Литинск. у.) [4]). Въ Ушицкомъ уѣздѣ о происхожденіи кошки разсказываютъ слѣдующее. Чортъ, обратившись въ мышь, плылъ черезъ море соблазнить Еву. Пресвятая Дѣва, увидѣвши это, бросила Свою рукавицу. Изъ этой рукавицы сдѣлалась кошка, которая тотчасъ же и пожрала чорта. Итакъ, хотя кошка произошла и изъ рукавицы Пресв. Богородицы, она все же—животное нечистое, потому что съѣла чорта. Она обладаетъ нѣкоторыми злокачественными свойствами. Въ хвостѣ у нея находится ядъ, производящій въ людяхъ насморкъ, если кошка напьет-

---

[1]) П. Чубинскій, „Труды Этногр.-статистич. Экспед. въ зап.-русскій край“, т. I, стр. 53; В. Ивановъ, „Жизнь и творч. крестьянъ Харьковск. губ.“, т. I, стр. 302.

[2]) В. Ивановъ. „Жизнь и творчество крестьянъ Харьковск. губ.“, т. I, стр. 302.

[3]) П. Чубинскій, „Труды Этнограф.-статист. Экспедиціи въ зап.-русскій край“, т. I, стр. 53.

[4]) Тамъ же, стр. 54.

http://rcin.org.pl

ся воды изъ посуды, изъ которой пьетъ человѣкъ (Житом., Старобѣльск. и Проскур. уу.) [1]), или если кто спитъ съ кошкою (Старобѣльск. у.) [2]). Чтобы обезвредить съ этой стороны кошку, ей отрубливаютъ конецъ хвоста (Проскур. и Житом. уу.) [3]). Если куда ѣдешь, то ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ брать съ собой кошки, иначе лошадь пристанетъ въ пути (Старобѣльск. и Таращ. уу.) [4]). Къ кому приблудится кошка, тотъ человѣкъ непремѣнно обѣднѣетъ; наоборотъ, если приблудится собака, то это—къ благополучію и богатству. Когда кошка перебѣжитъ дорогу, то жди неудачи, или же издохнетъ лошадь; для предотвращенія бѣды, нужно бросить палку такъ, чтобы она перелетѣла накрестъ черезъ слѣдъ кошки. Какой шерсти уживается кошка, такой масти слѣдуетъ держать и скотъ: домовой тотчасъ же задушитъ кошку, если только ему не полюбится шерсть послѣдней (Старобѣльск. у. [5]). Кошка, прожившая 12 лѣтъ, перестаетъ мурлыкать и становится настолько свирѣпою, что можетъ задавить человѣка, вслѣдствіе чего ее тогда, по большей части, убиваютъ (Проскур. у.) [6]).

Кошка фигурируетъ также въ легендахъ о всемірномъ потопѣ; но объ этихъ легендахъ у насъ рѣчь впереди.

---

[1]) Тамъ же.

[2]) В. Ивановъ, „Жизнь и творчество крестьянъ Харьковск. губ.“, т. I, стр. 302.

[3]) П. Чубинскій, „Труды Этногр.-статист. Экспедиціи въ зап.-русскій край“, т. I, стр. 54.

[4]) В. Ивановъ, „Жизнь и творчество крестьянъ Харьк. губ.“, т. I, стр. 302; П. Чубинскій, „Труды Этнограф.-статист. Экспедиціи въ зап.-русскій край“, т. I, стр. 54.

[5]) В. Ивановъ, „Жизнь и творчество крестьянъ Харьк. губ.“, т. I, стр. 302.

[6]) П. Чубинскій, „Труды Этногр.-статист. Экспедиціи въ зап.-русскій край“, т. I, стр. 54—55.

http://rcin.org.pl

Украинскія легендарныя сказанія и преданія о дикихъ животныхъ.

Легендарная украинская народная зоологія не ограничивается одними только домашними животными; въ ней нашли соотвѣтствующее мѣсто и животныя дикія, и птицы, и рыбы, и гады, и насѣкомыя. Народная фантазія всячески, видимо, силится осмыслить различныя особенности тѣхъ или другихъ живыхъ тварей и съ этою цѣлью то безсознательно спускается въ глубь древнѣйшихъ вѣковъ и выноситъ оттуда обломки обще-арійскихъ религіозно-миѳическихъ воззрѣній и вѣрованій, то покорно повторяетъ сродныя ей апокрифическія представленія, вслѣдствіе чего созданія ея въ этой области представляютъ собою самую пеструю смѣсь легендарнаго элемента съ сказочнымъ. Впрочемъ, подъ вліяніемъ христіанства, сравнительно болѣе серьезный легендарный элементъ все же береть значительный перевѣсъ надъ элементомъ сказочнымъ.

Изъ дикихъ животныхъ украинскія народныя легенды, какъ и естественно было ожидать, отмѣтили только лишь тѣхъ, съ которыми народу чаще всего приходилось и приходится сталкиваться въ жизни. Сравнительно много легендъ существуетъ о *волкѣ* (*обыкновенный*—Canis lupus), такъ какъ волкъ, помимо своего прямого значенія, играетъ еще важную роль и въ зооморфическомъ представленіи демона.

Однажды,—говоритъ легенда (Луцк. у.),—чортъ явился къ Богу и говоритъ: „Люди совсѣмъ не досматриваютъ сво-

http://rcin.org.pl

его скота, и онъ *„ро́бить шко́ду“*. Нужно сдѣлать такъ, чтобы люди на будущее время боялись пускать его одного“. Богъ велѣлъ тогда чорту слѣпить изъ глины волка. Чортъ скорехонько побѣжалъ, слѣпилъ волка и привелъ его къ Богу. Богъ нашелъ волка слишкомъ большимъ (волкъ былъ съ добрую лошадь) и призналъ, что его нужно острогать. Чортъ взялся острогать волка,—и изъ стружекъ понадѣлались—изъ бо́льшихъ *шершни*, изъ меньшихъ *мухи*, а изъ самыхъ маленькихъ—*комары*. Онъ острогалъ волка до такой величины, какимъ мы его видимъ теперь, и пустилъ. Волкъ страшно разозлился отъ нестерпимой боли и сказалъ Богу, что будетъ ѣсть не только скотъ, но и людей. Чортъ привелъ волка къ людямъ и напустилъ его на перваго же человѣка. Человѣкъ тотъ сталъ просить волка, чтобы позволилъ ему предъ смертью помыться. Волкъ позволилъ. Человѣкъ взялъ ладную дубину, спряталъ ее, а потомъ попросилъ у волка позволенія вытереться его хвостомъ. Волкъ позволилъ и это и отставилъ хвостъ. Тогда человѣкъ схватилъ волка за хвостъ и ну его бить дубиною изо всей мочи. Волкъ вырвался отъ человѣка и набросился на чорта. Чотъ испугался и пустился бѣжать, волкъ—за нимъ.... И теперь, если бѣжитъ волкъ съ раскрытой пастью, люди обыкновенно не трогаютъ его, иначе чортъ убѣжитъ отъ волка, и онъ бросится тогда на того человѣка, который помѣшаетъ ему догнать чорта [1]).

Въ Ущицкомъ уѣздѣ записанъ слѣдующій варіантъ. Волковъ, собакъ, лисицъ, дикихъ козъ, кабановъ, зайцевъ и другихъ (звѣрей) чортъ сдѣлалъ изъ глины. Когда все это было готово, пришелъ Богъ взглянуть на чортову работу. Чортъ давай травить Бога и нѣсколько разъ прокричалъ: „Гужа́ Його́!“ Но ни волки, ни собаки не трогались съ мѣста. Тогда Богъ сказалъ. „А ну-ка, теперь Я тебя потравлю!“

[1]) П. Чубинскій, „Труды Этногр.-статист. Экспедиціи въ зап.-русскій край“, т. I, стр. 52.

http://rcin.org.pl

И только сказалъ: „Гужа!“—какъ всѣ волки и собаки тотчасъ же бросились за чортомъ. Чортъ сталъ уходить, но не тутъ-то было: только-что схватился чортъ за ольховое дерево, какъ собаки откусили у него пяты, и съ той поры чортъ—безъ пятокъ [1]).—И вообще, на Украйнѣ существуетъ вѣрованіе, что волки ѣдятъ чертей. Говорятъ (г. Тараща): если бы ихъ не убивалъ громъ, и не пожирали волки, въ такомъ случаѣ чертей расплодилось бы столько, что свѣту Божьяго не было бы видно [2]).

Приведенныя легенды о сотвореніи волка и враждебномъ отношеніи его къ діаволу находятся въ весьма близкомъ отношеніи къ эстонскому преданію, приводимому Видеманомъ, и къ одной албанской сказкѣ, приводимой Ганомъ. Эстонское преданіе говоритъ, что когда Небесный Отецъ (Таг) создалъ звѣрей, діаволъ также пожелалъ быть творцомъ: изъ синей глины онъ слѣпилъ собаку, но такъ какъ самъ не въ состояніи былъ оживить ее, то обратился съ просьбою объ этомъ къ Небесному Отцу. Небесный Отецъ, въ отвѣтъ на его просьбу, сказалъ: „Встань, волкъ, разорви чорта!“ (по другому преданію, эти слова сказалъ будто бы самъ діаволъ). Оттого эсты чертей и покойниковъ, возвращающихся на этотъ свѣтъ, обыкновенно пугаютъ волками, которые и пожираютъ послѣднихъ [3]).—Содержаніе албанской сказки, въ краткихъ чертахъ, слѣдующее. Когда Господь создалъ прародителей, чортъ изъ того же матеріала создалъ волка, но оживить его никакъ не могъ: дулъ онъ въ волка до полнаго изнеможенія, и все же ничего изъ этого не выходило. Тогда Богъ ударилъ волка жезломъ по боку (оттого у него пере-

[1]) Тамъ же, стр. 56; см. очеркъ: „Украинскія легенды о сотвореніи Адама и Евы“.

[2]) П. Чубинскій, „Труды Этногр.-статистич. Экспедиціи въ зап.-русскій край“, т. I, стр. 52.—Въ апокрифѣ: „Чтеніе отъ Адама“ дьяволу приписывается сотвореніе медвѣдя и *волкодлаковъ* (проф. А. Веселовскій, „Сборникъ Академіи Наукъ“, т. XXXII, стр. 459).

[3]) Wiedemann, l. c. 425, 440, 445, 449, 454.

http://rcin.org.pl

хватъ на боку) и сказалъ: „Твореніе, пожри своего творца!“ И первый, кого пожралъ волкъ, былъ діаволъ [1]).—Подобный же греческій миѳъ сообщаетъ Харисій Мегданъ [2]): волки пожираютъ демоническихъ *вовкулаковъ* (βρυκόλακας), какъ у эстовъ—блуждающихъ по смерти покойниковъ, находящихъ успокоеніе лишь тогда, когда ихъ три раза съѣдятъ волки, и поразитъ молнія.

Очевидно, такимъ образомъ, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ одною изъ разновидностей обширнаго дуалистическаго сюжета о созданіи свѣта и животнаго міра Богомъ и діаволомъ.

Волками завѣдуетъ св. Юрій, при чемъ въ Александровскомъ уѣздѣ ихъ даже и называютъ „Юрьевыми собаками“ [3]). Волки ѣдятъ только то, что́ укажетъ имъ св. Юрій. Одного человѣка чародѣи обратили въ волка, и онъ былъ волкомъ цѣлый годъ. Изгнанный изъ села людьми и собаками, бѣгая по лѣсу, онъ захотѣлъ поѣсть. Вдругъ онъ увидѣлъ св. Юрія, ѣдущаго верхомъ на бѣлой лошади. Приблизившись къ оборотню, св. Юрій остановился и свистнулъ. Тотчасъ же на его свистъ прибѣжалъ изъ лѣсу волкъ, которому св. Юрій сказалъ: „Возьми этого своего товарища и поруководи имъ, потому что онъ еще неопытенъ и ие можетъ самъ себѣ раздобыть пищи“ (Луцк. у.) [4]).

Св. Юрію (Георгію) приписывается власть надъ волками, безъ сомнѣнія, потому, что на него, какъ равно на св. прор. Илію и архистр. Михаила, перенесены черты языческаго богагромовника [5]), волкъ же является зооморфическимъ образомъ

---

[1]) Hahn, „Griechiche und albanesische Märchen“, II, № 105, p. 144—145.

[2]) Политъ, I, с. II, 472.

[3]) М. Драгомановъ, „Малорусскія народныя преданія и разсказы“, стр. 5.

[4]) П. Чубинскій, „Труды Этнограф.-статист. Экспедиціи въ зап.-русскій край“, т. I, стр. 52.

[5]) Подробнѣе объ этомъ сказано уже нами въ очеркѣ: „Украинскія легендарныя сказанія и преданія о различныхъ атмосферныхъ явленіяхъ“.

http://rcin.org.pl

демона. И такое представленіе св. Георгія свойственно не одному только русскому народу, а и многимъ другимъ. Такъ, мусульмане въ древности сливали Илью и Георгія въ одинъ образъ Khidrelleza; абазины чествуютъ обоихъ названныхъ святыхъ въ одинъ и тотъ же день [1]). Самая власть св. Георгія надъ волками выработалась, по мнѣнію академика А. Н. Веселовскаго, „изъ идеи обузданія: St Georges leur serre la gueule, говорятъ во Франціи; они—его *отрицательный* символъ, какъ у сѣвернаго Одина, который и называется *врагомъ волка*, и кормитъ двухъ волковъ со своего стола, а волки зовутся его *псами*“ [2]). Въ русскомъ духовномъ *большомъ* стихѣ Егорій Храбрый встрѣчаетъ именно *волковъ* и заповѣдуетъ имъ ѣсть только лишь „повелѣнное, отъ святого Егорія *благословенное*“ (разрѣшенное, указанное); „что́ у волка въ зубахъ, то́ Егорій далъ“, говоритъ русская народная пословица. Въ роли питателей волковъ въ украинскихъ и вообще русскихъ легендахъ, на ряду съ св. Георгіемъ, выводятся также Спаситель и св. Николай, подобно тому, какъ въ осетинской легендѣ—Богъ. Св. Георгія легенды представляютъ въ такихъ случаяхъ на бѣломъ конѣ, либо старикомъ, вокругъ котораго волковъ—видимо-невидимо; волки—его хорты (то же на Литвѣ и у эстовъ); онъ—волчій пастырь, какъ у осетинъ св. Ѳеодоръ Тиронъ (Тутыръ), другой змѣеборецъ [3]).

Св. Юрій назначаетъ въ пищу волкамъ не только животныхъ, но и людей:—такъ народъ объясняетъ случаи рас-

---

[1]) Академ. А. Н. Веселовскій, „Разысканія въ области русскаго духовнаго стиха“, II, стр. 86—87, 53.

[2]) Тамъ же, VI—IX, стр. 328.

[3]) Аѳанасьевъ, „Поэтическія воззрѣнія славянъ на природу“, I, стр. 709—712, 762—763; П. Чубинскій, „Труды Этногр.-статист. Экспедиціи въ зап.-русскій край“, т. I, стр. 51—52, 171—172, 167; Wiedemann, I, c. p. 449; „Сборникъ свѣдѣній о кавказскихъ горцахъ“, III: Джантеміръ Шанаева, „Осетинскія народныя сказанія“, стр. 8—9; тамъ же, IX: Б. Гатіевъ, I, c. p. 33 и gal.

http://rcin.org.pl

терзанія волками людей. Одна баба,—разсказываетъ легенда, записанная въ Харьковскомъ уѣздѣ,—вышла какъ-то на дворъ и видитъ—ѣдетъ св. Юрій на бѣломъ конѣ подлѣ ихъ воротъ, а за нимъ покорно бѣгутъ волки. Она испугалась, вбѣжала въ хату и разсказала своему мужу. Мужу захотѣлось поглядѣть на это диво. На другую ночь пошелъ онъ въ лѣсъ, взлѣзъ на дерево и смотритъ. Видитъ—на бѣломъ конѣ ѣдетъ св. Юрій, а за нимъ бѣгутъ волки. Сошелъ Юрій съ коня, сѣлъ на травѣ, а волки легли вокругъ него. И говоритъ онъ волкамъ: „Тебѣ, сѣрый, на ужинъ ягненокъ, который тамъ-то лежитъ; тебѣ (другому)—тотъ-то ягненокъ; тебѣ —тотъ-то....“ Всѣмъ, всѣмъ указалъ ужинъ, а одному старому, „кривóму“ волку нечего уже было указать. Юрій и говоритъ ему: „А тебѣ, старый, вонъ тотъ человѣкъ, который сидитъ на дубѣ“. И поѣхалъ себѣ дальше. Всѣ волки поразбѣжались по тѣмъ мѣстамъ, куда послалъ ихъ Юрій, а „кривóй“ подошелъ къ дубу, сѣлъ на заднія лапы да и сидитъ—ждетъ, пока слѣзетъ тотъ человѣкъ. Однако, человѣкъ съ дерева не слѣзаетъ. Сидѣлъ, сидѣлъ онъ на дубѣ, и таки пересидѣлъ волка: волкъ всталъ изъ-подъ дуба и побѣжалъ искать себѣ другой пищи. Тогда человѣкъ—скорѣе съ дуба да наутекъ. Прибѣжалъ къ шпльщикамъ, которые по близости пилили колоды.—„Добрые люди!—сталъ онъ просить:—примите меня къ себѣ,—я вамъ буду помогать“. Тѣ приняли его, кормили, а онъ имъ помогалъ колоды пилить. Когда легли они уже спать, человѣкъ тотъ и говоритъ имъ: „Берегите меня, добрые люди, чтобы волки не сцапали: если устережете, вѣкъ на васъ буду за то работать“. Они положили его въ серединѣ между собою, укрыли своими „свйтами та кожухáми“ и заснули. Утромъ, какъ только повставали, оглядѣлись,—нѣтъ того человѣка: волкъ-таки сцапалъ его [1]).

---

[1]) П. Чубинскій, „Труды Этнограф.-статист. Экспед. въ зап.-русскій край“, т. I, стр. 51—52.

http://rcin.org.pl

Сродная легенда, записанная въ Александровскомъ уѣздѣ, проводитъ нравоученіе, что все на свѣтѣ происходитъ по Вожьему усмотрѣнію и опредѣленію. Шли одиажды путемъ-дорогою два человѣка. Одинъ и говоритъ: „Давай гдѣ-нибудь уже остановимся на ночлегъ, потому что я боюсь волковъ“. А другой отвѣчаетъ: „Я самъ отъ четырехъ волковъ отобьюсь“.—„Нѣтъ,—говоритъ первый,—лучше остановимся на ночлегъ: Богъ его Святой знаетъ, что-то еще будетъ“. —„Будетъ то, что я знаю“, отвѣчалъ второй. Вотъ тотъ, который не боялся волковъ, пошелъ себѣ дальше дорогою; а тотъ, который боялся, направился на огонь, что свѣтился въ степи. Приходитъ къ огню, а тамъ волковъ—видимо-невидимо, а по срединѣ—Юрій варитъ имъ ѣсть —„Не бойся, человѣче,—говоритъ Юрій:—они тебя не тронутъ. Откуда ты?“ Человѣкъ тотъ разсказалъ, какъ шли они вдвоемъ. —„Я,—говоритъ,—говорю: Богъ знаетъ, что еще будетъ: а онъ говоритъ: будетъ то, что я самъ знаю“. Вотъ Юрій и послалъ *четырехъ* волковъ. Прибѣгаютъ они назадъ,—не взяли. Послалъ онъ еще *шестерыхъ*,—и тѣ не взяли. Послалъ онъ, накопецъ, *двѣнадцать*, которые и разорвали безразсуднаго смѣльчака.—Это ему такъ Богъ сдѣлалъ за то, что онъ говорилъ: „самъ знаю, что будетъ“. Такъ говорить не годится, а нужно говорить всегда: *будетъ такъ, какъ Богъ дастъ* [1]).

Вообще нужно сказать, что на Украйнѣ, какъ и въ Великороссіи, простой народъ твердо вѣритъ, что „все въ мірѣ творится не нашимъ умомъ, а Божьимъ судомъ“, и „безъ Бога—ни до порога“. Изъ множества народныхъ разсказовъ на эту тему приведемъ здѣсь, для иллюстраціи, всего лишь одинъ, записанный въ Острогожскомъ уѣздѣ. Сидитъ себѣ человѣкъ да „цюкае“ что-то топоромъ. А Богъ тогда еще ходилъ по землѣ странникомъ. Вотъ подходитъ Онъ къ этому

[1]) М. Драгомановъ, „Малорусскія народныя преданія и разсказы“, стр. 5.

http://rcin.org.pl

человѣку и говоритъ: „Здравствуй, человѣче!“—„Здравствуй!“—„Богъ въ помощь!“—„Спасибо!“—„А что́ ты это, человѣче, дѣлаешь?“—„Челнокъ“, отвѣчаетъ тотъ.—„Какъ Богъ да́стъ, такъ и будетъ челнокъ“, замѣтилъ Странникъ.—„Тутъ и безъ Бога видно, что будетъ челнокъ“, сказалъ человѣкъ и продолжаетъ себѣ „цю́кати“. „Цю́кае та й цю́кае“, когда разглядѣлъ, а уже челнокъ-отъ и не выходитъ.—„Такъ сдѣлаю же я себѣ корыто“, порѣшилъ онъ. Снова идетъ Странникъ.—„Здравствуй, человѣче!“—„Здравствуй!“—„Богъ въ помощь!“—„Спасибо!“—„А что ты это, человѣче, дѣлаешь?“—„Корыто“, отвѣчаетъ тотъ.—„Какъ Богъ да́стъ, такъ будетъ корыто“. Разсердился человѣкъ и говоритъ: „Тутъ и безъ Бога видно, что будетъ корыто“—и продолжаетъ себѣ „цю́кати“. „Цюкъ та й цюкъ“, когда разглядѣлъ, а уже и корыто не выходитъ.—„Сдѣлаю-жъ себѣ я, въ такомъ случаѣ, „корячо́къ“ (ковшикъ), надумался онъ и сталъ снова „цю́кати“. Гдѣ ни взялся—опять Странникъ.—„Здравствуй, человѣче!“—„Здравствуй!“—„Богъ въ помощь!“—„Спасибо!“—„А что́ ты это дѣлаешь?“—„*Корячо́къ*“.—„Богъ да́стъ, такъ и будетъ *корячо́къ*“, замѣтилъ Странникъ. Еще сильнѣе разсердился человѣкъ и говоритъ: „Вотъ ужъ тутъ и безъ Бога видно, что будетъ *корячо́къ*“—и сталъ дальше „цю́кати“. Да „доцю́кався“ до того, что и „корячо́къ“ не выходитъ. Сталъ было дѣлать ложку—и ложка не выходитъ. Когда, наконецъ, увидѣлъ, что ничего не выходитъ, застрогалъ „шпи́чку“ (тоненькій колышекъ).—Такъ вотъ какъ вмѣсто челнока человѣкъ сдѣлалъ „шпи́чку“ [1]).

Являясь созданіемъ діавола, волкъ, въ то же время, у арійскихъ народовъ служитъ и зооморфическимъ образомъ діавола. Въ средніе вѣка діаволъ часто назывался: „infernus lupus“, „lupus vorax“, т. е. волкъ, похищающій души и т. п. Но и въ этой своей символической роли волкъ все же является подвластнымъ св. Юрію, какъ объ этомъ свидѣтель-

[1]) Б. Гринченко, „Этнографическіе матеріалы“, вып. 2, стр. 291—292.

http://rcin.org.pl

ствуетъ легенда, записанная въ Кременецкомъ уѣздѣ. Выгнали мужика на панщину. А мужикъ этотъ да былъ страшно бѣдный, и у него всего только, можетъ быть, и было, что одинъ „хлібъ-грисякъ“. Пошелъ мужикъ отбывать свою панщину въ лѣсъ—собирать хворостъ. Возился онъ тамъ, можетъ быть, больше, чѣмъ до полдня, захотѣлось ему ѣсть, и онъ уже рѣшилъ было съѣсть свой „грисякъ“; но потомъ раздумалъ: „лучше подвѣшу его пока на деревѣ—пусть себѣ повиситъ, а когда покончу совсѣмъ работу, такъ передъ тѣмъ, какъ итти домой, и съѣмъ“. Наносилъ, сколько тамъ нужно было, хворосту на возъ, пошелъ къ хлѣбу,—нѣтъ его! Жаль, да что подѣлаешь: пошелъ домой голодный. —Между тѣмъ, сталъ уже св. Юрій созывать къ себѣ всѣхъ звѣрей и сталъ разспрашивать, кто изъ нихъ что́ сдѣлалъ. Тотъ говоритъ, что онъ у мужика свинью зарѣзалъ; другой—что онъ теленка задралъ... всякъ говоритъ про свое. Послѣ всѣхъ подходитъ одинъ волкъ и говоритъ: „А я, св. Юрій, съѣлъ у мужика *хлібъ-грисякъ*, который онъ подвѣсилъ на деревѣ“.—„Какъ же ты могъ обидѣть этого человѣка? У него только всего и было, что кусокъ *хліба-грисяка*, а ты и тотъ съѣлъ! Не хорошо ты сдѣлалъ, такъ какъ обидѣлъ бѣднаго человѣка. Иди же теперь къ тому мужику служить: за то, что ты съѣлъ у него послѣдній хлѣбъ, отслужи ему *три* года!“ И пошелъ тотъ волкъ къ мужику отслуживать. Обернулся „хло́пцемъ“, приходитъ къ нему и говоритъ: „*Дя́дьку*, возьмите меня къ себѣ: я у васъ буду работать; вы мнѣ ничего не платите,—я буду работать у васъ за хлѣбъ“.—„Да у насъ, *сы́ну*, не около чего ходить, намъ и самимъ нечего ѣсть“.—А я все же останусь: платы мнѣ никакой не нужно, а на хлѣбъ, авось, я и самъ заработаю“. Жена тогда и говоритъ мужу: „А такъ—такъ и такъ, *чоловіче*: хоть и не много сработаетъ, а все же на хлѣбъ выработаетъ,—возьмемъ его“. И взяли они того „хло́пця“ къ себѣ. На другой день „хло́пчикъ“ нашелъ гдѣ-то штуки съ три старыхъ гвоздей, затопилъ печку, попросилъ у хозяина

http://rcin.org.pl

молотка (какой ужъ тамъ у того хозяина и молотокъ-то былъ!), раскалилъ гвозди и скорёхонько выковалъ изъ нихъ три ножа: „На-те,—говоритъ,—хозяюшка, поѣсите на базаръ: за что̀ продайте, то продайте, а все, можетъ, на хлѣбъ и заработаете; да кстати и желѣза кусочекъ купите мнѣ—буду ковать“. Вынесла хозяйка ножи на базаръ, и сразу же продала ихъ: взяли безъ всякаго торгу. Купила она хлѣба, купила и желѣза. Изъ того желѣза „хло́пчикъ“ уже больше ножей наковалъ. Хозяйка продала и тѣ и купила много желѣза. „Хло́пчикъ“ выковалъ изъ него плугъ,—продали. Дальше дѣло пошло такъ, что построили кузницу, накупили инструментовъ, и сталъ „хло́пчикъ“ ковать плуги, рала—словомъ, все... Мало-по-малу сталъ мужикъ богатѣть, сталъ возить по ярмаркамъ и продавать то, что выковывалъ „на́ймитъ“.—„Говорила я тебѣ, *чоловіче*: возьмемъ *хло́пця*, ты же не хотѣлъ. А теперь вотъ, небось, самъ видишь, какъ онъ намъ пригодился. Онъ завелъ такое дѣло, что съ нимъ безъ горя можно вѣкъ свѣковать“. Между тѣмъ, „на́ймитъ“ сталъ и хозяина понемногу пріучать къ кузнечному дѣлу,—началъ и тотъ плуги ковать. Денегъ у нихъ стало теперь еще больше. Увидѣлъ какъ-то однажды „хло́пець“ старую собаку, которая жила у хозяина и уже отъ дряхлости даже не лаяла совсѣмъ, и говоритъ: „Дядьку! а вы знаете—я изъ этого *Рябка́* сдѣлаю совсѣмъ молодую собаку,—хотите?“—„Сдѣлай“, сказалъ хозяинъ, взглянувши на „хло́пця“ и сдвинувши плечами; а самъ себѣ думаетъ, что тотъ шутитъ. „Хло́пець“ схватилъ собаку за хвостъ и поволокъ къ кузницѣ. Тамъ онъ ее вбросилъ въ горнъ, сжегъ, затѣмъ вынулъ, положилъ на наковальню, ударилъ молоткомъ разъ, другой,—и вышла собачка молоденькая, хорошенькая; бѣгаетъ та собачка, заливается лаемъ, „радіе“! Приходитъ „хло́пець“ къ хозяину и говоритъ: „А что, дя́дьку, узнаете своего стараго *Рябка́*?“ Тотъ глянулъ и, увидѣвши своего „Рябка“ молоденькимъ, дался диву. Послѣ того „хло́пець“ взялъ и мать хозяина, которая была уже очень старой, ковалъ ее, разогрѣ-

http://rcin.org.pl

валъ, спова ковалъ,—и вышла изъ нея молоденькая „дівчина“, лѣтъ восемнадцати. Скоро прошла молва по всѣму свѣту, что проявился такой коваль, который изъ старыхъ людей выковываетъ молодыхъ. Стали къ пему отовсюду съѣзжаться: тамъ король везетъ свою старую жену, чтобы перековалъ ее въ молодую; тамъ панъ везетъ мать; тотъ—отца,—всѣ ѣдутъ, всякому хочется сдѣлаться молодымъ. „Хлопець“ всѣхъ перековывалъ, никому не было отказу; только уже хозяина своего онъ не научилъ, какъ изъ старыхъ людей дѣлать молодыхъ,—хозяинъ одну лишь „ковальскую“ работу и зналъ. И много, очень много нажили они теперь денегъ,—хозяинъ больше уже „не бідувавъ“.—Отбылъ „хлопець“ свой срокъ, отработалъ назначенные ему св. Юріемъ три года, собирается итти домой; а „дядько“ не пускаетъ, проситъ, чтобы остался еще.—„Нѣтъ,—говоритъ хлопецъ,—нельзя мнѣ уже у васъ больше жить, пойду; будетъ съ васъ. А только вотъ что, *дядьку*: будутъ къ вамъ приходить люди, когда я уйду, будутъ просить, чтобы изъ старыхъ дѣлать молодыхъ; но вы не беритесь за это—ничего не сдѣлаете“.—И пошелъ себѣ. Въ скорости, дѣйствительно, къ тому человѣку является панъ, привозитъ старика-отца и проситъ сдѣлать его молодымъ. Человѣкъ тотъ божится, что не умѣетъ; но мужиковское дѣло такое: разъ не слушается пана, не сносить ему своей головы. А панъ одно пристаетъ: „Скуй мнѣ молодого отца!“ Нечего дѣлать, вынужденъ былъ ковать. Понесъ старика въ кузницу, бросилъ его въ огонь, сжегъ, положилъ затѣмъ на наковальню и хотѣлъ было ковать,—а панъ такъ и разсыпался прахомъ. Пристаютъ къ мужику, таскаютъ его; стали судить, и присудили къ висѣлицѣ. Поставили на площади висѣлицу, и повѣсили его. Когда мужикъ совсѣмъ уже кончался, всѣ разбрелись по домамъ. Вдругъ приходитъ къ висѣлицѣ „хлопець“ и говоритъ: „А я же предупреждалъ васъ, *дядьку*, чтобы вы не брались за дѣло, котораго не знаете“. Послѣ этого снялъ съ висѣлицы „дядька“ и послалъ его въ кузницу ковать, а вмѣсто него затянулъ въ петлю куль со-

http://rcin.org.pl

ломы. На другой день пришли люди къ висѣлицѣ, чтобы снять повѣшеннаго. Смотрятъ—а вмѣсто мужика виситъ куль соломы! Они—къ кузницѣ; а тотъ куетъ себѣ, какъ ни въ чемъ не бывало. Снова потащили его къ висѣлицѣ, снова повѣсили. А „хло́пець“ опять пришелъ, вынулъ изъ петли своего бывшаго хозяина, отослалъ его домой и велѣлъ ковать, а вмѣсто него подвѣсилъ колоду. Пришли люди снимать повѣшеннаго, когда на висѣлицѣ болтается колода! Къ кузницѣ,—а тотъ себѣ куетъ. Опять схватили его, потащили къ висѣлицѣ и повѣсили. „Хло́пець“ пришелъ и на этотъ разъ, снялъ, послалъ домой и сказалъ: „Смотрите же, какъ только появится кто на порогѣ кузницы, пускайте ему *прямо въ мордя́ку* все, что́ бы у васъ ни было въ то время въ рукахъ—ничего вамъ за это не будетъ, никто не подступится къ вамъ и не тронетъ васъ“. Пошелъ тотъ человѣкъ домой,—и никто его больше съ тѣхъ поръ не трогалъ [1]).

Съ нѣкоторыми легендами о волкахъ и отношеніи къ нимъ великомуч. Георгія и святит. Николая мы еще встрѣтимся ниже, здѣсь же упомянемъ пока объ оригинальномъ повѣрьи, существующемъ въ Александровскомъ уѣздѣ, будто волчица приводитъ дѣтей всего только разъ на своемъ вѣку, и притомъ приводитъ ихъ столько, сколько въ томъ году бываетъ недѣль Рождественскаго мясоѣда вмѣстѣ съ масленицей [2]).

Украинскія легенды о происхожденіи *медвѣдя* (*настоящій*—Ursus) варіируютъ на разные лады обще-арійское вѣрованіе о немъ. У нѣкоторыхъ народовъ и народцевъ существуетъ даже и по настоящее время особый культъ медвѣдя, который имѣлъ огромное значеніе въ древнее время. Такой культъ, въ частности, существуетъ и теперь еще у обскихъ остяковъ Тобольскаго округа [3]), у

[1]) Б. Гринченко. „Этнографическіе матеріалы“, вып. II, стр. 71—75.

[2]) М. Драгомановъ, „Малорусскія народныя преданія и разсказы“, стр. 5.

[3]) „Этнографическое Обозрѣніе“ 1890 г., IV, стр. 101 и дал.

http://rcin.org.pl

сургутскихъ остяковъ [1]), у айновъ и гиляковъ [2]), у лопарей [3]), у бурятъ [4]), у кавказскихъ горцевъ [5]), у финновъ [6]), у вогуловъ [7]), у алтайцевъ [8]), у урянхайцевъ (сойотовъ) [9]), у сибирскихъ киргизовъ [10]), у самоѣдовъ [11]), у русскихъ [12]) и др.; оставилъ этотъ культъ болѣе или менѣе замѣтные слѣды и у различныхъ западно-европейскихъ народовъ [13]), при чемъ онъ часто смѣшивается съ культомъ волка, собаки и др. [14]). Медвѣдь былъ для первобытнаго дикаря самымъ грознымъ изъ всѣхъ звѣрей, какихъ только встрѣчалъ онъ въ лѣсу. Это былъ на сѣвѣрѣ царь лѣсовъ, который, кромѣ

---

[1]) Тамъ же, стр. 104; Л. Н. Гондатти, „Культъ медвѣдя у инородцевъ въ сѣв.-зап. Сибири“ въ „Трудахъ Этногр. Отд. Имп. Общ. Люб. Естествозн., Антропологіи и этногр.“, кн. VIII, стр. 74—87 („Извѣстій“ Общества т. XLVIII, вып. 2); Новицкій, „Краткое описаніе остяцкаго народа 1715 г.“, изд. Майкова, 1884 г., стр. 53; Потанинъ, „Путешествіе по Монголіи, матеріалы этнографическіе“.

[2]) Милютинъ, „Сборникъ историко-статист. свѣдѣній о Сибири“, Спб., 1876 г., „Этнографическій очеркъ Сахалина“, стр. 32—39; II, „Этнографическое Обозрѣніе“ 1890 г., IV, стр. 104—106.

[3]) „Этнографическій Сборникъ“, VI, стр. 250; Н. Харузинъ, „Русскіе лопари“, Москва, 1890 г., стр. 203.

[4]) „Записки Спб. Отд. Имп. Р. Географ. Общества“, т. VIII, стр. 162; „Этнографич. Обозрѣніе“ 1890, IV, стр. 110.

[5]) „Сборникъ свѣдѣній о кавказскихъ горцахъ“, I, стр. 10.

[6]) Георги, „Описаніе всѣхъ въ Россійскомъ государствѣ обитающихъ народовъ“, изд. Миллера, 1876, ч. I, стр. 12.

[7]) Strahlenberg, „Das Nord-und Oestl. Theil von Europa und Asia etc. Stockholm, 1730, 84.

[8]) Потанинъ, „Путешествіе по Монголіи“, стр. 755.

[9]) Тамъ же.

[10]) А. Ивановскій, „Поѣздка къ киризамъ на оз. Норъ Зайсанъ“ („Русск. Вѣдом.“ 1887., № 328).

[11]) Харузинъ, „Русскіе лопари“, стр. 198—204.

[12]) Потанинъ, „Путешествіе по Монголіи“.

[13])F. Liebrecht, „Zur Volkskunde“ (Heilbronn, 1879), см. статью: „Romulus und die Welfen“, перепеч. изъ журн. „Germania“, XI, 166.

[14]) Jacob Grimm, „Deutsche Mythologie“ (2 изд.), XXVIII и особ. стр. 1051; его же „Reinhart Fuchs, XLVII, LVI, 445 и дал.; W. Hertz „Der Werwolf“ (Stuttgart, 1862), 58, J. W. Wolf, „Beiträge zur deutschen Mythologie“ (Leipz. 1852, 1857) II, 64 и дал.; J. G. Müller, „Geschichte der amerikanisch. Urreligion (Basel, 1855), 108, 123,

http://rcin.org.pl

силы, ума и хитрости, поражалъ еще тѣмъ, что могъ становиться на заднія лапы, напоминая собою человѣка, и особенно тѣмъ, что ступни его заднихъ лапъ очень похожи на ступни ногъ человѣка. Отсюда былъ уже одинъ только шагъ до признанія медвѣдя оборотнемъ человѣка что мы, дѣйствительно, и видимъ въ легендахъ и сказкахъ различныхъ народовъ. Къ болѣе характернымъ украинскимъ легендамъ о происхожденіи медвѣдя относятся слѣдующія.

Когда Господь ходилъ еще по землѣ съ апостолами, шли они однажды черезъ какую-то рѣчку подлѣ мельницы, и нужно имъ было итти черезъ мостикъ. А мельникъ взялъ да и спрятался подъ мостикомъ, чтобы испугать ихъ. Онъ одѣлъ „кожухъ“ шерстью вверхъ и неожиданно выскочилъ изъ-подъ мостика. Тогда Господь сказалъ ему: „Чтобъ же ты такъ бѣгалъ, пока твоего вѣку!“—Съ той поры и повелись на свѣтѣ медвѣди (г. Тараща, Холмская Русь, Ушицк. и Александровск. уу.) [1]).

Шелъ однажды Господь съ св. Петромъ черезъ мостъ. Вдругъ изъ-подъ моста выскакиваетъ человѣкъ въ вывернутомъ наизнанку „кожухѣ“,—онъ спрятался туда раньше, чтобы испугать Іисуса и Петра,—да какъ рявкнетъ: „Ве!...“ А Господь отвернулся отъ него, плюнулъ и сказалъ: „Ну, такъ иди же теперь себѣ въ этой шкурѣ во всѣ края свѣта, пугай людей, а люди будутъ пугать тебя“. Пошелъ тогда тотъ человѣкъ медвѣдемъ, а отъ него уже размножился и по всему свѣту медвѣжій родъ. Потому-то медвѣди и похожи на человѣка (Старобѣльск. у.) [2]).

Въ тѣ счастливыя времена, когда Господь находился въ непосредственномъ общеніи съ людьми и часто видимо являл-

---

[1]) В. Ивановъ, „Жизнь и творчество крестьянъ Харьковской губ.“, т. I, стр. 51.

[2]) П. Чубинскій, „Труды Этногр.-статист. Экспед. въ зап.-русскій край“, т. I, стр. 51, 50: М. Драгомановъ, „Малорусскія народныя преданія и разсказы“, стр. 5—6.

http://rcin.org.pl

ся имъ, одинъ мельникъ, надѣвши напзнанку тулупъ, хотѣлъ изъ-за угла испугать „жйда-мірбшника“ (мельника). Случилось такъ, что въ эту минуту проходилъ Господь, и мельникъ наткнулся на Него. За такую безразсудную дерзость, по повелѣнію Божію, онъ остался навсегда медвѣдемъ [1]).

Медвѣди „во времена оны“ были обыкновенными людьми. Жили они въ лѣсу и никого къ себѣ не принимали, ни съ кѣмъ не хотѣли знаться. Вотъ зашелъ какъ-то туда одинъ монахъ. Все село исходилъ—просился, чтобы пустили въ хату. Но никто ему не отперъ дверей. Тогда монахъ проклялъ тѣхъ людей. Они и стали медвѣдями (г. Тараща) [2]).

Разъ пришелъ въ одну хату сборщикъ на церковь; а хозяинъ, чтобы испугать его, спрятался „на пóкуті“, за образами. За это Господь обратилъ его въ медвѣдя. Потому-то медвѣдь и рвется всегда на „пóкутя“, когда его приведутъ въ хату (Старобѣльск. у.) [3]).

Въ Житомірскомъ уѣздѣ говорятъ, будто бы медвѣдь и *обезьяна* (Pithecі) произошли изъ человѣка-колдуна, превратившагося разъ навсегда въ этихъ животныхъ, способныхъ, подобно человѣку, лазить по деревьямъ и употребляющихъ одинаковую съ нимъ пищу [4]).

Наконецъ, въ г. Купянскѣ записаны еще *двѣ* легенды о происхожденіи медвѣдя на мотивъ извѣстной сказки Пушкина „О рыбакѣ и золотой рыбкѣ“. По этимъ легендамъ, въ мед-

---

[1]) П. Чубинскій, „Труды Этногр.-статист. Экспед. въ зап.-русскій край“, т. I, стр. 51.

[2]) П. Чубинскій, „Труды Этногр.-статист. Экспед. въ зап.-русск. край“, т. I, стр. 51.

[3]) В. Ивановъ, „Жизнь и творч. крестьянъ Харьк. губ.“, т. I, стр. 303.

[4]) П. Чубинскій, „Труды Этнограф.-статист. Экспед. въ зап-русск. край, т. I, стр 50.—Совершенно такое же вѣрованіе существуетъ и у вотяковъ („Этнографическое Обозрѣніе“ 1890 г., VI, стр. 233).

http://rcin.org.pl

вѣдей были обращены мужикъ и его жена (по *второй* легендѣ—и дитя ихъ), проявившіе ненасытную жадность [1]).

Нельзя не упомянуть здѣсь, что нѣкоторыя изъ приведенныхъ выше украинскихъ легендъ о происхожденіи медвѣдя имѣютъ довольно близкое сходство съ литовскими легендами о томъ же. Такъ, легенда, записанная въ Трокскомъ уѣздѣ, разсказываетъ, что когда Спаситель ходилъ по землѣ со Своими учениками, Ему разъ пришлось итти изъ одного мѣстечка въ другое въ сумерки. Татаринъ (totorjus),—а другіе говорятъ—„гудасъ“, т. е. бѣлоруссъ,—желая ихъ напугать, влѣзъ подъ мостъ на той дорогѣ, по которой они должны были итти. Какъ только Спаситель подошелъ съ апостолами къ мосту, татаринъ началъ ревѣть (murmet) по-медвѣжьему. Ученики, въ первый еще только разъ услышавшіе такой ревъ, спросили Господа: „Учитель, кто это такъ реветъ (njurna)?“ Спаситель отвѣчаетъ, что это реветъ такой звѣрь, какого они никогда еще не видѣли. Звѣрь этотъ называется медвѣдемъ (meszka). Черезъ минуту ученики увидѣли выбѣжавшаго изъ-подъ моста косматаго медвѣдя, который съ страшнымъ ревомъ убѣжалъ въ лѣсъ.—Оттого медвѣди, какъ оборотни изъ людей, имѣютъ ступни, совсѣмъ похожія на людскія. Каждаго человѣка медвѣди считаютъ за обидчика и, встрѣтившись съ нимъ въ лѣсу, не выпускаютъ живымъ за то, что человѣкъ сдѣлалъ медвѣдя оборотнемъ. Человѣкъ, поэтому, никогда не долженъ насмѣхаться надъ медвѣдемъ, такъ какъ неизвѣстно, кто онъ такой [2]).

---

[1]) „Этнографическое Обозрѣніе“ 1891 г., IX, стр. 127—132.

[2]) „Этнографическое Обозрѣніе“ 1890 г. VI, стр. 141—144.—Въ Олонецкой губ., въ подтвержденіе того, что медвѣдь есть дѣйствительно превращенный человѣкъ, въ числѣ разныхъ другихъ доводовъ, ссылаются, между прочимъ, и на то, будто бы была масса случаевъ, когда при сдираніи шкуры съ убитаго медвѣдя оказывалось, что тѣло его подъ шкурою было опоясано мужицкимъ кушакомъ, или находили подъ нею остатки бѣлья, платья, украшеній и т. п. („Этногр. Обозр. 1890 г., IV, стр. 114—115).

http://rcin.org.pl

Литовская легенда, приводимая Фекенштедтомъ [1]), близко напоминаетъ собою приведенную нами раньше украинскую легенду о происхожденіи „хохловъ и москалей“ [2]). Общество крестьянъ въ „кожухахъ“ отправилось въ зимнее время на свадьбу, продѣлывая разныя штуки. Спаситель и св. Петръ случайно шли той же дорогой. Мужики, увидѣвши мнимыхъ странниковъ, вздумали надъ ними посмѣяться. Слѣзли съ телѣгъ, надѣли „кожухи“ наизнанку и загородили имъ путь на мосту, черезъ который тѣ должны были проходить. Несмотря на просьбы странниковъ дать имъ дорогу, мужики не переставали издѣваться, такъ что Спаситель разсердился, наконецъ, и сказалъ: „Если вы хотите быть медвѣдями, то и будьте ими!“ Только-что Онъ сказалъ это, какъ мужики тотчасъ же и обратились въ медвѣдей.—Нѣсколько выше у того же Фекенштедта [3]) говорится, что до Христа медвѣдей не было. Во время Его земной жизни одинъ человѣкъ сталъ пугать людей шубою, одѣтою имъ наизнанку. Господь и превратилъ его въ звѣря съ шубою, т. е. въ медвѣдя.—По другому разсказу, ходилъ старикъ по людямъ, дѣлая имъ добро. И пришлось ему переходять черезъ мость. Когда старикъ былъ на мосту, какой-то неизвѣстный человѣкъ вылѣзъ на четверенькахъ и сталъ рычать по-медвѣжьему. Старикъ сказалъ: „Если тебѣ хочется быть медвѣдемъ, то и останься имъ“. Старикъ пошелъ себѣ дальше, а человѣкъ тотъ, обратившись въ медвѣдя, убѣжалъ въ лѣсъ. Оттого заднія лапы у медвѣдя и остались похожими на человѣчьи ноги.

Къ числу животныхъ-оборотней, по украинскимъ легендамъ, относится также и *кротъ* (*обыкновенный*—Talpa europeea). У одного богача,—разсказываетъ легенда, записанная въ Подольской губ.,—было какъ-то совмѣстное съ убогимъ

---

[1]) „Die Mythen, Sagen und Legenden der Żamaiten“ 1, c. I, стр. 285.

[2]) См. очеркъ: „Украинскія легенды о происхожденіи различныхъ народовъ“.

[3]) „Die Mythen, Sagen und Legenden der Żamaiten“, 1, c. I, стр. 224.

http://rcin.org.pl

поле. Въ одно и то же время они его засѣяли, и засѣяли, даже одними и тѣми же сѣменами. Посѣвъ убогаго Господь благословилъ, и на его части нивы уродило, а на части богатаго совсѣмъ не уродило. Но богатый сталъ отказываться отъ своей части и говоритъ убогому: „Это на моей части уродило, а на твоей не уродило“. Какіе доводы бѣдный ни приводилъ богатому, послѣдній и слушать ничего не хочетъ; а затѣмъ предлагаетъ ему для рѣшенія спора слѣдующее: „Если ты, убогій, не вѣришь мнѣ, въ такомъ случаѣ завтра утромъ пойдемъ на поле, и насъ Самъ Богъ разсудитъ“. На томъ убогій и пошелъ себѣ домой. А богатый взялъ да на части убогаго выкопалъ яму, посадилъ въ нее своего сына и говоритъ ему: „Гляди же, сынокъ! когда я завтра спрошу: чье это поле?—такъ ты скажи, что это поле не убогаго, а богатаго“. Затѣмъ прикрылъ сына въ той ямѣ соломою и пошелъ домой. Рано утромъ собрали „громаду“. Приходятъ на поле. Богатый и спрашиваетъ: „Скажи,—говоритъ,—Боже, чье это поле: богатаго, или убогаго?“—„Богатаго! богатаго“!—раздается голосъ съ середины поля. А Господь говоритъ изъ среды народа: „Не слушайте его,—говоритъ:—поле—убогаго!“ И затѣмъ Господь все разсказалъ народу; а сыну богатаго промолвилъ: „Будешь же ты,—говоритъ,—сидѣть подъ землею до скончанія вѣка!“—Вотъ такъ-то и сдѣлался кротъ изъ сына богача [1]).

Въ Ушицкомъ уѣздѣ эту легенду передаютъ нѣсколько иначе. Одинъ богачъ вздумалъ сдѣлаться мудрѣе Самого Бога. Для этого онъ покрылъ сына своего и спросилъ Бога: „Угадай, что́ тутъ покрыто?“ Господь отвѣчалъ ему: „Накрытъ кротъ“. Богачъ открылъ, и увидѣлъ, что его сынъ дѣйствительно сдѣлался кротомъ [2]).

---

[1]) М. Драгомановъ, „Малор. нар. пред. и разск.“, стр. 385.

[2]) П. Чубинскій, „Труды Этногр.-статист. Экспедиціи въ зап.-русскій край“, т. I, стр. 76.

http://rcin.org.pl

Небольшіе звѣрки *слѣпыши* („зіньські щенята"—женскіе щенки—Spalax typhus) рождаются отъ женщины за ея грѣхи (Литинск. и Проскур. уу.). Они страшно злы и очень ядовиты, вслѣдствіе чего Богъ отнялъ у нихъ зрѣніе, чтобы они не причинили слишкомъ ужъ много вреда. Если бы у нихъ были здоровые глаза, они бы и людей ѣли (Старобѣльск. у.). Укушенный слѣпышомъ неизбѣжно умираетъ (Литинск. и Проскур. уу.) [1]). „Зіньське щеня" просило у Бога такихъ очей, какъ у вола. Богъ сказалъ ему: „Нарой столько кучекъ, сколько звѣздъ на небѣ, тогда дамъ". Съ того времени оно и старается побольше нарыть кучекъ, чтобы получить такія, какъ у вола очи (Харьк. и Старобѣльск., уу.) [2]). Кто найдетъ гдѣ-нибудь „зіньське щеня", придавитъ его къ землѣ палкою и затѣмъ задавитъ, придавивши хребетъ двумя пальцами—большимъ и мизиннымъ, тотъ съ успѣхомъ будетъ „давйть заўшниці" (железки), будетъ помогать при лѣченіи „завáловъ" (Харьк., Литинск. и Проскур. уу.) [3]).

Относительно *зайца* (*русакъ*—Lepus vulgaris, *бѣлякъ*—Lepus timidus) на Украйнѣ говорятъ, что онъ не только сотворенъ чортомъ, но и является всегда обыкновенно его передовымъ. Потому-то, если заяцъ перебѣжитъ кому-нибудь дорогу, то съ нимъ непремѣнно случится несчастіе, или же ждетъ неудача въ томъ дѣлѣ, за которымъ онъ идетъ. Когда увидишь перебѣгающаго дорогу зайца, тотчасъ же, для предупрежденія несчастья, нужно выбросить изъ повозки клокъ сѣна,—и заяцъ, въ такомъ случаѣ, вернется назадъ (Литинск. и Старобѣльск. уу.) [1]). Въ Черкасскомъ уѣздѣ за-

[2]) Тамъ же, стр. 54.

[2]) В. Ивановъ, „Жизнь и творч. крестьянъ Харьковск. губ.", т. I, стр. 303—304; Б. Гринченко, „Этнографическіе матеріалы", вып. I, стр. 253.

[3]) П. Чубинскій, „Труды Этногр.-стат. Экси. въ зап.-русск. край", т. I, стр. 54.

[1]) П. Чубинскій, „Труды Этнограф.-статист. Экспедиціи въ зап.-русскій край", т. I, стр. 55; В. Ивановъ, „Жизнь и творчество крестьянъ Харьк. губ.", т. I, стр. 303.

http://rcin.org.pl

писанъ слѣдующій, приводимый часто въ книгахъ для дѣтскаго чтенія, разсказъ о зайцѣ Думаетъ однажды себѣ заяцъ: „Я—безсильнѣе всѣхъ на свѣтѣ: всего боюсь; птичка слетитъ—я и той боюсь... Пойду лучше утоплюсь!“ Вотъ идетъ онъ къ болоту, идетъ берегомъ и ищетъ, гдѣ бы лучше броситься въ воду. Когда вдругъ лягушка — шасть въ воду! —„Эге!—думаетъ тогда заяцъ:—не стану-жъ я топиться, потому что, оказывается, есть и такое на свѣтѣ, что меня боится!“ [1]).

Относительно „*кажанóвъ*“, т. е. *летýчихъ мышей* (*обыкновенный кожанъ*—Vesperugo noctulo) въ Старобѣльскомъ, Константиноградскомъ, Ушицкомъ, Луцкомъ и Таращанскомъ уѣздахъ говорятъ, что „кажани“ дѣлаются, такъ сказать, изъ простыхъ мышей, которыя съѣдятъ пасхи или вообще чего-нибудь „свяченаго на Великдень“. Потому около церкви и бываетъ много „кажанівъ“, что тамъ послѣ освященія всегда остаются кусочки пасхи, которые съѣдаются простыми мышами, тотчасъ же обращающимися въ „кажанівъ“ [2]). Когда поймаешь „кажана“, то нужно сварить его и разобрать косточки. Среди другихъ косточекъ у него есть одна—„грабелькú“ и другая—„вилки“. Стоитъ только тѣми „грабельками“ защѣпить какую угодно дѣвушку, и она будетъ твоя. Только она недолго будетъ жить—всего одинъ годъ, и потомъ умретъ. Скоро станетъ выходить годъ, нужно оттолкнуть ее „вилками“,—тогда она отстанетъ, и уже не умретъ (Кіевск. и Проскур. уу.) [3]).—Въ Старобѣльскомъ уѣздѣ „кажана“ засушиваютъ и носятъ отъ лихорадки. Если скотъ, предназначенный въ продажу, закормить засушеннымъ „ка-

---

[2]) П. Чубинскій, „Труды Этнограф.-статист. Экспедиціи въ зап.-русскій край“, т. I, стр. 55.

[1]) Тамъ же; В. Ивановъ, „Жизнь и творчество крестьянъ Харьковск. губ.“, т. I, стр. 304; Б. Гринченко, „Этнографическіе матеріалы“, вып. I, стр. 7.

[2]) П. Чубинскій, „Труды Этнограф.-статист. Экспедиціи въ зап.-русскій край“, т. I, стр. 55.

http://rcin.org.pl

жано́мъ", то онъ сильно и быстро жирѣетъ; но за это—великій грѣхъ: такой скотъ скоро пропадаетъ.—Человѣкъ, котораго укуситъ „кажа́нъ", умираетъ [1]). Если „кажа́нъ опакоститъ" голову, то будетъ лысина (Проскур. у.) [2]).

О нѣкоторыхъ другихъ животныхъ существуютъ только различныя повѣрья, явившіяся результатомъ многовѣковыхъ наблюденій и нерѣдко подкрашенныя христіанскимъ элементомъ. Такъ, относительно *обыкновенныхъ мышей* (*домашняя*—Mus musculus, *лѣсная*—Mus sylvatisus, *полевая*—Mus agrarius) существуетъ примѣта, что если ихъ много бываетъ зимой, то на слѣдующій годъ будетъ урожай; если онѣ чаще грызутъ верхнюю часть печенаго хлѣба, то это—къ урожаю, а если нижнюю, то къ неурожаю. Чтобы мыши не истребляли хлѣба, нужно „на Маковія" (1-го августа) принести освященной въ этотъ день воды, пойти съ нею въ помѣщеніе для хлѣба, окропить его и сказать при этомъ: „Мыши! не ходите въ *комо́ру*: васъ не пуститъ сюда *маковійська* вода!"—Когда поймаешь мышь, нужно ее присмалить и затѣмъ пустить: всѣ перекочуютъ со двора; если же подкуривать ихъ табачнымъ дымомъ, въ такомъ случаѣ онѣ будутъ пропадать (Староб. у.) [3]). Когда мыши огромными стадами переселяются въ неизвѣстныя страны, то это предвѣщаетъ войну (Проскур. у.) [4]).

Байбакъ (Arctmomis bobac) на зиму засыпаетъ, на Срѣтеніе переворачивается на другой бокъ, а на Евдокію (1-го марта) свиснетъ въ первый разъ, и опять заснетъ, если

---

[1]) В. Ивановъ, „Жизнь и творчество крестьянъ Харьковск. губ.", т. I, стр. 304.

[2]). П. Чубинскій, „Труды Этногр.-статист. Экспедиціи въ зап.-русскій край", т. I, стр. 55.

[3]) В. Ивановъ, „Жизнь и творчество крестьянъ Харьк. губ.", т. I, стр. 303.

[4]) П. Чубинскій, „Труды Этнограф.-статист. Экспедиціи въ зап.-русскій край", т. I, стр. 55.

http://rcin.org.pl

холодная погода; если же погода теплая, то встаетъ и начинаетъ *прохаживаться* (Староб. у.) [1]).

Ежъ (*европейскій*—Erinaceus europaeus) послѣ Покрова залегаетъ въ берлогу. По отверстію и по мѣстоположенію его берлоги судятъ о степени суровости зимы и вообще о погодѣ, которая будетъ предстоящей зимой: если логовища ежа съ краю лѣса, будетъ теплая зима; а если въ серединѣ, то зима будетъ суровая. Вѣтеръ и снѣгъ зимою должны быть съ противоположной отверстію логовища стороны.—Сало ежа употребляется въ качествѣ лѣкарства для тѣхъ ранъ у скота, въ которыхъ заводятся черви, а также для освѣщенія (Староб. у.) [2]).

Ласка (Putorius vulgaris) считается очень вреднымъ животнымъ. Появляясь въ хлѣвахъ, ласки портятъ коровъ: молоко превращается въ кровь. Говорятъ также, что если ласка перебѣжитъ черезъ лежащее животное, то оно не въ состояніи бываетъ послѣ того встать, и въ этомъ случаѣ необходимо обратиться за помощью къ знахарю, умѣющему нашептывать противъ такихъ поврежденій (Житом. у.) [3]).

Кто держитъ во дворѣ *кроликовъ* (Lepus cuniculus), у того не будетъ разводиться (плодиться) скотъ (Староб. у.) [4]).

---

[1]) В. Ивановъ, „Жизнь и творчество крестьянъ Харьк. губ.“, т. I, стр. 303.

[2]) Тамъ же.

[3]) Чубинскій, „Труды Этнограф.-статист. Экспедиціи въ зап.-русскій край“, т. I. стр. 55—56.

[4]) В. Ивановъ, „Жизнь и творчество крестьянъ Харьковской губерніи“, т. I, стр. 301–302.

http://rcin.org.pl

Украинскія легендарныя сказанія и преданія о домашнихъ птицахъ.

Украинскія легендарныя сказанія и преданія широкою волною захватили также и пернатое царство, при чемъ и эти всѣ почти безъ исключенія сказанія и преданія находятся въ самой тѣсной и непосредственной связи какъ съ апокрифами, такъ и съ древними религіозно-миѳическими воззрѣніями на природу. Изъ домашнихъ птицъ украинскія легендарныя сказанія и преданія говорятъ о курахъ, гусяхъ, уткахъ, индѣйкахъ голубяхъ и навлинѣ.

Курица произошла изъ земли (Ушицк. у.) [1]). Но взгляды на нее расходятся до полной противоположности даже въ мѣстностяхъ, находящихся въ одномъ и томъ же уѣздѣ. Такъ, въ сл. Бѣло-Куракиной, Старобѣльск. у., ее считаютъ *Божьей* птицей, потому что, когда родился Іисусъ Христосъ, такъ она когтями загребла Его, чтобы не пашелъ Новорожденнаго *какой-нибудь* (sic!) *Иродъ* [2]); въ слободѣ же Никольской, того же уѣзда, курицу считаютъ проклятой Господомъ за то, что когда Спаситель прятался отъ „жидівъ“, такъ куры выгребли Его своими ногами. Потому-то куръ и не освящаютъ на Пасху и не ѣдятъ ихъ ногъ; впрочемъ, сама

---

[1]) П. Чубинскій, „Труды Этнограф.-статист. Экспедиціи въ зап.-русскій край“, т. I, стр. 58.

[2]) В. Ивановъ, „Жизнь и творчество крестьянъ Харьковской губ.“, т. I, стр. 464.

http://rcin.org.pl

курица—птица благословенная за яйца, которыя она несетъ, и которыя освящаются вмѣстѣ съ пасхою [1]).—Такая же разноголосица замѣчается и въ повѣрьяхъ относительно пѣнія курицы пѣтухомъ. Преобладающій взглядъ тотъ, что курица, поющая пѣтухомъ, предвѣщаетъ смерть кого-либо изъ жильцовъ того дома или вообще несчастье. Такую курицу берутъ въ руки и, переворачивая ее то хвостомъ, то головой впередъ, измѣряютъ разстояніе отъ стола къ порогу: если передъ самымъ порогомъ курица уляжется хвостомъ къ нему, въ такомъ случаѣ ей отрубливаютъ ховостъ, если же—головой, то отрубливаютъ голову (Старобѣльск. и Проскур. уу.) [2]). Или же перебрасываютъ поющую пѣтухомъ курицу черезъ хату, и если она упадетъ хвостомъ къ хатѣ, то отрубливаютъ хвостъ, и изъ нея выйдетъ потомъ „хозяйка, несуха и сижуха“; а если—головой то отрубливаютъ голову, при чемъ изъ такой курицы нельзя варить борщу, а нужно ее только „помянуть“. [3]). Но въ Проскуровскомъ уѣздѣ существуетъ и совершенно противоположное повѣрье: если курица запоетъ пѣтухомъ (это бываетъ вслѣдствіе того, что у нея наростаетъ на языкѣ „пипоть“—типунъ), такъ это служитъ хорошей примѣтой: своимъ пѣніемъ она отгоняетъ „ворогівъ“ [4]).—Яйца, снесеннаго курицой подъ Благовѣщенье и на Пасху, нельзя класть подъ насѣдку: изъ него выйдетъ калѣчка. Чтобы куры были „плодючі“, нужно закормить ихъ на Новый годъ кутьею, а также покормить ею и на Крещеніе и при этомъ еще окропить святою водою. Для той же цѣли („шобъ

[1]) Тамъ же, стр. 304.

[2]) В. Ивановъ, „Жизнь и творчество крестьянъ Харьк. губ.“, т. I, стр. 304; П. Чубинскій, „Труды Этнограф.-статист. Экспедиціи въ зап.-русскій край“, т. I, стр. 58.

[3]) М. Драгомановъ, „Малорусскія народныя преданія и разсказы“. стр. 6; В. Ивановъ, „Жизнь и творч. крестьянъ Харьковск. губ.“, т. I, стр. 463—464.

[4]) П. Чубинскій, „Труды Этногр.-статистич. Экспед. въ зап.-русскій край“, т. I, стр. 58.

http://rcin.org.pl

кýри плодúлись“) совѣтуютъ на Новый годъ, какъ только придутъ первые „посыпáльники“, посадить ихъ въ хатѣ на *лавкѣ*, а самому пойти съ „кочергóю“ подъ насѣсть и попугать куръ; потомъ войти въ хату и дать „посыпáльникамъ“, чтó Богъ послалъ (денегъ или лакомствъ—пряниковъ, конфетъ). Заставить курицу раньше „заквоктáть“ и раньше сѣсть на яйца можно тѣмъ, если ее подъ Рождество свалить съ насѣсти „помелóмъ“. Когда курица или другая какая-либо домашняя птица сидитъ на яйцахъ, тогда нельзя трусить сажи въ трубѣ: всѣ яйца почернѣютъ; нельзя также печь тогда яицъ и бросать въ огонь ихъ скорлупу: запекутся и не вылупятся зародыши. Вечеромъ „кудáхчуть“ куры—къ несчастью, утромъ—къ благополучію, (Старобѣльск. у.) [1]).

Пѣніе *пѣтуха* (Gallus) непремѣнно на зарѣ и часто удачное предсказаніе пѣніемъ же погоды въ Александровскомъ уѣздѣ объясняютъ тѣмъ, что у пѣтуха есть особое—„ангельское“ перо, которое „крýтитьця“, когда пѣтуху пора бываетъ уже встать на зарѣ, а равно „крýтитьця“ и на погоду, вслѣдствіе чего онъ слышитъ тогда, что поетъ уже „морськúй пíвень“, („морськúй пíвень“, должно быть, живетъ, говорятъ, какъ и „морські люде“, „въ лузці“) [2]). Если пѣтухъ обойдетъ вокругъ хаты и затѣмъ запоетъ, это—знакъ, что непремѣнно будутъ гости (Новомоск. у.) [3]), и притомъ—съ той именно стороны, съ какой стороны дома пѣтухъ поетъ. Ему обыкновенно приговариваютъ въ это время: „Если дорогой гость, пусть тебѣ будетъ золотой хвость, а если плохой гость, то пусть отпадетъ и тотъ хвостъ“. Если пѣтухъ поетъ вечеромъ, будетъ веселая и теплая ночь; если ночью,—ничего

---

[1]) В Ивановъ, „Жизнь и творчество крестьянъ Харьк. губ.“, т. I, стр. 469, 304—305.

[2]) М. Драгомановъ, „Малорусскія народныя преданія и разсказы“, стр. 6.

[3]) П. Чубинскій, „Труды Этногр.-статист. Экспед. въ зап.-русск. край“, т. I, стр. 58.

http://rcin.org.pl

не бойся; если утромъ и днемъ,—будетъ хорошая погода; если „на пóкуті“ и на порогѣ,—будутъ гости; если часто поетъ около окна,—къ несчастью, или же кто-нибудь умретъ изъ домашнихъ (Старобѣльск. у.).—*Чернаго* пѣтуха не слѣдуетъ держать во дворѣ, потому что тамъ, гдѣ онъ есть, никогда не живутъ въ мирѣ и согласіи мужъ съ женою. Чтобы втихомолку произвесть въ какой-нибудь семьѣ ссору между мужемъ и женою, стóитъ только принесть имъ въ подарокъ *черную* курицу (Старобѣльск. у.) [1]).

Не будемъ говорить здѣсь о томъ, какую большую роль играетъ и по настоящую пору пѣтухъ въ народныхъ сказкахъ и различныхъ (особенно свадебныхъ) обрядахъ, а также какую важную роль игралъ онъ въ древности, какъ жертвенное животное и какъ символъ солнца, въ переносномъ значеніи всего свѣтлаго и добраго, а скажемъ еще попутно нѣсколько словъ о *пѣтухѣ-царикѣ*. Пѣтуха этого можно.—говорятъ въ Чигиринскомъ уѣздѣ,—узнать еще тогда, когда онъ находится въ яйцѣ, такъ какъ онъ въ яйцѣ уже пищитъ. Съ возрастомъ онъ дѣлается очень сильнымъ и смѣлымъ, такъ что его боятся не только всѣ пѣтухи, но даже самъ дьяволъ, который не смѣетъ войти во дворъ, гдѣ есть пѣтухъ-царикъ. Къ пѣтуху этому на Украйнѣ относятся съ большимъ уваженіемъ, и рѣзать его—считается дѣломъ неблагоразумнымъ и грѣшнымъ. Чумаки, отправляясь въ большую дорогу, берутъ его съ собою, какъ лучшій и надежный оберегъ отъ всего дурного [2]). Проф. Н. Сумцовъ, на основаніи разсказа, записаннаго г. Подберескимъ въ Чигиринскомъ уѣздѣ [3]), и другого разсказа записаннаго вблизи г. Ахтырки, Харьк. губ., и обработаннаго въ художественной формѣ Я. И.

---

[1]) В. Ивановъ, „Жизнь и творч. крестьянъ Харьк. губ.“, т. I, стр. 304—305, 463.

[2]) „Zbiór wiadomości, wydawany staraniem komisyi antropologicznej Akademii umiętności w Krakowie. 1877—1889, т. VI. *Подберескій*, „Матеріалы для украинской демонологіи“, стр. 3.

[3]) Тамъ же, стр. 5.

http://rcin.org.pl

Щоголевымъ въ неизданномъ стихотвореніи его: „Климентовы хутора“, склоненъ къ отождествленію пѣтуха-царика съ тѣмъ *краснымъ пѣтухомъ*, который, по народнымъ повѣрьямъ, открываетъ клады [1]). Въ параллель же къ украинскимъ повѣрьямъ о пѣтухѣ-царикѣ ставитъ весьма сходное чешское повѣрье о *бѣломъ пѣтухѣ*, который, будто-бы, приноситъ въ домъ счастье и охраняетъ его отъ злыхъ чаръ [2]).

Гусей (Anser) и *утокъ* (Anas) Господь благословилъ въ пищу людямъ за то, что они прикрыли Спасителя соломою, когда Онъ прятался отъ „жидівъ“. Гусей „для завóда“ нужно покупать съ верховьевъ рѣки, „за водóю“,— тогда они лучше будутъ плодиться. Купленныхъ „для завóда“ гусей и утокъ (а также и всякую вообще птицу и мелкій скотъ) долженъ ловить самъ покупатель, а не продавецъ. Когда выведутся маленькіе гусята, имъ прижигаютъ страстною свѣчкою пушокъ на головкахъ, „шобъ шуліка не хватáла“. Если у гусака вырвать изъ крыльевъ на-крестъ по три перышка, такъ онъ пропадетъ (Староб. у.) [3]). *Дикіе гуси* (или *сѣрые* — Anser ferus, cinereus, vulgaris, sylvestris palustris, Anas anser) произошли изъ земли (Ушицк. у.) [4]). На зиму они улетаютъ отъ насъ въ „вúрій“, на теплыя воды. Когда дикіе гуси возвращаются весною къ намъ, то, кто ихъ увидитъ, долженъ взять въ руки пучокъ соломы и подбросить его *три* раза вверхъ, произнося при этомъ: „Гýси, гýси! нáте вамъ на гніздó, а намъ на здорóвьячко!“ Солому эту потомъ нужно собрать и положить подъ домашнихъ гусей или куръ-насѣдокъ—на каждое яйцо по соломинкѣ: тогда гусыня или курица-насѣдка выведутъ столько птенцовъ, на сколькихъ яйцахъ

---

[1]) „Кіевская Старина“ 1890 г., Апрѣль, стр. 84—85.

[2]) Grohmann „Abergl. aus Böhmen“, стр. 229.

[3]) В. Ивановъ, „Жизнь и творч. крестьянъ Харьк. губ.“, т. I, стр. 305.

[4]) П. Чубинскій, „Труды Этнограф.-статист. Экспед. въ зап.-русск. край“, т. I, стр. 62.

http://rcin.org.pl

онѣ были подсыпаны,—не будетъ ни одного „рóзбовтка“, „болтуна“ Проск.) [1]).

Индѣйка (Meleagris, Meleagris gallopavo)—самая слабая и „врúклива“ (боящаяся сглаза) птица. Чтобы индѣйки не пропадали, ихъ нужно закормить „свячéнымъ“ и окропить святой водой, а только-что вылупившимся еще птенцамъ нужно, какъ и гусятамъ, прижечь на затылкѣ пушокъ страстною свѣчкою (Староб. у.) [2]).—Головы индѣйки не годится ѣсть: „вонá дурнá і схóжа на гадю́чу“ [3]).

Головы *голубя* (Columba) также не ѣдятъ на Украйнѣ: она (голова) проклята Богомъ за то, что голубь „розсмúкавъ“ солому, въ которой Спаситель прятался отъ „жидівъ“ (Староб. у.) [4]). Чтобы завести голубей, нужно уворовать „подволóку“ изъ плуга и поставить ее на томъ строеніи, гдѣ ихъ желаютъ развести: это будетъ прекрасной приманкой для нихъ (Проскур. у.); „подволóку“ съ успѣхомъ можно замѣнить палкой, уворованной у нищаго (Новомоск. у.) [5]). Въ Старобѣльскомъ уѣздѣ для этой цѣли совѣтуютъ заткнуть въ стрѣху хлѣва, предназначеннаго для голубей, кусочекъ той палочки, которая лежитъ подъ крестомъ, когда освящаютъ воду. Затѣмъ нужно купить пару голубей, и когда они начнутъ плодиться, то первую пару голубятъ оставить для заводу, вторую—зарѣзать, при чемъ головки этихъ послѣднихъ воткнуть въ стрѣху хлѣва, гдѣ живутъ голуби; также, если найдешь на дорогѣ чеку, возьми ее, неси не озираясь домой и воткни въ стрѣху голубинаго хлѣва. Если

---

[1]) М Драгомановъ, „Малорусскія народныя преданія и разсказы“, стр. 7; П. Чубинскій, „Труды Этногр.-статист. Экспедиціи въ зап.-русскій край“, т. I, стр. 62.

[2]) В. Ивановъ, „Жизнь и творч. крестьянъ Харьк. губ.“, т. I, стр. 305, 463.

[3]) Тамъ же, стр. 463.

[4]) Тамъ же, стр. 305.

[5]) П. Чубинскій, „Труды Этнограф.-статист. Экспедиціи въ зап.-русскій край“, т. I, стр. 64.

http://rcin.org.pl

сдѣлаешь изъ „клечальної (троицкой) осики“ крестъ и воткнешь его въ гнѣздо своихъ голубей, а потомъ, когда найдешь „квачъ зъ мазницї“ (дегтярки) и воткнешь его въ стрѣху чужого голубинаго хлѣва, въ такомъ случаѣ къ тебѣ перелетятъ съ того двора всѣ голуби,—только перелетятъ они не разомъ, а каждый мѣсяцъ по одной парѣ.—Голубиныхъ перьевъ не годится класть въ подушки: будетъ болѣть голова.—У кого плодятся голуби, у того не будетъ пожара [1]).

Указаніе на христіанскую символизацію голубя мы нашли только въ одномъ повѣрьи Старобѣльскаго уѣзда (слоб. Бѣло-Куракино): голубей грѣхъ ѣсть, потому что въ нихъ вселялся Духъ Святой; если же кто и ѣстъ, то ихъ не рѣжутъ, а отрываютъ (откручиваютъ—почти по всей Украйнѣ) имъ головки [2]).

Павлинъ (*обыкновенный*—Pavo cristatus)—„погана“ птица,—его мяса и собаки не ѣдятъ. О происхожденіи павлиновъ существуетъ нѣсколько легендъ. Въ Ушицкомъ и Литинскомъ уѣздахъ ихъ считаютъ оборотнями чертей. Когда-то, ночью, наканунѣ праздника Благовѣщенія, молодые чортъ и чертовка уговорились нарядить другъ друга въ самые разнообразные цвѣта, какъ можно пышнѣе. Чертовка успѣла украсить чорта, гдѣ только можно было, различными цвѣтами; чортъ же успѣлъ лишь заткнуть въ голову чертовкѣ всего одинъ цвѣтокъ, какъ вдругъ запѣли пѣтухи. Чортъ и чертовка въ мигъ обратились въ павлиновъ, да такъ ужъ и остались, потому что черти, по народному повѣрью, имѣютъ силу только до первыхъ пѣтуховъ [3]). Вслѣдствіе этого, не годится украшать павлиньими перьями иконы, какъ это не-

[1]) В. Ивановъ, „Жизнь и творчество крестьянъ Харьк. губ.“, т. I, стр. 305—306.

[2]) Тамъ же, стр. 463.

[3]) П. Чубинскій, „Труды Этнограф.-статист. Экспедиціи въ зап.-русскій край“, т. I, стр. 58.

http://rcin.org.pl

обдуманно дѣлаютъ иногда неопытныя дѣвушки (Старобѣльск. у.) [1]).—Въ Лебединскомъ уѣздѣ *первыхъ* павлина и паву считаютъ королевичемъ и кролевной, которые убирались къ свадьбѣ. Женихъ одѣлся, а невѣста не успѣла, когда колдунъ обратилъ ихъ въ птицъ. Въ томъ же уѣздѣ говорятъ еще, что пава (очевидно—чертовка) убирала однажды своего павлина, при чемъ себѣ едва успѣла прицѣпить на голову пукъ перьевъ, какъ запѣлъ пѣтухъ. Такъ пава осталась съ пухомъ рязноцвѣтныхъ перьевъ только на одной головѣ [2]).—Наконецъ, въ Холмской Руси записана слѣдующая легенда о происхожденіи павлиновъ. Былъ день Свѣтлаго Христова Воскресенья. Одинъ богатый человѣкъ, одѣвшись въ дорогое и красивое платье, не пошелъ въ церковь, по просьбѣ жены, и остался дома. Жена его все время, пока шло пасхальное богослуженіе, лежала въ постели, нисколько не заботясь о нарядѣ Богъ наказалъ обоихъ безпечныхъ супруговъ за такую непростительную лѣнь, обративши ихъ въ павлиновъ [3]).

---

[1]) В. Ивановъ, „Жизнь и творчество крестьянъ Харьк. губ“., т. I, стр. 306.

[2]) М. Драгомановъ, „Малорусскія народныя преданія и разсказы“, стр 6.

[3]) П. Чубинскій, „Труды Этногр.-статист. Экспед. въ зап.-русск. край“, т. I, стр. 58. Потебня, „Колядки“, стр. 68.

http://rcin.org.pl

Украинскія легендарныя сказанія и преданія о дикихъ птицахъ.

Что касается дикихъ и хищныхъ птицъ, то въ сказаніяхъ о нѣкоторыхъ изъ нихъ нельзя не замѣтить еще остатковъ такъ называемаго животнаго эпоса; другія сказанія явились плодомъ простой наблюдательности народа; но какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ замѣтное вліяніе оказала съ своей стороны еще и апокрифическая литература. Сказаній о дикихъ и хищныхъ птицахъ сохранилось сравнительно довольно много. Остановимся на главнѣйшихъ изъ нихъ.

Одной изъ самыхъ уважаемыхъ, такъ сказать, на Украйнѣ птицъ является *ласточка (деревенская касатка*—Hirundo rustica, domestica gutturatis и др.). Это—Божья птица (Кіевск. у.). Сотворена она Богомъ изъ земли (Ушицк. и Литинск. уу.). Благословилъ ее Господь за то, что когда „жиди„ распинали Христа, ласточки крали у нихъ „цвяшки"—гвозди (Проскур. у.). Если ласточка вьетъ подъ чьимъ-нибудь домомъ гнѣздо, такъ это предвѣщаетъ счастье тому семейству (Старобѣльск. и Литинск. уу.). Разорять гнѣздо ласточки или „драть" ихъ яички—грѣхъ: все лицо у виновныхъ покроется веснушками, наподобіе пятенъ на яичкахъ ласточки (Литинск., Кіевск. и Староб. уу.); этого мало,—ласточка, въ отместку, испортитъ корову, для чего пролетитъ подъ коровою три раза—молоко покраснѣетъ и его станетъ такъ мало, что даже теленокъ пропадаетъ отъ голоду (Староб. и Ново-

http://rcin.org.pl

моск. уу.) [1]). Кто разоритъ гнѣздо ласточки и убьетъ ея дѣтенышей, у того она спалитъ хату, принесши съ поля огня (Харьк. и Староб. уу.) [2]). Чтобы согнать съ лица „ластівьяче ряботи́ння“ (веснушки), нужно, когда весною увидишь въ первыйразъ ласточку, умыться сейчасъ же молокомъ и утереться тѣмъ ручникомъ, въ которомъ носили святить пасху,---не только сойдетъ „ластівьяче ряботи́ння“, но и сдѣлаешься бѣлолицымъ (Староб. у.) [3]); или: когда увидишь въ первый разъ весною ласточку, нужно *три* раза сказать: „ла́стівко, „ла́стівко! на́ тобі весня́нки, дай міні бі́лянки!“ (Подольск. губ.) [4]). Нѣкоторые, увидѣвши въ первый разъ весною ласточку, берутъ изъ-подъ правой ноги земли и замѣчаютъ, какого цвѣта понадется въ ней шерсть: „такóі ма́сти і скоти́ну“ нужно держать (Староб. у.) [5]). Если ласточки вдругъ улетаютъ изъ какой-нибудь мѣстности, то тамъ слѣдуетъ непремѣнно ожидать мора людей (Литинск. у.) [6]).—Если ласточка „напаскудить“ комуна голову, то голова у того человѣка тотчасъ же покроется паршами (Литинск. и Каневск. уу.) [7]).

Осенью (въ Литинск. у. 26 сент.) ласточки не улетаютъ „на те́плі во́ди“, въ „ви́рій“, а сцѣпливаются лапками одна

---

[1]) В. Ивановъ, „Жизнь и творчество крестьянъ Харьк. губ.“, т. I, стр 307; П. Чубинскій, „Труды Этногр.-статист. Экспед. въ зап. русскій край“, т. I, стр. 58—59; Nowosielski A,. „Lud Ukraiński, jego pieśni, bajki, powiedania..“, II ,стр. 129.

[2]) М. Драгомановъ, „Малорусскія народныя преданія и разсказы“, стр. 7; В. Ивановъ, „Жизнь и творч. крестьянъ Харьк. губ.“, т. I, стр. 307.

[3]) В. Ивановъ, „Жизнь и творчество крестьянъ Харьк. губ.“, т. I, стр. 307.

[4]) П. Чубинскій, „Труды Этнограф.-статист. Экспед. въ зап.-русскій край“, т. I, стр. 58—59.

[5]) В. Ивановъ, Жизнь и творч. крестьянъ Харьк. губ“. т. I, стр. 307.

[6]) П. Чубинскій, „Труды Этнограф.-статист. Экспед. въ зап.-русскій край“, т. I, стр. 59.

[7]) Тамъ же, стр. 58—59.

http://rcin.org.pl

за другую, образуя длинную „низанку“ (цѣпь), и, за какую-то провинность, замерзаютъ на всю зиму въ водѣ; весною же, когда пуститъ ледъ, и согрѣется вода, онѣ оживаютъ и летаютъ потомъ вплоть до самаго Воздвиженья. Не разъ, будто бы, вытягивали зимою сѣтями изъ воды цѣлыя связки сцѣпившихся дружка съ дружкой мерзлыхъ ласточекъ (Кіевск., Таращ. и нѣк. др. уу.) [1]).

Естественное желаніе объяснить нѣкоторыя особенности внѣшняго вида ласточки и ея чисто идеальной семейственности породило особую весьма трогательную легенду о происхожденіи ласточекъ изъ страстно влюбленныхъ другъ въ друга мужа и жены (Александр. у). Жили себѣ—говоритъ—мужъ и жена. Мужъ однажды что-то рѣзалъ и запачкалъ руки въ кровь, а жена въ это время подошла и такъ и вьется вокругъ него. Мужъ взялъ ее за подбородокъ и страстно проговорилъ: „Ласточка—говоритъ—ты моя!“—и при этомъ поцѣловалъ. Въ тотъ же мигъ они вспорхнули и полетѣли ласточками.—Потому-то у ласточки и видно подъ горлышкомъ красненькое пятнышко [2]).

Не меньшимъ уваженіемъ и любовію пользуется ласточка и у другихъ народовъ. Въ Чехіи и Германіи она называется „птицей Божіей Матери“, и считается хорошимъ признакомъ, если ласточка влетитъ въ окно. Разорить гнѣздо ласточки или убить ее—тяжкій грѣхъ (Германія и Италія), и въ наказаніе за это у коровъ разорившаго гнѣздо человѣка молоко обращается въ кровь или же и совсѣмъ пропадаетъ (Венгрія и Германія). Древніе писатели говорятъ, что даже хищныя птицы считаютъ ласточку священной. У Арріана—ласточка предупреждаетъ Александра Македонскаго объ опасности [3]). Въ Дагестанѣ разсказываютъ, что богатыри

---

[1]) М. Драгомановъ, „Малорусскія народныя преданія и разсказы“, стр. 7; П. Чубинскій, Труды Этногр.-статист. Экспед. въ зап.-руск. край“, т. I, стр. 59.

[2]) М. Драгомановъ, „Малор. народныя преданія и разсказы“, стр. 7.

[3]) De Gubernatis, „Die Thiere“, стр. 523.

http://rcin.org.pl

основали аулъ *Цудахаръ* по слѣдующему поводу. Остановились они однажды на томъ мѣстѣ на ночлегъ и воткнули знамя въ землю вокругъ своего очага. Проснувшись поутру, богатыри увидѣли, что ласточки носятъ землю на конецъ копья, къ которому прикрѣплено было знамя, и устраиваютъ на немъ себѣ гнѣздо. Ученые объяснили это, какъ хорошее предзнаменованіе, и богатыри рѣшили поселиться здѣсь [1]).— На монгольскомъ востокѣ существуетъ слѣдующая замѣчательная легенда, представляющая собою смѣсь нѣсколькихъ сказочныхъ мотивовъ на апокрифической подкладкѣ и рисующая ласточку великой благодѣтельницей рода человѣческаго. Когда всемогущимъ Богомъ опредѣлено было пророку Ною,—да будетъ надъ нимъ благословеніе,—странствовать въ ковчегѣ по водамъ, покрывавшимъ всю землю, *шайтанъ* (діаволъ), превратившись въ мышь, всячески старался вредить людямъ и звѣрямъ, бывшимъ въ ковчегѣ. Онъ уничтожалъ запасы, портилъ имущество и, наконецъ, задумалъ погубить весь ковчегъ, потопивъ его въ водахъ вселенскаго моря. Для этого, забравшись какъ можно ниже, на самое дно ковчега, шайтанъ прогрызъ дыру въ днищѣ его. Вода хлынула, и ковчегъ началъ быстро наполняться водою. Змѣя, бывшая тутъ же, заткула дыру хвостомъ и стала громко звать на помощь. Первою прибѣжала на крикъ кошка, которая, узнавъ, въ чемъ дѣло, не ожидая прихода пророка Ноя,—да будетъ надъ нимъ благословеніе,—съѣла мышь. Виновникъ былъ уничтоженъ, а потому наказывать было некого; оставалось вознаградить заслугу змѣя.—„Озябла я“, сказала змѣя.—„Потерпи,—сказалъ пророкъ—да будетъ надъ нимъ благословеніе:—когда остановимся на землѣ, проси у меня для пищи самой сладкой крови, и я дозволю тебѣ питаться ею“. —„Пошли комара узнать, которая кровь самая сладкая, такъ какъ мнѣ нельзя отлучиться“. Долго леталъ комаръ. Ковчегъ

[1]) Анучинъ, „Отчетъ о поѣздкѣ въ Дагестанъ“, стр. 74.

http://rcin.org.pl

уже остановился. Испробовавши кровь всѣхъ звѣрей, гадовъ и птицъ, комаръ попробовалъ и крови человѣка.—„Сладость ея и теперь еще я чувствую на языкѣ“, сказалъ онъ ласточкѣ, летѣвшей навстрѣчу, показывая ей языкъ. Услышавши это, ласточка больно ущипнула его за языкъ, и комаръ уже не могъ говорить, а только пищалъ; за него же досказала ласточка, что самая сладкая кровь найдена комаромъ у лягушки.—„Аминь, Аллах—акбаръ!“ —воскликнулъ пророкъ, да будетъ надъ нимъ благословеніе. Съ тѣхъ опредѣлено змѣѣ питаться лягушками, а ласточку за свое спасеніе человѣкъ бережетъ въ своемъ домѣ вмѣстѣ съ ея гнѣздомъ и птенцами. Змѣя хотѣла съѣсть ласточку за ея продѣлку, схватила уже за хвостъ; но *ляйлякъ* (аистъ) отнялъ ее у змѣи, которая успѣла только выкусить у ласточки кончикъ хвоста. До сихъ поръ можно видѣть у каждой ласточки выкроенный зубами змѣи хвостъ. Кошка хоть и сдѣлалась домашнимъ животнымъ человѣка, но и теперь сохраняетъ всѣ лукавства проглоченнаго ею шайтана. Ляйлякъ—священная птица,—это и ребенокъ знаетъ. Змѣя до сихъ поръ не можетъ согрѣться кровью лягушки; велика заслуга ея передъ праведнымъ Ноемъ,—да будетъ надъ нимъ благословеніе, — но, видно, грѣхъ ея передъ Адамомъ еще сильнѣе [1]).

Такою же благодѣтельницею рода человѣческаго представляется ласточка и въ легендѣ, записанной въ 1883 г. на о. Лесбосѣ, у береговъ Малой Азіи, со словъ одного молодого черкеса, и относящейся къ обширному циклу легендъ о Соломонѣ. Мудрый царь Соломонъ, сынъ Давида, понималъ языкъ всѣхъ птицъ и растеній и назначилъ всѣмъ животнымъ пищу. Змѣѣ онъ назначилъ для питанія кровь человѣка. Люди стали жаловаться, что вскорѣ погибнетъ весь родъ ихъ. Соломонъ собралъ всѣхъ звѣрей и, выслушавъ жалобу человѣка, послалъ комара разыскать для змѣи живот-

[1]) „Окраина“ 1891 г., № 18 („Этнографическое Обозрѣніе“ 1893 г., XVII, стр 178–179)

http://rcin.org.pl

ное съ самой сладкой кровью. Черезъ годъ—новое собраніе звѣрей. Комаръ встрѣтилъ на дорогѣ ласточку и сказалъ ей, что онъ считаетъ самой сладкой кровь человѣческую. Ласточка вырвала у него языкъ, и на вопросъ Соломона комаръ могъ только пищать—*кс... кссс...* Ласточка сказала, что комаръ онѣмѣлъ, но на пути, будто бы, сказалъ ей, что самая сладкая кровь у лягушки. И лягушка была отдана ему пищу змѣѣ. Недовольная такой перемѣной пищи, змѣя бросилась на ласточку; но послѣдняя увернулась, и змѣѣ удалось вырвать у нея только середину хвоста. Оттого люди любятъ ласточку и не разоряютъ ея гнѣзда [1]).

Съ монгольскаго востока, надо полагать, легенда о ласточкѣ, какъ благодѣтельницѣ рода человѣческаго, проникла къ нашимъ вотякамъ, которые относятся къ ласточкѣ съ большимъ уваженіемъ и считаютъ, что она приноситъ съ собою счастье; вслѣдствіе этого, вотяки устраиваютъ подъ крышами *куалы* гнѣзда изъ берестяныхъ ящиковъ для ласточекъ и никогда не убиваютъ ихъ, боясь, что ихъ неизбѣжно постигнетъ за это большое несчастье—Нѣкогда на землѣ жилъ страшный змѣй, который питался кровью животныхъ. Змѣй послалъ комара пробовать у животныхъ кровь; языкъ у комара въ то время былъ длиннѣе, чѣмъ нынѣ. Комаръ, пространствовавши по свѣту, сообщилъ змѣю, что самая сладкая кровь у лошади. Змѣй посылаетъ его въ поиски вторично. Черезъ нѣсколько времени комаръ прилетаетъ и говоритъ, что человеческая кровь слаще крови всѣхъ животныхъ на землѣ. Не успѣлъ комаръ окончить рѣчи, какъ къ нему подлетѣла ласточка и оторвала у него языкъ, чтобъ онъ „не говорилъ на человѣка“. Комаръ полетѣлъ и запищалъ. Змѣй разсердился на ласточку и схватилъ ее за хвостъ. Ласточка вырвалась *изъ рукъ* (sic!) змѣя, оставивши *въ нихъ* середину хвоста.

---

[1]) Carnoy et Nicolaides, „Trad. pop. de l'Asie Mineure“, стр. 227—231 („Этнографич. Обозр.“ 1893 г., XVII стр. 179—180).

http://rcin.org.pl

И остался у ласточки хвостъ навсегда въ такомъ видѣ, въ какомъ онъ нынѣ есть [1]).

Воробьи (сѣрый, *домашній*—Passer domesticus) вышли изъ чертей, и вообще воробьи—проклятая Господомъ птица (Ушицк. и др. уу.). О происхожденіи ихъ существуетъ въ Литинскомъ уѣздѣ слѣдующая оригинальная легенда. „Жиды“ постоянно держали и держатъ козъ. Когда-то они такъ ихъ любили, что даже пометъ козъ прятали въ свои пуховики. Въ пуховикахъ пометъ этотъ согрѣлся, и изъ него образовались воробьи [2]).

Такъ какъ „жиды“, по украинскимъ народнымъ вѣрованіямъ, подчинены непосредственно діаволу, то и воробьевъ нельзя назвать иначе, какъ „чортовымъ насіннемъ“ (сѣменемъ). „На Семена“ (1-го сентября) воробьи собираются въ камышъ, и чортъ ихъ мѣряетъ здѣсь на мѣрки (четверики). Насыплетъ мѣрку съ верхомъ, и затѣмъ „счеркнетъ“: сколько воробьевъ окажется выше мѣрки, тѣхъ чортъ выпускаетъ на волю, а какіе остаются въ мѣркѣ, тѣхъ онъ забираетъ себѣ (Кіевск. губ. и Литинск. у.) [3]). Самое собраніе воробьевъ „на Семена“ (около этого времени воробьи обыкновенно собираются въ довольно большія стаи) называется „горобьячей (воробьиной) радой“.

Проклятіе Богомъ воробьевъ тѣсно связывается съ распятіемъ Господа на крестѣ. Объ этомъ существуетъ нѣсколько —довольно близкихъ, впрочемъ, по основному своему мотиву—легендъ. Въ Маріупольскомъ уѣздѣ говорятъ, что когда распинали Христа, то воробьи кричали: „Живъ! живъ! живъ!“ „Жиды“ начали тогда еще съ большею жестокостью мучить Христа. За это Господь проклялъ ихъ и не позволилъ имъ

---

[1]) Верещагинъ, „Вотяки Сосновск. края“, стр. 72.

[2]) П. Чубинскій, „Труды Этногр.-статист. Экспед. въ зап.-русск. край“, т. I, стр. 59—60.

[3]) М. Драгомановъ, „Малорусскія народныя преданія и разсказы“, стр. 9; П. Чубинскій, „Труды Этногр.-статист. Экспед. въ зап.-русскій край“, т. I, стр. 60.

http://rcin.org.pl

улетать на зиму въ теплыя страны. Осенью, когда бываютъ „жидовскія кучки“, и воробьи летаютъ кучками же. Зимою ихъ много погибаетъ: мерзнутъ [1]).—Въ с. Никольскомъ разсказываютъ, что когда распяли Господа, то на крестъ Его сѣли *два* воробья—*красный* (*красноголовый*—Passer montanus) и сѣрый. Красный кричалъ: „Пóмеръ, пóмеръ!“—а *сѣрый* (обыкновенный, нашъ) кричалъ: „Живъ, живъ!“ Тогда одинъ изъ воиновъ ударилъ Спасителя копьемъ въ бокъ. За это Господь проклялъ воробьевъ, не благословилъ ихъ въ пищу (хотя нѣкоторые и ѣдятъ) и *спуталъ* ихъ, чтобы они не ходили по землѣ, а *прыгали* [2]).—Въ с. Бѣло-Куракиномъ, того же уѣзда, записанъ слѣдующій варіантъ этой легенды. Воробей проклятъ за то, что когда „жиды“ распяли Христа, такъ воробей все время кричалъ: „Живъ, живъ!“ *Разбойники* (sic!) вернулись и вбили Господу *желѣзный гвоздь* въ самое сердце (въ сл. Крыгской говорятъ, что воробьи, кромѣ того, приносили и *желѣзные гвозди*, которыми „жиды“ прибивали ко кресту Спасителя). Вслѣдствіе этого, желѣзными гвоздями „і Боже якъ гріхъ“ (весьма грѣшно) сбивать гробы, „склéпувати“ иконы и крѣпить иконостасъ [3]).—Въ Южной Россіи про воробьевъ говорятъ такъ. Воробьи — проклятыя Господомъ птицы. Ихъ нужно выдирать изъ гнѣздъ, потому что они говорили „живъ“, когда „жиды“ пришли посмотрѣть, умеръ ли уже Христосъ? „Жиды“ такъ бы и не знали, если бы не сказалъ воробей; а какъ только воробей сказалъ: „Живъ, живъ“, тотчасъ же одинъ „жидъ“ взялъ да и прокололъ *пикою* (sic!) бока Іисусу Христу [4]).—

---

[1]) „Кіевская Старина“ 1888 г., Декабрь, стр. 143.

[2]) В. Ивановъ, „Жизнь и творч. крестьянъ Харьковск. губ.“, т. I, стр. 307; см. М. Драгомановъ, „Малорусскія народныя преданія и разсказы“, стр. 10.

[3]) В. Ивановъ, „Жизнь и творчество крестьянъ Харьк. губ.“, т. I, стр. 463, 753—754.

[4]) П. Чубинскій, „Труды Этногр.-статист. Экспедиціи въ зап.-русскій край“, т. I, стр. 60.

http://rcin.org.pl

Для каждаго, надѣемся, вполнѣ ясно, что всѣ подобныя легенды, основываясь на апокрифическихъ сказаніяхъ, въ то же время воспользовались тѣми звуками, какіе чаще всего издаютъ воробьи, и которые дѣйствительно очень походятъ на слово *живъ*.

Видя въ воробьяхъ порожденіе чорта, считая ихъ физическими, такъ сказать, виновниками крестныхъ страданій и даже смерти Спасителя, народъ относится къ воробьямъ весьма враждебно. Дѣти безпощадно разоряютъ ихъ гнѣзда, всячески мучатъ воробьевъ,—и никто не останавливаетъ ихъ въ этомъ [1]). „Жидамъ“ же воробьи, будто бы, настолько милы, по указаннымъ выше причинамъ, что если поймаешь воробья и понесешь къ „жиду“, послѣдній непремѣнно выкупитъ его [2]).

Въ противоположность воробью, небольшая птичка „*посмітюха*“ (*настоящіе подорожники*, изъ семейства *лѣсныхъ пѣвцовъ*— Calcarius) пользуется на Украйнѣ уваженіемъ, но почему — неизвѣстно [3]). При этомъ, въ Старобѣльскомъ уѣздѣ говорятъ, что если только жаворонки не прилетятъ на *Сорокъ мучениковъ* (9 марта), тогда за нихъ поютъ „посмітюхи“, за что жаворонки, послѣ того какъ уродитъ хлѣбъ, должны дать „посмітюхамъ“ мѣрку пшеницы [4]).

Другая маленькая птичка—„*волóве óко*“, или „*волóве óчко*“ (*коровій желтушникъ*— Agelaeus pecoris)—тоже пользуется на Украйнѣ неменьшимъ уваженіемъ: гнѣздо этой птички грѣхъ „драть“, иначе ослѣпнетъ волъ (Кіевск. у.) [5]). Такое

---

[1]) В. Ивановъ, „Жизнь и творчество крестьянъ Харьковской губерніи“, т. I, стр. 753—756.

[2]) М. Драгомановъ, „Малор. нар. пред. и разск.“, стр. 10.

[3]) П. Чубинскій, „Труды Этногр.-статист. Экспедиціи въ зап.-русскій край“, т. I, стр. 64.

[4]) В. Ивановъ, „Жизнь и творчество крестьянъ Харьковск. губ.“, т. I, стр. 307.

[5]) П. Чубинскій, „Труды Этногр.-статист. Экспедиціи въ зап.-русскій край“, т. I, стр. 60.

http://rcin.org.pl

отношеніе народа къ „волóвому óку“, по всей вѣроятности, объясняется необыкновенно трогательной легендой о его происхожденіи, которая сохранилась, между прочимъ, въ Галиціи, какъ обломокъ древне-арійской старины. Маленькая птичка эта,—говорятъ люди,—произошла изъ дитяти, которое очень любило своего родного отца. Давно, очень давно уже было это дѣло. Напали на село татары, сожгли всѣ хаты, а людей поубивали. Убили и отца этого дитяти, туловище выбросили на выгонъ, а голову закопали гдѣ-то подъ корчами. Потому-то „волóве óчко“ и скачетъ всегда по-подъ корчи и зорко всюду присматривается, разыскивая голову отца, чтобы закопать ее тамъ, гдѣ закопано туловище. Однако, и по сію пору никакъ не можетъ найти. Когда-то, все же, найдетъ оно голову своего отца, похоронитъ ее—и тогда вновь само обратится въ человѣка. „Волóве óко“ понимаетъ рѣчь человѣка и, въ случаѣ нанесенной ему обиды, жестоко мститъ за нее [1]).—Что дѣйствительно легенда эта является обломкомъ древне-арійской старины, указаніе на то можно видѣть въ весьма сходной съ приведенной легендой индійской сказкѣ. У одного царя было много сыновей. Съ меньшимъ сыномъ родители дурно обращались; между тѣмъ, этотъ только сынъ и былъ добрымъ и ласковымъ. Онъ одинъ остался при отцѣ, когда послѣдній потерпѣлъ пораженіе въ битвѣ и бѣжалъ. Во время бѣгства царь и царица отъ усталости и изнеможенія умерли, и этотъ сынъ заботливо похоронилъ ихъ. Солнце, тронутое такой сыновней любовью, обратило юношу въ прекрасную птицу съ гребнемъ [2]).—Обращеніе любящихъ дѣтей въ птицъ можетъ быть объяснено тѣмъ, что въ глубокой древности символомъ дѣтской любви являлась именно птица, какъ о томъ свидѣтельствуютъ различные древніе и средневѣковые „физіологи“ [3]).

[1]) Лепкій, „Зоря“ 1885 г., № 11.
[2]) De Gubernatis, „Die Thiere“, стр. 516
[3]) Тамъ же; Мочульскій, „Происхожденіе Физіолога“, стр. 43.

http://rcin.org.pl

Относительно *дятла* (*настоящій пестрый*—Dendrocopus; нашъ *обыкновенный*, или *большой пестрый*—Dendrocopus major, Picus major, cissa и др.) также существуетъ преданіе, записанное П. Кулишомъ [1]), будто онъ былъ раньше человѣкомъ, а потомъ „Богъ такъ далъ“, что онъ обратился въ птицу. Существуетъ, впрочемъ, и другое преданіе, будто дятелъ пронзошелъ изъ земли,—„а что̀ изъ земли, то—отъ Самого Бога“. Говорятъ, что если бы послушать ночью подлѣ гнѣзда дятла, такъ можно было бы ясно услышать, какъ онъ стонетъ: это у дятла голова болитъ отъ того, что онъ по цѣлымъ днямъ непрерывно долбитъ дерево [2]).—Если дятелъ стучитъ въ уголъ чьего-либо дома, то это предвѣщаетъ смерть [3]). Послѣднее повѣрье, извѣстное и у галичанъ [4]), относится ко временамъ глубокой древности, почитавшей дятла зловѣщей птицей. Св. Епифаній сравниваетъ дятла съ діаволомъ. По словамъ Плинія, дятелъ сѣлъ однажды на голову претора Люція Тубера въ то время, когда онъ исполнялъ свою судейскую обязанность, и повѣдалъ, что отечество его погибнетъ, если онъ, дятелъ, не будетъ убитъ; а если Л. Туберъ убьетъ его, то скоро самъ умретъ. Л. Туберъ, любя отечество, поспѣшилъ убить дятла, и вскорѣ послѣ того самъ умеръ.—Плиній, поэтому, считалъ дятла вѣщей птицей, „in auspiciis magni“. [5]).

[1]) П. Кулишъ, „Записки о Южной Руси“, т. II, стр. 36.

[2]) П. Чубинскій, „Труды Этногр.-статист. Экспедиціи въ зап.-русскій край“, т. I, стр. 61; П. Кулишъ, „Записки о Южной Руси“, т. II, стр. 76.

[3]) М. Драгомановъ, „Малорусскія народныя преданія и разсказы“, стр. 10.

[4]) Густавичъ, „Повѣрья о животныхъ“ (Zbiór wiadomości do antropologii krajowej, т. V, стр. 127).

[5]) De Gubernatis, „Die Thiere“, p. 544.—О дятлахъ см. еще ниже въ очеркѣ: „Украинскія легендарныя сказанія и преданія о гадахъ“ (въ концѣ отдѣла *о черепахѣ*).

http://rcin.org.pl

Сорокопуда (*сѣрый*—Lanius excubitor; *малый*—Lanius minor) грѣхъ „драть“ по чисто практическимъ побужденіямъ: онъ „тянетъ за курами“—бьетъ копчика (Кіевск. у.) [1]).

Относительно соловья (*настоящій*—Lusciola; *курскій*—Lusciola philomela; *разноголосый*—Lusciola hybrida; *степной*—Lusciola Golcii) въ Проскуровскомъ уѣздѣ утверждаютъ, будто у него совсѣмъ нѣтъ задней части,—ее оторвалъ у соловья „кліщъ“. Вотъ почему соловей, боясь, чтобы „кліщъ“ не оторвалъ у него и еще чего-нибудь, не спитъ теперь по цѣлымъ ночамъ и все поетъ: „кумъ кліщъ“ [2]). О происхожденіи соловья находимъ у П. Кулиша слѣдующую легенду-сказку. Одна дѣвушка сильно полюбилась ужу, и сама, съ своей стороны, полюбила его. Онъ и повезъ ее къ себѣ во дворецъ. А у него дворецъ былъ „самый чистий скляний“, весь изъ хрусталя. Стоялъ онъ подъ землею, въ какой-то могилѣ, что-ли. Ну, извѣстно, старуха-мать на первыхъ порахъ страшно убивалась за дочерью. Да и какъ, въ самомъ дѣлѣ, не убиваться?.. А дочь—спозналась ли она тамъ съ ужемъ, или не спозналась, но, какъ бы тамъ ни было, забеременѣла и, когда пришло время, разрѣшилась близнецами—мальчикомъ и дѣвочкой. Обое—„якъ зъ воску вылились у матірь“. А она изъ себя была такъ хороша, „якъ квітка“. Вотъ, когда Богъ далъ дѣтокъ, она и говоритъ: „Ужъ если наши дѣти людьми родились, такъ мы ихъ у людей и перекрестимъ“. Сѣла въ золотую карету, положила дѣтокъ къ себѣ на колѣни и поѣхала въ село къ священнику. Еще карета не докатилась „до царини“, а матери уже кто-то донесъ объ этомъ. Старуха надѣлала шуму на все село, схватила косу, та „до царини“. Видитъ дочка неминуемую смерть, да какъ „заголосить“ къ дѣткамъ; а затѣмъ и говоритъ: „Летайте-жъ вы, дѣтки, птичками по свѣту: ты, сынокъ, соловьемъ, а ты,

---

[1]) П. Чубинскій, „Труды Этнограф.-статист. Экспедиціи въ зап.-русскій край“, т. I, стр. 60.

[2]) Тамъ же, стр. 64.

http://rcin.org.pl

дочурка, кукушкою". Выпорхнули—соловей въ правое, а кукушка въ лѣвое окошко кареты. А карета, лошади и все прочее—не знать гдѣ и дѣлись. Не стало и дочки; только надъ дорогою на томъ мѣстѣ выросла глухая крапива [1]).

О происхожденіе *зозу́ли*, или *кукушки* (*обыкновенная*—Cuculus canorus; *сипуха обыкновенная*—Strix flammea) есть и болѣе подробная легенда-сказка, въ общемъ отчасти напоминающая только-что приведенную. Купались однажды въ „ставкѣ" дѣвушки. Выходятъ изъ воды, и каждая стала брать свое платье. Одна изъ дѣвушекъ—до своего платья. когда смотритъ— а въ него забрался ужъ. Лежитъ, свернувшись въ клубокъ,—никакъ нельзя той дѣвушкѣ взять платье. Что тутъ будешь дѣлать? Не во что одѣваться ей!.. Потомъ вдругъ ужъ и говоритъ дѣвушкѣ: „Я вылѣзу, но только подъ условіемъ, чтобы ты была моею; иначе не отдамъ платья". Какъ тутъ за ужа замужъ итти?! Стоитъ бѣдная дѣвушка подлѣ воды; стояла она тамъ до тѣхъ поръ, пока „чередá" (коровье стадо) стала итти въ село. Наконецъ. взяла она свое платье у ужа и говоритъ ему: „Пойду за тебя, присылай сватовъ". „Старости" не заставили себя долго ждать. Подала имъ дѣвушка ручники (т. е. дала согласіе на вступленіе въ бракъ)... Вотъ отошла и свадьба. Мужъ не береть ея къ себѣ домой, а говоритъ: „Поживемъ пока у твоего отца".—Долго ли, коротко ли такъ они жили, только однажды мужъ заявляетъ ей, что пойдетъ на то самое мѣсто, гдѣ она *тогда* купалась: „Пойду,—говоритъ онъ,—а если слишкомъ ужъ засижусь тамъ, такъ прійдешь туда и крикнешь: *ку-ку! ку-ку! ку-ку!*—я тотчасъ же и явлюсь къ тебѣ. А теперь ухожу: нужно съ своими родными повидаться. Видишь,—говоритъ,—ты не захотѣла у моихъ родныхъ жить, а мнѣ безъ нихъ скучно". Пошелъ. Нѣтъ его и нѣтъ. Пошла жена на то мѣсто, гдѣ она когда-то купалась съ подругами.

---

[1]) П. Кулишъ, Записки о Южной Руси", т. II, стр. 33—34.

http://rcin.org.pl

приходитъ и кричитъ: „*Ку ку! ку-ку! ку-ку!*“ Выплылъ ея мужъ, и зажили они снова вмѣстѣ попрежнему... Черезъ сколько тамъ времени, мужъ опять собирается итти къ своимъ родимымъ, а женѣ наказываетъ „выкликáти“ его изъ воды, если онъ, часомъ, слишкомъ ужъ засидится у своихъ. Потомъ собрался и въ третій разъ провѣдать ихъ. — „Будешь и теперь меня такъ же *викликáти*: прійдешь къ водѣ и скажешь: *ку-ку! ку-ку! ку-ку*! Можетъ случиться, что теперь я и не выплыву къ тебѣ; но если самъ не выплыву, въ такомъ случаѣ пришлю своего пріятеля. Захочешь со мною повидаться, садись на него, когда онъ выплыветъ,—пріятель этотъ и отвезетъ тебя къ моимъ роднымъ. Не бойся садиться на него: онъ мой задушевный другъ .. Пріѣзжай же, умоляю тебя, ко мнѣ; если же не захочешь тотчасъ же пріѣхать, то не останешься больше женщиною и не вернешься уже къ своимъ роднымъ, а обратишься въ птицу“. Не захотѣла она ѣхать къ ужу, который былъ ея мужемъ,—и тотчасъ же обратилась въ птицу, полетѣла, и теперь „кýкаэ“ [1]).

Въ Литинскомъ уѣздѣ кукушку считаютъ оборотнемъ княжны. Влюбившись въ какого-то молодого человѣка, княжна долго скрывала любовь свою отъ отца, который почему-то ненавидѣлъ этого молодого человѣка. Разъ влюбленные сидѣли гдѣ-то вмѣстѣ, и княжна, въ порывѣ охватившаго ее нѣжнаго чувства, сказала избраннику своего сердца: „Ахъ, ты, моя зозýлька (кукушка)!“ Отецъ княжны случайно услышалъ эти слова и, въ страшномъ гнѣвѣ на дочь, сказалъ: „Будь же ты кукушкой!“ Княжна тотчасъ же и превратилась въ кукушку [2]).

Въ Ушицкомъ уѣздѣ говорятъ, что кукушка и *чайка* (*чибисъ обыкновенный*—Vanellus capella; *степной*—Vanellus

[1]) М. Драгомановъ, „Малорусскія народныя преданія и разсказы“, стр. 8–9.

[2]) Чубинскій, „Труды Этнограф.-статист. Экспедиціи въ зап.-русскій край“, т. I. стр. 61.

http://rcin.org.pl

gregarius; *болотный*—Vanellus leucurus) произошли отъ дѣвушекъ, которыя вздумали было попугать Спасителя. Спаситель, въ наказаніе, изрекъ, чтобы одна изъ нихъ *кукала*, а другая *кикикала*, „по́ки свiть со́нця“ (до скончанія вѣка [1]).

Въ Александровскомъ уѣздѣ кукушку считаютъ обращенной въ птицу вдовой, вслѣдствіе чего она и гнѣзда себѣ никогда не вьетъ [2]). Наконецъ, существуетъ еще вѣрованіе, будто кукушка стала изъ женщины, которая убила своего мужа и была осуждена за то Богомъ не имѣть пары и скитаться по лѣсамъ [3]).

Въ Галиціи кукушку считаютъ дѣвушкой, проклятой матерью и обращенной въ птицу за то, что она, желая испугать мать, спряталась однажды за „ко́мінъ“ печи и стала *кува́ть* [4]). Въ той же Галиціи записанъ совершенно тождественный съ Ушицкой легендой разсказъ объ обращеніи въ кукушку проклятой отцомъ княжны [5]) и сильно передѣланный варіантъ этой легенды, по которому въ кукушку обращается княжна, проклятая матерью за то, что не хотѣла выйти замужъ за богатаго князя [6]).

Сказанія о томъ, что кукушка произошла изъ человѣка-мужчины (у нѣмцевъ der kuckuk — мужескаго рода) или женщины—и по сію пору живы и у западно-европейскихъ народовъ. Такъ, французы говорятъ, что у кукушки былъ отецъ—человѣкъ очень бѣдный; когда онъ, вслѣдствіе

---

[1]) Тамъ же, стр. 60—61.—Въ Переяславскомъ уѣздѣ говорятъ, что *чайка*—безутѣшная вдова. Когда умеръ ея мужъ, она отъ горя оборнулась въ чайку и все летала надъ его могилою и все *кикикала* (тамъ же, стр. 62).

[2]) М. Драгомановъ. „Малорусскія народныя преданія и разсказы“, стр. 5

[3]) Тамъ же.

[4]) Лепкій Д., „Людові вірованя про птахи“ („Зоря“, 1885, № 10).

[5]) Тамъ же; ср. П. Чубинскій, „Труды Этногр.-статистич. Экспедиціи въ зап.-русскій край“, т. I, стр. 61.

[6]) Густавичъ, „Повѣрья о животныхъ“ („Zbior wiadomości do antropologii krajowej“, т. V, стр. 142).

http://rcin.org.pl

страшной нужды, рѣшилъ повѣситься. кукушка бросилась искать его, и потомъ, нашедши повѣсившимся, сильно горевала; и теперь она не поетъ далѣе того времени, когда отецъ ея наложилъ на себя руки [1]).

Изъ всѣхъ птицъ кукушка является одною изъ самыхъ вѣщихъ. Первоначально она была только доброй вѣщуньей, какъ предвѣстница весны и лѣта, лучшихъ временъ года. При этомъ, значеніе доброй вѣстницы кукушка гораздо больше удержала въ народной литературѣ западно-европейской, чѣмъ въ украинской и южно-славянской. Между прочимъ, на Украйнѣ всюду принято въ народѣ спрашивать кукушку, когда кто въ первый разъ услышитъ ея куkованіе, сколько лѣтъ онъ проживетъ: сколько разъ кукушка прокукуетъ, столько лѣтъ—предполагается—проживетъ спрашивающій. Когда кукушка кукуетъ, то изъ зобика у нея въ это время выпадаетъ зернышками „памйсто“, которое она и нанизываетъ на вѣточку дерева (всѣмъ извѣстныя яички гусеницы — *кольцепряда*). Если у услышавшаго въ первый разъ куkованье окажутся въ карманѣ деньги, въ такомъ случаѣ онѣ не будутъ переводиться у него весь тотъ годъ, вслѣдствіе чего нѣкоторые завязываютъ весною „шага́“ (грошъ) въ сорочку, чтобы всегда быть при деньгахъ [2]).

Чаще въ украинской народной поэзіи—и несравненно рѣже въ поэзіи народовъ западно-европейскихъ —кукушка является злой вѣщуньей. Въ украинскихъ пѣсняхъ о смерти казака плачущія его мать, сестра, милая прилетаютъ къ нему на могилу зозу́леньками; куkованіе „зозу́лі“ въ занѣвѣ уже заранѣе указываетъ на грустное содержаніе пѣсни. По украинскимъ и польскимъ народнымъ повѣрьямъ, крикъ кукушки въ саду предвѣщаетъ дурную погоду, а троекратный надъ домомъ—

---

[1]) „Revue de trad. popul“. 1888 г., V, p. 263—264.

[2]) В. Ивановъ, „Жизнь и творчество крестьянъ Харьк. губ.“, т. I, стр. 306—307; П. Чубинскій, „Труды Этнограф.-статист. Экспедиціи въ зап.-русскій край“, т. I, стр. 60—61 и др.

http://rcin.org.pl

смерть хозяина; продолжительное кукованье предвѣщаетъ плохой годъ и болѣзни людей и скота [1]).

Кукушка замѣчательна также еще и тѣмъ, что на зиму, будто бы, она не сама летитъ въ теплыя страны, а несетъ ее на себѣ *удодъ* (Ушицк. у.) [2]). Повѣрье это является ничѣмъ необъяснимымъ и по меньшей мѣрѣ страннымъ: сравнительно маленькая птичка – удодъ долженъ нести на себѣ сравнительно большую –кукушку. Нельзя ли видѣть въ этомъ повѣрьи искаженнаго литературнаго заимствованія изъ приведенной г. Потанинымъ монгольской сказки о перелетѣ птицъ? Журавль избилъ маленькую *богоргоно* и вывихнулъ ему ноги. Когда птицы собрались въ свое время для перелета на сѣверъ, богоргоно обращается къ нимъ съ такою рѣчью: „Вы теперь улетаете, а куда я дѣнусь, больной и притомъ съ семьей? Безъ общества я здѣсь останусь на вѣрную погибель. Посмотрите на меня теплымъ глазомъ, отцы-господа, и рѣшите мою участь, пока не улетѣли“.—„Да, онъ правду говоритъ,—сказали всѣ птицы... Такъ какъ въ его безпомощности виноватъ журавль, то онъ и долженъ нести наказаніе: пусть онъ отнынѣ и до вѣка таскаетъ къ сѣверу и обратно на себѣ птицу богоргоно“. И съ тѣхъ поръ при полетѣ на сѣверъ и обратно богоргоно садится на спину журавля; послѣдній, поэтому, рѣдко долетаетъ до дальняго сѣвера, потому что раньше другихъ птицъ устаетъ, такъ какъ летитъ съ тяжестью на спинѣ [3]). —Литературное заимствованіе указаннаго выше украинскаго повѣрья изъ приведенной монгольской сказки довольно вѣроятно, такъ какъ и самое монгольское названіе журавля—*лэлэгъ* проникло въ Южную Россію въ формѣ *лелѣка*, обозначающаго, впрочемъ, собою *аиста*.

---

[1]) Густавичъ, „Повѣрья о животныхъ“ („Zbiór wiadomości do antropologii krajowej“, т. V, стр. 140).

[2]) П. Чубинскій, „Труды Этногр.-статистич. Экспед. въ зап.-русскій край“, т. I, стр. 61.

[3]) Потанинъ, „Очерки сѣверо-западной Монголіи“, IV, 629–763.

http://rcin.org.pl

Нѣкоторыя повѣрья объ *удодѣ* (*обыкновенный*—Upupa epops) въ общемъ болѣе или менѣе сходны съ повѣрьями о кукушкѣ [5]). Но удодъ является далеко болѣе зловѣщей птицей, чѣмъ кукушка: на чьемъ дворѣ сядетъ удодъ, въ особенности, если при этомъ еще будетъ „довба́ти но́сомъ і крича́тиме“, тамъ непремѣнно случится несчастье (крикъ удода нѣсколько походитъ на слова: „худо тутъ“), или кто-нибудь умретъ [1]). Кромѣ того, удодъ—птица мстительная. Если разорить гнѣздо его, то онъ полетитъ въ поле, украдетъ у кашеваровъ огня, принесетъ его, положитъ на хату и подожжетъ ее (Старобѣльск. у.) [2]).

Кукушка не пропадаетъ, а осенью, или черезъ 2, 3 года, черезъ 7 лѣтъ превращается или въ *ястреба* (Accipiter; перепелятникъ—Accipiter nisus; *коротконогій*—Accipiter brevipes), или въ *крагульца*, т. е. *копчика*, иначе—*мисера*, или даже въ *орла*. Обыкновенно говорятъ такъ, что въ крагульца кукушка превращается черезъ годъ, въ ястреба—черезъ два, а черезъ три года—въ орла, такъ что птицы эти не родятся, а происходятъ, путемъ превращенія, отъ кукушки. По всей вѣроятности, отсюда береть свое начало и извѣстная русская пословица: „промѣнять кукушку на ястреба“.—По другимъ вѣрованіямъ, кукушка на 7-мъ году своей жизни превращается въ крагульца, становится врагомъ человѣка, скрывается подъ стрѣхой хатъ и нападаетъ на домашнюю птицу. Въ видѣ крагульца кукушка проникаетъ въ гнѣзда ласточекъ и воробьевъ, вслѣдствіе чего ласточки и воробьи, какъ только завидятъ „зозу́лю“, тотчасъ же собираются въ стаю, летятъ за нею и мстятъ ей [3]). Замѣча-

---

[1]) В. Ивановъ, „Жизнь и творчество крестьянъ Харьк. губ.“, т. I, стр. 754, 466, 306.

[2]) Тамъ же, стр. 306.

[3]) Лепскій Д, „Людові вірованя про птахи“ („Зоря“ 1885 г., № 10); Густавичъ, „Повѣрья о животныхъ“ („Zbiór wiadomości do antropologii krajowej“, т. V, стр. 145).

http://rcin.org.pl

тельно, что совершенно такое же повѣрье существовало и въ классической древности. У Плутарха („Vita Arati“) кукушка спрашиваетъ другихъ птицъ, почему онѣ улетаютъ всѣ при ея появленіи, между тѣмъ какъ она—вовсе не хищная птица? Птицы отвѣтили, что онѣ боятся въ ея лицѣ *будущаго ястреба* [1]).

Впрочемъ, въ Литинскомъ уѣздѣ прямо заявляютъ, что происхожденіе *ястреба*—неизвѣстно [2]). Въ Ушицкомъ уѣздѣ относительно ястреба разсказываютъ слѣдующее. Ястребъ положилъ снесенное имъ яйцо подъ ворону. Ворона высидѣла ястреба, заботливо кормила его и любуясь все кричала: „панъ! панъ!“ Когда же ворона, полетѣвши однажды за кормомъ, долго не возвращалась, а выведенный ею ястребъ сильно проголодался и, схвативши прилетѣвшую потомъ ворону, сталъ терзать ее, послѣдняя вырвалась и закричала: „катъ (палачъ)! катъ!“ [3]). —Ястребу въ первый день Петрова поста, женщины, собираясь въ корчмы, обѣщаютъ извѣстную *десятину* цыплятъ; при этомъ приглашаютъ одна другую въ корчму такъ: „ходімо на шулякá“. Такой обычай соблюдается для того, чтобы сохранить цыплятъ отъ слишкомъ зоркихъ глазъ ястреба, который, въ противномъ случаѣ, всѣхъ ихъ побьетъ и поѣстъ. Съ этою же цѣлью, всякая женщина, выносящая въ первый разъ на дворъ цыплятъ послѣ ихъ вывода насѣдкою, непремѣнно должна завязать свои глаза и, выпуская цыплятъ на землю, проговорить: „Какъ не вижу я, гдѣ выпускаю цыплятъ, такъ чтобъ не видѣлъ ихъ шýлякъ“ (Литинск. у.) [4]).

Легенды о происхожденіи *аиста* („гайстеръ“, „бýсолъ“, „буся“, „бóцянъ“, „лелéка“, „черногузъ“; —*настоящій*

---

[1]) De Gubernatis, „Die Thiere“, p. 519.

[2]) П. Чубинскій, „Труды Этнограф.-статист. Экспедиціи въ зап.-русскій край“, т. I, стр. 55.

[3]) Тамъ же.

[4]) Тамъ же.

http://rcin.org.pl

—Ciconia; *бѣлый*—Ciconia alba; *черный*—Ciconia nigra) носятъ исключительно христіанскій апокрифическій характеръ, и попытки нѣкоторыхъ ученыхъ, напр. Де-Губернатиса, окружить его миѳическимъ ореоломъ являются явно натянутыми и ничѣмъ не обоснованными. Извѣстны въ этнографической литературѣ *двѣ* основныя украинскія легенды о происхожденіи аиста. *Первая*, записанная въ нѣсколькихъ варіантахъ, представляетъ дѣло такъ. Когда Богъ убѣдился, что гадюки, ужи и всѣ ядовитыя насѣкомыя причиняютъ слишкомъ много вреда людямъ, то собралъ ихъ всѣхъ въ одинъ мѣшокъ и поручилъ какому-то человѣку бросить въ море.—„Возьми вотъ этотъ мѣшокъ,—сказалъ Богъ человѣку,—отнеси его на море и кинь въ воду. Да только, когда будешь нести, такъ не развязывай и не гляди въ мѣшокъ; неси себѣ такъ, чтобъ и не зналъ совсѣмъ, что́ тамъ есть". Идетъ тотъ человѣкъ съ мѣшкомъ къ морю, а его такъ вотъ и подмываетъ поглядѣть: „Какъ это-таки можно—несу на себѣ, и чтобъ я не зналъ даже, что́ несу? Чего, въ самомъ дѣлѣ, бояться? Загляну!" Развязалъ мѣшокъ,—а гады такъ и поползли, такъ и поползли изъ него. Богъ и говоритъ тогда тому человѣку: „Не захотѣлъ Меня послушаться, выпустилъ гадовъ *по всѣмъ усѣдамъ*,—иди же теперь самъ собирай"... И сталъ тотъ человѣкъ съ того времени *бусломъ* (аистомъ) [1].

По второй легендѣ, Пресв. Богородица дала однажды Свою рубаху служанкѣ, чтобы та пошла на море и вымыла ее, при чемъ строго запретила смотрѣть на самую рубаху. Служанка не послушалась, и когда посмотрѣла, то увидѣла множество разныхъ гадовъ. Тогда Пресв. Дѣва сказала: „Когда ты такая, такъ будь же *черногузомъ* и ѣшь этихъ гадовъ". Съ тѣхъ поръ и по настоящее время черногузы ходятъ и собираютъ всевозможныхъ гадовъ (Ушицк. у.) [2].

[1]) М. Драгомановъ, „Малорусскія народныя преданія и разсказы", стр. 8; П. Чубинскій, „Труды Этногр.-статист. Экспед. въ зап.-русск. край", т. I, стр. 62—63; „Кіевская Старина" 1883 г. Августъ, стр. 774.

[2]) П. Чубинскій, „Труды Этногр.-статист. Экспед. въ зап.-русскій край", т. I, стр. 62.

http://rcin.org.pl

Аистъ на Украйнѣ считается почти священной птицей Дворъ, гдѣ есть гнѣздо аиста, считается счастливымъ, самое село, въ которомъ есть хоть одно гнѣздо аиста, считается застрахованнымъ „великої тучі зъ бурею“ (очевидно, потому, что аистъ устраиваетъ свое гнѣздо на высокомъ и совершенно открытомъ и незащищенномъ мѣстѣ). Не только разорить гнѣздо аиста—великій грѣхъ, но даже почитается грѣхомъ спугивать ихъ. За разореніе гнѣзда аистъ мститъ тѣмъ, что приноситъ горящую головню и поджигаетъ хату [1]). Такое отношеніе къ аисту, во многомъ напоминающее собою отношеніе къ ласточкѣ, объясняется, съ одной стороны, тѣмъ, что онъ истребляетъ разныхъ гадовъ, а съ другой—и аистъ и ласточка служатъ радостными вѣстниками наступающей весны.

О *журавлѣ* (*сѣрый*—Grus communis) въ Литинск. уѣздѣ говорятъ, будто онъ сотворенъ изъ земли, въ Луцкомъ же—будто журавли происходятъ *изъ цыплятъ*, но какъ именно—неизвѣстно. Когда увидишь журавлей въ первый разъ весною летящими изъ „вирія“, такъ нужно называть ихъ „весе́ликами“, а не „журавлями“: кто назоветъ „весе́ликами“, тому будетъ цѣлый годъ *весело*, а кто—„журавлями“, тотъ будетъ цѣлый годъ „журйтись“ [2]). Вѣрованіе это, очевидно, основано на созвучіи словъ: „журавль“ и „журйтись“.—Журавли самымъ строгимъ образомъ сохраняютъ супружескую вѣрность: они стадомъ собираются судить провинившуюся самку и тутъ же безъ всякой пощады убиваютъ ее своими носами [3]).

---

[1]) М. Драгомановъ, „Малорусскія народныя преданія и разсказы“ стр. 8; П. Чубинскій, „Труды Этногр.-статист. Экспед. въ зап.-русск. край“, т. I, стр. 13; „Кіевская Старина“ 1883 г., Августъ, стр. 774.

[2]) П. Чубинскій, „Труды Этногр.-статист. Экспед. въ зап.-русск. край“, т. I, стр 62; М. Драгомановъ, „Малорусскія народныя преданія и разсказы“, стр. 8.

[3]) М. Драгомановъ, „Малорусскія народныя преданія и разсказы“ стр. 8

http://rcin.org.pl

Сова (неясыть сѣрая—Syrnium aluco), и *сычъ* (*обыкновенный*—Nyctata tengmalmi), *пугачъ*, *филинъ* (Aubo iguavus) являются въ украинской народной поэзіи самыми зловѣщими птицами. Такую репутацію птицы эти пріобрѣли не только на Украйнѣ, но и у всѣхъ почти народовъ древняго и новаго міра, какъ птицы ночныя, хищныя, отличающіяся, къ тому же, отталкивающею внѣшностью. Въ особенности это нужно сказать о совѣ, которая сдѣлалась символомъ всего темнаго, мрачнаго какъ въ физическомъ, такъ и въ нравственномъ смыслахъ. Въ Библіи сова упоминается, какъ нечистая птица (Второз. 14, 12—18). Египтяне считали сову символомъ смерти и т. д. Средневѣковые „физіологи“ и „бестіаріи“ отождествляютъ сову съ діаволомъ, отцомъ лжи, который боится солнечнаго свѣта, т. е. Христа [1]).

По украинскимъ народнымъ вѣрованіямъ, совы и филины произошли изъ кошекъ, вслѣдствіе чего у нихъ кошачьи головы, и крикъ ихъ напоминаетъ собою крикъ кошки (Ушицк. у.). Появленіе совы и филина вблизи села наводитъ тоску и уныніе на всѣхъ обитателей его (Житом. у.) [2]). Крикъ совы и „пугача“ (филина) на хатѣ вообще предвѣщаетъ пожаръ или смерть кого-либо изъ членовъ семьи [3]); но въ Проскуровскомъ уѣздѣ различаютъ: если „пугачъ“ кричитъ: *вповівъ! вповівъ!*—то въ той хатѣ родится дитя; если же: *поховáвъ! поховáвъ!*—то кто-нибудь умретъ [4]).

[1]) Мочульскій, „Происхожденіе Физіолога“, стр. 40.

[2]) П. Чубинскій, „Труды Этнограф.-статист. Экспед. въ зап-русск. край“, т. I, стр. 63.

[3]) В. Ивановъ, „Жизнь и творч. крестьянъ Харьк. губ., т. I, стр. 306, 754; П. Чубинскій, „Труды Этногр.-статист. Экси. въ зап.-русск. край“, т. I, стр. 63—64; М. Драгомановъ, „Малорусскія народныя преданія и разсказы“, стр. 7.

[4]) П. Чубинскій, „Труды Этногр.-статист. Экси. въ зап.-русск. край“, т. I, стр. 64

http://rcin.org.pl

Подобныя же вѣрованія о совѣ и филинѣ существуютъ и у поляковъ [1]), и у венгерцевъ, и у нѣмцевъ [2]). По вѣрованіямъ галичанъ, сова по почамъ показываетъ чертямъ и упырямъ гнѣзда мелкихъ птицъ [3]).

Но какъ ни мрачно смотрятъ на Украйнѣ на сову, народъ все же не отказалъ ей въ глубокомъ и весьма трогательномъ чувствѣ, потому что всякая вообще птица *сама по себѣ* безгрѣшна, вслѣдствіе чего она и ходитъ босою [4]). Однажды,—разсказываютъ въ Каневскомъ уѣздѣ,—сова встрѣтилась съ *сокоромъ (обыкновенный кречетъ*—Falco candicans) и заспорила, чьи дѣти красивѣе. Соколъ говоритъ: „Сведемъ ихъ лучше вмѣстѣ, да и посмотримъ“. Свели. Увидѣла тогда сова, что ея дѣти хуже, а соколъ еще и плюнулъ на нихъ. —„Хотя мои дѣти и хуже,—сказала сова,—но мнѣ ихъ болѣе жаль, чѣмъ твоихъ, такъ какъ они—мои дѣти; не плюй же на нихъ, а если ужъ тебѣ такъ хочется плевать, то плюй на землю“ [5]).—Какъ извѣстно, на этотъ же самый мотивъ есть и басня Эзопа: „Обезьяна спѣшитъ со своимъ дѣтенышемъ, котораго она считала красивѣе всѣхъ дѣтей въ мірѣ, на ихъ смотръ и состязаніе въ красотѣ.

По поводу того, что относящаяся къ породѣ ястребиныхъ птица *коня* (Ahilvus) пьетъ обыкновенно только росу и дождевую воду, въ Подольской губ. существуетъ слѣдующая легенда. Когда-то Господь „гативъ по світі гре́блі“ (устраивалъ по свѣту плотины, запруды). Всѣ птицы, звѣри и люди помогали Ему въ этомъ, одна только птица „ко́ня“ не захо-

[1]) Густавичъ, „Повѣрья о животныхъ“ („Zbiór wiadomości do antropologii krajowej“, т. V, стр. 165).

[2]) De Gubernatis, „Die Thiere“, p. 526, 530.

[3]) Леокій Д., „Людові вірованя про птахи“ („Заря“ 1885 г., № 11).

[4]) М. Драгомановъ, „Малорусскія народныя преданія и разсказы“, стр. 6.

[5]) П. Чубинскій, „Труды Этногр.-статист. Экси. въ зап.-русскій край“, т. I, стр. 63–64.

http://rcin.org.pl

тѣла принять никакого участія. Потому-то она теперь и живетъ только росою да дождемъ [1]).

Во́роны (черный—Corvus; *большой* — Corvus corax), *грачи* (Corvus frugilegus agricola и пр.) и *галки* (Colaeus monedula, Corvus monedula), занимающіе такое видное мѣсто въ устныхъ поэтическихъ произведеніяхъ и повѣрьяхъ различныхъ народовъ [2]), украинскими *легендами* какъ-то слишкомъ ужъ обойдены. Въ Старобѣльскомъ уѣздѣ во́рона считаютъ проклятымъ за то, что онъ вырылъ изъ копны Іисуса Христа, когда Спаситель прятался отъ „жидовъ“ [3]). Чернымъ цвѣтомъ ворона Богъ наказалъ за то, что онъ не вернулся въ ковчегъ Ноя (такое же вѣрованіе существуетъ и у ноляковъ) [4]). Въ Проскуровскомъ уѣздѣ онъ пользуется уваженіемъ и иногда служитъ вѣщуномъ. Птенцовъ своихъ онъ (во́рона здѣсь называютъ „кру́комъ“) выслѣживаетъ не позже марта мѣсяца, пока нѣтъ еще муравьевъ, такъ какъ мясо молодыхъ „кручатъ“ служитъ для нихъ особымъ лакомствомъ [5]). Говорятъ, что́ когда то во́ронъ взялъ своихъ маленькихъ дѣтей, понесъ ихъ къ рѣкѣ и посадилъ одного на берегу, а съ другимъ поднялся надъ рѣкой и спрашиваетъ его: „Будешь меня хлѣбомъ кормить? Если будешь—перенесу“.—„Буду, да только своихъ дѣтей“, отвѣчалъ вороненокъ. Тогда во́ронъ бросилъ его въ воду, а птенецъ, сидѣвшій на берегу, самъ утонулъ [6]).

[1]) М. Драгомановъ. „Малорусскія народныя преданія и разсказы“, стр. 386.

[2]) См. объ этомъ довольно обстоятельную статью проф. Н. Сумцова въ „Этнографическомъ Обозрѣніи“ за 1890 г., IV. стр. 61—86: „Воронъ въ народной словесности“.

[3]) В. Ивановъ. „Жизнь и творч. крестьянъ Харьк. губ.“, т. I, стр. 306.

[4]) Густавичъ. „Повѣрья о животныхъ“ (Zbiór wiadomości do antropologii krajowej“, т. V, стр. 141.

[5]) П. Чубинскій, „Труды Этногр.-статист. Экспед. въ зап.-русскій край“, т. I, стр. 64.

[6]) В. Ивановъ, „Жизнь и творчество крестьянъ Харьковской губ.“, т. I. стр. 306

http://rcin.org.pl

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Украйны, равно какъ и въ Галиціи, думаютъ, что чортъ летаетъ по дворамъ въ видѣ вóрона, поджигаетъ крыши и вообще причиняетъ людямъ много вреда [1]). При крикѣ вóрона нѣкоторые сплевываютъ, какъ и въ другихъ случаяхъ, когда боятся'изуроченья или сглазу, напр., при проклятіяхъ [2]). Наклонностью вóрономъ и *ворон* (*черная*—Corvus corone; *сѣрая*—Corvus cornix; *грифовая*—Corvus crassirostris) къ падали обусловливается повѣрье, что вóронъ предвѣщаетъ смерть и стоитъ въ ближайшей связи съ душами умершихъ. Отраженіемъ этого повѣрья служитъ, между прочимъ, излюбленная украинскою сельскою молодежью *игра въ вóрона* [3]). Въ игрѣ участвуютъ: „вóронъ", „матка", „дівчина" (красная дѣвица) и „дѣти". „Матка", „дівчина" и „дѣти" становятся въ рядъ, другъ за другомъ, и идутъ къ вóрону, который сидя копаетъ палочкой ямку. Между „маткой" и „вóрономъ" происходитъ слѣдующій діалогъ:—„Вóронъ, вóронъ! что́ ты роешь?"—„Ямку" (или—„печку").—Зачѣмъ?"—„Окропъ варить".—„Для чего?"—„Заливать имъ очи *дѣтей*".—„За что?"—„За то, что они поѣли мою ѣду". „Дѣти" на это говорятъ, что они совсѣмъ неповинны. „Матка" оборачивается, чтобы сосчитать ихъ, а „вóронъ" въ это время ловитъ дѣтей и т. д. Діалоги эти повторяются до тѣхъ поръ, пока „вóронъ" не переловитъ „дѣтей" и, наконецъ, „дівчину", послѣ чего всѣ они нападаютъ на „вóрона", валятъ его на землю и турчатъ ему въ уши, или продѣлываютъ то же самое съ „маткой". Проф. А. А. Потебня, на основаніи того, что общимъ мотивомъ во всѣхъ варіантахъ *игры въ вóрона* является намѣреніе его *за-*

[1]) Лепкій Д., „Людові вірованія про птахи" („Зоря" 1885 г., № 11).

[2]) „Этнографическое Обозрѣніе" 1890 г., IV, стр. 65.

[3]) Описаніе этой игры на Украйнѣ см. въ слѣдующихъ сочиненіяхъ: П. Ивановъ, „Игры крестьянскихъ дѣтей въ Купянскомъ уѣздѣ", § 67 (нѣсколько варіантовъ игры); Маркевичъ Н., „Обычаи, повѣрья, кухня и напитки малороссіянъ", стр. 71; П. Чубинскій, „Труды Этногр.-статист. Экси. въ зап.-русск. край", т. III, стр. 73—74 и др.

http://rcin.org.pl

лить дѣтямъ очи, совершенно справедливо замѣчаетъ, что во́ронъ здѣсь иносказательно выражаетъ смерть: ослѣпленныя дѣти дѣлаются достояніемъ смерти [1]); на то же указываетъ и самое копанье „во́рономъ“ ямки, служащее символическимъ выраженіемъ похоронъ.

Въ Галиціи проклятіе воро́ны объясняется другимъ апокрифическимъ мотивомъ. Воро́на хотѣла было пить кровь, которая капала изъ ранъ распятаго Спасителя, за что́ Богъ и проклялъ ее, и съ тѣхъ поръ часть клюва воро́ны навѣки получила кровавый цвѣтъ [2]).

Любовь грачей и галокъ къ стадной жизни породила на Украйнѣ вѣрованіе, что у нихъ есть общественный судъ, при чемъ иногда всѣ они „гурто́мъ“ убиваютъ своего провинившагося сочлена (Старобѣльск. у.) [3]).

Когда-то было такое время, что всѣ звѣри и птицы говорили человѣческимъ языкомъ. Ключи отъ „вы́рія“ тогда были у воро́ны. Но вотъ она прогнѣвала какъ то Бога, и съ тѣхъ поръ ключи отъ „вы́рія“ перешли къ *сов*. Соя летитъ къ „вы́рію“ раньше всѣхъ птицъ, отпираетъ его, и затѣмъ сама возвращается назадъ [4]). По другому варіанту, соя каждый годъ летаетъ въ „вы́рій“, но никогда не долетаетъ до него: пролетитъ день, и тотчасъ же ей хочется узнать, сколько она пролетѣла, для чего возвращается назадъ. И такъ она безъ толку летаетъ взадъ и впередъ, пока выпадетъ снѣгъ [5]).

Сорока (обыкновенная—Pica rustica, candata, vulgaris и пр.; *лѣсная*—Dendrocitta) сотворена чортомъ и служитъ ему вмѣсто лошади (Таращ. и Проскур. уу.), вслѣдствіе чего за-

---

[1]) „О миѳическомъ значеніи нѣкоторыхъ обрядовъ и повѣрій“. стр. 99.

[2]) Лепкій Л., „Людові вірованя про птахи“ („Зоря“ 1885 г., № 11).

[3]) В. Ивановъ, „Жизнь и творчество крестьянъ Харьк. губ“, т. I. стр. 307.

[4]) П. Кулишъ, „Записки о Южной Руси“, т. II, стр. 36.

[5]) М. Драгомановъ. „Малорусскія народныя преданія и разсказы“. стр. 6.

http://rcin.org.pl

стрѣленную сороку привязываютъ къ потолку въ конюшняхъ, въ увѣренности, что „нечи́ста си́ла не бу́де на ко́няхъ іздить, а учéпитьця за соро́ку“ [1]). На *Сорокъ Мучениковъ* (9-го марта) соро́ка кладетъ на гнѣздо *со́рокъ* палочекъ, а на *Похвалу Пресв. Богородицы* (пятница 5-й седмицы Великаго поста) „похва̀литьця яйцéмъ“—снесется (Каневск. у.) [2]). Крикъ соро́ки на хатѣ или подъ хатою означаетъ или то, что хозяина будетъ кто-нибудь бранить, или онъ получитъ какое-либо извѣстіе, или же будутъ гости [3]).

Орла (Aquila; *степной*—Aquila orientalis; *ястребиный*—Aquila fasciata) на Украйнѣ знаютъ непосредственно. Здѣсь чаще всего встрѣчаются *орлы-крикуны* (Aquilae naviae) и малорослые орлы, или *орлы-карлики* (Aquilae minutae), которые питаются преимущественно мышами, жабами и змѣями, но охотно пожираютъ и мелкихъ птицъ [4]). Въ украинскихъ сказаніяхъ объ орлахъ главную роль играютъ частью древнія, пріуроченныя къ орлу, миѳическія представленія силъ и явленій природы, частью старинныя фантастическія сказанія „физіологовъ“ о птицахъ, проникшія въ Южную Русь съ „азбуковниками“ и „палеями“, или, вѣроятнѣе, съ тѣми „прилогами“, которыми изобиловали южно-русскія схоластическія проповѣди XVII вѣка; наблюденія же надъ природой орла остаются на второмъ планѣ.

Орелъ—не только царь птица, но орлы произошли изъ царей, вслѣдствіе чего они и теперь вырѣзываются на царскихъ печатяхъ (Ушицк. у.). Орла бить нельзя. Охотникъ, прежде чѣмъ выстрѣлить въ орла, долженъ спросить его *три* раза: нажился ли онъ на свѣтѣ? Если нажился, такъ онъ посмо-

[1]) П. Чубинскій, „Труды Этнограф.-статист. Экспед. въ зап.-русскій край“, т. I, стр. 62.

[2]) Б. Гринченко, „Этнографическіе матеріалы“, вып. II, стр. 253.

[3]) М. Драгомановъ, „Малорусскія народныя преданія и разсказы“, стр. 7; П. Чубинскій, „Труды Этногр.-статист. Экспедиціи въ зап.-русскій край“, т. I, стр. 62.

[4]) Бремъ, „Иллюстрированная жизнь животныхъ“, III, 477.

http://rcin.org.pl

тритъ прямо на охотника; если же еще не нажился, то отвернется отъ его. Его даже и черви не ѣдятъ, и онъ не заводняется никогда, хоть держи его до тѣхъ поръ, пока высохнетъ въ сухарь (Новомоск. у.) [1]). Въ орлиномъ гнѣздѣ непремѣнно есть деньги (и разныя цѣнныя вещи); безъ денегъ онъ никогда себѣ гнѣзда не строитъ (Новомоск. и Староб. уу.) [2]). Во всемъ этомъ сказаніи слиты,—какъ говоритъ преф. Н. Ѳ. Сумцовъ [3]),—*два* мотива: 1) литературный мотивъ—объ отношеніи орла къ болѣзни и смерти и 2) народное повѣрье, что птицы, преимущественно сорóки и воронóны, похищаютъ золотыя и серебряныя вещи. Первый мотивъ основывается на сказаніяхъ „палей“ и „азбуковниковъ“ о птицѣ „харадрѣ“: „аще кто въ болѣзнь впадетъ, то отъ *харадра* есть разумѣти, живъ ли будетъ, или умретъ. Аще будетъ ему умрѣти, отвратитъ отъ него очи свои *харадръ*; аще быти ему живу, ино веселяся возлетитъ на аеръ противу солнца“. Это сказаніе о „харадрѣ“ извѣстно и по западнымъ „бестіаріямъ“. Общій источникъ и нашихъ и западныхъ извѣстій—„физіологъ“ св. Епифанія [4]). Въ украинскомъ сказаніи объ орлѣ этотъ литературный мотивъ передѣланъ въ приложеніи къ самому орлу. Повѣрье, что въ гнѣздѣ орла бываютъ деньги, съ одной стороны, вѣроятно, основывается на томъ, что народъ привыкъ видѣть изображеніе орла (государственный гербъ) на монетахъ и на всѣхъ вообще денежныхъ знакахъ; съ другой—на томъ зоологическомъ фактѣ, что нѣкоторыя хищныя птицы изъ вороньяго рода, въ особенности сорóки, дѣйствительно крадутъ и кладутъ въ своихъ

[1]) П. Чубинскій, „Труды Этнограф.-статист. Экспед. въ зап.-русскій край“, т. I, стр. 64.

[2]) Тамъ же; В. Ивановъ, „Жизнь и творчество крестьянъ Харьковск. губ.“, т. I, стр. 306.

[3]) „Кіевская Старина“ 1890 г., Май, стр. 329—330.

[4]) Ждановъ, „Къ литературной исторіи былевой поэзіи“, стр. 217.

http://rcin.org.pl

гнѣздахъ блестящія и металлическія вещи. Въ Галиціи существуетъ повѣрье, что орелъ, собравши много золота и серебра, золотитъ потомъ себѣ голову и хвость [1]).

Легенда о томъ, какъ Богъ назначилъ орла *королемъ*, или царемъ птицъ, тѣсно связана, между прочимъ, съ происхожденіемъ названія одной маленькой птички—Matacilla regulus (Zaunkönig — *корольком*ъ. Однажды Богъ, имѣя въ виду дать птицамъ короля, сказалъ имъ: „Кто изъ васъ подлетитъ наивыше, того Я и сдѣлаю королемъ“. Птицы тотчасъ же поднялись въ высь настолько, насколько каждая изъ нихъ могла. А между ними да была такая крохотная птичка, меньше которой нѣтъ уже и на свѣтѣ никакой другой. Она тихохонько сѣла орлу на хвостъ, а тотъ и не подозрѣваетъ ничего объ этомъ. И вотъ, когда орелъ поднялся уже выше всѣхъ птицъ, такъ высоко, что его совсѣмъ даже видно не было, та птичка вспорхнула съ его хвоста и подлетѣла еще выше. Господь Богъ замѣтивши это, засмѣялся и сказалъ: „На хвосту *короля* прилетѣлъ *королекъ*“ [2]).

Объ одной изъ разновидностей орлинаго семейства—*грифѣ* (настоящій—Vultur: *сѣрый*—Vultur monachus) въ Литинскомъ уѣздѣ разсказываютъ, будто это — громаднѣйшая птица, которая своими крыльями можетъ закрыть свѣтъ солнца и можетъ летать безъ отдыха *сорокъ* сутокъ (Литинск. у.) [3]).

Кромѣ птицъ общеизвѣстныхъ, украинскія народныя легенды знаютъ еще и *двухъ* птицъ совершенно не существовавшихъ и несуществующихъ: 1) „посорожца“, или „единорож-

[1]) Гуславичъ, „Повѣрья о животныхъ“ („Zbiór wiadomości do antropologii krajowej“, т. V. стр. 141).

[2]) М. Драгомановъ, „Малорусскія народныя преданія и разсказы“, стр. 386.

[3]) П. Чубинскій, „Труды Этнограф.-статист. Экспедиціи въ зап.-русскій край“, т. I. стр. 210.

http://rcin.org.pl

ца“ и „ночницу“. О первой изъ нихъ мы скажемъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ у насъ будетъ рѣчь о потопѣ. Что же касается *ночницы*, то это—будто бы такая птица, которая сама отъ природы слѣпа, и ее всегда водитъ другая, малая птичка; въ лѣтнюю ночь она обыкновенно издаетъ жалобный крикъ [1]).

---

[1]) М. Драгомановъ, „Малорусскія народныя преданія и разсказы“. стр. 10.

http://rcin.org.pl

Украинскія легендарныя сказанія и преданія о рыбахъ и ракахъ.

Хотя слова: „рйбка“, „рйбочка“, „рйбонька“ весьма часто встрѣчаются въ украинскихъ народныхъ пѣсняхъ, какъ самыя сердечныя наименованія горячо любимой дѣвушки, при всемъ томъ отдѣлъ легендъ и вѣрованій о рыбахъ является крайне скуднымъ и основанъ исключительно на апокрифахъ. Украинскія легендарныя сказанія и преданія касаются только лишь „*однобокой*“ *рыбы*, *камбалы*, частью *вьюна*, *скоекъ* и *раковъ*.

О происхожденіи „*однобокой*“ *рыбы* (вѣроятно, *малая плоскуша*, или *малая камбала*—Pleuronectes flesus, passer. roseus, Platessa flesus, marmorata) легенда, записанная въ Каневскомъ уѣздѣ, разсказываетъ слѣдующее. Когда Спаситель былъ распятъ на крестѣ и уже испустилъ Свой божественный духъ, въ субботу явился къ Божіей Матери архангелъ Гавріилъ и сказалъ Ей: „Твой Сынъ воскреснетъ изъ мертвыхъ“. Матерь Божія какъ разъ въ это время завтракала маленькой рыбкой, при чемъ такъ объѣла на ней мясо, что остались однѣ только ребрышки. Услышавши чудное благовѣстіе архангела, Она перекрестилась да и говоритъ: „Тогда Мой Сынъ воскреснетъ, когда оживетъ эта рыбка“. А рыбка вдругъ—„*плюсь!*“... и ожила... „Однобокая“ рыба встрѣчается иногда въ Днѣстрѣ. Съ одной стороны она—совсѣмъ какъ обыкновенная живая рыба, а съ другой—видны

http://rcin.org.pl

однѣ только ребрышки, точно онѣ объѣдены кѣмъ-либо,—такъ она бокомъ и „виля́е“ по водѣ [1]).

Ко времени же крестныхъ страданій Спасителя относитъ легенда, записанная въ Подольской губерніи, и происхожденіе *камбалы* (*настоящая плоскуша*, или *настоящая комбала* —Pleuronectes platessa, Platessa vulgaris). Сидѣла однажды Матерь Божія надъ моремъ и ѣла сухую рыбу. Только-что Богоматерь съѣла половину рыбы, когда вдругъ Ей говорятъ, что Ея Сына распяли. Она—какъ держала ту рыбу, такъ и упустила ее въ море. Рыбка тотчасъ же ожила, и съ нея и пошла камбала [2]).

Въ Уманскомъ уѣздѣ говорятъ, что камбала прежде имѣла видъ обыкновенной рыбы и два глаза; теперешній же плоскій видъ приняла и съ однимъ только глазомъ осталась послѣ того, какъ была проклята Божіей Матерью. Однажды Божія Матерь ѣла камбалу, и когда воткнула ей въ глазъ вилку, то камбала упала съ тарелки на землю. Матерь Божія прокляла ее, и это проклятіе тяготѣетъ на камбалѣ и по настоящую пору, вслѣдствіе чего она постоянно находится на днѣ моря и никогда не видитъ солнца [3]).

Сказанія какъ объ „однобокой“ рыбѣ, такъ и о камбалѣ, извѣстныя только *въ юго-западной Руси*, легко могли сложиться подъ вліяніемъ римско-католическихъ изображеній Пресв. Богородицы съ *рыбой*, лучшимъ образцомъ которыхъ является извѣстная картина Рафаэля въ мадридскомъ Прадо.

Вьюновъ (*вьюнъ-пескарь* - Misgurnus fossilis, Acanthopsis, Cobitus fossilis) въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ совсѣмъ не ѣдятъ, вслѣдствіи ихъ внѣшняго вида, и считаютъ, будто они—„гадю́чої поро́ди“ (Староб. у.) [4]).

---

[1]) П. Чубинскій, „Труды Этногр.-стат. Экси. въ зап.-русск. край“, т. I, стр. 67.

[2]) М. Драгомановъ, „Малорусскія народныя преданія и разсказы“, стр. 386.

[3]) П. Чубинскій, „Труды Этнограф.-статист. Экспедиціи въ зап.-русскій край“, т. I, стр. 67.

[4]) В. Ивановъ, „Жизнь и творч. крест. Харьк. губ.“, т. I, стр. 463.

http://rcin.org.pl

Происхожденіе *скоекъ* (рѣчная молюска изъ рода Anadonta Unio) пріурочивается легендою къ хожденію Спасителя по землѣ. Приходитъ,—говоритъ легенда,—разъ Господь къ одному человѣку подъ видомъ нищаго, какъ будто, значитъ, попроситъ милостыни у него. Человѣкъ подалъ ему хлѣба и говоритъ при этомъ: „Далъ бы дѣдушкѣ и поѣсть, да нѣтъ ничего сегодня“. А у самого „на полиці“ стояла цѣлая „макітра варе́никівъ“. Господь и спрашиваетъ: „А то что́ же у васъ *у макітрі?*“—„То? ничего! Это,—говоритъ,—жена *ско́йки* намочила“.—„Пускай будутъ и *ско́йки*“, промолвилъ Господь, и пошелъ изъ хаты. Когда тотъ человѣкъ до „макітри зъ варе́никами“,—а тамъ и на самомъ дѣлѣ мокнутъ „ско́йки“ [1]).

Своеобразный видъ *рака* (Cancer), послужившій причиною ко всеобщему извѣстному недоразумѣнію, будто у него глаза совсѣмъ не на мѣстѣ, и будто при движеніи онъ ползетъ не впередъ, а пятится назадъ, породилъ на Украйнѣ весьма оригинальную легенду о томъ, почему у рака оказались глаза совсѣмъ на неподходящемъ мѣстѣ. Ракъ все просилъ Бога, чтобы Господь далъ ему воловьи (т. е. громадныя) очи, а Господь принесъ ему рачьи (маленькія)—„Заткни ихъ,—сказалъ обиженный ракъ,—въ....!“ Господь взялъ и заткнулъ раку въ.... глаза (Изюмск. у.; эту же легенду въ совершенно тожественныхъ выраженіяхъ мы лично слышали въ Бердянскомъ уѣздѣ) [2]).—Украинская пословица говоритъ: „Зми́лувавсь Богъ надъ ра́комъ, та давъ йому́ о́чі не тамъ, де тре́ба“ [3]).

---

[1]) М. Драгомановъ, „Малорусскія народныя преданія и разсказы“, стр. 386

[2]) Тамъ же, стр. 13.

[3]). П. Чубинскій, „Труды Этногр.-статист. Экспедиціи въ зап.-русскій край“, т. I, стр. 287.

http://rcin.org.pl

Украинскія легендарныя сказанія и преданія о гадахъ.

Украинскія легендарныя сказанія и преданія говорятъ сравнительно о немногихъ видахъ гадовъ, но зато развиты несравненно подробнѣе сказаній и преданій о рыбахъ. Они касаются: *гадюки*, *ужа*, *полоза*, *ящерицы*, *жабы и черепахи*.

Гадюка (обыкновенная гадюка—Vipera berus, Coluber berus, prester, chersea, melanis, scytha, thuringi us, coeruleus, Vipera ceilonica, squamosa, orientalis, (communis, limnaea и др.), называемая въ Литинскомъ уѣздѣ еще „гадюкою падалицей“, [1]) произошла отъ діавола, „что видно по ея зубамъ“ (Староб. у.). [2]) Но, кромѣ этого вѣрованія, возникшаго подъ вліяніемъ сказанія Библіи о грѣхопаденіи нашихъ прародителей, существуетъ еще легенда изъ цикла „Обходовъ апостольскихъ“, которая разсказываетъ слѣдующее о происхожденіи гадюки. Одной женщинѣ захотѣлось испугать, что-ли, Спасителя съ ап. Петромъ, а, „можетъ быть, просто только подшутить надъ ними. Шелъ Спаситель съ ап. Петромъ послѣ того, какъ ихъ хотѣлъ было испугать человѣкъ, котораго Господь обратилъ за это въ мед-

[1]) П. Чубинскій, „Труды Этнограф.-статист. Экспед. въ зап.-русск. край“, т. I, стр. 65

[2]) В. Ивановъ, „Жизнь и творч. крестьянъ Харьк. губ.“, т. I. стр. 308.

http://rcin.org.pl

вѣдя [1]), когда смотрять—ползетъ на четверенькахъ голая женщина, да прямо имъ подъ ноги, и ну „сычіти“, высунувши языкъ: *ссс... ссс... ссс...* Господь проклялъ ее и сказалъ: „Съ этого часу ты будешь новою тварью на землѣ и весь свой вѣкъ будешь ползать на брюхѣ и безъ одежи“. Женщина поползла годюкою и расплодила затѣмъ гадюкъ отъ себя по всему свѣту (Староб. у. [2]).—Въ то время, какъ всѣ прочія твари любовно относятся къ своимъ дѣтямъ, гадюка всякій разъ, послѣ того какъ наведетъ змѣенышей, обовьется вмѣстѣ съ ними на суку, и потомъ начнетъ ихъ пожирать одно за другимъ. Какой изъ змѣенышей упадетъ на землю и успѣетъ убѣжать, тотъ только и остается жить. Если бы она не пожирала своихъ змѣенышей, гадюкъ развелось бы видимо-невидимо. Это уже такъ Богъ далъ. Но придутъ такія времена, что всего намножится несмѣтное количество—и звѣря всякаго и людей,—и будутъ тогда ѣсть звѣрь звѣря, а люди—людей [3]).

Гадюки очень ядовиты и страшно злы. Говорятъ, что гадюка, укусивши человѣка, тотчасъ же спѣшитъ къ водѣ; и если только она приползетъ къ водѣ раньше укушеннаго, тогда уже, будто бы, никакъ нельзя спастить отъ смерти. Поэтому, совѣтуютъ всякому, укушенному гадюкою, какъ можно скорѣе бѣжать къ рѣкѣ или ближайшему колодцу и погрузить укушенное мѣсто въ воду (Лититинск. у.) [4]). Въ Старобѣльскомъ уѣздѣ говорятъ, что когда гадюка укуситъ человѣка, то нужно ее тотчасъ же убить, оторвать голову и прикладывать послѣднюю къ ранкѣ, чтобы спастись; а если

---

[1]) См. очеркъ: „Украинскія легендарныя сказанія и преданія о дикихъ животныхъ“.

[2]) В. Ивановъ, „Жизнь и творчество крестьянъ Харьк. губ“., т. I, стр. 388.

[3]) В. Ивановъ, „Жизнь и творчество крестьянъ Харьковской губ.“ т. I, стр. 471.

[4]) П. Чубинскій, „Труды Этногр.-статист. Экспед. въ зап.-русск. край“, т. I, стр. 65.

http://rcin.org.pl

не убьешь, тогда она поползетъ къ водѣ и напьется, послѣ чего, если вторично этого же самаго человѣка укуситъ гадюка, онъ непремѣнно умретъ. Очень дѣйствительнымъ также средствомъ отъ укушенія гадюки признаютъ трекратное прочтеніе *назадъ* молитвы Господней [1]).—Если къ ранкѣ, образовавшейся отъ укушенія гадюки, приложить ясеневую палочку и потомъ хранить ее у себя, тогда не будешь страдать отъ напраслины (Староб. у.) [2]). Впрочемъ, гадюка сама избѣгаетъ нападать на человѣка и съ перваго раза никогда не кусаетъ, если человѣкъ на нее наступитъ, и говоритъ: „Это онъ не видитъ“. Когда, затѣмъ, наступитъ второй разъ, говоритъ: „Это онъ шутитъ“. И только когда уже наступитъ третій разъ, она говоритъ: „Это,—говоритъ,—онъ дразнитъ“—и тогда укуситъ. Такое поведеніе ея объясняется тѣмъ, что „після хреста“ (послѣ праздника Воздвиженія, 14-го сентября) гадюка до весны (весною гадюки появляются „*на Варýха*, якъ земля рýха“;—очевидно, здѣсь ошибка записавшаго поговорку,—нужно: „*на Рýва*“, апостола изъ 70, память котораго празднуется Церковію *весною*—8 апр., а не прор. *Варуха*, память котораго празднуется *осенью*—28 сент.), въ теченіе всей зимы, живутъ въ „вирíи“ („вирій гадючий“—отдѣльный отъ птичьяго: птичій „вирій“—*на теплыхъ водахъ*, „за пущами і за багатирями“, а „гадючій—въ Руській землі“), куда допускаются только *невинныя* изъ нихъ, не укусившія никого за лѣто—ни изъ людей, ни изъ животныхъ [3]). Гадюку, укусившую человѣка, не принимаетъ земля, и потому она ползаетъ до поздней осени и ожидаетъ, чтобы ее кто-нибудь убилъ. При этомъ, кто вообще убьетъ гадюку, тому Богъ проститъ *сорокъ* грѣховъ [4]).

[1]) В. Ивановъ, „Жизнь и творчество крестьянъ Харьк. губ.“, т. I, стр. 469, 304—305.

[2]) Тамъ же.

[3]) М. Драгомановъ, „Малорусскія народныя преданія и разсказы“, стр 11; В. Ивановъ, „Жизнь и творч. крестьянъ Харьк. губ.“, т. I, стр. 464.

[4]) В. Ивановъ, „Жизнь и творчество крестьянъ Харьк. губ.“, т. I, стр. 308.

http://rcin.org.pl

Про самый „гадючий вирій“ въ Александровскомъ уѣздѣ разсказываютъ слѣдующее. Пошла одна дѣвушка въ лѣсъ и провалилась въ ихъ „вирій“. Когда она провалилась, гадюки вдругъ какъ „засичатъ“, а самая бо́льшая изъ гадюкъ какъ „засичитъ“ съ своей стороны на нихъ,—тѣ сразу такъ всѣ и замолкли. И лежитъ тамъ,—говоритъ дѣвушка,—сѣрый камень. И вотъ, какая изъ нихъ ни подползетъ, то все и лизнетъ и лизнетъ тотъ камень. А старшая гадюка такъ вотъ все и вьется около дѣвушки да все кланяется ей и показываетъ, чтобы и она лизнула тотъ камень. „Я,—говоритъ дѣвушка,—долго крѣпилась, цѣлыхъ девять дней, а потомъ таки лизнула. И вдругъ,—говоритъ,—почувствовала въ себѣ такой приливъ силъ, что и ѣсть совсѣмъ перестала хотѣть“. Когда потомъ настало время вылазить изъ „вирія“, старшая гадюка изогнулась дугою, и дѣвушка легко и свободно вылѣзла по ней на свѣтъ. Послѣ того, впрочемъ, она недолго уже и жила [1]).

Въ свой „вирій“ гадюки ползутъ „підъ чесно́го хреста́“ (подъ праздникъ Воздвиженія) не въ одиночку, а цѣлыми громадными стадами; „пе́редъ ведетъ“ *старшая* гадюка, которой безпрекословно подчиняются всѣ остальныя [2]). Эта гадюка—съ большими *золотыми рогами*, и „у нея, какъ говорится,

[1]) М. Драгомановъ. „Малорусскія народныя преданія и разсказы“, стр. 11.—Въ Старобѣльскомъ уѣздѣ записанъ слѣдующій варіантъ этого разсказа. На Воздвиженье всѣ гады сползаются вмѣстѣ, въ одну яму..., и лижутъ тамъ каменный столбъ, чѣмъ и живутъ всю зиму, вплоть до весны. На Воздвиженье, поэтому, нельзя ходить въ лѣсъ, такъ какъ провалишься къ гадюкамъ въ яму. Разъ пошелъ такъ одинъ человѣкъ и попалъ къ нимъ въ яму. Гадюки такъ и набросились было на этого человѣка, чтобы кусать его. Но тутъ самая старшая какъ „засичитъ“ на нихъ,—онѣ тотчасъ же назадъ: стали лизать камень и его толкаютъ туда же. Полизалъ и онъ камень, и вдругъ сталъ понимать по-змѣиному. Въ ямѣ прожилъ тотъ человѣкъ съ ними до самой весны, потому что изъ ямы самъ онъ никакъ не могъ вылѣзть: слишкомъ ужъ глубокая она была (В. Ивановъ, „Жизнь и творч. крестьянъ Харьк. губ.“ т. I, стр. 464).

[2]) Б. Гринченко. „Этнографическіе матеріалы“, вып. I, стр. 4—5; В. Ивановъ, „Жизнь и творч. крестьянъ Харьк. губ.“, т. I, стр. 464.

http://rcin.org.pl

царскій чинъ". Есть и у нѣкоторыхъ другихъ гадюкъ золотые рога, только маленькіе, и „чинъ у нихъ меньше царскаго" (въ Старобѣльскомъ уѣздѣ гадюку съ *красными рожками* называютъ „царица-голица" [1]). Гадюкъ съ золотыми рогами особенно много, будто бы, можно видѣть тогда, когда онѣ ползутъ въ „вирій". И вотъ, нѣкоторые нарочито идутъ въ это время раненько утромъ въ лѣсъ, чтобы раздобыть себѣ годючьи золотые рога, такъ какъ у владѣльца ихъ будетъ много денегъ, и онъ вообще будетъ счастливъ. Рога эти берегутъ пуще глаза и ни за что не продадутъ никому. Добыть ихъ можно такъ. Когда увидятъ гадюку съ золотыми рогами, то кладутъ красный „суконный" поясъ (теперь такіе пояса вывелись уже—ихъ никто не носитъ больше, развѣ рѣдко гдѣ увидишь) или „суконную" красную ленту впереди по тому направленію, куда она ползетъ (она не сворачиваетъ никогда въ сторону и не возвращается назадъ). Доползетъ она до пояса или до ленты и начнетъ потихоньку нищать; затѣмъ начнетъ пищать сильнѣе, далѣе—еще сильнѣе, и если кто стоитъ близко, то она такъ сильно пищитъ тогда, что даже заглушаетъ его: ей не хочется сбросить рогъ, и подѣться некуда. И до тѣхъ поръ пищитъ все и пищитъ, пока, наконецъ, не положитъ ихъ на поясъ или на ленту (Сумск у.) [2]).

Какъ ни ядовиты, какъ ни страшны, вслѣдствіе этого, гадюки, но кто знаетъ „такое сло́во" (извѣстное слово), тотъ можетъ дѣлать съ ними все, что́ захочетъ. Косили въ полѣ косари. Какъ только усядутся они, бывало, обѣдать, одинъ тотчасъ и напуститъ гадюкъ, которыя начнутъ ползать тутъ же, „по та́бурі". Всѣ остальные косари вскакиваютъ въ ужасѣ съ своихъ мѣстъ, а тотъ хвастается, похаживаетъ да куражится себѣ. Вотъ одинъ смотрѣлъ разъ, смотрѣлъ да и говоритъ: „А ну, поглядимъ, что́ ты такое знаешь?" Взялъ

[1]) В. Ивановъ, Жизнь и творч. крестьянъ Харьк. губ.", т. I, стр. 308.

[2]) Б. Гринченко, „Этнографическіе матеріалы", вып. I, стр. 5.

http://rcin.org.pl

„по́вств“ (войлокъ), разостлалъ ее на землѣ, поставилъ на нее того косаря и говоритъ: „Стой же, не трогайся съ мѣста, иначе тебѣ будетъ смерть“. Затѣмъ—какъ свиснетъ! Вдругъ, откуда ни возьмись—катится колесо. Докатилось и ну жаломъ (это была громадная змѣя) то въ одинъ глазъ, то въ другой—вотъ-вотъ выколетъ ихъ совсѣмъ. Выстоялъ онъ такъ, ни живъ ни мертвъ, а послѣ того, когда змѣя скрылась изъ виду, и говоритъ: „И внукамъ и правнукамъ закажу никогда не хвастаться своею храбростью передъ гадюками“ (Александр. у.) [1]).

За оказанную услугу гадюка не остается неблагодарною. Получивши отставку, возвращались два солдата со службы домой—одинъ верхомъ на конѣ, а другой пѣшій. Захватила ихъ ночь въ степи. Просыпаются они утромъ, и видятъ: облегла ихъ кругомъ змѣя—такая громадная, какъ гора. Сидятъ они въ этомъ страшномъ кольцѣ и плачутъ. Когда вдругъ змѣя откинула этакъ немножко въ сторону хвостикъ. —„Ну,—говоритъ пѣшій солдатъ другому:—ты съ конемъ—такъ улепетывай, авось удерешь“. То́лько тотъ выѣхалъ, змѣя опять замкнула кольцо. Потомъ развернулась вся и ну кланяться и пищать—вотъ-вотъ какъ не заговоритъ да все зоветъ солдата за собою. Солдатъ какъ-то ужъ тамъ подалъ ей знакъ, что согласенъ. Вотъ змѣя поползла себѣ, а онъ за нею, за нею. Приползла къ норѣ и какъ запищитъ! А изъ норы какъ выскочитъ другая змѣя, и давай онѣ биться. Солдатъ ирицѣлился и ловко снесъ голову той, которая выскочила изъ норы. Другая змѣя давай тогда кланяться ему да благодарить. Потомъ быстро поползла и нагнала гдѣ-то „кра́маря“ (торговца краснымъ товаромъ); убила его и пригнала солдату коня съ возомъ (Алекс. у.) [2]).—Такъ разсказывалъ самъ солдатъ о своемъ счастливомъ приключеніи; но ночка

---

[1]) М. Драгомановъ, „Малор. народныя преданія и разсказы“, стр. 11.

[2]) М. Драгомановъ, „Малорусскія народныя преданія и разсказы“ стр. 11—12.

http://rcin.org.pl

темная, надо полагать, сообщила бы менѣе поэтическую, зато болѣе потрясающую повѣсть о мнимо-чудесномъ появленіи у него коня съ возомъ, нагруженнымъ краснымъ товаромъ.

Гадюки иногда служатъ орудіемъ наказанія Божія. Одна мать часто ходила провѣдывать свою замужнюю дочь, и своими посѣщеніями, наконецъ, надоѣла послѣдней. Разъ пришла она въ такое время, когда дочь спала. Проснувшись и увидѣвши мать, дочь разсердилась, обругала ее и сказала: „И чего только она тутъ шляется!“ Мать ушла со слезами, а дочь снова заснула. И снится ей, будто кто-то говоритъ: „Пойди въ садъ и возьми тамъ два куска полотна“. Проснулась она, пошла въ садъ—и дѣйствительно увидѣла два куска полотна. Взяла она ихъ, повѣсила себѣ на плечи и понесла. Вдругъ изъ этихъ кусковъ полотна образовались двѣ гадюки, которыя впились злой дочери въ грудь и совершенно приросли къ ней, такъ что не было никакой возможности ихъ оторвать. Такъ она и умерла съ гадюками. Ее, говорятъ, могъ бы избавить отъ гадюкъ только такой человѣкъ, который въ теченіе всей жизни не ѣлъ мяса по понедѣльникамъ и вторникамъ (Старобѣльск. у.)[1].—Литературнымъ источникомъ этого разсказа служатъ сходные разсказы „Римскихъ дѣяній“ („Gesta Romanorum“), а также разсказъ, помѣщенный въ одной русской рукописи, гдѣ роль змѣй перенесена на жабу, а наказанію подвергается не злая дочь, а злой сынъ. Содержаніе разсказа этого, озаглавленнаго: „О еже честь воздавати родителемъ и не презирати ихъ“, слѣдующее. Жилъ въ Германіи богатый человѣкъ, имѣвшій единственнаго сына. Въ той же мѣстности жилъ другой человѣкъ, знатный, у котораго была единственная дочь. И предложилъ онъ тому богатому человѣку выдать за его сына свою дочь—но только съ условіемъ, чтобы богачъ еще при

[1]) В. Ивановъ, „Жизнь и творчество крестьянъ Харьк. губ.“, т. I, стр. 308—309.

http://rcin.org.pl

жизни предоставилъ сыну полное распоряженіе всѣмъ своимъ имуществомъ. Богачъ принялъ предложеніе, записалъ сыну все свое имущество и женилъ его на дочери знатнаго. Но сынъ недолго послѣ этого уважалъ своихъ родителей: на четвертый годъ, по наущенію жены, онъ отдѣлилъ отца и мать въ особый домикъ, построенный у воротъ его дома, и выдавалъ имъ такъ мало на содержаніе, что они вынуждены были терпѣть голодъ и недостатокъ во всемъ. Однажды мать, сидя какъ-то противъ оконъ дома сына, увидѣла, что у сына жарили гуся на обѣдъ. Она сказала объ этомъ престарѣлому своему мужу. Старикъ тотчасъ же отправился въ домъ сына. Завидѣвши его, сынъ велѣлъ спрятать гуся. Отецъ вернулся къ себѣ въ домикъ ни съ чѣмъ, оплакивая свою безчестную старость. По уходѣ отца сынъ опять велѣлъ поставить гуся къ огню. Но когда хотѣли было взять гуся, на немъ оказалась страшная, громадная жаба, величиной съ самаго гуся. Сынъ взялъ *нѣкоторое оружіе* и хотѣлъ имъ сбросить жабу; но жаба, оставивши гуся, прыгнула ему на лицо и впилась съ такою силою, что никакъ нельзя было отнять ее [1]).

Если гадюки никто не увидитъ въ продолженіе 12 лѣтъ, тогда у нея вырастетъ 12 головъ, а если никто не увидитъ 30 лѣтъ, тогда она вырастетъ величиною, „якъ кобила“ (Старобѣльск. у.) [2]). Если гадюка, проживающая на землѣ, не выходитъ на свѣтъ Божій въ продолженіе тридцати лѣтъ, и притомъ, если въ теченіе всего этого времени никто не потревожитъ ея въ логовищѣ, такъ чтобы гадюка не слышала ни одного звука, то изъ нея вырастаетъ *полозъ* (Винницк. у.), или *желтобрюхъ* [3]). Такъ обставилъ народъ происхожденіе полоза, очевид-

---

[1]) „Труды Кіевской Дух. Академіи“ 1872 г., Августъ, стр. 739—740; сн. „Ученыя записки Академіи Наукъ“, IV, стр. 191.

[2]) В. Ивановъ, „Жизнь и творчество крестьянъ Харьковской губ.“, т. I, стр. 308

[3]) П. Чубинскій. „Труды Этногр.-статист. Эксп. въ зап.-русск. край“, т. I, стр. 65

http://rcin.org.pl

но, потому, что въ настоящее время онъ крайне рѣдко встрѣчается на территоріи Украйны (въ степяхъ Новороссіи и въ недоступныхъ скалахъ надъ Днѣстромъ). Полозъ (Eryx) относится къ подсемейству *ложноногихъ* (Boine), именно *удавовыхъ* змѣй и, какъ всѣ удавовыя, неядовитъ. Въ народныхъ украинскихъ сказаніяхъ онъ получилъ фантастическіе размѣры и характеръ. М. Левченко говоритъ: „Въ Херсонской губ. я слышалъ объ иихъ (полозахъ) довольно разсказовъ: напр., мнѣ показывали старинную могилу, гдѣ въ норѣ жилъ полозъ, похищавшій ягнятъ, а въ одной брошюрѣ, чуть ли не про торговлю въ Новороссіи въ началѣ этого (19-го) вѣка, разсказывается, что въ огромныхъ бурьянахъ на степяхъ Новороссіи, пока не стали разводить въ огромномъ количествѣ шпанскихъ овецъ, водились такіе огромные полозы, которые будто бы воловъ душили; но за вѣрность подобнаго указанія не ручаюсь. Мнѣ разъ только въ жизни случилось видѣть живого полоза; это было въ степи, въ Ананьевскомъ уѣздѣ; змѣя лежала шагахъ въ 15 отъ дороги, по которой я ѣхалъ; проснувшись отъ стука колесъ моего экипажа, она подняла голову на аршинъ отъ земли. Когда я приказалъ остановиться, чтобы ближе размотрѣть, то змѣя поползла, и въ это время я имѣлъ воможность хорошо разглядѣть: длиною она показалась, по глазомѣру, болѣе 5 аршинъ; голова величиною въ согнутую кисть руки взрослаго человѣка; туловище толщиною въ руку. Цвѣту сѣраго съ желтоватымъ отливомъ, какъ бы вымазанная деревяннымъ масломъ. Попадаются подобныя змѣи чаще всего по-надъ Бугомъ, среди скалъ. Самые большіе экземпляры видѣли на островѣ Березани, или Ада, лежащемъ въ Черномъ морѣ, недалеко отъ Очакова“ [1]). На Украйнѣ говорятъ, будто охотиться за поло-

[1]) „Кіевская Старина“ 1882 г., Августъ, стр. 377—378.—По Брэму, *турецкій полозъ* (Eryx jaculus, familiaris, turcicus, Anguis jaculus, miliaris, helluo) достигаетъ длины въ 66, самое большее—въ 77 ст. („Жизнь животныхъ“, т. VII, стр. 267).

http://rcin.org.pl

зомъ нужно въ ясный, солнечный день, и если онъ погонится за человѣкомъ, то уходить нужно противъ солнца, которое ослѣпляетъ полоза своимъ блескомъ. Убить полоза можно только въ томъ случаѣ, если пуля попадетъ въ бѣлое пятнышко подъ горломъ. Въ Кишиневѣ жилъ одинъ калѣка-нищій, ноги котораго были поломаны полозомъ. Нищій этотъ раньше былъ пастухомъ. Сидѣлъ онъ разъ въ куренѣ около больной овцы, какъ вдругъ на него бросился полозъ, обвилъ его и непремѣнно задушилъ бы, если бы, „чабану“ не посчастливилось убить полоза „гирлигой“. Издыхая, полозъ такъ билъ хвостомъ по землѣ, что на цѣлый локоть выбилъ яму.—Разсказываютъ также, будто полозъ схватилъ въ полѣ одного молдаванина, обмоталъ его хвостомъ и сталъ тащить за собой. По дорогѣ попался другой полозъ, который подавился рукой мертвеца, вылъ (sic!) и всячески старался „освободить“ свое горло. Молдаванинъ извлекъ руку изъ его горла. Полозъ снова затѣмъ потащилъ его, и бѣдный молдаванинъ уже совсѣмъ готовился къ смерти. Полозъ притащилъ его въ пещеру, далъ мѣшокъ съ хлѣбомъ и мѣшочекъ съ деньгами въ награду за помощь, оказанную подавившемуся рукой мертвеца полозу и отпустилъ [1]).—Очевидно, здѣсь мы имѣемъ дѣло съ варіантомъ приведеннаго выше разсказа солдата.—разсказа пріуроченнаго къ гадюкѣ. Подобныхъ фантастическихъ сказаній о змѣяхъ въ старину было очень много; не мало ходитъ ихъ въ народѣ и въ настоящее время. Въ большинствѣ этихъ разсказовъ полозъ выводится все пожирающимъ и все уничтожающимъ [2]).

---

[1]) „Кіевская Старина“ 1890 г., Апрѣль, стр. 99—100.

[2]) О полозахъ см. еще: „Этнографическое Обозрѣніе“ 1889 г., II, стр. 95 и прим. 4; 1890, IV, стр. 261; 1892, XII, стр. 191; Nowosielski A. Lud Ukraiński, jego pieśni, bajki, podania, klechdy, zobobony“ itd., I, стр. 354; Zbiór wiadomości, wydawany staran em komisyi antropologicznéy Akademii umiętności w Krakowie“, III, 1879 г., 3, стр. 94—95, № 25; „Кіевская Старина“ 1885 г., Декабрь, стр. 729.

http://rcin.org.pl

Названіемъ „гадюка“ въ общемъ значеніи этого слова на Украйнѣ обозначаютъ также еще и *ужа*. Чаще другихъ видовъ здѣсь встрѣчаются: *ужъ четырехполосный* (Coluber quaterradiatus. Elaphis cervone, Coluber, Tropidonotus, Natrix elaphis, Elaphis quaterradiatus), *водный ужъ* (Tropidonotus), *обыкновенный ужъ*, или *ужакъ* (Tropidonotus natrix, Coluber natrix, scutatus, ponticus, minutus, niger, Natrix torquata, persa, Tropidonotus ater, persicus, scutatus, torquatus, minax, murorum). Это сравнительно безобидное пресмыкающееся пользуется въ народѣ уваженіемъ, при чемъ говорятъ, что „гдѣ плодятся ужи, тамъ будетъ счастливое житье—богатство“ (Харьк., Проскур., Житом. и др. уу.) [1]. Кто убьетъ ужа, тому запишется *сорокъ* грѣховъ (Старобѣльск. у.) [2]. Хотя любимою добычею ужа являются лягушки, но онъ не прочь полакомиться и молокомъ, если ему удалось разъ-другой испробовать его [3]. На этомъ послѣднемъ наблюденіи основывается довольно распространенное на Украйнѣ повѣрье, будто ужи сосутъ вымя коровъ и вообще очень любятъ молоко, хотя въ разсказахъ подобнаго рода часто много терпитъ и самая природа ужа. Такъ, одни разсказываютъ, что это—обыкновенный большой ужъ: живетъ онъ въ хатѣ, гдѣ-нибудь „підъ припічкомъ“. Когда дѣтямъ дадутъ

[1]) П. Чубинскій, „Труды Этнограф.-статист. Экспедиціи въ зап.-русскій край“, т. I, стр. 65; В. Ивановъ, „Жизнь и творчество крестьянъ Харьк. губ.“, т. I, стр. 309.

[2]) В. Ивановъ, „Жизнь и творчество крестьянъ Харьк. губ.“, т. I, стр 309.

[3]) Проф. Н. Ѳ. Сумцовъ, („Кіевская Старина“ 1890 г., Февраль, „Культурныя переживанія“) говоритъ, что вѣрованіе объ ужѣ, сосущемъ корову, лишено всякаго реальнаго основанія, такъ какъ, по наблюденіямъ естествоиспытателей Линка и Ленца, ужъ не только не терпитъ, будто бы, молока, но не принимаетъ и вообще никакого питья. Но завѣреніямъ почтеннаго профессора совершенно противорѣчатъ безчисленные факты обыденной крестьянской жизни („Кіевская Старина“ 1890 г., Апрѣль, стр. 162) и высоко-компетентныя наблюденія извѣстнѣйшаго зоолога А. Э. Брэма („Жизнь животныхъ“, т. VII, стр. 330).

http://rcin.org.pl

молока, выползаетъ и онъ и тоже лѣзетъ къ миске. Дѣти прогоняютъ его, бьютъ ложками по головѣ; но ужъ только пищитъ и не успокаивается до тѣхъ поръ, пока ему не дадутъ напиться молока.—Другіе говорятъ, что ужъ этотъ—въ руку толщины и куцый, какъ бы обрубленный, въ родѣ полѣна, съ большой круглой головой, наподобіе дѣтской. Живетъ онъ на дворѣ, и когда сосетъ корову, то обвивается вокругъ одной изъ ея заднихъ ногъ. Если такую облюбованную ужемъ корову продать, то за ней уходитъ и ужъ, свиснувши при этомъ настолько сильно, что слышавшіе этотъ свистъ непремѣнно оглохнутъ.—Наконецъ, нѣкоторые говорятъ, что ужъ этотъ представляетъ собою какое то особое *четвероногое*, въ родѣ кошки, покрытое, какъ и всякая вообще *гадина*, „лустóю“ (чешуей), притомъ—съ длиннымъ, какъ у ящерицы, хвостомъ и съ головою наподобіе дѣтской. Живетъ онъ гдѣ-нибудь въ гноищѣ, вблизи облюбованной коровы, и когда не сосетъ ея, то спитъ. Корова, которую облюбуетъ ужъ, необычайно добротна и даетъ вдвое, а то и больше, противъ другихъ, молока. Если такого ужа убить, то издыхаетъ и корова, такъ какъ и она, съ своей стороны, тоже любитъ его и скучаетъ по немъ больше, чѣмъ по теленкѣ [1]); или же ее начнутъ сосать другіе ужи и въ конецъ испортятъ (Старобѣльск. у.) [2]).—М. П. Гринченко записала въ Харьковской губ. слѣдующій разсказъ о сосаніи ужемъ коровы у одной „молодúці“ (молодой замужней женщины). „Молодúця“ эта не знала совсѣмъ, что ужъ сосалъ ея корову, и пошла однажды доить. Вдругъ, видитъ—онъ обвернулся вокругъ одной изъ заднихъ ногъ коровы и сосетъ ее. „Молодúця“ ударила ужа, и онъ тотчасъ же поползъ себѣ въ

[1]) „Кіевская Старина“ 1890 г., Апрѣль стр. 161—162; см. Б. Гринченко, „Этнографическіе матеріалы“, вып. II, стр. 9; П. Чубинскій, „Труды Этногр.-статист. Экспед. въ зап. русскій край“, т. I, стр. 65.

[2]) В. Ивановъ, „Жизнь и творчество крестьянъ Харьковской губ.“, т. I, стр. 309.

http://rcin.org.pl

погребъ, гдѣ, оказывается, жилъ. „Молодиця“, подоивши корову, процѣдила молоко и понесла его въ погребъ. Когда она спустилась въ погребъ, ужъ упалъ на нее съ потолка погреба, обвернулся вокругъ нея и сталъ ее сосать. Что она потомъ ни дѣлала, къ кому ни обращалась за помощью,—не отваливается отъ нея ужъ. Съ нимъ такъ и умерла,—и только тогда ужъ отпалъ. Корова тоже извелась совсѣмъ [1]).

Эти и подобные имъ разсказы объ ужахъ невольно наводятъ на предположеніе, что въ видѣ ужа въ древности представлялся домовой. По свидѣтельству Герберштейна, въ Литвѣ почитали змѣй *гивоитовъ* (givoitos), держали ихъ въ домѣ, приносили имъ въ даръ молоко, сыръ, яйца и куръ [2]). Кромеръ говоритъ, что и въ Польшѣ дозволяли ужамъ и вообще змѣямъ селиться въ домахъ подъ печкой и чтили ихъ, какъ пенатовъ [3]). Греки содержали змѣй въ Аѳинскомъ акрополѣ и во многихъ другихъ городахъ, такъ какъ понятіе о семейныхъ и родовыхъ пенатахъ въ древности распространяемо было на цѣлые города и области.—Представленіе объ ужѣ, какъ о четвероногомъ, могло возникнуть изъ общаго вѣрованія на Украйнѣ о змѣяхъ, по которому онѣ имѣютъ, будто бы, *скрытыя ноги* и выпускаютъ ихъ только тогда, когда нужно бываетъ уходить отъ угрожающей опасности. Ногъ этихъ никто, конечно, не видѣлъ, но если—говорятъ—бросить змѣю въ огонь, то она покажетъ ихъ. Вотъ почему ребятишки, какъ только найдутъ змѣю, тотчасъ обыкновенно стараются обложить ее огнемъ—въ полной увѣренности, что она, спасаясь отъ нихъ, непремѣнно покажетъ свои таинственныя ноги.

---

[1]) Б. Гринченко, „Этнографическіе матеріалы“, вып. II, стр. 9; см. Манжура, „Сказки“, стр. 149: „Ужака той що корову сце“, „Харьковскій сборникъ“, II, 96; VIII, 309.

[2]) „Кіевская Старина“ 1889 г., Май и Іюнь, стр. 502.

[3]) Аѳанасьевъ, А., „Поэтическія воззрѣнія славянъ на природу“, т. II, стр. 633.

http://rcin.org.pl

Между прочимъ, объ этомъ существуетъ на Украйнѣ цѣлый рядъ легендъ, имѣющихъ своимъ первоисточникомъ книжныя апокрифическія сказанія о Ноѣ; но объ этихъ легендахъ у насъ будетъ рѣчь впереди, въ очеркѣ о всемірномъ потопѣ. Этого рода легенды еще болѣе закрѣпили въ народѣ то уваженіе къ ужамъ, которое коренилось на несомнѣнно существовавшемъ у всѣхъ древнихъ арійскихъ народовъ, въ томъ числѣ и у славянъ, культѣ змѣй вообще. Первое мѣсто въ развитіи культа змѣй нужно отвести древнимъ грекамъ, которые питали къ нимъ уваженіе, какъ къ дочерямъ земли, матери всего живущаго, сдѣлавшимся потомъ ея символами. Змѣй помѣщали въ храмахъ Аполлона и Асклепія. Въ эпоху упадка въ Аполлоновомъ храмѣ, въ Эпирѣ, были вѣщія змѣи, по аппетиту которыхъ дѣлались предсказанія [1]). Асклепій, сынъ Аполлона, богъ врачества и цѣлитель болѣзней, былъ наученъ змѣями искусству молодить старыхъ и воскрешать мертвыхъ: однажды змѣя обвилась вокругъ его посоха; Асклепій убилъ ее, но выползла другая змѣя, держа во рту невѣдомую травку, прикосновеніемъ которой и воскресила убитую (Асклепій, вслѣдствіе этого, всегда обыкновенно изображался съ жезломъ, обвитымъ змѣей; есть и особый видъ ужа—*Эскулаповъ ужъ*. Coluber Aesculapii, flavescens и др.) [2]). Культъ змѣи изъ древней Греціи перешелъ къ римлянамъ. Во время республики, при консулахъ Фабіи и Брутѣ, въ Римѣ свирѣпствовала чума. Чтобы отвратить эпидемію, римляне отправили въ Эпидавръ пословъ за изображеніемъ Эскулапа. Послы возвратились и привезли ужа, который самъ вползъ на ихъ корабль, и въ которомъ римляне признали воплощеннаго бога. На томъ мѣстѣ, гдѣ привезенный ужъ выползъ на берегъ, былъ построенъ храмъ Эскулапу [3]).

[1]) Буше-Леклеркъ, „Изъ исторіи культуры“, т. I, стр. 121.

[2]) См. о немъ у Брэма, „Жизнь животныхъ“, т. VII, стр. 307–314.

[3]) А. Аѳанасьевъ, „Поэтическія воззрѣнія славянъ на природу“, т. I, стр. 566.—И теперь еще, говорятъ, можно видѣть тамъ изображеніе

http://rcin.org.pl

Занесши священныхъ змѣй Асклепія въ среднюю Европу, римляне, вмѣстѣ съ тѣмъ, весьма естественно, занесли и распространили здѣсь и сказанія объ ихъ цѣлебномъ значеніи, которыя, при посредствѣ литературнаго воздѣйствія „лѣчебниковъ“, „травниковъ“ и „зелейниковъ“, проникли, затѣмъ, и въ эпическую народную поэзію. По крайней мѣрѣ, основныя классическія представленія нашли себѣ полное отраженіе въ вѣрованіяхъ всѣхъ славянскихъ народностей. Такъ, въ „Номоканонѣ, сирѣчь законоправильникѣ“, изданномъ Захаріей Копыстенскимъ въ Кіевѣ въ 1624 г., встрѣчается и прямое указаніе, что украинскія знахарки прикладывали змѣиную кожу къ глазамъ или зубамъ, въ случаѣ нездоровья [1]). Въ Старобѣльскомъ уѣздѣ *линовище* гадюки носятъ на шеѣ, а также подкуриваются имъ отъ лихорадки [2]); въ другихъ мѣстахъ больныхъ лихорадкою подкуриваютъ засушеиной змѣей (также—летучей мышью, гнѣздомъ *ремеза*—родъ синицы—Parus pendulinus, засушенной лягушкой) [3]). Особенно цѣлебное значеніе приписываютъ головѣ змѣи. Иногда держатъ въ домѣ какую-нибудь косточку или раковинку, напоминающую по формѣ и величинѣ змѣиную головку, вѣря, что онѣ приносятъ въ домъ здоровье. Подобныя повѣрья встрѣчаются въ сказкахъ, пѣсняхъ и другихъ народныхъ произведеніяхъ—украинскихъ, великорусскихъ, словенскихъ, чешскихъ, болгарскихъ и сербскихъ [4]). По мнѣнію австрійскихъ сербовъ, змѣи именно и научили людей врачеванію,

---

ужа въ садахъ одного монастыря, посвященнаго св. Варѳоломею (А. Э. Брэмъ, „Жизнь животныхъ“, т. VII, стр. 307).

[1]) Костомаровъ, „Русская исторія въ жизнеописаніяхъ“, т. II, стр. 69.

[2]) В. Ивановъ, „Жизнь и творчество крестьянъ Харьковск. губ.“, т. I, стр. 308.

[3]) П. Чубинскій, „Труды Этногр.-статист. Экспедиціи въ зап.-русскій край“, т. I, стр. 118.

[4]) „Кіевская Старина“ 1889 г., Мартъ, стр. 665—666; Аѳанасьевъ А., „Поэтическія воззрѣнія славянъ на природу“, т. II, стр. 567; Кирпичниковъ, „Св. Георгій“, стр. 140; „Народы Турціи“, т. II, 147.

http://rcin.org.pl

такъ какъ онѣ обладаютъ знаніемъ цѣлебныхъ травъ [1]). Въ одномъ старинномъ лѣчебникѣ о травѣ *попутникъ* (Plantago major L.) говорится: „Сказывалъ-де виницеянинъ, торговый человѣкъ; лучилось ему дорогою ѣхати съ товары на возѣхъ тяжелыхъ, и змія-де лежитъ на дорогѣ, и черезъ нее перешелъ возъ, и тутъ ее затерло, и она-де умерла. И другая змія пришла и принесла во рту припутникъ да на ее возложила, и змѣя-де ожила и поползла“ [2]). Въ очеркѣ: „Украинскія легендарныя сказанія и преданія о сверхъестественныхъ существахъ“ мы привели уже легенду о томъ, какъ одинъ человѣкъ попалъ къ песиголовцамъ и, вынужденный готовить имъ для ѣды змѣй, попробовалъ этого блюда и самъ, и тотчасъ же сталъ знать силу травъ. Въ дополненіе приводимъ здѣсь еще одну подобную же легенду, записанную въ Александрійскомъ уѣздѣ. Жилъ себѣ одинъ панъ, и былъ у него кучеръ. Разъ тотъ панъ поѣхалъ съ кучеромъ въ лѣсъ и поймалъ тамъ гадюку. Привезъ онъ пойманную гадюку домой и сталъ ее здѣсь варить. Варилъ онъ ее, варилъ, а потомъ воду, въ которой варилъ, вылилъ на траву,—трава такъ и занялась вдругъ полымемъ. Сталъ онъ тогда варить снова. Черезъ нѣкоторое время опять вылилъ воду на траву,—трава и на этотъ разъ загорѣлась. Давай онъ варить ту гадюку въ третій разъ. Вылилъ воду,—трава не горитъ. Взялъ тогда панъ сваренную гадюку и началъ ее ѣсть. Ѣлъ, ѣлъ—все съѣлъ, однѣ только косточки остались. А кучеръ все то́ видѣлъ, что́ дѣлалъ панъ.—„Ну,—думаетъ себѣ,—если панъ ѣлъ гадюку и не умеръ, *посмокчу́* я хоть косточки—для чего-то онъ да ѣлъ же ее!“ *Посмокта́въ* кучеръ косточки—и „байдужѐ“. Скоро послѣ того панъ опять ѣдетъ съ кучеромъ въ лѣсъ. Когда прислушивается это кучеръ—и Господи, Боже Ты мой! Вся трава,—слышитъ онъ,—говоритъ! Одна говоритъ: „Я отъ того-то“; другая: „а я отъ то-

[1]) „Знаніе“ 1877 г., IV, стр. 80.

[2]) Буслаевъ, „Историческая Хрестоматія“, стр. 1351.

http://rcin.org.pl

го-то". Та: „Я отъ такой-то болѣзни"; а та: „а я отъ такой-то". Съ боку этакъ стоитъ „буркунъ" (Melilotus coerulea Lam.) и говоритъ: „А я отъ *грили*, я отъ *грили*" (Hernia scrotum). Кучеръ, какъ услышалъ все это, невольно улыбнулся; а панъ увидѣлъ его улыбку и спрашиваетъ: „Чего ты, Иванъ, смѣешься?" — „Да такъ себѣ", отвѣчаетъ кучеръ. —„Ну, нѣтъ,—говоритъ панъ:—должно быть, ты что-нибудь знаешь?"—„Да нѣтъ же! ей-Богу, такъ себѣ!"—„А ну, плюнь,—говоритъ панъ,—на лѣвую сторону". Кучеръ едва только плюнулъ, какъ сейчасъ же и пересталъ слышать то́, что́ говорятъ травы [1]).

Изъ *ящерицъ* на Украйнѣ встрѣчается главнымъ образомъ такъ называемая *обыкновенная*, или *прыткая ящерица* (Lacerta agilis, Seps caerulescens, argus, ruber, Lacerta vulgaris, stellata, arenicola, stirpium, laurentii, exigua, chersonensis, sylvicola, cloniensis, paradoxa); на югѣ Россіи попадается еще, впрочемъ, и *зеленая ящерица* (Lacerta viridis, bilineata, strigata, bistriata, chloronata schreiberi, quinquevittata, elegans, smaragdina, seps viridis, Padarcis cyanolema). *Сѣрая* ящерица (самка *прыткой*) слыветъ въ народѣ подъ именемъ „хлопья́чої", а *зеленая* (самецъ той же *прыткой*)— подъ именемъ „дівча́чої", при чемъ говорятъ, будто „хлопья́ча" ящерица кусаетъ „дівча́тъ", а „дівча́ча"—„хло́пцівъ". Когда увидятъ весною въ первый разъ ящерицу, то отбиваютъ у нея хвостъ, хранятъ его и вѣшаютъ на шею отъ лихорадки. Если на отбитый у ящерицы хвостъ не наступитъ ногою, пока онъ совсѣмъ застынетъ, то изъ него вырастаетъ гадюка. Въ руки брать ящерицу считается грѣхомъ, и если кто возьметъ, то долженъ мыть ихъ водою до тѣхъ поръ, пока не пойдетъ кровь (Старобѣльск. у.) [2]). Въ Каневскомъ уѣздѣ разсказываютъ, будто одна женщина проглотила какъ-

[1]) „Кіевская Старина" 1889 г., Май и Іюнь, стр. 634.

[2]) В. Ивановъ, „Жизнь и творчество крестьянъ Харьк. губ.", т. 1, стр. 309.

http://rcin.org.pl

то во время сна ящерицу. Ящерица внутри у нея „розчинилась". Когда, потомъ, знахарки стали лѣчить эту женщину, такъ она вырвала и ящерицу и ея дѣтенышей (Каневск. у.)[1]).

Жабы (*водяная зеленая* лягушка—Rana esculenta, viridis, fluviatilis, calcarata. Pelophylax esculentus; разновидность ея—*озерная* лягушка—var. ridibunda, cachinnans, fortis; *сѣрая*, или *травяная* лягушка—Rana temporaria, muta, fusca, cruenta, alpina, scotica, flaviventris, platyrrhiaus, dybowskii; *болотная*, или *остромордая* лягушка—Rana arvalis, oxyrrhinus; *проворная* лягушка—Rana agilis, gracilis; *пятнистая древесница*—Dendrobates tinctorius, histrionicus, Calamita, Rana, Hyla tinctoria, Hylaplesia aurata, tinctoria, Phyllobates auratus, chocoensis) сотворены Богомъ (Литинск. у.)[2]) и сыграли важную роль при окончаніи Давидомъ *Псалтири*, о чемъ у насъ будетъ рѣчь въ очеркѣ о Давидѣ, по украинскимъ народнымъ легендамъ. Въ погребахъ и колодцахъ жабы заводятся въ томъ случаѣ, если надъ погребами и колодцами кто-нибудь ѣстъ. Чтобы перевести ихъ въ погребѣ, нужно развести тамъ огонь и положить на него стручковаго краснаго перцу (Capiscum annuum L.). Брать жабу руками не годится: она прыснетъ въ этомъ случаѣ, и тотчасъ же нападутъ бородавки. А одна женщина—говорятъ—взяла жабу въ руки: та ей прыснула прямо въ лицо, отъ чего у этой женщины выросла борода. Говорятъ также, что жабы, какъ и мыши, предчувствуютъ будущій неурожай и изъ такой мѣстности перекочевываютъ въ другую, гдѣ будетъ много влаги, и предвидится хорошій урожай. Разъ жабы въ громадномъ количествѣ перекочевывали изъ одной мѣстности въ другую. Увидѣлъ это одинъ человѣкъ, схватилъ палку и ударилъ ею жабу, которая „вела пе́редъ" и называется „ма́ткой". „Ма́тка" прыгнула на этого человѣка и впилась такъ

[1]) П. Чубинскій, „Труды Этногр.-статист. Экспедиціи въ зап.-русскій край", т. I, стр. 65.

[2]) Тамъ же.

http://rcin.org.pl

сильно ему въ щеку, что оказалось совершенно невозможнымъ оторвать ее; такъ этотъ человѣкъ и умеръ и похороненъ былъ вмѣстѣ съ жабой.—Укушеніе *зеленой* жабы, которая иногда гоняется за человѣкомъ, считается неизлѣчимымъ (Старобѣльск. у.) [1]).

Жабы очень часто заводятъ драку съ ужемъ, который ими, какъ извѣстно, главнымъ образомъ питается. Кто увидитъ дерущуюся съ ужемъ жабу, долженъ разнять ихъ палкой и затѣмъ хранить ее, какъ драгоцѣнный талисманъ: такая палка приноситъ въ домъ прибыль во всемъ (Кіевск. у.) [2]), спасаетъ человѣка отъ наказанія во время суда (Старобѣльск. у.) [3]), разгоняетъ градовыя тучи, которыя для этого нужно перекрестить ею (Литинск. у.) [4]).

Амулетомъ является также и *лягушечья косточка*, которая получается слѣдующимъ образомъ: бросаютъ жабу въ муравейникъ; когда муравьи объѣдятъ на ней мясо, тогда и берутъ изъ скелета приворотную загнутую косточку. Эта косточка употребляется въ *присушкахъ*, когда хотятъ возбудить въ комъ-нибудь любовь [5]). Немаловажную роль, какъ мы это уже видѣли, играютъ жабы и въ народной медицинѣ.—Весьма много сродныхъ повѣрій о жабахъ существуетъ и у различныхъ западно-европейскихъ народовъ—во Франціи, Австріи, Швейцаріи, Шотландіи. Въ классической древности ѣли жабъ, чтобы были дѣти [6]).

---

[1]) В. Ивановъ, „Жизнь и творчество крестьянъ Харьк. губ.“, т. I, стр. 309—310.

[2]) П. Чубинскій, „Труды Этнограф.-статист. Экспед. въ зап.-русск. край“, т. I, стр. 65.

[3]) В. Ивановъ, „Жизнь и творчество крестьянъ Харьковской губерніи“, т. I, стр. 309.

[4]) П. Чубинскій, „Труды Этногр.-статист. Экспедиціи въ зап.-русскій край“, т. I, стр. 65.

[5]) „Кіевская Старина“ 1890 г., Октябрь, стр. 58.

[6]) Тамъ же.

http://rcin.org.pl

Если жаба „перебѣжитъ дорóгу“, то нужно ожидать чего-нибудь „погáного“ (Черниг. у.) [1]).

На разсказахъ о *черепахахъ* (*пръсноводная*—Clemmys; *европейская эмида*—Emys, orbicularis, lutaria, europaea, pulchella, Testudo orbicularis, lutaria, europaea, meleagris, flava, hellenica, Terrapene europaea, Lutremys europaea) и ихъ происхожденіи сказалось весьма сильное вліяніе разсказовъ „Римскихъ Дѣяній“ о неблагодарныхъ и непочтительныхъ дѣтяхъ, а также апокрифическихъ сказаній и древнихъ миѳическихъ народныхъ воззрѣній. Въ Каневскомъ уѣздѣ говорятъ, что черепаха сотворена Богомъ уже послѣ общаго творенія міра. Одна скупая и хитрая дѣвушка, желая скрыть отъ своего роднаго отца приготовленное для него мясо, спрятала послѣднее въ глиняную миску и сверху накрыла тарелкою. Въ наказаніе за такую скупость дѣвушки, Богъ превратилъ спрятанное ею мясо въ черепаху. Вотъ почему черепаха и теперь покрыта двумя щитами наподобіе тарелокъ, при чемъ *руки*, ноги и голова сильно напоминаютъ собою руки, ноги и голову дѣвушки [2]).

Вл. Менчицóмъ записана слѣдующая легенда о происхожденіи черепахи. Пошла однажды мать въ гости къ своей замужней дочери. Подходитъ къ хатѣ, гдѣ жила дочка; а дочка, завидѣвши мать, схватила поскорѣе миску, въ которой была „печéна“ (жареная) курица, побѣжала и поставила ее „въ комóрі“: они какъ разъ въ это самое время ѣли вдвоемъ съ мужемъ жареную курицу. Входитъ мать въ хату. Усаживаютъ ее, принимаютъ. Посидѣла мать, собирается уходить. Только мать за порогъ, дочка съ мужемъ до курицы—доѣдать ее. Вносятъ ту курицу,—а дочка да накрыла ее „покришкою“. До курицы—когда тамъ черепаха. Такъ какъ курица накрыта была двумя „полумисками“, то и у

[1]) Б. Гринченко, „Этнографическіе матеріалы“, вып. II, стр. 9.

[2]) П. Чубинскій, „Труды Этногр.-статистич. Экспед. въ зап.-русскій край“, т. I, стр. 66.

http://rcin.org.pl

черепахи—„черéпья“ (щиты) съ верху и съ низу [1]). По варіанту, записанному Манчжурой, жила когда-то мать, у которой была замужняя дочь. Разъ дочка сварила курицу въ борщѣ, а на то время да пришла къ ней мать. Дочка схватила курицу и поскорѣе спрятала ее. Когда мать потомъ ушла, она—до курицы, открыла,—когда вылазитъ черепаха.—И теперь, когда черепаха выведетъ дѣтей, то—если прислушаться—она какъ будто квохчетъ [2]).

Наконецъ, по варіанту, записанному въ Каневскомъ уѣздѣ, въ черепаху обратилась сама заклятая матерью дочка. Къ одной „молодúці“,—разсказываетъ легенда,—пришла издалека въ гости ея родная мать. Сначала „молодúця“ угощала ее, чѣмъ Богъ послалъ; а потомъ видитъ, что мать долго не собирается домой, стала кормить ее все скуднѣе и скуднѣе,—она была очень скупа: все, бывало, говоритъ, будто нѣтъ ничего, будто во всемъ терпитъ недостатокъ, а сама ѣстъ себѣ, что́ полакомѣе, тайкомъ отъ матери. Вотъ однажды мать видитъ, что дочка сварила себѣ курицу и ѣстъ ее тайкомъ. Стала мать укорять ее, а дочка и говоритъ, что то она совсѣмъ не курицу, а черепаху, по причинѣ недостатковъ своихъ, сварила. Тогда мать закляла ее, чтобы она сама черепахою стала. Такъ она и осталась черепахою до сего дня.—И теперь черепаху зовутъ иногда „кýркою“ [3]).

По словамъ нѣкоторыхъ, черепахи очень мстительны и необыкновенно живучи. Поилъ однажды „чумáкъ“ воловъ, увидѣлъ черепаху, побилъ, потрощилъ ее на мясо и погналъ себѣ воловъ къ возамъ. Черепаха за нимъ. „Чумаки“ въ дорогу—и она за „чумакáми“. Цѣлыхъ три дня ползла: куда пойдетъ убившій ее „чумáкъ“, туда и черепаха за

---

[1]) М. Драгомановъ, „Малор. нар. пред. и разск.“, стр. 10.

[2]) М. Драгомановъ, „Малорусскія народныя преданія и разсказы“, стр. 10.

[3]) П. Чубинскій, „Труды Этнограф.-статист. Экспедиціи въ зап.-русскій край“, т. I, стр. 66.

http://rcin.org.pl

нимъ.— „Давай,—говорятъ остальные „чумаки“,—посмотримъ, что́ она будетъ дѣлать?“ Положили того „чумака“ на землю, накрыли „по́встью“. Черепаха вскарабкалась на него, вымочилась, да какъ крикнетъ!—и затѣмъ поползла себѣ прочь. Сняли „чумаки по́всть“ съ товарища, когда смотрятъ—а онъ лежитъ мертвый [1]).

Черепаху на Украйнѣ считаютъ очень полезною для коровъ, и потому часто держатъ черепахъ въ ушатѣ съ помоями, которые даютъ пить коровамъ [2]; дають также лизать черепаху коровѣ, при чемъ наблюдали, что послѣ того молоко становится несравненно гуще и вкуснѣе, и корова даетъ его гораздо больше.

Между прочимъ, черепахѣ на Украйнѣ приписываютъ сверхъестественное вѣдѣніе—знаніе всякихъ зелій, и потому въ Ушицкомъ уѣздѣ утверждаютъ, будто она произошла изъ самаго хитраго чорта. Воры при посредствѣ черепахи стараются раздобыть себѣ *разрывъ-траву*, передъ которой не можетъ устоять никакой замо́къ. Для этого нужно отыскать гнѣздо черепахи, въ которомъ она положила уже яйца, и выслѣдить время, когда она уйдетъ за кормомъ. Какъ только она скроется изъ виду, тотчасъ же огораживаютъ гнѣздо колышками или небольшимъ плетнемъ. Возвратившаяся черепаха, видя гнѣздо свое огороженнымъ, немедленно же отыскиваетъ и приноситъ во рту *разрывъ-траву*, отъ прикосновенія которой огорожа разлетается въ одинъ мигъ, какъ пухъ отъ вѣтру. Тогда стараются вырвать у черепахи изо рта эту траву, выжать изъ нея сокъ и хотя каплю его впустить за кожу своей ладони. Отъ одиого прикосновенія такой ладони къ какому угодно замку онъ тотчасъ же разлетается въ мельчайшіе кусочки [3]).—Совершенно такое же повѣрье въ

---

[1]) М. Драгомановъ. „Малорусскія народныя преданія и разсказы“, стр. 10.

[2]) П. Чубинскій, „Труды Этнограф.-статист. Экспедиціи въ зап.-русскій край“, т. I, стр. 66.

[3]) Тамъ же.

http://rcin.org.pl

Галиціи, а равно во многихъ мѣстахъ Великороссіи и Бѣлоруссіи [1]), у чеховъ и у нѣмцевъ [2]), существуетъ относительно дятла. Чтобы достать *разрывъ-траву*, нужно найти гнѣздо дятла и закрыть входъ въ него деревяннымъ колышкомъ. Дятелъ попробуетъ сначала силу своего клюва, чтобы проникнуть въ гнѣздо, а затѣмъ уже принесетъ *разрывъ-траву*. Когда онъ улетитъ за *разрывъ-травой*, нужно разостлать передъ деревомъ, гдѣ гнѣздо, красный платокъ. Дятелъ приметъ его за огонь и упуститъ разрывъ-траву [3]).—Всѣ подобные разсказы основываются на литературныхъ источникахъ, именно—на древнихъ „физіологахъ“ [4]), а также на апокрифическихъ сказаніяхъ о Соломонѣ [5]). Что же касается собственно только-что приведеннаго повѣрья о дятлѣ, то древность его засвидѣтельствована Плиніемъ, будто дятелъ можетъ проникнуть во всякое закрытое помѣщеніе, отворивши замки посредствомъ травы [6]).

---

[1]) Терещенко. „Бытъ русскаго народа“ V, стр. 92; Сахаровъ, „Сказанія русскаго народа“, т. I, стр. 43—44; „Этнографическій Сборникъ“, VI, стр. 127; „Пантеонъ“, 1854, VI, „Бѣлорусскія повѣрья“, стр. 63; Сборникъ Валявца, стр. 252—254; „Срп. рј'ечникъ“, стр. 638.

[2]) Гросманъ, стр. 88 (см. А. Аѳанасьевъ, „Поэтическія воззрѣнія славянъ на природу“, т. II, стр. 398).

[3]) Густавичъ, „Повѣрья о животныхъ“ (Zbiór wiadomości do antropologii krajowej, т. V, стр. 127).

[4]) Мочульскій, „Происхожденіе физіолога“, стр. 43.

[5]) См. докт. диссерт. проф. Веселовскаго: „Славянскія сказанія о Соломонѣ и Китоврасѣ и западныя легенды о Морольфѣ и Мерлинѣ“.

[6]) De Gubernatis, „Die Thiere“, p. 543; А. Аѳанасьевъ, „Поэтическія воззрѣнія славянъ на природу“, т. II, стр. 398.

http://rcin.org.pl

Украинскія легендарныя сказанія и преданія о насѣкомыхъ.

Міръ насѣкомыхъ, въ общемъ, нашелъ себѣ довольно блѣдное отраженіе въ украинскихъ народныхъ сказаніяхъ и преданіяхъ. Большинство ихъ, представляя собою скудные обломки общеарійскихъ космогоническихъ воззрѣній, въ то же время получили сравнительно позднѣйшую христіанско-апокрифическую окраску; нѣкоторыя же—очень, впрочемъ, немногія—относятся къ области такъ называемыхъ „побрехѣнекъ".

Среди всѣхъ насѣкомыхъ легендарныя сказанія особеннымъ ореоломъ окружаютъ пчелу, которой на Украйнѣ, какъ и въ Великороссіи, придается эпитетъ *святая*.

Пчела (*обыкновенная*—Apis mellifica) играетъ довольно видную роль въ космогоническихъ сказаніяхъ различныхъ народовъ. Въ монгольскихъ сказкахъ и въ краткомъ видѣ въ сказкахъ южныхъ славянъ, грековъ и румынъ (у послѣднихъ—какъ слабые отзвуки монгольскихъ космогоническихъ преданій) пчелѣ приписывается участіе даже въ самомъ мірозданіи. Украинскія космогоническія сказанія не сохранили ничего подобнаго о пчелѣ. Они отмѣчаютъ только слѣдующій фактъ, относящійся къ этой области. Пчела просила Бога, чтобы умиралъ всякій, кого только она ужалитъ —„Пусть же лучше сама ты будешь умирать", отвѣчалъ ей Богъ на эту просьбу

http://rcin.org.pl

бу... [1]) „ты, пчелка, будешь подобна свѣчѣ и канону“ [2]). Это темное преданіе довольно близко подходитъ къ преданію кавказскихъ татаръ, въ которомъ пчела соединяется съ змѣей. Змѣя и пчела обратились къ одному пророку съ вопросомъ, какая участь ожидаетъ ихъ? Пророкъ отвѣтилъ, что змѣя всегда будетъ страдать головною болью, но за это укушенный ею будетъ умирать, тогда какъ сама она останется живой; наоборотъ, пчела не будетъ страдать головною болью, но когда ужалитъ кого-нибудь, то сама умретъ [3]). Проф. Н. Ѳ. Сумцовъ [4]) въ этомъ сказаніи кавказскихъ татаръ склоненъ видѣть остатокъ древняго космогоническаго миѳа, сохранившагося въ цѣломъ рядѣ восточныхъ сказокъ и легендъ. Такова, напр., монгольская сказка, въ которой говорится, что царь-птица *Хан-гаруди* послала двухъ птицъ—ремеза и ласточку и съ ними пчелу на землю отвѣдать, чье мясо самое вкусное. Когда они возвращались, ихъ встрѣтилъ бурханъ и спросилъ, чье же мясо самое вкусное? Они отвѣчали, что человѣческое. Бурханъ, чтобы спасти человѣка, уговорилъ ихъ не сказывать этого царь-птицѣ Хан-гаруди. Ремезъ и ласточка согласились и, не понадѣявшись на пчелу, вырѣзали ей языкъ. Затѣмъ, прилетѣвши первыми къ Хан-гаруди, они сказали, что самое вкусное мясо у змѣи, какъ посовѣтовалъ имъ сказать бурханъ. Вскорѣ прилетѣла и пчела, но на вопросъ Хан-гаруди могла только издать непонятное *бунчанье* [5]).—Въ монгольскомъ варіантѣ роль пчелы играетъ *оса* (*обыкновенная*—Vespa vulgaris). По монгольскому повѣрью, оса произошла отъ чорта (шулмуса). Ханъ шулмусовъ послалъ осу (дзюгу) узнать, чье мясо самое вкус-

---

[1]) М. Драгомановъ, „Малорусскія народныя преданія и разсказы“, стр. 12.

[2]) „Харьковскій Сборникъ“, 1888 г., стр. 97.

[3]) „Сборникъ матеріаловъ для описанія Кавказа“, IX, стр. 108.

[4]) „Этнографическое Обозрѣніе“ 1893 г., XVII, стр. 178.

[5]) Потанинъ, „Очерки сѣверо-западной Монголіи“, II, стр. 159.

http://rcin.org.pl

ное. Она жалила разныхъ животныхъ и пробовала ихъ кровь; наконецъ, нашла, что самая вкусная кровь—человѣка, и съ этимъ донесеніемъ полетѣла къ хану шулмусовъ. Встрѣтила ее ласточка, разспросила и, чтобы спасти чѣловѣка отъ грозившей ему опасности, откусила языкъ у осы, такъ что оса ничего не могла сказать хану шулмусовъ и только шипѣла [1]).—Въ румынской космогонической сказкѣ о пчелѣ говорится, что пчела была посломъ Бога, при чемъ первоначально она была вся бѣлая. Однажды Богъ колебался, сколько создать солнцъ—одно или же нѣсколько, и послалъ пчелу къ сатанѣ спросить его мнѣніе. Пчела сѣла на голову сатаны и узнала, что́ сатана думалъ. А думалъ онъ, что при многихъ солнцахъ жаръ на землѣ будетъ сильнѣе адскаго жара, и ночи тогда совсѣмъ не можетъ быть. Пчела полетѣла къ Богу, а сатана, замѣтивъ, что она узнала его тайную мысль, ударилъ ее кнутомъ, отчего и получился тонкій разрѣзъ на туловищѣ пчелы, и вмѣсто чистаго бѣлаго цвѣта она пріобрѣла желтоватый и мѣстами черный цвѣтъ [2]).—Слишкомъ рѣзко выраженный въ этой сказкѣ дуализмъ невольно наводитъ на мысль о возможности въ данномъ случаѣ несторіанскаго литературнаго вліянія, которое въ свое время было довольно сильнымъ въ средней Азіи [3]).

П. Кулишъ приводитъ еще слѣдующій, какъ онъ говоритъ въ подстрочномъ примѣчаніи, „безобразный обломокъ какого-то сказанія, замѣняющаго для народа естественную исторію животныхъ“. Соколъ побратался съ пчелою и однажды говоритъ ей: „Поднимемся вверхъ. Ты далеко слышишь,

[1]) Тамъ же, IV. стр. 183; см. сартскую, черкесскую и вотяцкую легенды, приведенныя нами выше въ очеркѣ: „Украинскія легендарныя сказанія и преданія о дикихъ птицахъ“, въ отдѣлѣ о *ласточкѣ*.

[2]) Schott, „Walachische Märchen“, p 283 („Этнографич. Обозрѣніе“ 1893 г., XVII, стр. 180.

[3]) См. „Этнографическое Обозрѣніе“ 1890 г., VI, ст. проф. Н. Ѳ. Сумцова: „Отголоски христіанскихъ преданій въ монгольскихъ сказкахъ“ (стр. 1—20).

http://rcin.org.pl

а я далеко вижу: я за семь миль вижу, а ты за семь миль слышишь". Взялъ соколъ человѣческій волосокъ, за который ухватилась пчела, и поднялись они вверхъ. И сказалъ соколъ: „Лети, пчела, за мной". Поднимается все выше и выше соколъ, поднимается за нимъ и пчела.—„Ну,—говоритъ соколъ,—гляди, пчела, внизъ, велика ли земля?"—„Такая, какъ дѣжа, въ которой бабы хлѣбъ мѣсятъ". Поднимаются они послѣ того еще выше и выше. Снова говоритъ соколъ: „А глянь, — говоритъ, — теперь, пчела, велика ли земля?" —„Уже,—отвѣчаетъ пчела,—такая, какъ когда баба выберетъ изъ дѣжи тѣсто и посадитъ маленькій *засáдничокъ*" (хлѣбецъ изъ остатковъ тѣста, приставшаго къ стѣнкамъ дѣжи).—„Ну, пускайся-жъ теперь внизъ, пчела, да пускай впереди себя и самый волосокъ..... Что́ слышишь ?"—„Слышу, какъ будто ревутъ".—„А я,—говоритъ соколъ,—ничего не слышу. Ну, лети же,—говоритъ,—теперь да припади къ землѣ и послушай, какъ ударится тотъ волосокъ... А что, пчела, слышала?"—„Слышу: *ажъ гýпнула* и подскочила потомъ вверхъ на 12 сажень".—„Оставайся-жъ ты, пчела, въ томъ краю и доставай себѣ пропитаніе за 7 миль кругомъ; а я полечу въ такіе края, гдѣ тебя совсѣмъ не будетъ. Тамъ я за 7 миль буду птицу убивать и дѣтей своихъ кормить"... [1]).

Священное значеніе пчелы, съ одной стороны, основывается на преданіи, что она первоначально жила въ раю; съ другой—на легендѣ, въ которой говорится о томъ, что будто бы, благодаря пчелѣ, цыганъ не вбилъ *пятаго* гвоздя—въ грудь Спасителя, когда прибивалъ Его ко кресту, по приказанію „жидовъ" [2]); наконецъ, на употребленіи восковыхъ свѣчей при богослуженіи. Пчела просила у Бога позволенія брать для себя пропитаніе изъ цвѣтковъ. Богъ отдалъ въ ея распоряженіе всѣ цвѣты „отъ моря до востока: „Летай,—

[1]) П. Кулишъ, „Записки о Южной Руси", т. II, стр. 32—33.

[2]) См. эту легенду въ очеркѣ: „Украинскія легенды о происхожденіи различныхъ народовъ", въ отдѣлѣ о *цыганахъ*.

http://rcin.org.pl

сказалъ Господь,—по свѣту и изъ всѣхъ рѣкъ, изъ всѣхъ береговъ собирай *хвіру* Богу; и людямъ приноси, и для себя припасай" [1]).—Священное значеніе усвояется ичеламъ и весьма многими другими народами. У нѣмцевъ пчела носитъ названіе *божьей птицы*—Herrgottsvögel, Marienvögel [2]). По легендамъ чеховъ, пчелы прилетали къ распятому Христу и пили выступившій на Его лицѣ потъ [3]). По одной южнославянской легендѣ, Спаситель во время странствованія по землѣ былъ раненъ одной скупой женщиной. Изъ Его раны вышло нѣчто въ родѣ мухи.—„Посмотри, Петръ,—сказалъ Спаситель:—это маленькое существо—пчела. Она всегда будетъ приготовлять воскъ, безъ котораго не обойдется ни одно церковное богослуженіе".—Подобная же легенда существуетъ и среди кальтическаго населенія Валлиса [4]). Осетины дигорцы почитаютъ пчелъ и молятся ихъ покровителю Аниголу [5]).

Пчеловодство и въ настоящее время составляетъ на Украйнѣ любимую и „благословенную" отрасль сельскаго хозяйства. По народному вѣрованію, когда на Крещеніе устраиваютъ „Іордань" на рѣкѣ, то вбиваютъ „въ голову" креста колъ для того, чтобы пчелы носили медъ въ ульи до самой головы; кто потомъ, по окончаніи освященія воды, вытянетъ этотъ колъ своими руками, у того будутъ водиться пчелы. Такую же силу имѣютъ и палочки, на которыя священникъ кладетъ крестъ во время освященія воды, вслѣдствіе чего происходитъ обыкновенно большая сутолока изъ-за

---

[1]) П. Кулишъ, „Записки о Южной Руси", т. II, стр. 33.

[2]) А. Аѳанасьевъ, „Поэтическія воззрѣнія славянъ на природу", т. III, стр. 785.

[3]) „Этнографическое Обозрѣніе" 1893 г., XIII, стр. 181.

[4]) Тамъ же, стр. 181—182.

[5]) В. Ивановъ, „Жизнь и творч. крестьянъ Харьковск. губ.", т. I, стр. 463, 469.

http://rcin.org.pl

того, что много бываетъ желающихъ овладѣть этими палочками [1]).

Изъ всѣхъ другихъ насѣкомыхъ на Украйнѣ относятся съ уваженіемъ еще къ *божьей коровкѣ*, или *солнышку* (Coccinella). Это—маленькій жучокъ. У него полукруглыя красныя или желто-красныя крылышки съ бѣлыми или черными пятнышками (*двѣнадцатиточечная божья коровка*—Micraspis duodecimpunctata; *семиточечная*—Coccinella septempunctata; *рябая*—Coccinella impustulata; *двухточечная*—собственно украинское „со́нечко"—Chilocorus bipustulatus; *разновидная*, или *измѣнчивая*—Coccinella dispar). Крылья эти *божья коровка* плотно складываетъ на спинкѣ, и тогда кругленькій блестящій красный или желто-красный видъ ея дѣйствительно нѣсколько напоминаетъ собою видъ солнца. Задушить *божью коровку* считается грѣхомъ по слѣдующей причинѣ. Въ старыя, отдаленныя времена жили, говорятъ, великаны, называвшіеся „королями". Затѣмъ Господь создалъ небольшого человѣка, обыкновеннаго, такого, какъ мы. Выѣхалъ этотъ небольшой человѣкъ съ „погóничами" въ поле и началъ нахать на четырехъ парахъ воловъ. Пришелъ большой человѣкъ, „король", забралъ людей и воловъ въ карманъ, пошелъ къ Богу и спрашиваетъ: „Что это, Господи, за *коровки* такія?"—„Не тройгай ихъ,—отвѣчалъ Господь:—это люди такіе будутъ, а вамъ сейчасъ смерть настанетъ" [2]). Въ частности, что касается собственно *со́нечка*, то повѣрья о немъ отличаются религіозно-миѳическимъ характеромъ, имѣютъ самую тѣсную связь съ солнцемъ, обусловленную, вѣроятно, наружнымъ видомъ и образомъ жизни этого насѣкомаго, и отчасти—съ „вúріемъ", страной свѣта и тепла—очень можетъ быть, потому, что божья коровка во множествѣ по-

[1]) См. о нихъ въ очеркѣ: „Украинскія легенды о сверхъестественныхъ существахъ".

[2]) В. Ивановъ, „Жизнь и творчество крестьянъ Харьк. губ"., т. I, стр. 310–311.

http://rcin.org.pl

является еще раннею весной и любитъ ползать на освѣщенныхъ солнцемъ мѣстахъ. Дѣти берутъ обыкновенно въ руки *со́нечко*, кладутъ его на ладонь и говорятъ: „Со́нечко, со́нечко! одсу́нь вико́нечко та скажи́ мiнi, куди́ замiжъ iти́?“ (или: „де я буду женитьця?“) Куда, расправивши крылья, улетитъ „со́нечко“, въ той сторонѣ живетъ суженый спрашивающей или суженая спрашивающаго [1]). Въ Сербіи у этого насѣкомаго дѣвушки спрашиваютъ о своемъ замужествѣ [2]). Въ Львовѣ и Перемышлѣ дѣти, подбрасывая „сонечко“, спрашиваютъ: „чи до неба, чи до пекла?“—и если насѣкомое распуститъ крылышки и полетитъ, значитъ—спрашивающій пойдетъ на небо; если же оно упадетъ, то спрашивающій попадетъ въ адъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Галиціи у „сонечка“ спрашиваютъ о томъ, какая будетъ на слѣдующій день погода и т. п. [3]) У чеховъ считается хорошей примѣтой найти „солнышко“ [4]); если же кто раздавитъ его погой, хотя бы то и нечаянно, то, по повѣрью галичанъ, въ семьѣ этого человѣка умретъ кто-нибудь изъ его родныхъ [5]).

Покровительствомъ пользуются также „комашки“—*муравьи*, которые считаются безвредными, вслѣдствіе чего ихъ грѣхъ убивать. Различаются муравьи *красные* (*красный*—Formica sanguinea; *рыжій*—Formica rufa) и *черные* (*черный*—Lasius filiginosus; *бурый*—Lasius niger). Первые называются „дівча́чими“ и кусаютъ, будто бы, только „дівча́тъ“; а вторые называются „хлопья́чими“ и кусаютъ, будто-бы, только „хло́пцівъ“. Если разорить муравейникъ, то будетъ

---

[1]) Тамъ же, стр. 311.

[2]) Потебня, „О миѳическомъ значеніи нѣкоторыхъ обрядовъ“. стр. 224.

[3]) Густавичъ, „Повѣрья о животныхъ“ (Zbiór wiadomości do antropologii krajowej“. т. V, стр. 107).

[4]) Потебня, „О миѳическомъ значеніи нѣкоторыхъ обрядовъ“ стр. 224.

[5]) Густавичъ, „Повѣрья о животныхъ“ („Zbiór wiadomości do antropologii krajowej“. т. V, стр. 107).

http://rcin.org.pl

сильный вѣтеръ. На томъ мѣстѣ, гдѣ былъ муравейникъ, нельзя строить дома: „хвороба і смертность буде“; скотные же сараи можно строить: „прибитокъ скотини буде“. Когда увидишь въ первый разъ весною муравьевъ, хорошо набрать ихъ въ горсть и потереть себя по лицу: не будешь съ волами попадаться въ потравѣ. Дѣти, увидѣвши муравейникъ, втыкаютъ въ него палочки, смоченныя слюной, приговаривая: „Комашка, комашка! На тобі медку, а мінї дай сирівчику“ (квасу). Вынутая изъ муравейника палочка обыкновенно бываетъ покрыта муравьиной кислотой, которую дѣти и облизываютъ языкомъ [1]). Если муравьи устраиваютъ большіе муравейники, то зимою нужно ожидать большихъ морозовъ [2]).—Нѣкоторые крестьяне варятъ муравьевъ въ кипяткѣ и этимъ отваромъ парятся отъ ломоты, а также парятъ воламъ больныя шеи [3]).

Всѣ остальныя насѣкомыя являются болѣе или менѣе „нечистыми“ и часто, притомъ, вредоносными, за исключеніемъ, правда, безобиднаго въ общемъ *сверчка* (*полевой*—Gryllus campestris; *домовый*—Gryllus domesticus), который на дворѣ „цвіріньчить“ на непогоду, а въ хатѣ—на богатство.

Если поздно вечеромъ подъ воскресенье и праздничные дни прибирать въ хатахъ, то, *въ наказаніе*, въ нихъ заводится всякая „пóгань“: тараканы, стоножки, „рогáтки“, мокрицы и проч. *Тараканы* (*прусакъ*—Blatta germanica; *черный*—Periplaneta orientalis), въ частности, заводятся также еще и оттого, что подметаютъ вѣникомъ „прúпечокъ“. Если заведутся въ домѣ тараканы, то нужно ожидать не-

[1]) В. Ивановъ, „Жизнь и творчество крестьянъ Харьк. губ.“, т. I, стр. 340.

[2]). П. Чубинскій, „Труды Этногр.-статист. Экспедиціи въ зап.-русскій край“, т. I, стр. 68.

[3]) В. Ивановъ, „Жизнь и творч. крест. Харьк. губ.“, т. I, стр. 310.

http://rcin.org.pl

счастья. Въ одной хатѣ, гдѣ жила довольно большая семья, развелось какъ-то много таракановъ. Разъ невѣстка вечеромъ принесла два ведра воды и поставила ихъ на „відничку“ (полочка въ углу сѣней). Ночью слышали, что на чердакѣ что-то стучало. Утромъ невѣстка встала и пошла брать воду,—но оба ведра оказались пустыми, кругомъ было сухо, и никто изъ семьи воды не бралъ. Сосѣди объяснили, что это—передъ „причиною“ (несчастьемъ). И дѣйствительно, черезъ недѣлю послѣ этого загадочнаго случая утонула въ копанкѣ свекровь названной невѣстки; мужа ея, который пошелъ было „на Донщину“, задавила мельница; а вскорѣ послѣ того перевелась исподоволь и вся семья.—Чтобы уничтожить таракановъ, нужно найти старый лапоть или „черевикъ“, привязать къ нему двѣ нитки, посадить туда нѣсколько таракановъ и, взявшись вдвоемъ за нитки, вытянуть лапоть или „черевикъ“ на перекрестную дорогу и тамъ бросить. При этомъ кто-нибудь долженъ сопровождать таракановъ и шутя тужить за ними. Дѣлаютъ еще и такъ: привязываютъ таракана ниткой, за которую потомъ берется вся семья и самымъ серьезнымъ образомъ, безъ смѣха и шутокъ, тянутъ его какъ будто съ большимъ трудомъ, надуваясь изо всѣхъ силъ, изъ хаты на перекрестокъ, гдѣ и бросаютъ. Говорятъ, что какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ тараканы *скочуютъ* изъ хаты.—Въ народной медицинѣ черные тараканы употребляются въ случаяхъ зараженія бѣшенствомъ (принимаютъ ихъ внутрь) [1]).

Вши (*головная*—Pediculus capitis; *платяная*—Pediculus vestimenti) заводятся изъ тѣла человѣка „одъ журьби“, отъ заботы, отъ плохой воды [2]), а также у всѣхъ тѣхъ, кто

---

[1]) В. Ивановъ, „Жизнь и творч. крестьянъ Харьк. губ.“, т. I, стр. 311—312.

[2]) В. Ивановъ, „Жизнь и творчество крестьянъ Харьковск. губ.“, т. I, стр. 312.

http://rcin.org.pl

пьетъ сокъ *граба* (Carpinus Betulus L.). Въ Проскуровскомъ уѣздѣ считаютъ признакомъ большого несчастья, если у кого совсѣмъ нѣтъ вшей [1]). Бить ихъ на *столѣ* и на *окнѣ* грѣхъ, потому что столъ—престолъ, а въ окно ангелы летаютъ. Чтобы не заводились и не кусались вши, нужно золить сорочку натощакъ (Старобѣльск. у.) [2]).

Относительно первоначальнаго происхожденія *блохъ обыкновенныхъ*—Tulex irritans) въ Харьковскомъ уѣздѣ записана слѣдующая „побрехе́нька“. Жила себѣ очень дряхлая старуха, такая дряхлая, что уже ничего почти не могла работать, а все больше сидѣла. А извѣстно, что сидѣть безъ всякаго дѣла—„такъ ну́дно!“ Вотъ она однажды и молится: „Го́споди! Хочъ бы Ти мінї хочъ манѣшеньку (маленькую) яку втіху пошлавъ!“ Богъ и вбросилъ ей въ пазуху клубокъ блохъ. Какъ начали онѣ ее кусать да прыгать! А старуха знай свое все говоритъ: „Го́споди! яке́ втішне (потѣшное)! І куша, і штриба́ (прыгаетъ), і плига́!“ (синонимъ слова „стриба́“). Съ тѣхъ поръ и повелись блохи на свѣтѣ [3]). — Въ Старобѣлькомъ уѣздѣ говорятъ, будто блохи плодятся оттого, что разливаютъ воду по хатѣ, когда умываются на Рождество и на Пасху [4]). Существуетъ, между прочимъ, повѣрье, что въ то лѣто, въ которое бываетъ много блохъ, предстоитъ большой урожай гречихи.—Не нужно бить блохъ на Рождество, въ противномъ случаѣ онѣ будутъ очень кусать лѣтомъ [5]).

---

[1]) Чубинскій, „Труды Этнограф.-статист. Экспедиціи въ зап.-русскій край“, т. I, стр. 68.

[2]) В. Ивановъ, „Жизнь и творчест. крестьянъ Харьков. губ.“, т. I, стр. 312.

[3]) Б. Гринченко, „Этнографическіе матеріалы“, вып. II, стр. 9—10.

[4]) В. Ивановъ, „Жизнь и творчест. крестьянъ Харьков. губ.“, т. I, стр. 312.

[5]) П. Чубинскій, „Труды Этногр.-стат. Эксп. въ зап.-русск. край“, т. I, стр. 68.

http://rcin.org.pl

Саранча (перелетная—Pachytylus migratorius; *южно-африканская*—Gryllus devastator) считается Божіимъ наказаніемъ, при чемъ на крыльяхъ у нея есть надпись, всякій разъ новая, о томъ, за какія именно прегрѣшенія людскія въ этотъ разъ послана Господомъ саранча [1]). Какъ наказаніе Божіе, саранча никакими средствами не можетъ быть истреблена; напротивъ, чѣмъ больше убивать ее и гнать, тѣмъ больше причинитъ она вреда. Избавиться же отъ саранчи можно только молитвою (Старобѣльск. у.) [2]).

О *комарахъ* (*обыкновенный*—Culex pipiens) въ Сумскомъ уѣздѣ записанъ слѣдующій космогоническій разсказъ. Досадно стало комарамъ, что какъ только укуситъ комаръ человѣка, такъ тотъ сейчасъ же возьметъ и разотретъ его,—и комара какъ не бывало на свѣтѣ. Вотъ они однажды пошли къ Богу да и говорятъ: „За что Ты, Господи, обидѣлъ насъ? какъ только комаръ укуситъ человѣка, человѣкъ сейчасъ же раздавитъ его,—и комара какъ не бывало на свѣтѣ! Сдѣлай, Господи, такъ, чтобы человѣкъ не могъ растереть нашихъ костей, а чтобы онѣ валялись по свѣту, и чумаки отбивали бы объ нихъ оси!“—„А кто вы такіе?—спрашиваетъ Богъ.—„Мы—пѣвчіе св. Петра“.—„Ну, такъ приходите на Рождество и пропоете Мнѣ“.—„Э, Господи! когда прійдетъ *Спасъ* (праздникъ Преображенія Господня, 6-го августа), половины не станетъ насъ!“—„Такъ пусть же все и останется попрежнему“, сказалъ на это Господь [3]).

Съ мая на Украйнѣ появляются большія мухи—*слѣпни* (различные виды рода Tabanus: Tabanus bovinus, Tabanus

[1]) П. Чубинскій, „Труды Этнограф.-статист. Экспедиціи въ зап.-русскій край“, т. I, стр. 67.

[2]) В. Ивановъ „Жизнь и творчество крестьянъ Харьк. губ.“. т. I, стр. 312.

[3]) Б. Гринченко, „Этнографическіе матеріалы“, вып. I, стр. 3; ср. у И. Манжуры, „Сказки, пословицы“... и т. д.: „Комаръ“.—Восточныя легенды о комарѣ см. въ очеркѣ: „Украинскія легендарныя сказанія и преданія о дикихъ птицахъ“, въ отдѣлѣ о *ласточкѣ*.

http://rcin.org.pl

rusticus, Tabanus sostitialis и др.), которыхъ народъ называетъ вообще *оводами*, *дро́комъ*. *Дрокъ* является положительно бичомъ рогатаго скота. Наибольшее количество *дрока* бываетъ обыкновенно во время Петрова поста, и тогда преслѣдуемый имъ рогатый скотъ съ страшнымъ ревомъ скачетъ по полямъ, огородамъ и т. п., и нѣтъ рѣшительно никакой возможности хотя какъ-нибудь сладить съ нимъ, когда онъ „дро́читься“. Между тѣмъ,—говоритъ легенда,—раньше ничего подобнаго небыло, никто не зналъ никакой „дроковйи“. Но вотъ однажды Господь захотѣлъ Самъ лично посмотрѣть, какъ люди кормятъ нищихъ. Одѣлся нищимъ и пошелъ (дѣло было въ лѣтнее время, въ Петровъ постъ) скитаться и наблюдать промежъ людей. Смотритъ—въ полѣ пастухи скотъ стерегутъ и какъ разъ ѣдятъ хлѣбъ. Богъ и попросилъ у нихъ хлѣба; но пастухи не дали Ему.—„Ну,—сказалъ тогда Господь,—если такъ, такъ пусть же вашъ скотъ мучится отъ дроку!“ Съ того времени и нападаетъ объ эту самую пору *дрокъ* на рогатый скотъ (Нѣжинск. у.) [1]).

Легенда, записанная въ Купянскомъ уѣздѣ, связываетъ происхожденіе „дроковйці“ съ ап. Петромъ—очевидно, потому, что время появленія наибольшаго количества „дро́ка“ совпадаетъ съ Петровымъ постомъ. Когда-то,—говоритъ легенда,—было такъ, что овцы „дрочйлись“, а рогатый скотъ спокойно стоялъ себѣ въ кучкѣ такъ, какъ теперь спокойно стоятъ въ кучкѣ овцы „въ дроковйцю“. Но вотъ однажды св. Петръ шелъ по полю, и страшно захотѣлось ему пить—совсѣмъ въ горлѣ пересохло. Подошелъ онъ къ „чередникў“, который пасъ рогатый скотъ. „Чередйкъ“ лѣниво носитъ за собою скамеечку, усядется на ней и сидитъ себѣ: скотъ не бѣгаетъ, стоитъ на одномъ мѣстѣ, какъ вкопанный. Дѣло было какъ-разъ въ Петровку. Подошелъ это св. Петръ и го-

[1]) „Этнографическое Обозрѣніе“ 1892 г., т. XV, стр 191.

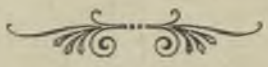
http://rcin.org.pl

воритъ: „Дай мнѣ, *чоловіче бо́брый*, воды напиться!“. А „чередникъ“ въ это время сидѣлъ на скамеечкѣ и чинилъ „свиту“.—„Много,—говоритъ,—васъ такихъ шляется тутъ, которые просятъ воды напиться,—гдѣ же мнѣ наноситься ея для всякаго проходимца! Ступай себѣ прочь!.. Впрочемъ, коли ужъ хочешь напиться, такъ видишь, гдѣ вода?“—и при этомъ, не трогаясь со скамеечки, показалъ ногою на кувшинъ съ водою, который стоялъ тутъ же подлѣ него. Тогда св. Петръ пошелъ къ „вівчарю“, который неподалеку пасъ овецъ. Бѣдный „вівча́рь“ только и знаетъ, что все бѣгаетъ за овцами да перенимаетъ ихъ,—нѣтъ ему ни одной минуты покою. Подошелъ къ нему св. Петръ да и говоритъ: „Дай мнѣ, пожалуйста, воды напиться, а то совсѣмъ умираю отъ жажды!“—„У меня-то и была вода,—отвѣчаетъ *вівча́рь*,—да недавно я всю выпилъ“.—„Такъ пойди принеси“.—„Я бы пошелъ и принесъ бы, но вотъ вѣдь горе-то какое: если только я уйду, тогда всѣ овцы разбѣгутся, такъ что я потомъ ни одной не найду“.—„Иди,—сказалъ св. Петръ,—овцы не разбѣгутся, а будутъ спокойно стоять, пока ты вернешься“. „Вівча́рь“ скорёхонько побѣжалъ и принесъ воды. Св. Петръ напился, поблагодарилъ его и сказалъ: „Съ этого времени овцы никогда уже больше не будутъ *дрочи́ться*, а будутъ стоять и пастись спокойно, на одномъ мѣстѣ; рогатый же скотъ будетъ сильно *дрочи́ться*, такъ что его и не переймете никто“. Только-что онъ сказалъ это, какъ тотчасъ же и началъ бѣгать во всѣ стороны скотъ „чередника“, который не далъ св. Петру воды напиться. „Чередникъ“ бросилъ и свою скамеечку и все бѣгаетъ за скотомъ, не зная ни минуты покою; овцы же стояли на мѣстѣ, спокойно себѣ паслись и больше уже не „дрочи́лись“. Съ тѣхъ поръ рогатый скотъ „дро́читься“, а овцы—никогда. И теперь, когда „дро́читься“ рогатый скотъ, такъ всѣ пастухи проклинаютъ того „чередника“ который не далъ воды св. Петру и тѣмъ разсердилъ его. А если бы онъ не разсердилъ св. Петра, такъ рогатый скотъ никогда бы не „дрочился“; а то вотъ

INSTYTUT
http://rcin.org.pl
BIBLIOTEKA

черезъ одного да и всѣмъ горе, что рогатый скотъ „дрóчитьця“ [1]).

Конецъ перваго выпуска.



[1]) „Этнографическое Обозрѣніе“ 1891 г., IX, стр. 115—116; ср. у И. Манжуры, „Сказки, пословицы...“ и т. д.: „Чого вівці душатьця, а скотъ дрочитьця“.

http://rcin.org.pl

http://rcin.org.pl

http://rcin.org.pl

http://rcin.org.pl

http://rcin.org.pl

F
19.158

http://rcin.org.pl